Е. Поселянинъ.

ИДЕАЛЫ
ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб., Стремянная, 12, собств. д.

Пров. 1959

12,01

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
367
31

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляли ли вы себѣ когда-нибудь такую картину:

Христосъ, вознесшійся съ земли на небо послѣ совершенія Своего спасительнаго подвига, вновь сходитъ на землю.

Онъ сходитъ еще не въ той славѣ Божества, въ которой Онъ явится людямъ въ часъ второго и послѣдняго Своего пришествія на землю; Онъ сходитъ и не въ томъ уничиженіи, въ какомъ приняла Его земля, предложивши Ему пещеру, ясли и потомъ крестъ. Онъ сходитъ такимъ, какимъ больше всего видѣли Его апостолы. Въ красномъ хитонѣ и синемъ плащѣ, съ непокрытой головой, со всевидящимъ взоромъ, съ устами, готовыми открыться, чтобы излить на людей слова благодати.

И вотъ, сойдя къ намъ, къ нашему быту и къ нашей жизни, Христосъ ходитъ, видитъ и слушаетъ...

И, спросимъ тутъ себя: та жизнь, которая Его будетъ окружать, тѣ рѣчи, которыя Онъ будетъ слышать, тѣ стремленія, которыя узритъ въ сердцахъ людей это всевидящее око, прозрѣвающее всѣ тайны—будетъ ли все это согласно съ Его завѣтами, будетъ ли все это согласно сливаться въ то одно общее явленіе, которое бы могло называться Царствіемъ Божіимъ?.. Развѣ не придется сказать, что это Царствіе Божіе отъ насъ не то, что даже далеко, а еле мыслимо, хотя и открыто для насъ еще здѣсь на землѣ Христовой рукой!

Тутъ Христосъ бы увидалъ жизнь языческую, еле тронутую легкимъ наслоеніемъ христіанства. Онъ увидалъ бы людей, погрузившихся въ одно земное и забывшихъ даже о томъ, какъ «горняя мудрствовати». Если бы Христосъ сталъ искать въ людскихъ сердцахъ то, что Ему такъ дорого — отраженія въ нихъ Своего образа, то какою-бы печалью подернулись Божественныя очи, ибо въ комъ изъ насъ отразился образъ Христовъ!

И грустенъ былъ бы ходъ Христа между людьми при видѣ всѣхъ людскихъ безумныхъ страшныхъ поисковъ временнаго

счастья, за которымъ люди забываютъ то, что одно только важно, значительно и цѣнно: заботу о душѣ, исканіе Царствія Божія.

Христосъ искалъ бы по міру волнъ любви и благоволенія, идущихъ отъ души къ душѣ человѣка, отъ народа къ народу, отъ страны къ странѣ. И увидѣлъ бы Онъ взоры ненависти, разженіе лютой вражды. Вмѣсто отголосковъ ангельскихъ гимновъ, Христосъ услыхалъ бы буйные крики нечистой пѣсни, соблазнительные призывы. Вмѣсто братства и равенства Онъ увидѣлъ бы страшную разницу въ бытѣ — безумную роскошь однихъ, невѣроятную нищету другихъ, отъ которыхъ отвертываются торжествующіе богачи. И при всемъ томъ сколько бы Онъ увидѣлъ людей и достаточно зоркихъ, задыхающихся отъ несчастья, людей, не находящихъ радости въ самомъ напряженномъ бѣшенствѣ страстей.

И Христосъ стоялъ бы такъ среди насъ, и слезы текли бы изъ Божественныхъ глазъ, какъ нѣкогда текли по ланитамъ изъ-подъ тернія капли крови Его, которая должна была насъ возродить, и которую мы невольно отвергаемъ.

Онъ стоялъ бы и плакалъ, а жизнь кипѣла бы вокругъ равнодушная къ ея Подателю, жизнь, идущая внѣ Его законовъ и Ему непокорная.

И пусть встаетъ предъ нами часто и часто этотъ образъ Христа-Бога, Который вопрошаетъ насъ о томъ, какъ мы живемъ и скорбитъ о томъ, что мы живемъ далекіе отъ Его завѣтовъ.

И неужели мы не сжалимся горячей жалостью надъ слезами Искупителя, Который видитъ, что люди страдаютъ вдали отъ Него и не идутъ къ Единственному источнику утѣшенія и счастья.

Если бы только поднять къ Нему взоръ, полный мольбы, если бы только безмолвно сказать Ему, чтобы Онъ взялъ насъ, заблудившихся овецъ, на пастырскія руки и отогрѣлъ бы насъ, замерзшихъ въ холодѣ жизни, у теплой пастырской груди; если бы только сознать, что безъ него нѣтъ ни жизни, ни истины, ни красоты, ни счастья; если бы только съ рѣшимостью себѣ сказать: пойду къ Нему стоять при Немъ, и въ Немъ поищу радости, и жизни, и смысла своему существованію!..

Такъ вотъ: уставши ли отъ жизни на склонѣ безплоднаго существованія, въ пору ли юности, съ ея грезами, такъ жестоко

разбиваемыми потомъ дѣйствительностью, въ зрѣлые ли годы, когда можно надѣяться сдѣлать то добро, какого не успѣли сдѣлать раньше: всею душою обратимся ко Христу, чтобы найти у Него, отъ Него счастье и вдумаемся въ тотъ строй міра чувствъ и дѣлъ, какія бы можно назвать идеалами христіанской жизни.

Идеалы христіанской жизни — это идеалы христіанскаго счастья.

Кто живетъ по Христу: тотъ уже овладѣлъ тѣмъ возвышеннымъ, полнымъ счастьемъ, которое принесъ съ Собою на землю Христосъ.

Это счастье тѣмъ исключительно, что оно совершенно не зависитъ отъ тѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ складывается счастье мірское.

Тотъ, кто по мірски несчастенъ и ничтоженъ, можетъ внутри себя носить величайшее духовное счастье. И человѣкъ, переобремененный житейскими благами, можетъ страдать неизлѣчимою и неудовлетворимою духовною жаждою, и бываетъ, что, чѣмъ жизнь человѣка со внѣ складывается лучше, тѣмъ сильнѣе онъ тоскуетъ какою-то необъяснимою тоскою *).

Это признакъ природы богатой и сильной. Признакъ души, способной на всеобъемлющую привязанность, на безграничное восхищеніе, но не отыскавшей предмета такой привязанности и такого восхищенія. И вотъ—эти, именно, природы особенно склонны по складу своему къ христіанству, особенно способны къ глубокимъ религіознымъ переживаніямъ.

И часто-часто что-то необъяснимое удерживаетъ ихъ отъ религіи. Она кажется имъ сплетеніемъ предразсудковъ. И всю жизнь свою они, неудовлетворенные и страдающіе, бродятъ о бокъ со своимъ счастьемъ, не видя, не слыша и не понимая того, что бы ихъ могло спасти.

Какъ все въ жизни—религію надо понять, чтобы оцѣнить. И надо вжиться въ нее, послѣдовать ея совѣтамъ, провести ее въ свою жизнь и ощутить ее на себѣ, чтобъ ее понять.

А все это надо сдѣлать потому, что мы всѣ жаждемъ сча-

---

*) Это ужасное душевное состояніе особенно часто встрѣчается у богатыхъ англичанъ. Англичане люди очень часто глубокіе по природѣ и если ихъ жизнь не посвящена одной всеохватывающей идеѣ, она кажется имъ неполною. То же и у многихъ русскихъ.

стья. И религія—и только она одна—даетъ вѣрное, не гибнущее, отъ всѣхъ случайностей застрахованное счастье.

Да, мы жаждемъ счастья. И, быть можетъ, однимъ изъ самыхъ правильныхъ отвѣтовъ на вопросъ:

— Что такое человѣкъ?

былъ бы отвѣтъ:

— Разумное существо, жаждущее счастья.

Эта жажда счастья заложена въ душѣ нашей, какъ наше законное и первобытное право. Первый человѣкъ былъ созданъ для блаженства, и душа его такъ настроилась, чтобы постоянно это блаженство воспринимать. И, это свое настроеніе первый человѣкъ передалъ намъ, какъ основное чувство, въ своемъ духовномъ наслѣдствѣ.

И ошибка не въ томъ, что мы на землѣ этого счастья ищемъ. А ошибка въ томъ, что ищемъ его не тамъ, гдѣ надо.

Въ этой книгѣ, носящей заглавіе «Идеалы христіанской жизни» будутъ показаны тѣ тихія картины ничѣмъ не разрушимаго христіанскаго счастья, которое нисходитъ на человѣка, внявшаго завѣтамъ Христа и воплотившаго ихъ въ своей жизни.

Е. Поселянинъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ВѢРА И ПУТИ КЪ ВѢРѢ.

ГЛАВА I.

Душа—христіанка.

Въ области всѣхъ высшихъ движеній человѣческаго духа мы встрѣчаемся съ однимъ яркимъ явленіемъ—прирожденною способностью извѣстныхъ людей къ какой-нибудь особой дѣятельности духа.

Что, повидимому, сложнѣе, отвлеченнѣе, недоступнѣе для ребенка, какъ міръ звуковъ, гармоніи—музыка.

Между тѣмъ — встрѣчаются постоянно дѣти, которыя въ еще безсознательные годы какъ-то невольно тянутся къ звукамъ, точно отыскиваютъ въ мірѣ таящуюся въ немъ гармонію.

Развѣ слышна она въ мірѣ? Развѣ природа сама по себѣ даетъ слышать людямъ тѣ изумительныя сочетанія звуковъ, какіе великіе музыканты улавливаютъ откуда-то внутреннимъ таинственнымъ слухомъ своимъ, и облекаютъ въ ту красоту, которая потомъ вѣками трогаетъ, утѣшаетъ, восхищаетъ людей?

Кто научилъ, кто объяснилъ въ заброшенной глуши, хотя и богатой помѣщичьей усадьбѣ какому-нибудь неповоротливому ребенку, Глинкѣ, будущему создателю русской національной музыки, что есть извѣстныя сочетанія звуковъ, которыя погружаютъ душу въ какое-то счастливое созерцаніе, даютъ ей то приливъ бодрости, веселья, то навѣваютъ сладкую грусть, то даютъ радостное предчувствіе, то вызываютъ картины далекаго и милаго прошлаго.

Ребенокъ и говорить еще не умѣетъ. Но онъ уже чувствуетъ какое-то волшебство звуковъ. Звонъ металлической посуды привлекаетъ его вниманіе съ той же полнотой, какъ плѣняетъ вниманіе другого, обыкновеннаго ребенка, видъ бле-

стящей вещи, какихъ-нибудь золотыхъ часовъ, которыя онъ схватитъ на чьей-нибудь груди и не желаетъ выпустить изъ рукъ.

Въ окно ворвется пѣсня крестьянокъ, возвращающихся въ село изъ луговъ, съ покоса — и маленькій дичокъ весь насторожился. Онъ живо ловитъ новые для него и, въ то же время, словно знакомые ему звуки.

Онъ словъ еще не знаетъ, а звуки понимаетъ, и они говорятъ ему. А позже онъ самъ заговоритъ такими звуками, которыя приметъ, полюбитъ, пойметъ вся его родная страна, потому что въ этихъ звукахъ выражена будетъ народная душа.

Мнѣ пришлось слышать замѣчательнаго маленькаго скрипача, венгерца Франца Вечея. Этотъ восьми-девятилѣтній мальчикъ въ первыхъ годахъ нашего вѣка восхищалъ весь музыкальный Петербургъ и Москву.

Въ жизни своей въ то время онъ былъ общительнымъ, живымъ, шумливымъ ребенкомъ. Онъ съ радостью игралъ съ дѣтьми своихъ лѣтъ и моложе. Когда на одномъ концертѣ одно лицо исключительно высокаго положенія подарило ему превосходную замысловатую игрушку—паровозъ съ вагонами, ходившій по рельсамъ: родители боялись, что вторая часть концерта пропадетъ: такъ мальчикъ былъ увлеченъ новой игрушкой.

Съ нимъ обходились настолько по-дѣтски, что его приносили въ концертъ на рукахъ, изъ гостиницы, находившейся противъ той залы Дворянскаго Собранія, гдѣ онъ игралъ. Зима была холодная; его обертывали въ большую мужскую шубу и переносили на рукахъ черезъ улицу.

Однимъ словомъ, это былъ настоящій ребенокъ, не испытавшій въ жизни ничего ни тяжелаго, ни сложнаго, что могло бы сильно толкнуть впередъ его душевное развитіе, дать внутреннему міру его ту зрѣлость, какую даетъ напряженное страданіе даже дѣтямъ.

И вотъ однако, когда этотъ ребенокъ бралъ свою скрипку и начиналъ играть: вы слышали предъ собой игру взрослаго человѣка.

Въ игрѣ его изумительна была не одна техника. Замѣчательно было то выраженіе, какое онъ придавалъ звукамъ, лившимся изъ-подъ смычка.

Подъ этой дѣтской рукой струны то плакали горькими слезами о чемъ-то нужномъ для жизни, кровномъ и миломъ, безвозвратно ушедшемъ; то дышали гордымъ торжествомъ, упоеніемъ покоя; то слышался тихій шопотъ затаенной, робкой, ушедшей въ себя любви; то рвались крики страсти; то оди-

нокая душа грезила золотыми смѣлыми грезами, то грустила надъ измѣнчивостью и непрочностью жизни и счастья.

Передъ вами стоялъ ребенокъ со скрипкой въ слабыхъ рукахъ. И въ этихъ дѣтскихъ рукахъ, еле ее державшихъ, скрипка пѣла о всемъ разнообразіи человѣческаго горя и радости, о всей шири людского бытія, вскрывала всѣ тайники бездонной и неохватной души человѣческой.

Откуда бралось все это у беззаботнаго веселаго ребенка, который за какой-нибудь часъ передъ тѣмъ шумно рѣзвился съ такими же, какъ онъ дѣтьми,—они отличались отъ него только тѣмъ, что на нихъ не легла эта особая печать...

Это была душа музыканта, помимо всякаго земного опыта несшая міру въ звукахъ разомъ все то, о чемъ звуки вообще могутъ разсказать и разсказываютъ человѣчеству.

И какъ и почему эта душа вмѣстила въ себѣ богатство звуковъ и широко открывала это богатство міру: не изъяснить и не понять.

Согласиться ли со свѣтлымъ видѣніемъ, которое Лермонтовъ въ юности своей низвелъ на землю,—думать, что душа, несомая въ міръ ангеломъ, прельстилась гармоніей его пѣсни и на землѣ старалась уловить, а потомъ и сама создать ту же гармонію?

Но въ немъ дышало что-то помимо него, высшее его самого и ему недоступное, и чрезъ него открывалось людямъ.

Въ великолѣпномъ разсказѣ (въ одной исторической хроникѣ Островскаго) Козьма Мининъ восклицаетъ великолѣпныя слова:

Сегодня мной владѣетъ Богъ...

И какъ часто эти слова можно приложить ко многимъ случаямъ жизни, когда человѣкъ чувствуетъ себя, дѣйствительно, въ чьей-то чудной высшей власти, когда имъ, дѣйствительно, владѣетъ Богъ...

Владѣетъ Богъ и музыкантомъ, который уже съ колыбели слышитъ недосказанныя другимъ людямъ мелодіи,—тѣ самыя мелодіи, которыя онъ потомъ принесетъ въ міръ и которыя будутъ напоминать людямъ объ ихъ вѣчной отчизнѣ и поддерживать въ нихъ святую тоску по небѣ.

Владѣетъ Богъ и тѣмъ будущимъ художникомъ, который, бѣдный деревенскій мальчикъ, чертитъ кускомъ угля на бѣлой стѣнѣ съ изумительною вѣрностью поражающія его вещи—прежде, чѣмъ научится держать въ рукѣ кисть и творить тѣ полотна, на которыя потомъ вѣками будутъ дивиться люди.

И, если мы увѣрены, что Богъ владѣетъ душою человѣче-

скою въ этихъ ея проявленіяхъ, какъ же, съ еще большею несомнѣнностью, не думать, что, тѣмъ болѣе, владѣетъ Богъ душою человѣческою со стороны ея религіозныхъ постиженій...

Душа инстинктивно чувствуетъ Бога, часто тоскуетъ по Нему и всегда готова повернуться къ Нему, какъ подсолнечникъ поворачиваетъ свой крупный цвѣтокъ къ солнцу.

Это неопровержимая истина, которая чрезвычайно облегчаетъ религіозную пропаганду.

Именно, этой истиной — неутомимой религіозной жаждой души объясняется то, какъ человѣкъ, только что гнавшій религію, или издѣвавшійся надъ нею, вдругъ становится ея защитникомъ и навсегда преклоняетъ предъ нею колѣни.

Жажда религіозной истины можетъ томить и такую душу, которая, повидимому, или совершенно не склонна къ религіи или стоитъ въ своихъ стремленіяхъ на совершенно ложномъ пути.

Вспомнимъ великаго учителя вселенной, въ столь пламенной, столь убѣдительной, столь покоряющей проповѣди пронесшаго по тогдашнему міру вѣсть о Христѣ и Его завѣтахъ: первоверховнаго Павла...

Онъ гналъ Христа—гналъ Его не такъ, какъ гнали бы и презирали бы Его гонители всякой религіи,—только потому, что она есть религія; онъ гналъ Христа, потому что Христосъ казался Ему врагомъ религіи, которую онъ тогда исповѣдывалъ и которой служилъ...

И вотъ—по пути въ Дамаскъ слышитъ онъ зовъ:

— Савлъ, Савлъ, зачѣмъ ты гонишь Меня!

Быть можетъ, образъ Богочеловѣка, о Которомъ онъ, столь близко принимавшій къ сердцу религіозные вопросы, не могъ не слышать,—этотъ образъ втайнѣ уже покорилъ Савла, и онъ уже боролся внутри себя съ этою начавшеюся для него чудною и необъяснимою властью.

И тогда этотъ зовъ сталъ для него пораженіемъ въ немъ ветхаго человѣка и рожденіемъ въ немъ христіанина. Такъ—съ пути религіознаго, но ложнаго, сталъ Савлъ на путь религіи истинной.

А вотъ другой примѣръ: рожденія вѣры въ человѣкѣ, который, повидимому, былъ совершенно лишенъ какихъ бы то ни было религіозныхъ переживаній.

Въ царствованіе императора Александра Николаевича былъ приставленъ къ церковнымъ дѣламъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ. Съ дѣтства онъ былъ близко извѣстенъ Государю, будучи его сверстникомъ и товарищемъ. Но по всему

строю его жизни никакъ нельзя было въ немъ предположить убѣжденнаго защитника вѣры. Назначенію его къ церковнымъ дѣламъ удивлялись.

Какъ-то пришлось ему гдѣ-то отстаивать церковные интересы, и кто-то ему замѣтилъ:—Странно слышать эти рѣчи отъ васъ, равнодушнаго къ ученію церкви.

— Нѣтъ,—воскликнулъ тогда князь; я вѣрю всему, какъ учитъ церковь!

И точно въ ту минуту сошла на него вѣра, и больше не покидала его.

До какой степени душа—христіанка по самому существу своему, доказываетъ еще слѣдующій случай, въ свое время занесенный въ повременную печать.

Дочь извѣстнаго русскаго эмигранта и писателя Герцена, жившаго въ Лондонѣ, была воспитана совершенно внѣ церкви и не имѣла понятія о православномъ богослуженіи.

Ей было уже лѣтъ четырнадцать, когда, проѣздомъ чрезъ Парижъ, ей случилось зайти въ русскую православную церковь. Она входила въ православную церковь въ первый разъ въ жизни. И то, что она тамъ увидѣла, почувствовала—ее потрясло.

Очевидно, душа ея была особенно воспріимчива къ впечатлѣніямъ религіознымъ. А тутъ вся полнота этихъ впечатлѣній, къ которымъ другія дѣти православныхъ семей привыкали исподволь, нахлынула на нее разомъ. И то, что она тутъ пережила, было такъ значительно, такъ сложно, такъ сильно, что организмъ ея не выдержалъ такого напора мыслей и чувствъ: она зарыдала и упала въ истерикѣ.

Знаменитое поэтическое созданіе нѣмецкаго всемірнаго генія Гете, Миньона, прекрасно передаетъ смутныя мечты ребенка, похищеннаго во младенчествѣ цыганами,—о далекой прекрасной отчизнѣ.

Такая же Миньона—душа всякаго изъ насъ. Даже далекая отъ Бога душа томится по Богѣ и жаждетъ Его: жаждетъ, потому что, нося въ себѣ масштабъ безконечности, только на Безконечномъ можетъ успокоиться...

Даже самая острота ненависти ко Христу иныхъ людей показываетъ ихъ вѣру.

Вотъ, теперь французское правительство борется со Христомъ, какъ боролся съ Нимъ нѣкогда Іуліанъ Богоотступникъ.

Въ этой борьбѣ есть какое-то безуміе и бѣшенство злобы.

Желаютъ изъять имя Христа изъ устъ гражданъ, охранить слухъ дѣтей отъ звуковъ этого имени, воспитывать дѣтей внѣ

всякаго религіознаго воздѣйствія. Армія шпіоновъ слѣдитъ за служащими людьми, не порывающими съ церковью, и офицеръ, который посѣщаетъ храмъ и приступаетъ къ таинствамъ, попадаетъ на дурной счетъ, и служебное движеніе его замедляется.

Не то же ли было тогда, когда Іуліанъ Отступникъ посылалъ въ изгнаніе христіанъ, всячески издѣвался надъ христіанствомъ, завалилъ храмъ гроба Господня и другія святыни Іерусалима, чтобы истребить на землѣ всѣ слѣды Христовой жизни на землѣ. Но противъ одного слѣда пришествія Христова былъ онъ безсиленъ: противъ слѣда, оставленнаго Христомъ въ сердцахъ человѣческихъ.

И, если казалось изъ всѣхъ дѣйствій Іуліана, что онъ не признаетъ Христа, это могло казаться только человѣку близорукому.

И та власть, которую имѣлъ надъ Іуліаномъ преслѣдуемый имъ Христосъ, выразилась въ предсмертномъ его восклицаніи, которое является однимъ изъ самыхъ торжественныхъ исповѣданій, вылетавшихъ когда-либо изъ устъ людей гибнущихъ за Христа и которое было теперь тѣмъ болѣе знаменательно, что являлось послѣднимъ признаніемъ человѣка, посвятившаго всю свою жизнь на ненависть ко Христу:

— Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

Христа Іуліанъ считалъ страшнымъ призракомъ, который надо отогнать отъ человѣчества... Теперь же Христосъ вставалъ предъ нимъ во всей своей реальности, во всей несомнѣнности Своей вѣчной власти и Своей непреходящей побѣды и надъ нимъ, надъ Іуліаномъ.

Ожесточенная борьба кончилась торжественнымъ признаніемъ побѣжденнаго...

Могъ ли съ мертвымъ такъ страстно бороться Іуліанъ!.. Жизненность власти Христа надъ міромъ, это чудотворное слово, чрезъ ничтожныхъ рыбаковъ проникавшее вглубь семей, къ недоступнымъ тайникамъ семейныхъ очаговъ, въ ряды непоколебимаго римскаго войска, къ скамьямъ сенаторовъ, къ гордымъ сановникамъ и въ самые дворцы цезарей и склонившее, наконецъ, къ ногамъ Христа равноапостольнаго Константина,—постоянно жгла и мучила Іуліана.

Христа не признавать нельзя. Можно съ Нимъ бороться или Ему покориться. Но чувствуетъ Его всякая душа.

И сколько среди насъ, въ нашей обыденщинѣ, такихъ Іуліановъ, которые кричатъ о своемъ невѣріи и своимъ неспокойнымъ отношеніемъ ко Христу только доказываютъ, какую

власть имѣетъ надъ ихъ душою Этотъ, отрицаемый ими Христосъ.

Если я считалъ Магомета ложнымъ пророкомъ, я говорю о немъ спокойно, потому что для меня Магометъ—величина не существующая, не имѣющая для меня ровно никакого значенія. Я могу его поклонниковъ, учениковъ его ложнаго ученія, жалѣть.—Но могу ли относиться къ самому Магомету съ проклятіемъ, или съ ненавистью къ заблуждающимся его ученикамъ?

Я просто прохожу мимо нихъ, какъ мимо людей совершенно мнѣ чуждыхъ по духу.

Но посмотрите на другого невѣра.

Съ какимъ жаромъ станетъ онъ говорить вамъ противъ Христа и христіанства, какимъ горитъ онъ чувствомъ злобы и ненависти...

Мечта, обманъ?.. Но отчего же эта самая мечта, если это только одна мечта, такъ его тревожитъ...

Нѣтъ! Его ненависть—это только оборотная сторона той любви, которую возбуждаетъ къ Себѣ Христосъ въ другихъ людяхъ... Это только любовь мучительная и мучающая, вмѣсто той, чтобъ давать счастье и покой.

Замѣчали ли вы въ земныхъ отношеніяхъ проявленіе глубокой ненависти нѣкоторыхъ лицъ къ тѣмъ людямъ, къ которымъ ихъ тянетъ, но которые не идутъ на сближеніе съ ними?

Бываетъ также, что человѣкъ чѣмъ-нибудь страстно восхищается, но видитъ, какъ предметъ его восхищенія отъ него далекъ и для него недоступенъ, и изъ-за этой недоступности начинаетъ его ненавидѣть.

Такъ же приблизительно бываетъ у нѣкотораго разряда людей относительно Бога...

Божество стоитъ предъ ними несомнѣнною реальностью. А они, ослѣпленные этой несомнѣнностью, чувствуя Его, но не постигая Его, а по своему складу стремящіеся все себѣ объяснить и все, такъ сказать, ощупать руками,—раздражаются и, неспособные признать и преклониться, въ то же время—неспособные, по крайней мѣрѣ, наединѣ съ собою, не на людяхъ—неспособные отрицать,—страдая отъ этой двойственности, начинаютъ ненавидѣть источникъ своего страданія.

Душѣ нашей необходимы извѣстные экстазы. Душѣ нашей необходимо найти что-нибудь безконечно высокое, совершенное, верховное, чтобъ предъ этимъ преклониться. И мудръ и счастливъ тотъ, кто въ этой жаждѣ находитъ Божество, и

Ему отдаетъ весь жаръ нерастраченныхъ восторговъ, все удивленіе и всю любовь свѣжей непорочной души.

А есть люди, отворачивающіеся отъ Бога изъ гордости, и становящіеся добровольными рабами другихъ людей.

Я разъ слышалъ споръ двухъ молодыхъ людей, одинаково талантливыхъ и искреннихъ и съ сочувствіемъ относившихся другъ къ другу.

Одинъ былъ человѣкъ свободный, потому что былъ вѣрующій, и въ вѣрѣ находилъ полное удовлетвореніе всѣмъ душевнымъ запросамъ. Другой былъ невѣрующій, и гордился своимъ невѣріемъ. Съ этой мнимой своей высоты онъ строго судилъ другого.

— Удивляюсь, говорилъ онъ, такому характеру, какъ вашъ, который нуждается въ томъ, чтобъ создать себѣ какого-нибудь идола и бултыхаться предъ нимъ на колѣни... Прямо, унизительное состояніе!.. Не могу спокойно думать о такомъ раболѣпствѣ.

— А я думаю,—отвѣчалъ другой, что тотъ, кто дорожитъ именемъ «рабъ Божій», тотъ самый свободный въ мірѣ человѣкъ... Онъ въ полнотѣ чувствъ подчинилъ себя великому Божеству, и въ Немъ нашелъ свободу отъ тѣхъ земныхъ мелочей и земныхъ узъ, въ которыхъ бьется человѣкъ, вами называемый свободнымъ, а попросту раболѣпствующій предъ міромъ, когда мнилъ освободиться отъ Божества.

И это было правда... Тотъ, кто называлъ себя свободнымъ, потому что не служилъ Богу, былъ, на самомъ дѣлѣ, совершенно заверченный міромъ и опутанный разными узами человѣкъ.

— Поймите нелѣпость вашего отрицанія Бога, говорилъ другой:—неужели разумный человѣкъ можетъ утверждать, что міръ произошелъ и поддерживается въ своей стройности безъ единой объединяющей творческой и промыслительной мысли? И ваше отрицаніе Бога такъ же безсмысленно и странно, какъ еслибъ вы стали «отрицать» вашихъ родителей. Вы отъ нихъ произошли. Вѣдь вы можете говорить все, что угодно. Но вашъ отецъ—есть вашъ отецъ, и ваша мать есть ваша мать...

— А Богъ!.. Говоря противъ Него, вы вдыхаете въ себя Его воздухъ; звуками вашего голоса и всякимъ вашимъ движеніемъ вы осуществляете жизнь, которую вложилъ въ васъ Онъ... Для отрицанія Его вы напрягаете ту мысль, которую пробудилъ въ васъ Онъ... Однимъ словомъ, отрицая Бога, вы совершенно подобны тому человѣку, который, ныряя въ волнахъ моря,

кричалъ бы, что онъ не знаетъ, что такое море, что онъ этого моря никогда не видѣлъ и не чувствовалъ...

Вѣдь, мы купаемся въ морѣ того, что Богомъ задумано, создано и намъ вручено; вокругъ насъ непрерываемая цѣпь Божьихъ благодѣяній; и мы вдругъ пускаемся отрицать!..—Но откуда тогда это ожесточеніе и злоба?..

Въ этомъ ожесточеніи слышна тогда мучающая этихъ людей борьба противъ самихъ себя.

Они внутреннимъ чувствомъ, тѣмъ прозорливымъ внутреннимъ взоромъ, которымъ мы воспринимаемъ все самое важное въ жизни—этимъ чувствомъ они ясно чувствуютъ Бога, и это же чувство говоритъ имъ о томъ, чѣмъ человѣкъ Богу обязанъ, и какъ не благородно ничѣмъ Богу за все не воздавать.

А гордость ума и какая-то ошибочно понимаемая свобода мѣшаетъ имъ склониться предъ Христомъ, припасть къ Его кресту... Они «отрицаютъ» угрюмо, подзадоривая самихъ себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то же время, опасливо на себя оглядываясь.

Да, въ душѣ нашей есть что-то влекущее насъ къ Богу какою-то безсознательною силою.

Какъ подсолнечникъ такъ ужъ созданъ, что поворачиваетъ къ солнцу свою шапку, такъ и душа наша поворачивается къ Богу,—и иногда въ тѣ именно дни, когда мы этого всего менѣе ожидаемъ.

И тогда вдругъ становится ей понятнымъ то, что было дотолѣ непонятнымъ. И слезы умиленія смѣняютъ собою ожесточенную сухость.

Христосъ, Христосъ, къ Тебѣ влекутся сердца, которыя бы хотѣли Тебя ненавидѣть. И на Тебя оглядываются тѣ, которые бы хотѣли Тебя забыть.

Среди общей смѣны, общей гибели и крушенія, одинъ неподвижно стоитъ Твой образъ. И надъ нимъ горитъ двумя звѣздами, непостижимо слитыми въ одну, Твоя незаходимая слава Божества и мученичества.

Къ жалящему тернію Твоего вѣнца жадно тянутся люди, распаленные страшною и священною грезой пить съ Тобою Твою муку.

И преслѣдуемый, осмѣянный, вновь и вновь заушаемый и отрицаемый—одинъ, одинъ Ты владѣешь вѣками: не какъ мечта, созданная человѣчествомъ, а какъ единая дѣйствительность, воплотившая свою мечту творчества и жертвы.

Мудрецы жаждали дѣтской въ Тебѣ вѣры, цари оставляли

престолы, чтобъ обнимать Твои сочащіяся кровью ноги и замирать въ вѣрности Тебѣ, смотря на безмолвіе Твоей крестной муки.

Итакъ стоишь Ты, вѣруемый и тѣми, кто Тебя отрицаетъ, чаемый и тѣми, кто отъ Тебя отвернулся—вѣчный, непоколебимый, неустранимый.

ГЛАВА II.

Область вѣры. Ея суженіе и расширеніе.

Въ общежитіи, когда говорятъ о вѣрѣ и о религіи, имѣютъ обыкновенно въ виду только одну ограниченную часть жизни.

Область вѣры подразумѣваютъ тогда, когда говорятъ о церковныхъ таинствахъ, о храмахъ, иконахъ, мощахъ, богослуженіяхъ, говѣніи, молебнахъ, панихидахъ. Но многіе ли даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что вѣра должна проникать всю рѣшительно жизнь человѣка,—всѣ его интересы, мысли, поступки, надежды, мечты и разсчеты.

Къ религіи истинно религіознаго человѣка можно приложить слова, сказанныя однимъ поэтомъ любимой и далекой женщинѣ:

Вездѣ и всегда ты со мною:
Ты со мной невидимка въ мечтахъ,
Въ размышленіи, въ радости, въ скукѣ,
Въ дуновеньи весны и въ цвѣтахъ,
И въ звѣздѣ на ночныхъ небесахъ,
Въ ароматѣ и свѣтѣ и звукѣ...

Вотъ, когда первые христіане изъ язычества обращались ко Христу, они вѣдь не всегда уходили въ пещеры, къ аскетическимъ подвигамъ, въ отшельничество. Не всѣ изъ нихъ также гибли на аренахъ. Многіе оставались жить въ міру, не прерывая своихъ прежнихъ занятій. Сколько, напримѣръ, извѣстно великихъ святыхъ, которые до своего крещенія служили въ войскахъ и, обратившись ко Христу, продолжали быть воинами, служа честно прежнему своему дѣлу и отказывались отъ повиновенія только тогда, когда ихъ принуждали отречься отъ Христа...

И Іоаннъ Креститель, когда къ нему приходилъ креститься народъ съ исповѣдываніемъ грѣховъ своихъ,—не отрывалъ народъ отъ прежняго его быта, не приказывалъ бросать своихъ прежнихъ занятій, но старался вносить новую струю благо-

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

образія, мира, доброты и добросовѣстности въ эти занятія людей грубыхъ и темныхъ, но не лишенныхъ свѣтлыхъ стремленій, что доказывалось уже самымъ ихъ приходомъ къ іорданскому пророку.

И наученный имъ воинъ помнилъ, что онъ не долженъ обижать беззащитныхъ жителей, мытарь-сборщикъ податей—помнилъ, что онъ не долженъ брать больше положеннаго... Новое что-то и лучшее входило въ жизнь этихъ людей и незамѣтно ее преобразовывало.

Повидимому, какое христіанству дѣло до того, что я купецъ, и каково можетъ быть воздѣйствіе христіанства на меня въ моемъ купеческомъ дѣлѣ?

Воздѣйствіе можетъ быть громадно: и воздѣйствіе какъ по пріемамъ, которые внесетъ въ дѣло моя христіанская совѣсть, такъ и по цѣлямъ, которыя будетъ преслѣдовать моя торговля.

Истинный христіанинъ, напримѣръ, никогда не позволитъ торговать себѣ такимъ товаромъ, который вредитъ людямъ, какъ бы этотъ товаръ ни былъ прибыленъ для купца.

Въ послѣдніе годы, напримѣръ, многіе получали крупные барыши отъ изданія соблазнительныхъ книгъ и такихъ же картинокъ. По развращенности своей, люди жадно бросаются на такого рода изданія, которыя непремѣнно склоняютъ ихъ къ соотвѣтствующимъ дѣйствіямъ. Попадая въ руки юношества, порою еще чистаго, эти проклятыя книги и картинки возбуждаютъ въ нихъ нечистыя пожеланія и бываютъ причиною ихъ паденій.

Такъ неужели же возможно, чтобы вѣрующій человѣкъ рѣшился на такое прибыльное и легкое, но предосудительное, занятіе?

Есть очень много занятій, которыя ведутъ къ вѣрному и скорому обогащенію, но о которыхъ христіанинъ даже страшится думать.

Будетъ ли, напримѣръ, христіанинъ, который по тому уже самому является народолюбцемъ,—будетъ ли онъ, напримѣръ, содержать кабакъ, зная, какое развращающее вліяніе имѣетъ кабакъ на всю округу повсемѣстно, и особенно, вслѣдствіе слабости русскаго характера, подрывая народный трудъ, семью, благосостояніе населенія, вызывая разоренія, преступленія? Кабатчикъ, можно сказать, пьетъ кровь народную—и этой крови христіанинъ пить не будетъ.

Только полное недомысліе или, хуже того, постыднѣйшее изъ лицемѣрій—лицемѣріе предъ самимъ собой и преступная неискренность предъ Богомъ: только эти прискорбныя явленія

могутъ объяснить то, что находятся люди, считающіе себя вѣрующими и разглагольствующіе о высокихъ предметахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ своихъ имѣніяхъ занимающіеся перегонкой хлѣба въ спиртъ, превращаемый въ водку, въ волнахъ которой тонетъ и гибнетъ сила великаго русскаго племени.

Мнѣ пришлось видѣть обратное: какъ христіанская совѣсть заставила владѣлицу одного крупнаго имѣнія, женщину умную и направлявшую свою жизнь по Евангелію, заставила закрыть подобное заведеніе, давно существовавшее въ имѣніи.

Въ этомъ имѣніи изстари работалъ пивной заводъ. За аренду его платилась хорошая сумма, представлявшая собою самый вѣрный источникъ дохода. Какъ извѣстно, пиво гораздо менѣе опасно для здоровья и для благосостоянія населенія, чѣмъ водка.

Но владѣлица имѣнія вообще старалась объ улучшеніи условій жизни окрестнаго крестьянства. Въ этихъ цѣляхъ она завела церковное общество трезвости, устроила около церкви домъ для чтенія крестьянамъ съ показываніемъ тѣневыхъ картинокъ, украшала мѣстныя церкви, поддерживала школы...

И, какъ женщина умная и искренняя, она поняла, что нахожденіе въ ея имѣніи завода идетъ вразрѣзъ съ ея дѣятельностью для крестьянства. Она не стала успокаивать себя, какъ сдѣлали бы другіе, всякими натянутыми разсужденіями: что все равно—кто бы вино ни выдѣлывалъ: нужное количество его будетъ пьяницами выпито, и, если не у нея въ имѣніи, то у когонибудь другого выгонитъ это пиво этотъ самый арендаторъ завода, такъ что она, причиняя себѣ ущербъ, не отнимаетъ ни отъ чьихъ устъ ни одной кружки этого довольно невиннаго напитка.

Она скорѣе рѣшила пойти на убытки, чѣмъ заглушать тихій голосъ совѣсти, совѣтовавшій ей прикончить это дѣло. И она прикончила.

Далѣе, христіанинъ никогда не позволитъ себѣ вносить въ свою торговлю тѣхъ сомнительныхъ пріемовъ, на которыхъ у нѣкоторыхъ торговцевъ вертится весь разсчетъ: надуть въ извѣстной мѣстности товаромъ дурного качества, но «показаннымъ лицомъ» наибольшее количество народу, и затѣмъ перекочевать въ другое мѣсто для той же плутни.

Будетъ ли христіанинъ набирать товару или денегъ въ долгъ съ затаенною, но ему самому завѣдомою цѣлью, не заплатить и объявить себя несостоятельнымъ должникомъ, припрятавъ деньги и переведя имущество на жену?

А, вѣдь, многіе богатѣли такими мнимыми банкротствами,

причемъ бывали случаи, что человѣкъ намѣренно банкротился два-три раза, присваивая. или, вѣрнѣе сказать, воруя довѣренныя ему деньги, причиняя разстройство дѣлъ у довѣрившихся ему лицъ,—быть можетъ, пуская нѣкоторыхъ по міру.

И потомъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, эти люди гордо жертвовали часть награбленныхъ ими денегъ на храмы, какъ будто эта цѣна народной крови и народнаго несчастья могла быть угодной Богу!

Можетъ ли христіанинъ заниматься ростовщичествомъ, наживаясь на несчастьяхъ или порокахъ людей, выдавая имъ такія суммы, которыя страшнымъ ростомъ въ нѣсколько лѣтъ увеличиваются въ нѣсколько разъ?

Такимъ образомъ, вотъ примѣръ того, какую чистоту внесетъ христіанство въ главное занятіе, которому посвятилъ себя человѣкъ.

Насколько можно во всякое занятіе вносить струю христіанства, мы поймемъ, если только вспомнимъ обращеніе съ нами хотя бы разныхъ лицъ, съ которыми мы сталкиваемся по дѣламъ.

Въ желѣзнодорожной кассѣ на нашъ вопросъ намъ отвѣчаютъ нетерпѣливо, грубо: тутъ у этихъ людей въ отправленіи ихъ служебныхъ обязанностей нѣтъ и тѣни христіанскаго настроенія.

Насъ сочувственно выслушиваютъ, даютъ всѣ нужныя указанія, предлагаютъ такіе удобные поѣзда, о которыхъ мы и не знали: это человѣкъ христіанскаго настроенія.

А начальникъ въ отношеніи своихъ подчиненныхъ; если онъ ко всѣмъ равенъ, смотритъ на усердіе и знаніе людей, а не на заискиванія предъ собой, никогда не покривитъ душой и изъ-за личной выгоды не предастъ казеннаго интереса—это христіанское поведеніе.

Насколько можетъ далеко идти христіанская заботливость о своихъ подчиненныхъ, вотъ тому примѣръ.

Одинъ господинъ, управлявшій казеннымъ мѣстомъ, представилъ къ наградѣ одного изъ мелкихъ чиновниковъ. Онъ его еле зналъ, но непосредственный его начальникъ свидѣтельствовалъ о его усердіи.

Представленіе не было уважено. Тогда управляющій объявилъ, что или его подчиненнаго наградятъ или онъ уходитъ въ отставку, такъ какъ не потерпитъ, чтобъ достойнаго человѣка лишали награды. Управляющимъ дорожили, и потому дѣло уладилось.

Изо-всѣхъ приведенныхъ примѣровъ ясно, насколько ши-

роко примѣненіе вѣры къ жизни, какъ во всякомъ дѣлѣ своемъ человѣкъ всегда можетъ отдать себѣ отчетъ, со Христомъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ или нѣтъ.

И вотъ, почему области жизни, освящаемыя вѣрою, гораздо шире, чѣмъ принято думать.

Напрасно полагаютъ, что только храмъ и обряды религіозные составляютъ область жизни, освящаемую вѣрою.

Все, что въ быту человѣческомъ достойно и чисто: все то благословляется Богомъ.

Если я добрый православный, и исполняю тщательно всѣ церковныя предписанія, для меня этого еще мало.

Мнѣ мало того, что я съ Богомъ на молитвѣ, съ Богомъ въ храмѣ, что я съ Богомъ въ тѣ минуты, когда надо мной совершаются таинства Церкви.

Я хочу, чтобъ въ моей жизни не оставалось ни одной минуты, когда бы я не чувствовалъ и не сознавалъ себя съ Богомъ.

Для меня было бы обидою и горемъ, еслибъ меня стали увѣрять, что я только тогда съ Богомъ, когда исполняю свои чисто религіозныя обязанности, а всѣ остальные часы моего существованія принадлежу только міру.

Нѣтъ, я хочу знать, что Богъ при мнѣ, и я въ Немъ, когда я занимаюсь главнымъ жизненнымъ дѣломъ своимъ.

Вотъ, если я чернорабочій, и занимаюсь, положимъ, мощеніемъ улицы,—я въ то самое время, какъ сижу у груды камней и разбиваю молоткомъ камни, зажимая ихъ между ногами, обутыми въ лапти и обвернутыми подъ лаптями въ толстыя портянки: въ это самое время я служу Богу, совершаю дѣло Богоугодное.

Во-первыхъ, я исполняю заповѣдь, данную Богомъ Адаму при изгнаніи его изъ рая «въ потѣ лица твоего ты будешь ѣсть хлѣбъ»—и зарабатываю этотъ хлѣбъ, дѣйствительно, въ потѣ лица. Трудъ мой тяжелъ, а оплачивается скудно. Трудъ мой опасенъ. Я сижу на припекѣ солнца, глядя на свѣтлые, раскаленные каменья, и, при слабости головы, меня можетъ поразить солнечный ударъ. При раздробленіи камней молоткомъ, осколокъ легко можетъ попасть мнѣ въ глазъ, причиняя глазу по моему невѣжеству и по неумѣнію найтись въ бѣдѣ и скорѣе хорошенько промыть его — значительную болѣзнь. Спина больно ноетъ у меня, когда я, разогнувшись послѣ нѣсколькихъ часовъ этой скучной однообразной работы, подымусь на ноги, и ноги еле держатъ меня.

Но я работаю и не ропщу. Я утѣшаю себя въ работѣ мы-

слію, что Господу угодно было дать мнѣ именно этотъ, а не какой-нибудь другой удѣлъ въ жизни.

Я подкрѣпляю еще себя мыслію, что другіе сидятъ голодные, вовсе не находя работы, которую мнѣ послалъ Богъ.

Наконецъ, если я семейный, то я, прокармливая своихъ дѣтей трудомъ своимъ, изъ-за нихъ не доѣдая, исполняю тѣмъ заповѣдь Божію «растителся и множителся, населяя землю».

И поэтому все время работы моей я буду считать провожденіемъ времени не менѣе религіознымъ, какъ еслибъ я проводилъ это время въ молитвѣ.

Я молюсь Богу трудомъ моимъ.

Еще большее религіозное значеніе пріобрѣтаетъ мой трудъ тогда, когда онъ не только кормитъ меня, но и заключаетъ самъ въ себѣ высокую цѣль.

Если я учу юношество добру, вселяю въ него ясность знаній и благородство понятій, то развѣ всякая минута моего труда не будетъ въ то же время и служеніемъ Богу?

Или, если я избралъ себѣ трудное и высокое званіе врача, и, подвергая свою жизнь опасности заразы, помогаю больнымъ, безстрашно ѣду на борьбу съ какою-нибудь эпидеміей, гдѣ есть много вѣроятій заразиться мнѣ самому и погибнуть: развѣ тогда всякимъ дыханіемъ своимъ во всякую минуту врачебной дѣятельности моей, я не служу всѣми силами моими Богу, воплощая на дѣлѣ величайшій изъ завѣтовъ Христовыхъ: «больше сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя».

Нѣкоторые люди, строгіе приверженцы буквы закона, могутъ сказать: всякое доброе дѣло религіозно только тогда, когда оно и творится на религіозной основѣ. Поэтому всякое хорошее дѣло только религіозно, когда оно совершается во имя Христа.

Тутъ предстоитъ разобраться въ очень важномъ вопросѣ о томъ, какъ можно, съ именемъ Христа на устахъ, быть во всемъ врагомъ Христовымъ и, какъ, стоя, повидимому, далеко отъ Христа, дышать Христовымъ духомъ, жить завѣтами Христовыми.

Представимъ себѣ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ считаетъ себя вѣрующимъ и выказываетъ себя такимъ; другой же никогда ничего не говоритъ о вѣрѣ, и его считаютъ не вѣрующимъ.

Но въ чемъ у перваго выражается вовнѣ его вѣра?

Онъ посѣщаетъ богослуженія, преимущественно въ тѣхъ храмахъ, гдѣ можно видѣть службу торжественную, благолѣп-

ную, богато обставленную, послушать хорошихъ пѣвчихъ, голосистыхъ діаконовъ.

Вернувшись домой послѣ такой службы, гдѣ онъ, въ сущности, только услаждалъ свое зрѣніе и слухъ, онъ весь преисполняется гордости, что онъ, молъ, такой усердный до Бога человѣкъ. Точно такъ же, съ тѣмъ же самодовольствомъ, онъ исполняетъ совнѣ религіозныя обязанности: вяло пересказываетъ духовнику на исповѣди какіе-нибудь мелкіе грѣшки, умалчивая о преступленіяхъ своей гордости, жестокости, тщеславія, самолюбія и строгаго осужденія людей; съ холоднымъ сердцемъ приступаетъ къ святой Чашѣ, и, опять-таки, кичится тѣмъ, что, вотъ, онъ такой замѣчательный христіанинъ.

И въ ожиданіи смертнаго часа своего онъ точно такъ же исполнитъ все положенное: приметъ соборованіе масломъ и пріобщится. И, можетъ быть, надъ гробомъ его, въ храмѣ, будетъ сказано о немъ похвальное слово: о томъ, какой это былъ примѣрный «сынъ церкви», и какое назиданіе можно почерпнуть изъ его жизни.

А на дѣлѣ, это былъ никому не нужный и нравственно ничтожный человѣкъ. Онъ на своемъ вѣку не подошелъ близко ни къ одной человѣческой душѣ, никому не сталъ дорогъ, нуженъ, необходимъ. Онъ не только не страдалъ горемъ людей, но тщательно отвертывался тамъ, гдѣ отъ него ждали участія, и рѣзко отказывалъ тѣмъ, кто его о чемъ-либо просилъ.

Это былъ человѣкъ, который приближался къ Богу только устами своими, и устами чтилъ Его. Сердце его далеко отстояло отъ Бога, и тщетно было почитаніе его.

Онъ не сдѣлалъ главнаго, что Господь поставилъ признакомъ близости къ Нему: онъ не творилъ волю Божію, не любилъ людей и не приносилъ себя въ жертву имъ.

Когда предъ нимъ люди утопали въ морѣ житейскомъ, и довольно было протянуть имъ руку, чтобы спасти ихъ: онъ не двигалъ пальцемъ, и къ скуднымъ жертвамъ, которыя онъ, скрѣпя сердце—болѣе изъ тщеславія, чѣмъ изъ сердечнаго расположенія, — дѣлалъ для храмовъ, можно приложить слова: «Милости хочу, а не жертвы».

И, если спросить: да въ чемъ онъ разнится отъ язычника, который прожилъ, исполняя внѣшнія обязанности своей религіи, и никогда ничего не слыхалъ объ ученіи Христа — на этотъ вопросъ можно отвѣтить лишь: «Этотъ человѣкъ въ жизни своей ничѣмъ не разнился отъ такого язычника. Благодать Христа ничѣмъ на немъ не отразилась. На немъ не видно

было печати Христовой. — Онъ только совнѣ принадлежалъ Христову стаду, совсѣмъ непричастный его духу».

Теперь, какъ противоположность только что описанному человѣку, возьмемъ человѣка, во всемъ ему противоположнаго

Пусть это будетъ пылкій молодой человѣкъ, весь поглощенный внѣшнимъ міромъ, и еще самъ не уяснившій себѣ своихъ религіозныхъ вѣрованій.

Онъ слишкомъ прямодушенъ, чтобы исполнять религіозные обряды, когда въ душѣ его нѣтъ соотвѣтствующаго религіознаго чувства, а поэтому онъ не приступаетъ къ этимъ обрядамъ.

Но въ немъ кипятъ горячія благородныя чувства, порывы къ добру, возмущеніе всякой несправедливостью и всякимъ зломъ, которое онъ предъ собою видитъ.

Для него увидать кого-нибудь въ горѣ—значитъ пожалѣть этого человѣка, а пожалѣть для него—значитъ помочь. И онъ отъ скудныхъ средствъ, которыя еле даютъ ему существовать, готовъ оторвать «лишнее», самому не быть вполнѣ сытымъ, чтобъ подѣлиться съ другимъ человѣкомъ, который совсѣмъ голоденъ.

Даже не сознавая, какъ прекрасно его поведеніе, — онъ, можетъ быть, своимъ трудомъ содержитъ старую мать или учащихся братьевъ и сестеръ... Наступаетъ какое-нибудь общественное бѣдствіе, которое задѣваетъ чувствительныя струны его души, напримѣръ, сильная эпидемія, и онъ бросается на помощь, забывая себя.

Весело напѣвая, далекій отъ мысли корчить изъ себя героя, онъ, точно дѣлая самое простое, обыкновенное и незначительное дѣло, отправляется туда, гдѣ царствуетъ ужасъ и смерть, гдѣ неутомимо коситъ свою жатву смерть, и въ борьбѣ съ нею погибаетъ.

И вотъ, теперь спросимъ себя: кто по духу ближе Христу, кто полнѣе исполнилъ Его завѣтъ: тотъ ли человѣкъ, у котораго для человѣчества былъ въ груди нѣмой и холодный камень, котораго никакія развертывающіяся предъ нимъ горя человѣческія, никакіе громкіе стоны не могли вывести изъ неподвижнаго равнодушія и который поставилъ себѣ въ жизни одного идола, себя самого, и этому идолу служилъ, хотя часто имѣлъ на устахъ имя Христово и внѣшне казался въ общеніи со Христомъ?.. Или человѣкъ, который не злоупотреблялъ именемъ Христовымъ и казался совнѣ далекимъ отъ Христа, но на дѣлѣ до крайнихъ послѣдствій и до лучезарнаго конца довелъ то, чему училъ Христосъ?

Вѣдь корень познается по дереву. Корень жизни перваго—чисто языческій, корень жизни второго—христіанскій; и первый дышалъ язычествомъ, второй—Христовымъ духомъ.

Вѣдь—не тотъ мой, кто на словахъ распространяется о любви ко мнѣ, а на дѣлѣ дѣйствуетъ во всемъ совершенно противоположно моей волѣ. Мой тотъ, кто настойчиво творитъ самыя дорогія и близкія мнѣ дѣла. И Христу близокъ не тотъ, кто пустосвятно твердитъ на людяхъ,—быть можетъ, наединѣ и не упоминаемое имъ никогда—имя «Христосъ, Христосъ» и ничего не дѣлаетъ изъ завѣтовъ Христовыхъ; а дорогъ тотъ, кто молча, не ожидая и не требуя себѣ за то небесной награды, какъ нѣчто простое и естественное, съ горящимъ сердцемъ и веселымъ видомъ соблюдаетъ величайшую заповѣдь любви...

Нельзя не задуматься надъ словами Христа о томъ, что спросится съ насъ, главнымъ образомъ, на страшномъ судѣ.

Тогда Господь Христосъ скажетъ:

— Пріидите, благословенные Отца Моего, наслѣдуйте Царствіе, уготованное вамъ отъ сложенія міра. Ибо Я алкалъ, и вы дали Мнѣ ѣсть, жаждалъ, и вы напоили Меня, нагъ былъ, и вы одѣли Меня, боленъ и въ темницѣ, и вы также посѣтили Меня.

И они спросятъ:

— Господи, когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили Тебя, жаждущимъ и напоили Тебя, нагимъ, и одѣли Тебя, больнымъ или въ темницѣ, и послужили Тебѣ?

И скажетъ имъ:

— Такъ какъ вы сдѣлали это для одного изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то для Меня сдѣлали.

Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что Христосъ принимаетъ всякое добро, оказанное человѣку другимъ человѣкомъ, такъ, какъ будто это добро было оказано непосредственно Ему Самому, причемъ даже не сказано тутъ, чтобъ это добро должно было быть сдѣлано во имя Христово: просто только сдѣлано.

Равнымъ образомъ, отсутствіе любви къ ближнему, проявленное человѣкомъ въ воздержаніи отъ дѣятельной помощи ближнимъ, — принимается Христомъ, какъ преступное равнодушіе къ Нему Самому, какъ измѣна и отреченіе отъ Него Самого.

И выходитъ, что первый, съ лицемѣрнымъ образомъ своего благочестія, былъ измѣнникомъ Христу. Второй, со своей кажущеюся далекостью отъ Него, былъ Христовъ вѣрный рабъ и работникъ.

«Духъ дышетъ идѣже хощетъ», часто безсознательно для самого человѣка, и чудомъ Божіей мудрости и промышленія, человѣкъ, считающій себя невѣрующимъ, прославляетъ Бога дѣлами, которыя внушаетъ ему Богъ, и онъ покорно слушаетъ внушеній этого тайнаго гласа Божественнаго...

Мало размышляющіе и грубые люди не понимаютъ также, какое могучее орудіе для прославленія Себя людьми—и не только для душевнаго возвышенія ихъ, но и для привлеченія ихъ къ Себѣ, Господь избралъ въ томъ искусствѣ, произведенія котораго являются часто громчайшими и славнѣйшими органами Божьей славы, гѣмъ высочайшимъ и безсмертнымъ языкомъ, какимъ душа человѣческая поетъ Богу свою завѣтную пѣсню.

Кто стоялъ въ той тихой обособленной комнатѣ дрезденской картинной галлереи, гдѣ хранится величайшее произведеніе кисти Рафаэля,—Сикстинская Мадонна, кто робко и съ восторгомъ, какъ человѣкъ, безъ правъ на то залетѣвшій въ небо, всматривался въ это небесное явленіе, въ это торжество материнства и дѣвства на ликѣ Пречистой, въ это изумительное искусство, которое дало возможность Рафаэлю изобразить Богоматерь такъ, словно Она не стоитъ предъ нами, а тихоторжественно-величаво движется на облакахъ, кто созерцалъ на высокомъ челѣ Ея и сіяніе непорочности и ту высокую ясность мысли, съ которою Она несетъ міру Младенца Христа, кто трепеталъ предъ этимъ величіемъ взора Младенца, въ которомъ чуднымъ образомъ невинность и безпечная радость дѣтства сочетались съ творческимъ величіемъ и вдумчивостью; кто видѣлъ этого святого Сикста и велико-мученицу въ радости безмолвнаго созерцанія и упоенія тою невыразимою святынею, которой они предстоятъ; кому сіяли эти два херувима съ мечтательностью во взорахъ, съ проникающимъ ихъ блаженствомъ безплотныхъ духовъ: тотъ понимаетъ, какъ высоко можетъ подбросить душу въ надземныя области истинное искусство.

Рѣдко кто входитъ въ эту одинокую обособленную комнату, гдѣ стоитъ эта великая картина: рѣдко кто входитъ наскоро и недолго въ ней остается.

Еще только приближаясь къ этой завѣтной комнатѣ, вы чувствуете необъяснимое волненіе; васъ уже охватило, встало предъ вами все, что вы слышали и читали объ этомъ удивительномъ полотнѣ.

Сколько бы народу тамъ ни было, голосовъ не слышно. Если изрѣдка кто и перемолвится словомъ, то это слово произнесено шопотомъ, какъ во время богослуженія въ алтарѣ... И тѣ, кто стоятъ, и тѣ, кто сидятъ на единственной длинной скамьѣ по стѣнѣ, не сводятъ глазъ съ поднятой высоко отъ пола картины. Не смотрятъ, а созерцаютъ...

Такое же молчаніе умиленія было бы, вѣрно, и въ тѣ мгновенія, когда бы Пресвятая, спустившись съ небесъ съ предвѣчнымъ Младенцемъ, тихо пронеслась предъ людьми на облакѣ надъ землей лучезарнымъ видѣніемъ...

Такъ что же: когда Рафаэль творилъ это вдохновенное произведеніе, въ краскахъ отражая святую мечту, жившую въ его душѣ—мечту о Дѣвѣ и о Младенцѣ Христѣ: не было ли тогда его дѣло—однимъ изъ высшихъ дѣлъ, доступныхъ человѣку, не служилъ ли онъ тогда Богу, извлекая изъ души своей и оставляя на вѣки людямъ такую святыню и красоту, предъ которой люди переживаютъ нѣчто высшее, чѣмъ молитву, которая даетъ имъ видѣніе живого неба.

А трогательный Мурильо, съ его картинами Приснодѣвы, въ облакѣ ангельскаго ополченія возносимой къ тому небесному Царству, гдѣ Она будетъ Царицей, со Младенцемъ Христомъ, то пьющимъ воду изъ черепка, который подноситъ къ Его устамъ маленькій Іоаннъ, то стоящимъ рядомъ съ барашкомъ — агнцемъ: Мурильо, весь какой-то небесный, съ безбрежной дѣтской вѣрою, точно руками осязавшій вѣчность съ надземными областями.

А нашъ Васнецовъ!

Если человѣкъ, способный къ религіозному воспріятію, входитъ впервые въ Кіевскій Князе-Владимірскій соборъ, на стѣнахъ котораго собраны произведенія Васнецова во всемъ расцвѣтѣ его генія: его охватываетъ необычайное чувство—близости и дѣйствительности того, что изображено на этихъ стѣнахъ, этихъ потолкахъ и столбахъ.

Вотъ «Богоматерь, несущая міру спасеніе» — знаменитая Богоматерь, столь распространенная въ своихъ воспроизведеніяхъ.

Вотъ — великолѣпное изображеніе равноапостольной великой княгини Ольги, праматери русскаго православія. Какъ зорко глядятъ вдаль ея вѣщія очи, какою могучею силою дышитъ вся она, прозрѣвшая истину и всенародно поклонившаяся Распятому Христу.

Вотъ, вверху изображенія ветхозавѣтныхъ пророковъ въ

священномъ изступленіи — вотъ, и потрясающее видѣніе по поясу купола «Блаженство святыхъ о Господѣ».

Святые разныхъ ликовъ, словно съ силою снаряда, выпущеннаго изъ орудія, стремятся къ отверстымъ дверямъ рая. Какое ликованіе, какое счастье! Вотъ—награда за тяжкій подвигъ жизни, за вѣрность Христу, засвидѣтельствованную у кого вольнымъ уничиженіемъ, ежедневнымъ самораспятіемъ, у кого—кровію и муками казни... Вотъ—они, проведшіе жизнь свою «скитающеся, скорбяще, лишени, озлоблени», ютясь въ пещерахъ и «въ пропастехъ земныхъ»—вотъ, они будутъ всѣ увѣнчаны сейчасъ нетлѣнными вѣнцами славы,—цари, князья, дѣти, старые иноки, юныя мученицы, юродивые и вельможи... Какое разнообразіе лицъ и выраженій! Вотъ, крѣпко прижимая къ груди крестъ, изсохшая тѣломъ, съ сѣдыми космами преподобная Марія Египетская. Вотъ, съ выраженіемъ невинной радости во взорѣ, весь свѣтленькій, въ ореолѣ своего непорочнаго дѣтства и своей святости, первый кіевскій отрокъ-мученикъ, сынъ Ѳеодора-варяга, Іоаннъ, со своимъ отцомъ.

Но кто это одна, среди общаго стремленія, тиха, задумчива, неподвижна? Уронивъ руки на колѣни, всматриваясь передъ собой широко открытыми очами, она откинулась на руки несущихъ ее ангеловъ и замерла. На ней одежда царской дочери, украшенная самоцвѣтными каменьями... Это великомученица Варвара, въ которой, хочется думать, художникъ отразилъ жившій въ немъ близкій и дорогой образъ — великой Богоискательницы Россіи.

Тихо и торжественно среди общаго счастливаго смятенія возносится она въ то небо, которое давно, съ того дня, какъ она познала и уневѣстилась Христу, спустилось въ ея душу...

Неотразимое видѣніе, возносящее человѣка «горѣ»!

А вотъ, въ самомъ потолкѣ чудесныя изображенія Христа Распятаго и надъ Нимъ—скорбящаго Бога-Отца.

О, эта склоненная на грудь съ невыразимою мукою глава; эти распростертыя по крестному древу и прободенныя гвоздями руки! О, эта мертвенная блѣдность, надвигающаяся на ланиты «Краснѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ», эти уста, вѣщавшія міру новое слово, которыя теперь раскроются только единый и послѣдній разъ, чтобы произнести послѣдній возгласъ: «Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой»!

Волнующій, незабываемый образъ!

А надъ Нимъ—еще, быть можетъ, болѣе скорбный образъ: Богъ-Отецъ, взирающій на крестную муку Сына. На простомъ каменномъ престолѣ возсѣлъ величественный сѣдоволосый Ста-

рецъ, и все въ Немъ и въ воздухѣ вокругъ говоритъ о Его необоримой силѣ... Чувствуется, что одной мысли Его довольно для того, чтобы легіоны ангеловъ слетали на землю, сняли со креста Единороднаго Сына Божія, облекли Его въ царскую порфиру и вознесли на небо для сидѣнія одесную Отца.

Но Онъ безмолвно смотритъ на Страдающаго и страдаетъ. И это сочетаніе скорби и безграничнаго могущества потрясаетъ... Эти руки, изъ ничего сотворившія вселенную, теперь не дрогнутъ, чтобы помочь распятому Сыну. Все окаменѣло, и застыли неподвижно вѣрные Серафимы, готовые творить волю Посылающаго, и съ ужасомъ взирающіе на муку Голгоѳы и на оставленіе Сына...

И вы, замеревъ, взираете на эту величайшую въ мірѣ трагедію.

А вотъ, обернитесь ко входнымъ дверямъ. Надъ ними по западной стѣнѣ встаетъ видѣніе Страшнаго Суда.

Эти подымающіеся изъ нѣдръ земли, воскресшіе по звуку трубы архангеловъ люди, эти кости, одѣвающіяся плотію, эти возсѣвшіе на престолахъ апостолы, этотъ ангелъ суда въ зеленомъ хитонѣ, съ запечатаннымъ тяжелою печатью страшнымъ свиткомъ дѣлъ человѣческихъ въ рукахъ,—все полно ужаса и угрозы... И тамъ, вверху, утвердился престолъ Грознаго Судіи—Христосъ въ бѣломъ хитонѣ протягиваетъ предъ собою книгу благовѣстія Своего, которая и будетъ судить міръ. Колѣнопреклоненный Іоаннъ Предтеча, крѣпко зажимая въ рукѣ хоругвь своей проповѣди, стоитъ съ понурой головой; а «Предстательство христіанъ непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное», Пресвятая Дѣва, склонясь къ плечу Сына, проситъ милости къ тому роду человѣческому, который самъ же Божественный Судія Ей усыновилъ..

И предъ этимъ видѣніемъ неизбѣжнаго часа страхомъ содрагается душа, и такъ хочется жизни свѣтлой, чистой, въ твореніи воли Господней. И, когда вы долго побродите въ соборѣ во внѣбогослужебное время, вы выйдете изъ него въ такомъ настроеніи, словно вы, какъ нѣкогда отрокъ во время землетрясенія въ Царьградѣ, были занесены на небо.

Вотъ, что дала кисть вдохновеннаго Васнецова людямъ. Можно ли поэтому отрицать, что всякій взмахъ его кисти при созданіи этихъ безсмертныхъ твореній былъ дѣломъ молитвеннымъ?

Но есть полотна чуткихъ мастеровъ, хотя и не посвященныя творчеству непосредственно религіозному, но произво-

дящія высокое впечатлѣніе, пробуждающія въ душѣ лучшія христіанскія чувства.

Возьмите, напримѣръ, извѣстную, небольшихъ размѣровъ, картину Перова «Похороны». Сѣрымъ зимнимъ днемъ ѣдутъ лѣсной дорогой дровни, запряженныя скверной лошаденкой. Простой деревянный, некрашенный и ничѣмъ не покрытый гробъ. На дровняхъ сидитъ мальчуганъ въ плохенькой одежонкѣ. Вотъ, и все. Но въ это простое бѣдное событіе художникъ вложилъ такую остроту безъисходнаго и безпомощнаго горя, столько тоски, что вы стоите предъ этимъ маленькимъ полотномъ, какъ предъ кускомъ живой жизни. Вамъ хочется идти за этимъ гробомъ безвѣстнаго труженика, который такъ же убого отправляется къ послѣднему покою, какъ прожилъ свой печальный и трудный вѣкъ. И потомъ вы говорите себѣ, что, если ничего нельзя сдѣлать для этого мальчика, потому что его и не существуетъ, то нужно найти другихъ такихъ же несчастныхъ и помочь имъ.

Или, вотъ, картина извѣстнаго художника Лебедева, изображающая крестьянку, которая пришла въ городъ провѣдать своего сына, обучающагося мастерству. Видъ этого забитаго, одѣтаго въ отрепья, голоднаго мальчугана, на котораго съ безграничнымъ горемъ смотритъ мать, производитъ такое впечатлѣніе, что такъ и хочется подойти поближе къ этой средѣ, сдѣлать что-нибудь для облегченія участи этихъ несчастныхъ мастеровыхъ дѣтей.

А литература, истинная литература, произведенія тѣхъ писателей, которые имѣютъ право вслѣдъ за Пушкинымъ повторить о себѣ:

Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

Развѣ эти страницы, которыя являются для васъ любящимъ другомъ, совѣтчикомъ, учителемъ и утѣшителемъ, надъ которыми вы то прольете теплую слезу умиленія, то исполнитесь желаніемъ подражать благородству героевъ, то постигнете всю низость своей жизни, и вамъ безконечно захочется жизни новой, сильной и чистой: развѣ эти страницы, пробуждающія въ васъ высокіе порывы и тѣмъ самымъ возвышающія васъ до Бога—не суть дѣло христіанское, и не внушены тому человѣку, который ихъ начерталъ, единственнымъ Источникомъ правды и свѣта?..

А великіе музыканты!

Не говоря уже о такихъ твореніяхъ чисто церковной музыки, какъ знаменитая «седьмая Херувимская» Бортнянскаго, въ которой, въ тихомъ, сладостномъ и таинственномъ распѣвѣ, вы чувствуете величіе и недоступную тайну приближающагося чуда, и слышите поступь наполняющихъ храмъ и готовыхъ послужить при принесеніи безкровной жертвы ангеловъ,—не говоря о такихъ чисто церковныхъ произведеніяхъ, какъ часто музыкальные отрывки настраиваютъ душу высочайше религіознымъ образомъ.

Вотъ, напримѣръ, развертывается предъ вами великое вступленіе въ оперу «Тангейзеръ» Вагнера, которая представляетъ собою борьбу въ человѣкѣ земного и небеснаго начала.

Какая тоска по небу слышится въ этихъ звукахъ, какое сознаніе ничтожества земли. И какъ утверждаетъ вѣру въ загробный міръ и въ ликующую вѣчность развитіе послѣдней темы.

Очищенная страданіемъ, получивъ прощеніе цѣною крестной жертвы, душа вступаетъ въ вѣчность...

Предъ вами разверзается небо. Звуки, все усиливающіяся и наростающія, — волны жизни, стремящейся въ высоту, прорвали, наконецъ, преграду, отдѣляющую землю отъ неба, торжествуя втекли въ берега безсмертія и плещутъ у самаго Престола Господа славы...

Какое величіе, какая красота, какой охватъ!

Тутъ не «вѣра» уже, ибо земное, съ возможностью муки и сомнѣнія, уже миновало. Тутъ уже «видѣніе» «лицомъ къ лицу», съ несомнѣнностью, тутъ уже ненарушимое блаженство обладанія...

Вагнеръ сумѣлъ взять робкую, сомнѣвающуюся душу человѣческую и поднять ее до небесъ...

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ ошибаемся мы, когда думаемъ ограничить область религіи одними явленіями чисто церковнаго характера.

Нѣтъ, Богъ рѣшительно во всякомъ честномъ и чистомъ трудѣ человѣческомъ. Богъ въ нашемъ здоровомъ и чистомъ веселіи, Богъ во всемъ, гдѣ мы не идемъ противъ Его воли.

Среди американскаго юношества развитъ обычай — предпринимать многочисленнымъ обществомъ прогулки по прекраснымъ американскимъ озерамъ. И тишина водъ, дремлющихъ подъ нависшими скалами, нарушается вдругъ пѣніемъ религіозныхъ гимновъ. Какое великолѣпное сліяніе торжественной красоты природы съ восторженнымъ изліяніемъ юной человѣческой души.

И, если я радуюсь чему, если я праздную что-нибудь, въ чемъ выразилось Божье ко мнѣ благодѣяніе: пусть не говорятъ мнѣ, что я въ радости моей внѣ Бога. Такимъ представителямъ мрачнаго христіанства, для которыхъ христіанство все состоитъ изъ мрака подземныхъ пещеръ,—я укажу на Христа, озаряющаго сіяніемъ Своимъ пиръ на бракѣ въ Канѣ Галилейской.

Не должно быть въ жизни христіанина той минуты, когда бы онъ не чувствовалъ своей связи съ Богомъ. И не въ однихъ лишь храмахъ должны мы искать и видѣть Христа, а повсюду въ жизни. Онъ стоитъ за тѣмъ бѣднымъ, который возбудилъ къ себѣ наше состраданіе; Онъ внушилъ писателю ту мысль, которая насъ волнуетъ; Онъ одѣлъ красотой тотъ міръ, который насъ такъ восхищаетъ.

И, когда вы, помолясь съ утра Богу словами тѣхъ молитвъ, какимъ васъ еще въ дѣтствѣ научили, выйдете наружу, и предъ вами заблеститъ сіяніе дня, и радость бытія наполнитъ душу, тогда своими словами, отъ себя, поговорите съ Творцомъ—скажите Ему:

«Какъ рвется душа моя благодарить Тебя!.. Не за одно только то, что Ты осыпалъ меня Своими благодѣяніями, но за то, что Ты далъ и мнѣ и всѣмъ людямъ: за все, за все!

«За Твое изумительное творчество, за силу роста, заложенную въ Твои творенія, за блескъ Твоихъ звѣздъ, за радость Твоего солнца, за сверканіе Твоей росы на изумрудахъ луговъ, за бодрость и свѣжесть этого утра, за это сознаніе, которымъ я поклоняюсь Тебѣ, за эту жажду и стремленіе къ Тебѣ, за Твое всепрощеніе, за встрѣченныхъ мною людей, въ которыхъ мнѣ сіяли Твои искры, за мою жизнь, за счастье и за муку, за надежды, за вѣчность!»

ГЛАВА III.

Воспитаніе вѣры.

Иногда религіозное чувство зарождается въ человѣкѣ само по себѣ, какъ-то безсознательно.

Въ средѣ, совершенно лишенной тяготѣнія къ вѣрѣ, въ средѣ, гдѣ все духовное подвергается злому осмѣянію, гдѣ дѣтямъ стремятся привить презрительное отношеніе къ христіанству и всячески клеймятъ предъ ними это ученіе—и тамъ часто, при этихъ обстоятельствахъ, вырабатываются счастливыя природы съ ярко выраженными стремленіями къ религіи.

Вѣдь, въ первые вѣка христіанства часто дѣти жесточайшихъ гонителей христіанъ неудержимо влеклись ко Христу, и получали мученическую смерть отъ своихъ родителей.

Такова, напримѣръ, исторія юной дѣвы, великомученицы Варвары, которая, втайнѣ отъ своего отца, закоренѣлаго язычника Діоскора, принявъ христіанство, была жестоко имъ гонима и отдана на невыразимыя муки, завершившіяся усѣченіемъ мечемъ, во исполненіе словъ Христовыхъ—«предастъ на смерть отецъ чада».

Современность знаетъ такіе же необыкновенные случаи—горячей, напряженной вѣры у дѣтей, родители которыхъ являются врагами Христа.

Въ наши дни Франція, какъ государство, пошла противъ Христа. Она запрещаетъ упоминать имя Его въ школахъ, выбросила крестъ изъ общественныхъ зданій, изгнала всѣхъ монаховъ и монахинь, значительная часть которыхъ занимались дѣлами благотворенія, учили юношество (лучшее среднее воспитаніе давалось въ школахъ, которыя содержали монахи), ходили въ госпиталяхъ за больными, посѣщали бѣдныхъ.

Въ арміи есть доносчики, которые доносятъ на офицеровъ, посѣщающихъ храмы, и эти офицеры на плохомъ счету и задерживаются въ своемъ служебномъ движеніи.

Вотъ, что сталось со страною, которая нѣкогда считалась «первородною дщерью» католической церкви, короли которой почетнѣйшимъ для себя титуломъ считали наименованіе «Христіаннѣйшій», со страною покровительницы Парижа дѣвы Женевьевы, страною святого короля Людовика и другой великой дѣвы, Іоанны д'Аркъ, вѣрою своею спасшей Францію отъ порабощенія Англіею.

Но религія пустила въ этой странѣ слишкомъ глубокіе корни, чтобы весь народъ пошелъ за безумствующимъ правительствомъ.

И остаются вѣрными религіи множество людей, которые были въ ней воспитаны.

Пишущему эти строки пришлось присутствовать въ величайшемъ по размѣру святилищѣ Парижа, необъятной базиликѣ во имя «Священнаго Сердца Іисусова», царствующей надъ Парижемъ съ высоты Монмартрскаго холма—на потрясающемъ служеніи.

Во Франціи есть братство, носящее названіе «мужей Франціи» и объединившее въ составѣ членовъ своихъ всѣ рѣшительно приходы страны. Разъ въ мѣсяцъ въ базиликѣ Сердца Іисусова собираются они для молитвы о своей странѣ и о своей

вѣрѣ. Произносится съ каѳедры слово, освѣщающее положеніе страны и дѣло обороны въ ней вѣры и народной вѣрующей души отъ посягательствъ безбожнаго правительства, бываетъ торжественный крестный ходъ по окружающимъ базилику широкимъ галлереямъ, а до того вся церковь, наполненная мужчинами всѣхъ рѣшительно состояній и возрастовъ, поетъ гимны.

Трудно передать величіе, въ которомъ къ высокимъ сводамъ подымается подъ звуки могучаго органа гармоническій крикъ этой несмѣтной толпы, объединенной одною тоскою по старой Франціи, согласно склонявшейся предъ распятымъ Христомъ, одною мольбою о возрожденіи страны:

Sauvez, sauvez la France au nom du Sacrè Coeur! *).

При выходѣ пришлось минутъ десять добираться до дверей, хотя я находился недалеко отъ нихъ, и все это множество народа и только что слышанное пѣніе вселяли одно твердое убѣжденіе:

«Нѣтъ, во Франціи еще не покончено съ религіей!»

Такъ вотъ, кромѣ людей и молодежи, принадлежащихъ къ этой части Франціи, сохранившей свою вѣру, кромѣ ихъ тоскуютъ по религіи дѣти отъявленныхъ враговъ религіи.

Дочь Жореса, извѣстнаго политическаго дѣятеля, непримиримаго врага Церкви, постриглась въ монахини.

Другіе единомышленники его узнавали, что взрослыя дѣти ихъ потихоньку отъ нихъ ходятъ въ церковь, пріобщаются. Когда они упрекали дѣтей въ томъ, что они скрываютъ отъ нихъ эти поступки, дѣти спокойно отвѣчали:

«Мы васъ не обманывали. Мы исполняли то, что намъ внушаетъ внутренній голосъ; а, чтобы не огорчать васъ, мы этимъ съ вами не дѣлились. Вѣдь ни вы намъ, ни мы вамъ не внушимъ своихъ убѣжденій».

И спокойно, безъ споровъ и борьбы эта молодежь продолжала жить въ той церкви, которую рушили ихъ отцы.

Есть какая-то особая высота и святыня въ той душѣ, которая приходитъ къ Богу сама по себѣ, по внутреннему влеченію, которой Богъ открывается Самъ. Такимъ, именно, путемъ внутренняго чудеснаго озаренія пришла ко Христу великомученица Варвара.

Отецъ ея не могъ надышаться на свою дочь, а красота ея, по мѣрѣ того, какъ она подрастала, расцвѣтала такъ, что отцу ея казалось, что глаза людей недостойны видѣть Варвару, и для нея была выстроена обширная высокая башня съ великолѣпными палатами.

---

*) Спаси, спаси Францію во имя сердца Іисусова.

Лучшимъ утѣшеніемъ Варвары въ ея одиночествѣ и блестящемъ затворничествѣ было смотрѣть съ высоты на природу. Она любила уходить взорами въ вечернюю пору въ небо, горѣвшее мигающими звѣздами, словно возвѣщающими о какихъ-то великихъ, скрытыхъ за этимъ загадочнымъ шатромъ, иныхъ мірахъ. Наблюдала она и красоту земли: праздники юныхъ зорь, роскошь заката, изумрудный всходъ молодыхъ посѣвовъ, колеблемыя въ лѣтнюю пору вѣтромъ волны золотистыхъ нивъ, немолчно шумящія вершины деревьевъ.

Захотѣлось ей, смотря на красоту мірозданія, знать, кто же создалъ всю эту вселенную, украсилъ ее, какъ невѣсту, для невѣдомаго жениха.

Какъ-то она спросила одну изъ своихъ воспитательницъ, указывая на красоту неба:

— Кто это сотворилъ?

Потомъ, взглянувъ на красоту земли, на поля и рощи, на сады въ ихъ весенней свѣжей зелени, на возвышающіяся къ небу горы, на тихія задумчивыя воды, она опять спросила:

— Чьей рукой создана вся эта красота?

— Все это создали боги,—отвѣтили ей.

Варвара стала разспрашивать, какіе именно боги.

— Да тѣ боги,—отвѣтили ей,—которымъ поклоняется твой отецъ и которые стоятъ у него,—золотые, серебряные, деревянные. Они все создали.

Варвара была вдумчива не по лѣтамъ. И несообразность отвѣта, ею полученнаго, бросилась ей въ глаза. Она возразила:

— Вѣдь, эти боги сдѣланы руками человѣческими: какъ же эти выдѣланные людьми боги могли создать свѣтлое, высокое небо и всю земную красоту, когда они сами не ходятъ ногами и не двигаютъ руками?

Такъ осталась Варвара неудовлетворенною. Мысль ея не успокаивалась—она размышляла ночью и днемъ и глядѣла на небо, замеревъ предъ его тайнами, сжигаемая желаніемъ познать Творца и Его твореніе. И вотъ—Господь, видя высокую жажду этой души, Самъ пошелъ къ ней навстрѣчу.

Какъ-то однажды, когда она смотрѣла на небо, разгораясь желаніемъ познать Того, Кто его сотворилъ, къ Кому стремилась ея душа, еще не познавшая истины, но требовавшая истины,—былъ ей глаголъ Божій.

Благодать озарила умъ Варвары, внутреннія очи открылись. Полнота истины озарила ее, и она сказала себѣ сама: «Единъ долженъ быть Богъ, и Его не сдѣлала рука человѣческая, а Самъ Онъ, имѣющій собственное бытіе, Своею рукою создаетъ

все. Единъ долженъ быть Тотъ, Кто поставилъ красоту неба, утвердилъ землю и освѣщаетъ вселенную грѣющими лучами солнца, сіяніемъ луны и блистаніемъ звѣздъ. Единъ Тотъ, Кто украшаетъ землю различными деревьями, цвѣтами, орошаетъ ее рѣками, источниками и иными собраніями воды; Единъ долженъ быть Богъ, Который все держитъ и всѣмъ даетъ жизнь, и обо всемъ заботится».

И вотъ, любовь къ таинственному Богу, открывшемуся ея душѣ, стала охватывать все существо Варвары чудными силами. Такъ бываетъ въ любви земной, что, едва увидавъ человѣка, котораго суждено любить всю жизнь, душа стремится всѣми силами къ этому человѣку, лишь въ его присутствіи чуя въ себѣ счастье и жизнь.

То же, но въ еще большей степени, было теперь съ Варварой. Она жаждала узнать о Богѣ, думала лишь о Немъ, изнывала въ невѣдѣніи, сгорала любовію къ Тому таинственному и невѣдомому, Котораго предчувствовала, но Который еще такъ мало былъ ей открытъ.

Она не могла надѣяться получить отъ кого-нибудь вѣсть о Богѣ, потому что никто не входилъ къ ней на башню. Лишь иногда тайными осѣненіями сообщалъ ей проблески истины Учитель и Наставникъ ея, Святой Духъ, Который говорилъ съ ея душою безсловесными знаками и никому, кромѣ ея одной, невнятными внушеніями...

Какъ это было съ великомученицею Варварою,—ясный умъ не можетъ не остановиться надъ такимъ вопросомъ.

Если нѣтъ ни одного людского предпріятія, которое могло бы двигаться, никѣмъ не руководимое: то какъ же безъ верховнаго Начала могла бы держаться въ своей изумительной стройности вся громада мірозданія?

Такой умъ самъ собою придетъ къ неизбѣжной вѣрѣ въ Творца и Промыслителя всего существующаго.

Затѣмъ для ума живого и глубокаго и для природы, отличающейся справедливостью, представляется необходимымъ провѣрить тѣ странные нападки на религію, которыхъ онъ становится свидѣтелемъ. Онъ старается во всемъ разобраться. И, можно сказать, что иные люди, которые бы остались къ природѣ равнодушны въ тѣ времена, когда религія не преслѣдуется,—обращаются къ ней всею душою во времена гоненій.

Но этотъ путь, о которомъ сейчасъ было говорено,—путь непосредственной вѣры, есть путь немногихъ избранныхъ душъ.

Въ другихъ вѣру надо воспитывать, и это воспитаніе вѣры принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ задачъ жизни.

Нечего много распространяться о томъ, насколько для людей вѣрующихъ кажется важнымъ вопросъ о томъ, чтобы передать свою вѣру дѣтямъ.

Порою этою же заботою волнуются и атеисты.

Кто-то изъ французскихъ извѣстныхъ отрицателей самолично водилъ свою дочь на уроки катехизиса—очевидно, желая воспитать въ своей дочери ту вѣру, которой былъ лишенъ онъ самъ.

Одна состоятельная женщина, очень образованная и считающая себя атеисткой, занимается столовыми, гдѣ кормятъ бѣдныхъ дѣтей. Какъ-то она разсказывала:

— Представьте, прихожу я въ столовую. Дѣти садятся за столы, какъ ягнята, безъ молитвы. Я сейчасъ же велѣла имъ спѣть молитву. Вѣдь, это ни на что не похоже,—и самымъ строгимъ образомъ предписала надзирательницѣ, чтобъ никогда не садились безъ молитвы.

Негодованіе въ устахъ «атеистки» довольно неожиданное...

Но въ томъ-то и дѣло, что атеизмъ, доведенный до послѣднихъ выводовъ, до равнодушія, у содержательныхъ людей почти не существуетъ: или онъ бываетъ кроткій и примирительный, какъ вотъ у этой женской души, граничащій съ вѣрой, или ненавистный, воинствующій, а ненависть—это только оборотная сторона любви.

Такъ или иначе эти люди чувствуютъ всю цѣнность для души религіи, незамѣнимую поддержку, которую она оказываетъ людямъ, и не рѣшаются отнимать у близкихъ такое сокровище.

Одна мать нанимала на лѣто въ деревню учителя-студента для своего сына, которому было тогда лѣтъ шестнадцать. Студентъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ подходящимъ, но нужно было рѣшить еще важнѣйшій вопросъ.

— Видите,—сказала эта заботливая мать,—я воспитывала моего сына вѣрующимъ, и доселѣ сумѣла сохранить его въ этомъ отношеніи отъ всякихъ колебаній. Я хотѣла бы знать, каково будетъ воздѣйствіе ваше на него съ этой стороны.

— Мѣсто у васъ,—отвѣчалъ ей этотъ, какъ видно, порядочный и честный молодой человѣкъ,—подходитъ мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Но я лучше лишусь этого мѣста, чѣмъ скрою отъ васъ правду. Я самъ невѣрующій человѣкъ, и отъ этого сильно страдаю. Зная по себѣ, какъ тяжело жить безъ вѣры, я, конечно, ни въ комъ ея не колеблю. И, еслибъ я поступилъ къ вамъ, я бы тщательно избѣгалъ касаться предъ вашимъ сыномъ этихъ вопросовъ.

Такъ долженъ смотрѣть на это всякій человѣкъ, сочувственно и глубоко относящійся къ людямъ.

Но, конечно, изъ этого осторожнаго молчанія многаго не вынесетъ дѣтская душа. Нужно положительное воздѣйствіе.

Нельзя достаточно настаивать на томъ первостепенномъ значеніи, какое имѣютъ для непробудившагося даже еще вполнѣ сознанія первыя теплыя и чистыя впечатлѣнія вѣры.

Въ дѣтской предъ старой иконой тихо, безстрастнымъ умиряющимъ огнемъ теплится лампадка; старая няня предъ иконою творитъ поклонъ за поклономъ; съ ближней колокольни доносится тихій мѣрный благовѣстъ.

«Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти...»

Окна трескучій морозъ разрисовалъ прихотливымъ узоромъ, а здѣсь, въ комнатѣ, тепло, уютно и отрадно.

И этотъ миръ, это святое затишье, ребенокъ, быть можетъ, вспомнитъ много разъ потомъ въ зрѣлые года, и многое прояснится тогда въ его омраченной душѣ.

Мнѣ вспоминается одно посѣщеніе усадьбы родныхъ.

Будучи по дѣламъ въ одномъ старинномъ городѣ, я вспомнилъ, что тутъ неподалеку, верстахъ въ двѣнадцати отъ города, живутъ въ старой родовой усадьбѣ мои родственники. Я списался съ ними, они выслали лошадей, и я поѣхалъ къ нимъ какъ-то вечеромъ.

Послѣ осмотра дома, строеннаго въ началѣ 19-го вѣка, со старыми семейными портретами на стѣнахъ, старою мебелью и старинною посудой,—я прошелъ за молодой хозяйкой въ большую темную комнату.

— Тутъ его отецъ родился,—сказала она у порога, кивая головою на мужа.

А покойный старикъ былъ не рядовой человѣкъ, памятный въ исторіи своего края.

Мы вошли.

Просторная комната съ тщательно завѣшанными окнами была почти пуста, какъ это бываетъ въ хорошо содержимыхъ дѣтскихъ. На стѣнѣ висѣлъ въ металлическомъ кіотѣ и въ золоченой ризѣ Казанскій образъ Богоматери, предъ ней свѣтился чрезъ синее стекло лампадки нѣжный огонекъ.

— Этой иконой моего отца на свадьбу благословляли,—сказалъ тихо хозяинъ.

Посреди комнаты стояла колыбель съ раскинутыми въ стороны кисейными занавѣсками. Въ ней лежалъ спящій младенецъ, сладко чмокая губами.

Казалось, что ликъ старой иконы доставалъ своими благостными очами эту колыбель и осѣнялъ своей силой новое человѣческое существованіе.

И эта икона какими-то узами связывала дѣда и внука, прошлое и будущее...

Вотъ—та здоровая, естественная обстановка, которою отъ рожденія окруженъ ребенокъ христіанскихъ родителей.

А сколько трогательной поэзіи въ томъ, что молодая мать учитъ ребенка складывать пальчики руки въ первое крестное знаменіе, учитъ его лепетать среди первыхъ словъ, которыя онъ начинаетъ произносить, великое имя «Богъ».

Жалко того ребенка, котораго мать не учила молиться, и жалко ту мать, которая предоставила эту завѣтную обязанность другимъ.

Замѣчательно, что дѣти совершенно не сомнѣваются въ существованіи Бога. Ихъ еле мерцающее сознаніе, тѣмъ не менѣе, какъ-то способно охватить идею Божества.

Слова Спасителя «утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцамъ», открываютъ законное поле для весьма важныхъ догадокъ.

Младенческая душа, начавъ рано свою религіозную жизнь, можетъ еще въ младенческомъ возрастѣ пойти очень далеко въ религіозномъ своемъ развитіи. Она можетъ созерцать тѣ тайны, въ созерцаніе которыхъ погружены, напримѣръ, знаменитые два херувима на картинѣ «Сикстинская Мадонна» Рафаэля, что Рафаэль поставилъ какъ бы на границѣ двухъ міровъ.

Были случаи въ годы гоненій, что грудныя дѣти рвались сами на тѣ пытки за Христа, которымъ подвергали ихъ родителей, и являлись, такимъ образомъ, сознательными исповѣдниками и мучениками.

Кому приходилось наблюдать за выраженіемъ лица у младенцевъ, когда ихъ только что пріобщили,—тотъ могъ уловить на этихъ, въ общемъ мало выразительныхъ, лицахъ какую-то особую печать святой непорочности, радости и созерцанія...

И вотъ—то, что душа чувствуетъ сама собою, къ чему она сама поворачивается, какъ подсолнечникъ къ солнцу, все это надо въ дѣтяхъ укрѣплять, развивать, углублять.

Съ самаго ранняго нѣжнаго возраста дѣтей нужно возможно чаще, хоть всякую недѣлю, пріобщать. Какъ прививаютъ дичку вѣтку благороднаго дерева, такъ ничѣмъ лучше нельзя сдѣлать душу гроздью на Христовой лозѣ, какъ возможно частымъ ея погруженіемъ за трапезой Христовой въ святыню Христову.

Извѣстный въ Петербургѣ духовникъ и проповѣдникъ, почившій протоіерей о. Алексѣй Петровичъ Колоколовъ, разсказывалъ, какъ одна его духовная дочь была выдана за богатаго титулованнаго человѣка, который обнаруживалъ признаки душевной болѣзни. Доктора боялись, что дѣти выйдутъ ненормальныя.

Со своей стороны о. Алексѣй предложилъ то, что было въ его рукахъ—средство духовное. Онъ совѣтовалъ матери возможно чаще съ первыхъ же мѣсяцевъ рожденія пріобщать тѣхъ трехъ мальчиковъ, которые у нея были отъ этого брака. И всѣ они вышли вполнѣ здоровыми и естественными людьми.

Дѣтскому возрасту, конечно, непонятны разныя догматическія тонкости, которыя имъ совершенно излишне и объяснять. Но въ дѣтяхъ надо внѣдрять живое чувство къ Богу. Чувство, что есть высшее, всемогущее, прекраснѣйшее Существо, Которому все открыто, Которое всегда готово выслушать человѣка и откликнуться ему.

И пусть сперва ребенокъ обращается къ Богу со своими дѣтскими, съ виду пустыми и ничтожными, просьбами; это и есть та простая и непосредственная вѣра, та крѣпкая вѣра въ Него, которая потомъ, конечно, съ созрѣваніемъ человѣка, приметъ иной оттѣнокъ.

Въ одномъ изъ благоухающихъ созданій русской литературы, принадлежащихъ перу человѣка, который, къ сожалѣнію, потомъ измѣнилъ Христу, въ «Дѣтствѣ и Отрочествѣ» графа Л. Н. Толстого, есть прекрасное описаніе дѣтской молитвы, какъ, стоя въ своемъ халатикѣ, онъ помолится о папенькѣ и маменькѣ и вспомнитъ тутъ разомъ о всѣхъ людяхъ, кто ему дорогъ въ его дѣтскомъ міркѣ, и тутъ же попроситъ, чтобъ завтра была хорошая погода и чтобъ можно было идти гулять.

Въ «Войнѣ и Мирѣ» братъ и сестра Ростовы взрослыми вспоминаютъ, какъ дѣтьми они молились, чтобъ снѣгъ сдѣлался сахаромъ, и выбѣгали на морозъ смотрѣть, не случилось ли этого чуда по ихъ молитвѣ.

И вотъ, когда Николай, уже офицеромъ, молится однажды, чтобы Богъ помогъ ему выпутаться изъ одного очень сложнаго и тягостнаго положенія, — во время самой его молитвы онъ вдругъ получаетъ письмо, которое нежданнымъ и наилучшимъ образомъ все устраиваетъ.

Дѣтская безотчетная молитва со странными своеобразными просьбами обращается въ сознательную молитву зрѣлаго возраста.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей имѣетъ громадное значеніе окру-

жить ихъ атмосферою вѣры и привить имъ добрые благочестивые навыки.

Вѣра искреннихъ людей подчиняетъ себѣ другихъ, невольно передается, перенимается, особенно въ дѣтскомъ воспріимчивомъ возрастѣ.

Я знаю одну семью, гдѣ при дѣтяхъ прожила съ годъ бонна, русская дѣвушка изъ Калуги, очень набожная. У нея въ комнатѣ висѣли у кровати образки, привезенные ею съ собой изъ Калуги. Она постоянно говорила дѣтямъ «о Божественномъ». Не отлучаясь отъ дѣтей весь день, она, и въ будни часто бывая въ церкви, рано подымалась, чтобы идти къ заутрени и ранней обѣднѣ. Отъ нея дѣти услыхали въ первый разъ имена многихъ святыхъ; она имъ разсказала о Саровской пустыни и о великомъ старцѣ Серафимѣ, кормившемъ изъ своихъ ручекъ медвѣдя, объ Оптиной и ея старцахъ. Всякое утро послѣ общей молитвы она поила дѣтей натощакъ изъ маленькой рюмочки святою водою, и давала имъ по кусочку тѣхъ просфоръ, которыя приносила съ собою изъ церкви.

Всего годъ провела она въ этой семьѣ, такъ какъ служила для того, чтобы скопить себѣ на приданое—въ родной Калугѣ ее ждалъ женихъ.

Но слѣдъ, оставленный ею и церковной ея жизнію въ душѣ дѣтей, былъ глубокъ и не изгладился во всю ихъ жизнь.

Въ этой же семьѣ по лѣтамъ дѣти гащивали въ большомъ имѣніи у пожилой тетки, не вышедшей замужъ. Она была тоже женщина набожная и церковная, и такими же были служившія ей женщины.

Когда дѣти приходили, по вечерамъ, прощаться съ тетушкой, они неизбѣжно заставали у нея старую ея ключницу, полуглухую старушку, съ семи лѣтъ служившую при господахъ.

Въ это время происходило всегда обсужденіе, за кого подавать на завтрашнее утро за ранней обѣдней просфоры и кого поминать за панихидой.

Старушка-ключница всякій день бывала у обѣдни и ежедневно подавала поминовенныя просфоры «о здравіи и за упокой». Часть именъ, ближайшихъ родныхъ, поминались ежедневно, а часть въ извѣстные дни—дни имянинъ, рожденій и смерти: всѣ эти памятные дни у госпожи ея были аккуратно записаны въ особую книгу.

Зимою иногда тетушка брала съ собой одного изъ маленькихъ племянниковъ, обнаруживавшаго особую набожность, съ собою въ Троицкую лавру подъ Москвой, гдѣ у нея были схоронены родители.

Дѣти знали о лаврѣ и о преподобномъ Сергіи съ первыхъ сознательныхъ годовъ своихъ. У нихъ была старая бабушка, доживавшая свой вѣкъ на окраинѣ Москвы, неподалеку отъ женскаго монастыря, гдѣ ждалъ ее послѣдній пріютъ. Ежедневно старая раскормленная лошадь, которою правилъ старый почтенный кучеръ, привозила въ просторныхъ дрожкахъ или низкихъ саняхъ бабушку къ монастырскому собору. Отсюда, отстоявъ обѣдню, она, опираясь на клюку, медленно шла своимъ старческимъ шагомъ къ «могилкамъ»—мужа, незамужней дочери и сына, умершаго мальчикомъ, соединенія съ которыми она покорно ждала въ своей тихой и ясной старости.

По большимъ праздникамъ, нѣсколько разъ въ годъ, ея старшій сынъ привозилъ своихъ дѣтей къ матери, и въ жарко натопленныхъ маленькихъ и низкихъ, уютныхъ комнатахъ, уставленныхъ тяжелою семейною мебелью, устраивался обѣдъ.

Дѣтей интересовали и старыя большія иконы въ дорогихъ окладахъ въ бабушкиной спальнѣ, и безчисленное множество горшковъ со свѣжей, прекрасно содержавшейся зеленью и цвѣтами на бабушкиныхъ окнахъ, и старый сѣрый бабушкинъ котъ, тихо мурлыкавшій на своей неизмѣнной скамеечкѣ съ мягкой подстилкой, и на стѣнахъ старые портреты, навѣшанные чинно и въ порядкѣ, всякаго размѣра, и масляными красками, и водяными, и забавные дагерротипы на стеклѣ, и старинная посуда.

Бабушка вела бесѣду медленную и тихую. Она любила вспоминать о разныхъ подвижникахъ, которыхъ знавала; разсказывала о святыхъ мѣстахъ, такъ какъ была охотница посѣщать ихъ, и о тѣхъ чудесахъ, о которыхъ за послѣднее время гдѣ-нибудь вычитала или услыхала. И отъ всѣхъ ея разсказовъ, съ этой мирной обстановкой ея дома, что-то тихое, успокаивающее, полное довѣрія и предчувствія близкой вѣчности, вкрадывалось въ душу, навсегда прокладывая въ ней глубокую борозду.

Послѣ обѣда дѣти шли обыкновенно въ комнату къ старой слѣпой бабушкиной служанкѣ Ненилѣ, жившей на покоѣ. Ненилѣ было много-много лѣтъ. Она была изъ подмосковныхъ крестьянъ и хорошо помнила «француза», такъ какъ въ двѣнадцатомъ году она была взрослой дѣвушкой.

Дѣти усаживались рядкомъ на мягкую кровать Ненилы, а старушка, никогда не сидѣвшая безъ дѣла, двигая спицами, въ сотый разъ разсказывала своимъ неспѣшнымъ старческимъ голосомъ про разныя исторіи «съ французомъ».

Теплая свѣтелка съ большой изразцовой лежанкой была

въ полусумракѣ надвигающагося вечера мирно озарена огнемъ лампадки. Освѣщенная ею, проступала позолоченная рѣзьба вѣтвей дешеваго кіота. По стѣнамъ въ старыхъ рамахъ висѣли подаренныя уже давнымъ-давно бабушкою Ненилѣ выцвѣтшія одного и того же размѣра гравюры съ разными событіями изъ жизни преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Первая изображала, какъ ангелъ является подъ дубомъ преподобному въ дѣтствѣ, и какъ мальчикъ стоитъ предъ ангеломъ со сложенными руками для принятія благословенія, съ уздечкой, висящей у локтя. На одной преподобный мѣсилъ тѣсто для просфоры. На другой—смотрѣлъ чрезъ окно кельи на множество птицъ, наполнявшихъ пространство монастыря, въ предсказаніе множества учениковъ его. На третьей, сидя на обрубкѣ пня въ кельѣ, занимался портняжничествомъ. На четвертой чудесно изводилъ изъ земли источникъ воды. На пятой посѣщала его Богоматерь. Была еще картинка, какъ его пріобщаютъ предъ смертью, и какъ онъ при осадѣ монастыря поляками обходитъ монастырскія стѣны, окропляя ихъ святою водой.

И, смотря на эти картинки, дѣти принимались разспрашивать Ненилу о томъ, сколько разъ она ходила «къ Троицѣ» на богомолье, и какія съ ней по дорогѣ бывали приключенія.

Вотъ, гдѣ и какъ узнали дѣти о преподобномъ Сергіи Радонежскомъ.

И для того мальчика, котораго тетушка бирала съ собой въ Троице-Сергіеву лавру, эти поѣздки были полны какой-то особой привлекательности.

Раннее-раннее вставаніе, чтобъ попасть на поѣздъ, который идетъ въ началѣ седьмого часа, быстрый проѣздъ по знакомымъ улицамъ Москвы, въ этотъ часъ имѣющимъ какой-то необычный видъ, точно онѣ другія; въ поѣздѣ думы объ этомъ великомъ отшельникѣ,—какъ онъ не могъ усваивать себѣ того, чему его учили, и какъ ему явился ангелъ, чтобы просвѣтить его умъ (картинка въ комнатѣ бабушкиной Ненилы), какъ онъ покоилъ до ихъ смерти своихъ родителей и какъ потомъ ушелъ въ этотъ дремучій лѣсъ, какъ искушали его злые духи, и какъ онъ благословлялъ Дмитрія Донского идти на Мамая.

А потомъ пріѣздъ въ лавру; знакомый извозчикъ, всегда ѣздящій съ тетушкой, въ просторныхъ саняхъ; знакомая дорога въ гору, и, наконецъ, лаврскія святыя ворота.

А тамъ чинная служба, «заказная» обѣдня для нихъ въ одной изъ маленькихъ церквей, и панихида съ литіей наружѣ, предъ высокими тяжелыми памятниками на могилахъ родныхъ. Потомъ Троицкій соборъ, рака преподобнаго въ великой славѣ,

вереницы богомольцевъ, нескончаемые возгласы молебновъ— «Преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ!», сіяніе множества огней вокругъ раки, какъ отблескъ ликующей вѣчности, чувствуемыя тутъ, слагавшіяся къ этой ракѣ длинною чредою вѣковъ народная вѣра, слезы, стоны, моленія, и стоящій въ святомъ воздухѣ этого священнаго мѣста торжественный, неизгладимый отзвукъ, когда-то прозвучавшей здѣсь блаженной вѣсти —«Се Пречистая грядетъ!» — когда-то произнесеннаго здѣсь великаго обѣтованія: «Неотступна буду отъ мѣста сего и буду покрывать его»...

И какъ всѣ эти впечатлѣнія западаютъ въ душу, чтобъ никогда не выпасть изъ нея!

А потомъ могила митрополита Филарета, который бывалъ въ домѣ бабушки, и о которомъ столько разсказовъ и воспоминаній на Москвѣ; знаменитыя троицкія просфоры, забираемыя въ большомъ количествѣ, съ надписью имени на оборотѣ, сдѣланною гусиными перьями въ рукахъ послушниковъ за длиннымъ, чернымъ столомъ около просфорной; поѣздка къ «Черниговской» лѣсомъ, по которому, конечно, бывало, пробирались къ преподобному Сергію тяжелою стопою медвѣди за хлѣбомъ, и въ подземной церкви большая чудотворная икона...

Вотъ, что нужно дѣтямъ, чтобъ внѣдрить въ нихъ крѣпко религіозное чувство.

Послѣдующія бури могутъ временно умалить, порастрепать это чувство, но все же основа останется, и, какъ на величественномъ, далеко въ землю ушедшемъ фундаментѣ разрушеннаго дворца можно выстроить снова дворецъ еще краше, такъ человѣкъ, пережившій въ дѣтствѣ всю полноту религіозныхъ чувствъ,—несмотря ни на какія послѣдующія искушенія отрицанія и равнодушія,—всегда можетъ обратиться къ Богу съ еще большимъ пыломъ, и едва ли умретъ далекимъ отъ Бога.

Съ самаго ранняго возраста надо пріохочивать дѣтей къ духовному чтенію.

Я знаю человѣка, который всю жизнь имѣлъ большое сочувствіе къ монашеству и монахамъ. Это сочувствіе зародилось въ немъ въ раннемъ еще дѣтствѣ.

Ему было лѣтъ пять, и онъ еле читалъ по-складамъ, когда ему попались въ руки какіе-то обрывки изъ одной духовной книги крупной печати. Но въ этихъ обрывкахъ было полное краткое житіе преподобнаго Ѳеодосія кіево-печерскаго, и мальчикъ съ восторгомъ прочелъ его, особенно тѣ страницы, гдѣ

описано, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ подвижничалъ преподобный Ѳеодосій, какъ надѣвалъ на себя вериги и какъ преслѣдовала его его мать.

Я зналъ еще мальчика, который выказывалъ большое сочувствіе пѣшимъ богомольцамъ.

Въ этой семьѣ возили дѣтей весною и осенью, до переѣзда въ деревню, кататься и гулять въ паркъ, за заставу, гдѣ проходятъ богомольцы, пробирающіеся къ преподобному Саввѣ Сторожевскому и въ Новый Іерусалимъ, или возили чрезъ Крестовскую заставу въ Останкино, по шоссе, гдѣ попадаются вереницы богомольцевъ, направляющихся къ Сергію-Троицѣ.

Этотъ мальчикъ любилъ заговаривать съ богомольцами, жалѣлъ ихъ, что они идутъ пѣшкомъ и тащатъ еще на спинѣ тяжелыя котомки. Денегъ у него, хотя его родители были богаты, не было по его возрасту ни гроша, но у него бывали съ собой карамельки, которыя имъ давали на дорогу. Эти карамельки онъ и отдавалъ богомольцамъ. А разъ, отдавъ имъ свои и разойдясь съ ними на далекое разстояніе, онъ уговорилъ братьевъ отдать ему и ихъ карамельки и опрометью принялся догонять богомольцевъ, чтобъ вручить имъ это сокровище—сопровождавшій ихъ учитель торопилъ ихъ садиться въ коляску, чтобъ вернуться домой.

Всѣ, вотъ, такія черты дѣтской жизни и образуютъ обстановку, благопріятную для развитія и укрѣпленія вѣры.

И часто не тѣ лица, которыя гордо полагаютъ, что они руководятъ ребенкомъ,—часто не эти вовсе лица направляютъ душу и жизнь ребенка по тому или другому руслу.

Вспомнимъ лучезарное созданіе Тургенева—Лизу Калитину изъ «Дворянскаго Гнѣзда», одинъ изъ высшихъ русскихъ литературныхъ типовъ.

Въ чопорномъ, холодномъ и скучномъ домѣ ея родителей не лживо-сентиментальная ея мать и не погруженный въ свои своекорыстные разсчеты отецъ направлялъ жизнь чуткаго ребенка.

Около дѣвочки стояла незамѣтная няня Агафья, женщина цѣльной души и крѣпкой вѣры, одна изъ тѣхъ, которыми держится міръ святой Руси. Стояла и заботливой рукой вела дѣвочку ко Христу.

Тѣ службы, къ которымъ на зарѣ, въ задумчивую и загадочную пустоту церкви водила няня маленькую Лизу, тѣ разсказы, въ которыхъ съ безхитростною вѣрою своею она описывала страданія мучениковъ и какъ цвѣты подымались вдругъ изъ земли, орошенной ихъ кровью (—Желто-фіоли?—

довѣрчиво спрашивала дѣвочка): все это вырабатывало постепенно въ Лизѣ то тайное, громадное чувство къ Богу, которое потомъ, при крушеніи ея несмѣлыхъ земныхъ надеждъ, заполнило всю ея жизнь,—то чувство, о которомъ такъ просто, потрясающе и исчерпывающе выражается Тургеневъ:

«Бога одного любила она робко, восторженно, нѣжно»...

Типъ Лизы Калитиной, питомицы няни Агафьи, какъ бы паритъ надъ землей, и жизнь ея стоитъ на той грани, гдѣ кончается земная повѣсть, гдѣ начинается житіе праведницы.

Другой безсмертный образъ русской женщины, Татьяна Ларина изъ «Евгенія Онѣгина» Пушкина. И здѣсь точно также намъ ясно духовное воздѣйствіе простой русской женщины, няни, которая, неграмотная, бѣдная крестьянка, имѣла свое цѣльное, непоколебимое воззрѣніе на жизнь, какъ на поле долга и чести, и привила это воззрѣніе своей питомицѣ.

Таня, взрослая годами, но ребенокъ душой, открываетъ нянѣ свою тайну, никому еще не высказанную, о любви своей къ Онѣгину. И какъ принимаетъ старушка это признаніе въ любви, которое принесло Танѣ столько горя:

— Няня, няня, я тоскую,
Я плакать, я рыдать готова!
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь, помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...—Я не больна;
Я... знаешь, няня... влюблена.
— Дитя мое, Господь съ тобою!—
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

Поэтъ немного кладетъ чертъ, чтобъ уяснить намъ душу Татьяны, и особенно цѣломудренно мало говоритъ онъ объ ея вѣрованіяхъ. Но во всей этой краткости широкіе горизонты Татьяниной идеальной души, для которой и любовь была чистымъ восторгомъ и поклоненіемъ тому, что казалось ей самымъ высокимъ и прекраснымъ изъ всего, что она доселѣ встрѣчала, — широкіе горизонты этой души открываютъ ея слова о томъ, что прежде своей встрѣчи съ Онѣгинымъ она его уже предчувствовала:

Не правда-ль, я тебя слыхала,
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души...
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью,
Не ты-ль съ отрадой и любовью
Слова надежды мнѣ шепнулъ!

Такъ въ Татьянѣ мысль о любимомъ человѣкѣ совпадаетъ съ молитвой, ибо все, что есть въ глубокихъ людяхъ лучшаго—все то у нихъ соединено съ вѣчностью. И, конечно, въ несчастномъ бракѣ своемъ думая объ Онѣгинѣ, она мечтала о томъ, какъ внѣ тягостныхъ условій земли они встрѣтятся въ вѣчности.

И что ея простая безхитростная няня имѣла большое вліяніе на образованіе цѣльнаго міросозерцанія Татьяны, видно изъ того, что въ минуту нравственнаго апоѳеоза своей героини, въ отповѣди ея Онѣгину, какъ укрѣпляющую ее силу, Пушкинъ влагаетъ въ нее память о безвѣстной ея нянѣ.

Совершивъ то дѣло, къ которому призвалъ ее Богъ—развитію души человѣческой во-истину «по образу и подобію Божію», смиренная старушка отошла къ Богу, возносящему смиренныхъ, и была положена среди такихъ же, какъ она, безропотно принесшихъ жизненную страду тружениковъ. И свѣтлая тѣнь ея еще разъ мелькаетъ предъ читателемъ, когда въ отвѣтѣ Онѣгину Татьяна вспоминаетъ:

Смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей.

Вотъ, откуда черпали свою немногоглаголивую вѣру люди, воспитанные такими нянями и дядьками (Савельичъ изъ «Капитанской дочки», Евсеичъ изъ С. Т. Аксакова).

Очень важно дѣтямъ имѣть съ ранняго возраста общеніе съ выдающимися духовными людьми.

Не будетъ ли отличаться своею возвышенностью строй такой семьи, какъ была семья великаго князя Димитрія Донского, котораго пѣстуномъ и наставникомъ былъ митрополитъ

святитель Алексій,совѣтчикомъ—преподобный Сергій Радонежскій, духовникомъ—его племянникъ, святой Ѳеодоръ (впослѣдствіи архіепископъ Ростовскій). Тутъ и выработалась та сила духа, которая помогла Димитрію выступить противъ Мамая—предпріятіе въ высшей степени опасное—съ вѣрою въ успѣхъ. А супруга Димитрія, великая княгиня Евдокія, во иночествѣ Евфросинія, сіяетъ въ сонмѣ русскихъ святыхъ.

Счастлива та семья, которая имѣетъ общеніе съ какимъ-нибудь старцемъ высокой жизни, и въ высшей степени важно для дѣтей имѣть предъ глазами образъ совершеннаго человѣка.

Такіе люди, какими были недавно жившіе среди насъ и памятные еще многимъ далеко не старымъ людямъ, — старцы Амвросій оптинскій, отецъ Варнава (изъ скита Черниговской Божіей Матери подъ Троицей), великій священникъ Божій отецъ Іоаннъ Кронштадтскій: общеніе съ ними давало молодежи, главнымъ образомъ, два основныя впечатлѣнія.

Первое впечатлѣніе—это счастье ихъ трудовой и подвижнической жизни.

Всякому бросалась въ глаза бѣдная обстановка первыхъ двухъ, множество людей, нескончаемою волною смѣнявшихся предъ всѣми этими тремя подвижниками. Всѣ видѣли, что они постоянно въ трудахъ, обуреваемы народомъ, который несъ имъ свои сомнѣнія, тягости, грѣхи, требуя отъ нихъ разъясненія, облегченія, разрѣшенія. Видѣли, какъ старецъ Амвросій послѣдніе годы жизни доходилъ до такой усталости, что голова его, уже не поддерживаемая шейными позвонками, заваливалась назадъ, и слова вылетали съ трудомъ изъ устъ чуть слышнымъ шепотомъ, такъ что, приникнувъ ухомъ къ его устамъ, еле можно было понять, что онъ говоритъ. А, между тѣмъ, какою онъ былъ полонъ радостью, какой дышалъ благодатью утѣшенія!

И невольно тогда начинало складываться предъ этимъ живымъ и яркимъ доказательствомъ—убѣжденіе, что счастье жизни не во внѣшнихъ блестящихъ условіяхъ жизни, а счастье въ томъ, какъ проводилъ и проводитъ свою жизнь этотъ изможденный, изнемогающій, но свѣтлый и радостный старецъ.

Еще же, глядя на этихъ людей, должно въ молодой душѣ возникнуть ясное предощущеніе небесной жизни. Ибо такіе люди какъ бы сами носятъ въ себѣ живые куски неба, и даютъ всякому соприкасающемуся съ ними человѣку непосредственное ощущеніе этого неба.

Когда отецъ Іоаннъ молился, вы чувствовали, что онъ стоитъ какъ бы непосредственно предъ Богомъ, схватившись за

Его ризу и рѣшивъ не выпускать изъ рукъ своихъ этой ризы, пока не будетъ услышанъ. И съ ними—нѣтъ уже мѣста сомнѣнію.

Или, когда, сіяя своимъ старческимъ благолѣпіемъ, озаренный извнутри шедшими отъ него лучами, стоялъ предъ вами сгорбленный семидесятилѣтній старецъ Амвросій, тихо смотря вамъ въ душу своими прозорливыми глазами,—то вокругъ было такое необычайное торжество, такое счастье, такая безмятежность и радость, что небо, о которомъ только робко мечтается—тутъ вами чувствовалось такъ, какъ будто на эти минуты вы уже были не на землѣ.

Конечно, этимъ идеальнымъ способомъ для внѣдрѣнія религіозности, знакомствомъ со старцемъ и нахожденіемъ подъ его руководствомъ, можетъ пользоваться только избранное и ничтожное меньшинство, такъ какъ вотъ сейчасъ, кажется, и нѣтъ ни священника—духовной силы отца Іоанна, ни старца высоты отца Амвросія.

Тогда, по крайней мѣрѣ, пусть будетъ у дѣтей хорошій, заботливый и ревностный духовникъ.

Въ Москвѣ былъ почтенный и заслуженный протоіерей, настоятель извѣстнаго великолѣпнаго храма святителя Николы «Явленнаго» на Арбатѣ, о. Степанъ Михайловичъ Зерновъ, обращавшій близкое вниманіе на дѣтей своихъ прихожанъ.

Весьма благолѣпный старецъ, онъ служилъ съ такимъ чувствомъ, что иногда изъ-за душившихъ его слезъ еле могъ произнести возгласъ. По московскому обычаю, обходя «со крестомъ» дома прихожанъ во дни большихъ праздниковъ, онъ разговаривалъ съ дѣтьми, и, между прочимъ, требовалъ, чтобы они знали наизусть тропари и кондаки тѣхъ праздниковъ и тѣхъ святыхъ, которымъ были посвящены всѣ пять алтарей его храма.

На весь этотъ маленькій народъ сильное впечатлѣніе произвела его кончина: онъ умеръ на освященіи одного храма. Только что пріобщившись, отошелъ къ жертвеннику и упалъ мертвымъ.

Какое важное, захватывающее событіе для дѣтей—первая исповѣдь. Значеніе этого событія въ жизни ребенка станетъ еще выше, если взрослые хорошенько объяснятъ ему, къ чему онъ приступаетъ.

Совѣстливый набожный ребенокъ съ чрезвычайною тщательностью роется въ своей совѣсти, выискивая на ней мельчайшія пятна. Грузъ его ничтожныхъ дѣтскихъ проступковъ ка-

жется ему страшнымъ; вины его предъ Богомъ—безконечными. Онъ трепещетъ предъ Божьимъ судомъ. Сомнѣвается, допуститъ ли его священникъ до причастія.

Заботливый духовникъ сумѣетъ воспользоваться этимъ настроеніемъ, чтобы углубить его.

Не всѣ одинаково согласны съ тѣмъ, что полезно, если законоучитель является и духовникомъ. Чѣмъ больше возрастъ дѣтей, тѣмъ труднѣе имъ быть вполнѣ откровенными съ человѣкомъ, котораго они постоянно видятъ въ обыденности. Бывали къ тому же такіе ужасные случаи, что духовники-законоучители, которымъ дѣти покаялись въ осужденіи ихъ въ классѣ, потомъ придирками и дурными отмѣтками мстили этимъ откровеннымъ и правдивымъ дѣтямъ.

Вотъ, дано отпущеніе грѣховъ, и какая чистая радость сходитъ на душу ребенка. Какія даются въ душѣ клятвы не дѣлать ничего, ничего дурного, чтобы быть достойнымъ Бога и всегда готовымъ къ причастію.

Если ревностные родители часто пріобщаютъ дѣтей грудныхъ, то, чѣмъ далѣе удаляются дѣти отъ этого первоначальнаго возраста, тѣмъ рѣже ихъ пріобщаютъ.

Это совершенно неправильно, и такіе родители обнаруживаютъ глубокое непониманіе. Можно ли думать, что благодать менѣе нужна шестилѣтнему ребенку, чѣмъ трехмѣсячному.

И до исповѣди, и послѣ нея надо подводить дѣтей ко святой Чашѣ возможно чаще. Надо всѣми силами стремиться къ тому, чтобы въ возрастѣ, еще далекомъ отъ всѣхъ искушеній, человѣческая душа ощутила такую сладость, даваемую здоровою духовною жизнью и участіемъ въ таинствахъ, чтобы потомъ въ самомъ воспоминаніи этихъ высокихъ блаженныхъ минутъ заключалась сдерживающая и охраняющая противъ всякихъ соблазновъ сила.

Очень важно пріучить дѣтей къ мысли, что и въ ихъ возрастѣ многія дѣти угодили Богу и были причислены Церковью къ лику святыхъ. Важно также, чтобы дѣти узнавали, какъ прошло дѣтство тѣхъ людей, которые въ зрѣломъ возрастѣ стали великими праведниками. Вѣдь, дѣтство ихъ было приготовленіемъ къ ихъ послѣдующей высокой жизни.

Существуетъ такое описаніе относительно русскихъ святыхъ *). Надо надѣяться, что то же будетъ выполнено и относительно общецерковныхъ святыхъ.

---

*) Е. Поселянинъ. „Святыя дѣти русскія и дѣтство русскихъ святыхъ.“ Изданіе Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

Есть трогательное стихотвореніе Некрасова «Школьникъ», гдѣ баринъ, посадивъ къ себѣ въ повозку встрѣчнаго мальчика, который босымъ бредетъ въ городъ на учебу, говоритъ ему:

Самъ узнаешь—будешь въ школѣ--
Какъ архангельскій мужикъ
По своей и Божьей волѣ
Сталъ разуменъ и великъ.

Житія святыхъ дѣтей и повѣсть о дѣтскихъ годахъ святыхъ покажутъ дѣтямъ, какъ и въ ихъ возрастѣ можно стать угодникомъ Божіимъ. Въ видѣніи, которое въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина передаетъ патріархъ со словъ пастуха, прозрѣвшаго у гроба царевича Димитрія, есть умилительныя слова.

— Но кто же ты?—спросилъ я дѣтскій голосъ.
И былъ отвѣтъ: «Царевичъ я Димитрій.
Царь Небесный пріялъ меня въ ликъ ангеловъ Своихъ
И я теперь великій чудотворецъ».

Праведный Артемій Веркольскій былъ такимъ же маленькимъ мальчикомъ, но не царскаго рода, а изъ бѣдной крестьянской семьи, а Богъ и его сдѣлалъ «великимъ чудотворцемъ».

Этотъ мужичекъ, убитый молніей во время работы на полѣ, конечно, любилъ Бога тою особою всеобъемлющею любовью, которая творитъ святыхъ. Больше у него не было ничего, и это было для Бога достаточно.

Все, что облагораживаетъ, умягчаетъ человѣка — все то должно быть призвано въ дѣлѣ борьбы за дѣтскую душу.

Пусть лягутъ на нее возвышающія впечатлѣнія торжественныхъ церковныхъ службъ,—особенно такихъ, которыя отличаются своею образностью, какъ службы Вербной субботы, Страстной недѣли, Пасхи, Троицы, Богоявленія.

Пусть съ раннихъ лѣтъ научатся дѣти удѣлять часть своихъ скудныхъ денегъ на бѣдныхъ.

Въ одной семьѣ къ ея главѣ два раза въ годъ, на Рождество и на Пасху, приходилъ старый-престарый старичокъ и приносилъ для дѣтей: на святки—бѣлыхъ, обтянутыхъ мѣхомъ зайчиковъ, а на Пасху—сахарныя, полыя внутри, яйца, съ украшеніями изъ золотой бумаги.

Глава семьи принималъ его наединѣ въ своемъ кабинетѣ,

бесѣдовалъ съ нимъ не менѣе четверти часа, хотя вообще былъ человѣкъ очень занятой. Старичокъ уходилъ отъ него радостный,—хозяинъ давалъ ему помощь, достаточную на цѣлые полгода. Тогда онъ отправлялся къ дѣтямъ. Они удивлялись его старости и бывали ему очень рады.

Доподлинно никто не зналъ, какъ и почему встрѣтился старичокъ и ихъ отецъ, и ни тотъ, ни другой объ этомъ опредѣленно не говорили, и оба отвѣчали уклончиво, когда ихъ о томъ спрашивали. Но, по нѣкоторымъ догадкамъ, отецъ ихъ зналъ старичка, когда самъ былъ еще учащимся, очень небогатымъ человѣкомъ, и тогда началъ помогать ему, урѣзывая себя.

Но, какъ бы то ни было, и дѣти со своей стороны совали ему серебряныя монетки и разныя сладости—конфекты, черносливъ, орѣхи, которыми въ эти дни были богаты,—все это для его внуковъ, о которыхъ онъ разсказывалъ.

Такъ начинался день великаго праздника.

И на всю жизнь, въ память праведнаго отца своего и въ память счастливаго своего дѣтства,—они, выросши, сохраняли теплую жалость къ старикамъ и къ дѣтямъ и помогали имъ, чѣмъ могли.

Если у ребенка чуткая душа, и онъ рано узнаетъ страданіе, это одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ путей къ Богу.

Страданіе безконечно въ разнообразіи своемъ. Это далеко не всегда сиротство и бѣдность. И въ дѣтскомъ возрастѣ горючія слезы могутъ литься чрезъ золото.

Бываютъ дѣти, особенно идеально настроенныя, съ тончайшей душевной организаціей. Они могутъ имѣть восторженную привязанность къ своимъ родителямъ, и вдругъ узнаютъ про этихъ родителей что-нибудь такое позорное, что для этого возраста, разсуждающаго прямо и не знающаго жизни, совершенно унижаетъ родителей въ ихъ глазахъ.—И какая тутъ мука—любить и быть вынужденнымъ презирать!

Или ребенокъ, съ робкою, но страстною жаждою привязанности, окруженъ холодностью. — Родители заняты дѣлами и развлеченіями, такъ что забываютъ о дѣтяхъ, и никто не присмотрится къ тому, что творится въ маленькомъ обособленномъ сердцѣ, ревниво прячущемся отъ людей... И ребенокъ растетъ, питаясь своими тайными слезами.

Мой міръ былъ міръ иной: не міръ волшебной сказки
И первыхъ дѣтскихъ сновъ.—Въ полуночной тиши
Онъ созданъ былъ въ груди безумной жаждой ласки,
Онъ выросъ и расцвѣлъ изъ слезъ моей души *).

И вотъ—тутъ къ кому кинуться, кому довѣриться? Кому безъ стыда, безъ утайки можно открыть все, все, кротко и безропотно жалуясь, прося утѣшенія, прося силъ...

О, еслибъ знали взрослые!

Еслибъ они знали, что подъ ихъ крышей живетъ имъ близкое по крови, но заброшенное ими разумное и беззащитное существо, которое они мучаютъ безъ всякой его вины. Если бы они знали, что въ тѣ часы, когда все засыпаетъ, и небо зрячѣе всматривается въ землю,—еслибъ они знали, что тогда маленькіе страдальцы, пугливо прислушиваясь, не догадается ли кто объ ихъ печальной тайнѣ, надрываютъ слабую грудь сдержанными рыданіями, и горе это, великое неизбывное горе, окружаетъ и невыносимо тѣснитъ ихъ со всѣхъ сторонъ.

Захлебываясь въ слезахъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, что бы дали они тогда за одинъ ласковый взглядъ, за одно доброе слово!

И тогда происходитъ одно изъ невидимыхъ Божьихъ чудесъ.

Стерегущій эти души, Христосъ склоняется къ нимъ, невидимо беретъ ихъ на руки, прижимаетъ къ себѣ, какъ пастухъ испуганную трепещущую овцу.

И все, что было слышано ими о страданіи Христа, встаетъ вдругъ разомъ. Они чувствуютъ, что страдаютъ не одни, и странная острая радость сліянія муки своей съ мукой Христовой проникаетъ въ нихъ.

О, эта сладость, смѣняющая недавнюю дрожь, страхъ и одиночество, эти блещущіе восторгомъ глаза, этотъ шопотъ непонятныхъ словъ, не могущихъ пересказать Богу всего, что наполняетъ то сердце, въ которое Онъ вошелъ и въ которомъ останется.

Эти часы не забудутся. И этихъ дѣтей никто никогда, никогда не оторветъ отъ Христа...

Бываютъ дѣти, особенно отмѣченныя перстомъ Божіимъ,—дѣти задумчивыя, сосредоточенныя, милостивыя, набожныя съ первыхъ лѣтъ своихъ.

---

*) Надсонъ.

Однажды въ одной изъ чтимыхъ петербургскихъ часовенъ мнѣ довелось увидѣть милаго ребенка лѣтъ четырехъ.

Она была одѣта во всемъ бѣломъ, и изъ бѣлаго шелковаго капора смотрѣло прелестное лицо въ рамкѣ свѣтлыхъ вьющихся волосъ съ черными серьезными глазами.

Въ ней было что-то важное, сосредоточенное, какъ это часто бываетъ въ дѣтяхъ, развитыхъ не по лѣтамъ. Глаза ея глядѣли тоже внимательно, сочувственно, но нѣсколько строго.

Почтенная пожилая няня держала дѣвочку за руку. Она, помолившись широкимъ крестомъ у входа, подошла къ свѣчному ящику, купила нѣсколько свѣчей и стала ставить эти свѣчи у главныхъ иконъ. За всѣмъ этимъ красавица-дѣвочка пристально присматривала, точно провѣряя, такъ ли все исполняетъ няня, какъ надо. Ставя свѣчу, няня всякій разъ подымала дѣвочку съ пола и подносила ее къ иконѣ. Дѣвочка тянулась къ ней руками, предварительно набожно перекрестясь на рукахъ у няни.

Было отрадно слѣдить за ними.

Когда онѣ обошли всѣ иконы, я спросилъ у няни, часто ли онѣ тутъ бываютъ.

— Да, почитай, всякій день,—радушно отвѣтила няня:—все меня сюда тянутъ.

— Что же, Богу любитъ молиться?

— Ууу... Такая богомолица, а ужъ иконы какъ любитъ; сколько ихъ у кроватки понавѣшано, и чтобъ непремѣнно лампадка горѣла и не гасла.—Огорчается очень, если погаснетъ.—Вотъ, тоже до бѣдныхъ большая охотница. Не позволитъ ни одного нищаго пропустить, чтобъ не подать—маминька ихняя нарочно для того мѣдь припасаетъ: какъ идемъ гулять, такъ сейчасъ намъ и отсыплетъ.

Такъ говорила няня, а дѣвочка стояла, сіяя своими синими глазами, и какая-то трогательная неземная прелесть излучалась изъ милаго ребенка. То казалось, что она слушаетъ слова няни, то чудилось, что ея душа гдѣ-то далеко:

И въ свѣтлый сонъ ея душа младая
Богъ знаетъ, чѣмъ была погружена.

Какая судьба ждетъ это Божье дитя? Выживетъ ли она? Привѣтомъ ли встрѣтитъ ее жизнь, и ничѣмъ не омрачитъ тихое сіяніе ея молодости? Или на болѣзненно чуткое сердце одинъ за другимъ станутъ падать тяжелые удары? Но она будетъ знать тогда, куда ей укрыться. И, какъ первое обрученіе

ея съ Богомъ, въ Которомъ всегда найдетъ она утѣшеніе, отраду, защиту и силу—будетъ ей вспоминаться ея дѣтство, зимній день въ столицѣ, и сама она, маленькая, ставящая со старой няней свѣчи въ часовнѣ любимымъ образамъ.

Беречь такихъ дѣтей надо, чтобъ хоть въ тѣ годы, когда еще можно оградить душу отъ злыхъ вихрей жизни, хоть тогда ничѣмъ не была она смущена.

Высшая степень религіознаго настроенія дѣтей—это когда въ нихъ проявляется склонность къ пастырству.

Я зналъ старыхъ благоговѣйныхъ священниковъ, которые разсказывали про себя, что въ дѣтствѣ они очень любили «служить», то есть произносить богослужебные возгласы на распѣвъ, подражать кажденію.

Нѣкоторые не одобряютъ такихъ наклонностей, считая проявленіе такихъ стремленій у дѣтей за кощунство. Но все дѣло въ томъ, дѣлается ли это съ тѣмъ, чтобъ только передразнивать духовенство, или дѣлается по непреодолимой внутренней потребности, въ самомъ сосредоточенномъ настроеніи.

Вотъ, какъ однажды взглянула на такого рода дѣло первенствующая церковь.

Будущій великій столпъ истины, святитель Аѳанасій Великій, въ дѣтствѣ часто игралъ со сверстниками своими на морскомъ берегу. Неподалеку находился домъ архіепископа, и онъ порой смотрѣлъ на игры дѣтей.

Маленькій Аѳанасій чрезвычайно любилъ церковные обряды, и ему нравилось исполнять ихъ, подражая тому, что онъ видалъ въ церквахъ. И, между прочимъ, онъ надъ нѣкоторыми изъ своихъ сверстниковъ-мальчиковъ, въ водѣ неподалеку отъ берега, совершалъ обрядъ крещенія.

Архіепископъ остановился на мысли: если обрядъ совершенъ съ благоговѣніемъ и вѣрою, можно ли считать, что тутъ было совершено воистину таинство крещенія. Онъ собралъ по этому поводу совѣщаніе, и было рѣшено — вмѣнить этимъ дѣтямъ крещеніе, какъ истинное, и считать этихъ языческихъ дѣтей крещенными...

Чудная тайна овѣваетъ дѣтство великихъ святыхъ.

Вотъ, въ тишинѣ курской ночи, когда все уже затихло, когда уже утомились и сладкогласные соловьи, въ чинно со-

держимомъ домѣ вдовы Агафьи Мошниной не спитъ старшій сынокъ ея Прохоръ.

Поднявшись съ подушки головой, опираясь на локоть, онъ прислушивается, нѣтъ ли въ домѣ признаковъ жизни. Ему любо одиночество, чтобъ заговорить съ Богомъ.

И вотъ, неслышно всталъ съ постельки, какъ ангель съ опущенными крыльями, въ своей длинной, бѣлой рубашкѣ, прокрался въ передній уголъ.

Старыя, тяжелыя иконы. На нихъ мирный отсвѣтъ ложится отъ висящей съ потолка лампадки.

Стоитъ—смотритъ... Что-то, ему самому невѣдомое, невыразимое, творится въ немъ, что-то согрѣваетъ до жару, трогаетъ до слезъ, уноситъ куда-то.

Широко на душѣ, безпредѣльно... Любитъ и своихъ, и этотъ домъ, и ближнюю церковь съ темными углами, гдѣ не увидать его, когда онъ забьется туда за службой, и всю окрестность, и лунное небо со звѣздами, и эту ночь, и весь міръ... И всѣхъ хочется обнять и прижать къ слабенькой дѣтской груди...

А Богоматерь, которая чрезъ два десятка лѣтъ произнесетъ надъ этимъ теперешнимъ ребенкомъ таинственное слово: «Сей рода нашего», — невидимо распростираетъ надъ мальчикомъ Свой покровъ, и тѣ ангелы, выше которыхъ будетъ вознесенъ нѣкогда этотъ стоящій предъ иконами ребенокъ, неслышно для людей шепчутъ въ тишинѣ умилившейся ночи пророчественное имя:

«Серафимъ, Серафимъ» . . . . . .

Или кто перескажетъ тѣ чувства, въ которыхъ росъ подъ стоны родной земли боярскій отрокъ Варѳоломей, будущій вождь своего народа, Сергій Радонежскій?

Какъ, страдая маленькимъ сердцемъ своимъ отъ неизбѣжнаго горя отчизны, уже тогда вымаливалъ онъ ей ту волю, которую потомъ добылъ ей вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ; и какъ должна была тогда дерзновенно подыматься къ небу дѣтская молитва этого будущаго «похваленія Пресвятыя Троицы».

Или что переживалъ онъ въ ту ночь, когда вечеромъ получилъ отъ явившагося ему ангела чудесное разумѣніе грамоты,— и вдругъ открылось его уму то, что раньше было темнымъ, и онъ почувствовалъ въ себѣ какое-то перерожденіе.

Все это тайны, какъ есть великая тайна и что-то неуловимое въ первой подступи чудотворящей весны.

Но поймемъ, какъ свята эта пора жизни, и какъ надо наполнить ее впечатлѣніями вѣры, чтобъ, даже если человѣкъ

потомъ на время и поколеблется—все же сбылись надъ нимъ слова поэта:

Молись, дитя! Сомнѣнья камень
Твоей души не тяготитъ.
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.
Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ,
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.
Быть можетъ, ангелъ твой хранитель
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель,
Къ престолу Бога вознесетъ.
Молись, дитя. Мужай съ лѣтами
И, дай Богъ, въ пору зрѣлыхъ лѣтъ
Такими жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ.
Но, если жизнь тебя измучитъ,
И умъ и сердце возмутитъ,
Но, если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ—
Приникни, съ жаркими слезами
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ небесами,
Съ самимъ собою и съ людьми.
И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель ангелъ твой сойдетъ
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву Богу вознесетъ...

ГЛАВА IV.

Проповѣдь вѣры.

Проповѣдь вѣры указана въ катехизисѣ въ числѣ обязанностей христіанина.

Никто не свободенъ отъ завѣта, который далъ Христосъ всѣмъ людямъ, когда сказалъ апостоламъ: «Шедше, научите!»

Разница только въ томъ размѣрѣ, который получаетъ проповѣдь.

Апостолы огласили проповѣдью всю вселенную того времени. Нина Равноапостольная просвѣтила Грузію. Равноапо-

стольные Кириллъ и Меѳодій—славянскія страны, равноапостольные Ольга и Владиміръ—свою Русь, священномученикъ Кукша—вятичей; святитель Стефанъ—великую Пермь.

Есть архипастыри, благодѣтельные для своей епархіи, но не знаемые за предѣлами ея. Есть такіе, какъ московскій Филаретъ, чьи имена гремятъ не только по всей странѣ при жизни ихъ, но продолжаютъ еще шире гремѣть и въ вѣкахъ.

Есть священники, чтимые своимъ приходомъ, а приходъ отца Іоанна раздвинулся во всю страну.

Такъ же есть и проповѣдники среди небольшого кружка людей, и, наконецъ, употребляющіе все воздѣйствіе свое на обращеніе ко Христу какой-нибудь одной души.

Понятіе о проповѣди должно быть принято въ высшей степени широко, и, конечно ужъ, нисколько не обнимаетъ поученія, произносимаго съ церковнаго амвона по какому-нибудь опредѣленному случаю и на опредѣленную тему.

«Проповѣдуйте благовременно и безвременно».

Какъ понимать это?

Неужели же такъ, что, напримѣръ, стать на площади, полной народа, и начать выкрикивать проповѣдь?

Къ такому приблизительно способу прибѣгаютъ дѣятели извѣстной Арміи Спасенія. Но можно сомнѣваться въ цѣлесообразности и дѣйственности такой проповѣди.

Есть другіе правильнѣйшіе пути.

Проповѣдь Бога и религіи можетъ осуществляться—и чрезвычайно краснорѣчиво, чрезвычайно впечатлительно — вовсе безъ словъ.

Постоянно говорить о Богѣ вовсе еще не значитъ проповѣдывать Бога въ высокомъ и настоящемъ значеніи этого слова.

Человѣкъ, въ которомъ живетъ истинное, пламенное чувство къ Богу, будетъ безъ словъ заражать своимъ чувствомъ другихъ...

Бываетъ, напримѣръ, что вы придете въ церковь безъ желанія молитвы; стоите вначалѣ безъ чувства и вниманія, думая о совершенно постороннихъ предметахъ. Но около васъ стоитъ человѣкъ, погруженный въ истинную молитву, и отъ этой сосредоточенной молитвы другого человѣка что-то сильное и благое овладѣваетъ и вами. И та хладность, съ которою вы вошли въ церковь, уже растаяла. Вамъ тяжело и стыдно за ваше уже прошедшее состояніе равнодушія, и вы счастливо подчиняетесь тому потоку теплой вѣры, которая бьетъ изъ души стоящаго рядомъ съ вами человѣка.

Человѣкъ, привязанный къ другому человѣку глубокою и

сильною привязанностью, невольно обнаружитъ эту привязанность самымъ тономъ своего голоса, тѣми хотя бы немногими словами, въ которыхъ будетъ говорить о немъ.

Мнѣ доводилось слышать, какъ одинъ архимандритъ высокой жизни отзывался о своемъ духовномъ воспитателѣ, о великомъ оптинскомъ старцѣ Макаріи. Лицо говорившаго сразу получало выраженіе какого-то умиленія, въ глазахъ сверкали слезы, и вы невольно говорили себѣ: «Какъ долженъ былъ быть высокъ этотъ старецъ, что одно его имя низводитъ такое умиленіе на душу его ученика».

Конечно, человѣкъ, встрѣчавшійся съ Франклиномъ, сразу видѣлъ все то благоговѣніе, которое жило во Франклинѣ по отношенію Божества. И то чувство, съ которымъ Франклинъ произносилъ имя Божіе (а онъ не произносилъ его иначе, если находился на улицѣ, какъ обнажая голову)—уже одно это показывало всякому, кто имѣлъ съ нимъ дѣло, глубину его религіозныхъ убѣжденій.

Какъ въ міру люди легко узнаютъ, по тысячѣ мелкихъ признаковъ, опредѣляютъ наличность большого чувства, такъ истинно вѣрующій носитъ въ себѣ самомъ что-то столь значительное, что несомнѣнно отражается во всей его жизни, на всѣхъ его дѣлахъ и поступкахъ. Получается въ полномъ смыслѣ слова та христіанская жизнь, которая есть, въ то же время, самая громкая, самая краснорѣчивая и неотразимая христіанская проповѣдь.

Когда православный архіерей бываетъ торжественно въ храмѣ облаченъ для совершенія литургіи, протодіаконъ громко въ лицо ему восклицаетъ то, что должно составлять важнѣйшую обязанность его званія. Это слова Христовы: «Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небеси».

Проповѣдь дѣломъ доступна рѣшительно всякому, между тѣмъ какъ проповѣдникъ, даже одаренный самымъ высокимъ и столь рѣдко встрѣчающимся даромъ краснорѣчія, не произведетъ на паству никакого впечатлѣнія, если паства будетъ знать, что жизнь проповѣдника идетъ вразрѣзъ съ его словами.

А самое не мудреное слово такого батюшки, свѣтлая жизнь котораго вся предъ крестьянами, всегда дойдетъ до души и не останется втунѣ.

И въ первыя времена христіанства такъ, дѣйствительно, и было. Жизнь міра языческаго и жизнь общины христіанской представляли между собою поразительное несходство. Это

были, дѣйствительно, ясно до рѣзкости разграниченныя два царства: царство людского зла и царство Божьей благодати.

Въ одномъ себялюбіе, безудержность страстей, невѣроятная порочность, алчное корыстолюбіе; въ другомъ—милосердіе и самоотверженіе, мудрая воздержанность и чистота нравовъ, отверженіе всякихъ разсчетовъ. Эти два міра ни въ чемъ не сходились, въ нихъ не было ни одной точки соприкосновенія—по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ и основаніяхъ.

И самымъ сильнымъ доказательствомъ своей проповѣди, самымъ неопровержимымъ доводомъ своей правоты христіанство могло тогда привести короткія слова: «Посмотрите, какъ живутъ наши христіане...»

Можемъ ли мы теперь сказать тѣ же слова о людяхъ, считающихъ себя христіанами? Могутъ ли эти слова быть сказаны кѣмъ-нибудь о насъ самихъ—въ доказательство невѣрующимъ истины христіанскаго ученія?

Мы Бога нашею жизнію не проповѣдуемъ, а треплемъ въ грязи наше званіе христіанина. И вмѣсто того, чтобы дать людямъ любоваться нашимъ свѣтомъ, мы показываемъ имъ большею частью одну тьму, и нерѣдко кромѣшную.

Независимо отъ проповѣди дѣлами, тотъ, кто можетъ это «вмѣстить», долженъ также вести живую неустанную пропаганду между тѣми людьми, съ которыми будетъ связана его судьба.

Остановимся хоть на одномъ житейскомъ положеніи. Искренне вѣрующій молодой человѣкъ окруженъ невѣрующими товарищами.

Одною изъ главныхъ его задачъ должно быть стремленіе привести ихъ къ Богу, пробудить и укрѣпить въ нихъ религіозные запросы.

Въ людяхъ, далекихъ отъ вѣры, можетъ быть такое предубѣжденіе противъ духовныхъ лицъ, что со священникомъ они и говорить не будутъ, тогда какъ съ товарищемъ, съ которымъ они хороши, они, хотя съ видомъ нѣкотораго снисхожденія и одолженія, поговорятъ и на непривычныя для нихъ духовныя темы, и, можетъ быть, настанетъ часъ, когда они этими темами, дѣйствительно, заинтересуются.

И глубокая убѣжденность товарища, къ которому они относятся съ уваженіемъ и довѣріемъ, его горячее желаніе, чтобъ въ пробудившейся вѣрѣ своей тотъ получилъ то самое сокровище, которымъ онъ давно владѣетъ,—сдѣлаетъ свое дѣло, и потихоньку, незамѣтно можетъ привести его къ вѣрѣ.

Мнѣ лично извѣстенъ такой случай.

Въ одной семьѣ крупныхъ помѣщиковъ, преданной церкви, одинъ изъ сыновей, очень способный и развитой молодой человѣкъ, сталъ отходить отъ вѣры подъ впечатлѣніемъ книгъ графа Л. Н. Толстого, котораго онъ даже лично посѣтилъ.

Въ это время онъ познакомился съ однимъ человѣкомъ, старше его лѣтъ на пять. Этотъ еще болѣе, чѣмъ онъ, преклонялся предъ литературнымъ геніемъ графа Л. Н. Толстого, но совершенно не сочувствовалъ его убѣжденіямъ и жалѣлъ тѣхъ, на кого его проповѣдь производила впечатлѣніе.

Молодые люди сошлись и, подолгу бесѣдуя о разныхъ предметахъ, конечно, касались часто и вопросовъ вѣры.

Старшій, сочувствуя младшему, страдалъ изъ-за того, что тотъ находится подъ такимъ ложнымъ вліяніемъ, и ихъ споры, во время которыхъ оба увлекались, превращались почти что въ ссоры.

Однажды оба они ѣхали въ далекую деревню, на охоту, и на одной станціи, гдѣ ночью мѣняли поѣздъ, начавъ вновь о томъ же вопросѣ, наговорили другъ другу такихъ рѣзкостей, что старшій, болѣе впечатлительный, рѣшилъ вернуться обратно, хотя было сдѣлано болѣе половины полутора тысячеверстнаго пути, и еле его могли успокоить. Такъ какъ погода была морозная, а они говорили на воздухѣ, то онъ получилъ сильный насморкъ, и оба они впослѣдствіи вспоминали это событіе своей молодости съ удовольствіемъ.

Младшій опять вернулся постепенно къ церкви, и, вѣроятно, это чувство, что о немъ такъ безпокоились и такъ желали возвращенія его къ прежней вѣрѣ—немало помогло ему вновь найти себя.

Въ переходномъ возрастѣ, очень впечатлительномъ, когда, по самой природѣ вещей, мальчикъ стремится вырваться изъ-подъ домашней опеки,—очень часто бываютъ случаи колебанія вѣры, или полнаго оставленія ея. Со всѣхъ сторонъ на неокрѣпшій мозгъ лѣзутъ отрицаніе товарищей, извѣстныя книги извѣстныхъ писателей, которыя завораживаютъ неопытную молодежь одними своими именами. И, не въ силахъ самъ разобраться во всемъ самостоятельно, подростокъ дѣлаетъ то, что ему кажется самымъ легкимъ: онъ огуломъ подчиняетъ себя отрицанію.

И сколько бываетъ тутъ недоразумѣннаго, непродуманнаго; сколько такихъ явленій, которыя могли бы казаться смѣшными, еслибъ не относились къ столь важной и священной области.

Я зналъ одного московскаго гимназиста, который въ тече-

ніе года, начитавшись отрицательныхъ книгъ, любилъ громко заявлять о своемъ невѣріи. Однако, если онъ былъ увѣренъ, что за нимъ не наблюдаютъ, онъ очень былъ не прочь, идя въ гимназію въ то утро, когда его должны были спросить изъ труднаго предмета,—приложиться къ иконѣ, вдѣланной въ стѣну храма почти противъ гимназіи и принимавшей лобзанія младшихъ ея классовъ... Когда же наступали экзамены, онъ клалъ въ ручку для пера кусочекъ ваты отъ чтимой въ Москвѣ Иверской иконы, и вообще предпринималъ цѣлый рядъ дѣйствій, которыя, по его мнѣнію, должны были обезпечить ему небесную помощь.

Все это, конечно, не рекомендовало характеръ этого мальчика. Но какъ часто, въ менѣе отталкивающихъ чертахъ, замѣчается эта рознь между сердцемъ, ищущимъ въ вѣрѣ утѣшенія и поддержки, и неокрѣпшимъ мозгомъ, который гипнотизируютъ модныя отрицательныя теоріи.

Одинъ студентъ выдающихся способностей, очень много читавшій и человѣкъ горячей души, говорилъ какъ-то хорошему своему знакомому о разныхъ своихъ религіозныхъ сомнѣніяхъ и о томъ, между прочимъ, что онъ совсѣмъ не понимаетъ культа мощей и иконъ.

Прошло съ полгода. Тотъ знакомый заѣхалъ какъ-то, сильно спѣша, въ часовню Иверской иконы. Народу было въ ней такъ много, что онъ, поставивъ свѣчу, не сталъ ожидать очереди приложиться. Каково же было его удивленіе, когда въ длинной вереницѣ лицъ, медленно приближавшихся къ иконѣ, онъ узналъ того своего знакомаго студента.

Онъ радъ былъ, что тотъ не видалъ его, такъ какъ впечатлѣніе для того отъ этой встрѣчи могло быть только отрицательнымъ. Но тотъ студентъ былъ чрезвычайно искренній человѣкъ, не чета тому гимназисту, и его знакомому оставалось только подивиться, какъ много разногласія въ одной и той же душѣ человѣческой.

И вотъ, съ этими людьми, съ одной стороны страдающими духомъ отрицанія, а съ другой—таящими въ себѣ неугасимую жажду вѣры: надо обходиться людямъ, которые имъ желаютъ добра и которые сами вѣруютъ—въ высшей степени бережно.

Никакихъ упрековъ. Ничего подобнаго тому, о чемъ упоминаетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, когда говоритъ, что своею вѣрою люди часто пользуются лишь для того, чтобы, какъ камнемъ, швырнуть ею въ атеиста.

Нужно убѣждать тихими рѣчами, ловить минуты, когда у

человѣка душа размягчена, и когда онъ особенно бываетъ склоненъ внять слову вѣры.

Католики прекрасно знали, что дѣлали, когда разсылали въ качествѣ сестеръ милосердія по больницамъ своихъ монахинь.

У человѣка страдающаго есть потребность искать опоры, прильнуть къ благому, милующему и всемогущему Существу, а уединенность его помогаетъ ему сосредоточиться. Также и съ здоровыми надо ловить благопріятные случаи, а не приставать безъ толку, когда такія приставанія могутъ только ожесточить его.

Высокую заботу о вѣрѣ друга представляетъ собой жизнь христіанина Неарха, который, задавшись цѣлью привести ко Христу друга своего Поліевкта, не только это исполнилъ, но и имѣлъ еще утѣшеніе видѣть на Поліевктѣ вѣнецъ мученичества.

Неархъ и Поліевктъ, уважаемые жители армянскаго города Мелитины, были связаны узами тѣсной дружбы. Неархъ былъ убѣжденный христіанинъ; Поліевктъ — язычникъ, хотя велъ жизнь чистую. Стараясь обратить друга ко Христу, Неархъ часто читалъ ему Священное Писаніе и доказывалъ мерзость идолопоклонства, но сердце Поліевкта не было еще готово.

Было объявлено гоненіе на христіанъ, и повсюду ходили глашатаи, требуя, чтобы всѣ поклонялись богамъ, и угрожая въ противномъ случаѣ смертью.

Неархъ сталъ готовиться умирать за Христа и въ эти дни ему было особенно тяжело, что Поліевктъ не единомышленъ съ нимъ въ вѣрѣ. Однажды, расплакавшись предъ нимъ, Неархъ воскликнулъ:

— Сердце мое раздирается на части, когда я думаю, что наша пріязнь должна кончиться.

— Какъ,—отвѣчалъ Поліевктъ,—и смерть не расторгнетъ нашъ дружескій союзъ!

Тутъ Неархъ разсказалъ другу, что онъ готовится умереть за Христа, и въ небѣ христіанинъ не встрѣтится съ язычникомъ.

И тутъ разомъ во всей силѣ хлынули на душу Поліевкта всѣ убѣжденія, раньше слышанныя имъ отъ Неарха. Онъ вспомнилъ и то, какъ незадолго передъ тѣмъ видѣлъ во снѣ Христа, и какъ Христосъ, милостиво сказавъ ему: «Ты христіанинъ, Поліевктъ!»—далъ ему новую прекрасную одежду и крылатаго коня.

Тутъ Неархъ объяснилъ ему, что новая одежда—это обновленная вѣрою христіанская жизнь Поліевкта, а крылатый конь—скорый переходъ его въ небо.

— Вотъ, ты уже и позналъ Бога!—въ восторгѣ воскликнулъ Неархъ.

— Когда же я не зналъ Его! Сердце всегда во мнѣ горѣло, когда ты о Немъ мнѣ говорилъ. Я дивился Его словамъ, когда ты читалъ Евангеліе. Только именемъ я не былъ христіанинъ, а душой я христіанинъ, и только думалъ о томъ, когда оставлю ложныхъ боговъ и стану служить Христу. Не будемъ же медлить, Неархъ, и докажемъ Христу нашу вѣрность.

Тутъ друзья стали испытывать другъ друга. Неархъ боялся, что любовь его друга къ женѣ, къ дѣтямъ, къ жизни, къ воинскому званію пересилитъ въ немъ стремленіе ко Христу. Онъ сказалъ о себѣ, что для него Христосъ дороже всего на свѣтѣ, а что Поліевктъ едва ли представляетъ себѣ славу и блаженство, которыя Господь уготовалъ любящимъ Его.

— Вотъ, какъ ты думаешь,—возразилъ Поліевктъ.—Нѣтъ, я знаю больше тебя объ этомъ, такъ какъ получилъ уже во снѣ царскую хламиду, но можно ли мнѣ, не принимая христіанскаго таинства, стать воиномъ Христовымъ?

— Не сомнѣваюсь. Онъ платитъ тѣмъ, кто приходитъ въ виноградникъ въ поздній часъ то же самое, что получаютъ работавшіе цѣлый день.

— Слава Христу! — заключилъ Поліевктъ этотъ разговоръ. — Пойду прочесть царскій указъ.

На площади Поліевктъ всенародно разорвалъ царскую грамоту. Затѣмъ, встрѣтивъ идоловъ, которыхъ несли въ капище, сперва разсмѣялся на нихъ и, прикинувшись, что хочетъ имъ поклониться, перехватилъ ихъ и сокрушилъ о землю 12 кумировъ.

Тесть его Феликсъ имѣлъ порученіе отъ царей преслѣдовать христіанъ. Со стономъ онъ воскликнулъ: ни боги, ни люди не могутъ теперь помиловать Поліевкта!

— Что смущаешься, отецъ!—возразилъ Поліевктъ.—Пусть принесутъ другихъ боговъ, и ты увидишь все равно ихъ безсиліе.

— Все кончено,—сказалъ Феликсъ, — твоя казнь рѣшена, такъ какъ нельзя нарушить царскаго повелѣнія. Одно могу дать тебѣ снисхожденіе: иди домой проститься съ женой и дѣтьми.

— Не пойду. Если дочь твоя захочетъ идти за мной, то будетъ счастлива, а нѣтъ—пусть остается съ вашими богами.

Поліевкта стали бить по устамъ. Прибѣжала его жена, до которой быстро долетѣлъ слухъ о необыкновенномъ происшествіи, и рыдала вмѣстѣ со своимъ отцомъ. Поліевктъ сказалъ ей, какъ сокрушилъ 12 идоловъ, не имѣвшихъ силы защищать себя, и убѣждалъ ее познать Бога, поклониться Ему и достиг-

нуть жизни вѣчной. Дивнымъ убѣжденіемъ новообращеннаго, чудесно прозрѣвшаго, дышала рѣчь Поліевкта къ женѣ.

Слушавшіе его слова многіе изъ язычниковъ обращались ко Христу. Мученика поволокли на судъ, грозили, прельщали и, наконецъ, произнесли, за его упорное исповѣданіе Христа, смертный приговоръ.

Онъ шелъ съ ликованіемъ въ душѣ на казнь и разсказывалъ народу, бѣжавшему за нимъ, что лучезарный юноша спустился къ нему и сопровождаетъ его и велитъ ему забыть все, что въ мірѣ. Но никто, кромѣ Поліевкта, этого ангела не видалъ. Въ толпѣ стоялъ Неархъ, другъ и духовный отецъ его по вѣрѣ во Христа. Онъ крикнулъ ему сквозь толпу: «Прощай вѣрный, любимый другъ мой, помни скрѣпившій насъ союзъ любви!»

На мѣстѣ казни, Поліевктъ спокойно приклонилъ голову, и душа его вознесена была къ небу, крещенная въ его мученической крови.

Обращеніе Поліевкта обезпечило побѣду христіанамъ въ его родномъ городѣ.

Такъ любовь христіанская доставила другу то высшее и лучшее, что можетъ дать одна душа другой: вѣру во Христа и вѣчное спасеніе.

Вотъ, безцѣнный образъ чистой и возвышенной дружбы.

Проповѣдь вѣры самая дѣйствительная, производящая наибольшее впечатлѣніе: это проповѣдь «показомъ»: жизнь, столь близкая къ завѣтамъ Христовымъ, что она представляетъ собою по высотѣ и по нравственной красотѣ своей разительную противоположность съ обычною мірскою жизнью; и поэтому заставляетъ людей невольно задумываться надъ тѣмъ, какъ хороша можетъ быть христіанская жизнь.

Есть очень много людей, которые были воспитаны въ столь противорелигіозной средѣ, что сами не сознаютъ въ себѣ религіозныхъ стремленій. Но вотъ, имъ выпадаетъ случай вступить въ общеніе съ религіозною семьею, и ихъ душа въ этой семьѣ начинаетъ переживать такой необъяснимый покой; они видятъ, что эти люди наслаждаются счастьемъ настолько высшимъ того счастья, которое даетъ міръ, что они начинаютъ желать сами войти въ эту жизнь.

Часто какая-нибудь встрѣча съ лицомъ высокой духовной жизни, случайное посѣщеніе какого-нибудь «старца» производитъ въ человѣкѣ душевный переворотъ, приковываетъ его вниманіе къ неизвѣстному ему дотолѣ міру духовному. И тѣ люди,

которые ихъ привезли къ этому старцу,—быть можетъ, подъ предлогомъ интересной поѣздки, красиваго мѣстоположенія того монастыря, гдѣ живетъ старецъ, а, въ дѣйствительности, съ затаенною цѣлью духовнаго воздѣйствія на него старца: эти люди явились въ этомъ своемъ дѣйствіи проповѣдниками вѣры.

Всякій вообще поступокъ нашъ, который останавливаетъ вниманіе ближнихъ на мірѣ духовномъ, есть проповѣдь наша ближнимъ.

Извѣстный въ Москвѣ покойный профессоръ-философъ П. Е. Астафьевъ разсказывалъ:

«Я всегда предъ молодежью не только не скрываю, но сознательно подчеркиваю мои религіозныя вѣрованія... Вотъ, если подъ вечеръ я въ холодную погоду проѣду мимо Иверской, когда тамъ пустынно—случается, я перекрещусь маленькимъ крестомъ, не снимая шапки... Но если днемъ я вижу, что вокругъ много народа, и, особенно, студенты, которые могутъ знать меня въ лицо, тогда ужъ, не взирая ни на какую погоду, я снимаю шапку и крещусь широкимъ крестомъ».

Въ самомъ дѣлѣ, при направленіи безвѣрія среди образованныхъ классовъ общества — молодежи въ высшей степени важно видѣть нравственную поддержку со стороны такихъ людей, которые для нея представляютъ значительную величину по своимъ знаніямъ, талантамъ, общеизвѣстности.

И громадный пробѣлъ въ жизни людей, остающихся вѣрными Христу, представляетъ то, что они доселѣ не объединились въ такой мощный союзъ, который блещущими въ немъ славными именами (а вѣрующіе находятся во всѣхъ рѣшительно отрасляхъ человѣческаго труда), среди первоклассныхъ ученыхъ, знаменитѣйшихъ докторовъ (какимъ былъ московское свѣтило, профессоръ Захарьинъ), великихъ государственныхъ дѣятелей, полководцевъ, художниковъ, артистовъ, молча опровергалъ бы внушаемый молодежи предразсудокъ, что вѣра—это только пережитокъ старыхъ предразсудковъ, суевѣрія, съ которыми давно покончили мало-мальски образованные люди.

Въ превосходномъ романѣ французскаго писателя Буржэ есть признаніе одного молодого образованнаго француза.

Онъ былъ воспитанъ въ провинціальномъ городѣ въ вѣрующей семьѣ, но эта вѣра была разбита невѣрующимъ товариществомъ и всею средою, въ которой ему пришлось жить въ учебные свои годы.

Между прочимъ, его очень смущало такое сравненіе.

Выходя изъ классовъ, онъ встрѣчалъ нѣсколькихъ стару-

шекъ, возвращавшихся отъ вечерни изъ церкви, а имъ навстрѣчу шли молодые учителя того коллэджа, гдѣ учился мальчикъ, съ одушевленными живыми разговорами, со спорами о послѣднихъ кипѣніяхъ мысли въ Парижѣ, донесшихся сюда по телеграфной нити и въ столбцахъ газетъ.

Онъ сравнивалъ этихъ отживающихъ свой вѣкъ религіозныхъ старухъ, и этихъ умныхъ, бойкихъ и равнодушныхъ къ религіи молодыхъ учителей, — и это сравненіе колебало послѣдніе остатки его вѣры.

Изъ этого яркаго примѣра видно, до какой степени важно, чтобъ пробуждающееся сознаніе видѣло вѣрующими не однихъ только людей, стоящихъ далеко отъ жизни, но и людей смѣлыхъ, извѣстныхъ, не только вращающихся въ кипѣніи жизни, но и создающихъ общественность и ведущихъ ее за собою.

И давнымъ давно пора людямъ вѣрующимъ сплотиться для того, чтобы не только находить радость въ общеніи своей вѣры, но, главнымъ образомъ, поддерживать молодежь, на которую со всѣхъ сторонъ дѣлается столько нападеній; чтобъ расшатать ея вѣру.

Какъ-то сиротливо чувствуетъ себя, напримѣръ, студентъ, вынесшій цѣльными свои религіозныя убѣжденія изъ губернской гимназіи, когда онъ пріѣдетъ въ столичный городъ, и его окружитъ среда глубокаго религіознаго безразличія.

Какъ капля воды даже камень просверливаетъ упорнымъ, постояннымъ паденіемъ: такъ и среда въ концѣ концовъ, съ ходомъ лѣтъ, оказываетъ на человѣка свое невидимое вліяніе.

И въ высшей степени важно, чтобъ такой, заброшенный въ столицу, студентъ или учащаяся дѣвушка знали, что они не одни: что ихъ вѣрованія составляютъ жизнь и душу не только ихъ самихъ,—неопытной и ничего значительнаго въ жизни не совершившей молодежи, но и людей, прославленныхъ своими знаніями и дѣятельностью, чьи имена у всѣхъ на языкахъ.

У насъ же происходитъ обратное.

Люди очень часто тщательно скрываютъ, насколько близки имъ и дороги религіозные интересы, прикидываясь не только безразличными, но и прямо невѣрующими.

Одинъ генералъ изъ высшаго круга Петербурга былъ широко извѣстенъ своимъ острословіемъ и вольностью въ выраженіяхъ: большаго за нимъ не водилось. Во всякомъ случаѣ, его считали далеко не серьезнымъ человѣкомъ.

Послѣ его смерти племянница его разсказывала:

— Какъ мы при жизни мало понимали дядю Сашу. Мы всѣ видѣли въ немъ только веселаго балагура, отъ рѣчей котораго

надо было спасать уши барышень. А, между тѣмъ, въ немъ, оказывается, была чуткая душа и большіе запросы.—Разбирая его письма, мы нашли много писемъ—она назвала одно выдающееся лицо, извѣстное своею духовностью. Они переписывались о разныхъ значительныхъ предметахъ, и въ одномъ изъ писемъ сказано: «Я очень жалѣю, что наша вчерашняя бесѣда такъ неожиданно была прервана. Съ немногими я съ такою охотою и такъ искренне бесѣдую о религіи, какъ съ вами...»

Вотъ какіе затаенные душевные уголки были у этого человѣка, котораго считали лишь малоприличнымъ болтуномъ.

Одинъ подростокъ, очень умственно развитый мальчикъ, сынъ стараго моряка, разсказывалъ мнѣ:

— Какъ я удивился, узнавъ о набожности папы. Какъ-то утромъ зашелъ я одинъ въ соборъ. Вижу, отецъ стоитъ на колѣняхъ предъ образомъ Николая Чудотворца и такъ горячо молится. Я, конечно, не подходилъ къ нему. Ему это было бы непріятно. Я долго стоялъ, смотрѣлъ на него издали. Онъ все стоялъ на колѣняхъ и молился. Когда онъ всталъ, я спрятался за колонну, чтобы онъ меня не видѣлъ.

Какъ я замѣтилъ, эта встрѣча произвела очень сильное впечатлѣніе на мальчика, который въ то время колебался нѣкоторыми религіозными сомнѣніями. Образъ молящагося отца поддержалъ его вѣру.

Но, спрашивается, зачѣмъ это утаиваніе отъ ближайшихъ людей столь важной стороны своей жизни?

Едва ли на Западѣ сынъ вѣрующаго христіанина могъ бы считать своего отца атеистомъ.

Быть можетъ, въ этомъ проявляется нѣкоторая стыдливость, цѣломудренность духа, заставляющая человѣка набрасывать непроницаемую для всѣхъ завѣсу на то, что для его духа особенно цѣнно. Но, быть можетъ, тутъ есть и нѣкоторая измѣна тому, что, вмѣстѣ съ проповѣдываніемъ вѣры, представляетъ такой же долгъ христіанина: исповѣдываніе вѣры.

ГЛАВА V.

Исповѣдываніе вѣры.

Исповѣдываніе вѣры есть безстрашное открытіе, всенародное, несмотря ни на какія угрозы, возможность казни, ни на какія лишенія, страданія, уничиженія—признаніе себя ученикомъ и рабомъ Христовымъ, и безусловная вѣрность Христу.

Исповѣданіе Христа въ родѣ грѣшномъ и маловѣрномъ требуетъ большого мужества и убѣжденности.

Этого мужества не хватило апостолу Петру, и въ страшную ночь преданія Христа онъ во дворѣ дома первосвященническаго трикратно отрекся не только отъ близости, но и отъ самого знакомства съ Христомъ: «Не знаю Человѣка»,—отрекся съ клятвою: «нача ротитися и клятися».

Мы часто изумляемся такому малодушію въ первоверховномъ апостолѣ, которому было дано созерцать Божественную славу въ Богочеловѣкѣ, который поэтому болѣе другихъ учениковъ долженъ былъ быть крѣпокъ предъ «соблазномъ о Христѣ». И удивляемся тѣмъ больше, что въ ту же ночь Христосъ предупреждалъ апостола Петра о грозящей ему опасности, а Петръ утверждалъ, что онъ душу положитъ за Господа.

Если же мы всмотримся въ свою жизнь, мы различимъ въ ней множество измѣнъ Христу, отсутствіе этого мужества исповѣданія—измѣнъ часто еле замѣтныхъ, но въ общей сложности являющихся доказательствомъ того, что въ насъ совершенно отсутствуетъ духъ исповѣдничества.

Какъ часто вѣрующіе, имѣющіе извѣстные добрые обычаи, измѣняютъ имъ для того, чтобы равнодушные не укорили ихъ въ себѣ или не посмѣялись надъ ними.

У человѣка съ дѣтства привычка снимать шапку и креститься на улицѣ предъ церквами, и, когда онъ одинъ, онъ это въ точности соблюдаетъ. А вотъ, встрѣтился со знакомымъ, и или не знаетъ, какъ знакомый къ этому отнесется, или знаетъ, что знакомый осудитъ его: и вотъ, пропускаетъ всѣ церкви, или вовсе не крестясь, или потихоньку подъ пальто, словно крадучись, дѣлаетъ небольшой крестикъ.

Какъ онъ мало въ эту минуту дорожитъ собою и своими вѣрованіями!

Можно замѣтить, что люди военные, по самому роду службы своей, привычные къ большей прямотѣ и рѣшительности, въ этомъ случаѣ гораздо самостоятельнѣе, и имъ рѣшительно все равно, какъ относятся къ этому ихъ внѣшнему проявленію душевнаго настроенія встрѣчные или сопровождающіе ихъ.

То же и съ другими обычаями: то, осматривая съ невѣрующими спутниками древній храмъ, стыдятся помолиться предъ святынею, къ которой влечетъ сердце, и приложиться къ ней, то изъ-за страха насмѣшки не перекрестятся въ гостяхъ предъ обѣдомъ и послѣ обѣда.

Въ пріемныхъ комнатахъ стыдятся вѣшать образа крупныхъ размѣровъ, а въ уголочкѣ повѣсятъ чуть замѣтный обра-

зокъ, да еще постараются подобрать такой, чтобы онъ сливался съ обоями.

Мало душевнаго благородства выказываютъ такіе нерѣдкіе люди, которые боятся, что ихъ увидятъ раскланивающимися съ людьми, которые имъ лично дороги, но которые имѣютъ недостаточно богатый и изящный видъ.

Что же сказать объ этомъ чувствѣ стыда предъ ничтожными людьми—обнаружить свою вѣру во всемогущее и окруженное неприступною славою Божество?..

Считаютъ дерзостью не поклониться знакомому, выше себя стоящему человѣку, и съ легкимъ сердцемъ проходятъ мимо селенія славы Божественной, не отмѣтивъ ничѣмъ своего благоговѣнія.

А, между тѣмъ, исповѣдываніе Христа является однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ и торжественныхъ актовъ въ жизни христіанской души.

Вообразите себѣ такую картину.

Въ одномъ изъ прекрасныхъ городовъ римскихъ владѣній на Средиземномъ побережьѣ, на помостѣ, среди открытой площади происходитъ допросъ христіанъ.

Вокругъ волнуется толпа, несдержанная, полная страсти и порывовъ, толпа теплыхъ странъ, и въ ней ненависть однихъ стоитъ рядомъ со жгучимъ тайнымъ сочувствіемъ другихъ, отвращеніе и презрѣніе рядомъ съ душевнымъ восторгомъ.

Всѣ эти люди твердятъ одно слово: то слово, которое безповоротно осуждаетъ ихъ на муки и казнь:

— Я христіанинъ!

Ихъ много—и старцы, одни величественнаго вида, другіе—изможденные и ослабшіе, и супруги въ пору первой счастливѣйшей любви, и зрѣлые мужи; и юноши съ открытыми лицами и гордо поднятой головой въ спокойной гордости непорочной и богатой надеждами юности, со смѣлымъ взоромъ, и робкія дѣвы, какъ распускающіяся на стебляхъ розы и лиліи, и дѣти, во всемъ очарованіи своего дѣтства...

И всѣ эти разнообразнѣйшіе люди, со всѣми своими несходствами, полны однимъ счастьемъ своего исповѣдыванія...

Нѣтъ, не услышитъ отъ нихъ взирающій съ высоты небесъ на ихъ подвигъ Христосъ,—не услышитъ Онъ отъ нихъ вновь позорныхъ словъ отреченія:

— Не знаю, не знаю Человѣка...

Не видѣнный ими, и лишь вѣруемый, чаемый, предчувствуемый, Онъ владѣетъ ими съ нераздѣльною силою...

Нѣкоторые изъ нихъ лишь за нѣсколько, быть можетъ,

часовъ до того почувствовали Его въ своей душѣ, навѣщая въ тюрьмѣ забранныхъ раньше родныхъ христіанъ... Но и въ этихъ работникахъ послѣдняго часа то же рвеніе, то же пламя, тотъ же духъ адамантовъ.

«Познать Тебя, почуять вдругъ, что нѣтъ въ жизни никого выше и краше Тебя, поклониться страданію Твоему, искать участія въ немъ, тутъ терпѣть пытки короткими часами, чтобъ въ вѣчности ликовать съ Тобой—какой высокій удѣлъ!»

Такъ должны были чувствовать эти исповѣдники, съ сіяющимъ лицомъ шедшіе на пытки.

Когда любишь, когда убѣжденно чтишь кого-нибудь,—тогда искреннее и горячее сердце невольно ищетъ жертвы, и нѣтъ высшаго тогда счастья, какъ дѣлить съ любимымъ человѣкомъ его скорби.

И сила стремленія распяться со Христомъ была у мучениковъ и исповѣдниковъ такъ велика, что они пріобрѣтали сверхъестественное терпѣніе въ такихъ пыткахъ, воспоминаніе о которыхъ леденитъ кровь.

Жарятъ мученика на жаровнѣ, и онъ спокойно говоритъ:

— Испеклось, переверни на другой бокъ.

Предлагали славу, богатство, сказочное мірское благополучіе, словно надбавляя ставку при всякомъ новомъ отказѣ, словно желая испытать, до какого же, наконецъ, предѣла можетъ дойти безуміе христіанъ.

А съ другой стороны лежали орудія пытокъ, разводили костры, чтобъ палить огнемъ, растопляли олово, чтобъ пытать горячей струей металла.

И надо было сдѣлать такъ мало: отказаться отъ своего исповѣданія, перестать отвѣчать этими двумя словами—«я христіанинъ; я—христіанка», и небрежнымъ движеніемъ руки возлить вина на жертвенникъ предъ идоломъ.

И не хотѣли. И умирали за это право, только за это право твердить:

— Я христіанинъ. Я христіанка.

И какое это было счастье во время мукъ шептать: «Вѣрую въ Тебя, люблю Тебя,—до того, что и страдаю за Тебя, и счастливъ страданіемъ моимъ». И сколько внутренняго утѣшенія было въ этомъ—вотъ—познаніи, что не постыдился ни предъ кѣмъ Сына Человѣческаго...

Но этотъ родъ исповѣдыванія Христа не былъ еще самымъ высокимъ и труднымъ.

Въ большинствѣ случаевъ, въ самой обстановкѣ такого исповѣдничества и мученичества было много поэзіи и красоты.

Блескъ южнаго солнца, сверканіе мраморныхъ скамей амфитеатра (цирка), гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, замучивали христіанъ, всенародность подвига, увѣренность, что твой примѣръ зажжетъ чье-нибудь сердце, и слухъ въ замученномъ тѣлѣ, въ послѣднія секунды быстро догорающей жизни, уловитъ еще вопль чьей-нибудь души прозрѣвшей и освобожденной: «Я вѣрую, я христіанинъ», и за твоею смертью тутъ же совершится мученическій подвигъ мгновенно обращеннаго тобою христіанина,—какъ все это, особенно въ молодые годы, когда по душѣ все яркое: заманчиво и привлекательно.

Они уходили отъ той жизни, тщету которой они сознали, въ безграничное блаженное существованіе; отъ раздора земли, особенно имъ ощутительнаго послѣ ихъ обращенія, уходили къ безсмертному миру и покою... Они были въ эти часы предъ послѣдними пытками и казнью, какъ путники, долго стремившіеся въ волшебную страну и слышащіе послѣдніе свистки увозящаго ихъ, наконецъ, въ эту страну парохода.

Они чувствовали, что имъ открыты объятья Христа... Блаженство пріоткрывалось...

Съ перваго взгляда не понятно, какъ это могли происходить такія быстрыя обращенія. Но великое чувство имѣетъ въ себѣ замѣчательное свойство: оно подчиняетъ другихъ, разомъ падаютъ какія-то незримыя оковы, и душа, торжествуя, входить, точно какъ освобожденная плѣнница, въ свою родную стихію.

И особенно сильно и заразительно безстрашное исповѣдываніе завѣтныхъ убѣжденій.

Но выше этого, если можно такъ выразиться, праздничнаго исповѣдничества стоитъ исповѣдничество многолѣтнее, требовавшее постояннаго напряженія воли, каково было исповѣдничество Аѳанасія Великаго, боровшагося противъ ереси Арія, не признававшей божественности Спасителя, исповѣдничество Іоанна Златоустаго, обличавшаго пороки высшаго царьградскаго общества.

Аѳанасій Великій, архіепископъ Александрійскій, провелъ въ борьбѣ съ аріанами всю свою жизнь.

Еще въ санѣ діакона, имѣя отъ роду всего двадцать девять лѣтъ, онъ сопровождаетъ своего епископа на первый соборъ въ Никеѣ и своимъ мѣткимъ и пламеннымъ словомъ поражаетъ въ голову аріанъ.

Тридцати лѣтъ онъ былъ уже епископомъ. Когда сильные при Дворѣ аріане добились того, что православнымъ было велѣно принять ихъ въ общеніе, Аѳанасій, не побоявшись

гнѣва Двора, отвѣтилъ, что онъ не приметъ еретиковъ, «не имѣющихъ ничего общаго съ Христовою церковью». Ему грозила смерть отъ аріанъ, и, чтобъ спасти его жизнь, императоръ Константинъ, не замѣщая Александрійской каѳедры, велѣлъ ему изъ Африки удалиться въ нынѣшнюю Францію.

Когда при сыновьяхъ Константина Аѳанасій вернулся въ Александрію, на каѳедру былъ назначенъ единомышленникъ аріанъ Григорій, вступившій въ Александрію съ отрядомъ войска, послѣдовали убійства и насилія; Аѳанасій едва спасся отъ смерти и бѣжалъ въ Римъ.

Водворенный впослѣдствіи снова въ Александріи, Аѳанасій продолжалъ возбуждать ненависть аріанъ. Велѣно было удалить его съ каѳедры силою. Опять грозила ему смерть. Богъ чудесно его спасъ, и онъ удалился въ египетскую пустыню къ жившимъ въ ней отшельникамъ. За голову Аѳанасія была назначена высокая плата. А Аѳанасій изъ своего уединенія разсылалъ повсюду свои писанія, защищая христіанскую истину.

Вернувшись при императорѣ Юліанѣ Отступникѣ на свою каѳедру, Аѳанасій возбудилъ ярость боровшагося съ христіанами императора, и былъ изданъ приказъ: «Гнать Аѳанасія вездѣ, гдѣ только можно».

Аѳанасію пришлось снова уйти изъ Александріи, и онъ пророчески утѣшалъ свою паству: «Не смущайтесь, дѣти. Это только облачко. Оно скоро исчезнетъ»...

Дѣйствительно, вскорѣ Юліанъ былъ убитъ въ войнѣ съ персами. Аѳанасій былъ возвращенъ въ Александрію, но на время снова оставилъ ее при покровителѣ аріанъ, императорѣ Валентѣ. Только послѣднія нѣсколько лѣтъ своей жизни Аѳанасій провелъ спокойно.

Какъ много вытерпѣлъ онъ въ ясномъ исповѣдничествѣ своемъ: гоненія, многократныя сверженія съ каѳедры, скитанія... Но онъ не подался и стоялъ непоколебимымъ столпомъ православія.

Казалось, дѣло истинной вѣры погибало. Высшее духовенство, вліятельные круги общества, монастыри, императоры— все было на сторонѣ аріанъ. И гонимое православіе покоилось на одномъ Аѳанасіи.

Никакіе натиски бурь его не сокрушили. Онъ сохранилъ и передалъ грядущимъ вѣкамъ ученіе вѣры въ ненарушенной чистотѣ. И въ соотвѣтствіи съ именемъ его (Аѳанасій значитъ безсмертный), память его и слава въ Церкви не погаснутъ, пока стоитъ православіе...

Послѣ этого столпа истины, выступившаго впервые на

первомъ вселенскомъ соборѣ и утвердившаго догматъ о равночестности Бога Отца и Бога Сына, вспомнимъ дѣятелей послѣдняго изъ соборовъ—седьмого, тоже Никейскаго, борцовъ за иконопочитаніе.

Нельзя безъ волненія слѣдить за несокрушимою твердостью той немногочисленной горсти людей, которые — какъ нѣкогда Аѳанасій сильнымъ своими связями аріанамъ—теперь противостала оффиціальной и могущественной ереси иконоборцевъ, считавшихъ въ числѣ фанатическихъ приверженцевъ своихъ—Греческихъ императоровъ. Не измѣнивъ чистотѣ вѣры среди самыхъ безпощадныхъ гоненій и самыхъ отчаянныхъ обстоятельствъ, она бодро стояла, въ надеждѣ на лучшія времена, безстрашно умирала за свое правое дѣло, наконецъ, добилась своего и возстановила иконопочитаніе.

Не противъ иконъ и мощей только, но и противъ иночества, противъ церковныхъ установленій и всего, что налагаетъ узду на страсти, противъ всей строгой церковности были направлены громы иконоборчества. Сама Церковь съ Ея вѣчными истинами, съ неизмѣняемымъ сокровищемъ Ея ученія,— вотъ, что ненавистно было иконоборцамъ.

Но мощно выступили на защиту Православія Св. Ѳеодоръ Студитъ и другіе. Напрасны были гоненія и мученія.

Когда церковная смута достигла своего апогея, на защиту правой вѣры поднялся человѣкъ великихъ дарованій и великаго вдохновенія, Іоаннъ Дамаскинъ, первый министръ калифа Дамасскаго. Личность эта, воспѣтая нашимъ поэтомъ, графомъ А. К. Толстымъ, достаточно извѣстна. Въ Константинополѣ между вѣрными ходили по рукамъ и жадно читались посланія Дамаскина, въ которыхъ онъ проникновенно, художественно излагалъ взглядъ Церкви на иконопочитаніе и выяснялъ ложь иконоборчества. Императоръ Левъ III не могъ достать и мучить его, какъ другіе императоры мучили единомышленниковъ Іоанна. Іоаннъ не былъ греческій подданный. Оставалось прибѣгнуть къ испытанному средству: клеветѣ. Левъ III велѣлъ изучить почеркъ Іоанна Дамаскина, было поддѣлано письмо, какъ будто писанное первымъ Дамасскимъ министромъ императору, съ предложеніемъ измѣннически сдать ему Дамаскъ, и это письмо отправлено калифу. Возмущенный калифъ отсѣкъ Іоанну руку. Церковное преданіе говоритъ, что, по молитвѣ Іоанна предъ иконою Богоматери, отрубленная часть руки чудесно приросла къ своему мѣсту.

Какимъ мощнымъ духомъ, какою драгоцѣнною силою

убѣжденія проникнуты эти святыя жизни «огненосныхъ столповъ Православія!»

Да, это были люди! И какимъ укоромъ вѣетъ отъ этихъ цѣльныхъ, свѣтлыхъ образовъ въ наше время, на насъ, въ нынѣшней великой смутѣ, также возстающей на Церковь, на церковныя установленія, на самого Христа...

Такимъ же непоколебимымъ столпомъ Православія явился и блаженный Марко Ефесскій. Онъ былъ представителемъ Антіохійскаго патріарха на Флорентійскомъ соборѣ 1439 года, гдѣ измѣнникъ православію, московскій митрополитъ Исидоръ, призналъ главенство надъ русскою Церковью Римскаго папы.

Марко, епископъ Ефесскій, не подписалъ акта соединенія церквей, который подписали другіе, увлекаемые подкупомъ или боязнью... Отъ Марка же подписи и не ждали: такъ были увѣрены въ непоколебимой крѣпости его и приверженности къ православной вѣрѣ. Когда соборное опредѣленіе было поднесено для подписанія папѣ, и на вопросъ папы, подписался ли Ефесскій, отвѣчали, что нѣтъ—папа воскликнулъ... «Такъ мы ничего не сдѣлали!»

Вотъ, что значитъ стойкость одного твердаго человѣка, котораго уважаютъ и враги его...

Трогательное преданіе соединяетъ въ одно разъединенныхъ по жизни пространствомъ полувѣка, и столь географически далекихъ другъ отъ друга Марка Ефесскаго и русскаго поборника православія преподобнаго Сергія Радонежскаго. Это преданіе говоритъ также о чудномъ единеніи живыхъ и въ небѣ торжествующихъ праведниковъ, о томъ, какъ пристально слѣдятъ небожители за подвигами духовно имъ сродныхъ земныхъ людей.

Суздальскій священникъ Симеонъ, бывшій съ Исидоромъ на Соборѣ, не хотѣлъ покориться латинству, много пострадалъ за это и вмѣстѣ съ Тверскимъ посломъ Ѳомою рѣшился бѣжать въ отечество. Не имѣя ни средствъ, ни защиты, ни знанія путей, они пристали было къ путешествующимъ купцамъ; но приближаясь къ одному, грозно укрѣпленному городу, купцы отогнали ихъ отъ себя, опасаясь потерпѣть за нихъ, какъ за людей неизвѣстныхъ и сомнительныхъ. На одной горѣ, утомясь и недоумѣвая о пути, Симеонъ и Ѳома легли и задремали. Вдругъ видитъ пресвитеръ старца, который, взявъ его за правую руку, сказалъ: «благословился ли ты отъ послѣдовавшаго стопамъ апостольскимъ Марка, епископа Ефесскаго?« Онъ отвѣчалъ: «да! я видѣлъ сего чуднаго и крѣпкаго мужа и благословился отъ него». Тогда явившійся говорилъ далѣе: «благо-

словенъ отъ Бога человѣкъ сей, потому что никто изъ суетнаго Латинскаго собора не преклонилъ его ни имѣніемъ, ни ласкательствомъ, ни угрозами мукъ. Ты сіе видѣлъ, не склонился на прелесть и за то пострадалъ. Проповѣдуй же заповѣданное тебѣ отъ святого Марка ученіе, куда ни придешь, всѣмъ православнымъ, которые содержатъ преданіе святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ седми Соборовъ, и имѣющій истинный разумъ да не уклоняется отъ сего. О путешествіи же вашемъ не скорбите: я буду неотступно съ вами и чрезъ сей непроходимый городъ проведу васъ безопасно. Теперь, вставъ, идите; прошедъ немного, увидите мѣсто, гдѣ двѣ палаты, и подлѣ нихъ жену, именемъ Евгенію, которая приметъ васъ въ домъ свой и успокоитъ; а потомъ вскорѣ и чрезъ городъ пройдете безъ задержанія». Пресвитеръ спросилъ старца: кто онъ? и явившійся отвѣчалъ: »я Сергій Маковскій (Радонежскій), котораго ты нѣкогда призывалъ въ молитвѣ. Ты обѣщался придти въ обитель мою, но не пришелъ; и теперь обѣщанія не исполнишь, но по неволѣ тамъ будешь». Пробудясь, пресвитеръ разсказалъ видѣніе своему спутнику, и они пошли съ радостію. Все случилось по предсказанію: Евгенія пригласила ихъ для успокоенія; потомъ прошли они черезъ городъ среди множества вооруженныхъ людей, не бывъ никѣмъ задержаны. Такъ Симеонъ возвратился въ отечество, гдѣ сбылось надъ нимъ предсказаніе великаго чудотворца.

Симеонъ почему-то замедлилъ и не поспѣшилъ въ обитель Сергіеву. Между тѣмъ, возвратился Исидоръ и заключилъ его въ оковы, какъ непокорнаго. По изгнаніи Исидора Симеонъ освобожденъ изъ оковъ и отданъ игумену Троицкой Лавры Зиновію. Такимъ образомъ, по предсказанію преподобнаго Сергія, онъ поневолѣ привезенъ въ обитель его, гдѣ со слезами разсказывалъ братіи свои приключенія (нѣкоторыя черты изъ житія преподобнаго Сергія Радонежскаго послѣ смерти, стр. 35—37).

Въ наше время исповѣдничество не ведетъ къ пыткамъ внѣшнимъ, къ изгнанію, заточенію и казни. Но и въ наше время исповѣдничество едва ли безболѣзненно для людей, всею дѣятельностью своею славящихъ Христа.

Къ христіанскимъ идеямъ такихъ громадныхъ, исключительно извѣстныхъ писателей, какъ Достоевскій, относятся съ нескрываемымъ невниманіемъ. И, если критика не замолчала его, то только вслѣдствіе слишкомъ всѣмъ видимой его яркости.

Если не замалчивалась проповѣдь Толстого, а раздувалась, то, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ христоборцемъ

и говорилъ отъ себя, а не отъ имени Христа распятаго. Еслибъ онъ исповѣдывалъ Христа—Богомъ, пришедшимъ во плоти, то, конечно, были бы приняты всѣ мѣры къ тому, чтобъ онъ былъ меньше услышанъ.

Въ концѣ прошлаго вѣка писалъ въ Москвѣ выдающійся, глубокій, чуткій литературный критикъ Ю. Н. Говоруха — Отрокъ, избравшій себѣ псевдонимъ «Ю. Николаевъ»... Онъ былъ христіанинъ и смотрѣлъ на литературу и искусство съ точки зрѣнія христіанства. Его усердно замалчивали.

Онъ издалъ блестящую работу, критическій этюдъ о Короленкѣ, гдѣ отмѣчаетъ стремленіе автора подмѣтить во всякомъ человѣкѣ Божью искру, понять и оправдать падшихъ... Книгу замалчивали... Какъ-то онъ встрѣтился въ ресторанѣ съ руководителемъ одного ежемѣсячнаго толстаго журнала противоположнаго направленія.

— Хороша ваша книга о Короленкѣ,—сказалъ ему тотъ: читалъ ее съ наслажденіемъ. Прекрасная книга.

— Такъ что же вы о ней ничего не пишете? Вѣдь, книга говоритъ о писателѣ, который пользуется у васъ величайшимъ сочувствіемъ.

Тотъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, писать-то мы о васъ не будемъ... Чѣмъ ваши книги будутъ удачнѣе, тѣмъ упорнѣе мы будемъ васъ замалчивать.

Это заявленіе было цинично, но правдиво: такъ оно, въ дѣйствительности, и бываетъ.

Примкни Ю. Николаевъ къ противоположному лагерю, держи про себя свое христіанство, не становись подъ христіанское знамя: онъ имѣлъ бы шумный успѣхъ и широчайшую извѣстность... Онъ предпочелъ быть вѣрнымъ Христу, идя на несомнѣнную жертву. И поэтому жизнь его можетъ быть названа исповѣдничествомъ.

Самый оригинальный, самый сильный, самый стихійный художникъ въ Россіи за послѣднія десятилѣтія, несомнѣнно, Васнецовъ. Его работы на стѣнахъ кіевскаго Князе-Владимірскаго собора—это откровенія новаго русскаго искусства, подающаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, руку бѣднымъ формою и богатымъ чувствомъ художникамъ-иконописцамъ давней былой Россіи.

Но, именно, за это, за согласіе своего идейнаго настроенія съ исконными вѣрованіями русскаго народа, многочисленнѣйшая часть печати относится къ Васнецову совсѣмъ иначе, чѣмъ относилась бы, еслибъ онъ со своимъ талантомъ не былъ исповѣдникомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій.

И такія явленія вы встрѣтите часто и повсюду. Мнѣ гово-

рили, что пьеса одного уже извѣстнаго драматурга была забракована къ принятію на сцену только изъ-за своего явно выраженнаго христіанскаго направленія, хотя поводъ былъ, конечно, выставленъ иной...

Теперь подумайте, какую силу духа и убѣжденія надо было имѣть тому же, напримѣръ, Ю. Николаеву... Не высказывай онъ своего христіанства—жизненная удача была бы ему уже обезпечена: громадный заработокъ, общее сочувствіе, слава.

Человѣку пишущему такъ важно быть услышаннымъ многими, чтобъ мысли его могли расходиться широко. Когда онъ говоритъ съ узкимъ кругомъ читателей, это похоже на то, какъ еслибъ ему закрывали ротъ. И вотъ не только выгоды, но и столь важное, на первомъ мѣстѣ для писателя стоящее соображеніе о томъ, чтобы имѣть широкій кругъ читателей и дѣйствовать на нихъ: всѣмъ этимъ пожертвовалъ Ю. Николаевъ, чтобъ остаться вѣрнымъ Христу и имѣть возможность громко Его исповѣдывать... Это тоже своего рода мученичество.

Всюду и всегда, во всякомъ положеніи и на всякомъ шагу вашей жизни, у васъ будетъ случай проявить ваше исповѣдничество. И счастливы тѣ, кто смолоду къ этому стремится.

Одно лицо, занимающееся разработкой духовныхъ вопросовъ, разсказывало мнѣ, что, когда онъ былъ проѣздомъ въ Кіевъ, къ нему обратился ученикъ одного средне-учебнаго заведенія, юноша лѣтъ восемнадцати, который задался мыслію устроить кружокъ вѣрующей молодежи, чтобъ находить взаимную духовную поддержку.

Мой знакомый передавалъ мнѣ, что, довѣряя свой планъ ему, какъ лицу, много думавшему о духовной жизни, этотъ посѣтитель прямо пылалъ огнемъ ревности, сгоралъ желаніемъ сохранить вѣру въ себѣ и въ товарищахъ и пробудить ее въ равнодушныхъ.

И развѣ это не есть исповѣдываніе?

Бываютъ люди, которые вообще въ дѣло своей жизни влагаютъ столько чисто религіознаго, что вся ихъ жизнь представляется однимъ сплошнымъ подвигомъ исповѣдничества.

Такимъ человѣкомъ за послѣднее время былъ извѣстный народный учитель Сергѣй Александровичъ Рачинскій, вся дѣятельность котораго была проникнута высшими христіанскими идеалами.

Рачинскій происходилъ изъ богатой помѣщичьей семьи Смоленской губерніи и родился въ родномъ помѣстьѣ, селѣ Татевѣ, Бѣльскаго уѣзда; по матери онъ былъ роднымъ племянникомъ поэта Баратынскаго. Дѣтство его прошло въ уютѣ старой дворянской усадьбы, съ прекраснымъ поэтичнымъ домомъ.

Онъ получилъ тщательное воспитаніе, прекрасно зналъ иностранные языки и музыку.

Отъ матери своей онъ унаслѣдовалъ большую набожность, и своей чуткой душой сильно воспринималъ церковныя впечатлѣнія. Когда онъ съ семьей мальчикомъ въ первый разъ посѣтилъ Москву, она оказала на него и на его склонность ко всему церковному большое вліяніе. Онъ всегда поминалъ, какъ, войдя однажды въ Троицынъ день въ церковь Успенія на Покровкѣ, убранную зеленью, цвѣтами, березками,—онъ былъ пораженъ ея красотою.

Поступивъ въ московскій университетъ, онъ пристрастился къ ботаникѣ и, по окончаніи курса, усовершенствовался въ этой наукѣ за границей, а потомъ былъ приглашенъ занять каѳедру по ботаникѣ въ московскомъ университетѣ.

По своему уму и качествамъ своего характера, онъ занялъ видное мѣсто среди московскаго образованнаго общества. У него бывали всѣ выдающіеся москвичи.

Но въ этой жизни онъ не испыталъ полнаго удовлетворенія. Чего-то не хватало ему. Нѣсколько лѣтъ онъ провелъ въ тревожныхъ исканіяхъ и, наконецъ, нашелъ свою цѣль, цѣль своей жизни: онъ сталъ сельскимъ учителемъ.

У насъ давно было принято говорить о народѣ, о сельскомъ населеніи, о необходимости служить ему и просвѣщать его. И очень часто всѣ эти разговоры такъ и оставались одними разговорами.

Никто изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей не послужилъ народу съ тою полнотою, искренностью, съ отданіемъ на эту службу себя самого, всѣхъ дней и часовъ своей жизни, какъ сдѣлалъ это С. А. Рачинскій: сдѣлалъ просто, тихо, безъ рисовки.

Богатый представитель высшаго круга, европейскій ученый, онъ совершенно измѣняетъ свою жизнь.

Знавшіе Рачинскаго молодымъ передавали, что онъ очень заботился тогда о своей внѣшности и изысканно одѣвался. Теперь онъ надѣваетъ самое простое платье, единственное достоинство котораго—чистота.

Онъ даже покидаетъ старое насиженное гнѣздо, свой по-

мѣщичій домъ. На свои средства онъ устраиваетъ общежитіе для мальчиковъ, которые живутъ въ отдаленныхъ деревняхъ и которымъ поэтому трудно приходить ежедневно въ Татево. Самъ онъ селится съ этими крестьянскими мальчиками, отведя себѣ при школѣ двѣ маленькихъ комнатки, одна изъ которыхъ служитъ ему кабинетомъ, другая—спальней.

И всю остальную жизнь свою, тридцать четыре года, онъ трудится, воспитывая цѣлыя поколѣнія крестьянскихъ дѣтей, выдававшихся своими душевными качествами и ставшими, по его примѣру, такими же самоотверженными народными учителями.

Свои наблюденія надъ крестьянскими мальчиками и русскою душою вообще, которую онъ такъ непосредственно и близко изучилъ,—онъ излагалъ въ статьяхъ, изъ которыхъ составился сборникъ подъ заглавіемъ «Сельская школа».

Этотъ сборникъ слѣдуетъ прочесть всякому, кто интересуется русскимъ народомъ.

Близко подойдя къ народной душѣ, Рачинскій былъ изумленъ ея красотой, ея идеализмомъ, ея высокими стремленіями. Онъ увидѣлъ, что «русскій народъ подъ грубой внѣшностью скрываетъ огромное богатство духовныхъ силъ, которыя дремлютъ и которыя школа должна разбудить». «Въ душѣ русскаго человѣка, говоритъ онъ, ярко пылаетъ пламя сердечной искренней вѣры въ Бога».—«Жизнь для Бога», «жизнь по Закону Божію», «отверженіе себя», «подвижническая жизнь», «жизнь въ монастырѣ»—вотъ, лучшія мечты и желанія большинства крестьянъ и крестьянскихъ мальчиковъ, попавшихъ въ школу Рачинскаго и дававшихъ отвѣты на его вопросы, чему хотятъ они научиться въ школѣ и чего хотятъ они добиться въ жизни.

Отсюда—выводилъ Рачинскій — долгъ каждаго истиннаго просвѣтителя народа воспользоваться этими сокровищами русской души, развить въ учащихся глубокое религіозное чувство, поднять, облагородить ихъ, сдѣлать изъ нихъ, прежде всего, «православныхъ христіанъ», любящихъ Церковь съ ея богослуженіемъ и завѣтами, какъ любили все это наши предки.

Рачинскій понялъ, что единственное просвѣщеніе, котораго народъ жаждетъ, есть «свѣтъ Христовъ»: что одинъ онъ можетъ озарить трудовой путь русскаго крестьянства и привести его къ затаенной цѣли крестьянской души—«жить въ Богѣ и для Бога»: просвѣщеніе народа должно происходить подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ Церкви.

«Такого образованія и воспитанія, пишетъ Рачинскій, не

получалъ еще ни одинъ народъ міра. Пусть получитъ его народъ русскій, который долженъ сказать свое жизненное слово прочимъ народамъ востока и запада, ждущимъ новаго откровенія. И, безъ сомнѣнія, онъ скажетъ его, если просвѣщеніе русскаго народа произойдетъ въ строго-христіанскомъ духѣ».

Народъ всегда смотрѣлъ на грамотность, какъ на ключъ къ Божественному Писанію,—и у Рачинскаго особенное вниманіе было обращено на церковно-славянскій языкъ. Изученіе Закона Божія не носило характера сухого учебнаго предмета, а велось въ видѣ простыхъ, сердечныхъ, живыхъ, задушевныхъ бесѣдъ съ дѣтьми о предметахъ вѣры и нравственности, такъ чтобъ тронуть сердца и развить волю школьника.

Особенное вниманіе было обращено на церковное пѣніе, по которому отцы могутъ наглядно судить о томъ, что дѣти ихъ не теряютъ времени своего даромъ, такъ какъ слышатъ дѣтей поющими въ церкви.

И пѣніе школьнаго хора въ Татевской церкви, и церковно-славянское чтеніе школьниковъ велись образцово, способствуя торжественности богослуженія и доставляя радость и утѣшеніе и самимъ школьникамъ, и прихожанамъ.

Имѣя умъ практическій, Рачинскій ставилъ обученіе крестьянскихъ дѣтей такъ, чтобъ давать имъ умѣнія, нужныя имъ въ ихъ жизни.

Уроки русскаго языка имѣли цѣлью дать навыкъ къ написанію крестьянскаго письма, прошенія, условія о съемкѣ земли. Въ ариѳметикѣ, главнымъ образомъ, имѣлось въ виду развить способность умственнаго счета. И ученики Рачинскаго въ этомъ достигали изумительныхъ успѣховъ.

Рачинскій не сочувствовалъ моднымъ теперь статейкамъ въ хрестоматіяхъ о внѣшнемъ мірѣ, съ объясненіемъ крестьянскимъ дѣтямъ, съ младенчества свыкшимся съ животными,—что есть лошадь и что есть корова. Но онъ находилъ очень полезнымъ во время прогулокъ и во время занятій въ сельскомъ саду и огородѣ знакомить дѣтей, съ наглядным показомъ, съ тайнами окружающей ихъ природы.

Ученикамъ сообщалось также о главнѣйшихъ историческихъ событіяхъ Европы и Россіи и понятіе о географіи всеобщей и русской.

Въ основу же всего ставилось—привязать дѣтей къ Церкви, ко всему истинно народному и высокому, выработать навыкъ къ чистой трудовой христіанской жизни.

Заслуга и, одновременно, успѣхъ Рачинскаго состояли въ томъ, какъ подошелъ онъ къ народной душѣ.

Образованное общество смотритъ обыкновенно на народъ свысока, какъ на дикарей, на какое-то пустое мѣсто, тогда какъ по богатству душевному безграмотный крестьянинъ, съ живымъ чувствомъ Божьей правды, стоитъ много выше другого образованнѣйшаго человѣка.

Подойдя къ народу, Рачинскій понялъ, что народъ не только надо учить, но что прежде и самому у народа надо многому поучиться.

Обыкновенно какое-то глубокое взаимное непониманіе отдѣляетъ образованные классы отъ простонародья. И эта несомнѣнная рознь основана на томъ, что они по разному вѣрятъ, къ разному стремятся: народъ и образованные люди, оставшіеся вѣрными исконнымъ общенароднымъ чаяніямъ, ищутъ жизни по Божьей правдѣ; большинство же образованныхъ мечтаетъ лишь о томъ, какъ бы получше устроиться на землѣ.

А Рачинскій съ глубокимъ смиреніемъ и усердіемъ подошелъ къ народной душѣ и, подойдя и всмотрѣвшись въ нее, изумился ей и преклонился предъ нею, и такъ полюбилъ народъ и такъ послужилъ въ лицѣ своихъ школьниковъ будущему окружному крестьянству, что сталъ для этихъ дѣтей и учителемъ, и слугой, и воспитателемъ, и надзирателемъ.

Христіанство должно трубить о такихъ людяхъ и всячески прославлять ихъ. Рачинскій съ совершенной полнотою исполнилъ великій завѣтъ Христовъ: «Блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ».

Его забота о дѣтяхъ видна въ самой внѣшности его школы, которая, можно сказать, являлась земнымъ раемъ этихъ маленькихъ исповѣдниковъ Христовыхъ, во главѣ со своимъ учителемъ.

Школа, устроенная Рачинскимъ, представляла собою большое деревянное одноэтажное зданіе съ широкой террасой спереди. Небольшая двухъэтажная пристройка заключала внизу двѣ комнаты самого Рачинскаго, а верхъ былъ имъ отданъ ученикамъ, занимавшимся иконописаніемъ и живописью. Предъ зданіемъ былъ разбитъ трудами учителя и учениковъ большой красивый цвѣтникъ. Стѣны террасы и столбы, поддерживающіе навѣсъ, были также украшены вьющимися растеніями. Цвѣты, къ которымъ имѣлъ такое пристрастіе Рачинскій, наполняли и террасу.

Въ зданіи помѣщались столовая, кухня общежитія, классная комната.

Просторная, свѣтлая, съ большими окнами, классная была украшена множествомъ картинъ и рисунковъ изъ Божествен-

наго и изъ русской исторіи, рисунками его учениковъ. (Среди нихъ былъ извѣстный художникъ Богдановъ-Бѣльскій). Тутъ же висѣлъ большой снимокъ съ изображенія Богоматери работы Васнецова, находящагося въ Кіевскомъ соборѣ («Богоматерь, несущая міру спасеніе»). Этотъ снимокъ подаренъ школѣ самимъ художникомъ.

Тутъ же висѣли таблицы съ красивыми заставками и орнаментами, написанныя крупнымъ славянскимъ уставомъ рукою самого Рачинскаго и заключавшія тропари двунадесятыхъ праздниковъ, догматики и другія молитвы и церковныя пѣснопѣнія. Въ переднемъ углу предъ иконами теплилась лампада, и всѣ иконы были увѣшаны чистыми расшитыми полотенцами. Одна изъ стѣнъ была почти совершенно стеклянная, и по ней стояли комнатныя растенія и цвѣты, придававшіе ей уютъ и красоту. Прямо изъ класса была дверь въ комнату Сергѣя Александровича. Съ балкона школы открывался красивый видъ на окрестности Татева. Чрезъ дорогу былъ разбитъ школьный садъ и огородъ, въ которомъ ученики сами садили и выращивали себѣ разные овощи и ягоды.

Школа блистала чрезвычайной опрятностью и порядкомъ, и все это поддерживалось учениками подъ наблюденіемъ самого Рачинскаго. Въ школѣ не было даже сторожа. Дѣти сами мыли полы, выметали соръ и пыль, рубили дрова, носили ихъ въ школу, топили печи, таскали воду, ходили за провизіей для обѣда; только что для стряпни была старушка, являвшаяся единственною прислугою въ школѣ и въ школьномъ общежитіи, въ которомъ иногда набиралось до пятидесяти человѣкъ народу.

Родовитый баринъ, Рачинскій не только поддерживалъ въ школѣ порядокъ наравнѣ съ учениками, но и принялъ на себя самую черную обязанность: онъ очищалъ навозъ съ площади предъ школой, котораго особенно много бывало послѣ праздниковъ и базарныхъ дней, когда въ церковь и село пріѣзжало много крестьянскихъ подводъ. Весь этотъ соръ и навозъ шелъ обыкновенно въ школьные цвѣтники и на школьные огороды. Рачинскій также самъ пололъ гряды на школьномъ огородѣ лѣтомъ. Такъ онъ придалъ школѣ безъ всякихъ почти затратъ красивый и художественный видъ.

Онъ настолько сжился со своей школой и съ дѣтьми, настолько отдалъ имъ себя, что о производимомъ имъ впечат-

лѣніи одинъ изъ посѣтителей школы говоритъ: онъ былъ не только учителемъ своихъ учениковъ; мнѣ кажется, что будетъ мало его назвать отцомъ. Онъ, рѣдкій, по душѣ и мягкости любвеобильнаго сердца человѣкъ, былъ для своихъ питомцевъ скорѣй любящей матерью, жившей однѣми съ ними радостями и горевавшей ихъ неудачами и печалями. Школа была его домъ, школьники его семья, для которой онъ работалъ, не покладая рукъ.

Татевскіе школьники никогда не оставались безъ надзора, съ ними были или самъ Сергѣй Александровичъ, или его помощникъ. Вмѣстѣ съ ними Рачинскій ѣлъ, пилъ и ночевалъ, первымъ вставалъ и послѣднимъ ложился. Дверь въ его комнату никогда не запиралась, ни днемъ, ни ночью. Онъ былъ для учениковъ и учителемъ, и слугой, и воспитателемъ, и надзирателемъ. При такой материнской нѣжности къ ученикамъ, онъ въ то же время былъ съ ними твердъ, не потворствовалъ ихъ слабостямъ и проступкамъ. Сердечное его отношеніе къ школьникамъ дѣлало въ большинствѣ случаевъ невозможными самые проступки, при вспышкахъ дурного характера Рачинскій старался затронуть нѣжное въ дѣтяхъ чувство справедливости. Мелкія же невзгоды и дѣтскія преступленія онъ старался не замѣчать. Если, бывало, дѣти, рѣзвясь, нечаянно разобьютъ стекло или горшокъ съ цвѣтами, онъ только тихо скажетъ:

— Это ты, Ваня, разбилъ? Пойди, скажи Семену, чтобы онъ позвалъ садовника убрать это.

Съ ранняго утра до поздней ночи проводилъ Рачинскій въ своемъ ежедневномъ подвигѣ. Въ шесть часовъ дѣти, жившія въ общежитіи, вставали и шли на молитву. Здѣсь ихъ уже ожидалъ Сергѣй Александровичъ. Начальный и заключительный молитвенный возгласъ, какъ положено мірянами, произносилъ Рачинскій или одинъ изъ его помощниковъ. Дежурный ученикъ читалъ положенныя молитвы, онѣ прерывались и заканчивались общимъ пѣніемъ. Затѣмъ слѣдовалъ завтракъ—хлѣбъ съ молокомъ, а въ постные дни съ квасомъ. Отъ завтрака до девяти часовъ производились хозяйственныя работы: кто носилъ дрова въ комнаты, кто воду, кто поливалъ цвѣты, кто убиралъ школу, кто отправлялся на помѣщичій дворъ за съѣстными припасами.

Все содержаніе общежитія ложилось на Сергѣя Александровича. Самъ же онъ въ это время ходилъ здороваться со

своей престарѣлой матерью, которую пережилъ всего на восемь лѣтъ, и съ незамужней сестрой. Съ девяти начинались занятія до полудня, и Сергѣй Александровичъ преподавалъ въ старшей группѣ. Въ полдень былъ обѣдъ. Столовая служила для ребятъ и спальней—по стѣнамъ были устроены нары съ отдѣленіями для каждаго мальчика. Въ этой комнатѣ стояли два длинныхъ стола съ лавками по бокамъ. За однимъ изъ столовъ въ концѣ садился обыкновенно Сергѣй Александровичъ, а за другимъ его помощникъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ; большею частью изъ щей или супа съ мясомъ и каши. Посты строго соблюдались. По праздникамъ давались еще пироги и чай. Пища была питательная, но ничуть не роскошная—и только, которой пользуются зажиточныя крестьянскія семьи. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣда пѣлись обычно молитвы. Овощи къ столу шли изъ школьнаго огорода, который подъ наблюденіемъ Сергѣя Александровича воздѣлывался учениками.

Затѣмъ до двухъ часовъ было свободное время, зимой отгребали снѣгъ около школы, лѣтомъ копались въ огородѣ. Также занимались и отдыхомъ на чистомъ воздухѣ подъ надзоромъ Рачинскаго или его помощника. Если Сергѣй Александровичъ не могъ, чувствуя себя слабымъ, принять участіе въ работахъ, то онъ въ это время переписывалъ ноты для школьнаго хора и разрисовывалъ крупными славянскими буквами для Татева или сосѣдней школы молитвы, тропари и кондаки двунадесятыхъ праздниковъ съ разноцвѣтными заставками и орнаментами. Они укладывались на картонъ и вѣшались въ видѣ украшенія на школьныя стѣны.

Съ двухъ часовъ до четырехъ шли уроки, въ четыре ребята полдничали, затѣмъ отдыхали, играли на дворѣ или прогуливались, а съ шести до девяти шли вечернія занятія. Рѣшались ариѳметическія задачи на устный счетъ, читались и заучивались лучшія и доступныя крестьянскому пониманію произведенія русской словесности. Бывали также въ это время и спѣвки.

Ариѳметическія задачи, рѣшаемыя въ умѣ, были особенно любимы учениками. У него было заведено такъ, что самъ онъ сидѣлъ или стоялъ въ сторонкѣ. Кто рѣшитъ написанную на большой черной доскѣ задачу, подбѣгаетъ къ нему и шепчетъ на ухо отвѣтъ. Если рѣшеніе вѣрно, мальчикъ становится по правую руку учителя, если невѣрно—по лѣвую. Это упражненіе

въ устномъ счетѣ производилось и по праздникамъ вечеромъ. Тутъ, желая поощрять наиболѣе смышленныхъ дѣтей, Рачинскій одѣлялъ пряниками тѣхъ, кто быстрѣе всѣхъ шепталъ ему вѣрно отвѣтъ. Эти задачи были напечатаны въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ «1001 задача для устнаго счета». Дѣти школы Рачинскаго достигали въ этомъ устномъ счетѣ необыкновенной сноровки. Въ девять часовъ бывали въ непремѣнномъ присутствіи Сергѣя Александровича вечернія молитвы. «Серьезно, сосредоточенно, говоритъ одинъ изъ бывшихъ помощниковъ Сергѣя Александровича, стояли предъ иконами съ теплящейся лампадой послѣ цѣлаго дня умственныхъ и разнообразныхъ трудовъ наши ребята—и я не могу сказать, какъ милы, какъ они хороши бывали въ это время»... Другой очевидецъ, вспоминая эту вечернюю молитву, свидѣтельствуетъ: «было во всемъ этомъ столько умилительной простоты, столько искренности, неподдѣльнаго благочестія, что на глазахъ у меня навертывались слезы, и я никогда не забуду этого впечатлѣнія».

Вотъ какъ проводились предпраздничные и праздничные дни: въ субботу уроки оканчивались въ двѣнадцать часовъ дня. Послѣ обѣда производилась общая уборка школы: мытье половъ, чистка спальни, а потомъ ученики шли въ баню и, вернувшись всѣ вмѣстѣ, пили чай. Послѣ чая самъ Рачинскій читалъ и объяснялъ очередное воскресное или праздничное евангеліе.

Среди обширнаго класса ставился столъ. По скамьямъ поодаль размѣщались помощникъ, учителя и ученики, а иногда и родственники учениковъ и взрослые пѣвчіе, приходившіе на эти субботнія бесѣды изъ деревень. Рачинскій прочитывалъ положенное евангеліе по-славянски и давалъ нѣсколько объясненій, а потомъ читалъ то же евангеліе по-русски. Эти объясненія переходили въ цѣлыя бесѣды и по сердечности, по жизненности и назидательности своей глубоко западали въ сердце каждаго слушателя и оставались въ памяти на всю его жизнь. Суббота оканчивалась спѣвкой на воскресныя и праздничныя службы. Затѣмъ слѣдовали молитвы и сонъ. Крестьяне пѣвчіе пользовались посѣщеніемъ школы, чтобы сходить въ баню, и потомъ угощались чаемъ съ баранками и школьнымъ ужиномъ, и такъ любили эти бесѣды, что никакая погода не могла удержать ихъ дома. Праздничная служба въ Татевской церкви

отправлялась истово, церковное пѣніе было поставлено въ Татевѣ превосходно. Сергѣй Александровичъ изъ богатаго выбора церковной музыки выбиралъ лучшія творенія, которыя и исполнялись съ воодушевленіемъ и искусствомъ. Послѣ богослуженія дѣти въ праздникъ пили чай, ѣли пироги, рѣзвились, отдыхали, уходили къ роднымъ, а вечеромъ занимались съ Сергѣемъ Александровичемъ, и больше всего рѣшеніемъ устныхъ задачъ, за быстрый отвѣтъ на которыя слѣдовали пряники.

Мудрый Рачинскій понялъ, что дѣти никогда не полюбятъ школу настоящимъ образомъ, если со школой у нихъ будутъ связаны лишь воспоминанія объ упорномъ, напряженномъ трудѣ. Онъ зналъ, что въ дѣтскихъ душахъ ярче запечатлѣваются не будничныя, обыденныя воспоминанія, а воспоминанія рѣдкія, праздничныя, необычайныя. Поэтому всѣ радости праздничныхъ дней, всю ихъ особливость, необычайность онъ тѣсно связалъ со школой, и этимъ привязалъ еще больше къ школѣ сердца крестьянскихъ дѣтей.

Задолго до Великаго Праздника въ Татевѣ начинались предпраздничныя приготовленія, устраивались частыя спѣвки съ заучиваніемъ разныхъ праздничныхъ пѣснопѣній. Время проходило въ какомъ-то трепетномъ ожиданіи торжества.

Одинъ изъ сотрудниковъ Рачинскаго такъ описываетъ Пасху въ Татевѣ:

«Съ утра въ Великую Пятницу началась уборка комнатъ, главнымъ образомъ большой классной комнаты. Сергѣй Александровичъ приказалъ принести множество свѣжихъ цвѣтовъ въ плошкахъ изъ оранжерей дома своей матушки и принялся самъ съ нами украшать школу: всѣмъ было много работы. Изъ большой классной комнаты мы вынесли нѣсколько столовъ, а остальные расположили въ ряды, спинками другъ къ другу, и получилось два длинныхъ стола: крышки въ нихъ мы приподняли, подложивъ подножки, и все это получило видъ двухъ огромныхъ ровныхъ столовъ. Стѣны вымыли, вытерли, и подъ руководствомъ Сергѣя Александровича увѣшали ихъ десятками расшитыхъ полотенецъ, выставили окна, иконы чудно убрали полотенцами. Затѣмъ Сергѣй Александровичъ началъ разставлять цвѣты на окнахъ и предъ иконами и на широкихъ лавочкахъ съ цинковыми подносами. Такъ хорошо, весело стало. Изъ большого дома Сергѣя Александровича принесли

нѣсколько корзинъ съ куличами, пасхами, крашеными яйцами и проч. Все это мы съ Сергѣемъ Александровичемъ разставляли на столахъ въ перемежку съ цвѣтами.

«Вечеромъ изъ Тарховской школы (Тарховская женская школа была основана и процвѣтала при участіи Рачинскаго. Тамъ прекрасно поставлены были женскія рукодѣлія и ткачество) привезли всѣмъ намъ и учителямъ, и дѣтямъ обновки: каждому рубашку и поясокъ, сработанные отъ начала до конца этой чудной школой, учительницами и ученицами (ткали полотно, бѣлили его, кроили и шили, а пояски вязали). Мы всѣ и Сергѣй Александровичъ одѣли этотъ подарокъ, и какъ пріятно было смотрѣть. Рубашки бѣлыя, обшитыя лентою съ красными узорами, и красный вязаный поясокъ. Лампы ярко горятъ, вокругъ все такъ хорошо, и цвѣты, цвѣты, которые такъ все красятъ. Дѣвочки въ новыхъ сарафанахъ»...

«Причесанные, какъ никогда, чистые и нарядные сидятъ наши ребята по лавкамъ и изрѣдка тихо переговариваются. Сверху изъ пѣвческой доносится послѣдняя спѣвка какихъ-нибудь недостаточно еще гладко идущихъ мѣстъ... Но уже полночь, пора идти. Мигомъ все встрепенулось; всѣ спѣшатъ чрезъ небольшую площадь въ церковь. А высокая, ярко освѣщенная Татевская церковь уже полнымъ полна народа. Всѣ въ ожиданіи и, вотъ, среди этой проникновенной тишины раздается ударъ колокола. Толпа колышется, и крестный ходъ, съ трудомъ пробираясь, выходитъ изъ церкви. Сквозь окна видно, какъ онъ обходитъ вокругъ; доносятся слова стихиры: «Воскресеніе Твое, Христе Спасе», и, наконецъ, наступаетъ торжественная минута: по возгласѣ священника слышно пѣніе «Христосъ Воскресе», и крестный ходъ въ церкви, и всѣ счастливы, всѣ радостны, всѣ сливаются въ одномъ порывѣ восторга... Начинается пасхальная заутреня, чудо поэзіи, музыкальной красоты и молитвеннаго настроенія. Дивное вообще богослуженіе о. Петра дѣлается вдохновеннымъ... Около четырехъ часовъ окончилась литургія, и мы пришли въ школу. Пропѣли «Христосъ Воскресе». Сергѣй Александровичъ похристосовался со всѣми нами и дѣтьми... Какъ описать прелесть ребятъ нашихъ въ эту минуту. Какъ описать школу, всѣмъ существомъ радующуюся воскресенію Бога и Спаса нашего. Какъ повторить эти поздравленія, не по обычаю только приносимыя, а искреннія, отъ души, по поводу подлиннаго, дѣйствительнаго, вотъ сей-

часъ нахлынувшаго счастья. Воистину Воскресе... И вся семья въ пятьдесятъ душъ усѣлась за столами. Свѣтлѣло, и мы при чудной зарѣ и восходящемъ солнцѣ встрѣчали Свѣтлый день и разговлялись. Какъ ярко, красиво было въ школѣ, какимъ свѣтомъ свѣтились лица у всѣхъ, какіе всѣ были радостные... Лишь послѣ разговѣнья Сергѣй Александровичъ пошелъ домой... Какъ онъ тронулъ насъ всѣхъ... Школу свою больше всего любилъ онъ: тамъ и мать больная, и сестра ждутъ его, но онъ прежде всего встрѣтилъ праздникъ съ нами».

Такъ же радостно проводились святки,—праздники Рождества Христова и Богоявленія,—когда въ школѣ устраивался вечеръ съ музыкой, съ пѣніемъ и чтеніемъ учениковъ школы, сдѣлавшійся въ настоящее время обычнымъ во многихъ школахъ.

Но среди праздниковъ преимущественно школьныхъ слѣдуетъ отмѣтить празднество, устраивавшееся Сергѣемъ Александровичемъ каждогодно въ Татевѣ одиннадцатаго мая, въ день памяти св. Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянскихъ, на которое собирались ученики, окончившіе курсъ въ этомъ году и со всѣхъ сосѣднихъ школъ, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ Сергѣю Александровичу и находящихся подъ его попечительствомъ и руководствомъ. Этотъ праздникъ былъ полонъ глубокаго смысла и преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы закрѣпить въ сознаніи учащихся дѣтей тѣсную связь нашу съ другими славянскими народами, для которыхъ языкъ богослужебныхъ книгъ до сихъ поръ остается однимъ общимъ языкомъ.

Въ этотъ день обыкновенно совершалась торжественная литургія въ присутствіи всѣхъ учениковъ Татевской школы и прибывшихъ изъ школъ окрестныхъ селеній, и затѣмъ устраивался крестный ходъ въ Татевскую школу, гдѣ служили молебенъ св. Кириллу и Меѳодію. Особенно торжественно устраивался крестный ходъ въ школу. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ праздникѣ одинъ изъ участниковъ его, ученикъ Сергѣя Александровича, бывшій въ Татевѣ одиннадцатаго мая въ качествѣ гостя изъ сосѣдней Меженинской школы. «Послѣ заамвонной молитвы, учитель поставилъ всѣхъ насъ въ два ряда посреди церкви лицомъ другъ къ другу отъ амвона до выходной двери. Затѣмъ сталъ раздавать каждому по хоругви. Это были высокія, легонькія древки съ деревянными крестиками наверху, къ нимъ прикрѣплены картонныя хоругви, и на каждой

изъ нихъ была нарисована во всю хоругвь красной краской какая-нибудь славянская буква. Обѣдня кончилась. Старичекъ-священникъ съ благообразной длинной сѣдой бородой, въ камилавкѣ, съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ дьяконъ съ Евангеліемъ, два мальчика со свѣчами, четыре мальчика съ иконами св. Кирилла и Меѳодія, вышли изъ алтаря, и вся эта торжественная процессія двинулась изъ церкви:—мы, дѣти хоругвеносцы—впереди, позади насъ причтъ, хоръ и всѣ присутствующіе. Выйдя изъ церкви, процессія отправилась къ школѣ. День ясный, солнечный, дуетъ маленькій вѣтерокъ, тихо колыхая и шелестя нашими оригинальными хоругвями. Хоръ поетъ тропарь: «Яко Апостоломъ единонравніи»... Чудный, простой и вмѣстѣ торжественный этотъ видъ невольно наводитъ на хорошія, отрадныя мысли, вселяетъ въ сердце свѣтлыя надежды на будущее. Эти маленькія дѣти, молодое поколѣніе, будущіе отцы семействъ, несутъ въ своихъ, пока еще слабыхъ, рукахъ всю мудрость, всю науку міра, всѣ надежды на свое свѣтлое будущее. Вздымая высоко это знамя, олицетворяющее собой самое важнѣйшее и необходимое въ нашей жизни, они какъ бы собрались пройти весь жизненный путь подъ нимъ, призывая и другихъ подъ сѣнь его. Тутъ же между нами находится и «онъ», котораго, по духу дѣла, смѣло можно назвать братомъ св. первоучителей славянскихъ. Какъ св. братья, Кириллъ и Меѳодій, первые пришли просвѣтить духовную темноту и невѣжество болгарскихъ славянъ, такъ этотъ апостолъ, только не древнихъ славянъ, а русскихъ крестьянъ, первый двинулся на эту нищую духомъ Божью ниву и своей горячей любовью къ человѣчеству, своей вѣрой въ него, своей надеждой, что дѣло, начатое имъ, не заглохнетъ,—продолжится и послѣ него, создалъ эту чудную, многознаменательную картину, которой могли бы любоваться всѣ желающіе...» На школьной террасѣ былъ отслуженъ молебенъ, во время котораго школьники стояли полукругомъ внизу у ступеней. Послѣ этого молебна первоучителямъ славянскимъ священникъ окропилъ всѣхъ святою водою, и всѣ двинулись обратно въ церковь. Послѣ богослуженія въ училищѣ Сергѣй Александровичъ раздавалъ дѣтямъ книжки съ описаніемъ жизненныхъ трудовъ и подвиговъ святыхъ братьевъ.

Сергѣй Александровичъ глубоко понималъ громадное воспитательное значеніе для дѣтей въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ

русской земли, и онъ былъ первый, который указалъ на то, какъ достижимо для школы сельской въ полномъ составѣ отправляться на богомолье.

Онъ со своей школой два раза ходилъ пѣшкомъ въ излюбленную тверскимъ и смоленскимъ народомъ пустынь преподобнаго Нила Столбенскаго, отстоящую отъ Татева въ ста двадцати верстахъ. Первое богомолье было совершено имъ въ 1879 году съ тридцатью взрослыми учениками, во второй разъ въ 1887 году, когда паломниковъ было уже шестьдесятъ шесть человѣкъ, изъ нихъ сорокъ шесть дѣтей.

Послѣднее богомолье дало Рачинскому поводъ написать замѣчательную статью «Школьный походъ въ Нилову пустынь». Эти художественно изложенныя впечатлѣнія Рачинскаго оказали столь сильное вліяніе, что многіе сельскіе учителя въ подражаніе Рачинскому устроили богомолье со своими школьниками въ близъ лежащія святыя мѣста.

Сживясь душою со своими учениками, Рачинскій чутко присматривался къ проявленію въ нихъ талантовъ и талантливыхъ учениковъ ставилъ въ такія условія, при которыхъ ихъ дарованія могли получить полное развитіе. Первый онъ чутко замѣтилъ талантливость своего ученика Богданова-Бѣльскаго, который былъ одинъ изъ первыхъ по времени учениковъ Татевской школы. Рачинскій не щадилъ средствъ для того, чтобы подготовить своего ученика въ Академію Художествъ и дать ему высшее художественное образованіе.

Теперь академикъ Богдановъ-Бѣльскій общепризнанный художникъ, картины котораго хранятся въ лучшихъ отечественныхъ музеяхъ, и нѣсколько изъ этихъ картинъ воспроизводятъ дорогіе по воспоминаніямъ для художника дни ученія въ Татевской школѣ.

Таково полотно «Устный счетъ», гдѣ Сергѣй Александровичъ Рачинскій изображенъ среди школьниковъ, рѣшающихъ въ умѣ написанную на доскѣ задачу. Таково полотно, изображающее предпраздничную бесѣду въ Татевской школѣ.

Многихъ изъ бывшихъ учениковъ своихъ Рачинскій вывелъ въ священники, помогая имъ поступить и проходить курсъ семинаріи и даже духовной академіи. Настоятель храма Крестовоздвиженской Общины въ Петербургѣ, законоучитель Наслѣдника Цесаревича, протоіерей Васильевъ принадлежитъ къ числу такихъ бывшихъ учениковъ Рачинскаго.

Больше всего Рачинскій сочувствовалъ двумъ направленіямъ въ средѣ своихъ учениковъ: учительству и священству.

Поэтому онъ не помѣщалъ своихъ учениковъ въ такія заведенія, какъ гимназія, чтобы не отрывать ихъ отъ ихъ среды. Рачинскій всячески помогалъ и духовно поддерживалъ своихъ бывшихъ учениковъ, которые явились подражателями его дѣла, т. е. становились сельскими учителями.

Въ лѣтнее время, когда не было занятій со школьниками, онъ съ ними занимался. Они пріѣзжали къ нему погостить и здѣсь пользовались его руководствомъ и приготовлялись или къ поступленію въ учебныя заведенія, или къ сдачѣ экзаменовъ на сельскаго учителя. Многія лица, сочувствовавшія постановкѣ школьнаго дѣла у Сергѣя Александровича, просили у него дать имъ учителей и наблюдать за ихъ школой.

Такимъ образомъ въ ближайшихъ селахъ и деревняхъ къ Татеву Рачинскій открылъ свыше десяти школъ и въ числѣ ихъ три учительскія двухклассныя. Для этого дѣла требовались надежные учителя. Кромѣ того, требовались они и въ самой Татевской школѣ, такъ какъ силы Сергѣя Александровича постепенно падали.

Вся эта молодежь собиралась по лѣтамъ къ Сергѣю Александровичу, съ которымъ имъ такъ хотѣлось бесѣдовать, поучаться и просто отдохнуть недѣлю, другую въ родной школьной семьѣ. Эти лѣтніе курсы Рачинскій велъ самъ, и лишь въ послѣдніе годы его старшіе ученики, достаточно опытные и знающіе, помогали ему.

Убѣдясь, что среди его учениковъ многіе имѣютъ склонность къ учительству, онъ такихъ учениковъ оставлялъ въ Татевской школѣ или въ одной изъ ближайшихъ къ Татеву школъ и поручалъ имъ сперва легкія занятія. Затѣмъ по мѣрѣ успѣха расширялъ эти занятія. Лѣтомъ приготовлялъ ихъ къ сдачѣ экзаменовъ на званіе учителя, давая имъ въ то же время общестороннее развитіе.

Такимъ образомъ онъ приготовилъ до смерти своей нѣсколько десятковъ учителей. Рачинскій съ ними постоянно переписывался, часто навѣщалъ ихъ, объѣзжалъ въ зимнее время всѣ школы, гдѣ они работали, еще чаще они посѣщали его въ Татевѣ, пользуясь для этого праздничными днями. Для Рачинскаго главное было духъ учителя. Кромѣ умѣнія, онъ долженъ былъ пламенно вѣрить въ свое дѣло. А кто могъ воодушевить ихъ лучше, чѣмъ Рачинскій, который постоянно поддерживалъ въ нихъ бодрость?

Драгоцѣнно было въ этихъ ученикахъ Рачинскаго, что и по внѣшнему своему виду и по чувствамъ своимъ они оставались тѣми крестьянами, со всѣми тѣми прекрасными, выработ-

танными вѣками, возвышенными духовными качествами, которыми отличается это сословіе, когда его не извратили никакія дурныя вліянія. Это не были полубаричи съ кондачка знающіе деревню и свысока смотрящіе на своихъ учениковъ. Это были старшіе братья тѣхъ учениковъ, но только болѣе просвѣщенные братья, которые такъ легко понимали младшихъ, и которыхъ этимъ младшимъ было такъ легко понять.

Тѣ изъ нихъ, которые сдѣлались діаконами и священниками, пользовались большимъ уваженіемъ у своихъ прихожанъ за свое стараніе въ дѣлѣ учительства, за святое усердіе къ школьному дѣлу, за сердечное и нѣжное отношеніе къ ребятамъ. Этими своими выучениками-учителями Рачинскій чрезвычайно дорожилъ и ими много утѣшался. Онъ любилъ присутствовать на экзаменахъ въ этихъ школахъ своихъ учениковъ, и тутъ высказывалась его наклонность не запугать, а бодрить и навести отвѣчающаго мальчика на мысль. Одинъ молодой учитель съ рьяну довольно строго спрашивалъ учениковъ и нѣсколько разъ поправилъ мальчика, когда тотъ сдѣлалъ ошибку противъ ударенія.

— Знаете что,—сказалъ потихоньку ему Рачинскій,—мнѣ кажется, совсѣмъ излишне портить хорошее настроеніе этому мальчугану отъ экзамена, единственнаго въ его жизни, какъ это вы дѣлаете со своими поправками. На экзаменѣ намъ можно и не учить, а только оцѣнить успѣхи...

Когда ученики отвѣчали сознательно и толково, Рачинскій весь сіялъ радостью:

— Хорошо, хорошо,—говорилъ онъ, улыбаясь.

И у всѣхъ на сердцѣ становилось такъ радостно и радужно... Экзаменъ превращался въ общій праздникъ.

Вообще Рачинскій сумѣлъ передать свою горячую любовь къ русскому крестьянству и къ его будущему, въ лицѣ крестьянскихъ, школьныхъ ребятъ, своимъ выученикамъ,—народнымъ учителямъ. Одинъ изъ посѣтителей школы Рачинскаго говоритъ объ этихъ молодыхъ людяхъ:

— Это какое-то новое племя, именно новое... Они поражаютъ силою и цѣльностью своей вѣры и своимъ умѣніемъ обращаться съ дѣтьми. Умѣнье это въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходило, можно сказать, до художественности. Изъ нихъ нѣкоторые не только ласковы, но нѣжны съ дѣтьми, и во всемъ этомъ нѣтъ никакой натяжки, ни малѣйшей приторности *).

---

*) Страницы о Рачинскомъ составлены по книгѣ В. Т. Георгіевскаго.

Этотъ исповѣдникъ среди русскаго крестьянства Христа совершилъ еще одинъ величайшій подвигъ. Онъ началъ церковное движеніе въ пользу народной трезвости. Радуясь всякому оживленію среди духовенства, всякому повышенію въ немъ самосознанія и нравственнаго самоусовершенствованія, онъ больно болѣлъ душой, когда видѣлъ въ жизни духовенства явленія, изъ-за которыхъ на это дорогое для него сословіе могли идти укоры.

Сергѣй Александровичъ видѣлъ весь ужасъ, все растлѣніе, которое вноситъ въ народную среду старый бичъ русской жизни, становящійся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе грознымъ, губящій въ своей мертвой петлѣ все большее количество народа, извращающій русскую жизнь столь безвыходнымъ и омерзительнымъ извращеніемъ.

Пьянство стояло предъ нимъ во всемъ своемъ обнаженіи, и онъ рѣшилъ выйти на борьбу съ этимъ историческимъ и проклятымъ русскимъ недугомъ. Его какъ-то потрясла одна встрѣча. Въ день храмового праздника Рачинскій встрѣтилъ одного изъ бывшихъ своихъ любимыхъ учениковъ, который ранѣе восхищалъ его своими дарованіями, своимъ прекраснымъ характеромъ, тѣми надеждами, которыя онъ на него возлагалъ. Этотъ молодой человѣкъ былъ совершенно пьянъ. Именно тогда, когда мы видимъ дорогихъ себѣ людей, о которыхъ мы были высокаго мнѣнія, въ безобразномъ, полубезчувственномъ состояніи опьяненія, именно тогда мы до болѣзненности ясно сознаемъ весь ужасъ пьянаго паденія. Рачинскій разсказывалъ, что онъ былъ такъ потрясенъ видомъ своего любимаго пьянаго ученика, что у него захватило духъ отъ стыда и раскаянія:

— Для меня,—разсказывалъ онъ далѣе, — стало неопровержимо ясно, что я для этого юноши, котораго я такъ любилъ, и для котораго я такъ много старался, не сдѣлалъ ровно ничего или, точнѣе, упустилъ сдѣлать то, безъ чего все прочее ни малѣйшей цѣны не имѣетъ, не закалилъ его воли противъ самаго обыденнаго, самаго опаснаго изъ искушеній. Для меня стало очевиднымъ, что для огражденія моихъ учениковъ отъ окружающаго насъ зла нужны средства болѣе сильныя, чѣмъ простыя увѣщанія и поучительныя рѣчи, и единственное средство, которое я могъ придумать, было устройство въ кругу моихъ учениковъ (изъ коихъ многіе въ то время были уже взрослые) общества трезвости, т. е. абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ.

Рачинскій, задумавъ всякое дѣло, не откладывалъ его испол-

неніе. Онъ рѣшилъ образовать въ Татевѣ среди своихъ бывшихъ учениковъ общество трезвости, и пятаго іюля 1882 года въ день именинъ Сергѣя Александровича былъ отслуженъ молебенъ преподобному Сергію, и Рачинскій самъ и его ученики произнесли тутъ же въ церкви обѣтъ воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ срокомъ на одинъ годъ. Затѣмъ тѣ же лица чрезъ годъ повторили тотъ же обѣтъ еще на годъ, и къ нимъ прибавилось много новыхъ членовъ. Далѣе количество этихъ трезвенниковъ все расширялось.

Чрезъ шесть лѣтъ къ нему присоединились трезвенники изъ другихъ селъ, и слухи о Татевскомъ обществѣ трезвости проникли въ печать и вызвали обширную переписку среди сельскихъ священниковъ и лицъ приходскаго духовенства. Явилось много подражателей, и Сергѣй Александровичъ напечаталъ въ 1889 году призывъ, гдѣ горячо убѣждаетъ основывать при приходахъ общества трезвости и сообщаетъ цѣлый рядъ совѣтовъ о томъ, какъ устроить такія общества, какъ присоединить къ нимъ новыхъ членовъ, какъ руководить этими членами въ борьбѣ съ пагубной привычкой.

Воззваніе Рачинскаго, напечатанное въ получаемой всѣми приходами, синодской газетѣ «Церковныя Вѣдомости» имѣло чрезвычайный успѣхъ. Со всѣхъ концовъ посыпались къ нему письма. Онъ аккуратно отвѣчалъ, чрезвычайно дорожа общеніемъ съ такими отзывчивыми священниками. Съ легкой руки Сергѣя Александровича общества трезвости по образцу Татевскаго стали устраиваться во всѣхъ епархіяхъ, при многихъ приходскихъ церквахъ, въ городахъ и селахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Трезвенники стали считаться десятками, а въ настоящее время ихъ число, вѣроятно, уже сотни тысячъ.

Весь секретъ этого успѣха въ тѣхъ пріемахъ борьбы, къ которымъ прибѣгли борцы церковные трезвости. Въ этомъ дѣлѣ выказалось какъ глубокое знаніе Рачинскимъ народной души, такъ и горячая его вѣра въ мощное, благодатное дѣйствіе церкви Христовой, въ просвѣтленіе ея членовъ, вѣра въ благодатное перерожденіе подъ покровомъ церкви и ея таинствъ людей слабой воли, впавшихъ въ грѣховную привычку.

Только тогда трезвость насаждается глубоко въ уничтоженіи пьянства и можетъ быть успѣшна, когда она коренится на религіозной основѣ, когда люди приносятъ свою трезвость Богу, какъ подвигъ Ему угодный—вотъ на какомъ убѣжденіи строилъ свое дѣло Рачинскій. Только подъ покровомъ церкви, подъ руководствомъ пастырей въ приходѣ, это дѣло будетъ крѣпко.

Тутъ, въ церкви, гдѣ происходятъ всѣ важнѣйшія событія жизни человѣческой, гдѣ витаютъ души въ этомъ храмѣ молившихся и здѣсь отпѣтыхъ крестьянскихъ предковъ, предъ знаменемъ животворящаго Креста — этимъ символомъ Бога, понесшаго на землѣ всевозможныя ограниченія и муки, тутъ, гдѣ лампады озаряютъ тихимъ свѣтомъ лики святыхъ, проведшихъ всю жизнь въ тяжелой борьбѣ за правду и за свѣтлую жизнь: тутъ въ этой родной, святой и возвышающей обстановкѣ произносится предъ многочисленными свидѣтелями торжественный обѣтъ не предаваться зелью.

И эта трезвость міромъ, эта борьба на ряду съ другими, среди людей, идущихъ къ той свѣтлой цѣли отрезвленія, много легче борьбы одинокой, имѣетъ много утѣшеній.

Сергѣй Александровичъ написалъ письма къ студентамъ Казанской Духовной Академіи, призывая ихъ наканунѣ вступленія въ ряды воинствующей церкви, какъ будущихъ воспитателей духовныхъ, раньше сдѣлаться убѣжденными борцами съ пьянствомъ, чтобы искоренить его всего въ самомъ духовенствѣ. Эти его письма, дышащія убѣжденіемъ, настолько драгоцѣнны, что должны быть извѣстны всякому приходскому пастырю.

«Умоляю васъ, взываетъ Сергѣй Александровичъ—къ студентамъ академіи,—васъ, еще не связанныхъ долголѣтнею привычкою, еще свободныхъ, умоляю продлить, закрѣпить свою свободу обѣтомъ абсолютнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ»... «Пожалѣйте себя, пожалѣйте свою будущую паству. Историческая минута, переживаемая нами—минута великая и страшная. При вашей жизни, на вашихъ глазахъ завершится пріобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной. И этотъ народъ—вамъ не чужой, вы плоть отъ плоти, вы кость отъ кости его, вы призваны быть солью безмѣрной земли, имъ постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладывайте созиданія въ себѣ внутренняго человѣка. Въ числѣ добродѣтелей, требуемыхъ отъ пастыря, трезвость занимаетъ скромное, второстепенное мѣсто. Это—даже не добродѣтель, но лишь отсутствіе порока. Но вѣдь безъ нея всѣ прочія добродѣтели ни зародиться, ни развиться, ни укрѣпиться не могутъ. Начнемъ же, въ глубокомъ смиреніи, съ легкаго, съ близкаго, съ малаго,—и Богъ дастъ намъ силы на большее, на лучшее»...

«Стоитъ оглянуться вокругъ себя, чтобы содрогнуться отъ жалости и стыда, чтобы понять, какой неоплатный долгъ ле-

житъ на каждомъ изъ насъ, какъ необходимо намъ соединить наши силы, чтобы сбросить его съ нашихъ душъ. Настаетъ одиннадцатый часъ... Церкви пустѣютъ... Наглые сектанты громко отожествляютъ православіе съ пьянствомъ. Несчастныя женщины толкаютъ своихъ мужей, своихъ сыновей—въ штунду, чтобы только избавиться отъ ада пьяной домашней жизни. Въ нашихъ селахъ размножаются дѣти, зачатыя въ пьянствѣ, худосочныя, нервныя, безъ силъ, безъ воли—кандидаты въ острогъ и въ сумасшедшій домъ»...

«Нужна дѣятельность энергическая и непрерывная, направленная на укрѣпленіе единственной твердыни, которая можетъ постоять противъ зла, на укрѣпленіе воли одержимыхъ пьянствомъ и подверженныхъ искушенію предаться ему,—дѣятельность, по существу своему пастырская, коей, конечно, могутъ и должны содѣйствовать также міряне, и прежде всего врачи, практикующіе и пишущіе и учащіе въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ степеней свѣтскихъ и духовныхъ»... «Но я имѣю твердую надежду, что скоро раздадутся голоса, болѣе моего авторитетные и сильные, болѣе властные надъ сердцами,—голоса, обязывающіе ко вниманію, мощные потрясти и воздвигнуть нашу дремлющую волю!».

Къ концу девяностыхъ годовъ Рачинскій сталъ чувствовать сильное изнеможеніе. По смерти матери, онъ изъ школьнаго дома переселился въ свой помѣщичій домъ и передалъ часть своихъ занятій своимъ выученикамъ-учителямъ. Но самъ онъ все же продолжалъ работать до полнаго изнеможенія. Одинъ изъ его сотрудниковъ вспоминалъ потомъ: «Сколько разъ приходилось видѣть, какъ черезъ силу онъ занимался въ классѣ. Вдругъ замолкнетъ. Посмотришь, а онъ стоитъ, опершись одной рукой на столъ, а другой взявшись за голову, и шатается.

— Да вы оставили бы, Сергѣй Александровичъ,—бывало скажешь ему,—мы и безъ васъ какъ-нибудь справимся.

— Нѣтъ, друзья мои, дайте мнѣ воды я немного отдохну, и все пройдетъ.

Итакъ, занимался онъ опять до новаго головокруженія, а иногда и обморока, пока не падалъ. Только опомнившись, бывало, пробормочетъ:

— Да видно я уже больше не гожусь быть учителемъ».

Въ этомъ постепенномъ изнеможеніи стараго труженика и подвигоположника русской школы самымъ свѣтлымъ лучомъ былъ праздникъ—день его именинъ. Несмотря на страдную пору сельскихъ работъ, всѣ бывшіе ученики Сергѣя Александровича бросали свои полевыя работы и собирались въ полномъ

составѣ на праздникъ въ Татево, приходя иногда за десятки верстъ.

Бывшіе татевскіе школьники, священники и діаконы, переполняли алтарь скромной сельской церкви, а пѣвцы учителя и ученики составляли громадный хоръ и исполняли особенно торжественно всѣ любимыя пѣснопѣнія Сергѣя Александровича. Оживленіе въ его послѣдніе годы внесли его поѣздки въ Петербургъ, гдѣ онъ гостилъ у друга и товарища своего по Московскому университету, бывшаго раньше, какъ и онъ, московскимъ профессоромъ Константина Петровича Побѣдоносцева, оберъ-прокурора Св. Синода. Въ Петербургѣ онъ участвовалъ въ работахъ по выработкѣ положенія о церковно-приходскихъ школахъ.

Замѣчательно признаніе, высказанное о работѣ Сергѣя Александровича Рачинскаго другимъ человѣкомъ, тоже задумывавшимся надъ народнымъ образованіемъ, графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, который самъ признавалъ свои опыты надъ сельской школой мало удачными. Онъ завидовалъ успѣхамъ Сергѣя Александровича, какъ самъ говорилъ, и не разъ собирался пріѣхать въ Татево. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ писалъ ему:

— Мнѣ дорого будетъ видѣть, какъ много серьезнѣе, глубже вы во всей силѣ душевной отнеслись къ тому самому предмету, къ которому я отнесся такъ первобытно.

Въ Татево съѣзжалось много народу со всей Россіи. Одни за тѣмъ, чтобы поглядѣть на Сергѣя Александровича и на его школу, другіе, чтобы поучиться у него школьному дѣлу и, въ особенности, борьбѣ съ пьянствомъ.

Но особенно обширна была его переписка, которую онъ велъ до самой смерти со множествомъ лицъ, аккуратно отвѣчая на всѣ получаемыя письма, нравственно поддерживая и ободряя всѣхъ тружениковъ на нивахъ народной церковной школы. Всѣ получаемыя имъ письма онъ собиралъ, переплеталъ ихъ по годамъ и завѣщалъ въ Императорскую Публичную библіотеку, указавъ срокъ, когда они могутъ быть напечатаны. Эти письма составили сто томовъ.

Онъ дорожилъ этой перепиской, во-первыхъ, потому, что видѣлъ въ нихъ общее признаніе торжества тѣхъ идей, которымъ онъ служилъ, которымъ отдалъ всю свою жизнь, вообще потому, что видѣлъ въ нихъ лучшій способъ широкаго распространенія его мыслей о народномъ образованіи и о трезвой Россіи.

Въ 1899 году онъ былъ утѣшенъ Высочайшимъ рескриптомъ Государя Императора, озаглавленнымъ на имя «почетнаго попечителя церковно-приходскихъ школъ четвертаго благочиннического округа Бѣльскаго уѣзда, Смоленской епархіи Сергѣя Рачинскаго». Ему была пожалована пожизненная пенсія въ три тысячи рублей, которою онъ пользовался только три года, отдавая ее на содержаніе своихъ любимыхъ школъ. Въ рескриптѣ говорилось:

«Обширное образованіе ваше и опытность, пріобрѣтенныя на государственной службѣ въ московскомъ университетѣ, посвятили вы съ раннихъ лѣтъ дѣлу просвѣщенія посреди населенія, наиболѣе въ немъ нуждающагося. Поселясь безвыѣздно въ отдаленномъ родномъ имѣніи, вы явили для всего благороднаго сословія живой примѣръ дѣятельности, соотвѣтствующей государственному и народному его призванію. Труды ваши по устройству школьнаго обученія и воспитанія крестьянскихъ дѣтей въ нераздѣльной связи съ церковью и приходомъ послужили образованію уже нѣсколькихъ поколѣній въ духѣ истиннаго просвѣщенія, отвѣчающемъ духовнымъ потребностямъ народа. Школы, вами основанныя и руководимыя, состоя въ числѣ церковно-приходскихъ, стали питомниками въ томъ же духѣ воспитанныхъ дѣятелей, училищемъ труда, христіанскихъ добрыхъ нравовъ и живымъ образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій».

Это признаніе его заслугъ съ высоты престола обрадовало и ободрило Рачинскаго. До конца, котораго, несмотря на его слабость, никто не ожидалъ такъ скоро, онъ продолжалъ свои обычные труды. За нѣсколько дней до смерти онъ собирался по экзаменамъ въ окрестныя школы, хотя говорилъ, что съ ужасомъ помышляетъ объ этой поѣздкѣ.

Второго мая ему исполнилось шестьдесятъ девять лѣтъ. Въ этотъ день онъ всталъ, какъ обыкновенно, рано, а въ девять часовъ утра, выпивъ кофе, прилегъ, какъ это часто въ послѣднее время бывало, отдохнуть съ газетой въ рукахъ, заснулъ и болѣе не просыпался.

Ежегодно пятаго іюля съѣзжаются въ Татево ученики Рачинскаго и почитатели и совершаютъ торжественную заупокойную литургію и панихиду по дорогомъ учителѣ. Его скромная могила въ этотъ день обильно усыпается цвѣтами. Звонкіе дѣтскіе голоса школьниковъ Татевской школы, подкрѣпляемые мощными голосами взрослыхъ и пожилыхъ его учениковъ, поютъ надъ нимъ надгробныя пѣсни и гремятъ ему «вѣчную память».

На надгробномъ памятникѣ своемъ Рачинскій желалъ видѣть слова: «Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ». Эти слова напечатаны на тихомъ кладбищѣ, на скромной могилѣ апостола русской церковно-народной школы.

Духовную пищу, глаголъ Божій, свѣтъ Христовъ «просвѣщающій и освящающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ»— вотъ, что широкой душой и любящимъ настойчивымъ сердцемъ несъ Рачинскій тому русскому народу, котораго онъ такъ понялъ и такъ чтилъ, которому онъ такъ страстно желалъ добра.

И на этихъ страницахъ мы потому съ такой полнотой остановились на нравственномъ обликѣ и на жизненномъ трудѣ этого замѣчательнаго человѣка, что, намъ кажется, онъ служитъ исчерпывающимъ примѣромъ того, какъ можно быть въ міру исповѣдникомъ Христовымъ. Все, что такъ сродно человѣку извѣстнаго положенія и высокаго образованія: гордость ума, самомнѣніе, презрѣніе къ тайнамъ вѣры—все это онъ оставилъ и въ восторгѣ преклонился предъ Христомъ распятымъ, съ собою преклоняя предъ Нимъ дѣтскій міръ русской деревни. И, если подвигъ исповѣдничества, возведеннаго въ систему жизни — упорный, ежедневный, неослабный, есть самая огромная и самая достойная проповѣдь Бога и величайшая хвала Ему воздвигаемая, — то въ день послѣдняго суда Рачинскій во главѣ неисчислимой, быть можетъ, рати русскаго сельскаго населенія, просвѣщеннаго имъ глаголомъ Божіимъ, исторгнутаго имъ изъ кабаковъ, изъ цѣпкихъ сѣтей пьянства, исторгнутаго не только въ глухомъ углу родного Татева и его окрестностей, но по всей Россіи, живымъ дѣломъ возбужденнаго имъ движенія трезвости: можетъ съ дерзновеніемъ сказать Подвиго-положнику Христу:

— Се азъ и дѣти, яже далъ Ми еси, Господи.

И русскимъ культурнымъ людямъ надо съ особеннымъ усердіемъ возобновлять предъ мысленнымъ взоромъ своимъ этотъ свѣтлый образъ русскаго культурнаго человѣка, который потому такъ полно и совершенно исполнилъ свою заповѣдь по отношенію къ меньшому своему брату, что избралъ въ этомъ дѣлѣ своимъ наставникомъ и руководителемъ того Христа, слѣдуя за Которымъ никто еще не ошибался и не проживалъ напрасную и безплодную жизнь.

ГЛАВА VI.

Обращеніе къ Богу.

Здѣсь нѣтъ никакого общаго правила, никакого единообразія, никакого закона.

Вся въ Богѣ можетъ быть душа младенца, жизнь котораго намъ кажется безсознательною, далекою отъ Бога. Можетъ и мудрецъ міра разъ навсегда обратиться къ Богу, прочно прилѣпиться къ Нему, чтобы болѣе никогда отъ Него не отстать, можетъ и семилѣтній, восьмилѣтній отрокъ. Возможны и извѣстны случаи горячей ранней дѣтской религіозности съ послѣдующею въ зрѣлые годы измѣною Богу и съ новымъ совершеннымъ къ Нему обращеніемъ. У людей неустойчиваго характера возможны постоянные приливы и отливы близости къ Богу. Тутъ полное разнообразіе, зависимое отъ неожиданностей духовной жизни, характера, обстоятельствъ даннаго лица и совершающейся надъ нимъ Божьей воли.

Съ особой отрадой останавливается взоръ на тѣхъ людяхъ, отъ современниковъ Христа до нашихъ современниковъ, которые, услышавъ въ душѣ призывный Божій глаголъ, сразу ему подчинялись и шли за нимъ. Чуждые міру, сквозь радужную, ослѣпляющую, приковывающую болѣе слабые взоры сѣть мірскихъ утѣхъ и мірскихъ соблазновъ, различаютъ они вдали то, что одно горитъ немеркнущимъ невечернимъ свѣтомъ и одно имѣетъ непреходящую, негибнущую цѣну. Поклонимся имъ, этимъ неизмѣннымъ друзьямъ и рыцарямъ Христовымъ, во главѣ которыхъ стоитъ тайновидецъ и другъ Христовъ, евангелистъ Іоаннъ.

Какой высокій, какой чудный, какой неизглаголанный жребій!

Въ пору ранней юности или, быть можетъ, кончающагося отрочества, когда ни одно нечистое движеніе не взволновало его сердце, которому суждено было стать вмѣстилищемъ громадной божественной любви, на зарѣ этихъ завѣтныхъ «дней первоначальныхъ» почувствовалъ онъ на себѣ испытующій взоръ Христа, который зажегъ на всю жизнь какой-то неизъяснимый свѣтъ въ его сердцѣ и уяснилъ ему жизненный путь.

«Иди за Мной»... Эти слова божественнаго голоса музыкой покоряющей властной силы прозвучали для него, и онъ оставилъ міръ, извѣданный имъ такъ мало, міръ, которому онъ такъ мало принадлежалъ, и пошелъ за Христомъ, не оглядываясь вспять.

Вотъ этотъ порывъ, не ослабѣвавшій въ Іоаннѣ всю его жизнь, эта полнота отдачи своей души святынѣ Христа, Учитель, ставшій единственнымъ содержаніемъ всей его жизни: все это и дало Іоанну право на величайшее его избраніе.

Могъ ли Христосъ не любить Своихъ учениковъ, всѣхъ до послѣдняго, не исключая и рокового Іуды «сына погибели»?! И все же надъ ними былъ вознесенъ одинъ Іоаннъ, отношенія къ которому Христа опредѣляются проникновеннымъ словомъ «его же любляше Іисусъ».

Чувствовать себя ближайшимъ изъ близкихъ, чувствовать себя, такъ сказать, въ центрѣ того солнечнаго диска, какимъ является для внутренняго міра человѣка Христосъ, быть повѣреннымъ Его тайнъ, никогда съ Нимъ не разлучаться, видѣть славу Христова преображенія, восхищаться торжествомъ входа въ Іерусалимъ, наслаждаться этими, несущимися навстрѣчу Любимому, звуками народнаго восторга «Осанна, благословенъ Грядый, осанна въ вышнихъ» и — недосягаемыя вершины любви—оказать Христу вѣрность, когда Онъ былъ покрытъ позоромъ, схваченъ въ ночной темнотѣ, пересылаемъ отъ судьи къ судьѣ, клеветнически обвиненъ, заушенъ, поруганъ и распятъ, когда прочіе трепетали и разбѣжались, когда съ клятвой трижды отрекался первоверховный Петръ: въ эти часы уничиженія Христова, въ оставленіи Его ближайшими учениками, безстрашно стоять при крестѣ.

Внимать слухомъ и душой послѣдніе вздохи, послѣдніе стоны Богочеловѣка, видѣть смертельную блѣдность, надвигающуюся на чело «краснѣйшаго изъ Сыновъ человѣческихъ», ловить изъ устъ Его послѣдній завѣтъ, завѣтъ любви и попеченія, обѣщающій человѣчеству прощеніе и милосердіе тамъ, гдѣ уже не должно быть мѣста ни милосердію, ни прощенію,— быть предметомъ единственнаго завѣта, произнесеннаго въ этотъ торжественнѣйшій и значительный часъ вселенской жизни: «Жено, се сынъ Твой, се Мати твоя»: слова, давшія человѣчеству цѣлый міръ прижизненнаго утѣшенія, дерзновенія и отрады и загробную надежду на предстательство въ страшный часъ послѣдняго суда. Пережить сердцемъ этотъ послѣдній вопль: «Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой!» Усердными дрожащими руками снимать съ креста холодное Тѣло замученнаго Бога, обертывать Его плащаницей, поддерживать Христову Матерь въ Ея шествіи съ Голгоѳы къ новому жилищу Ея въ свой домъ, переживать съ Ней часы оцѣпенѣнія, когда только что случившееся кажется жестокимъ, невыразимымъ сномъ, а промчавшіеся три года встаютъ какъ-то ближе съ ясностью

переживаемаго часа. Принять въ душу свою радость воскресенія, слѣдить сердцемъ, тающимъ отъ ликованія и грусти, на скрывающійся въ облакахъ возлюбленный образъ Богочеловѣка, во славѣ возносящагося въ Отчую славу. Стать проповѣдникомъ имени Христова и громомъ на всю вселенную и на всѣ вѣка повторять тѣ нѣсколько словъ, въ которыхъ слились всѣ завѣты Христовы, отразилась вся сила Его ученія: «дѣти, любите другъ друга», претерпѣть за Христа униженіе и изгнаніе, стать вмѣстилищемъ высочайшаго откровенія, дать міру сокровище величайшаго богословствованія и уйти съ земли, не оставляя ей своего праха, какъ-то исчезнуть безслѣдно, сохраняя вѣкамъ лишь сіяніе своего имени, благоуханіе своего образа, сверканіе и помазаніе своей мысли: таковъ былъ удѣлъ Іоанна.

Этотъ удѣлъ можно грубо сравнить съ удѣломъ жителей тѣхъ благословенныхъ странъ, надъ которыми сіяетъ никогда не скрывающееся отъ нихъ солнце. Какая постоянная въ душѣ неизмѣнная радость, какъ надежна и восхитительна кажется тамъ жизнь, какъ тихо и безболѣзненно отходятъ они отъ земли, потому что это преходящее сверканіе солнца возбуждаетъ въ нихъ ясное предчувствіе другого незаходимаго Солнца въ другомъ, еще болѣе свѣтломъ существованіи.

Да: не великолѣпенъ ли призывъ гонителя Павла, не величественно ли раскаяніе апостола Петра, не трогательно ли требованіе отъ него мученичества замученнымъ Христомъ, Который явился ему, скрывающемуся изъ Рима отъ муки, и на вопросъ апостола: «Куда идешь Ты?» отвѣтилъ: «Иду вторично пострадать въ Римъ». Не чиста ли Египетская Марія, убѣленная паче снѣга послѣ жизни несказаннаго разврата и этой чистотой своей удивляющая ангеловъ? Но вся такая красота и слава не можетъ сравниться со славой этой неизмѣнной Христу вѣрности, этою полнотою души, которая въ жизни никому, какъ Христу, не служила, и никого, кромѣ какъ Христа, не знала.

Мы говорили уже раньше о великомученицѣ Варварѣ съ ея рано пробудившеюся мыслью и стремленіемъ къ небесному Жениху, о томъ непоколебимомъ столпѣ православія Аѳанасіи Александрійскомъ, котораго мысль даже въ дѣтскихъ играхъ устремлялась къ проповѣдничеству, и который крестилъ своихъ сверстниковъ дѣтей на берегу Средиземнаго моря...

Обратимся теперь къ повѣстямъ обращенія ко Христу близкихъ намъ русскихъ дѣтей, ставшихъ потомъ великими русскими святыми.

Одиннадцатый вѣкъ. Семья уроженцевъ города Василева, лежащаго недалеко отъ Кіева, переселившихся въ Курскъ. Мальчикъ съ душой, пламенѣющей любовью къ Богу, не хотящій ни о чемъ иномъ думать, слышать и видѣть. Каждый день ходитъ онъ въ церковь и, не трогаясь съ мѣста, слушаетъ божественную службу, застываетъ въ эти часы, какъ камень, завороженный святою мечтою. Дѣтскихъ игръ чуждается, не любитъ нарядной одежды, въ которую хотѣли рядить его родители, постоянно проситъ, чтобы одѣвали его попроще. Самъ упрашиваетъ родителей отдать его начинать ученіе къ одному изъ городскихъ учителей. Вскорѣ такъ успѣваетъ въ знаніи Священнаго Писанія, что всѣ чудятся его премудрости и разуму. Мальчикъ отличается чрезвычайной скромностью, покоренъ не только учителямъ, но старается, насколько можетъ, исполнить волю и товарищей.

На тринадцатомъ году лишается своего отца и остается подъ надзоромъ матери, женщины строгой и упорной. Она пламенно, съ какой-то страстью любитъ сына и желаетъ подготовить его къ мірской жизни и обезпечить ему въ этой жизни успѣхъ. Духовнымъ стремленіямъ его не сочувствуетъ.

А его уже тянетъ къ подвигамъ. Со своими рабами, въ простой одеждѣ онъ ходитъ на работы, попрежнему удаляется игръ со сверстниками и не хочетъ носить нарядной одежды, которую даетъ ему мать. Ни увѣщанія, ни даже побои не помогаютъ. Услышалъ онъ о святыхъ мѣстахъ Палестинскихъ отъ странниковъ, которые идутъ туда, уговариваетъ ихъ взять его съ собой и тайно отъ матери уходитъ изъ дому. Мать снаряжаетъ за нимъ погоню. Догоняютъ его, избиваютъ и нѣкоторое время держатъ его дома въ оковахъ.

Получивъ свободу, онъ старается послужить церковному дѣлу. Въ приходской церкви изъ-за недостатка просфоръ не всякій день совершалась обѣдня. Онъ самъ начинаетъ печь просфоры. Мать разгнѣвана, что сынъ такъ трудится, и проситъ не срамить ее такой работой. Мальчикъ кротко объясняетъ матери, что просфоры назначены для величайшаго таинства, передъ которымъ благоговѣютъ сами ангелы.

Два года трудится мальчикъ въ этомъ занятіи, и отъ долгаго стоянія при печи кожа его чернѣетъ. Чтобы не смущать матери, мальчикъ уходитъ отъ нея въ другой городъ къ одному священнику, гдѣ продолжаетъ то же занятіе. Мать находитъ его и здѣсь и уводитъ домой.

Начальникъ города слышитъ о необыкновенномъ отрокѣ и поручаетъ ему прислуживать въ церкви. Не разъ онъ дѣлаетъ

ему хорошую одежду, но маленькій праведникъ отдаетъ ее нищимъ. Ему хочется страдать, изнурять свое тѣло, и онъ начинаетъ тайно носить на тѣлѣ вериги. Разъ ему было поручено прислуживать на пирѣ, который начальникъ города давалъ городской знати. Когда онъ переодѣвался, мать замѣтила кровь на его рубашкѣ, догадалась, что онъ носитъ вериги, сорвала ихъ и сильно его избила. Ему въ домѣ было день-ото-дня все тяжелѣе.

Однажды въ церкви онъ слышитъ въ Евангеліи слова: «Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ, иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ». Эти слова приводятъ его къ безповоротному рѣшенію. Надо оставить мать, если онъ желаетъ весь отдаться Богу. Пользуясь отлучкой матери изъ дому, онъ уходитъ съ обозомъ въ Кіевъ. Чрезъ три недѣли онъ въ Кіевѣ, обходитъ здѣсь всѣ монастыри съ просьбой принять его, никто не хочетъ дать своего согласія плохо одѣтому и бѣдному отроку. Наконецъ, Ѳеодосій пришелъ къ преподобному Антонію, начавшему тогда свой подвигъ въ пещерахъ.

— Чадо, — говоритъ ему отецъ русскаго монашества, — ты видишь, какъ мрачны и тѣсны эти пещеры, ты, можетъ, и не перенесешь скорбей на этомъ мѣстѣ.

— Богъ меня привелъ къ тебѣ,—отвѣчаетъ ему юноша,— чтобы я спасся тобою; что прикажешь, все буду дѣлать.

И онъ былъ постриженъ. Такой тяжкой борьбой оказалъ Богу свою привязанность преподобный Ѳеодосій, рано внявъ сердцемъ призывающему гласу Божію.

Представьте себѣ раннее, ласковое утро въ окрестностяхъ первоначальной Москвы. Тихій вѣтерокъ чуть нагинаетъ чашечки цвѣтовъ, свѣтлѣющихъ въ свѣжей травѣ, которая блеститъ не высохшими еще каплями серебристой росы. Тамъ, на Кремлевскомъ холмѣ вдали, сверкаютъ главы церквей, темнѣютъ сохранившіяся еще отъ прежняго бора старыя рощи.

Медленно и мѣрно, расплываясь въ нерукотворенномъ Божьемъ храмѣ, гдѣ небо крыша и стѣны эѳиръ, несется благовѣстъ съ кремлевскихъ колоколенъ. И этотъ благовѣстъ и радость яснаго утра и свѣжесть травы и блескъ цвѣтовъ и сіяніе солнца сливаются въ одну счастливую картину, назираемую Ея Творцомъ...

Въ травѣ подмосковнаго луга притаился мальчикъ съ блестящими глазами. Сдерживая дыханіе, онъ слѣдитъ за сил-

ками, которые только что раскинулъ, и легкимъ свистомъ приманиваетъ въ нихъ перепеловъ.

Жизнь широкую и блестящую сулитъ судьба этому мальчику, отецъ котораго одинъ изъ любимыхъ бояръ московскаго великаго князя. Онъ проявляетъ большія способности, острую смышленность, ловкость и самостоятельность. Мальчикъ одинаково отличится, когда его начнутъ обучать, какъ другихъ мальчиковъ его сословія, ѣздѣ верхомъ, стрѣльбѣ изъ лука, метанію копей, и будетъ предпріимчивый и сильный въ дѣяніяхъ, опытный въ воеводствѣ, дальновидный и сдержанный въ дѣлахъ государственныхъ и посольскихъ.

И эта гладкая жизненная дорога была нарушена, прежде чѣмъ онъ на нее вступилъ. Въ свѣжее лѣтнее утро раздался таинственный голосъ:

«Алексій, что трудишься напрасно... Я сдѣлаю тебя ловцомъ людей».

Мальчикъ задрожалъ. Сердце вдругъ остановилось. Блѣдный, сталъ онъ оглядываться кругомъ. Въ невысокой травѣ не было рѣшительно ни одного человѣка. Онъ былъ, какъ прежде, одинъ, но звучавшій голосъ былъ для него несомнѣненъ и былъ поглощенъ и воспринятъ навсегда его душой.

Онъ забылъ тутъ же о своей охотѣ, о перепелахъ, быстро собралъ свои сѣти и, держа ихъ въ рукахъ, долго стоялъ неподвижно.

Онъ понялъ, что его зоветъ Богъ къ какому-то большому дѣлу и, смущенный, съ нѣкоторою грустью, что для него кончается обычная жизнь, и съ трепетною радостью передъ чѣмъ-то громаднымъ, что ему открывается, онъ шелъ къ Москвѣ. И теперь онъ уже принадлежалъ высшей волѣ и былъ самъ не свой. Характеръ его измѣнился. Изъ разговорчиваго и веселаго онъ сталъ молчаливымъ и сосредоточеннымъ, избѣгалъ товарищей, сидѣлъ у себя въ свѣтлицѣ одинъ, погруженный въ какія-то мысли, ловя въ памяти неизъяснимые звуки небеснаго голоса, для него прозвучавшаго тогда въ привольѣ и тайнѣ лѣтняго утра.

Едва достигнувъ отроческихъ лѣтъ, онъ просилъ родителей отпустить его въ монастырь. Единственной уступкой, которой они могли отъ него добиться, было то, чтобы онъ выбралъ одну изъ московскихъ обителей. Онъ сталъ инокомъ Богоявленскаго монастыря.

Таково было обращеніе отрока Елевѳерія, сына московскаго боярина, впослѣдствіи Алексія, митрополита Московскаго.

Варѳоломей, сынокъ ростовскаго боярина Кирилла, съ трудомъ понимаетъ грамоту. Какъ онъ ни бьется, какъ ни старается, ничего не выходитъ. Точно какая-то неснимаемая пелена стала между его мозгомъ и этими черными славянскими буквами, которыя ему не даются. Онъ молится Богу помочь ему. Вообще много онъ молится. Порою забредетъ въ чащу лѣса, выберетъ маленькую полянку, сложитъ крестомъ руки на груди, подыметъ голову къ небу. Душа понесется туда, въ высоту. Словъ нѣтъ. А въ маленькой груди таинственное охватившее ее безбрежное чувство. Хочется пересказать Богу всю свою нѣжную и робкую и восторженную любовь. Хочется вознестись къ страшному и чудному престолу Господа Славы, склониться предъ нимъ благоговѣйно, не смѣя поднять глазъ на недоступный и тайный ликъ Зовущаго, растопиться, истаять, исчезнуть въ этой любви.

И онъ чувствуетъ, что съ нимъ вмѣстѣ тѣмъ же восторгомъ объята также природа, и всякая былинка во всей вселенной чувствуетъ Бога, покорна Ему и славословитъ Его. И въ непонятномъ шепотѣ своемъ верхушки старыхъ сосенъ творятъ Богу свою молитву. И, когда въ ночномъ небѣ разгорятся звѣзды, онъ всматривается въ миганіе ихъ, и ему кажется, что въ тихомъ дрожаніи своихъ лучей онѣ тоже шепчутъ Богу вѣчную неизмѣнную и непрерывную хвалу.

И легко ему такъ молиться среди молящейся природы, ничего не прося, полному только безграничнаго восторга, благоговѣнія, благодарности, счастья, вспыхивая передъ Богомъ огнемъ своей души. Ему какъ-то тяжело, когда надо у Бога чего нибудь просить. Онъ только самъ хотѣлъ Ему служить, все Ему отдать, ничего взамѣнъ отъ Него не ожидая. А между тѣмъ неспособность къ ученію составляла для него большое горе. Учитель кричитъ на него, товарищи смѣются, а онъ, несмотря ни на какое усердіе, не можетъ осилить своихъ уроковъ.

И вотъ, однажды произошла странная встрѣча въ полѣ, куда его послалъ отецъ привести лошадь. Онъ встрѣтилъ старца инока, который призвалъ его къ себѣ, ласково благословилъ, далъ ему кусочекъ просфоры и сказалъ ему, что Богъ посылаетъ ему разумѣніе грамоты. Мальчикъ пригласилъ инока къ родителямъ; тамъ инокъ велѣлъ мальчику читать книгу, и, спотыкавшійся на складахъ, Варѳоломей тутъ бойко зачиталъ, а явившійся исчезъ. И понялъ тогда самъ Варѳоломей и его родители, что Богъ послалъ къ своему сыну ангела. Дивились и трепетали.

И могъ ли онъ, съ дѣтства тянувшійся къ Богу, искавшій всюду божественныхъ лучей, какъ поворачиваетъ къ солнцу

свою голову стебель подсолнечника, могъ ли онъ, приходя въ возрастъ, измѣнить той любви, которая горѣла въ немъ съ первыхъ дней и разгоралась все болѣе и болѣе яркимъ пожаромъ!

И сразу свойственныя юности и склонность къ міру, и мечты о земномъ счастьѣ, и искушенія тщеславія и обольщенія богатства, все изгорѣло въ этомъ пожарѣ. Только не хотѣлъ онъ оставлять своихъ родителей и жилъ въ міру иноческой жизнью, пока они были живы и пока онъ не схоронилъ ихъ рядомъ, передъ смертью посхимившись.

Свобода, свобода!.. Роздано бѣднымъ небогатое имѣніе родителей, разоренное притѣсненіями московскаго боярина, хозяйничавшаго въ Ростовѣ отъ имени московскаго великаго князя, и началась новая жизнь, взлелѣянная давними мечтами.

...Заходящее солнце весны бросаетъ мягкій отсвѣтъ. На маленькой полянкѣ на холмѣ, лежатъ рядами свѣжія сильныя сосны и ели. Двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ совсѣмъ еще юный, въ монашескихъ одеждахъ работаютъ топорами. То Варѳоломей и братъ его Стефанъ строятъ первую келью.

Благословенъ этотъ холмъ, которому суждено стать однимъ изъ величайшихъ святилищъ русской земли. Тутъ будутъ черпать силу, бодрость и вѣру русскіе люди для совершенія жизненнаго подвига своего.

Здѣсь Димитрій Донской получитъ рѣшимость и крѣпость для борьбы съ лютымъ Мамаемъ и предсказаніе побѣды; здѣсь въ дни великой русской смуты воздвигнется несокрушимый оплотъ; когда все поколеблется въ Россіи, не поколеблется одинъ монастырь, созданный преподобнымъ Сергіемъ во имя Троицы Живоначальной.

Великолѣпными каменными стѣнами одѣнутся окраины холма, встанутъ башни съ бойницами, и серебро зазвучитъ торжественнымъ гуломъ въ тяжелыхъ колоколахъ. Сладкогласное пѣніе, почти не переставая, будетъ раздаваться подъ соборными сводами, безчисленные огни засіяютъ у той раки, въ которую ляжетъ на дѣятельный отдыхъ начинающій тутъ свое дѣяніе юный Варѳоломей, и къ этому мѣсту на поклонъ всероссійскому игумену Сергію вышлетъ ходоковъ своихъ всякій русскій городъ, всякое село, всякое жилое мѣсто.

Трудовой день кончился. Затихли птицы, спѣвъ Богу вечернюю хвалу свою. На потемнѣвшемъ сводѣ давно горятъ, заботливо всматриваясь въ землю и въ трепетѣ лучей своихъ стремясь передать землѣ что-то неисповѣдимое, ясныя, тихія звѣзды.

Юноша одинъ подъ этимъ небомъ и подъ Божіимъ покровомъ, раскинутымъ надъ всѣмъ міромъ и особенно ясно чувствуемымъ вѣрующею душою въ эти часы ночного затишья. Серебристые лучи луны озаряютъ юное лицо съ чистыми очами, не узрѣвшими въ мірѣ ни одной скверны, поднятыми въ восторгѣ туда, къ чаемому Божію престолу.

Торжественна и задумчива эта ночь съ миганіемъ звѣздъ и съ серебристо-синимъ сіяніемъ луны, и во всемъ мірѣ кажется только и есть среди этой ночи юный отшельникъ и внимающій ему Богъ.

«Съ дѣтскихъ дней Тебя чуялъ, Тебя желалъ, къ Тебѣ стремился. Желалъ пройти чрезъ жизнь, не познавъ жизни, сидѣть у Твоихъ ногъ, какъ евангельская Марія, впитывая въ душу струю Твоихъ благодатныхъ глаголовъ, служить Тебѣ, Младенцу Виѳлеема, глашатаю нагорной проповѣди, возродителю душъ, исцѣлителю слѣпыхъ и разслабленныхъ, воскресителю Лазаря, молитвеннику сада Геѳсиманскаго, страдальцу Голгоѳы, трехдневно воскресшему, на небеса вознесшемуся, одесную Отца сидящему и паки въ міръ грядущему, ради Тебя прожить на землѣ, какъ странникъ въ непрестанныхъ трудахъ, ходить во вретищѣ, лишать себя воды и хлѣба, стоять предъ Тобою на несмѣняемой молитвѣ, какъ стоятъ предъ Тобою кадящіе Тебѣ своимъ благоуханіемъ цвѣты и славящія Тебя солнце, луна и звѣзды, проповѣдывать людямъ Твое величіе, не таить Твоихъ благодѣяній, возглашать Твое милосердіе, указывать на близость Твою и увлекать къ творенію воли Твоей, во плоти быть какъ безплотнымъ, покорно служить, съ вожделѣніемъ ждать соединенія съ Тобой... Благослови мое жительство здѣсь, и пусть будетъ оно первою и послѣднею ступенью въ лѣстницѣ къ свѣтлому Царству Твоему!»

И, прежде чѣмъ ликъ этого пустынника нарисованъ на иконѣ, съ обводящимъ его главу сіяніемъ,—луна въ эту тихую ночь плететъ ему вѣнецъ изъ своихъ лучей. И стало бы понятно, что такое святость для того, кто могъ бы взглянуть теперь на этого человѣка, съ лица котораго стерто все земное и выражено все небесное. Онъ выше ангеловъ, рабъ и другъ Христовъ, начинающій свой подвигъ чудотворецъ и Боговидецъ.

Слава же, слава тебѣ, съ дѣтскихъ лѣтъ услышавшему зовъ Божій и пришедшему къ Нему своими дѣтскими стопами. Слава днямъ благословеннаго дѣтства и свѣтлой юности и годамъ зрѣлости и честной старости твоей. Слава рожденію и отшествію твоему, слава земнымъ днямъ и небесному ликованію, слава

тебѣ, Богомъ избранный, благодатью осіянный, съ небесъ на землю свѣтящій Сергій великій! . . . . . .

. . . . . .

Перенесемся во время, много къ намъ ближайшее, вспомнимъ о другой молодой душѣ, на которую Господь рано наложилъ печать свою.

Чудны Божьи дѣла. Какъ въ міросданіи Своемъ Господь воздвигъ недоступныя для людей высокія горы, и онѣ, сверкающія бѣлизной своей, проповѣдуютъ неизъяснимое величіе Творца, устремляютъ мысли человѣка въ высоту, даютъ ему трепетное сознаніе безграничнаго величія Божьяго творчества и промыслительства, такъ бываетъ и съ величайшими святыми.

Словно создавая въ нихъ Себѣ источникъ радости, Господь съ дѣтства образуетъ ихъ по своему подобію, влагаетъ въ нихъ святую ревность имени Своего, распаляетъ ихъ жаждой по Себѣ, раздуваетъ въ нихъ такое пламя огня божественнаго, что они свѣтятъ предъ Нимъ не робко горящими свѣтильниками, а пылаютъ заревомъ, какъ великіе костры, зажженные на холмахъ въ ночномъ просторѣ степей.

И горятъ они въ дни земной жизни своей, и всякій приходящій къ нимъ ясно чувствуетъ: здѣсь небо дѣйствуетъ, небо сіяетъ, небо говоритъ. И, когда потухнутъ на землѣ, оставляютъ по себѣ чудный не гаснущій свѣтъ, и всякій приходящій къ мѣсту ихъ подвиговъ, склоняющійся къ ихъ ракамъ, опять ощущаетъ: тутъ небо шлетъ живую вѣсть о себѣ, здѣсь врата вѣчности раскрылись.

Такъ взглянуло око Господне на мальчика Прохора изъ семьи Мошниныхъ, живущихъ въ Курскѣ, и избрало его, изливъ на него струи благодати.

Странное, необычайное дѣтство!

За матерью, ведшей подрядныя работы по постройкѣ церквей, взбирается онъ на верхній ярусъ колокольни безъ перилъ, падаетъ на землю. Мать въ ужасѣ сбѣгаетъ внизъ, чтобы прижаться къ теплому трупу, а ребенокъ невредимъ. Воочію изобразились слова псалма: «ангеламъ Своимъ заповѣсть о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ, на рукахъ возьмутъ тя, да некогда преткнеши о камень ногу твою».

Онъ заболѣлъ. Богоматерь является ему въ видѣніи, обѣщая скорое посѣщеніе Свое... Дѣйствительно, проносятъ чрезъ ихъ

усадьбу чудотворную Коренную икону Богоматери. Больного мальчика прикладываютъ къ иконѣ, и онъ выздоравливаетъ.

Не разгадать божественной тайны: Господь ли первый привлекаетъ къ Себѣ души такихъ величайшихъ изъ великихъ, избранныхъ отъ избранныхъ, которые отдаются Ему отъ дѣтскихъ лѣтъ, пламенѣя такою любовью къ Богу, что не платятъ міру ни малѣйшей дани. Или ихъ сердце съ младенческихъ лѣтъ стремится съ такою любовью къ Богу, что Господь призираетъ на нихъ, и Самъ беретъ ихъ за руку и ведетъ.

И вотъ, благословенные дни, мѣсяцы, благословенные годы и благословенныя десятилѣтія Серафимова подвига.

Чаща глубокаго, далеко раскинувшагося, Саровскаго дремучаго бора. Задумчивая тишина, развѣ сухой валежникъ затрещитъ подъ тяжелой стопой медвѣдя, довѣрчиво идущаго къ отшельнику за хлѣбомъ.

Мысли его не здѣсь. Могучимъ усиліемъ воображенія онъ тутъ въ этомъ сѣверномъ лѣсу создалъ себѣ Палестину и слѣдуетъ въ этихъ мѣстахъ по стопамъ Христовымъ. Рѣчка Саровка у него Іорданъ; у него есть тутъ и Виѳлеемъ, Іерусалимъ, и Голгоѳа; и онъ ходитъ по этимъ мѣстамъ за Христомъ, какъ ходили за Нимъ въ тѣ дни ученики по каменистымъ дорогамъ и тропамъ Палестины. И, быть можетъ, выше апостоловъ этотъ отшельникъ, ибо тѣ видѣли и не всегда вѣрили, а онъ началъ вѣрить съ такой исключительной полнотой и съ такою осязательностью, не видѣвъ. И не помнитъ онъ того часа въ своей жизни, когда бы онъ не стоялъ при своемъ Христѣ...

Въ концѣ его земного вѣка пріѣхавшій навѣстить его племянникъ спрашивалъ его—передать ли его поклоны роднымъ въ Курскѣ, а онъ подвелъ племянника къ иконамъ и, указывая на нихъ рукою, промолвилъ:

— Вотъ, мои родные.

Въ этомъ человѣкѣ, который видѣлъ Господа Іисуса во славѣ, окруженнаго полчищами ангеловъ, вступающаго во время литургіи въ алтарь храма, къ которому сходила изъ горнихъ обителей Царица небесъ и подолгу говорила съ нимъ, какъ съ близкимъ человѣкомъ, надъ которымъ пречистыя Ея уста изрекли еще во время молодости его таинственныя слова: «сей нашего рода»: для него еще въ дни его земной жизни было возстановлено то непосредственное общеніе съ Богомъ, которымъ почтенъ былъ первый человѣкъ до его грѣхопаденія.

И на того, кто изучалъ жизнь этого земного человѣка и не-

беснаго ангела, какъ только онъ глубоко надъ этой жизнью задумается, пахнетъ чѣмъ-то съ неба и прозвучитъ душѣ съ неба какое-то живое, покоряющее и влекущее слово.

Мы говорили до сихъ поръ о такихъ людяхъ, которыхъ жизнь была однимъ, ничѣмъ не удержимымъ, ничѣмъ не раздѣляемымъ порывомъ къ Богу.

Но христіанство знаетъ много такихъ людей, которые приходили ко Христу послѣ долгаго равнодушія къ Нему, или даже вражды.

На первомъ мѣстѣ изъ нихъ стоитъ бывшій лютымъ врагомъ Христа, ставшій потомъ первоверховнымъ апостоломъ, Павелъ. Кто постигнетъ духовный міръ этого глубочайшаго и необыкновеннаго человѣка передъ его обращеніемъ, когда, быть можетъ, неодолимая сила влекла его уже къ Христу, и это влеченіе онъ хотѣлъ затопить въ ненависти, являясь тѣмъ болѣе жестокимъ преслѣдователемъ Христа, чѣмъ болѣе его къ Христу тянуло? И вотъ, по дорогѣ въ Дамаскъ слышитъ онъ этотъ укоръ: «Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня!»

И, вѣроятно, во всю его послѣдующую жизнь часто, часто раздавался ему этотъ голосъ тихаго укора, возбуждая въ немъ новый приливъ ревности, ибо чѣмъ болѣе враждовалъ онъ когда-то съ Богочеловѣкомъ, тѣмъ болѣе потомъ жаждалъ жертвъ для Него.

И, конечно, счастливѣйшими минутами въ жизни первоверховнаго апостола были тѣ, когда онъ въ мукѣ запечатлѣлъ Христу свою не сразу пришедшую, но съ тѣхъ поръ уже неизмѣнную, ни разу не дрогнувшую вѣрность.

Онъ былъ и до обращенія чистъ жизнью, возвышенъ чувствами, непороченъ желаніями первоверховный апостолъ. Но сила христіанства проявилась въ полномъ блескѣ на тѣхъ людяхъ, которые услышали божественный призывъ, валяясь во грѣхахъ, и, откликнувшись на этотъ призывъ, стали возрождаться и достигли великой святости.

Вотъ, потрясающая исторія дочери Египта, Маріи, которая съ двѣнадцати лѣтъ жила въ неизглаголанной мерзости, семнадцать лѣтъ предаваясь ужаснѣйшему распутству, не брала даже съ друзей своихъ денегъ и только насыщались съ ними въ клокотавшей въ ней страсти.

Однажды въ лѣтній день она увидѣла толпу людей, направлявшихся къ морю. На ея разспросы ей отвѣтили, что эти люди отплываютъ въ Іерусалимъ на праздникъ Воздвиженія Креста.

Такъ какъ у нея не было денегъ на переѣздъ, она съ безстыдствомъ пристала къ молодымъ людямъ и съ ними взошла на корабль, своими ласками оплачивая свой переѣздъ.

Такъ же вела она себя и въ Іерусалимѣ. Насталъ праздникъ Воздвиженія Креста. Всѣ шли въ церковь. Пошла съ другими и Марія, но у дверей невидимая Божія сила отбросила ее отъ входа. Три или четыре раза пыталась она войти въ храмъ и всякій разъ невидимая рука не пускала ее дальше притвора.

И вдругъ открылись въ ней очи. Она поняла всю низость своего паденія, всю свою мерзость, и стала она плакать, стонать, ударять себя въ грудь и рыдать.

Наконецъ, рыдая, она утерла глаза. Передъ нею на стѣнѣ была икона Божіей Матери. Долго молилась Марія небесной Заступницѣ рода людского, чтобы Она смилостивилась надъ нею, великой грѣшницей, и открыла ей входъ въ храмъ. Потомъ съ трепетомъ и надеждой пошла она къ дверямъ церкви. Никакая сила ее болѣе уже не удерживала. Она могла вмѣстѣ съ другими войти и поклониться животворящему кресту. Такъ убѣдилась она, что Богъ не отвергаетъ кающагося, какъ бы грѣшенъ онъ ни былъ.

Отъ креста Господня Марія возвратилась къ образу Пресвятой Богоматери и въ молитвѣ просила указать ей путь покаянія. И словно издалека раздался ей голосъ: «За Іорданомъ найдешь полное успокоеніе...»

«Владычица Богородица, не оставь меня»,—со слезами на глазахъ воскликнула Марія, и тутъ же рѣшила идти за Іорданъ.

Кто-то ей по дорогѣ подалъ три монеты. На эти деньги она купила три хлѣба. Когда пришла она къ Іордану, къ церкви Іоанна Крестителя, то помолилась въ этой церкви и затѣмъ омыла себѣ лицо и руки водой этой священной рѣки. Потомъ, вернувшись во храмъ, пріобщилась Животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Къ ночи, подкрѣпивъ себя одной половиной хлѣба, она заснула на землѣ. На утро въ небольшой лодкѣ переправилась на другой берегъ Іордана и углубилась въ пустыню.

Семнадцать лѣтъ прожила она въ пустынѣ. Когда съѣдены были два съ половиною хлѣба, у нея оставшіеся, она продолжала питаться растеніями. Часто страдала она отъ голода и жажды, и тутъ вспоминалась ей и соблазняла ея память мясная пища и вино, которымъ она наслаждалась въ Египтѣ. Часто злой духъ воскрешалъ въ ея памяти блудныя пѣсни и нечистыя дѣла, къ которымъ она привыкла. И, бросаясь въ молитвѣ къ престолу Божьему, находила она себѣ успокоеніе.

Ея одежда истлѣла отъ ветхости и распалась, ея тѣло тер-

пѣло всѣ перемѣны временъ года: зимой ее терзалъ холодъ, лѣтомъ въ этой знойной странѣ жегъ ее нестерпимый жаръ. Не разъ она падала на землю сожженная или обледенѣлая въ несказанной мукѣ тѣла, въ неизъяснимой душевной тоскѣ.

Не получивъ знанія грамоты, она тѣмъ не менѣе въ пустынѣ одна получила знаніе священнаго писанія. Голосъ Божій, раздававшійся въ ея сердцѣ, былъ ея наставникомъ.

Исторія Маріи извѣстна изъ разсказа пустынника Зосимы, который встрѣтился съ нею за годъ до ея смерти. Чрезъ годъ по ея просьбѣ пришелъ пріобщить ее, а, вернувшись еще чрезъ годъ, нашелъ ее почившей. Такъ призвалъ глаголъ Божій, раздавшійся въ сердцѣ Маріи, эту величайшую грѣшницу.

Исчадіе, гнѣздилище и зараза грѣха, она возвысилась до такого цѣломудрія, что ангелы изумлялись ея чистотѣ. Старецъ Зосима видѣлъ, какъ на молитвѣ она поднималась отъ земли на воздухъ болѣе, чѣмъ на локоть, такъ что казалась она ему привидѣніемъ, и на его глазахъ она переходила по поверхности Іордана.

Вотъ, исторія обращенія къ Богу злодѣя и душегуба Моисея Мурина, эѳіопа родомъ. Вѣроятно, подъ эѳіопами подразумѣвались жители Абиссиніи съ сѣвера Африки. Моисей былъ разбойникомъ и изъ разбойника сталъ великимъ подвижникомъ.

Жизнеописатель его, приступая къ жизни его, говоритъ: «Никто не исключенъ изъ Царствія Небеснаго—будь онъ низкаго происхожденія, какъ рабы, и дикъ по природѣ, какъ скиѳъ, черенъ, какъ эѳіопъ, или, наконецъ, величайшій грѣшникъ, всѣмъ доступно Царствіе Небесное, только бы люди были достойны его свѣтлою своею жизнью или «искренностью своего покаянія».

Вотъ, эту «искренность покаянія» и показалъ Моисей. Высокій ростомъ, стройный Моисей былъ такъ силенъ, что одинъ справлялся съ четырьмя людьми. Его совѣсть была еще чернѣй его тѣла. Будучи рабомъ одного господина, онъ выказывалъ склонность къ всевозможнымъ порокамъ, не исправлялся, несмотря ни на какія наказанія, и, наконецъ, господинъ выгналъ его изъ дома.

Тутъ онъ сталъ атаманомъ шайки воровъ и погрязъ въ преступленіяхъ и развратѣ. Смѣлость его не знала границъ. Желая однажды отмстить пастуху, который не позволилъ ему произвести грабежа, онъ ночью переплылъ разлившійся Нилъ, шири-

ной болѣе тысячи шаговъ, положивъ свою одежду себѣ на голову и взявъ мечъ въ зубы.

Пастухъ успѣлъ скрыться въ пещерѣ, а Моисей убилъ четырехъ отборныхъ барановъ и опять переплылъ Нилъ, влача свою добычу за собой.

Есть различныя объясненія того, какъ онъ пришелъ къ покаянію. Одни говорятъ, что на него сильно подѣйствовало какое-то несчастье, имъ пережитое, хотя неизвѣстно, въ чемъ это несчастье состояло. Другіе говорятъ, что, преслѣдуемый за одно совершенное имъ убійство, онъ укрылся въ одномъ монастырѣ и здѣсь получилъ вкусъ къ духовной жизни. Наконецъ, передаютъ, что на него сильное впечатлѣніе произвели слышанныя имъ слова о будущей жизни.

Какъ бы то ни было, Моисей пришелъ въ монастырь въ разорванной одеждѣ, съ сердцемъ проникнутымъ скорбью, съ лицомъ, омоченнымъ слезами и принесъ покаяніе, не щадя себя. Монахи съ ужасомъ на него смотрѣли, такъ какъ слухъ о его злодѣяніяхъ проникъ и въ ихъ уединеніе.

Нѣсколько дней простоялъ онъ у вратъ монастыря, прося о пріемѣ, и, наконецъ, настоятель облекъ его въ иноческія одежды.

Моисей сталъ питаться лишь хлѣбомъ и водой, оставаясь по три или по четыре дня вовсе безъ пищи, цѣлую ночь проводилъ онъ безъ сна, со стонами оплакивая въ слезахъ свои былыя преступленія. Такъ какъ часто приходили люди смотрѣть на него, Моисей удалился въ глубину пустыни на восемь дней пути отъ обитаемыхъ мѣстъ. Здѣсь онъ вынесъ страшную борьбу за свою тѣлесную чистоту.

Богъ питаетъ млекомъ Своей благодати людей, когда они только что приступятъ служить ему, даетъ имъ вкусить сладость благочестія и ведетъ ихъ, какъ слабыхъ дѣтей, которыхъ надо пріучить къ отраднымъ сторонамъ духовной жизни. Тутъ люди какъ бы летятъ на крыльяхъ благодати, но вскорѣ приходятъ испытанія. Прежнія страсти начинаютъ яростно волновать человѣка. И тогда представляется душѣ случай явить Богу въ тяжкой борьбѣ свою вѣрность.

Искушенія прежней тѣлесной нечистоты были такъ сильны, что Моисей чуть было не отказался отъ своего намѣренія жить благочестиво. Борьба его была жестока.

Отъ старца своего онъ слышалъ, что привычки тѣлесной нечистоты подобны собакамъ, которыя привыкаютъ ходить въ мясныя лавки, пока имъ бросаютъ тамъ кости. Но, если нѣсколько разъ ничего имъ оттуда не бросили, онѣ перестаютъ

туда ходить. Такъ и демонъ нечистоты возвращается туда, гдѣ ему подаютъ, и уходитъ оттуда, гдѣ ему запираютъ.

Шесть лѣтъ Моисей, чувствуя особыя искушенія ночью, простаивалъ посреди кельи на ногахъ, не закрывая глазъ, въ постоянной молитвѣ.

Мы вернемся еще впослѣдствіи къ жизни Моисея, какъ образца великаго покаянія и святости, пріобрѣтенныхъ съ величайшими усиліями. Онъ ждалъ отъ Бога одной величайшей милости, чтобы собственною кровью омыться отъ былыхъ своихъ душегубствъ.

Однажды онъ предсказалъ нашествіе на скитъ, въ которомъ жилъ, варваровъ, и совѣтовалъ другимъ монахамъ бѣжать:

«Я,—сказалъ онъ,— уже давно жду этого дня, чтобы оправдалось на мнѣ слово, сказанное Господомъ Іисусомъ Христомъ: «вси пріимшіе мечъ, мечомъ и погибнутъ».

Свидѣтелемъ смерти Моисея былъ одинъ инокъ, спасшійся подъ пальмовыми цыновками. Онъ видѣлъ оттуда, какъ семь вѣнцовъ сошли съ неба и опустились на голову Моисея и шести убитыхъ съ нимъ иноковъ, которые не хотѣли оставить его въ опасности.

Столь же замѣчательна исторія разбойника Варвара.

Однажды, послѣ особенно удачнаго разбоя, онъ позднею ночью съ дикой радостью любовался своей добычей, и въ эту минуту вдругъ благодать Божія коснулась его сердца. Онъ понялъ всю низость своей жизни, все милосердіе Господа, слезы полились изъ его глазъ, и онъ рѣшилъ оставить свое страшное ремесло.

Едва забрезжилъ день, онъ уже стоялъ предъ священникомъ на исповѣди и говорилъ:

— Я убилъ до трехсотъ человѣкъ, и среди нихъ двухъ священниковъ, осквернилъ себя грабежомъ и другими грѣхами, и теперь хочу покаяться. Прими меня на исповѣдь или этимъ мечомъ моимъ умертви меня.

Священникъ призвалъ его къ себѣ въ домъ, и тутъ Варваръ въ тоскѣ покаянія, наполнявшей его сердце, рѣшилъ съ тѣхъ поръ ходить ползкомъ, какъ собака, и съ собаками сталъ жить. У священника онъ пробылъ со псами три года, а потомъ двѣнадцать лѣтъ жилъ въ сосѣдней рощѣ, не вставая съ земли и питаясь, какъ скотъ, травами цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ.

Предъ концомъ его жизни ему было откровеніе о прощеніи его грѣховъ и о предстоящей мученической его смерти. Охот-

ники, остановившись въ той рощѣ, гдѣ ходилъ блаженный Варваръ, приняли его въ высокой травѣ за звѣря и застрѣлили его. Умирая, Варваръ утѣшилъ ихъ, разсказавъ имъ о своей жизни.

Послѣ смерти тѣло умершаго разбойника просіяло, и по его погребеніи на могилѣ его стали совершаться чудеса, а тѣло его оказалось нетлѣннымъ, источающимъ благодатное муро.

Если эти люди долгимъ покаяніемъ искупали свои прегрѣшенія, то церковь знаетъ замѣчательный примѣръ, когда душа, низко павшая, силою покаянія одной ночи была не только прощена, но и увѣнчана вѣнцомъ святости. Правда, это была душа раньше всѣми силами послужившая Богу и впавшая было во временный грѣхъ.

Дѣва Таисія, жившая въ Александріи, въ молодости потеряла своего отца и мать, и на доставшееся ей наслѣдство устроила въ своемъ домѣ страннопріимницу для скитскихъ иноковъ, которые приходили въ этотъ кварталъ города для продажи своихъ рукодѣлій. Но потомъ, склоненная лукавыми совѣтниками, она стала тяготиться своей страннопріимницей, вступила на путь широкой мірской жизни и предалась грѣху.

Иноки, которымъ она раньше благотворила, были поражены этой перемѣной и молили Бога спасти душу Таисіи. Они выбрали изъ своей среды инока святой жизни Іоанна и послали его къ Таисіи.

Съ трудомъ допущенный до нея, инокъ спросилъ ее, за что она недовольна Іисусомъ Христомъ, что оставила Его, обрекая себя на печальное положеніе, въ которомъ теперь находится.

Эти слова потрясли Таисію, а преподобный Іоаннъ залился слезами.

— Что ты плачешь, отецъ?—воскликнула Таисія.

— Какъ не плакать мнѣ, видя, какъ демонъ тебя обманулъ и надругался надъ тобою.

— Отче, развѣ для меня возможно покаяніе?

— Да, ручаюсь за это.

— Отведи же меня туда, гдѣ мнѣ можно будетъ покаяться.

Не взявъ съ собою ни одного предмета, ни съ кѣмъ не прощаясь, Таисія вышла съ Іоанномъ изъ дома. Они стали пересѣкать пустыню. При наступленіи ночи Іоаннъ насыпалъ возвышеніе изъ песку вродѣ подушки, перекрестилъ ее и предложилъ Таисіи лечь и отдохнуть. Самъ онъ послѣ молитвы прилегъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Въ полночь онъ проснулся. Съ неба надъ Таисіей спускался лучъ свѣта и образовывалъ какъ бы путь для нѣсколькихъ ангеловъ, которые возносили ея душу на небо.

Инокъ тотчасъ всталъ и, подойдя къ дѣвѣ, увидѣлъ, что она лежитъ мертвая, а, въ то же время—неземной голосъ сказалъ ему:

«Ея краткое покаяніе было Богу болѣе угодно, чѣмъ покаяніе, которому другіе предаются долгое время, потому что тѣ люди не оказываются такъ искренни, какъ она.

Церковь знаетъ еще поразительный примѣръ немедленнаго перехода отъ грѣха къ святости.

Знатная и очень богатая римлянка Агланда не вышла замужъ, а отдала свою любовь своему рабу Вонифатію.

Несмотря на беззаконную жизнь свою, они оба были набожны. А у Вонифатія, при склонности къ разгулу и пьянству, были нѣкоторыя невидныя, но цѣнныя въ очахъ Божіихъ добродѣтели. Онъ былъ сострадателенъ, не оставлялъ безъ помощи нуждающихся, давалъ пріютъ странникамъ и всѣмъ радъ былъ услужить. Сознавая, что живетъ нехорошо, онъ часто просилъ Бога помочь ему справиться со страстями.

Въ то время на Востокѣ шли гоненія на христіанъ, и Агланда мечтала о томъ, чтобъ достать мученическія мощи, вѣруя, что ихъ благодать поможетъ ей достичь спасенія. Она разсказала о своей мечтѣ Вонифатію и просила его съѣздить на Востокъ и привезти мощи одного изъ мучениковъ, который сдѣлается ихъ покровителемъ и руководителемъ.

Было ли то вдругъ мелькнувшее въ душѣ Вонифатія предчувствіе, порывъ къ мученичеству, или только шутка, но на эти слова Агланды Вонифатій отвѣтилъ:

— А что, госпожа, если я не найду мощей, а самъ пострадаю за Христа, примешь ли ты мое тѣло съ честью?

Агланду раздражилъ этотъ вопросъ.

— Теперь не время для глумленія, отвѣтила она. Ты отправляешься на великое дѣло. Мы не только коснуться мощей, но и глядѣть на нихъ недостойны. Иди съ миромъ. Богъ же цѣною крови Своей да проститъ намъ наши грѣхи и пошлетъ ангела Своего въ путь съ тобой.

Былъ снаряженъ подъ начальствомъ Вонифатія цѣлый караванъ, вручено ему много золота, такъ какъ язычники по дорогой цѣнѣ продавали тѣла замученныхъ христіанъ. Были приготовлены благовонія для умащенія мощей, полотна и все нужное для обвитія и перевозки ихъ.

Все время пути Вонифатій былъ очень сосредоточенъ. Укоры совѣсти мучили его. Въ ушахъ его звучали слова Агланды о томъ великомъ дѣлѣ, исполнять которое онъ такъ недостоинъ. И, быть можетъ, надъ нимъ витала затаенная невысказываемая мечта...

Когда они пріѣхали въ богатый городъ Тарсъ, Вонифатій, отдѣлившись отъ своихъ спутниковъ, пошелъ на площадь, гдѣ мучили христіанъ. Смотря на страданія ихъ и дивясь ихъ терпѣнію, онъ самъ распалился жаждою мученичества, началъ громко славить ихъ, и самъ былъ схваченъ и послѣ пытокъ двухъ дней замученъ. При посѣченіи его мечемъ, изъ него истекла кровь и молоко, и это чудо обратило ко Христу полторы тысячи язычниковъ.

Не видя Вонифатія, спутники его думали, что онъ гдѣ-нибудь загулялъ, и поздно узнали о его славномъ концѣ. Они выкупили его тѣло, умаслили его благовоніями и повезли въ Римъ. Предъ возвращеніемъ ихъ ангелъ Божій явился Агландѣ и сказалъ: «Готовься принять того, кто раньше былъ твоимъ рабомъ, теперь же сталъ нашимъ братомъ и сослужителемъ. Прими того, кто раньше тебѣ служилъ, а теперь станетъ твоимъ господиномъ. Почитай его всею душою, ибо онъ хранитель твоей души и защитникъ твоей жизни!..»

И встрѣтила она Вонифатія, возвращавшагося къ ней въ святынѣ мученическихъ мощей. Въ десяти верстахъ отъ Рима, на дачѣ своей, Агланда воздвигла великолѣпный храмъ и поставила въ немъ мощи Вонифатія, отъ которыхъ источалось множество чудесъ. Отрекшись отъ міра, раздавъ имѣніе бѣднымъ, Агланда прожила еще 18 лѣтъ, стяжала даръ чудесъ и положена рядомъ съ Вонифатіемъ... Память ихъ празднуется въ одинъ день — 19 декабря... Ободряющая, утѣшительная повѣсть.

Мученику Вонифатію приписываютъ благодать избавленія отъ пьянства.

Вотъ, еще потрясающій случай обращенія къ Богу одного изъ великихъ русскихъ святыхъ, преподобнаго Никиты Столпника, переяславскаго чудотворца.

Уроженецъ Переяславля-Залѣсскаго (нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи) преподобный Никита завѣдывалъ сборомъ податей въ тѣ годы, когда устройство многихъ городовъ требовало усиленныхъ сборовъ. Сборщикъ Никита былъ безпощаденъ къ народу не столько для князя, сколько для своей корысти: грабилъ бѣдныхъ, тѣснилъ слабыхъ, беззa-

конно наживался, и такъ прожилъ много лѣтъ Однажды въ церкви услыхалъ онъ чтеніе изъ книги Исаіи пророка: «измыйтеся и чисти будете, отымите лукавства отъ душъ вашихъ»...

Поразили эти слова Никиту, не спалъ онъ отъ нихъ всю ночь. Утромъ, чтобъ развлечься, пригласилъ онъ къ себѣ пріятелей, а женѣ велѣлъ готовить обильный обѣдъ. Но, когда она заварила, то сперва увидѣла кровь на поверхности воды, потомъ разные члены человѣческаго тѣла. Бросилась она къ мужу, привела его—онъ видитъ то же самое.

— Горе мнѣ, много согрѣшившему,—сказалъ Никита, и ушелъ изъ дому. Онъ явился къ игумену монастыря, прося принять его въ обитель, а тотъ велѣлъ стоять ему три дня у вратъ. Никита сдѣлалъ больше: онъ сѣлъ нагой въ тростниковое болото, и его облѣпили комары и мошки. По нему текла кровь, а ему эта пытка казалась сладкой, заглушая внутреннюю боль отъ сознанія того, какъ самъ онъ сосалъ кровь людскую.

Никита отмаливалъ грѣхи свои въ каменной шапкѣ и веригахъ, и взошелъ для удрученія плоти на столпъ. Онъ погибъ мученически, въ кровавой жизни своей омывшись своею кровью: его убили родственники, думая, что блестѣвшія на немъ вериги сдѣланы изъ драгоцѣннаго металла.

Вспомнимъ обращеніе къ Богу и совершенное ради Бога отверженіе міра однимъ изъ величайшихъ подвижниковъ и иноковъ, преподобнымъ Арсеніемъ Великимъ.

Одно имя его невольно напоминаетъ намъ полное уединеніе, обособленіе отъ людей. Ничѣмъ не развлекаемый, сосредоточенной души, въ никогда не перестающей молитвѣ въ ненарушимомъ молчаніи, что то суровое, всецѣло отрѣшившееся отъ земли, воспарившее еще въ оболочкѣ и въ узахъ тѣла въ небесную высоту къ безплотнымъ духамъ.

Арсеній воистину отвергся отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ. Вознесенный на высоту почестей, одинъ изъ первыхъ лицъ Византійской имперіи, онъ изорвалъ своими руками, затопталъ свое земное благополучіе, какъ будто стремясь, за всякую минуту своего прежняго роскошнаго образа жизни, заплатить цѣною вольнаго мученія.

Римлянинъ родомъ, родившійся въ семьѣ, блиставшей знатностью и богатствомъ, онъ получилъ глубокое образованіе, которое было въ немъ еще возвышено его способностями и трудолюбіемъ.

Слава о немъ дошла до императора Ѳеодосія Великаго, и онъ призвалъ его въ Константинополь, чтобы ему поручить воспитаніе его сыновей.

Арсенію въ это время было всего двадцать девять лѣтъ.

Положеніе Арсенія въ Царьградѣ было совершенно исключительное. Онъ занималъ мѣсто непосредственно послѣ лицъ императорскаго дома. Для поддержанія своего достоинства или по любви къ пышности, онъ былъ при дворѣ самымъ блистательнымъ лицомъ, былъ богаче всѣхъ одѣтъ, имѣлъ роскошную обстановку. Онъ взялъ привычку сильно душить себя самыми дорогими духами и держалъ у себя въ домѣ тысячу слугъ, богато одѣтыхъ.

Достигнувъ высоты почестей, превосходя, быть можетъ, всѣхъ людей въ мірѣ пышностью быта, Арсеній не былъ счастливъ и покоенъ. Онъ чувствовалъ, что его возвышеніе и его богатство были проходящими благами, что ихъ придется покинуть вмѣстѣ съ жизнью, когда при насъ остаются одни наши дѣла.

Благодать Божія начинала дѣйствовать въ его сердцѣ, и его пронималъ страхъ за свою душу. Время отъ времени онъ на колѣняхъ въ слезахъ умолялъ Бога открыть ему, что дѣлать, чтобы спастись. Такъ молился онъ неотступно и, наконецъ, получилъ непосредственный отвѣтъ. Онъ услышалъ таинственный голосъ: «Арсеній, бѣгай отъ общества людей, и ты спасешься».

Послѣ этого призыва Арсеній не сталъ колебаться. Онъ рѣшилъ разомъ порвать съ привычною жизнью; тайно сѣлъ на корабль, отплывавшій въ Александрію, и изъ Александріи направился въ суровую пустыню, скитъ, чтобы начать отшельническую жизнь. Ему было тогда сорокъ лѣтъ, значитъ онъ провелъ при дворѣ одиннадцать годовъ.

Въ монастырѣ, гдѣ думалъ оставаться Арсеній, онъ сразу былъ подвергнутъ тяжелому испытанію. Когда всѣ иноки сѣли за трапезу, отшельникъ съ братіей не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія, и онъ одинъ стоялъ у стѣны. Чрезъ нѣкоторое время отшельникъ бросилъ ему хлѣбъ, лежавшій на столѣ, сказавъ съ пренебреженіемъ: «ѣшь, если хочешь».

Тогда Арсеній сталъ на четверинки и, какъ звѣрь, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ былъ брошенъ.

«Этотъ человѣкъ годенъ для монашеской жизни», сказалъ отшельникъ.

Въ пустынѣ Арсенію снова былъ голосъ: «Арсеній, бѣгай людей, храни молчаніе и пребывай въ покоѣ—это первое, чего ты долженъ достичь, чтобы воздвигнуть зданіе своего спасенія».

Онъ дошелъ до такого сосредоточенія, что всякое посѣщеніе людское тяготило его. Святой Іоаннъ Дамаскинъ, ставившій Арсенія образцомъ для иноковъ своего времени, говоритъ:

« Вы, живущіе въ пустынѣ, помните объ этомъ ангелѣ (такъ онъ называлъ Арсенія) и обратите вниманіе на то, какъ онъ отстранялся отъ людей, приходившихъ посѣщать его въ его уединеніи, какъ онъ даже избѣгалъ говорить съ ними изъ боязни упустить свое духовное настроеніе, которое ему было дороже всякихъ отношеній съ людьми».

Онъ избѣгалъ разговоровъ, потому что боялся при разговорѣ впасть въ какую-нибудь ошибку и выработалъ знаменитое изреченіе: «Я часто раскаивался въ томъ, что говорилъ; но никогда не раскаивался въ томъ, что промолчалъ».

Конечно, обращеніе къ Богу человѣческой души, которая раньше ходила внѣ путей закона Божьяго, или для которой Богъ не былъ раньше единой цѣлью жизни: такое обращеніе составляетъ настолько сокровенную исторію человѣческаго существованія, что она рѣдко вполнѣ обнажается при жизни. Но какая высочайшая поэзія скрыта въ этихъ моментахъ...

Представьте себѣ всю сказочную роскошь Византійскаго двора и среди этой роскоши въ годахъ почти юности достигшаго величайшаго для подданнаго земного величія, Арсенія.

Кубокъ земной славы имъ былъ испитъ до дна. Роскошь, которою онъ себя окружалъ и которая была такъ велика, что казалась даже мало вѣроятною, была, быть можетъ, послѣдней ставкой, послѣднимъ усиліемъ, чтобы привязать себя къ міру, испытать мигъ всепоглощающаго, довлѣющаго душѣ, счастья...

Но нѣтъ, нѣтъ, душа тоскуетъ. Душѣ тягостно среди условій этого широкаго быта, и отовсюду изъ-подъ этой безумной роскоши выглядываетъ страшный глазъ смерти. Всѣ звуки роскошнаго пиршества заглушены доносящимся до слуха свистомъ косы, скашивающей все, что живетъ и красуется на землѣ.

Къ Нему, къ Нему Одному Безконечному, среди общаго стремленія къ крушенію; къ Нему, къ Нему Единому Неизмѣнному, среди общей измѣняемости людей и міровъ. Только Онъ наполнитъ пустоту той души, которая создана, чтобы вмѣстить Его. Только Онъ утѣшитъ скорбь души, которая всегда будетъ тосковать безъ Него... И, все, что не напоминаетъ о Немъ—это все будетъ лишнее, это все путы на ногахъ, цѣпи, оковывающія невольниковъ міра...

Со всѣмъ разомъ покончить, пренебречь, сократить до

послѣдней степени тѣлесныя потребности свои. Избрать пиршествомъ себѣ постъ; во имя Его и тѣхъ, которые гибли за Него, жить отреченною жизнью, принять на себя подвигъ ежедневнаго, вольнаго мученичества: вотъ цѣль, вотъ путь.

И, въ глубокой пещерѣ, въ одеждѣ, хуже которой не было ни у одного инока, въ суровомъ постѣ, до степени невообразимой сокративъ всѣ свои потребности, Арсеній чувствовалъ себя счастливѣе, чѣмъ на верху земной славы въ роскошныхъ своихъ покояхъ среди роскошнаго Константинополя.

Такъ, божественный призывъ способенъ измѣнить человѣческую природу. . .

Вспомнимъ русскаго подражателя Арсенія Великаго, святителя Филиппа, митрополита московскаго.

Происходя изъ знатнаго московскаго боярства, юный Ѳеодоръ Колычевъ съ дѣтства былъ взятъ ко двору, и государь-отрокъ, Іоаннъ Четвертый, оказывалъ ему особенное расположеніе. Но знатность его рода, блестящій жизненный путь, богатство не удовлетворяли его. Въ тѣ лѣта, когда знатная молодежь бывала уже отцами семействъ, онъ былъ еще холостъ, точно боясь себя связать съ міромъ неразрушимою связью.

И вотъ, на тридцатомъ году его жизни, когда въ одно воскресное лѣтнее утро, возгласили во время литургіи слова Спасителя: «Никто же можетъ двѣма господинома работати»— въ этихъ словахъ онъ услышалъ послѣдній Божій призывъ среди давно совершавшейся въ немъ душевной работы. Онъ понялъ въ тотъ мигъ, что нѣтъ ему выбора между міромъ и Богомъ. Или онъ долженъ увязнуть въ мірскихъ тенетахъ или разомъ порвать ихъ и пойти за Христомъ.

И вотъ, тайно, въ одеждѣ простолюдина удаляется онъ изъ Москвы, чтобы скрыться незамѣченнымъ во время вѣроятныхъ поисковъ, живетъ нѣкоторое время среди крестьянъ у Онежскаго озера, потомъ является въ Соловецкую обитель, гдѣ принимаетъ на себя суровыя работы: рубитъ дрова, копаетъ въ огородѣ землю, работаетъ на мельницѣ и на рыбной ловлѣ, чрезъ полтора года принимаетъ постригъ. Послѣ многихъ трудовъ выбранъ братіею въ игумены, и чрезъ тридцать лѣтъ послѣ своего бѣгства изъ Москвы возвращается въ нее, чтобы вступить на митрополичій престолъ.

Всѣмъ извѣстно безстрашное печалованіе митрополита Филиппа передъ Іоанномъ Грознымъ за московскій народъ, закончившееся мученическою его смертью. Но едва ли не выше, чѣмъ это печалованіе, чѣмъ эта смерть, былъ его первона-

чальный подвигъ и его вольное оставленіе міра для служенія Богу въ безвѣстности и уничиженіи...

До сихъ поръ мы говорили о переломѣ въ жизни святыхъ, о тѣхъ священныхъ минутахъ, когда люди свѣтлой жизни, не отдавшіеся еще Богу всецѣло, совершенно порвали съ міромъ, чтобы всѣ свои силы, помыслы, чувства направлять на служеніе одному своему Творцу.

Но сколько переломовъ менѣе поразительныхъ совершалось и совершается въ жизни людей обыкновенныхъ, которые послѣ такого перелома, если не пылаютъ предъ Богомъ яркимъ пламенемъ, какъ тѣ великіе, о которыхъ только что было говорено, то начинаютъ свѣтиться передъ Нимъ, какъ малые, тихіе огоньки зажженныхъ усердною рукою восковыхъ свѣчей.

Какъ часто бываетъ, что человѣкъ во всемъ разувѣрится, жизнь въ глазахъ его потеряла всякій смыслъ, ему некому довѣриться, во всѣхъ людяхъ ему приходится видѣть своихъ враговъ, всѣ мечты его поруганы, всѣ иллюзіи рушились... Въ жизни остается ему одно отчаяніе, одни стоны и желаніе скорѣйшей развязки.

И вотъ, въ эти минуты вспоминается ему забытый имъ великій Другъ, Который только того и ждетъ, чтобы человѣкъ о Немъ вспомнилъ. И человѣку вспоминается Тотъ Сынъ Человѣческій, Который ради него сошелъ съ небесъ, родился въ бѣдной пещерѣ, понесъ жизненную тяготу и за новое ученіе Свое былъ распятъ, омывъ его, отчаявшагося теперь человѣка, въ потокѣ Своей чудотворной и животворящей крови.

Неужели измѣнитъ ему Тотъ, Кто за него умеръ? Неужели не пойметъ его Тотъ, Кто его создалъ? Неужели не ждетъ его и отвѣтитъ ему холодностью Тотъ, Кто купилъ его такою цѣною?.. И изстрадавшаяся душа съ крикомъ, въ которомъ слышится и прощаніе съ прежней, ничего не давшей и обманувшей жизнью, и привѣтствіе новому счастливому существованію, бросается къ ногамъ Христовымъ.

Конечно, нельзя не только описать, но даже приблизительно представить себѣ всѣхъ разнообразій этихъ обращеній души человѣческой къ Богу. Такое обращеніе бываетъ всякій разъ, когда человѣкъ почувствуетъ въ себѣ такое святое призваніе, которое, какъ все благое, подсказывается человѣку Духомъ Святымъ.

Лѣтъ десять тому назадъ умеръ въ Англіи докторъ Барнардо, который получилъ трогательное имя «отца ничьихъ

дѣтей». Будучи молодымъ студентомъ-медикомъ, докторъ Барнардо встрѣтился однажды съ нѣсколькими покинутыми малышами, которые разсказали ему, что, не имѣя пристанища, живутъ на лондонскихъ крышахъ. Онъ пріютилъ ихъ въ своей студенческой комнатѣ и съ помощью ихъ разыскалъ другихъ такихъ же дѣтей.

Видъ дѣтскаго безпомощнаго горя маленькихъ человѣческихъ существъ, ведущихъ звѣриную жизнь, такъ потрясъ Барнардо, что онъ тутъ же рѣшилъ отдать этимъ безпріютнымъ несчастнымъ дѣтямъ всю свою жизнь.

Сотни тысячъ заброшенныхъ, безпомощныхъ дѣтей прошли чрезъ руки Барнардо за его послѣдующую жизнь. Не имѣя своего состоянія, не имѣя субсидіи отъ правительства, онъ собиралъ частными пожертвованіями громадныя суммы для своихъ дѣтей. Онъ посылалъ ихъ въ Америку, пристраивая ихъ по фермамъ, и многіе изъ нихъ были усыновлены въ Канадѣ и въ настоящее время счастливые земельные собственники.

Изъ дѣтей богатыхъ классовъ онъ основалъ кружокъ юныхъ сотрудниковъ и убѣждалъ ихъ дѣлиться ихъ дѣтскими деньгами съ маленькими своими питомцами.

Его жизнь—одно изъ прекраснѣйшихъ проявленій человѣколюбія, которое блеснуло міру со временъ Христа. Его жизнь есть оправданіе человѣчеству за послѣдній вѣкъ.

Такъ вотъ, та минута, когда Барнардо пожалѣлъ несчастныхъ бездомныхъ питомцевъ и далъ себѣ въ душѣ клятву служить имъ всю свою жизнь—была моментомъ его обращенія къ Богу.

Есть пословица, говорящая: «все приходитъ во время къ тому, кто умѣетъ ждать».

Благодать Божія всегда сторожитъ человѣка, и, какъ бы кто низко ни палъ, несомнѣнно, не разъ на пространствѣ его жизни раздается призывающій Божій глаголъ. Только бы уловить этотъ глаголъ, только бы внять ему и идти по велѣнію его покорно туда, куда онъ указываетъ...

Говорятъ, что у всякаго непремѣнно человѣка бываютъ такіе моменты въ жизни, когда ему улыбается счастье, что у всякаго бываетъ своя полоса удачъ, и люди съ волею, съ развитымъ характеромъ умѣютъ использовать эту минуту, схватить цѣпко представляющійся имъ счастливый случай и положить начало своему житейскому благополучію.

Несомнѣнно, еще вѣрнѣе будетъ утверждать, что у всякаго рѣшительно человѣка въ жизни бываютъ такія минуты, когда человѣка призываетъ Богъ. Разница между святыми и

грѣшными, между людьми большого благочестія и людьми, хотя и не преступными, но безразличными, состоитъ въ томъ, что святые и праведники умѣютъ этотъ моментъ использовать и съ рѣшимостью идти по тому пути, къ которому ихъ призываетъ Богъ. Люди же духовно слабые или равнодушные—даже тогда, когда надъ ними прогремитъ этотъ Божій призывъ, не внимаютъ ему, уподобляясь тѣмъ лѣнивымъ людямъ, которые имѣютъ спѣшныя дѣла и, разбуженные во-время заботливыми помощниками, повертываются на другой бокъ, чтобы вновь предаться своей спячкѣ.

Если бы проницательнымъ взоромъ разсмотрѣть жизнь человѣка, то мы увидѣли бы, что вся она состоитъ изъ людскихъ паденій и постоянныхъ Господнихъ воззваній къ падшему человѣку. Въ какой бы грѣховной жизни ни погрязъ человѣкъ, какъ бы ни была ослаблена его воля: постоянно въ жизни его выдаются такія минуты, когда онъ чувствуетъ себя свѣжимъ, когда въ немъ пробуждается жажда чистой хорошей жизни.

Бываетъ такъ, что послѣ ночи, проведенной въ безумномъ угарѣ, человѣкъ позднимъ утромъ просыпается освѣженнымъ. Та грязь, въ которую онъ по-горло погрузился, кажется ему отвратительной. Въ немъ готовится рѣшимость зажить иной жизнью, но эту свѣтлую рѣшимость онъ въ себѣ поддержать не имѣетъ силы.

Въ житіяхъ святыхъ есть одно замѣчательное сказаніе о покаяніи человѣка, который, какъ это бываетъ со многими изъ насъ, въ дѣтствѣ горячо вѣровалъ, никогда не терялъ этой вѣры, а потомъ до такой степени опустился въ жизни, что впалъ въ отчаяніе, но былъ спасенъ Божіею благодатью, достигъ великой святости и былъ удостоенъ дивныхъ откровеній.

Чудная повѣсть объ этомъ человѣкѣ должна быть извѣстна всякому христіанину,—такъ много она даетъ душѣ отрады, такъ сильно ободритъ человѣка, находящагося на днѣ отчаянія, въ такихъ трогательныхъ чертахъ свидѣтельствуетъ о предстательствѣ за грѣшниковъ Пресвятой Владычицы Богородицы.

Епископъ Кипрскій Нифонтъ происходилъ изъ знатнаго рода Малой Азіи и съ дѣтства былъ порученъ заботамъ одного воеводы, который былъ присланъ изъ Царьграда императоромъ Константиномъ Великимъ. Этотъ воевода устроилъ мальчика у своей жены въ Царьградѣ, чтобы дать ему возможность получить тщательное воспитаніе.

Нифонтъ былъ мальчикъ способный, кроткаго и добраго нрава и любилъ ходить въ церковь. Но бѣда его была въ томъ, что онъ попалъ подъ вліяніе дурныхъ товарищей, сталъ вести разсѣянную жизнь, напивался до-пьяну, объѣдался, привыкъ къ сквернымъ разговорамъ о разныхъ нечистыхъ и темныхъ дѣлахъ, постоянно посѣщалъ представленія скомороховъ и ночи проводилъ въ грѣховныхъ удовольствіяхъ. Всѣ деньги, которыя онъ получалъ отъ жены своего воспитателя, онъ тратилъ на этотъ дорого стоющій образъ жизни, а потомъ сталъ прибѣгать къ кражамъ.

Какъ человѣкъ съ хорошей душой, онъ чувствовалъ, что живетъ неправильно, а постоянная возбужденность, въ которой держали его страсти, необходимость добывать много денегъ, безсонныя ночи—все это совершенно разстроило его нервы. Онъ со всѣми ссорился, былъ крайне раздражителенъ и опускался все ниже и ниже, не только погибая самъ, но вовлекая въ эту погибель и другихъ. Вотъ, что стало съ юношей, который подавалъ лучшія надежды и еще недавно такъ умѣлъ славить Бога.

Одинъ изъ его друзей, не отступавшій отъ него, несмотря на его недостойную жизнь, Василій, старался уговорить его порвать съ этою невозможною жизнью: «Что сдѣлалось съ тобой, Нифонтъ, говорилъ онъ, ты живъ тѣломъ, а душой уже умеръ, только твоя тѣнь ходитъ среди людей».

И Нифонтъ не оправдывалъ себя. Онъ не сердился на пріятеля, какъ бы дѣлали это и другіе въ его положеніи, и во время этихъ бесѣдъ рыдалъ и оплакивалъ свои грѣхи. Сознаніе своей неправоты у него было, но не было силы себя побороть, и онъ откровенно говорилъ Василію:

— Моя судьба рѣшена. Покаянія для меня уже нѣтъ, и я осудилъ себя на гибель. Такъ пусть же я вполнѣ наслажусь всѣмъ, что есть на землѣ сладкаго.

Не отрицая Бога, чувствуя Его величіе, Нифонтъ тѣмъ не менѣе совершенно не могъ молиться. Какая-то ужасающая пустота была въ его душѣ. Онъ не вѣрилъ въ то, что Богъ можетъ спасти его, и, дѣйствительно, считалъ себя совершенно погибшимъ.

Поведеніе Нифонта чрезвычайно огорчало его воспитательницу, которая уговаривала его, бранила, подвергала его даже наказаніямъ, но ничто не помогало. Но очевидно, что въ Нифонтѣ, и при всемъ его паденіи, было много хорошаго и поэтому его не оставляли лучшіе изъ его друзей.

Когда Нифонтъ однажды пришелъ къ одному изъ такихъ друзей, Никодиму, то на лицѣ Никодима выразился величайшій

ужасъ. Нифонтъ спросилъ друга, отчего онъ испугался, и тотъ признался, что лицо Нифонта кажется ему совершенно чернымъ, какъ у эѳіопа.

Съ глубокимъ стыдомъ шелъ Нифонтъ отъ друга. Ему хотѣлось закрыть лицо руками, чтобы никто не видалъ на немъ слѣды страшныхъ страстей.

— О,—говорилъ онъ себѣ,—какимъ покажусь я на страшномъ судѣ, когда тутъ на землѣ, гдѣ не обнажены всѣ дѣла мои, я уже кажусь такимъ чернымъ. Гдѣ ты, душа моя, возможно ли для меня покаяніе, есть ли человѣкъ, который поможетъ мнѣ въ томъ! Какъ я воззову къ Богу о помилованіи?

Душа его жаждала молитвы, но искушающій помыселъ говорилъ:

— Если станешь на молитву, то сойдешь съ ума, и люди тебя осмѣютъ.

— Какъ,—возражалъ онъ самъ себѣ,—неужели отъ молитвы со мною произойдетъ зло? Вѣдь отъ моего разврата со мной еще не случилось никакого зла. И, когда ночная мгла окутала землю и все въ городѣ успокоилось, Нифонтъ всталъ съ постели и, съ плачемъ, ударяя себя въ грудь, молилъ Бога о пощадѣ.

Онъ молился, обращаясь лицомъ къ востоку, и вдругъ онъ увидѣлъ себя окруженнымъ густымъ мракомъ. Въ страхѣ, закрывъ лицо руками, онъ легъ на свою постель. Утромъ онъ пошелъ въ церковь, гдѣ давно не бывалъ. Тамъ увидѣлъ онъ икону Богоматери, и какая-то сила повлекла его къ образу Пречистой Дѣвы, взыскующей погибшихъ, поручающейся за грѣшниковъ.

Все, что было въ немъ силъ духа, все вложилъ онъ въ одинъ зовъ къ Пречистой:

«Помилуй меня, Заступница христіанъ, обрадованная, чистая. Подыми меня, упованіе и надежда кающихся».

И тутъ, для спасенія души этого отчаявшагося грѣшника, совершилось великое чудо. Ликъ Богоматери просвѣтился. Сладостная улыбка озарила очи Пречистой, и передъ этимъ знакомъ небеснаго милосердія, оживая душою, Нифонтъ молился. И благодать лилась въ истерзанную, несчастную, больную душу. Прикладываясь къ иконѣ Богоматери, онъ думалъ: «вотъ какъ Богъ любитъ насъ, а мы сами бѣжимъ отъ Него! Какую Онъ намъ далъ, въ Пречистой Своей Матери, дивную Заступницу, а мы Ее отвергаемъ!

Вскорѣ онъ видѣлъ сонъ. Ему снился дьяволъ въ видѣ одного отрока, товарища его прежней, распутной жизни. Этотъ

отрокъ стоялъ передъ нимъ печальный, и Нифонтъ спросилъ его:

— Что ты печалишься?

— Вотъ, уже третій день,—отвѣчало ему видѣніе,—какъ ты ходишь къ моему другу, благочестивому Никодиму, и развратился. Я не могу перенести, что ты меня забылъ.

Проснувшись, Нифонтъ понялъ, что непримиримый врагъ рода человѣческаго скорбитъ о его покаяніи и, чтобы подкрѣпить свою волю, онъ пошелъ къ образу Владычицы, столь памятному для него и молился передъ этимъ образомъ, пока ликъ Пречистой не озарился улыбкой.

Богоматерь словно спустилась для Нифонта на землю, дѣйствуя на него чрезъ Свою икону. Если онъ совершалъ какой-нибудь грѣхъ, то во время его молитвы передъ иконою Богоматерь съ гнѣвомъ и со строгимъ лицомъ отвертывалась отъ него. Когда онъ раскаивался и умолялъ Пречистую о прощеніи, пречистый ликъ озарялся улыбкой.

Онъ понялъ всю ту заботу, съ которой Владычица слѣдитъ за его исправленіемъ и положилъ себѣ съ тѣхъ поръ всегда имѣть на устахъ Ея пречистое имя. Ему случилось тяжко заболѣть; и во время этой болѣзни послѣ его молитвы объ исцѣленіи, онъ видѣлъ двухъ свѣтлыхъ женъ, изъ которыхъ одна была въ царской багряницѣ и держала въ рукахъ вѣтку маслины, а другая несла какой-то алавастръ. Жена въ багряницѣ произнесла:

— Посмотри, Анастасія, чѣмъ страдаетъ этотъ юноша.

— Онъ, Госпожа, страдаетъ отъ невоздержаннаго своего языка. Онъ не переставалъ говорить, когда былъ здоровъ. И теперь Господь наказываетъ его, чтобы пощадить его будущее во вѣки. Богъ очень любитъ его, а потому и наказываетъ. А Ты, Госпожа, если хочешь, помоги ему.

Послѣ этого видѣнія Нифонтъ былъ исцѣленъ. А слова въ видѣніи о томъ, какъ много согрѣшаетъ человѣкъ языкомъ, всякій изъ насъ долженъ запомнить.

Вотъ, какъ совершилось обращеніе Нифонта. Богъ ждалъ этого обращенія его, пошелъ ему навстрѣчу, привлекъ его къ Себѣ и утѣшилъ знаменіемъ. Какъ только Нифонтъ всталъ, чтобы помолиться Ему, Господня благодать облобызала и окрылила его и, въ лицѣ Своей Матери Пречистой, Господь послалъ Нифонту покровъ и утѣшеніе.

Утвердившись въ благочестіи, Нифонтъ сталъ инокомъ. Его дни проходили въ трудѣ и покаяніи. Изъ болтливаго онъ сдѣлался молчаливымъ. Если ему случалось произнести лишнее

слово, онъ ударялъ себя сорокъ разъ по лицу, и иногда заставлялъ себя подолгу ходить съ каменьями во рту, говоря:

— Для тебя лучше ѣсть камни, чѣмъ говорить злыя слова.

Наказывая свое тѣло за прошлые дни разврата, онъ бичевалъ себя такъ, что отъ ранъ отпадали куски тѣла. Но много ему еще пришлось постоять въ борьбѣ.

Бѣсъ являлся ему то въ видѣ скачущей передъ нимъ птицы, то въ видѣ бросающагося на него пса. И эти призраки исчезали передъ знаменемъ креста. Иногда бѣсъ искушалъ голоднаго Нифонта, предлагая ему разную дорогую пищу. Но Нифонтъ отсылалъ его назадъ. Если онъ чувствовалъ въ себѣ прежнія плотскія вожделѣнія, то по цѣлой недѣлѣ не бралъ хлѣба въ ротъ, и морилъ себя голодомъ и жаждой, пока похоть не проходила. Закаляя свою волю, онъ иногда, сжигаемый жаждой, набиралъ себѣ въ ротъ воды, ощущалъ ея вкусъ и потомъ выливалъ ее на землю, не проглотивъ.

— Ты побѣдилъ меня, Нифонтъ,—воскликнулъ разъ бѣсъ.

— Не я побѣждаю тебя,—отвѣчалъ онъ,—а сила Божія во мнѣ.

И вотъ, при растущей силѣ его все усиливалась борьба, и, наконецъ, Господь попустилъ въ теченіе четырехъ лѣтъ искуситься ему страшнымъ искушеніемъ. Однажды врагъ сталъ внушать Нифонту: «Бога нѣтъ, ибо гдѣ Онъ»?

И, когда Нифонтъ сталъ молиться, языкъ произносилъ слова, но они не отдавались въ умѣ. Онъ лишился тутъ непоколебимой вѣры въ существованіе Божіе, которая не оставляла его и въ дни его паденія и, искушавшій голосъ нашептывалъ ему: «Бога нѣтъ, Бога нѣтъ».

— Никогда не отрекусь я отъ Моего Христа,—говорилъ онъ,—если даже и впаду въ блудъ, если убью, или сотворю еще мерзѣйшее преступленіе.

— Что ты говоришь,—нашептывалъ врагъ,—Христа нѣтъ. Я одинъ всѣмъ владѣю, я одинъ надъ всѣмъ царствую.

Страшныя усилія употреблялъ врагъ, чтобы вынудить у Нифонта дорогія для себя слова: «Бога нѣтъ». И, четыре года Нифонтъ боролся, не сдаваясь и принуждая себя къ молитвѣ, которая не проходя чрезъ сердце, совершалась какъ-то внѣ его.

Это величайшее изъ искушеній, которое посылаетъ Богъ только вѣрнѣйшимъ рабамъ Своимъ, такъ называемая «мысленная брань». Ее пережилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и одинъ изъ высочайшихъ русскихъ подвижниковъ, преподобный Саровскій Серафимъ.

Однажды, въ глубокомъ горѣ, въ невыразимомъ страда-

ніи, Нифонтъ, простирая руки къ иконѣ Спасителя, воскликнулъ:

— Боже, Боже мой, зачѣмъ Ты меня оставилъ? Дай мнѣ познать, что Ты Богъ, и что кромѣ Тебя иного нѣтъ».

И тутъ совершилось для Нифонта снова великое чудо. Ликъ Христовъ на иконѣ засіялъ, какъ солнце, и отъ иконы полилось благоуханіе. А потомъ глаза и брови у Спасителя стали, какъ у живого человѣка.

Послѣ этого долговременнаго, великаго испытанія, душа Нифонта закалилась, какъ сталь въ огнѣ. Была одержана одна изъ величайшихъ побѣдъ духа, какія знало когда-нибудь человѣчество. И на душу Нифонта, въ которой побѣдилъ Христосъ, спустилась тишина и спокойствіе.

Бывшее прежде угрюмымъ и суровымъ, лицо Нифонта стало настолько веселымъ и свѣтлымъ, что многіе спрашивали, что это значитъ. Нифонтъ, одолѣвшій нечистыхъ духовъ, пересталъ ихъ бояться и радостно говорилъ:—гдѣ тѣ, которые говорятъ: «нѣтъ Бога»?

Благодарная душа Нифонта стремилась излить свою безконечную признательность Богу въ торжественномъ исповѣданіи своихъ грѣховъ. Онъ подошелъ къ церковнымъ дверямъ и, воздѣвъ руки къ небу, скорбно воскликнулъ:

«Прими, Христосъ, меня умершаго душой и умомъ, не отврати лица Твоего отъ меня, не говори, что не знаешь меня. Но вонми гласу моему и спаси меня. Ты не хочешь смерти грѣшника, и я не отступлюсь отъ Тебя, пока Ты не дашь мнѣ спасеніе».

И услышалъ тогда онъ въ небѣ сильный шумъ и явился въ дверяхъ свѣтлый Мужъ въ облакѣ, и Мужъ этотъ, протягивая къ Нифонту руки, обнялъ его, какъ отецъ блуднаго сына, и раздались слова милосерднаго Господа:

«Хорошо ты сдѣлалъ, что пришелъ сюда, скорбящее мое чадо. Я много печалился и тужилъ о тебѣ. Сердце мое горѣло ожиданіемъ, когда ты обратишься, вечеромъ ли, утромъ ли. И теперь я радуюсь и веселюсь, видя, что ты обратился ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ...»

Можетъ ли быть для вѣрующаго что-нибудь радостнѣе и утѣшительнѣе этого обращенія!

То Божія Матерь какъ бы покидаетъ небо для того, чтобы закрѣпить намѣреніе истерзаннаго грѣхомъ погибающаго человѣка, то милосердный Христосъ протягиваетъ къ нему прободенныя за него на крестѣ руки, чтобы принять его съ любовью

отца, отыскавшаго блуднаго сына, который больше никогда не уйдетъ отъ Него «на страну далече».

Какимъ ужасомъ начинается разсказъ о жизни Нифонта, какимъ тихимъ, благоухающимъ, обѣщающимъ успокоеніемъ вѣетъ отъ конца этой побѣдоносной борьбы.

И вотъ, Нифонтъ освобожденъ отъ грѣха, оправданъ Божіею благодатью, возстановилъ въ себѣ всѣ духовныя силы, какія такъ обильно излилъ на него Господь и какія умерли въ немъ, казалось, навсегда, во время его бурной и грѣшной жизни. Нифонтъ явно бесѣдовалъ съ ангелами и явно видѣлъ бѣсовъ.

Однажды онъ шелъ передъ какимъ-то домомъ, гдѣ жила извѣстная блудница, и увидѣлъ тамъ ангела, который горько плакалъ. Ангелъ этотъ былъ приставленъ къ одному благочестивому человѣку, который въ эту ночь впалъ въ грѣхъ съ этой женщиной, и ангелъ горько плакалъ объ этомъ паденіи.

— Какъ ты не наставишь его, чтобы онъ убѣжалъ отъ грѣха?—спросилъ Нифонтъ ангела.

— Я не могу къ нему приблизиться,—отвѣчалъ ангелъ;—онъ сталъ рабомъ бѣсовъ, и у меня нѣтъ надъ нимъ власти. Богъ сотворилъ человѣка со свободной волей и показалъ ему пути: узкій и широкій, чтобы человѣкъ ходилъ по тому пути, который самъ выберетъ.

Нифонту открыто было, какъ бѣсы ходили въ народѣ и явно искушали людей. Разъ видѣлъ онъ, какъ два человѣка работали. Бѣсъ сталъ нашептывать обоимъ что-то въ уши, и они, бросивъ работу, затѣяли между собою ссору.

Видѣлъ онъ разъ церковнаго служителя, которому бѣсъ нашептывалъ мерзкія мысли. Чувствуя искушеніе, этотъ человѣкъ часто обертывался и плевалъ на бѣса.

— Зачѣмъ ты искушаешь этого человѣка,—спросилъ Нифонтъ,—если онъ тебя не слушаетъ?

— Князь нашъ велитъ намъ бороться съ людьми. Онъ жестоко насъ бьетъ, если мы этого не дѣлаемъ.

Видѣлъ еще Нифонтъ инока, который шелъ съ собранными мыслями, творя на ходу горячую молитву. Изъ устъ его вылетало огненное пламя, которое доходило до неба. А за нимъ слѣдовалъ ангелъ съ огненнымъ копьемъ въ рукахъ и этимъ копьемъ отгонялъ отъ инока бѣсовъ.

Разъ во время всенощнаго бдѣнія, подъ праздникъ Вознесенія, Нифонтъ увидалъ Владычицу Богородицу, вошедшую во храмъ съ апостолами и множествомъ святыхъ. Съ материнской любовью Она смотрѣла на людей, радуясь на тѣхъ, кто думалъ о своемъ спасеніи, качала головой и плакала надъ нерадивыми.

*

Потомъ Она подняла къ небу Свои руки и стала молиться Сыну Своему о спасеніи всѣхъ.

Это видѣніе еще болѣе укрѣпило вѣру Нифонта въ томъ, что Владычица дивно охраняетъ людей и крѣпкой рукой ведетъ ихъ къ спасенію. Вскорѣ онъ получилъ подтвержденіе этой вѣры. Во время сна напалъ на него врагъ съ оружіемъ въ рукѣ, чтобы убить его, но вдругъ побѣжалъ съ крикомъ:

— О, Марія, Ты всегда прогоняешь меня отъ этого жестокаго человѣка.

Нифонту были открыты тайны душъ, оставившихъ міръ и возносившихся въ вѣчную отчизну. Онъ видалъ небеса раскрытыми и ангеловъ, изъ которыхъ одни сходили внизъ на землю, другіе поднимались въ небо, неся въ своихъ объятіяхъ человѣческія души.

Какъ-то разъ при приближеніи къ блудному мытарству, демонъ сталъ кричать двумъ ангеламъ, несшимъ душу:

— Дайте намъ эту душу, она наша.

— Какой знакъ укажете вы на ней, что она ваша?—спрашивали ангелы?

— Этотъ человѣкъ до смерти осквернялъ себя грѣхами плотскими всякаго рода и умеръ безъ покаянія, что вы отвѣтите на это?

— Мы спросимъ у ангела-хранителя этой души.

— Эта душа, — отвѣчалъ ангелъ-хранитель, — много грѣшила, но передъ концомъ она исповѣдала Богу свои грѣхи. Если Богъ простилъ, то знаетъ, почему простилъ. Онъ имѣетъ на то власть. Слава Его праведному суду.

И ангелы безвозбранно понесли дальше согрѣшившую и покаявшуюся душу.

Безграничное благоговѣніе къ Той, Которая была для него начальницей и надеждой его спасенія, къ Пресвятой Владычицѣ, наполняло душу Нифонта. Онъ воздвигъ Ей въ Царьградѣ церковь, и при этой церкви жилъ. Своей вѣрой онъ многихъ обращалъ ко Христу. Бѣсъ явился однажды къ нему со своимъ полчищемъ и хотѣлъ его замучить, но онъ силой Божіей связалъ ихъ и нанесъ имъ множество ударовъ. Тогда они, чтобы смягчить его, дали обѣщаніе не приближаться даже къ тому мѣсту, гдѣ произносится имя Нифонта.

Жизнь Нифонта и духовный опытъ, имъ пріобрѣтенный, особенно драгоцѣнны тѣмъ, что въ его жизни сохранилось описаніе тѣхъ козней, которыми искушаетъ врагъ родъ человѣческій и вмѣстѣ съ тѣмъ той охраны, какою охраняютъ людей свѣтлыя силы.

Нифонтъ видѣлъ обширное поле правильной квадратной формы; на немъ были разставлены триста шестьдесятъ пять полковъ изъ ѳѳіоповъ. Одинъ изъ нихъ выстраивалъ воиновъ и ободрялъ своихъ подчиненныхъ. Было принесено множество оружія, и роздано по полкамъ. Потомъ дьяволъ снабдилъ каждый изъ полковъ силою волшебства и пустилъ ихъ по всей землѣ на церковь христіанскую.

Въ ужасѣ и тоскѣ созерцалъ Нифонтъ эти козни дьявола, посылаемыя на землю. Но къ нему былъ ободряющій голосъ:

— Оборотись, Нифонтъ, на востокъ и смотри.

И увидѣлъ Нифонтъ на востокѣ чистое, прекрасное поле и на немъ еще болѣе многочисленные, чѣмъ у ѳѳіоповъ, полки. Воины стояли въ бѣлыхъ одеждахъ. Они были вооружены, какъ на битву, и явился имъ Мужъ, сіяя свѣтомъ выше солнечнаго, и сказалъ имъ:

— Господь Богъ Саваоѳъ повелѣваетъ: идите по всей землѣ, помогайте христіанамъ и охраняйте ихъ жизнь.

Нифонтъ понялъ тогда, что, какъ ни велика сила дьявольскихъ искушеній, но выше и больше ея сила благодати охраняющей. Незадолго до конца своего Нифонтъ былъ поставленъ епископомъ острова Кипрскаго по непосредственному указанію Божію.

Это событіе произошло, быть можетъ, для того, чтобы показать, какъ велика сила покаянія, и какъ Господь отмываетъ грѣхи людей въ такой мѣрѣ, что потомъ Самъ призываетъ ихъ къ высшимъ ступенямъ служенія Себѣ.

Чудно описаніе послѣднихъ часовъ жизни епископа Нифонта, при которыхъ присутствовалъ знаменитый столпъ церкви, святитель Аѳанасій великій, патріархъ Александрійскій. Послѣднюю ночь своей жизни Нифонтъ провелъ на рогожѣ, на которую велѣлъ положить себя.

На разсвѣтѣ посѣтилъ его Аѳанасій великій и спросилъ его, есть ли человѣку польза отъ болѣзни.

— Сильнѣй, чѣмъ золото,—отвѣчалъ Нифонтъ,—въ которомъ отходитъ ржавчина, когда его жгутъ на огнѣ, человѣкъ во время болѣзни очищается отъ своихъ грѣховъ.

Сладостная улыбка озарила лицо святителя передъ самой кончиной его, и онъ радостно произнесъ:

— Привѣтствую васъ, святые ангелы.

Слѣдующими словами его были:

— Васъ, святые мученики.

Еще чрезъ нѣсколько времени онъ произнесъ:

— Привѣтъ вамъ, блаженные пророки.

Тутъ отверзлись духовныя очи Аѳанасія, и онъ увидѣлъ,

что отходящаго отъ земли къ небу Нифонта привѣтствуютъ по очереди, каждый отдѣльно, всѣ лики святыхъ.

Умирающій нѣсколько времени молчалъ, потомъ опять воскликнулъ:

— Привѣтствую васъ, священники, преподобные и всѣ святые.

Голосъ умирающаго затихъ. Потомъ чрезъ нѣсколько времени Нифонтъ въ восторгѣ воскликнулъ:

— Радуйся, Обрадованная, Красная, мой Цвѣтъ, Помощница моя и Крѣпость. Прославляю Тебя, Благая; ибо поминаю милость и благодать Твою.

То были послѣднія слова, произнесенныя на смертномъ одрѣ праведниковъ, это хвала Той, Которая Своимъ милосердіемъ исторгла изъ ужасной пропасти погибавшую душу Нифонта и довела ее до рая. Владычица спустилась опять съ неба принять на Свои руки спасенное Ею дитя, которое Она воззвала изъ бездны беззаконія, и которое стояло теперь передъ Нею, украшенное добродѣтелями, благоухающее святыней...

Много покоряющаго и умилительнаго хранятъ въ себѣ сокровища жизни святыхъ. Но, кажется, нѣтъ повѣсти болѣе потрясающей душу, повѣсти, гдѣ сильнѣе ощущались бы нити, связывающія небо и землю, соединяющія въ одно гибнущихъ отъ грѣха людей и небесныхъ воителей, готовыхъ спѣшить имъ на помощь, чѣмъ эта чудная повѣсть.

Святитель Нифонтъ, епископъ Кипрскій, по вѣрованіямъ церкви, имѣетъ благодать избавлять людей отъ чарованій, какъ получившій власть надъ нечистыми духами послѣ такой страшной и упорной борьбы. А вся жизнь его представляетъ собой для насъ сплошной урокъ покаянія, примѣръ того, какъ ни на какихъ низахъ паденія не надо отчаиваться, и какъ изъ безобразнѣйшаго грѣшника можно стать сіяющимъ благодатью праведникомъ...

КНИГА ВТОРАЯ.

МІРЪ ВѢРЫ.

ГЛАВА I.

Внѣшнія проявленія вѣры.

Такъ какъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, то его внутреннее настроеніе и чувства необходимо выливаются во внѣшнія поступки.

До сихъ поръ было говорено только о внутреннихъ настроеніяхъ человѣка, о вѣрѣ, которая возникаетъ въ душѣ, о порывахъ къ Богу, о невидимой, дѣйствующей на человѣка благодати.

Теперь предстоитъ бесѣдовать о томъ, какіе внѣшніе пути избрала душа человѣческая для того, чтобы чувствовать себя ближе къ Богу, имѣть постоянныя напоминанія о небѣ, и какіе пути избрала церковь для низведенія на душу человѣческую благодати.

Эти благодатные пути, называемые таинствами, особо многочисленны въ церкви православной, точно такъ же, какъ особенно обильны въ православіи тѣ внѣшніе символы, въ которые выливается живое благоговѣніе души человѣческой, жадно ищущей себѣ этихъ символовъ, формъ и выраженій своего внутренняго настроенія.

Намъ предстоитъ въ этой книгѣ говорить о храмѣ, какъ жилищѣ Божіей славы, мѣстѣ, являющемся здѣсь на землѣ земнымъ небомъ, объ иконахъ, какъ видимомъ отраженіи населяющихъ внутренній міръ вѣрующаго человѣка, отрадныхъ и святѣйшихъ образовъ, о мощахъ — источникахъ благодати, своимъ торжествомъ надъ тлѣніемъ напоминающихъ намъ о торжествѣ вѣчной жизни, о будущемъ возстаніи насъ смертныхъ, ничтожныхъ, обреченныхъ на гибель во славѣ, въ нетлѣніи и въ безсмертіи, объ утѣшительныхъ обрядахъ церкви, о свѣчахъ, и лампадахъ, о живомъ участіи въ жизни церковной,

о поминальныхъ жертвахъ при совершеніи божественной литургіи, о значеніи праздниковъ, о почитаніи святыхъ, о постѣ, какъ средствѣ очищенія души въ духовномъ подвигѣ, о молитвѣ, ея силѣ и о томъ счастіи, какое молитва даетъ.

Есть извѣстные разряды христіанъ, считающихъ излишнимъ большинство изъ перечисленныхъ только что средствъ, на какія указываетъ дѣтямъ своимъ православная церковь. Они полагаютъ, что въ области духа должно быть упразднено все внѣшнее. Но люди эти глубоко заблуждаются.

Не только изъ откровеній многихъ лицъ, достигшихъ святости, хотя и не представляющихъ собою достаточнаго авторитета для упомянутыхъ христіанъ, но и изъ свидѣтельства такого, рѣшительно всѣми христіанами признаваемаго авторитета, какъ апостолъ Павелъ, видно, что и въ небѣ существуютъ формы внѣшняго прославленія Божества. Апостолъ Павелъ, восхищенный въ небо, слышалъ тамъ неизреченные глаголы, которые невозможно пересказать людямъ.

Значитъ, и въ небѣ раздаются слова. Изъ этихъ словъ небожители сплетаютъ хвалу свою Богу. И небесныя обители, по общему убѣжденію всѣхъ святыхъ, которое, конечно, имѣетъ больше вѣса, чѣмъ мнѣніе земныхъ обыкновенныхъ людей, оглашаются неустаннымъ пѣніемъ, въ которомъ славословится Господь.

Въ небѣ есть своя іерархія. Полчища ангеловъ раздѣлены по ступенямъ той любви, которою они пламенѣютъ къ Богу и той ненависти, которою они воодушевлены противъ врага Господня и врага рода людского.

Когда, гордый близостью своею къ Богу, Денница возмутился противъ Бога, и въ зависти своей рѣшилъ ниспровергнуть Его, чтобы стать самому на Его мѣсто, и поднялъ бунтъ противъ Вседержителя: распалясь великою ревностью, архистратигъ Михаилъ собралъ вокругъ себя оставшихся вѣрными Богу ангеловъ, вступилъ въ бой съ Денницею и его ополченіемъ и низвергъ это полчище съ неба.

Существуетъ на небѣ извѣстная іерархія, извѣстные образы, извѣстныя дѣйствія, какъ же не существовать имъ на землѣ среди людей, внутреннія движенія у которыхъ выражаются непремѣнно въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ?

Возьмемъ таинства.

Конечно, благодать Господня можетъ дѣйствовать на душу человѣческую непосредственно. Мы имѣемъ передъ собою при-

мѣры святыхъ, которые жили десятилѣтіями въ пустынѣ, никогда не встрѣчая лица человѣческаго и которые не имѣли на себѣ степени священства. Изъ этого ясно, что эти люди не могли привлекать къ себѣ благодать посредствомъ духовныхъ таинствъ и, тѣмъ не менѣе, они были водимы благодатью, имѣя ее на себѣ въ величайшей степени. На нихъ благодать изливалась непосредственно.

Но принадлежавшая къ числу такихъ, въ уединенномъ отшельничествѣ спасавшихся, святая Марія Египетская передъ концомъ жизни послѣ десятилѣтій, во время которыхъ она не встрѣчалась ни съ однимъ человѣкомъ, встрѣтившись въ пустынѣ со старцемъ Зосимою, просили его чрезъ годъ принести ей причастіе и послѣ этого причастія мирно отошла къ Богу.

Да и примѣръ Маріи Египетской собственно излишенъ, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ, принявъ крещеніе въ водахъ Іордана отъ Іоанна, тѣмъ самымъ доказалъ и завѣщалъ намъ покорное принятіе извѣстныхъ формъ, въ которыхъ заключается высокій символъ или таинственная благодатная сила.

Тотъ, кому приходилось много ѣздить по Россіи на лошадяхъ, знаетъ, какое сильное, глубокое впечатлѣніе производитъ видъ сельской церкви.

Послѣ долгой ѣзды полями, весной ли, когда всходы зеленѣютъ ровнымъ, нѣжнымъ, зеленымъ ковромъ, лѣтомъ ли, когда мягкій вѣтеръ, гуляя по поверхности золотистаго спѣющаго хлѣба, ходитъ по немъ мягкими волнами, осенью ли, когда сжатыя поля щетинятся на солнцѣ соломой: во всякую погоду и во всякое время дня отрадно встрѣтить каменный или деревянный храмъ, обведенный оградой.

Мирно сіяетъ вознесшійся на куполѣ крестъ—символъ нашего искупленія, символъ Христовой побѣды, символъ нашего будущаго счастья. И какъ духовно сливаются съ этимъ храмомъ словно льнущія къ нему пространства: деревни и поля, политыя трудовымъ потомъ крестьянства, и сверкающіе на солнцѣ рѣки и ручьи и темнѣющій на горизонтѣ лѣсъ...

Стойте же твердо, вздымайтесь высоко надъ родною землей, родныя святилища, съ которыми связано все, что есть значительнаго, нужнаго, священнаго въ жизни человѣка.

Подъ вашу сѣнь мать приноситъ своего новорожденнаго младенца, который принимаетъ здѣсь крещеніе и нарекается христіаниномъ. Здѣсь совершается ежедневно величайшее чудо вселенной: словно льется изъ ранъ Распятаго Пречистая Его Кровь и вливается въ людей во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную. Здѣсь въ таинственной исповѣди спадаетъ тяготящее душу

бремя грѣховъ, и изъ купели покаянія человѣкъ выходитъ оправданнымъ, невиннымъ, непорочнымъ. Здѣсь въ таинствѣ брака зарождается юная семья и ниспосылается на соединяющихся любовью людей благодать, освящающая ихъ самихъ и ихъ будущее потомство. Сюда приносятъ отжившаго свой земной вѣкъ человѣка, поютъ надъ нимъ послѣдніе прощальные гимны, надѣваютъ на него вѣнецъ—символъ воинствовавшаго за Христа на землѣ борца и отпускаютъ ему, во имя Божіе, всѣ его грѣхи. Здѣсь дрожитъ и бьется въ восторгѣ, въ благодареніи, въ славословіи, въ прошеніи, въ горѣ и въ радости, въ томленіи и въ надеждѣ живое сердце человѣческое. Сюда спускаются ангелы, чтобы слышать людскія моленія, принимать ихъ, какъ куски благовоннаго ладана, которые они положатъ и воскурятъ въ кадильницахъ тамъ, передъ страшнымъ престоломъ Господа Славы. Что есть въ жизни и въ душѣ вѣрующаго человѣка завѣтнаго, важнаго, волнующаго его, съ чѣмъ бы онъ ни пришелъ сюда въ храмъ, чтобы сложить это легкое или тяжелое бремя къ Божію престолу...

Сколько невиданныхъ для людей и знаемыхъ только тѣми, кто на себѣ это пережилъ, произошло тутъ счастливыхъ возстаній; сколько людей, пришедшихъ сюда съ отчаяніемъ въ душѣ, выходили отсюда утѣшенными и крѣпкими; сколько здѣсь произошло возрожденій; сколько здѣсь излито высочайшихъ чувствъ и возникло пламенѣющихъ величайшихъ мыслей.

О, Господи, да будутъ очи Твои отверсты день и ночь на храмы наши, и да горятъ въ нихъ вѣрою и усердіемъ къ Тебѣ сердца наши!..

Стояли ли вы въ древнихъ святилищахъ земли русской, въ которыхъ излита вѣра прежнихъ поколѣній, въ которыхъ звучатъ отголоски давнихъ стоновъ, горятъ въ воздухѣ давнія слезы?

Въ соборѣ Успенія Богоматери во Владимірѣ прислушивались ли вы къ тому, какъ подаются и трещатъ соборныя двери подъ страшными ударами татарскаго тарана и какъ врываются татары во внутрь святилища, а укрывшаяся на верхъ, на хоры съ замурованнымъ входомъ, семья великокняжеская, принявъ схиму, получаетъ отъ епископа благословеніе на смерть, и какъ дымъ пожара, подымаясь кверху, душитъ этихъ людей гибнущей Кіевской Руси, которымъ открылъ свои объятія ожидающій Христосъ, и какъ пѣніе молитвъ сливается съ трескомъ огня и торжествующими криками татарщины...

Чудилось ли вамъ въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры, строенной на дивныхъ чудесахъ и преславныхъ обѣтованіяхъ,

какъ Богоматерь во Влахернѣ Сама договариваетъ братій-зодчихъ для созданія этого святилища на Кіевскихъ высотахъ, какъ приходятъ они въ Печерскій монастырь и создаютъ этотъ храмъ небеси подобный—каменный отголосокъ райской славы...

Внимали ли вы чуткимъ ухомъ подъ сводами перваго русскаго святилища, Московскаго Успенскаго собора, прозвучавшимъ здѣсь тихимъ и грознымъ, утѣшительнымъ и обличительнымъ рѣчамъ русскихъ чудотворцевъ? Улавливали ли вы раздавшійся надъ этимъ храмомъ пророческій гласъ первосвятителя Петра о славѣ Москвы, и съ ней о будущемъ величіи Россіи? Видали ли вы чрезъ толщу вѣковъ, какъ загорѣлась здѣсь у раки древняго Петра свѣча, когда вызванный въ Орду для исцѣленія ханши Тайдулы святитель Алексій служилъ напутственный молебенъ? Среди давняго московскаго населенія встрѣчали ли вы, стеня и плача и вопія о пощадѣ, чудотворную икону, шедшую изъ Владиміра въ Успенскій соборъ, въ тѣ дни, когда страшный «желѣзный хромецъ» надвигался со своей губительною ратью на Москву, и надежда оставалась только на заступленіе Дѣвы Пречистой?.. Съ трепетомъ въ сердцѣ внимали ли вы обличительнымъ рѣчамъ къ Ивану Грозному митрополита Филиппа, который принесъ тутъ свою чистую жертву печалованія за народъ и шелъ отсюда на свое мученичество?

Въ дни великой смуты, когда приверженцы самозванца сорвали святительскую мантію съ патріарха Іова, слышали ли вы, какъ громко произносилъ онъ передъ завѣтной иконой Владимірской: «Се двѣнадцать лѣтъ охранялъ я цѣлость вѣры. Нынѣ ересь торжествуетъ. Владычица, спаси православіе молитвами къ Сыну Твоему».

Видѣли ли вы, какъ отрада и надежда смятеннаго и гибнущаго отечества, святѣйшій патріархъ Ермогенъ разрѣшалъ здѣсь народъ отъ прежде данныхъ клятвъ, какъ нарекали здѣсь имя Михаила и возлагали на непорочнаго отрока царственный вѣнецъ? Слыхали ли вы на пространствѣ вѣковъ громы хвалебныхъ гимновъ послѣ русскихъ побѣдъ и присоединенія къ зачавшемуся въ Москвѣ новому русскому государству новыхъ царствъ, областей, племенъ и народовъ?

Въ старой новгородской Софіи всматривались ли вы съ ужасомъ въ помѣщенный во главѣ древній образъ Спасителя, который былъ написанъ въ благословляющемъ движеніи десницы, и три раза находили по-утру его съ десницей сжатой, пока не послѣдовалъ глаголъ: «Оставьте Меня съ сжатой десницей, ибо сею Моею рукою я держу Новгородъ. Когда же десница разож-

мется, тогда и граду скончаніе будетъ». И видѣли ли вы съ трепетомъ, какъ непостижимо со временемъ разжимается десница?

Въ старой Кіевской Софіи, надъ которой промчалось столько вѣковъ, испытаній, пожаровъ, погромовъ, грабежей и ужасовъ,—смотря на непоколебавшуюся въ многократныхъ разореніяхъ собора алтарную стѣну съ вознесшимся на ней видѣніемъ Пречистой Дѣвы, молитвенно поднявшей руки къ небу: постигали ли вы въ этомъ имени образа Пречистой «Необоримая стѣна»—всю неподвижимую, необоримую силу Царицы Небесной и Заступницы русской?

Поражала ли васъ мысль, неожиданно входя въ храмы на востокѣ и западѣ, на сѣверѣ и югѣ Россіи, о томъ, что, вотъ, на разстояніи десятковъ тысячъ верстъ въ этихъ святилищахъ на одномъ языкѣ и одними словами совершается славословіе Богу, и въ тѣ же дни во Владивостокѣ и Гельсингфорсѣ, въ Архангельскѣ и Батумѣ раздается призывный гласъ колоколовъ, и народъ русскій, получившій въ обладаніе отъ Бога своего столь необозримую землю, свободной душой хвалитъ въ этихъ храмахъ своего Творца и Благодѣтеля?

Проѣзжая разъ, во время страстной недѣли, по расположеннымъ вдали отъ желѣзнодорожныхъ путей мѣстамъ Новгородской земли, я зашелъ въ страстной четвергъ въ бѣдный сельскій деревянный храмъ въ концѣ литургіи. Крестьяне пріобщались. Со скрещенными на груди руками они по очереди подходили къ спасительной Чашѣ и изъ лжицы втекала въ ихъ уста животворящая Христова кровь... И мнѣ казалось, что ангелы Божіи стояли за всякимъ изъ этого трудящагося крестьянскаго міра, и чистая струя Христовой крови сглаживала и выжигала изъ этихъ людей всѣ ихъ беззаконія, всѣ вольные и невольные грѣхи.

О, эти сельскіе храмы, безъ которыхъ не вынести бы русскому міру его тяжкой земной доли, безъ которыхъ задохнулась бы русская душа: та русская душа, въ которой свѣтъ такъ перемѣшанъ со тьмою, которая словно для того иногда стремится къ паденію, чтобы послѣ паденія познать еще болѣе лучезарное возстаніе.

Храмъ воздыханья, храмъ печали,
Убогій храмъ земли моей,
Тяжелѣ стоновъ не слыхали
Ни Римскій Петръ, ни Колизей.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:

«Лови минуты умиленья,
Войди съ открытою душой.
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ,
И облегченный уходилъ».
И я вошелъ, я умилился,
И долго я лежалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобъ услыхалъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.

Мы не видимъ нашимъ оплотянѣвшимъ, немощнымъ взоромъ, мы не слышимъ нашимъ огрубѣвшимъ слухомъ всѣхъ тайнъ, которыя совершаются въ нашихъ церквахъ. Если бы мы имѣли очи, чтобы видѣть, и имѣли слухъ, чтобы слышать, мы бы увидали лики ангельскіе, наполняющіе храмъ и сослужащіе священнослужителямъ; мы бы услыхали то небесное пѣніе, которое раздается здѣсь, когда дребезжащимъ, надтреснутымъ и не всегда усерднымъ пѣніемъ дьячекъ на клиросѣ въ пустомъ храмѣ тянетъ священныя слова. И какъ близокъ къ истинѣ разсказъ о томъ, что, если приложить ухо къ скважинѣ запертой церкви, оттуда слышится тихое невыразимое пѣніе. Послушаемъ же о томъ, что видали здѣсь иные люди, какія они получали тутъ откровенія.

Когда великій Саровскій Серафимъ былъ еще въ санѣ дьяконскомъ, онъ временами видалъ ангеловъ, сослужащихъ братіи и воспѣвающихъ. Они имѣли образъ молніеносныхъ юношей, облеченныхъ въ бѣлыя золототканыя одежды. А то, какъ пѣли они, нельзя выразить словомъ. Вспоминая объ этомъ, отецъ Серафимъ говорилъ: «Бысть сердце мое, яко воскъ, таяй отъ неизреченной радости».

А вотъ, что видѣлъ отецъ Серафимъ въ великій четвергъ, когда служилъ литургію.

Какъ извѣстно, «малый» выходъ изъ алтаря и слѣдующій затѣмъ входъ въ алтарь знаменуетъ вступленіе служащихъ въ самое небо, и священникъ тогда молится: «Сотвори со входомъ нашимъ входу святыхъ ангеловъ быти, сослужащихъ намъ и сославословящихъ Твою благость».

Когда послѣ малаго входа и паремій, іеродіаконъ Серафимъ возгласилъ: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны» и, обратясь къ народу и давъ знакъ ораремъ, закончилъ: «и во вѣки вѣковъ», какъ онъ весь измѣнился, не могъ сойти съ мѣста и вымолвить слова. Служащіе поняли, что ему было видѣніе. Его ввели подъ руки въ алтарь, гдѣ онъ простоялъ три часа, то весь разгораясь лицомъ, то блѣднѣя,—все не въ состояніи вымолвить ни одного слова. Когда онъ пришелъ въ себя, то разсказалъ своимъ старцамъ и наставникамъ, о. Пахомію и казначею, что онъ видѣлъ. «Только что провозгласилъ я, убогій—«Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!»—и, наведя ораремъ на народъ, окончилъ: «и во вѣки вѣковъ», вдругъ меня озарилъ лучъ какъ бы солнечнаго свѣта, и увидѣлъ я Господа и Бога нашего Іисуса Христа, во образѣ Сына Человѣческаго, во славѣ, сіяющаго неизреченнымъ свѣтомъ, окруженнаго небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, какъ бы роемъ пчелинымъ, и отъ западныхъ церковныхъ вратъ грядущаго на воздухѣ. Приблизясь въ такомъ видѣ до амвона и воздвигнувъ пречистыя Свои руки, Господь благословилъ служащихъ и предстоящихъ. Посемъ, вступивъ во святой мѣстный образъ Свой, что по правую руку царскихъ вратъ, преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сіявшими неизреченнымъ свѣтомъ во всю церковь. Я же, земля и пепелъ, срѣтая тогда Господа Іисуса Христа, удостоился особеннаго отъ Него благословенія. Сердце мое возрадовалось чисто, просвѣщенно, въ сладости любви ко Господу».

Когда великій отецъ Сергій Радонежскій совершалъ литургію, видали, какъ ангелы сослужили ему, и какъ онъ пріобщался изъ святой чаши огнемъ.

Блаженный Нифонтъ, епископъ Кипрскій, имѣлъ дивное откровеніе относительно совершаемаго во время литургіи священнодѣйствія. Однажды, стоя со своимъ ученикомъ въ церкви при патріаршемъ богослуженіи, Нифонтъ какъ бы прозрѣлъ духомъ. Онъ увидѣлъ огонь, шедшій съ неба и покрывшій алтарь и архіерея. Когда запѣли «Трисвятое», показались четыре ангела и пѣли вмѣстѣ съ пѣвцами.

Во время чтенія апостольскаго посланія, Нифонтъ увидѣлъ стоящаго за спиной чтеца святого апостола Павла, наблюдавшаго за чтецомъ. Во время чтенія евангелія, божественныя слова поднимались къ небу, какъ нѣкіе чудные свѣтильники. Когда стали переносить послѣ Херувимской пѣсни Святые Дары, распахнулась церковная завѣса, раскрылось небо и разлилось по церкви чудное благоуханіе. Затѣмъ стали сходить

внизъ ангелы съ пѣніемъ. Ангелы принесли прекраснаго Отрока, поставили Его на дискосъ и окружили престолъ, благоговѣйно склоняясь предъ честными Дарами. А два херувима и два серафима парили надъ главой чуднаго Младенца, овивая Его своими крыльями. Когда наступило время освященія Даровъ и великое таинство пресуществленія, одинъ изъ верховныхъ ангеловъ приступилъ, взялъ ножъ и закололъ Отрока. Кровь онъ выпустилъ въ святую чашу и, положивъ Отрока на дискосъ, самъ снова сталъ съ благоговѣніемъ на своемъ мѣстѣ... Когда служба кончилась, Нифонтъ видѣлъ, какъ Отрокъ опять вдругъ сдѣлался совершенно цѣлъ, и на ангельскихъ рукахъ вознесенъ былъ на небо.

Вотъ, что невидимо совершается въ храмѣ на литургіи во время видимыхъ дѣйствій священника въ алтарѣ.

При такомъ значеніи храма, какая жертва для вѣрующаго человѣка можетъ быть отраднѣе и выше, какъ жертва на храмъ? Древняя Русь со своею крѣпкою вѣрою оставила намъ примѣръ усерднаго храмоздательства. До насъ не дошло, можно сказать, рѣшительно ни одного остатка жилыхъ домовъ древней Руси, ни царскихъ, ни княжескихъ, кромѣ немногихъ искаженныхъ теремовъ древней Москвы. Но храмы древней Руси, ея святилища, до насъ дошли, потому что храмы русскіе были великолѣпнѣе и прочнѣе ея жилыхъ домовъ.

Русь, вся деревянная, со своими деревянными даже дворцами, знала и старалась ставить храмы каменные, которые остались памятниками ея великаго и умнаго благочестія. И въ наши дни русское храмоздательство не прекратилось.

Жертвы на храмы современныхъ русскихъ являются утѣшительнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ того, насколько живо еще благочестіе въ русской душѣ, насколько, какъ и въ старыя времена, излюбленную мечту этой души составляетъ принести Богу посильный и щедрый даръ. Храмовъ возникаетъ по всему пространству Россіи неисчислимое множество и за послѣднее десятилѣтіе воздвигнуто много замѣчательныхъ храмовъ.

Въ Кіевѣ выстроенъ одинъ изъ лучшихъ храмовъ всей русской земли, Князевладимірскій соборъ въ память крещенія кіевлянъ Владиміромъ. Стѣны его расписаны главнымъ образомъ великимъ геніальнымъ нашимъ художникомъ Викторомъ Михайловичемъ Васнецовымъ и представляютъ собою величайшее откровеніе иконописнаго искусства.

Юная обитель, Казанская Амвросіева пустынь при сельцѣ Шамординѣ Калужской губерніи, сіяетъ громаднѣйшимъ величественнѣйшимъ соборомъ, который заложилъ въ послѣдніе годы свои основатель обители, незабвенный великій старецъ Амвросій Оптинскій. Такой же величественный храмъ сіяетъ въ другой юной обители Иверской Выксунской, основанной другимъ замѣчательнымъ старцемъ послѣднихъ десятилѣтій іеросхимонахомъ Варнавою, подвизавшимся въ скитѣ Черниговской Божіей Матери въ окрестностяхъ Сергіево-Троицкой лавры. Въ Тихоновой пустыни съ цѣлебнымъ колодцемъ Преподобнаго Тихона Калужскаго воздвигнута одна изъ величайшихъ въ Россіи колоколенъ. Только что недавно освященъ великолѣпный и громадный морской соборъ въ городѣ Кронштадтѣ, гдѣ сосредоточенъ русскій флотъ.

Въ постройкѣ храмовъ часто находятъ себѣ исходъ неугасимая, ничѣмъ земнымъ неутолимая тоска по дорогимъ утраченнымъ людямъ, или наполняющее душу усердіе ко Христу, къ Богоматери или къ кому-нибудь изъ святыхъ.

Велика и угодна въ очахъ Божіихъ жертва на храмъ, пріятны Ему тѣ, которые жертвуютъ отъ избытка своего, но насколько выше и святѣй такая жертва, когда человѣкъ отдаетъ Господу для построенія храма все, что имѣетъ.

Такую высокую жертву Богу принесъ по слову великаго старца Серафима исцѣленный имъ офицеръ изъ нижегородскихъ помѣщиковъ, Михаилъ Васильевичъ Мантуровъ. Мантуровъ заболѣлъ болѣзнью, въ которой не могъ найти облегченія отъ врачей, и которая заставила его покинуть военную службу. При страшныхъ страданіяхъ у него изъ ногъ выходили кости. Въ такомъ положеніи онъ услыхалъ о благодати, дѣйствующей отъ старца Серафима. Разсказы эти были столь необыкновенны, что онъ немедленно велѣлъ везти себя въ Саровъ и разсказалъ старцу о своемъ недугѣ.

Преподобный Серафимъ долго молился у себя въ келліи и, затѣмъ, выйдя къ Мантурову, помазалъ ноги священнымъ масломъ, произнося:

«По данной мнѣ отъ Бога благодати я перваго тебя врачую», и Мантуровъ тутъ же исцѣлился. Мантуровъ былъ человѣкъ благодарнаго сердца и великой искренности. Видя его душу и желая помочь ему принести Богу чудный самоотверженный даръ, отецъ Серафимъ предложилъ ему обнищать ради Бога.

По совѣту старца, Мантуровъ продалъ свое имѣніе и всѣ вырученныя отъ продажи деньги употребилъ на постройку въ

Дивѣевѣ, въ связи съ приходскимъ храмомъ, стоявшимъ тамъ раньше и посѣщаемымъ крестьянами, большой двухъэтажный храмъ для возникшей въ Дивѣевѣ женской монашеской общины. Дивѣевскій храмъ былъ поставленъ во имя Рождества Христова. По преданію, Богоматерь во снѣ сказала Мантурову:

«Ты почтилъ Сына Моего, а Меня забылъ».

И, послѣ этого голоса, была устроена нижняя полуподземная церковь во имя Рождества Богоматери.

Когда человѣкъ, знающій про эту чудную лепту, въ Серафимо-Дивѣевской обители стоитъ у могилы Михаила Васильевича Мантурова, онъ невольно преклоняется въ душѣ предъ высотой и чистотой этой самоотверженной жертвы. И, какъ бѣлая лилія, выросшая изъ благодарности отъ благородной души этого жертвователя, бѣлѣетъ—красуется предъ его глазами тотъ храмъ во имя двойного священнаго Рождества, у стѣнъ котораго нашелъ свой послѣдній пріютъ праведный храмоздатель.

А по другую сторону храма, за приходской его частью, почиваетъ храмоздательница этого приходскаго Дивѣевскаго храма Агафья Симеоновна Мельгунова, имя которой тоже не можетъ быть забыто, когда думаешь о лучшихъ русскихъ храмоздателяхъ.

Родовитая помѣщица, владѣвшая наслѣдственными имѣніями въ нѣсколькихъ губерніяхъ, Агафья Симеоновна посвятила себя духовной жизни и, по особому повелѣнію Богоматери, изъ Кіева пришла на сѣверъ Россіи. Тутъ въ селѣ Дивѣевѣ, въ деревянной тогдашней церкви послѣдовало ей видѣніе Богоматери, Которая приказывала ей остаться на этомъ мѣстѣ, обѣщая, что тутъ возникнетъ великая женская обитель.

Продавъ свои имѣнія, Агафья Симеоновна поселилась въ Дивѣевѣ и много лѣтъ провела, какъ слуга, въ домѣ мѣстнаго священника. Она источала неперестающую милостыню крестьянамъ, обшивала, мыла и учила разуму ихъ дѣтей. Все свое достояніе обратила въ деньги, выстроила много храмовъ и обновила еще большее количество. Она въ годъ голодовки воздвигала Дивѣевскій приходскій каменный храмъ, этими работами кормя крестьянъ. На какомъ крѣпкомъ основаніи стоятъ воздвигнутые усердіемъ такихъ душъ храмы!

Я зналъ одного простолюдина, который всю жизнь проработалъ десятникомъ при постройкахъ, велъ жизнь строгую, имѣя единственнымъ утѣшеніемъ посѣщеніе церкви и духовное чтеніе. Отказывая себѣ во всемъ, онъ скопилъ маленькій капиталецъ и, по смерти своей, часть завѣщалъ на стипендію для

студента-медика при Московскомъ университетѣ, а часть на украшеніе церкви въ родномъ селѣ.

Давно забытъ онъ, затерянный на одномъ изъ дешевыхъ московскихъ кладбищъ, въ одинокой могилѣ, къ которой едва-ли кто подходитъ. Но въ родномъ селѣ поминается его имя. А, когда забудутъ его, все же будутъ горѣть на иконахъ на его средства помѣщенные на нихъ оклады, будутъ теплиться тихіе огни въ серебряныхъ, на его деньги купленныхъ, лампадахъ. Будетъ сзывать на молитву крестьянъ, потомковъ его сверстниковъ и товарищей, среди которыхъ онъ росъ, пока не пошелъ на заработки въ Москву—по его завѣщанію повѣшенный колоколъ.

Если кто свои наслѣдственныя или заработанныя деньги захочетъ помѣстить въ какое-нибудь живое и святое дѣло, захочетъ этими деньгами послужить людямъ, то, кажется, нѣтъ жертвы чище и мудрѣй, какъ жертва на храмъ. Велика жертва на пріюты для безпріютныхъ дѣтей, на учебныя заведенія, на пособія той молодежи, которая, холодная и голодная, получаетъ образованіе, чтобы своимъ знаніемъ служить потомъ народу. Высоки жертвы на школы и богадѣльни, на престарѣлыхъ и безпомощныхъ людей, но еще выше на храмы—эти школы и пріюты народной души и вѣчныя духовныя врачебницы.

Не умѣщаясь на порожнихъ земляхъ своихъ въ Европейской Россіи, русское крестьянство широкой волной устремилось теперь заселять пустынныя мѣста Сибири съ ихъ благодатнымъ просторомъ и нетронутыми дѣвственными силами, заложенными въ почвѣ. Много скорби переживаютъ переселенцы, отрываясь отъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ вѣками сидѣли ихъ отцы, дѣды и пращуры. Много трудовъ великихъ и сложныхъ ждутъ ихъ на мѣстахъ новаго поселенія, гдѣ все надо заводить сначала. И въ этой скорби и въ этихъ трудахъ особенно сиротливо чувствуютъ они себя безъ церкви.

Если кто захочетъ принести высокую жертву Богу въ поминовеніе по своимъ родителямъ или другимъ дорогимъ людямъ, для испрошенія у Бога себѣ какой-нибудь милости—пусть вспомнитъ о необъятномъ пространствѣ Сибири и усердной рукой поставитъ тамъ храмъ, увѣнчавъ его православнымъ крестомъ.

Подумайте о томъ, какъ отрадно также устроить храмъ на могилѣ дорогихъ людей. Надъ самымъ гробомъ отошедшихъ воздвигается алтарь , потокъ Христовой крови льется надъ мѣстомъ погребенія и, въ этомъ потокѣ, пока стоитъ міръ и Россія, будетъ омываться душа человѣка, за которую поставленъ храмъ...

Однимъ изъ величайшихъ бѣдъ во время послѣдней несчастной русско-японской войны была гибель въ Цусимскомъ бою русской эскадры. Множество молодыхъ жизней русскихъ матросовъ и офицеровъ нашло тутъ свой грустный конецъ. Имѣя возможность спастись, нѣкоторые предпочитали тонуть со своимъ кораблемъ и погружались въ пучину океана съ крикомъ привѣта далекой Россіи, честь которой они не выдали въ этомъ страшномъ бою. Пораженнымъ неизгладимою печалью ихъ отцамъ, матерямъ, женамъ и братьямъ не осталось даже утѣшенія принять ихъ прахъ и положить ихъ въ семейныхъ усыпальницахъ. Вещественныхъ воспоминаній отъ нихъ не осталось. Все поглощено ничего не возвращающимъ океаномъ.

И вотъ, по мысли этихъ пораженныхъ невознаградимыми потерями людей возникъ въ Петербургѣ завѣтный храмъ — «Спасъ на водахъ». Сюда эти осиротѣлые люди приходятъ молиться, какъ ходили бы молиться на могилы этой дорогой, столь рано и ужасно угасшей, молодежи. Все проникнуто скорбью и воспоминаніемъ въ этомъ храмѣ, заимствовавшемъ формы храмовъ древней Россіи. На стѣнахъ прибиты металлическія доски съ именами утонувшихъ героевъ, съ переименованіемъ на каждой именъ погибшихъ офицеровъ и числомъ нижнихъ чиновъ. У нѣкоторыхъ изъ досокъ почти ежедневно смѣняются свѣжіе цвѣты. Этотъ храмъ великой скорби просвѣтленъ свѣтлой надеждой на загробныя свиданія.

Въ русской жизни создался трогательный обычай собирать у міра на построеніе храмовъ.

Городскіе храмы рѣдко нуждаются въ помощи посторонней, имѣя въ большинствѣ случаевъ богатыхъ прихожанъ, которые и въ одиночку и въ складчину могутъ воздвигать храмы, перестраивать и украшать ихъ.

Въ средѣ богатаго купечества, сохраняющаго преданность церкви, развито даже нѣкоторое соревнованіе въ украшеніи храмовъ. Если въ одномъ приходѣ богачъ великолѣпно украсилъ храмъ, другой богачъ въ другомъ приходѣ старается его перещеголять.

Не то въ бѣдныхъ сельскихъ приходахъ, гдѣ у крестьянъ нѣтъ средствъ на то, чтобы въ короткое время самимъ поставить новый храмъ, замѣнить прежній деревянный каменнымъ или обновить ветшающую церковь.

И вотъ, міромъ избирается сборщикъ и ходитъ по разнымъ

*

мѣстамъ Россіи, больше всего по большимъ торговымъ городамъ, приглашая жертвовать на церковь.

Трогательный обычай высокаго значенія... Если вы не можете выполнить своей мечты, поставить Богу самолично, отдѣльно цѣльный храмъ, то, давая этимъ сборщикамъ, вы становитесь участниками храмоздательства по всей Россіи. Вы давно будете лежать въ могилѣ. Десятилѣтія и вѣка изгладятъ совершенно ваше имя, а ваши копѣйки и серебряныя монеты въ видѣ кирпичей, вложенныхъ въ храмъ, все будутъ стоять и вопіять о спасеніи души вашей къ Богу. Или въ призывномъ, спасительномъ, будящемъ душу, звонѣ колокола будетъ звучать часть вашего серебра, и въ десяткахъ сотняхъ, а, можетъ быть, тысячахъ храмовъ русскихъ будетъ поминаться ваша душа, когда усердно закрестится православный народъ при словахъ ектеніи: «Еще молимся о создателѣхъ святаго храма сего и о всѣхъ прежде отшедшихъ отцѣхъ и братіяхъ, здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ». Дайте себѣ обѣтъ и соблюдите его: никогда не проходить мимо церковнаго сборщика, не подавая ему копѣйки, хотя бы гроша.

Невидимо за этими людьми стоитъ Самъ Христосъ, протягивая руки на построеніе Себѣ тѣхъ живыхъ жилищъ, которыя должны же создавать Ему люди взамѣнъ того, что Онъ предоставилъ имъ—весь просторъ Имъ задуманной, Имъ созданной вселенной.

Жаль, что почти не встрѣчаются теперь на улицахъ большихъ городовъ сборщики на колоколъ. Мнѣ только разъ довелось встрѣтить такого сборщика на одной изъ бойкихъ улицъ Петербурга. Сбоку мостовой стояли запряженныя въ одну лошадь дровни, покрытыя рогожей. На дровняхъ стоялъ небольшой колоколъ. Люди, крестясь, бросали на рогожу мѣдяки.

О, этотъ кимвалъ, звенящій во славу Божію, сзывающій православныхъ на молитву!

Въ одной изъ лучшихъ пьесъ своихъ: «Не такъ живи, какъ хочется», проникновенный русскій драматургъ Островскій изобразилъ человѣка, сбившагося съ пути и въ отчаяніи рѣшившагося на самоубійство. Онъ былъ готовъ исполнить свой ужасный умыселъ, какъ услыхалъ звукъ церковнаго благовѣста, опомнился и сталъ исправляться.

Мнѣ пришлось присутствовать въ одной сельской мѣстности при подъемѣ на колокольню колокола. Въ трогательныхъ молитвахъ молебна испрашивалась колоколу благодать, будящая людей къ славословію Божію, пробуждающая въ нихъ добрыя чувства. Кто не заслушивался гуломъ родныхъ колоко-

ловъ, кто изъ москвичей не дивился силѣ, величію, необычайности пасхальнаго трезвона въ Москвѣ?

Прозвенятъ двѣнадцать мѣрныхъ ударовъ на кремлевскихъ Спасскихъ воротахъ. И Москва со своими, пылающими огнями внутри и снаружи, церквами еще молчитъ. И тогда надъ городомъ, въ трепетѣ и сосредоточеніи ожидающимъ своего Христа. пронесется вдругъ рвущій воздухъ полногрудый звукъ Ивана Великаго... Проплылъ, еще не растаялъ, какъ за нимъ второй ударъ, тамъ третій. Этотъ третій ударъ подхваченъ вдругъ во всѣхъ концахъ своихъ встрепенувшейся Москвой.

Звуки, какъ бы на приступъ, лѣзутъ отовсюду на кремлевскій холмъ, запѣвая, гудя, тихо разливаясь, и вновь и вновь прибывая въ силѣ, торжествуя несказанное чудо. И надъ этой волной звуковъ царитъ стихійный громъ, неопровержимый, какъ вѣчность, все собою покрывающій гулъ Ивана Великаго. И, кажется, когда пройдетъ вселенная, не станетъ уже времени: все равно, въ завѣтный часъ Воскресенія Христова Иванъ колоколъ пропоетъ воскресшему Христу свою безглагольную мѣдную пѣсню.

Будемъ любить родные колокола и бросать въ нихъ свою мѣдь и серебро.

О значеніи сбора на церковное строеніе съ большою теплотой говоритъ поэтъ князь Вяземскій въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи, изъ котораго приведемъ нѣсколько отрывковъ:

Свой страннический крестъ пріявъ, какъ благодать,
Изъ дальняго села пришелъ онъ въ городъ чуждый,
Но привели его не собственныя нужды.
Нѣтъ, къ дому Господа усердьемъ возгоря
И возлюбивъ и блескъ, и святость алтаря,—
Онъ благолѣпью ихъ посильный трудъ приноситъ
И именемъ Христа на церковь братій проситъ.
Въ волненьяхъ суеты, среди столичныхъ стѣнъ,
Преданье и урокъ Апостольскихъ временъ,
Онъ ходитъ между насъ Евангельскою вѣстью
И праздныя сердца въ насъ будитъ къ благочестью.
И рѣдко кто пройдетъ—и больно за того,
Кто мимо могъ пройти, не одѣливъ его
Хоть малымъ чѣмъ-нибудь, хоть ласковымъ вниманьемъ,
Сочувствіемъ любви, поклономъ, пожеланьемъ.
Храня въ душѣ моей отцовъ простую вѣру,
Я слѣдовать люблю народному примѣру
И лепту я мою спѣшу въ тотъ сборъ принесть.

Скажу: и моего тутъ меду капля есть;
Скажу: и моего тутъ будетъ капля масла,
Чтобъ предъ иконою лампада въ вѣкъ не гасла,
Чтобъ тихій свѣтъ ея ликъ Спаса озарялъ
И въ душу скорбную отрадой проникалъ.
И, можетъ быть, Богъ дастъ, сей лептой богомольной
Искупится мой грѣхъ, иль вольной, или невольной
И тамъ зачтется мнѣ, въ замѣну добрыхъ дѣлъ,
Что къ Церкви Божіей душой я не хладѣлъ...

Среди сборщиковъ на церковное строеніе есть много людей высокой духовной жизни, пронесшихъ на себѣ это трогательное дѣло, какъ очистительный подвигъ. Вспомнимъ тутъ знаменитаго Некрасовскаго «Власа», этотъ удивительный чистый, русскій, величественный, трогающій и потрясающій образъ церковнаго сборщика:

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.
На груди икона мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ,
Весь въ веригахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ.
Да съ желѣзнымъ наконечникомъ
Палка длинная въ рукѣ...
Говорятъ, великимъ грѣшникомъ
Былъ онъ прежде. Въ мужикѣ
Бога не было: побоями
Въ гробъ жену свою вогналъ,
Промышляющихъ разбоями,
Конокрадовъ укрывалъ;
Бралъ съ родного, бралъ съ убогаго,
Слылъ кощеемъ-мужикомъ,
Нрава былъ крутого, строгаго...
Наконецъ, и грянулъ громъ!
Власъ тяжко заболѣлъ.
Власъ увидѣлъ тьму кромѣшную
И послѣдній далъ обѣтъ...
Внялъ Господь—и душу грѣшную
Воротилъ на вольный свѣтъ.

Роздалъ Власъ свое имѣніе,
Самъ остался босъ и голъ,
И сбирать на построеніе
Храма Божьяго пошелъ.
Съ той поры мужикъ скитается
Вотъ ужъ скоро тридцать лѣтъ,
Подаяніемъ питается—
Строго держитъ свой обѣтъ.
Сила вся души великая
Въ дѣло Божіе ушла:
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была...
Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.
Нѣтъ ему пути далекаго:
Былъ у матушки Москвы,
И у Каспія широкаго,
И у царственной Невы.
Словомъ истины Евангельской
Собирая Богу дань.
Побываетъ и въ Архангельской,
Проберется и въ Рязань...
Ходитъ съ образомъ и съ книгою,
Самъ съ собой все говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.
Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтнія жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары.
И даютъ, даютъ прохожіе...
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной...

Посѣщаемость храмовъ является обыкновенно точнымъ отраженіемъ благочестія жителей.

О поэтѣ Хомяковѣ, который былъ искреннимъ и усерднымъ христіаниномъ, передаютъ, что, возвращаясь въ праздникъ изъ церкви, онъ съ радостью говаривалъ:

— Слава Богу, сегодня въ церкви было тѣсно.

И, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть отраднѣе для вѣрующаго человѣка, какъ видъ храма не только полнаго, но переполненнаго народомъ, часть котораго стоитъ даже за стѣнами храма. Это тяжело въ нашемъ климатѣ зимою, но великолѣпно лѣтомъ, когда звукъ священныхъ словъ проникаетъ чрезъ открытыя настежъ окна, и пѣніе хора смѣшивается съ вольнымъ пѣніемъ птицъ, которыя тоже хвалятъ въ пѣснѣ своей Бога.

Кому приходилось бывать въ церквахъ обыкновенно малаго размѣра, выстроенныхъ въ такихъ дачныхъ мѣстностяхъ, которыя бываютъ главнымъ образомъ заселены лѣтомъ, а зимой совершенно безлюдны, тотъ видалъ, какъ только какая-нибудь треть молящихся можетъ стоять въ такомъ по большей части деревянномъ храмѣ, а всѣ остальные размѣщаются снаружи этой церкви, выходящей, такъ сказать, изъ своихъ стѣнъ.

Одинъ извѣстный писатель выражаетъ глубокую мысль о томъ, что какъ бы хорошо было, еслибы внутрь храма могли быть вдвинуты грядки съ цвѣтами, и внимали богослуженію. «Что въ томъ, что цвѣты не поймутъ этого богослуженія. И я вотъ не совсѣмъ разбираю словъ «Херувимской», а мнѣ хорошо»...

И вотъ, возникаетъ мысль о томъ, что возможно служеніе литургіи вовсе безъ храма, на чистомъ лонѣ природы, къ которому не притронулась еще человѣческая рука. Представьте себѣ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ храмовъ, но гдѣ живетъ много людей, стремящихся къ храму, выбирается уютная и просторная полянка, и среди нея ставится приспособленіе для престола: не самый престолъ, въ основаніе котораго должны быть положены святыя мощи, а столъ въ формѣ престола для того, чтобы на немъ можно было положить запасный антиминсъ и служить обѣдню. Вокругъ ничего: ни иконостаса, ни отдѣльныхъ иконъ, ни подсвѣчниковъ, ни царскихъ вратъ. Храмъ во время совершенія литургіи будетъ безъ границъ, безъ стѣнъ и безъ крыши, необъятнымъ.

И въ этомъ сліяніи молитвы и природы, въ пѣніи, смѣняющемся трелями соловья или переливнымъ серебромъ жаворонка, шепотомъ деревьевъ и плескомъ рѣчной струи—какая бы была красота!

Жизнь сама собой приводитъ къ тому, что иногда богослуженіе выходитъ изъ храма. Такъ, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ нашего сѣверо-запада бываетъ такой приливъ богомольцевъ въ великіе праздники, что духовенство съ Чашами

выходитъ изъ храма и пріобщаетъ народъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ снаружи.

При открытіи мощей благовѣрной великой княгини преподобной Анны Кашинской, вышедшіе изъ двухъ соборовъ крестные ходы встрѣтились на воздухѣ, гдѣ была совершена литія, послѣ которой протодіакономъ прочитанъ съ соборнаго крыльца указъ Св. Синода о возстановленіи древняго почитанія благовѣрной княгини.

Точно также въ Москвѣ, въ вечеръ торжества прославленія мощей святителя Ермогена, патріарха Московскаго, въ разныхъ мѣстахъ кремля для народа, подъ открытымъ небомъ, на нарочно сооруженныхъ помостахъ и принесенныхъ къ нимъ иконахъ, совершались всенощныя:

«Духъ дышитъ, идѣже хощетъ». И казалось бы особымъ величіемъ и всемогуществомъ Божіимъ, если бы не только въ храмѣ, но и подъ открытымъ небомъ среди привольной природы совершалось чудо пресуществленія.

Человѣка, который много путешествовалъ по Западу и видалъ, какъ тамъ храмы открыты отъ ранняго утра до поздняго вечера, смущаетъ мысль о томъ, почему у насъ храмы открываются исключительно только во время богослуженія. Святыни доступны лишь въ то время, когда люди, занятые размѣреннымъ трудомъ—службою или торговлею—бываютъ поглощены своей дѣятельностью.

Многія лица любятъ посѣщать ежедневно какую-нибудь излюбленную святыню. Такъ, есть многочисленный разрядъ лицъ, которыя стремятся всякій день поклониться Казанской иконѣ Божіей Матери, стоящей въ Петербургѣ въ соборѣ того же имени. Но по утрамъ до поздней обѣдни, икона въ большинствѣ случаевъ отсутствуетъ, такъ какъ ее возятъ по домамъ желающихъ принять ее, а въ шесть часовъ соборъ уже бываетъ закрытъ.

Между тѣмъ несомнѣнно, что, если бы доступъ въ соборъ не былъ ограниченъ столь раннимъ временемъ, многіе люди, освободясь отъ своихъ дневныхъ дѣлъ, приходили бы къ иконѣ на поклоненіе. Если вамъ подъ вечеръ въ иностранномъ городѣ хочется сосредоточиться, вы входите въ любую церковь, видите тамъ свѣтильники, тихо теплящіеся предъ мѣстными святынями. Вы можете уединиться, помолиться, успокоить свою

душу, снять съ себя какое-нибудь искушеніе, вообще сблизиться съ Богомъ.

Можно со смѣлостью утверждать, что многіе вѣрующіе, но слабые характеромъ, поддающіеся соблазнамъ, люди избѣжали бы не одного искушенія, еслибъ могли отъ этого искушенія укрыться въ какомъ-нибудь ближнемъ храмѣ и тамъ помолиться. Большіе города бываютъ жестоки къ своимъ жертвамъ. Много, много въ нихъ совершается въ моментъ отчаянія самоубійствъ. И, можетъ быть, не одна жизнь была бы спасена, еслибъ при проходѣ мимо храма душу потянуло въ послѣдній разъ подъ святые своды. А тамъ знакомая, привычная обстановка вѣры оказала бы свое отрезвляющее и спасающее вліяніе.

И хочется просить, хочется кричать: шире откройте храмы, не держите ихъ на запорѣ постоянно, кромѣ часовъ службы. Сдѣлайте храмъ тѣмъ, чѣмъ является та благодатная врачебница, входъ въ которую не возбраненъ ни днемъ, ни ночью.

На ночь церкви, конечно, можно и должно запирать, но часовъ съ шести утра до девяти вечера имъ слѣдовало бы быть открытыми, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ храмы, несомнѣнно, имѣютъ средства на то, чтобы держать достаточное для ихъ охраны количество сторожей.

Вотъ, одна изъ тайнъ невидимо совершающаяся въ опустѣлой церкви, описанная въ прекрасномъ стихотвореніи стараго поэта Розенгейма: «Пустая церковь».

Вечерня отошла: послѣдній возгласъ клира
Замолкъ подъ сводами; волнуется народъ.
Молитва кончена, и снова голосъ міра
Въ растворенную дверь дѣтей своихъ зоветъ.
Вечерній солнца лучъ, въ окошко проникая,
Скользитъ и движется по стѣнамъ и столбамъ,
И лики темные, какъ будто оживая,
Глядятъ таинственно, являясь тутъ и тамъ,
Порой блеснетъ окладъ, мелькнетъ рѣзная рама,
Иль сцена библіей завѣщанныхъ картинъ;
Кругомъ и полумракъ, и тишь пустого храма...
Вотъ сторожъ задремалъ. Теперь я здѣсь одинъ,
Одинъ... нѣтъ, не одинъ... Мнѣ слышится рыданье:
Здѣсь плачутъ, здѣсь скорбятъ, здѣсь люди быть должны.
Еще здѣсь кто-то ждалъ, тая въ груди страданье
Уединенія, безлюдья, тишины.
Ищу, кто-бъ это былъ. Чье горе, укрываясь,
Пришло наединѣ излиться предъ Творцомъ.

Вотъ группа... женщина, слезами заливаясь,
Съ малютками-дѣтьми склонилась предъ крестомъ.
Невидимъ за столбомъ, я вижу ихъ свободно.
Бѣдняжка думаетъ, что здѣсь она одна,
И предъ Распятіемъ, припавъ къ плитѣ холодной,
Рыдаетъ, жаркою мольбой поглощена,
Какъ будто хочетъ все—весь гнетъ сердечной боли—
Въ ней вылить изъ души растерзанной своей.
Малютки—старшему девятый годъ, не болѣ—
Сробѣли, бѣдные, и плачутъ вмѣстѣ съ ней.
И, группу скорбную какъ будто осѣняя,
Воздвиглося надъ ней Распятье въ высотѣ,
И къ плачущимъ, съ него объятья простирая,
Склонился Праведникъ, распятый на крестѣ.
Забывъ о Собственномъ страданіи суровомъ,
Покрытый язвами и кровію облитъ,
Склонилъ Онъ блѣдный ликъ въ вѣнкѣ Своемъ терновомъ
И, полный благости, съ любовію глядитъ.
Случайно освѣщенъ въ тотъ мигъ лучемъ заката,
Онъ, мнится, говоритъ имъ взглядомъ кроткихъ глазъ:
«Идите всѣ ко Мнѣ, кого гнететъ утрата,
Ко Мнѣ, скорбящіе, Я упокою васъ!»

Людямъ сродно стремиться увѣковѣчить черты дорогихъ имъ людей, держать ихъ предъ собою и, всматриваясь въ нихъ, во время земной разлуки или послѣ ихъ смерти возстановлять въ памяти эти черты и, напрягая воображеніе свое, чувствовать ихъ предъ собою присутствіе, видѣть ихъ живыми, слышать ихъ голосъ. Это здоровое, естественное, понятное стремленіе.

Люди сильной религіозной мечты стремились, понятно, запечатлѣть во внѣшнемъ образѣ дорогую имъ память о Спасителѣ міра, о Пречистой Его Матери и о тѣхъ святыхъ, которыхъ они или знали живыми, или которые много вѣковъ спустя послѣ ихъ смерти стали близки духовному міру этихъ людей.

Происхожденіе иконъ и присущей имъ благодати по преданію таково. Первыя десятилѣтія послѣ Вознесенія Христа на небо были охвачены жаждой видѣть воочію Пресвятую Богородицу, Которая казалась людямъ живымъ доказательствомъ высоты Христова ученія.

Одинъ изъ современниковъ Богоматери пишетъ къ апостолу Іоанну Богослову: «Много женъ у насъ только о томъ и

думаетъ, какъ бы пріѣхать къ вамъ, чтобы видѣть Матерь Іисусову. Достойные довѣрія люди повѣдали намъ, что въ Ней по Ея святынѣ человѣческое естество кажется соединеннымъ съ ангельскимъ. И всѣ такіе слухи возбудили въ насъ безмѣрное желаніе видѣть это небесное чудо».

И, когда эта мечта сбывалась, то, что видѣли тѣ счастливые христіане, превосходило всякое ихъ ожиданіе.

Такъ описываетъ Діонисій Ареопагитъ свое впечатлѣніе отъ лика Богоматери:

«Никто изъ людей не можетъ постигнуть своимъ умомъ то, что я видѣлъ. Исповѣдую предъ Богомъ: когда я Іоанномъ, сіяющимъ среди апостоловъ, какъ солнце на небѣ, былъ приведенъ предъ лицо Пречистой Дѣвы, я пережилъ невыразимыя чувства. Предъ мной заблистало какое-то божественное сіяніе. Оно озарило мой духъ. Я чувствовалъ благоуханіе неописуемыхъ ароматовъ и былъ полонъ такого восторга, что ни тѣло мое немощное, ни духъ не могли перенести этихъ знаменій и начатковъ вѣчной, божественной, небесной славы. Отъ Ея благодати изнемогло мое сердце, изнемогъ мой духъ».

Понятно послѣ этого стремленіе тѣхъ, которые не видали воочію Богоматери, видѣть Ея изображеніе. Идя навстрѣчу этому желанію, апостолъ Лука, который былъ живописецъ, изобразилъ ликъ Богоматери и принесъ къ Ней свое написаніе. Богоматерь произнесла надъ этимъ изображеніемъ Своимъ: «Благодать Моя и Родившагося отъ Меня съ симъ изображеніямъ да будетъ».

Вотъ, происхожденіе иконъ и благодатной ихъ силы.

Евангелистъ Лука, по преданію, нарисовалъ нѣсколько такихъ иконъ. Къ числу ихъ принадлежитъ знаменитая Владимірская икона, которая изъ Византіи перешла къ Владиміру Мономаху, затѣмъ къ Андрею Боголюбскому, имъ перенесена изъ Кіева у Вышгорода во Владиміръ, а для спасенія Москвы отъ Тамерлана перенесена впослѣдствіи въ Москву; Андроникова, находящаяся теперь въ Вышневолоцкомъ женскомъ монастырѣ и нѣкоторыя другія.

Преданіе говоритъ о нѣсколькихъ чудесныхъ изображеніяхъ земного облика Самого Господа Іисуса Христа. Владѣтель города Эдессы Авгарь былъ пораженъ проказою, когда услыхалъ о томъ, что въ Палестинѣ ходитъ необыкновенный человѣкъ, именемъ Іисусъ, и производитъ тамъ поразительныя исцѣленія.

Авгарь послалъ Іисусу Христу письмо, полное необыкновенной сердечности, въ которомъ предлагалъ Ему прибыть къ

себѣ въ Эдессу для исцѣленія, обѣщавъ Ему покойную и безопасную жизнь, такъ какъ, повидимому. слыхалъ, что у Іисуса много враговъ. Былъ посланъ въ числѣ посольства и живописецъ для того, чтобы въ случаѣ, если Іисусу невозможно будетъ пріѣхать къ Авгарю, съ Него было снято изображеніе. Посолъ засталъ Іисуса Христа учащимъ народъ, и живописецъ тщетно стремился отразить на полотнѣ черты Пречистаго лика.

Когда, по окончаніи проповѣди, передали Христу посланіе Авгаря, Онъ отвѣтилъ относительно пріѣзда отказомъ, потомъ потребовалъ платъ, приложилъ къ нему лицо, и на этомъ платѣ отразился ликъ Христа.

Съ этимъ Нерукотвореннымъ образомъ посланный возвратился къ Авгарю, который тутъ же получилъ исцѣленіе. Авгарь сталъ христіаниномъ и окружилъ спасительный для себя Нерукотворенный ликъ Спаса большимъ уваженіемъ. Въ послѣдующее время Нерукотворенный образъ помѣщался надъ городскими воротами, и предъ нимъ теплилась неугасимая лампада.

Когда возникла иконоборческая ересь, истреблявшая и оскорблявшая иконы, и иконоборческое движеніе доходило до Эдессы, то православные жители Эдессы, спасая святыню, рѣшились заложить ликъ Христовъ во впадинѣ воротъ кирпичами, оставя предъ нимъ горящую лампаду.

Прошло много десятилѣтій, пока не было возстановлено иконопочитаніе, и при торжествѣ его былъ размурованъ образъ Спасителя. Онъ оказался невредимымъ, а предъ нимъ, чудомъ Господнимъ и въ знаменіе того, насколько угодно Богу иконопочитаніе, продолжала горѣть зажженная такъ много лѣтъ тому назадъ лампада.

Есть еще разсказъ относительно другого плата съ Нерукотвореннымъ ликомъ Христовымъ. Когда Христа вели отъ дома Пилата на казнь къ Голгоѳѣ, и Онъ, изнемогая, падалъ подъ бременемъ крестнаго древа, одна благочестивая женщина, Вероника, сжалившись надъ Нимъ, вынесла Ему платъ для того, чтобы Онъ могъ стереть потъ и кровь, струившіеся по Его лицу. Христосъ прижалъ платъ къ лицу, и когда Онъ отдалъ его Вероникѣ, на платѣ отразилась глава божественнаго Страдальца съ израненнымъ челомъ, со спутанными волосами и въ терновомъ вѣнцѣ. Этотъ платъ Вероника по преданію носила императору Тиверію, который поклонился ему и призналъ въ Христѣ замученнаго Бога.

Царьградъ, какъ средоточіе Восточно-Римской имперіи, собралъ къ себѣ множество святынь и вещественныхъ воспоминаній о жизни Христа на землѣ и о Богоматери. Среди нихъ

былъ перенесенъ изъ Эдессы въ Царьградъ и Нерукотворенный образъ Спаса. Большая часть этихъ святынь исчезли.

Разграбивъ Константинополь, крестоносцы захватили съ собой на корабль среди другихъ святынь и Нерукотворенный образъ Спаса. Корабль ихъ былъ разбитъ на морѣ и пошелъ ко дну. Говорятъ, что въ Архипелагѣ есть мѣсто, гдѣ постоянно крутится водная воронка. По преданію, ходящему между моряками, эта воронка обозначаетъ то мѣсто, гдѣ пошелъ ко дну корабль крестоносцевъ съ міровыми святынями.

Въ Италіи, въ городѣ Туринѣ, хранится большое полотно съ отраженнымъ на немъ изображеніемъ Христа. Полагаютъ, что это тотъ самый погребальный саванъ, въ который былъ обернутъ Христосъ и на которомъ столь же чудесно, хотя не столь ясно, какъ на Нерукотворенномъ образѣ, отразилось изображеніе тѣла умершаго Богочеловѣка. Эта плащаница осталась въ погребальной пещерѣ при воскресеніи Христа.

Въ нашей православной Россіи жизнь церкви и жизнь народа, жизнь земли были такъ тѣсно связаны между собою, что исторія церкви русской есть исторія самой Россіи. И сколько святынь русскихъ имѣютъ значеніе общегосударственное, потому что съ именемъ ихъ связано воспоминаніе о тѣхъ знаменіяхъ, которыя сотворилъ Господь для спасенія Россіи.

Какъ чудными маяками, которые въ тихую погоду напоминаютъ о безопасности во время бури и на которые въ бурю направляютъ плаваніе свое корабли, какъ такими надежными, испытанными въ прошломъ, маяками обставлена русская страна чудотворными иконами.

Вотъ, въ тепломъ Кіевѣ надъ завѣтными волнами Днѣпровскими дивная икона Успенія Богоматери Кіево-Печерская, которую Сама Владычица передала во Влахернѣ благочестивымъ братіямъ зодчимъ, договаривая ихъ идти въ дальнюю Россію на созданіе Ей чуднаго храма. Вотъ «Нерушимая Стѣна»—это символъ покрова, распростертаго надъ южной Россіей Той Богоматерью, Которую такъ трогательно зоветъ тамошній народъ «Мати русскаго краю». Вотъ, подвигаясь къ сѣверу, въ селѣ Каплуновкѣ, Харьковскаго уѣзда, одна изъ отраслей Казанской иконы—икона Каплуновская, помогшая Петру Великому въ его борьбѣ съ Карломъ двѣнадцатымъ и находившаяся на полѣ знаменитой Полтавской битвы.

Перейдемъ на западъ. Вотъ, икона Одигитріи—Смоленская, отъ которой былъ голосъ къ воину Меркурію во время нашествія татаръ, повелѣвая ему идти безстрашно въ татарскій лагерь и сразиться съ тамошнимъ богатыремъ. Вотъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея Смоленская Надворотная икона, которая была вынесена изъ разореннаго Смоленска въ двѣнадцатомъ году дивизіей генерала Невѣровскаго, которую обносили передъ Бородинскимъ боемъ по рядамъ русскаго войска, предъ которой излито готовившимися къ смерти борцами столько чувствъ, столько думъ о вѣчности въ прощаніи съ землей. Какъ Богоматерь, посѣщавшая Елизавету, день въ день пребыла Смоленская Надворотная икона при арміи три мѣсяца и вернулась въ Смоленскъ: «пребысть Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой».

Вотъ, въ вѣрномъ оплотѣ Россіи отъ западныхъ ея враговъ, сѣдомъ Псковѣ, Псково-Печерская икона, благодатью которой сброшена со Пскова осада великаго полководца того времени, польскаго короля Стефана Баторія...

Вотъ, въ Новгородѣ икона Знаменія, спасшая Новгородъ отъ разоренія ратью Андрея Боголюбскаго и въ Новгородскихъ же предѣлахъ явившаяся въ воздухѣ Тихвинская икона, спасшая Тихвинскій монастырь отъ плѣненія шведскимъ полководцемъ Делагарди.

На крайнемъ сѣверѣ въ Архангельскомъ монастырѣ икона Сосновская, благодатью своею оградившая въ 1854 году Соловки отъ захвата англичанами и во время бомбардировки обители принявшая на себя рану, причемъ навсегда потемнѣлъ ликъ иконы.

Войдемъ во внутрь коренной Россіи... Сколько иконъ, сколько воспоминаній!

На окраинахъ Москвы икона Донская, принесенная съ Дону на Куликово поле, видѣвшая эту побѣду, которая открыла Россіи зарю новой жизни. А неподалеку отъ кремля, въ церкви того же имени, Гребенская икона, принесенная къ той битвѣ гребенскими казаками. Вотъ, въ виду памятниковъ Минина и Пожарскаго и кремлевскихъ стѣнъ бѣлѣетъ Казанскій соборъ, и въ немъ та икона, которая пришла подъ Москву съ освободительною ратью Минина и Пожарскаго и которую несли въ челѣ русскихъ дружинъ, вступавшихъ въ отбитый отъ поляковъ кремль. А въ Успенскомъ соборѣ, этомъ алтарѣ всей русской земли, въ великой славѣ сіяющая Владимірская икона, съ именемъ которой связано избавленіе Москвы отъ разоренія Тамер-

ланомъ, свержение татарскаго ига, и сколько еще другихъ спасительныхъ событій.

Въ новой русской столицѣ, на берегахъ Невы, въ великолѣпномъ соборѣ ликъ чудотворной Казанской иконы благостно склоняетъ свои очи на приходящій къ Ней неизсякающій народъ. И тутъ же, подъ высокими сводами, спитъ въ своей могилѣ великій полководецъ Кутузовъ. Здѣсь онъ, принимая командованіе надъ русской арміей для борьбы съ Наполеономъ, со слезами молился предъ этой иконой, которая на него была возложена и осѣнила его своею благодатью для послѣдняго его побѣдоноснаго и чудеснаго безсмертнаго подвига.

А сколькими нитями связаны отдѣльныя людскія существованія съ разными завѣтными для отдѣльныхъ родовъ и семей иконами.

У одной бѣдной старушки, тихо доживавшей свой вѣкъ смотрительницей богадѣльни въ Москвѣ, я увидѣлъ въ небольшой комнатѣ громадныхъ размѣровъ икону Спаса Нерукотвореннаго:

— Мой мужъ, умирая,—разсказывала она,—не оставилъ мнѣ ничего, указалъ онъ только на эту вотъ икону и говоритъ: «вотъ тебѣ мое наслѣдство, съ нимъ ты проживешь»...

— Эта икона меня поддерживала. Приходилось тяжело, но я никогда окончательно не падала духомъ, выростила дѣтей, которыя всѣ разошлись по разнымъ дорогамъ и живутъ честною жизнью. Теперь вотъ подъ этимъ ликомъ жду своего конца. Вѣра моего мужа оправдалась.

Есть семьи, гдѣ вамъ покажутъ старинныя иконки, которыя находились на дѣдахъ и прадѣдахъ въ бою, принимая на себя вражескія пули, сплющивались, но спасали огражденныхъ ими людей.

Мнѣ пришлось въ окрестностяхъ одного стариннаго города посѣтить родственную семью, живущую въ старой усадьбѣ, жалованной роду первыми Романовыми. Дѣло было осеннимъ вечеромъ. Держа старинную канделябру въ рукахъ, хозяинъ съ женой водили меня по старому дому, строенному предъ отечественной войной, показывая старыя семейныя вещи и семейные портреты. Подойдя къ дверямъ одной комнаты, они заговорили шепотомъ.

— Въ этой комнатѣ,—сказала хозяйка,—его отецъ родился,—и кивнула головой на мужа. Этотъ отецъ былъ извѣстный русскій поэтъ, оставившій замѣтный слѣдъ въ русской литературѣ. Мы вошли. Въ просторной полупустой комнатѣ стояла колыбель, и въ ней подъ кисейнымъ пологомъ сладко чмо-

калъ во снѣ, раскинувшись на подушкѣ, младенецъ. Комната была озарена мягкимъ свѣтомъ лампады. Синій огонекъ озарялъ ликъ иконы въ золоченомъ окладѣ.

— Казанская, — тихо прошептала хозяйка, — отца моего тестя благословляли ею на свадьбу.

Казалось, глаза Пречистаго Лика достигали колыбели и охраняли спящаго тамъ младенца. Тутъ была преемственность поколѣній, цѣпь существованій, охраняемая завѣтной родовой святыней.

Дѣти съ непосредственностью своихъ свѣжихъ здоровыхъ чувствъ очень любятъ иконы шейныя и стѣнныя. Умилительно видѣть, какъ маленькій мальчикъ или дѣвочка, собираясь въ путешествіе, хлопотливо снимаютъ со стѣнки образокъ и бережно его завертываютъ, не желая разставаться съ нимъ. Есть образа, прославившіеся потомъ, въ которыхъ заключенъ порывъ чистой дѣтской вѣры.

Въ Москвѣ на Остоженкѣ, въ Дурновскомъ переулкѣ, есть Барыковская богадѣльня, и въ домовой церкви при ней замѣчательная икона. Генералъ Дурново, бывшій владѣлецъ этого дома, привезъ изъ Турецкой кампаніи съ собой плѣннаго турченка, къ которому привязался, какъ къ сыну. Мальчикъ былъ тихій, сдержанный, умный, съ глубокими чувствами и сильно заинтересовался христіанской вѣрой. Его приготовили къ принятію христіанства, и онъ былъ крещенъ. Вскорѣ послѣ того онъ сталъ еще болѣе молчаливымъ и сосредоточеннымъ, постоянно молился и никого не пускалъ въ большую, отведенную ему комнату.

Въ то же время онъ сильно ослабѣлъ тѣломъ, но былъ чрезвычайно ясенъ и радостенъ духомъ. Онъ какъ-то выразилъ желаніе говѣть, пріобщился и въ ночь послѣ этого дня былъ найденъ бездыханнымъ на своей кровати. А на стѣнѣ этой комнаты, куда давно уже никто не заходилъ, оказался нарисованнымъ ликъ Нерукотвореннаго Спаса громадныхъ размѣровъ, голова приблизительно въ человѣческій ростъ.

Впослѣдствіи изъ роскошнаго дома генерала Дурново была устроена богадѣльня, а образъ Спаса такъ и остался на стѣнѣ въ той комнатѣ, которая потомъ отошла подъ церковь. Длинная гирлянда лампадъ горитъ предъ громаднымъ чернымъ ликомъ, живопись котораго можно еле разобрать послѣ бывшаго

тутъ пожара. И все въ этой тихой церкви полно воспоминаній о таинственномъ мальчикѣ, излившемъ свою новую и пламенную вѣру въ созданіи этого лика и отлетѣвшаго къ Отцу свѣта.

Вокругъ этой мѣстности расположено много учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. И ежедневно гурьбы дѣтей, отправляясь учиться, заходятъ къ чудотворному образу, нарисованному, около вѣка назадъ, непорочнымъ чужеземнымъ ребенкомъ.

Для вѣрующаго несомнѣнно, что иконы являются часто тѣми орудіями, которыми Божество и небожители какъ бы бесѣдуютъ съ людьми. Лица, склонныя къ духовной жизни, несомнѣнно наблюдали не разъ, что какими-то непостижимыми путями люди иногда получаютъ неожиданно тѣ иконы, которыхъ жаждутъ или которыя, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, имъ слѣдуетъ имѣть.

Нѣкоторые почитатели великаго старца Серафима Саровскаго, съ нетерпѣніемъ ожидавшіе его церковнаго прославленія, передаютъ, что не разъ имъ совершенно неожиданно доставались старинныя изображенія старца, именно такія, о которыхъ они мечтали.

Въ одной православной семьѣ молодой человѣкъ, читавшій превосходную книгу графа М. В. Толстого «Разсказы изъ исторіи русской церкви», находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ повѣсти о явленіи Ѳеодоровской иконы и особенно желалъ имѣть ее, такъ какъ родные его были костромскіе помѣщики. У этого молодого человѣка съ ранняго дѣтства была небольшая икона въ золоченомъ окладѣ, съ которою онъ никогда не разставался и которую онъ считалъ за Владимірскую.

Въ тѣ самые дни, когда болѣе года длившееся желаніе имѣть у себя Ѳеодоровскую икону не давало ему уже покоя, эта его любимая икона упала, причемъ отъ нея отдѣлился окладъ, и на доскѣ онъ прочелъ ясно: «икона Божіей Матери Ѳеодоровская».

Такъ какъ эта семья хоронилась въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ, то сестра этого молодого человѣка захотѣла имѣть Донскую икону. И что же, какъ то осенью по возвращеніи изъ лѣтняго отсутствія, чистя иконы, она замѣтила на иконѣ, висѣвшей въ ея комнатѣ, которую она считала за Смоленскую, не замѣченную ею доселѣ надпись на краю: «икона Донская».

Мнѣ извѣстенъ еще такой случай. Одинъ человѣкъ обогналъ на Петербургской улицѣ сборщицу-монахиню, не подавъ ей. А потомъ, точно остановленный какой-то силой, подождалъ ее и спросилъ, на какую обитель она собираетъ.

— Божіей Матери «Отрада и Утѣшеніе»,—отвѣтила она.

Онъ подалъ и подумалъ про себя: «какое значительное и прекрасное названіе икона Богоматери «Отрада и Утѣшеніе». Въ тотъ же день получилъ онъ письмо отъ одной старинной знакомой, которая писала ему: «Знаете ли вы, что въ день вашего ангела празднуется иконѣ Богоматери «Отрада и Утѣшеніе». Если у васъ ея нѣтъ, я вамъ ее пришлю».

Отраденъ видъ тѣхъ жилищъ, гдѣ живутъ по старозавѣтному, гдѣ «въ красныхъ углахъ» стоятъ иконы большого размѣра съ теплящимися предъ ними лампадами. И какъ жалки тѣ, еще вѣрующія, но не смѣющія исповѣдывать открыто свою вѣру, семьи, гдѣ въ парадныхъ комнатахъ иконы прячутъ или вѣшаютъ такія маленькія иконы, что онѣ сливаются съ рисунками обоевъ.

Если бы мы вѣрили горячѣй и чище, и, пока мы въ силѣ, собирая себѣ видимые предметы вѣры, мы сосредоточили бы свою любовь на тѣхъ иконахъ, которыя намъ были дороги по какимъ-нибудь воспоминаніямъ, по обстоятельству тѣхъ явленій, наконецъ, по самымъ именамъ своимъ: мы тогда получили бы много духовнаго счастья, потому что Богоматерь не оставляетъ безъ отклика тѣхъ, кто къ Ней стремится.

Одни имена иконъ Богоматери, если въ нихъ вдуматься, даютъ душѣ такое утѣшеніе!

Самый видъ этихъ иконъ какъ возвышаетъ душу!

Вотъ, Богоматерь нѣжно прижимаетъ обѣими руками къ щекѣ головку Младенца («Касперовская»). Вотъ, держа правой рукой Младенца, лѣвую съ выраженіемъ страданія прижимаетъ къ головѣ («Утоли моя печали»). Вотъ, крѣпко обѣими руками держитъ Младенца Христа, словно боясь, что у Нея Его отнимутъ, какъ готова держать и охранять всякую довѣрившуюся Ей душу («Взысканіе погибшихъ»). Вотъ, показываетъ Христу, спящему въ рубашечкѣ у Ней на колѣняхъ, небольшой крестъ, за который Младенецъ ухватился своей ручкой, а около стоитъ та таинственная чаша, которую Ему предстоитъ испить («Козельщанская»). Вотъ, держитъ въ лѣвой рукѣ вѣтку расцвѣтшихъ цвѣтовъ («Неувядаемый цвѣтъ»). Вотъ, одной рукой обнимаетъ Младенца, въ другой лѣстница въ знаменіе того, что она является связью между землей и небомъ («Путивльская»). Вотъ, поникнувъ головой, поддерживаетъ руками семь стрѣлъ, пронзившихъ Ея сердце («Семистрѣльная»). Вотъ, стоитъ среди огненной звѣзды («Купина неопалимая»)—прообразъ Ея неизмѣнной непорочности—до Рождества Дѣва, въ Рождествѣ Дѣва, по Рождествѣ Дѣва. Вотъ, одѣтая въ царскія одежды, въ

неизъяснимомъ величіи царицы, въ неизъяснимой красотѣ и скромности бѣлой лиліи, сложивъ руки на груди, съ поникшей головой внимаетъ какимъ-то тайнамъ, совершающимся въ Ея сердцѣ («Остробрамская»).

Замѣчаютъ, что женщина, окруженная прекрасными изображеніями во время плодоношенія, родитъ прекраснаго ребенка. Такъ, на жизни, которую она носитъ въ себѣ, отражаются тѣ образы, которыми она окружена.

Какъ прекрасна была бы наша душа, если бы, окруженные со всѣхъ сторонъ иконами Богоматери и тѣми картинами, на которыхъ лучшіе художники отразили свою святую мечту о Ней, мы бы заставили нашу душу все сильнѣй и полнѣй отражать въ себѣ безконечныя совершенства Дѣвы Маріи.

Общая разрушаемость всего земного имѣетъ въ себѣ что-то глубоко печалящее человѣка. Эта разрушаемость есть отраженіе того проклятія, которое пало на человѣка послѣ его грѣхопаденія. Въ раю все было вѣчно нетлѣннымъ, вѣчно свѣжимъ, возобновляющимся въ силѣ своей, въ своемъ непрерывномъ развитіи; это было ликующее торжество бытія.

Ужасъ охватываетъ душу, когда думаешь о томъ, какъ время сметаетъ съ лица земли безъ остатка цѣлые народы и страны, какъ безмолвная пустыня разстилается тамъ, гдѣ были нѣкогда города значительнѣйшіе во вселенной, блестѣвшіе богатствомъ, кипѣвшіе жизнью и громадною дѣятельностью.

Къ такимъ сказочнымъ городамъ древняго міра принадлежалъ Мемфисъ, лежащій въ Египтѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ теперешняго бойкаго и торговаго города Каира

Пишущему эти строки пришлось посѣтить ту пустыню, которая разстилается теперь на мѣстѣ Мемфиса. Глубокіе сыпучіе пески, перемежающіеся бѣдными деревнями феллаховъ и пальмовыми рощами. Жгучее солнце. Въ одной изъ рощицъ лежащая навзничь на подпоркахъ чудовищная по величинѣ каменная фигура одного изъ фараоновъ, своими каменными глазами всматривающаяся въ небо. Погребенные подъ пескомъ остатки зданій... Вдали загадочныя пирамиды и отрытыя подъ пескомъ загадочныя могилы обожествленныхъ быковъ-аписовъ, загадочные храмы со странными фресками по стѣнамъ и съ каменными фигурами фараоновъ, кое-гдѣ наметенный вѣтромъ правильный узоръ на песчаной поверхности пустыни...

Васъ охватываетъ ужасъ и жуть отъ этого мертвящаго безлюдья и мертвенности тамъ, гдѣ люди бились и страдали,

любили, надѣялись и были счастливы, мыслили и чувствовали. Все это время сокрушило, не пощадило ни желѣза, ни камня, сгладило всякій слѣдъ жилья, обратило въ безличное, страшное ничто...

Когда вамъ случается видѣть что-нибудь оставшееся отъ дорогого умершаго человѣка, какую-нибудь бумажку, на которой дорогая рука начертила нѣсколько строкъ, не становится ли вамъ страннымъ это сопоставленіе, что вотъ—эта ничтожная бумажка существуетъ, а человѣкъ, изобразившій на ней свои мысли, ушелъ безвозвратно. И какъ бы вамъ хотѣлось закрѣпить эти убѣгающія существованія, которыя ничѣмъ удержать нельзя; какъ бы вамъ хотѣлось удержать, если не самую жизнь въ этихъ людяхъ, что невозможно, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать неизмѣняемыми и нетлѣнными ихъ оболочки.

И это чудо въ мірѣ совершается: люди, которые достигли безгрѣшнаго состоянія перваго человѣка, люди праведные избѣгаютъ общаго закона тлѣнія, и тѣла ихъ сохраняются неповрежденными.

Надо самому присутствовать при торжествѣ открытія мощей, чтобы пережить то необыкновенное, возвышенное чувство, которое охватываетъ душу, когда раку съ нетлѣнными мощами извлекаютъ изъ земли, и праведникъ словно выходитъ, какъ новый Лазарь, изъ своей могилы къ ожидающему его народу.

Мало того, что здѣсь произошла побѣда нескончаемой во Христѣ жизни надъ закономъ общаго разрушенія. Божья благодать даетъ еще мощамъ цѣльбоносную силу. Совершающіяся у нихъ исцѣленія и бываютъ обыкновенно поводомъ къ освидѣтельствованію мощей и къ признанію чудотворящихъ праведниковъ святыми, Церковью прославляемыми.

У насъ недостаточно распространены точныя и правильныя свѣдѣнія относительно святыхъ мощей. Признаками мощей является ихъ цѣльбоносность, а не та или другая степень ихъ сохранности. Извѣстны случаи полнаго сохраненія тѣлъ лицъ, далекихъ отъ какой бы то ни было святости и даже извѣстныхъ своею широкою и разсѣянною жизнью. И, наоборотъ, величайшіе міровые праведники не имѣли мощей такъ называемыхъ «цѣлокупныхъ», то есть тѣлъ, сохранившихся въ полномъ своемъ составѣ. Къ числу такихъ праведниковъ принадлежитъ великій святитель Николай Чудотворецъ, кости котораго источаютъ цѣлебное миро.

Есть мощи, отличающіяся особо ярко выраженнымъ нетлѣ-

ніемъ. Разсказываютъ, что къ такимъ мощамъ принадлежатъ почивающія на островѣ Корфу, близъ береговъ Греціи, мощи великаго милостивца, участника перваго вселенскаго собора святителя Спиридона Тримифунтскаго, сохраняющіяся въ такомъ видѣ полторы тысячи лѣтъ. Ежегодно онѣ при большомъ стеченіи народа, въ день памяти святителя, носятся въ торжественномъ шествіи по городу.

Доводилось слышать разсказы, что иностранцы, особенно англичане, проживающіе на этомъ островѣ для пользованія его хорошимъ климатомъ, оказываютъ крайнюю, не всегда почтительную любознательность къ мощамъ святителя, и что даже отъ этого на нетлѣнномъ ликѣ является выраженіе какой-то скорби.

Изъ мощей, въ Россіи почивающихъ, особенно жизненны во Владимірѣ мощи юнаго князя Глѣба, сына святого благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго. Онъ умеръ за нѣсколько дней до мученической кончины своего отца, и мощи его пролежали въ землѣ до обрѣтенія много вѣковъ. Все тѣло князя сохранилось, какъ у живого, рука свободно гнется.

Передаютъ о такой же жизненности мощей святителя Ѳеодосія Углицкаго. Присутствовавшій при переоблаченіи его, покойный праведный епископъ Черниговскій Антоній, передавалъ мнѣ, что, когда при переоблаченіи нажали на грудь—это нажатіе, какъ у живого человѣка, отдалось въ ногахъ.

Наиболѣе чтимыми мощами въ Россіи являются мощи великихъ русскихъ иноковъ Антонія и Ѳеодосія Кіево-Печерскихъ съ великой ратью ихъ сподвижниковъ и послѣдователей въ Ближнихъ и Дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры, преподобнаго Сергія Радонежскаго въ созданной имъ Троице-Сергіевской Лаврѣ подъ Москвой, святителей Московскихъ въ Успенскомъ соборѣ, святителей и князей Новгородскихъ въ древней Новгородской Софіи, князя Гавріила-Всеволода въ Псковскомъ Троицкомъ соборѣ, преподобнаго Тихона Калужскаго въ Тихоновой Калужской пустыни, также и мощи новыхъ чудотворцевъ русской земли, открытыя въ теченіе послѣдняго вѣка — Димитрія Ростовскаго, Митрофана Воронежскаго, Тихона Задонскаго, Ѳеодосія Черниговскаго, Серафима Саровскаго, Іоасафа Бѣлгородскаго.

Міръ вѣрующихъ жадно ищетъ доказательствъ своей вѣры въ безсмертіе и съ особымъ умиленіемъ и усердіемъ подходитъ къ ракамъ людей, восторжествовавшихъ надъ смертью и лежащихъ въ этихъ ракахъ, какъ къ громкимъ проповѣдникамъ безсмертія и вѣчности.

Сколько думъ, сколько чувствъ навѣваютъ на васъ узкія, низкія, глубоко ушедшія въ землю, пещеры Кіево-Печерской Лавры съ небольшими углубленіями, въ которыхъ помѣщены въ простыхъ ракахъ нетлѣнныя мощи здѣсь въ тяжеломъ подвигѣ трудившихся и здѣсь упокоившихся праведниковъ.

Тамъ, наружѣ, солнце сіяетъ, заливая яркимъ свѣтомъ дивную картину Днѣпра и Кіевскихъ высотъ, на которую досыта не насмотришься, вдосталь не налюбуешься. А тутъ, въ нѣдрахъ земли, въ этихъ темныхъ глубокихъ пещерахъ чувствуется своя красота и цвѣтетъ своя счастливѣйшая весна. Здѣсь духъ человѣка, положившій во Христѣ все свое стремленіе, сострадалъ Христу, опредѣляя себя на вольныя муки. Здѣсь люди, не слышавшіе живого слова человѣческаго, не видѣвшіе неба, усиліемъ вѣры чувствовали себя въ иномъ прекраснѣйшемъ небѣ, и, живя, съ человѣческой точки зрѣнія, въ постоянной пыткѣ, услаждались видѣніями нескончаемаго блаженства, предвкушая неописуемую райскую сладость.

«Войди во внутреннюю клѣть свою, дай свободу своему духу, смири свою плоть, присядь у ногъ Христовыхъ, и дай животворнымъ рѣчамъ Его литься въ свою душу»—вотъ, что шепчутъ вѣрующему человѣку Кіевскія пещеры.

Есть святые, которые по величайшему смиренію своему не хотѣли, чтобы мощи ихъ были извлекаемы изъ нѣдръ земли и покоились наружѣ. Вслѣдствіе общаго убѣжденія въ ихъ святости были дѣлаемы попытки копать землю у ихъ могилъ, но всякій разъ изъ земли выходило пламя, отгонявшее копавшихъ.

Такъ было на мѣстѣ погребенія преподобнаго Антонія Кіево-Печерскаго, такъ же было и у могилы преподобнаго Варлаама Хутынскаго. Ее хотѣлъ разрыть Іоаннъ Третій, но изъ могилы появилось грозное пламя, которое устремилось прямо на великаго князя. Онъ въ ужасѣ убѣжалъ, бросивъ свой жезлъ, который обгорѣлъ и, донынѣ хранимый въ ризницѣ Варлаамо-Хутынскаго Новгородскаго монастыря, свидѣтельствуетъ о происшедшемъ здѣсь знаменіи.

Существуетъ рядъ подвижниковъ, мѣсто послѣдняго покоя которыхъ даже вовсе не извѣстно. Это было со многими великими Египетскими отцами-аскетами и съ величайшимъ изъ апостоловъ, Іоанномъ Богословомъ, тайновидцемъ.

Нужны ли Богу дары человѣческіе, Богу Вседовлѣющему и Вседовольному? Они нужны душѣ человѣческой, которая въ этихъ дарахъ выливаетъ волнующія ее чувства: благоговѣніе, благодарность, восторгъ.

Однимъ изъ яркихъ выраженій такихъ чувствъ являются огни, которые теплятъ во имя Божіе предъ иконами люди. Что можетъ быть отраднѣе церкви ярко освѣщенной, съ пуками свѣчъ, сіяющихъ у иконостаса предъ чтимыми святынями?

Когда вы подходите къ какой-нибудь общенародно чтимой иконѣ, какъ къ Иверской въ Москвѣ, Казанской, или Нерукотвореннаго Спаса въ домикѣ Петра Великаго въ Петербургѣ и, подходя къ иконамъ, смотрите на эти милые и мирные огоньки лампадъ и свѣчъ, прислушиваетесь къ тихому потрескиванью тающаго воска, вамъ начинаетъ думаться: вотъ, символъ живыхъ слезъ, что кипятъ здѣсь предъ этими святынями въ душахъ людей, вотъ, чистыя жертвы Богу, принесенныя въ благодарность, въ моленіе, какъ крикъ о помощи, какъ стонъ страдающей груди:

Дорогъ мнѣ передъ иконой,
Въ свѣтлой ризѣ золотой,
Этотъ ярый воскъ, возженный
Чьей, невѣдомо, рукой.
Знаю я: свѣча пылаетъ,
Клиръ торжественно поетъ
Чье-то горе утихаетъ,
Кто-то слезы тихо льетъ.
Свѣтлый ангелъ упованья
Пролетаетъ надъ толпой,
Этихъ свѣчъ знаменованье
Чую трепетной душой.
Это мѣдный грошъ вдовицы,
Это лепта бѣдняка,
Это, можетъ быть, убійцы
Покаянная тоска.
Это свѣтлое мгновенье
Въ дикомъ мракѣ и глуши,
Память слезъ и умиленья
Въ вѣчность глянувшей души.

Описывая древній русскій монастырь и тотъ народъ, который подъ сводами его искалъ утѣшенія отъ великаго русскаго бѣдствія, татарскаго ига, поэтъ говоритъ:

И въ темныхъ маленькихъ церквахъ
Душистый воскъ горитъ, какъ жаръ,
Предъ образами въ жемчугахъ—
Сердецъ скорбящихъ чистый даръ.

Человѣкъ, который ставитъ свѣчу, какъ будто говоритъ Богу: пусть горитъ она предъ Тобою тѣмъ огнемъ, котораго во мнѣ такъ мало. Пусть замѣнитъ она, сіяя предъ Тобою своимъ чистымъ огнемъ, ту чистоту, которой во мнѣ нѣтъ.

Самый матеріалъ, который горитъ въ свѣчахъ и лампадахъ, имѣетъ особое высокое значеніе. Свѣтъ въ лампадахъ есть знакъ милосердія Божія, такъ какъ въ древности елей возливался на раны для промыванія ихъ. А что можетъ быть чище того воска, который отлагаетъ пчела, собравъ въ хоботъ свой чистѣйшій сокъ листьевъ и цвѣтовъ: въ свѣчахъ и лампадахъ приносится чистѣйшая жертва Источнику чистоты.

Есть какое-то особое мистическое значеніе въ горящей за душу человѣка свѣчѣ, въ неугасимо теплимой лампадѣ.

Замѣчаютъ, что человѣкъ, который рѣшилъ всю жизнь теплить въ жертву Богу одну или нѣсколько неугасимыхъ лампадъ, никогда не останется безъ куска хлѣба, потому что Богъ не допуститъ, чтобы человѣкъ, приносящій ему непереставаемый даръ, былъ бы лишенъ возможности этотъ даръ продолжать.

Какъ высокъ порывъ тѣхъ людей, которые по смерти своей завѣщаютъ установить гдѣ-нибудь неугасимую лампаду! Чрезъ много лѣтъ по ихъ смерти, какъ даръ ихъ души, давно отлетѣвшей отъ земли, предъ излюбленными святынями будетъ безстрастнымъ огнемъ своимъ теплиться, какъ тихое сіяніе давно переставшаго биться сердца, зажженная усердіемъ ихъ лампада.

Случалось ли вамъ въ большихъ или малыхъ городахъ, позднимъ вечеромъ или ночью, видѣть сквозь стекла оконъ тихіе огоньки лампадъ, зажженныхъ передъ иконами? Утомленные дневнымъ трудомъ люди покоятся, поручивъ этимъ огнямъ горѣть за нихъ предъ Богомъ, какъ память о Немъ благодарность, молитва.

Гори лампада!.. озаряй
Святыхъ иконъ кіотъ отрадный
И слабый свѣтъ свой проливай
Въ пріютъ печали безпощадной!..
Пусть отблескъ ризъ сихъ золотыхъ

Твое сіянье оттѣняетъ,
Пусть разноцвѣтность камней ихъ
Тебя въ отливъ свой одѣваетъ!.
Гори лампада!.. Озаряй
Моихъ иконъ кіотъ священный
И тихимъ блескомъ освѣщай
Пріютъ, святыней осѣненный...

Особенно трогаютъ огни лампадъ въ убогихъ лачугахъ, гдѣ для пріобрѣтенія мѣсячнаго количества масла людямъ приходится урѣзывать и безъ того скудное свое пропитаніе.

Бываетъ, что богатыя женщины не удовлетворяются тѣмъ, чтобы теплить лампады и свѣчи предъ иконами на свои незаработанныя деньги и исполняютъ какія-нибудь женскія работы, посылаютъ продавать ихъ, и эти-то трудовыя деньги и употребляютъ на масло и свѣчи.

Иногда предъ чтимыми святынями вы увидите поставленное на время паникадило съ громадной свѣчей. Это кто-нибудь для испрошенія милости или въ благодарность затеплилъ большую свѣчу, которая должна горѣть, пока вся не выгоритъ.

Иные, умирая, поручаютъ роднымъ своимъ поставить за нихъ послѣ похоронъ своихъ свѣчи предъ тѣми святынями, къ которымъ они ходили при жизни молиться.

Задумывались ли вы когда-нибудь во время обѣдни, смотря на такъ называемый канунный столикъ, на которомъ теплятъ свѣчи за упокой отшедшихъ людей? Тихо тающій воскъ, чуть дрожащіе огоньки какъ-то особенно тепло и трогательно говорятъ о людяхъ, отлетѣвшихъ съ земли, которыхъ не забыли, о которыхъ молятся, за которыхъ предстательствуютъ оставшіеся безъ нихъ и любившіе ихъ люди.

Вотъ, замѣчательная черта изъ жизни великаго старца Серафима Саровскаго. Онъ всегда усердно молился за всѣхъ христіанъ усопшихъ и живыхъ, усиливъ эти молитвы въ послѣдніе годы своей жизни. Въ келіи отца Серафима горѣло много лампадъ и особенно много пуковъ восковыхъ свѣчей большого и малаго размѣра. Онѣ были поставлены на круглый подносъ, и отъ постояннаго ихъ горѣнія въ тѣсной келіи была постоянная жара. Отецъ Серафимъ самъ объяснилъ значеніе этихъ свѣчей почитателю своему Мотовилову:

«Я имѣю, какъ вамъ извѣстно, много особъ, приходящихъ ко мнѣ и благотворящихъ моимъ сиротамъ Дивѣевскимъ. Эти особы приносятъ мнѣ елей и сами просятъ помолиться за нихъ. Вотъ, когда я читаю «правило» свое, то и поминаю сначала

ихъ единожды. А такъ какъ, по множеству именъ, я не могу повторять ихъ на каждомъ мѣстѣ «правила», гдѣ слѣдуетъ,—тогда и времени мнѣ не осталось бы на совершеніе моего «правила»,—то я и ставлю эти свѣчи за нихъ въ жертву Богу, за каждаго по одной свѣчѣ, за иныхъ—за нѣсколько человѣкъ одну большую свѣчу, за иныхъ же постоянно теплю лампады. И, гдѣ слѣдуетъ на «правилѣ» поминать ихъ, говорю: «Господи, помяни всѣхъ тѣхъ людей, рабовъ Твоихъ, за ихъ же души возжегъ Тебѣ азъ убогій сіи свѣщи и кандила». А что это не моя, убогаго Серафима, человѣческая выдумка, или, такъ, простое мое усердіе, ни на чемъ не основанное: то я приведу вамъ въ подкрѣпленіе слова божественнаго Писанія. Въ библіи говорится, что Моисей слышалъ гласъ Господа, глаголавшаго къ нему: «Моисее, рцы брату твоему Аарону, да возжигаетъ передъ Мною кандила во дни и нощи, сія бо угодна есть предо Мною и жертва пріятна Ми есть».—Такъ вотъ, почему святая Церковь пріяла въ обычай возжигать въ святыхъ храмахъ и въ домахъ вѣрныхъ христіанъ кандила или лампады предъ иконами».

Разсказывали, что чудотворнымъ образомъ отецъ Серафимъ чрезъ эти свѣчи зналъ о душевныхъ опасностяхъ, грозившихъ этимъ людямъ, такъ какъ тогда та свѣча, которую онъ за эту душу поставилъ, падала...

Въ послѣдній день своей жизни — перваго января 1833 года—отецъ Серафимъ, отслушавъ литургію въ дорогомъ ему храмѣ Соловецкихъ чудотворцевъ, обошелъ всѣ иконы, прикладываясь ко всякой и ставя свѣчи.

Люди, воспріимчивые къ церковнымъ впечатлѣніямъ, сами знаютъ, какую отраду производитъ на душу видъ множества зажженныхъ въ церкви лампадъ и теплящихся передъ иконами свѣчей.

Въ великолѣпной Аѳонской часовнѣ во имя великомученика Пантелеймона въ Москвѣ на Никольской, у Лубянскихъ воротъ, производятъ сильное впечатлѣніе большія паникадила, въ которыхъ горятъ лампады.

Надо стараться пріобрѣтать добрыя привычки, и одна изъ такихъ необходимыхъ для православнаго человѣка привычекъ—это теплить передъ одной изъ дорогихъ сердцу иконъ неугасимую лампаду.

Храмъ и все, что относится къ храму, настолько высоко и свято, что нельзя относиться къ этому съ достаточнымъ благоговѣніемъ. Между тѣмъ, мы, по легкомыслію и недомыслію людскому, видимъ постоянное небреженіе по отношенію къ храму.

Тамъ, гдѣ присутствуетъ невидимо Богъ, гдѣ въ страхѣ передъ ежедневно возобновляющимся чудомъ Евхаристіи ангелы склоняютъ свои лики,—люди смѣются, болтаютъ и злословятъ! Возможно ли предположить, чтобы въ ближайшемъ присутствіи земного царя кто-нибудь могъ стоять небрежно или болтать со своимъ сосѣдомъ? Какъ же допускать такое вопіющее небреженіе въ церкви—этомъ дворцѣ и престолѣ живого Бога!

Совершенно неправиленъ привившійся во многихъ церквахъ обычай давать доступъ въ алтарь почетнымъ прихожанамъ, которые часто, собравшись компаніей изъ нѣсколькихъ человѣкъ, развлекаются во время богослуженія праздными бесѣдами. Въ алтарь не долженъ имѣть доступъ никто, кромѣ священнослужителей и помогающихъ при служеніи, какъ-то: свѣщеносцевъ и лицъ, разжигающихъ и подающихъ кадила. Между тѣмъ во многихъ петербургскихъ соборахъ образуются цѣлые кружки въ нѣсколько десятковъ лицъ, присвоившихъ себѣ право стоять въ алтарѣ.

На одной изъ архіерейскихъ хиротоній довелось мнѣ видѣть, какъ стоявшаго на колѣняхъ у престола съ возложеннымъ на главу его развернутымъ евангеліемъ, въ сонмѣ архіереевъ, возлагавшихъ на него руку, во время произнесенія словъ хиротоніи—новопосвящаемаго окружила густымъ кольцомъ цѣлая толпа любопытствующихъ мірянъ.

Образовался у насъ даже терминъ совершенно безсмысленный и совершенно противоцерковный: «почетные богомольцы». Почетныхъ богомольцевъ нѣтъ и не можетъ быть, какъ не можетъ быть «почетныхъ христіанъ». Всѣ мы одинаково ничтожны передъ величіемъ Божіимъ, всѣ мы одинаково мелкія пылинки, и всякое отличіе, даваемое людямъ въ храмѣ, идетъ противъ Бога. Если въ храмѣ Христовомъ нѣтъ равенства, то гдѣ же оно будетъ?

Поэтому верхъ безчинства позволяютъ себѣ такіе сварливые люди съ болѣе или менѣе виднымъ положеніемъ, которые не представляютъ себѣ молитвы иначе, какъ на особенномъ, почетномъ мѣстѣ. И, если кто-нибудь случайно это мѣсто займетъ, грубыми выходками или расталкиваніемъ очищаютъ они себѣ это мѣсто.

Локтями въ Царствіе Божіе не проберешься.

Не правиленъ также обычай ублажать «почетныхъ прихожанъ» такимъ вниманіемъ, какъ выносъ имъ во время причащенія духовенства, чрезъ причетника, на подносѣ просфоры съ теплотой. Въ старое время въ Малороссіи былъ еще болѣе неправильный обычай подносить такимъ прихожанамъ, во время малаго входа, евангеліе для цѣлованія.

Великій святитель Іоасафъ Бѣлгородскій, происходившій самъ изъ высшаго малорусскаго сословія, рѣшительно возсталъ противъ такого человѣкоугодничества въ церквахъ и грозилъ такимъ священникамъ-человѣкоугодникамъ гнѣвомъ Божіимъ.

Въ древней Руси немыслимо было, чтобы православный человѣкъ прошелъ мимо церкви, не снявъ передъ нею шапки и не осѣнивъ себя крестомъ. Теперь сплошь и рядомъ вы увидите нарушеніе этого обычая даже вѣрующими людьми. Безобразно и непростительно. Человѣкъ, который не осмѣлится пройти не только мимо высшаго человѣка, въ которомъ онъ нуждается, но и передъ равнымъ собою, не привѣтствуя его поклономъ, проходитъ передъ мѣстомъ особаго присутствія Божія, ничѣмъ не выразивъ своего уваженія этому мѣсту. Снимать шапку передъ храмами и креститься на нихъ нужно внушать дѣтямъ съ ранняго возраста.

Старецъ Серафимъ Саровскій, имѣвшій исключительно высокое мнѣніе о святости храма, говаривалъ, что нѣтъ выше послушанія, какъ при храмѣ, что большое счастье подметать тамъ даже полъ. О святости всего того, что относится къ области храма, онъ говаривалъ такъ, что все похищенное изъ храма, даже вынесенный изъ него соръ, представляетъ собою огонь, разрушающій благосостояніе человѣка. Поэтому даже соръ, вынесенный изъ храма, онъ совѣтовалъ не выбрасывать зря, а сжигать, развѣвая пепелъ по воздуху.

Нельзя сказать, чтобы у насъ люди въ достаточной мѣрѣ заботились о благосостояніи храмовъ.

Отдавая должную справедливость усерднымъ женщинамъ, которыя то вышьютъ «воздухи» для чаши и дискоса, то принесутъ въ церковь новую завѣсу, то разошьютъ прекрасный коверъ для алтаря, идущій отъ престола въ церковь, то пожертвуютъ перекидъ на аналой, надо сказать, что такія женщины являются скорѣй исключеніемъ изъ общаго числа вѣрующихъ, которые пальцемъ не двинутъ для благосостоянія или украшенія своего приходскаго храма. И мало людей подходитъ подъ слова заамвонной молитвы, читаемой въ концѣ литургіи: «освяти любящихъ благолѣпіе дома Твоего, Ты тѣхъ воспрослави божественною Твоею славою».

Отчего богатые люди, тратящіе громадныя деньги на

отдѣлку своихъ пышныхъ помѣщеній, украшающіе столы для затѣваемыхъ ими званныхъ обѣдовъ цвѣтами на нѣсколько десятковъ рублей — отчего эти люди никогда не украсятъ въ праздничный день иконостаса цвѣтами, не пожертвуютъ вѣнка живыхъ цвѣтовъ на образъ, передъ которымъ поютъ «величаніе» и къ которому прикладывается народъ? Сколько тепла можетъ внести въ дѣло вѣры живое усердіе къ храму и его украшенію!

Во всякомъ приходѣ долженъ бы составляться кружокъ ревнителей мужчинъ и женщинъ разнаго возраста, отъ дѣтей до стариковъ, который бы занимался содержаніемъ храма въ порядкѣ и чистотѣ и постояннымъ его украшеніемъ со всѣмъ тѣмъ, что живая, порывистая мысль и горячее усердіе могутъ внести въ украшеніе храма красоты, смысла и чувства.

Люди, знающіе обряды всѣхъ религій, единогласно утверждаютъ, что ничто не можетъ сравниться съ православными моленіями о загробной участи отошедшихъ къ Богу православныхъ. Дѣйствительно, скорбь православной церкви объ ушедшемъ чадѣ проникнута необыкновенной теплотой и непоколебимой надеждой. Православная церковь не только не отступается отъ своего умершаго члена, но проявляетъ о немъ особую заботливость. Трупъ для православнаго не есть куски тлѣющей матеріи, а оставленный духомъ храмъ живого Бога.

Поэтому покойникъ одѣтъ въ свѣтлую, большею частью никогда не надѣванную еще, одежду, кладется въ гробъ, обставляется горящими свѣчами, на грудь ему кладутъ икону, на чело надѣваютъ вѣнчикъ, какъ знакъ Христовой въ немъ побѣды. Надъ нимъ совершаются панихиды, въ которыхъ все время звучитъ мысль о продолженіи жизни, о непрерывной связи его съ живыми людьми. Во время отпѣванія въ погребальныхъ пѣсняхъ усопшій какъ бы говоритъ со стоящими друзьями, а они взываютъ къ нему.

У гроба усопшаго, а въ семьяхъ ревностныхъ и еще сорокъ дней по смерти, читаютъ Псалтирь, чтобы отогнать отъ души нечистаго духа. Подобно тому, какъ царь Давидъ отгонялъ пѣніемъ псалмовъ своихъ духа тьмы отъ охваченнаго имъ царя Саула, ту же силу эти псалмы имѣютъ надъ темными духами и теперь—вотъ, почему по покойному читается Псалтирь.

Затѣмъ самое высшее добро, какое оказываетъ церковь умершему, это есть поминаніе его на проскомидіи. На этомъ вопросѣ надо подробно остановиться по его важности.

Та часть, которая вынимается изъ просфоры съ произнесеніемъ имени живого или умершаго лица, знаменуетъ собою душу этого человѣка. Въ концѣ литургіи, послѣ пріобщенія вѣрныхъ, всѣ эти частицы ссыпаются въ Чашу и проникаются такимъ образомъ животворящею кровью Христовой. Надъ ними произносятся священникомъ слова: «Омый, Господи, грѣхи поминавшихся здѣсь кровію Твоею честною».

При этомъ видимомъ соприкасаніи частей просфоръ съ кровью Христовой, происходитъ невидимое соприкасаніе души поминаемаго человѣка съ существомъ Божіимъ. Души свѣтлыя ощущаютъ при этомъ особую радость—одинаково будутъ ли онѣ находиться въ тѣлѣ или по окончаніи земной жизни внѣ тѣла; души злыя—нѣкоторую тревогу отъ соприкосновенія съ высочайшей сферой, отъ которой онѣ такъ далеки; всѣ же—ощутительную пользу.

До какой степени для душъ важно поминаніе ихъ на проскомидіи, можно судить изъ нѣсколькихъ разсказовъ о достовѣрныхъ событіяхъ.

Одинъ священникъ, вновь поступившій въ приходъ, въ теченіе нѣсколькихъ ночей видѣлъ во снѣ своего предшественника, окованнаго цѣпями и со страшнымъ выраженіемъ на лицѣ, очевидно, въ тяжелой мукѣ о чемъ-то его упрашивавшаго. Наконецъ , въ одномъ изъ сновъ этотъ священникъ указалъ своему замѣстителю на церковный жертвенникъ...

Встревоженный этимъ сномъ, молодой священникъ осмотрѣлъ все вокругъ жертвенника, и нашелъ запиханными между жертвенникомъ и стѣной многочисленныя записки, которыя въ свое время были поданы прихожанами для поминанія ихъ родныхъ на проскомидіи. Очевидно, священникъ по нерадѣнію эти записки бросалъ за жертвенникъ, не читая ихъ.

Молодой священникъ, совершая проскомидію, усердно помянулъ всѣхъ записанныхъ лицъ и въ слѣдующемъ снѣ опять увидалъ стараго священника. На этотъ разъ онъ былъ съ веселымъ лицомъ, освобожденный отъ цѣпей, и поклонился въ ноги своему замѣстителю.

Еще болѣе замѣчательный разсказъ передается изъ устъ въ уста въ Москвѣ.

Въ одномъ изъ приходовъ московскихъ, у Дѣвичьяго поля, былъ священникъ, страдавшій запоемъ. Онъ былъ человѣкъ кроткій и хорошій, но несчастная страсть дошла до такой степени, что прихожане тяготились такимъ батюшкой и неоднократно просили митрополита Филарета избавить ихъ отъ запойнаго священника.

Была написана резолюція объ увольненіи его изъ прихода и вечеромъ доставлена къ митрополиту. Митрополитъ хотѣлъ подписать это опредѣленіе, но почему то раздумалъ и, оставивъ бумагу на столѣ, ушелъ въ свою спальню. Уснувъ, онъ увидалъ странный сонъ. Онъ увидѣлъ себя окруженнымъ какими-то страдающими людьми. Большинство изъ нихъ были убогаго вида, были люди съ раскроенными черепами, облитые кровью, съ ранами въ груди. Всѣ они, наступая на митрополита, требовали у него прощенія для того священника.

Проснувшись вскорѣ, глубокой ночью, митрополитъ рѣшилъ, что это «искушеніе», и, вставши, отправился въ кабинетъ, чтобы подписать резолюцію объ удаленіи батюшки, и вновь какая-то сила удержала его. Онъ вернулся въ спальню, заснулъ, и снова былъ окруженъ тѣми же людьми, которые просили его помиловать священника съ еще большею настойчивостью. И снова, проснувшись, митрополитъ пошелъ въ свой кабинетъ и снова какая-то сила помѣшала ему подписать бумагу. Снился ему въ ту же ночь этотъ сонъ и въ третій разъ, причемъ эти люди кричали ему:

— Оставь его, не трогай. Онъ намъ нуженъ.

Все это показалось митрополиту, который былъ вообще всегда настроенъ очень мистически и вѣрилъ въ глубокую связь между двумя мірами, необычайнымъ; онъ рѣшилъ лично переговорить со священникомъ и немедленно, раннимъ утромъ, послалъ за нимъ.

Когда священникъ явился къ митрополиту, митрополитъ сказалъ, что собирается его уволить за его нетрезвое поведеніе.

— Виноватъ, владыко,—говорилъ священникъ,—не отрицаю своей вины, достоинъ наказанія.

— Скажи мнѣ, — продолжалъ митрополитъ,—у тебя въ жизни есть какая-то тайна, открой мнѣ ее.

— Весь я грѣшенъ,—говорилъ батюшка и попираю недостойною жизнью своею свой священническій санъ. Но одно исполнялъ я всегда съ усердіемъ и ревностью: поминовеніе усопшихъ. Если я встрѣчаю чьи-нибудь похороны, я провожаю покойника до могилы, спрашиваю его имя, записываю себѣ и неопустительно его поминаю. Я поминаю всегда лицъ, которыя умерли безъ покаянія, поминаю утопленниковъ и удавленниковъ, самоубійцъ, погибшихъ нечаянной и жестокой смертью—всѣхъ, кого некому поминать.

— Великое дѣло дѣлаешь ты,—сказалъ митрополитъ Филаретъ, и тѣ люди, о которыхъ ты молишься, въ свою очередь ходатайствуютъ о тебѣ.

И митрополитъ разсказалъ священнику свой сонъ.

— Продолжай свое богоугодное и человѣколюбивое дѣло, — сказалъ митрополитъ и, получивъ изъ другого міра указаніе, постарайся избавиться отъ своей страсти.

Не замѣчателенъ ли этотъ разсказъ, который убѣждаетъ насъ въ томъ, въ какой степени важно для людей поминовеніе ихъ за проскомидіей и какъ чутки души усопшихъ къ этимъ молитвамъ за нихъ людей живущихъ.

Отъ извѣстнаго въ Петербургѣ духовника, имѣвшаго громадный духовный опытъ, почившаго протоіерея отца Алексія Петровича Колоколова, пишущему эти строки довелось слышать замѣчательный разсказъ о силѣ поминовенія души за проскомидіей.

Пришелъ къ нему однажды духовный сынъ его, значительный сановникъ. Исповѣдавъ ему грѣхи, тяготившіе его совѣсть, онъ закончилъ свою исповѣдь признаніемъ:

— Есть нѣсколько лицъ, которыя настолько враждуютъ со мной, что стараются опорочить меня предъ Государемъ... Я ненавижу этихъ людей, презираю ихъ и никогда имъ не прощу.

Отецъ Алексій сталъ доказывать ему, насколько не соотвѣтствуетъ духу христіанства такое его расположеніе. Но сановникъ все стоялъ на своемъ.

— Нѣтъ, говорилъ онъ, эта ненависть выше моихъ силъ, съ ней я и умру.

Тогда отецъ Алексій объявилъ ему, что въ такихъ чувствахъ онъ не можетъ допустить его до причастія.

— Вы должны,—говорилъ онъ ему, осилить себя и совершить то, о чемъ такъ опредѣленно говорилъ Христосъ: «Аще принесеши даръ твой ко алтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ алтаремъ и шедъ, смирися съ братомъ твоимъ и тогда пришедъ принеси даръ твой»... Вотъ, какъ мы съ вами поступимъ. Вы должны заставить себя молиться за вашихъ обидчиковъ, вы должны поминать ихъ на проскомидіи. Первые дни это будетъ для васъ тяжелымъ усиліемъ, потомъ же это будетъ становиться для васъ легче. Въ ту минуту, когда частицы, за нихъ вынутыя, будутъ соприкасаться съ кровью Христовой, ихъ духъ будетъ соприкасаться съ живою святынею Христа. Такъ какъ они злы по природѣ своей, то это соприкасаніе будетъ для нихъ болѣзненно, и можно ожидать въ первое время, что они будутъ еще болѣе на васъ злобствовать. Но вы продолжайте свое дѣло, и это частое, невѣдомо для нихъ совершающееся, прикосно-

веніе души ихъ со Христомъ окажетъ на нихъ въ концѣ концовъ свое дѣйствіе.

Сановникъ обѣщалъ, наконецъ, отцу Алексію исполнить его совѣтъ. На этомъ они и разстались. Прошелъ годъ. Сановчикъ снова стоялъ передъ отцомъ Алексіемъ на исповѣди и говорилъ:

— Батюшка, все то, что вы говорили, такъ въ точности и сбылось. Употребляя надъ собою величайшее усиліе, я заставилъ себя поминать ихъ имена на проскомидіи, для чего часто нарочно заходилъ даже и въ будніе дни въ церковь. Съ ними произошло сперва какое-то ожесточеніе, такъ что козни ихъ противъ меня усилились. А потомъ какимъ-то необъяснимымъ образомъ ихъ вражда ко мнѣ стала сглаживаться. И теперь между нами не только нѣтъ вражды, но водворились совершенно мирныя и согласныя отношенія.

Можно сказать, что мистическая сила этого поминовенія на проскомидіи открываетъ громадные горизонты.

Что дѣлать тому, кто видитъ дорогое для него существо нравственно гибнущимъ? Что дѣлать тому, кто чувствуетъ направленную на себя безпричинную вражду? Какъ поступать, когда люди близкіе, имѣющіе въ себѣ много свѣтлыхъ, отрадныхъ качествъ лишены совершенно вѣры, а другой любящій человѣкъ хотя бы цѣною своей жизни хотѣлъ бы открыть имъ закрытый для нихъ путь вѣры?

Вотъ, тогда и надо прибѣгнуть къ силѣ Евхаристіи, поминая людей на проскомидіи.

Вспомнимъ ту Монику, сынъ которой, будущій великій учитель вѣры, Августинъ, впалъ въ ересь и въ грѣхъ. Неустанно вопіяла она къ Богу о томъ, чтобы Господь вернулъ его на путь вѣры и добродѣтели. И этотъ возвратъ совершился. И, спасши молитвами своего сына, Моника вскорѣ отошла къ Богу, а сынъ ея получилъ столь значительное и трогательное наименованіе «сынъ столь многихъ слезъ».

Примѣръ этой матери, дважды родившей своего сына—для жизни и для неба, и дважды выстрадавшей его рожденіе, долженъ быть всегда передъ глазами тѣхъ, у кого близкіе люди гибнутъ въ невѣріи и порокахъ.

Какое другое врачевство можетъ быть болѣе дѣйственнымъ для души, какъ помимо воли и вѣдома человѣка соприкосновеніе его къ святынѣ Христовой? Душа имѣетъ свои пути, недоступные людскому уму, она имѣетъ свою силу воспріятія, помимо обычныхъ путей мысли. Она имѣетъ свою область благодатныхъ чувствъ.

Пусть человѣкъ будетъ совнѣ погруженъ въ страсти, пусть распаленъ ненавистью и ухищренною враждою, пусть его уста отрицаютъ Бога. Что въ томъ, когда надъ его душой производится спасительная работа, когда ее подводятъ къ святынѣ Христовой, когда на нее льются и просвѣщаютъ ее животворные лучи сіяющаго, торжествующаго и чудотворящаго Солнца—Христа!

Если иногда вражда возникаетъ между иноками строгаго монастыря, то мудрѣйшіе изъ иноковъ не спѣшатъ объясниться словами, не спѣшатъ раздражаться отъ незаслуженно направленной на нихъ вражды. Они прибѣгаютъ къ способу, давно испытанному между вѣрующими людьми, усиленно поминаютъ враждующихъ противъ нихъ людей на проскомидіи, и Господь невидимо умиряетъ этихъ людей.

Такъ и вы. Если, несмотря на всѣ человѣческія усилія и на все ваше великодушіе, вы будете чувствовать злобу распалившуюся на васъ, если дорогіе вамъ люди вопреки вашихъ просьбъ и уговоровъ будутъ предаваться той жизни, которая убиваетъ душу, если люди вамъ близкіе въ ослѣпленіи своемъ будутъ отрицать Божество: умирите тогда вашу скорбь надеждою, что есть сила Христова, противъ которой не устоитъ никакая страсть, никакая вражда, никакая слѣпота... Днями, мѣсяцами, годами поминайте ихъ упорно, и тѣмъ вы будете совершать надъ ними благотворную очистительную работу. И, если даже вамъ покажется, что вѣра ваша не сотворила надъ ними ожидаемаго чуда, знайте, что вы много сдѣлали имъ для ихъ судьбы въ вѣчности.

Блаженна будетъ та душа, которая, живя въ тѣлѣ, стремилась къ области божественной. Изгнана будетъ отъ лицезрѣнія Христа та, которая отъ Него отвертывалась. А вѣдь вашими молитвами и вашимъ проскомидійнымъ поминовеніемъ этой души вы ее соприкасали съ Источникомъ свѣта и она, безъ вѣдома самого человѣка, совершала тотъ путь приближенія къ Богу, который необходимъ для спасенія. . . . . .

. . . . . .

Старецъ Серафимъ Саровскій многимъ говаривалъ: «поминай родителей моихъ Исидора и Агафью». Самъ великій праведникъ, дерзновенный въ молитвахъ своихъ къ Богу, онъ тѣмъ не менѣе желалъ и искалъ церковныхъ за родителей своихъ молитвъ.

Многіе люди, чтущіе праведниковъ, вынимаютъ просфоры за упокой ихъ родителей: за Евдокію, мать митрополита мос-

ковскаго Филарета, которую онъ такъ горячо почиталъ, за Кирилла и Марію, родителей преподобнаго Сергія.

По полному смысла усердію православныхъ, ко гробницамъ «болярина Кирилла и Маріи», въ двѣнадцати верстахъ отъ Лавры, въ Хотьковомъ монастырѣ, заходятъ большинство богомольцевъ, идущихъ на поклонъ къ игумену Сергію и поучаются высотѣ сыновнихъ чувствъ его: какъ ни влекло его въ уединеніе, онъ не раньше ушелъ изъ міра, чѣмъ схоронилъ ихъ.

Если поминать людей близкихъ, любимыхъ составляетъ христіанскую добродѣтель, то еще выше заботиться о судьбѣ такихъ людей, о которыхъ некому заботиться.

Въ русскомъ народѣ всегда находились самоотверженные люди, которыхъ глубоко поражало положеніе несчастныхъ бездомныхъ скитальцевъ, людей, умершихъ на чужихъ рукахъ, убитыхъ на дорогѣ, замерзшихъ, потонувшихъ, самовольно ушедшихъ изъ жизни.

Мы видѣли примѣръ того, какъ нужны для такихъ людей церковныя о нихъ молитвы и какъ эти люди умѣютъ быть благодарны такимъ добровольнымъ за нихъ молитвенникамъ. Преподобный Даніилъ Переяславльскій близко принялъ къ сердцу положеніе несчастною смертью погибшихъ людей.

Въ древней Руси, при грубости нравовъ и младенческомъ положеніи полиціи, постоянно на дорогахъ и въ городахъ и въ селахъ находили убитыхъ, причемъ оставались не открытыми и виновники убійствъ, даже имена убитыхъ. Для погребенія такихъ тѣлъ, а также замерзшихъ, утопленниковъ, самоубійцъ, бѣдняковъ, умершихъ во время эпидеміи, существовали по городамъ братскія могилы—большія ямы, называвшіяся скудельницами. Обычно въ продолженіе года складывали въ незасыпанную яму тѣла. А одинъ разъ въ году, въ четвергъ передъ Троицынымъ днемъ («Семикъ») надъ похороненными совершали отпѣваніе, яму засыпали и въ тотъ же день выкапывали новую. Обрядъ этотъ назывался «проводить скудельницы», и на него, какъ на благочестивый подвигъ, собирались всѣ горожане.

Когда въ Переяславле-Горицкомъ монастырѣ началъ свой иноческій подвигъ преподобный Даніилъ, покойниковъ было особенно много вслѣдствіе свирѣпыхъ разбойничествъ атамана Симона Воронова. Обиліе мертвыхъ тѣлъ, особенно находившихся вдали отъ поселеній, затрудняло ихъ перенесеніе въ Переяславльскую скудельницу. Многія тѣла оставались на растерзаніе звѣрей и птицъ и на гніеніе не погребенными.

Мысль объ этихъ неотпѣтыхъ покойникахъ угнетала инока

Даніила. Ему казалось ужаснымъ быть застигнутымъ внезапно смертью, не будучи похороненнымъ по христіанскому обряду. И онъ сталъ подбирать убитыхъ и умершихъ на дорогахъ, въ лѣсахъ, на поляхъ. Онъ просилъ другихъ сообщать ему о такихъ найденныхъ покойникахъ, и даже за это платилъ.

Ночью выходилъ онъ изъ монастыря, на своихъ рукахъ переносилъ несчастно погибшаго на Божедомье, отпѣвалъ его и клалъ въ скудельницу. Надъ этими скудельницами онъ думалъ: «сколько, быть можетъ, истинныхъ и вѣрныхъ душъ лежитъ тутъ, а мы грѣшные пренебрегаемъ ими, не удостаиваемъ ихъ погребенія при церквахъ, не поминаемъ ихъ за божественною литургіею». И сталъ онъ мечтать о томъ, чтобы устроить надъ этими скудельницами церковь и приносить по схороненнымъ здѣсь поминовенныя молитвы и вынимать за нихъ части на проскомидіи. И Богъ эту мечту ему осуществить помогъ. Таково начало Даніилова Переяславльскаго монастыря.

Мы не будемъ много распространяться о томъ, какъ угодна Богу такая жертва любви, и какъ она всѣмъ доступна. Скажемъ только о томъ, что въ Италіи есть братства, которыя хоронятъ одиноко умершихъ людей, хоронятъ такъ, какъ бы эти люди не были схоронены и тогда, если бы имѣли родныхъ. Все братство собирается въ торжественной процессіи, отдавая долгъ любви человѣку, имъ неизвѣстному, и чрезъ это возвышая цѣну своего подвига.

Объ основателѣ знаменитой Московской Третьяковской галлереи, разсказывали, что онъ имѣлъ обычай, встрѣтивъ покойника, всегда проводить его до могилы. Вообще люди, стремящіеся къ добрымъ дѣламъ, имѣютъ всегда обширное поле для нихъ въ семьяхъ, только что пораженныхъ утратой, потому что въ большинствѣ случаевъ эти утраты сопряжены съ непосильнымъ расходомъ на похороны. А часто вслѣдъ за смертью главы семьи вся семья бываетъ обречена на тяжелую бѣдность.

ГЛАВА II.

Почитаніе святыхъ.

Какую теплоту православному религіозному міру придаетъ установленное въ немъ почитаніе святыхъ.

«Се что добро или что красно, еже жити братіи вкупѣ».

Сиротливо чувствуетъ себя человѣкъ, которому не съ кѣмъ подѣлиться чувствами и мыслями, который одинокъ въ своей духовной жизни. Какая-то отрада испытывается, когда чело-

вѣкъ окруженъ людьми вѣрующими, какъ онъ, кланяющимися тому же Богу, полными тѣхъ же чаяній и упованій...

Но отношенія съ живыми людьми, съ которыми вы даже сошлись въ области высшихъ идеаловъ, могутъ быть нарушены какимъ-нибудь несогласіемъ. Вѣдь земля не знаетъ ни въ чемъ совершенства. Вамъ нужны такіе друзья, которые были бы выше и лучше васъ, могли бы стать вашими руководителями и поручителями за васъ передъ Богомъ.

Вамъ нужно не только единеніе въ вѣрѣ, вамъ нужна опора и помощь, вамъ нужна такая живая Сила, къ Которой вы можете воззвать во время испытаній, когда вамъ такъ тяжело, что уже и слезы не льются изъ глазъ, когда горе, какъ острыми ножами, рѣжетъ ваше сердце. Вамъ нужны тогда такія свѣтлыя существа, которыя бы втайнѣ, никѣмъ невидимыя, подошли бы къ вашему страданію и умѣлою, нѣжной, но безбоязненной рукой коснулись его, чтобы облегчить васъ. Вамъ нужны лучезарные, прекрасные, надежные, отзывчивые люди, къ которымъ вамъ можно было бы «приткнуться».

И всю эту жажду вашей души, жажду, которая мучитъ многихъ людей безсознательно, такъ что они, этой жаждой страдая, не знаютъ даже, что она значитъ, и чѣмъ ее удовлетворить: эту жажду утоляетъ тотъ, кто, познавъ ученіе церкви о почитаніи святыхъ, живымъ чувствомъ привяжется къ кому-нибудь изъ избранныхъ имъ небожителей.

Исполненіе заповѣдей Христовыхъ въ праведникахъ шло все растущей волной. И ту же растущую волну представляло въ нихъ исполненіе Христова завѣта о взаимной любви. Любовь эта жгла ихъ сердца, превращаясь въ громадное пламя, которое свѣтило людямъ и грѣло ихъ.

Правда, въ началѣ своего подвига, чтобы освободиться отъ грѣха, очистить свою душу, приблизиться къ Богу, они бѣгали отъ людей, но и тутъ они незримо помогали имъ своею молитвою.

Схимничество есть совершенное отверженіе міра. А между тѣмъ это самое схимничество есть неперестающая молитва за тотъ же міръ. Одинъ изъ величайшихъ русскихъ аскетовъ послѣдняго вѣка, кіевскій старецъ отецъ Парѳеній, задумался однажды надъ вопросомъ о томъ, что есть схимничество. И тутъ же получилъ на свои мысли отвѣтъ таинственнаго голоса: «молитва за весь міръ».

Когда же праведникъ, путемъ великаго подвига самоочищенія и молитвы, достигнетъ праведнаго состоянія перваго человѣка и вернетъ себѣ всѣ дары, утраченные душой человѣче-

ской черезъ грѣхопаденіе: тогда онъ становится усерднымъ служителемъ людей.

Подумайте: вѣдь для того, чтобы любить людей безграничною, милующею, горящею, готовою на откликъ любовью, любовью, ничего не требующею и все дающею, надо отвергнуть себя самого, надо свое собственное существо со всѣмъ себялюбіемъ, гордостью, тщеславіемъ, разорвать въ куски, растоптать, отбросить, уничтожить въ конецъ, чтобы на мѣстѣ этого своего существа, которому служатъ, о которомъ пекутся, съ которымъ носятся обыкновенно люди, поставить своего ближняго.

Вокругъ меня стонетъ горе, смотритъ горящими глазами нищета, идутъ на преступленія изъ-за грошей созданія Божіи, мать торгуетъ честью дочери, растутъ безпризорныя дѣти, обреченныя на звѣриный образъ жизни, а я бокъ-о-бокъ со всѣми этими ужасами живу спокойною и сытою жизнью, намѣренно закрывъ на все это глаза, зажавъ себѣ уши отъ несущихся ко мнѣ со всѣхъ сторонъ стоновъ невыносимаго людского несчастья.

Отчего это происходитъ?

Да оттого, что любовь къ себѣ и къ слишкомъ ограниченному кругу ближайшихъ къ себѣ избранныхъ людей тушитъ въ человѣкѣ истинную горячую любовь къ ближнему.

Я долженъ самъ страдать для того, чтобы понять страдающихъ. Я долженъ самъ перенести одиночество, чтобы уловить полный отчаянія взглядъ одинокаго человѣка, который на это свое одиночество уже и жаловаться пересталъ, покорно неся свой крестъ. Я долженъ самъ испытать и холодъ, и голодъ, и жажду, и всякое лишеніе для того, чтобы понять, какъ ужасно все это переносить другому человѣку. Я долженъ самъ быть всѣми оставленнымъ, чтобы понять, что значитъ жить въ общемъ пренебреженіи, не имѣя никого, кто бы вамъ сочувствовалъ, о васъ думалъ, о васъ заботился, на васъ радовался.

Міръ святыхъ—это міръ людей величайшаго христіанскаго благородства, понявшихъ во всемъ его объемѣ христіанскій подвигъ. Святые—это люди, которые довели въ себѣ исполненіе христіанскихъ заповѣдей до послѣднихъ ихъ выводовъ. Это люди, которые на дѣлѣ во всей точности, во всѣхъ подробностяхъ исполнили то, чему училъ Христосъ, угадавъ и усвоивъ себѣ высшую совѣстливость, мѣшающую человѣку наслаждаться чѣмъ-нибудь такимъ, чего нѣтъ у другого человѣка, котораго онъ признаетъ своимъ братомъ.

У меня дворецъ, у меня сказочная роскошь, у меня возмож-

ность исполнять всякую мою прихоть, какъ только я такую прихоть придумаю; другой безъ пристанища, безъ одежды, безъ насущнаго хлѣба... Могу ли я быть спокойнымъ? Меня будетъ грызть совѣсть, пока я не уравняю нашего положенія. Дать всѣмъ бѣдствующимъ то, что у меня есть—на это не хватитъ никакихъ американскихъ милліардовъ. Средство одно — стать самому въ состояніе тѣхъ же лишеній, той же ограниченной жизни.

И вотъ, почему мы видимъ, что святые съ какой-то изощренностью отказываются отъ всѣхъ земныхъ преимуществъ и, раздавъ все свое имущество бѣднымъ—этимъ не ограничиваются, а еще начинаютъ работать для нихъ. Для истиннаго христіанина есть какая-то отрада въ томъ, чтобы дѣлить со Христомъ Его уничиженное положеніе на землѣ.

Преподобная Евфросинія, княжна Полотская, живя въ затворѣ на палатяхъ Спасскаго храма Полотской обители, занималась дорого тогда оплачиваемымъ трудомъ переписки священныхъ книгъ и посылала ихъ епископу. Онъ ихъ долженъ былъ продавать и вырученныя деньги распредѣлять между бѣдными.

«Христосъ въ терніяхъ: неужели же я, увѣнчанный розами, пойду по пути, осыпанному цвѣтами? Христосъ съ прободенными руками: неужели же я буду тѣшить и ублажать мое тѣло? Христу негдѣ главы преклонить: неужели же я буду жить во дворцахъ? Христа гнало высшее сословіе его современниковъ: неужели же мнѣ искать виднаго положенія въ высшихъ кругахъ? Христу помогали въ нуждахъ Его внимавшіе Ему люди: неужели же мнѣ жить ни отъ кого независимымъ человѣкомъ, величаясь этою самостоятельностью и ни въ чемъ себя не ограничивая?»

Преподобный Никола Святоша, сынъ Черниговскаго князя, первый изъ русскихъ князей принялъ иночество. Онъ добровольно проходилъ разныя послушанія въ Печерской обители: три года работалъ на братію въ поварнѣ, самъ рубилъ дрова, носилъ изъ рѣки воду на плечахъ своихъ и приготовлялъ братскую пищу. Потомъ онъ служилъ привратникомъ монастырскимъ, какъ сторожъ, не отходя никуда, а для отдыха садился на кучѣ сора. Послѣ этого сталъ прислуживать на трапезѣ. Когда родственники его, чрезъ близкаго князю врача, уговаривали его не срамить ихъ такою жизнью, онъ отвѣчалъ:

— Если никто изъ князей не поступалъ такъ прежде меня, то пусть я буду вождемъ въ этомъ дѣлѣ. И кто захочетъ, пойдетъ по слѣдамъ моимъ. Благодарю Бога моего, что Онъ осво-

бодилъ меня отъ работы мірской и сотворилъ слугою Своимъ блаженнымъ черноризцамъ.

Вотъ, высокая жажда принизить себя для Бога, стать равнымъ послѣднему по мірскому положенію человѣку, сбросить всѣ земныя отличія передъ святынею Христова креста, видѣть въ жизни Одного своего учителя—и «Того распята»... Какъ утончается духъ въ такихъ подвигахъ, какъ растворяется широко сердце, какъ обостряется пониманіе чужой жизни, чужого страданія!

Чуткимъ слухомъ, прозорливымъ умомъ праведники при жизни видятъ не только лицъ, непосредственно приходящихъ къ нимъ, но видятъ страданія и вдалекѣ такихъ людей, которые у нихъ никогда не были, и о которыхъ они не могли слышать.

Въ послѣдніе годы жизни великаго Оптинскаго старца Амвросія привезли къ нему разслабленнаго крестьянина Гаврюшу, который ползалъ по землѣ. Отецъ Амвросій явился ему въ той деревнѣ, гдѣ онъ жилъ, и призвалъ его къ себѣ.

Непостижима и изумительна эта забота живыхъ праведниковъ о такихъ людяхъ, которые о нихъ еще ничего не слыхали: точно въ поискахъ подвига любви, покровительства и сочувствія, безпокойный святымъ волненіемъ духъ ихъ бродитъ по землѣ, выискивая себѣ пищу для своего «распространившагося» для людей сердца.

И Господь открываетъ имъ людей, которые будутъ нуждаться въ ихъ помощи, и свѣтлый духъ ихъ вьется надъ этими людьми, какъ орлица, крыльями своими готовая защитить птенцовъ. Чудные и таинственные горизонты открываютъ такія событія, какъ то, о которомъ сейчасъ будетъ разсказано, и которое совершилось надъ госпожей Еропкиной.

Барышня-сиротка изъ богатой помѣщичьей семьи по окончаніи института поселилась у своего дяди и вскорѣ была помолвлена за молодого человѣка Еропкина по взаимной любви. Какъ-то, незадолго до свадьбы, она весело провела вечеръ въ разговорѣ со своими двумя двоюродными сестрами о предстоящемъ ей счастьѣ и отошла ко сну. Не успѣла еще она окончательно забыться, какъ услышала, что въ комнату кто-то вошелъ. Это былъ ея дядя съ какимъ-то старымъ монахомъ. Явленіе было такъ осязательно, что она изъ дѣвичьей стыдливости поспѣшила натянуть на голову одѣяло. Монахъ подошелъ къ ней и произнесъ надъ нею слова:

— Бѣдная! Изъ сиротства да во вдовство: вѣдь это хуже, чѣмъ изъ огня да въ полымя!

Черезъ нѣсколько секундъ вошедшихъ въ комнату не стало.

Потрясенная этимъ явленіемъ, невѣста разбудила спавшихъ съ ней въ одной комнатѣ двоюродныхъ сестеръ и все имъ разсказала. Нѣсколько дней она была внѣ себя отъ тревоги и тоски, но молодость и надежда на счастье взяли свое, и вскорѣ пышно была сыграна ея свадьба.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы молодой мужъ заболѣлъ скоротечной чахоткой. Не смѣя волновать его, жена не предложила ему предъ концомъ церковнаго напутствія, и онъ умеръ не исповѣданный и не пріобщенный.

Горе молодой женщины, попавшей, какъ говорилъ неизвѣстный старецъ, «изъ сиротства во вдовство», было безгранично. Особенно угнетала ее мысль о томъ, что мужъ ея отошелъ безъ напутствія таинствами. Она опасалась, что это повліяетъ на его загробную судьбу. Отъ тоски и отчаянія она готова была покуситься на самоубійство, такъ что родные безостановочно слѣдили за ней.

Въ эту самую пору тяжелаго для всей семьи испытанія дядя ея услыхалъ разсказы о старцѣ Серафимѣ Саровскомъ, который доживалъ послѣдніе годы своей жизни. Эти разсказы были такъ необыкновенны, что дядя, несмотря на близкую весеннюю распутицу, немедленно собрался въ дальній путь за нѣсколько сотъ верстъ и повезъ племянницу къ отцу Серафиму.

Громадная толпа народа волновалась между Саровскимъ соборомъ и одноэтажнымъ корпусомъ, гдѣ была келлія старца, когда путники, прибывъ въ Саровъ, вошли въ монастырь. Подхваченная народной волной, госпожа Еропкина была втиснута въ сѣни передъ келліей, гдѣ отецъ Серафимъ благословлялъ народъ. И, прежде чѣмъ она успѣла взглянуть на старца, она, никѣмъ здѣсь не знаемая, услышала надъ собой голосъ: «Пріобщается раба Божія Анна благодатію Христовой». И чья-то рука потянула ее въ келлію. Голосъ этотъ былъ знакомый. Она слышала его въ какихъ-то чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Когда же она подняла глаза на стоявшаго передъ ней человѣка, она въ обликѣ отца Серафима узнала того старца, который тогда, незадолго до ея свадьбы, приходилъ къ ней съ печальнымъ предсказаніемъ.

Прежде, чѣмъ она успѣла повѣдать отцу Серафиму свое горе, онъ заговорилъ съ ней обо всемъ ею пережитомъ, какъ о чемъ-то ему близко извѣстномъ, и сталъ ее успокаивать насчетъ ея терзаній, что мужъ отошелъ не напутствованнымъ; объяснилъ, что часто добрымъ людямъ Господь предъ смертью посылаетъ со святыми Дарами невидимаго ангела. Старецъ пре-

подалъ ей разные совѣты, какъ молиться о мужѣ, совершенно успокоилъ ее и приказалъ весной пріѣхать къ себѣ опять.

А какъ объяснить такія событія? Одинъ генералъ пришелъ къ тому же старцу Серафиму и благодарилъ его за его молитвы.

— Вашими молитвами,—разсказывалъ онъ,—я спасся во время Турецкой кампаніи. Окруженный многими полками непріятелей, я оставался самъ съ однимъ только полкомъ и видѣлъ, что мнѣ нельзя ни укрѣпиться, ни двинуться какъ-нибудь, ни взадъ, ни впередъ. Не было никакой надежды на спасеніе. Я только твердилъ постоянно: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима», ѣлъ сухари, данные мнѣ вами въ благословеніе, пилъ воду, и Богъ охранилъ меня отъ враговъ невредимымъ.

Въ эти минуты крайней опасности, смятенная страхомъ смертнымъ душа человѣка изъ этого ада кипучей битвы рвалась за помощью къ дальнему старцу, и, какъ удары электрической искры, прозорливый духъ великаго Серафима почувствовалъ эту безглагольную изъ дальней враждебной страны мольбу погибавшаго человѣка, возопилъ къ Богу, и Богъ по молитвамъ угодника Своего послалъ въ охрану ему легіоны ангеловъ Своихъ.

Совѣтами, охраной, мыслями, предупрежденіями своими святые при жизни широко служатъ людямъ. И какъ нѣжно и заботливо служеніе ихъ!..

Укоряли и смѣялись надъ одной крестьянкой, которая при народѣ, ожидавшемъ благословенія Оптинскаго старца Амвросія, стала кричать ему:

— Батюшка, у меня индюшки всѣ мрутъ. Помоги, чтобы не умерли.

И старецъ далъ ей свой совѣтъ. Онъ понималъ, что для нея вопросъ о жизни индюшатъ такъ же важенъ, какъ для крупнаго мірового купца важенъ приходъ въ безопасности идущихъ изъ другой части свѣта кораблей.

Прибѣжалъ однажды въ Саровскую пустынь крестьянинъ съ признаками сильнѣйшаго волненія и спрашивалъ у всякаго, попадавшаго ему навстрѣчу инока:

— Батюшка, ты что ли отецъ Серафимъ?

Когда ему указали старца, онъ упалъ ему въ ноги и закричалъ:

— Батюшка, у меня лошадь украли. Не знаю, какъ теперь буду семью кормить. Я безъ нея сталъ нищимъ. А ты, говорятъ, угадываешь.

Старецъ ласково прижалъ къ груди его голову и сказалъ:

— Огради себя молчаніемъ. Иди въ село (старецъ назвалъ то село). Какъ станешь подходить къ нему, свороти съ дороги вправо и пройди задами четыре дома. Тамъ ты увидишь калиточку, войди въ нее, отвяжи свою лошадь отъ колоды и выведи молча.

Лошадь была найдена.

Пришелъ другой молодой крестьянинъ съ уздой въ рукахъ, плакавшій о пропажѣ лошадей, и поговорилъ со старцемъ. Черезъ нѣсколько времени монахъ, знавшій о его горѣ, спросилъ, отыскалъ ли онъ лошадей?

— Какъ же отыскалъ! Отецъ Серафимъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ на торгъ, и что я тамъ увижу ихъ. Я и вышелъ и какъ разъ увидалъ и взялъ къ себѣ своихъ лошадокъ.

Дивно общеніе святыхъ между собою. Такъ архіепископъ Воронежскій Антоній, въ день кончины старца Серафима въ далекомъ Саровѣ, при отсутствіи тогда телеграфовъ и медленной почтовой гоньбѣ, сталъ служить по немъ панихиду.

Затворникъ Задонскій Георгій разсказывалъ, что одно время смущался помыслами, не перейти ли ему изъ Задонскаго монастыря въ другой. Этотъ помыселъ онъ никому не открывалъ. Однажды пришелъ къ нему странникъ и сказалъ:

— Отецъ Серафимъ приказалъ тебѣ сказать — стыдно, столько лѣтъ сидѣвши въ затворѣ, побѣждаться вражескими помыслами, чтобы оставить это мѣсто. Никуда не ходи.

Въ ту ночь, когда душа старца Серафима была освобождена отъ узъ тѣла, одинъ изъ русскихъ подвижниковъ, игуменъ строгой Глинской пустыни Курской епархіи Филаретъ, выходя съ братіею своею изъ церкви отъ заутрени, указалъ сіяніе на небѣ и промолвилъ:

— Вотъ, въ какомъ торжествѣ возносятся къ небу души праведниковъ. Нынѣ преставился Богу Саровскій старецъ Серафимъ.

Да, для воздѣйствія праведниковъ на души человѣческія упраздняются всѣ земныя ограниченія пространства, времени. И, если на землѣ живой человѣкъ, хотя бы и праведный, можетъ въ извѣстныя минуты говорить и быть поглощеннымъ только однимъ существомъ: въ небесную пору своего бытія онъ какъ бы раздробляется и въ одно мгновеніе входитъ въ общеніе, невидимо совѣтуетъ, остерегаетъ, помогаетъ, спасаетъ, вразумляетъ множество людей.

Вѣдь въ вѣчной жизни происходитъ полнѣйшее развитіе человѣческой души, расцвѣтаютъ всѣ свойства, которыя въ земномъ человѣкѣ проявляются часто лишь легкими очертані-

ями, лишь намеками. И та заботливость, то нѣжное участіе къ людямъ, которое замѣчалось въ праведникахъ въ земную пору ихъ существованія, тутъ, естественно, принимаетъ еще большіе размѣры.

О той грѣющей любви, которая пламенѣетъ въ праведникахъ, которая какъ бы тѣснитъ ихъ сердце, ища выхода наружу въ соотвѣтствующихъ дѣйствіяхъ, разскажетъ слѣдующая сцена изъ жизни того же великаго Серафима, который является неусыпаемой сокровищницей всяческихъ добродѣтелей, величайшихъ чертъ человѣческаго характера. Эта сцена передана въ воспоминаніяхъ одной старушкой госпожей Аксаковой, которая въ раннемъ дѣтствѣ была съ родными въ Саровѣ и предъ церковнымъ прославленіемъ старца Серафима—въ живыхъ, увлекательныхъ словахъ изобразила эту давнюю встрѣчу.

Нѣсколько семей изъ высшаго нижегородскаго круга отправились въ Саровъ, чтобы повидать старца Серафима. Имъ сказали, что отецъ Серафимъ скрывается въ лѣсу. Въ пустынькѣ его они не нашли. И кто-то изъ монаховъ посовѣтовалъ имъ послать на розыски старца дѣтей. Старецъ такъ ихъ любилъ, что непремѣнно бы вышелъ къ нимъ изъ своей засады.

Съ шумными криками радости дѣти обнаружили лѣсное убѣжище старца. И отецъ Серафимъ, дѣйствительно, быстро пошелъ къ нимъ навстрѣчу, и скоро на лѣсной полянкѣ стоялъ онъ окруженный дѣтьми. Съ растроганнымъ взоромъ онъ поочередно бралъ ихъ къ себѣ и прижималъ къ своей груди, умиленно шепча: «сокровища мои, сокровища...» Было что-то особое въ этомъ пустынникѣ, превзошедшемъ суровою жизнью своею великихъ египетскихъ отцовъ, который съ любовью и благословеніемъ прижималъ къ себѣ дѣтей, эту будущую юную Россію.

Я засталъ еще въ живыхъ въ Дивѣевской обители одну древнюю инокиню, которая въ раннемъ дѣтствѣ приходила со своими односельчанами въ Саровъ. Отецъ Серафимъ стоялъ на лѣсномъ пригоркѣ, когда они завидѣли его. Радостно замахавъ имъ руками, онъ сталъ кричать имъ: «Грядите, грядите, грядите ко мнѣ», и, наконецъ, словно не выдержавъ напоръ усердія своего и любви къ этимъ шедшимъ къ нему людямъ, онъ самъ побѣжалъ къ нимъ навстрѣчу.

Такъ вотъ теперь, лежа мощами своими въ ракѣ, среди собора, въ неугасимыхъ огняхъ, зажженныхъ усердной рукой, неужели не встрѣчаетъ онъ, какъ встарь, приходящихъ къ нему за тысячи верстъ изъ шумной столицы, изъ тихихъ деревень, богомольцевъ, не бѣжитъ къ нимъ навстрѣчу съ ободряющимъ зо-

вомъ: «Грядите ко мнѣ, грядите», не беретъ ли на свои руки, чтобы прижать къ своей груди, приводимыхъ къ ракѣ его невинныхъ дѣтей, шепча имъ, какъ шепталъ тогда давно отошедшему теперь поколѣнію: «Сокровища мои, сокровища...»

Тотъ, кто вступилъ въ общеніе съ этимъ изумительнымъ святымъ, тотъ долженъ былъ чувствовать не разъ въ своей жизни присутствіе и дѣйствіе его надъ собою. Какъ птица, охраняющая гнѣздо своихъ птенцовъ, онъ вьется надъ тѣми, кто довѣрился ему разъ навсегда въ своей жизни, призвалъ его на помощь, кто постоянно помнитъ о немъ.

Овѣвая необыкновенною сладостью живое общеніе съ собой, онъ въ трогательныхъ выраженіяхъ не разъ высказывалъ, какъ крѣпка и надежна его защита. Кто-то сильно плакалъ и скорбѣлъ въ одномъ испытаніи, сомнѣваясь къ тому же въ своемъ спасеніи. А онъ подошелъ и сказалъ:

— Не плачь, моя радость. Всѣ тѣ спасутся, кто призываетъ меня.

Тихъ, благодатенъ, ласковъ подходъ его къ душѣ человѣческой. Въ послѣдніе дни свои онъ говорилъ своимъ дѣтямъ:

— Когда меня не станетъ, вы ко мнѣ на гробикъ-то приходите! Какъ вамъ время, вы и идите, чѣмъ чаще, тѣмъ лучше! Если что есть у васъ на душѣ, что бы ни случилось съ вами, о чемъ бы ни скорбѣли, придите ко мнѣ, да все, все, съ собою-то и принесите на мой гробикъ. Припавъ къ землѣ, какъ живому все и разскажите. И услышу я васъ, вся скорбь ваша отлетитъ и пройдетъ. Какъ вы съ живымъ всегда говорили, такъ и тутъ! Для васъ я живой есть, буду и во вѣки.

А часто, когда люди въ горѣ не успѣли позвать его, онъ приходитъ первый.

Одна купчиха видитъ во снѣ старца, который говоритъ ей: «Эту ночь воры подломили у тебя лавку; но я взялъ метлу и сталъ мести. Они и ушли». Дѣйствительно, запоры у лавки оказались подломанными, но воры, испуганные появленіемъ старца въ образѣ метельщика, убѣжали, ничѣмъ не воспользовавшись.

Богатая женщина далеко отъ Сарова страдаетъ, задыхается отъ нарыва въ горлѣ. Голосъ пропалъ, вода проходила только каплями. Однажды ночью она сидѣла въ постели, обложенная подушками; служившіе ей уснули. Въ комнатѣ свѣтила лампа и лампада у иконъ. Вдругъ неожиданно вошелъ старецъ съ открытой головой, въ бѣломъ балахончикѣ, съ мѣднымъ крестомъ на груди. Онъ благословилъ больную и сказалъ ей: «про-

стая и добросердечная!»—и вышелъ. Въ ту же минуту больная громко воскликнула: «старецъ Божій, скажи еще что-нибудь!». Этотъ голосъ разбудилъ ея прислугу, и та спрашивала ее, съ кѣмъ она говорила.

По выздоровленіи ей принесли изображеніе о. Серафима, и въ немъ она узнала своего исцѣлителя, а въ Саровѣ ее поразило, что и одѣяніе его было то же, въ какомъ старецъ являлся ей.

Въ 1865 году въ домѣ г-жи Бар... предъ Рождествомъ раздавали по обычаю пособія нуждающимся.

Вошелъ отдѣльно старичекъ, сѣдой, согбенный, и, помолясь, говоритъ: «миръ дому сему и благословеніе». Раздатчица спросила его: «ты за подаяніемъ?»

— Нѣтъ, не за тѣмъ.

— Что-жъ тебѣ? Бери, если надо.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не надо, а только видѣть вашу хозяйку и сказать ей два слова.

— Хозяйки нѣтъ дома. Что передать—скажи намъ

— Нѣтъ, мнѣ надо самому.

Одна изъ прислуги шепнула другой: «что ему тутъ—пусть идетъ—можетъ, бродяга какой».

Старичекъ сказалъ: «когда будетъ хозяйка, я зайду, я скоро зайду». И вышелъ.

Раздатчица видѣла плохую обувь старичка и раскаялась, на нее напало какое-то смущеніе. Она выбѣжала на крыльцо, но и тамъ, и дальше никого не было; онъ точно исчезъ. Отъ хозяйки это скрыли, а подозрительной слугѣ во снѣ кто-то сказалъ: «ты напрасно говорила: у васъ былъ не бродяга, а великій старецъ Божій...»

На слѣдующее утро г-жѣ Бар... по почтѣ пришла посылка. Это оказалось изображеніе чтимаго въ домѣ старца о. Серафима кормящимъ медвѣдя.

Велико было изумленіе всѣхъ, когда тѣ, кто говорили со старичкомъ бѣднымъ, узнали его въ изображеніи о. Серафима.

Купецъ-богомолецъ съ приказчикомъ, несмотря на уговоры дивѣевскихъ сестеръ, выѣхали изъ Дивѣева, не переночевавъ, и попали въ страшный буранъ. Слѣдъ совершенно потеряли, лошади стали, и ямщикъ объявилъ, что не знаетъ, куда ѣхать, и окончательно замерзаетъ. Ждали смерти.

— Эхъ, братцы,—одумался вдругъ купецъ,—и мы-то хороши! Были мы на поклоненіи отцу Серафиму, а его помощи и не попросимъ. Давайте, попросимъ его.

И всѣ трое изъ послѣднихъ силъ стали на колѣни и начали

призывать помощь старца Серафима. Еще не кончена была молитва, какъ вдругъ, слышатъ они, кто-то возлѣ нихъ шаркаетъ по снѣгу и говоритъ: «Эй вы, что это гдѣ засѣли? Ну-ка вотъ ступайте за нами, мы васъ выведемъ на дорогу!..» И видятъ— мимо нихъ старичекъ и старушка везутъ салазки, оставляя по себѣ глубокій слѣдъ. Они выѣхали по слѣду, слышатъ все предъ собою голоса: «Сюда, сюда, за нами». А, какъ не пускаютъ свою тройку, все салазокъ догнать не могутъ. По дорогѣ упали въ какой-то оврагъ и думаютъ: бѣда. А голоса все кричатъ: «Не бойтесь, не бойтесь ничего, ступайте за нами».

Изъ оврага выбрались, опять поѣхали по слѣду, пока не показались огни, и тутъ и салазки, и слѣдъ, и старикъ со старушкой пропали. Это старецъ Серафимъ съ дивѣевской первоначальницей Агафіей Семеновной Мельгуновой вызволили ихъ изъ бѣды.

Замѣчательно это общеніе святыхъ, когда они являются вдвоемъ людямъ на помощь.

Кто лучше, какъ святой, можетъ оцѣнить и понять святого? Старецъ Серафимъ при жизни видалъ матушку Агафью Семеновну Мельгунову, дивѣевскую первоначальницу. Вѣроятно, нерѣдко пріѣзжала она въ Саровъ, но онъ уклонялся отъ людей, будучи при ея жизни послушникомъ и молодымъ іеродіакономъ. Онъ присутствовалъ при ея соборованіи, когда она просила игумена Саровскаго не оставить послѣ ея смерти нѣсколько благочестивыхъ женщинъ, которыхъ она пріютила у себя въ домѣ, и которыя составили первоначальное зерно будущей великой Дивѣевской обители.

Отецъ Пахомій обѣщалъ и промолвилъ:

— А послѣ меня попечется вотъ о нихъ отецъ Серафимъ.

Уѣхавъ тогда изъ Дивѣева, саровцы вернулись къ похоронамъ матушки Александры. Отецъ Серафимъ не остался даже на поминовенной трапезѣ и, несмотря на проливной дождь, пошелъ пѣшкомъ обратно въ Саровъ. Больше онъ въ Дивѣевѣ и не бывалъ. Но душа его была полна восторгомъ предъ памятью матушки Александры, которая изъ богатыхъ помѣщицъ стала какъ бы слугой крестьянства, работала, какъ «рабъ купленный», а все свое богатство употребила на возведеніе новыхъ и возобновленіе старыхъ церквей.

На своемъ своеобразномъ языкѣ онъ говаривалъ дивѣевскимъ насельницамъ: «великая жена зачинала ваше мѣсто. Я и по днесь ея стопочки лобызаю».

Въ одномъ изъ явленій своихъ старецъ сказалъ одной больной:

— Тебя Агафья жалѣетъ.

Господь далъ великое обѣтованіе: «Гдѣ двое или трое соораны во Имя Мое, тамъ Я посреди нихъ». А какая это несокрушимая сила, когда при какомъ-нибудь дѣлѣ на пользу земныхъ людей согласно молятся въ небѣ нѣсколько праведниковъ!

Старецъ Серафимъ со своей сильной душой, восхищавшейся всѣмъ прекраснымъ, любилъ съ восторгомъ говорить о великихъ людяхъ церкви, о такихъ дѣятеляхъ, какъ Аѳанасій Александрійскій, который одинъ отстоялъ истину православія противъ ереси Арія и ублажалъ великихъ подвижниковъ вѣры и благочестія.

Не тотъ же ли восторгъ предъ святыми видимъ и въ подвижникѣ послѣдняго нашего времени, отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ? Еще будучи молодымъ студентомъ Петербургской Духовной Академіи, онъ, сидя надъ твореніями Іоанна Златоуста, переживалъ такіе восторги, что въ восхищеніи его страницами начиналъ отъ радости плескать руками.

Какъ много надо ухаживать за людьми, чтобы быть съ ними въ добрыхъ сношеніяхъ, и, какъ, наоборотъ, святые откликаются намъ, какъ только что мы ихъ призовемъ. Однако, и святымъ утѣшительно, когда люди проявляютъ вѣрность къ ихъ памяти на всемъ протяженіи своей жизни. И неправильно поступаютъ тѣ почитатели святыхъ, которые недостаточно дорожатъ видимыми знаками заботы о себѣ этихъ праведниковъ.

Одному человѣку, который неожиданно получилъ образъ старца Серафима, очевидно, посланный этому лицу самимъ старцемъ, и который затѣмъ легко разстался съ этимъ образомъ по чьей-то просьбѣ, старецъ явился съ ласковымъ укоромъ.

Если наши внѣшнія нужды заботятъ собою святыхъ, то заботы ихъ усугубляются, когда дѣло идетъ о значительнѣйшихъ минутахъ нашего существованія, о переходѣ въ вѣчность.

Вотъ, въ Малой Азіи, въ ссылкѣ за свою правду, влекомый по каменистымъ дорогамъ, подъ жгучимъ солнцемъ или на холодномъ вѣтру, дивный Іоаннъ Златоустъ приближается къ концу своего подвига. Являются ему апостолы Петръ и Іоаннъ, которые были къ нему посланы во время его молодости, когда онъ подвижничалъ въ Антіохійскомъ монастырѣ.

— Радуйся, добрый пастырь словесныхъ овецъ Христовыхъ, крѣпкій страстотерпецъ,—говорятъ они,—мы посланы къ тебѣ общимъ владыкой нашимъ Іисусомъ Христомъ, чтобы помочь тебѣ и утѣшить тебя въ трудахъ и скорбяхъ, которые ты

понесъ за чистоту своей души. Ибо ты, подражая Іоанну Крестителю, обличилъ беззаконствующихъ царей. Мужайся и крѣпись. Тебѣ уготовано воздаяніе въ Царствіи небесномъ. Мы благовѣстимъ тебѣ великую радость: по прошествіи немногихъ дней ты отойдешь къ Господу Богу Твоему и будешь вѣчно блаженствовать съ нами въ Царствіи небесномъ.

Послѣ этихъ торжественныхъ словъ, апостолы подали святителю-исповѣднику что-то съѣдобное и сказали: «возьми и съѣшь, дабы тебѣ послѣ сего не требовать другой пищи въ сей жизни. Этого будетъ довольно для тебя до того времени, когда ты предашь свою душу въ руки Божіи».

Наканунѣ смерти, Іоанна привели въ Команы, гдѣ была церковь святого великомученика Василиска, епископа Команскаго, пострадавшаго въ Никомидіи при царѣ Максиміанѣ. Былъ канунъ дня Воздвиженія креста Господня. Ночью Іоанну явился священномученикъ Василискъ и сказалъ:

— Мужайся, братъ Іоаннъ, ибо завтра мы будемъ вмѣстѣ.

Такимъ образомъ, отъ рожденія до могилы мы можемъ находиться подъ благодатнымъ воздѣйствіемъ святыхъ.

Какъ мы видѣли, святые очень часто сами идутъ къ намъ на помощь. Праведники живые или отошедшіе въ небо призываютъ насъ къ себѣ, открываясь людямъ въ сновидѣніяхъ, обѣщая имъ помощь. Но Богъ далъ людямъ свободную волю, предоставилъ на выборъ: жить среди грѣшныхъ людей или искать общества праведниковъ.

«Съ кѣмъ поведешься, отъ того наберешься» говоритъ пословица. А изреченіе Ветхаго Завѣта говоритъ: «Съ преподобнымъ преподобенъ будеши, съ нечестивымъ развратишися». И духовная жизнь человѣка идетъ чрезвычайно успѣшно тогда, когда онъ изберетъ себѣ въ небѣ какого-нибудь заступника или руководителя, постоянно о немъ думаетъ, постоянно къ нему обращается.

Какъ въ жизни сходятся люди, имѣющіе между собою много точекъ соприкосновенія,—такъ и въ небѣ мы можемъ выбирать святыхъ, духовный обликъ которыхъ насъ особенно къ себѣ привлекаетъ. Человѣкъ аскетическаго склада выберетъ себѣ покровителями великихъ аскетовъ, постниковъ, молчальниковъ, суровыхъ иноковъ, убѣгавшихъ людей.

А люди живые, общительные и порывистые, люди, ждущіе ласки и жаждущіе постоянно видѣть проявленія участія со стороны тѣхъ, къ кому они привязались, не найдутъ себѣ лучшихъ небесныхъ друзей и покровителей, какъ всемірнаго чудотворца Николая или нашего тихаго, отзывчиваго праведника Сергія,

игумена Радонежскаго, или скораго утѣшителя, Саровскаго Серафима преподобнаго.

Вѣдь то самое, что святитель Николай Чудотворецъ чтимъ всей вселенной, призываемъ не только даже тѣми христіанскими вѣроисповѣданіями, которыя отметаютъ культъ святыхъ, какъ лютеране, но и язычествующими инородцами и магометанами—показываетъ, насколько онъ близокъ всѣмъ нуждающимся въ помощи, насколько осязательна и скора эта помощь, насколько онъ живъ для людей и общедоступенъ.

Это какой-то виртуозъ добра и сострадания; лучезарныя, столь понятныя дѣла его любви такъ отрадны и поучительны.

Онъ является такимъ высокимъ примѣромъ святости и помощи, что, разбираясь въ вопросѣ о святости, нельзя не остановиться на его служеніи людямъ.

Получивъ наслѣдство послѣ смерти родителей, Николай, бывшій тогда священникомъ, сталъ раздавать его нуждающимся.

Жилъ въ городѣ одинъ человѣкъ, который отъ большого богатства впалъ въ крайнюю нищету и рѣшилъ воспользоваться честью трехъ своихъ красавицъ-дочерей для своего обогащенія. Николай узналъ объ этомъ и рѣшилъ спасти несчастныхъ. Три раза по ночамъ онъ подкрадывался къ лачугѣ, въ которой ютился бывшій богачъ, бросая всякій разъ по мѣшку съ золотомъ на приданое каждой изъ дочерей. Только на третью ночь облагодѣтельствованная имъ семья успѣла обнаружить Николая, и онъ взялъ съ нихъ клятву, что они о его жизни никому ничего не откроютъ. Всѣ три дочери были выданы замужъ.

Во дни его епископства были въ городѣ Мурахъ невинно осуждены на казнь три гражданина. Святитель въ это время объѣзжалъ епархію. Къ нему былъ наряженъ гонецъ съ вѣстью: «весь городъ плачетъ и сѣтуетъ; еслибы ты былъ съ нами, то правитель не осмѣлился бы рѣшиться на это беззаконіе». Святитель немедленно вернулся въ Муры и, уже подъѣзжая къ городу, узналъ, что осужденныхъ повели на казнь. Когда онъ явился на площадь, первый изъ осужденныхъ уже ждалъ смертельнаго удара, и палачъ уже вынулъ изъ ноженъ мечъ.

Народъ радостно встрепенулся при видѣ знакомаго образа, внушавшаго всѣмъ отраду и надежду. Крикъ освобожденія пронесся по площади, и палачъ не посмѣлъ размахнуться мечомъ, чтобы нанести ударъ. Быстро, среди разступившагося народа, святитель подбѣжалъ къ плахѣ, вырвалъ мечъ изъ рукъ палача, бросилъ его на землю и развязалъ осужденнаго. По гро-

*

мадному уваженію, которымъ пользовался въ городѣ святитель Николай, никто не осмѣлился ему препятствовать.

Свидѣтелями этого поступка святителя были три царскихъ воеводы изъ Царьграда. Вскорѣ по возвращеніи ихъ въ столицу, они были оклеветаны. Ихъ противники успѣли вынудить у царя указъ о ихъ казни. Въ ночь передъ казнью, мучимые предсмертнымъ томленіемъ въ темницѣ, они вспомнили, какъ на ихъ глазахъ святитель Николай избавилъ отъ смерти трехъ мужей, и съ тою силою молитвы, которая доходитъ до Бога, для которой нѣтъ разстоянія, они взмолились дивному святителю о помощи.

Въ ту же ночь спавшему царю предсталъ святитель Николай и властно произнесъ: «встань скорѣй, разрѣши заключенныхъ въ темницѣ воеводъ, они оклеветаны и страдаютъ невинно». Объяснивъ царю все дѣло, святитель прибавилъ: «Если ты не исполнишь мое слово, то я воздвигну страшный мятежъ, и ты погибнешь несчастною смертью».

— Кто ты, зачѣмъ пришелъ ко мнѣ, почему угрожаешь нашей державѣ?—спросилъ царь.

— Мое имя Николай. Я архіерей Мурликійской митрополіи.

Святитель явился въ ту же ночь главному противнику воеводъ, и они съ царемъ пересказали другъ другу свои сновидѣнія.

Воеводы были вызваны къ царю, увѣрили его въ своей невинности и въ это время увидѣли сидящимъ рядомъ съ царемъ святителя. Царь вручилъ воеводамъ золотое евангеліе, золотое кадило, усыпанное драгоцѣнными каменьями, два свѣтильника и приказалъ имъ свезти все это святителю въ Муры.

Это двойное избавленіе отъ казни людей вспоминается въ церковной пѣснѣ святителю, въ словахъ—«положилъ еси душу твою о людѣхъ твоихъ и спаслъ еси неповинныя отъ смерти».

Святитель Николай считается покровителемъ въ морѣ плавающихъ. Въ великолѣпной базиликѣ, гдѣ почиваютъ мироточивыя мощи святителя, въ итальянскомъ городѣ Бари, на берегу Адріатическаго моря, пишущему эти строки пришлось видѣть скромную гравюру въ простой рамкѣ, на которой изображенъ—нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ спасенный святителемъ отъ бури итальянскій корабль.

Еще будучи въ священническомъ санѣ, онъ, увлекаемый святою мечтою, плылъ мимо береговъ Египта, направляясь къ Александріи, чтобы оттуда прослѣдовать въ Палестину. Поднялась страшная буря; всѣ ждали смерти. Святой Николай помолился, и внезапно море успокоилось. Въ это же плаваніе

одинъ изъ корабельщиковъ оборвался съ мачты и убился до смерти. И святой Николай сейчасъ же воскресилъ его своею молитвою.

Онъ также являлся людямъ, погибавшимъ въ морѣ. Однажды путники, плывшіе изъ Египта въ Ликійскую страну, были застигнуты страшной бурей; судно бросало, рвало вѣтромъ, корабль весь скрипѣлъ отъ хлещущихъ волнъ. Люди прощались съ жизнью. Никто изъ нихъ никогда не видалъ святителя Николая, но всѣ слыхали о томъ, какъ скоръ онъ на помощь просящимъ его. И воззвали они къ нему, какъ къ послѣднему убѣжищу. Онъ откликнулся. Святитель вошелъ на корабль и сказалъ:

«— Вы взывали ко мнѣ. Я пришелъ вамъ помочь, не бойтесь».

Онъ взялъ рукой за кормило и сталъ направлять корабль. И, какъ въ ту завѣтную евангельскую ночь, Христосъ запретилъ бурѣ бить ладью его апостоловъ,—такъ и тутъ святитель велѣлъ бурѣ перестать. И легла на морѣ тишина.

Такъ еще при жизни—люди, не видавшіе никогда его, призывали его въ своихъ бѣдахъ, и благодать, жившая въ этомъ дивномъ христіанинѣ, покоряла людей, которые подходили къ нему.

Какіе-то свѣтлые лучи исходили отъ него. И люди, страдавшіе страстями или скорбью душевной, находили невыразимое облегченіе уже тогда, какъ только взглядывали на святителя. Не одни его современники и средніе вѣка, богатые религіознымъ воодушевленіемъ, прославляютъ его.

Среди непросвѣщенныхъ язычниковъ и инородцевъ нашего суроваго сѣвера вы встрѣтите горячихъ почитателей святителя Николая. Онъ является имъ на помощь въ нуждахъ и опасностяхъ ихъ несложной жизни: выводитъ ихъ на дорогу, гибнущихъ отъ бурана, выводитъ, какъ крѣпкій кормчій, изъ бурь, когда ладьи ихъ попадаютъ подъ власть разсвирѣпѣвшей стихіи. Помня милосердіе и помощь своего помощника, они приходятъ въ русскіе города и, съ умиленіемъ найдя икону святителя, признаютъ въ ней являющагося имъ чудотворца, ставятъ передъ его иконой свѣчи, слезно молятся, кладутъ передъ нимъ въ видѣ дара добытые ими на охотѣ мѣха.

Столь же поразительны дѣла любви и милосердія, сотворенныя въ неисчислимомъ множествѣ святителемъ по прославленіи его.

Въ нынѣшней Сиріи жилъ благочестивый человѣкъ Агрикъ, который, почитая память святителя Николая, ежегодно въ день

его памяти ходилъ на богомолье въ его храмъ и затѣмъ устраивалъ трапезы для бѣдныхъ. Однажды шестнадцатилѣтняго сына Агрика, Василія, который наканунѣ праздника святителя Николая пошелъ въ его церковь, увели въ плѣнъ арабы съ острова Крита. Тамъ онъ былъ сдѣланъ виночерпіемъ князя Амиры. Три года скорбѣлъ отецъ объ утратѣ сына. Когда насталъ день памяти святителя, Агрикъ сказалъ женѣ:

— Мы совсѣмъ забыли великаго чудотворца и благодѣтеля нашего. Завтра день его памяти, принесемъ ему въ даръ елей, свѣчи и ѳиміамъ. Помолимся ему; быть можетъ, онъ вернетъ намъ сына или укажетъ, гдѣ онъ.

Побывавъ въ церкви, они поставили трапезу для бѣдныхъ. Во время трапезы вдругъ у двора залаяли собаки. Высланные посмотрѣть люди ничего не нашли, а лай все усиливался. Агрикъ вышелъ самъ и увидѣлъ предъ собой юношу, одѣтаго по-арабски, съ сосудомъ вина въ рукахъ. Василій служилъ у стола сарацынскаго князя и наливалъ ему вино, какъ его подхватилъ вихрь и поставилъ предъ отцомъ.

А вотъ—событіе, въ которомъ выяснились такая предупредительность, забота, ласка, покровительство святителя своему чтителю. Царьградскій ремесленникъ Николай послѣ долгой, трудовой жизни, въ старости впалъ въ нищету. Когда насталъ праздникъ святителя Николая, онъ мучился тѣмъ, что нечѣмъ ему ознаменовать этотъ праздникъ, и, посовѣтовавшись съ женой, рѣшилъ продать послѣднее, что у нихъ оставалось—коверъ. Съ этимъ ковромъ онъ пошелъ на торгъ. По дорогѣ попался ему навстрѣчу благолѣпный старецъ и купилъ коверъ за шесть золотыхъ.

Какъ оказалось потомъ, этого старца видѣлъ только самъ ремесленникъ, и прохожіе удивлялись, что онъ говоритъ съ кѣмъ-то невидимымъ. Тогда же тотъ же старецъ приходилъ къ женѣ ремесленника, принесъ ей коверъ, говоря, что мужъ велѣлъ ему этотъ коверъ къ ней доставить. Когда вернулся мужъ, жена стала упрекать его, что онъ не исполнилъ своего намѣренія. Мужъ же показывалъ оставшіяся деньги и закупленные имъ съѣстные припасы: вино, просфоры и свѣчи. Вѣсть о чудѣ распространилась по городу, и патріархъ приказалъ содержать до конца ихъ дней ремесленника съ его женой на доходы Софійскаго собора.

Отъ раннихъ лѣтъ христіанства своего русскій народъ прилѣпился душой къ великому милостивцу и помощнику своему, святителю Николаю. Нѣтъ почти города, гдѣ не былъ бы ему созданъ храмъ; нѣтъ, положительно, ни одного храма, гдѣ бы

не было его иконы. Иностранцы, посѣщавшіе древнюю Русь, свидѣтельствуютъ о такомъ напряженномъ почитаніи святителя Николая, что онъ представляется имъ особымъ русскимъ Богомъ. Святитель послалъ русскому народу множество иконъ своихъ, которымъ далъ чудотворную силу.

Въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ стоитъ чудотворный образъ «Никола Мокрый». Въ XI вѣкѣ одна богатая кіевлянка, плывя съ мужемъ и младенцемъ сыномъ въ лодкѣ по Днѣпру, уронила сына въ воду. Родители съ плачемъ звали на помощь святителя. Передъ заутреней на слѣдующее утро, отпирая двери Софійскаго собора, пономари услыхали плачъ младенца и нашли ребенка, лежавшаго мокрымъ предъ иконою святителя.

Когда великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской выступилъ изъ Москвы на рѣшительный бой съ Мамаемъ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы князю на деревѣ явилась икона святителя, ободрившая и поднявшая его духъ. Она «угрѣла», то есть обрадовала сердце князя, почему и основанный на мѣстѣ явленія монастырь названъ «Никола на Угрѣшѣ».

Увидѣть человѣческое горе, услыхать направленный къ нему стонъ,—для святителя Николая значитъ и помочь человѣку. Его можно назвать какимъ-то неустаннымъ, полнымъ святого безпокойства, чудотворцемъ—«Помогай, бросайся».

Ходитъ разсказъ, что въ одномъ изъ русскихъ приходовъ къ образу святителя Николая во время всенощной подошелъ пожилой крестьянинъ и сталъ просить святителя послать ему немедленно пятьдесятъ рублей. Многіе слышали эту молитву. Услыхалъ о ней и молодой мѣстный діаконъ. У него какъ разъ были въ кошелькѣ пятьдесятъ рублей. Чтобы подшутить надъ безхитростной вѣрой этого человѣка, діаконъ, когда крестьянинъ поклонился лбомъ въ землю, подбросилъ незамѣтно предъ нимъ на полъ эти деньги. Въ великой радости крестьянинъ положилъ ихъ себѣ въ карманъ, не раздумывая, откуда онѣ взялись.

Діаконъ сталъ требовать свои деньги обратно, а крестьянинъ не отдавалъ, повторяя:

— Я не знаю, кто ихъ положилъ. Я просилъ у святителя денегъ. Онъ ихъ мнѣ послалъ. Я тебѣ не отдамъ.

Священникъ приказалъ діакону оставить крестьянину эти деньги.

Есть другой разсказъ, не менѣе замѣчательный. Одна бѣдная дворянка, старая дѣвушка изъ Петербурга, получила въ распоряженіе свое на племянника своего нѣсколько тысячъ рублей, которыя постепенно на него израсходовала. Насталъ день,

когда опека потребовала отъ нея возвращенія этихъ денегъ. У старушки не было никакихъ средствъ ихъ вернуть. Единственное, что могла она дѣлать—со слезами взывать о помощи къ святителю Николаю.

Наканунѣ дня, назначеннаго для возврата денегъ, она слезно молилась предъ образомъ святителя въ Почтамтской церкви и тутъ же встрѣтила дальняго своего родственника, котораго давно не видала. Онъ былъ человѣкъ весьма состоятельный, но отличался чрезвычайною скупостью. Замѣтивъ ея разстроенный видъ, этотъ человѣкъ пригласилъ ее съ собою, привезъ въ своемъ экипажѣ къ себѣ домой и сталъ заботливо разспрашивать ее о причинѣ ея скорби.

Когда она ему все откровенно разсказала, онъ объявилъ, что какъ разъ имѣетъ въ своемъ столѣ нужную ей сумму, которую на другой день собирался внести въ Опекунскій Совѣтъ. Эти деньги онъ предложилъ ей. Онъ разсказывалъ потомъ, что какая-то необъяснимая сила заставила его, при всей его скупости, рѣшиться на этотъ совершенно необычный для него поступокъ.

Люди не приходятъ два или три раза туда, гдѣ имъ раньше было отказано. Напряженная вѣра въ святителя Николая всего міра христіанскаго, магометанскаго и язычествующаго показываетъ напряженіе, неистощимость и силу его добрыхъ дѣлъ на пользу страждущаго человѣчества.

Когда вамъ станетъ тяжело, когда у васъ появятся такія обстоятельства, что вы ума не приложите къ тому, какъ вамъ изъ нихъ вывернуться, вспомните о человѣкѣ, который выводилъ крѣпкою и надежною рукою людей изъ вратъ смерти, спасая въ самыхъ безнадежныхъ обстоятельствахъ. Вспомните того, кто подъ свистъ гудящаго вѣтра, въ разгаръ яростной бури, входя на корабль къ людямъ, воззвавшимъ къ нему, произнесъ то слово, которое надо на случай горя, нужды и отчаянія запечатлѣть вѣрующимъ въ своихъ сердцахъ:

«Вы призывали меня. Я пришелъ вамъ помочь. Не бойтесь».

И съ вѣками древности будемъ повторять похвалу, излитую въ честь святителя Николая знаменитымъ пѣснопѣвцемъ, святителемъ Андреемъ, епископомъ Критскимъ, слагателемъ великаго покаяннаго канона:

«Величаю тебя, митрополія Ликійская: ты стяжала пастыря чадолюбиваго. Ты пріяла на главу свою дорогой и нетлѣнный вѣнецъ. Кто это?—Николай, въ нуждахъ предстоящій съ небесными утѣшеніями, неукоснительный защитникъ въ обидахъ, великій въ чудесахъ и страшный въ явленіяхъ, спа-

сающій невинныхъ отъ погибели, разрушающій сновидѣніями неправильныя предпріятія».

Въ какой русскій храмъ вы ни войдете, вы непремѣнно замѣтите озаренную огнями усердно теплимыхъ свѣчъ, на видномъ мѣстѣ стоящую, икону сѣдовласаго старца съ пронзительнымъ взоромъ. Онъ или благословляетъ рукой, прижимая къ груди другою евангеліе, или, мощно распростеревъ руки, подымаетъ одной рукой къ небу храмъ, а въ другой держитъ мечъ. Знайте, что это васъ благословляетъ онъ, готовый спѣшить на помощь; знайте, что за васъ готовъ онъ обнажить мечъ въ защитѣ отъ обиды, въ предохраненіе отъ искушеній. И пусть во дни бѣдствій, сомнѣній и всякаго горя несется изъ души вашей немедленно слышимый и различаемый имъ въ тысячахъ, со всѣхъ сторонъ вселенной несущихся къ нему, стоновъ—крикъ души вашей:

«Святитель Николай, помогай намъ».

Кромѣ общепризнанныхъ церковью православною святыхъ, сіяющихъ въ вѣнцахъ святости, русскій народъ имѣетъ много заступниковъ, которыхъ призываетъ онъ на помощь свою, и которые еще не причислены къ лику святыхъ.

Многіе праведники оказываютъ людямъ чудесную помощь еще при жизни своей, и та благодарная память, которую они по себѣ оставляютъ, увѣренность въ близость ихъ къ Богу и посмертныя явленія ихъ заставляютъ людей обращаться къ нимъ за помощью, какъ эти люди шли къ нимъ при жизни. Образуется почитаніе еще не прославленнаго церковью праведника, которое предшествуетъ его сопричисленію къ лику святыхъ и продолжается иногда цѣлый вѣкъ и болѣе.

Среди писемъ спасителя Россіи отъ Наполеона, фельдмаршала Кутузова, сохранилось письмо, писанное имъ предъ отправленіемъ въ Турецкій походъ, который онъ заключилъ выгоднымъ для Россіи миромъ въ Бухарестѣ, къ знаменитому тогдашнему проповѣднику, настоятелю Кіевскаго Софійскаго собора протоіерею Іоанну Левандѣ. Посылая нѣсколько червонцевъ, Кутузовъ проситъ «по примѣру прежнихъ лѣтъ отслужить три панихиды у гроба святителя Ѳеодосія Углицкаго въ Черниговѣ». Такъ за цѣлый вѣкъ до канонизаціи святителя Ѳеодосія Черниговскаго благочестивые люди искали у него помощи.

Точно также множество исцѣленій совершилось у мощей святителя Іоасафа, который цѣлыя десятилѣтія почивалъ на

вскрытіи, подобно тому, какъ почивалъ всегда на вскрытіи святитель Ѳеодосій, никогда даже не бывшій погребеннымъ, потому что первое чудо мгновеннаго исцѣленія отъ тяжкой болѣзни совершилъ онъ надъ своимъ преемникомъ святителемъ Іоанномъ, впослѣдствіи митрополитомъ Тобольскимъ, также оставившимъ по себѣ впечатлѣніе святости.

Это множество подвижниковъ, отходящихъ къ Богу и предстоящихъ за свой народъ, почивающихъ въ нетлѣнныхъ мощахъ, чрезвычайно утѣшительно, свидѣтельствуя о томъ, насколько живъ духъ Христовъ въ церкви, какъ богато наша церковь плодоноситъ.

Упомянемъ имена нѣкоторыхъ подвижниковъ, чтимыхъ народомъ, будущихъ святыхъ русской церкви. Въ Кіевѣ нетлѣнно почиваютъ митрополиты Кіевскіе: Рафаилъ Заборовскій, Самуилъ, Филаретъ, современникъ Московскаго Филарета, Филоѳей и митрополитъ Тобольскій Павелъ Конюскевичъ. Тамъ же окружена народнымъ почитаніемъ память старцевъ іеросхимонаха Ѳеофила юродиваго и монаха Досиѳея,—дворянской дѣвицы, спасавшейся въ образѣ инока и давшей Прохору Мошнину—будущему старцу Серафиму Саровскому, совѣтъ идти въ Саровъ.

Подъ Москвой, въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, почиваетъ чудотворящій митрополитъ Филаретъ, о нѣкоторыхъ посмертныхъ дѣлахъ котораго сейчасъ будетъ разсказано. А въ своемъ основанномъ имъ близъ Лавры Виѳанскомъ монастырѣ почиваетъ скончавшійся во время отечественной войны и предсказавшій паденіе Наполеона знаменитый витія, митрополитъ Платонъ Левшинъ, имѣющій даръ исцѣленія дѣтей.

Въ Тобольскѣ чтутъ память Іоанна, митрополита Тобольскаго и всея Сибири, и архіепископа Тобольскаго Варлаама. Въ Новгородѣ схороненъ великій поборникъ православія, возстановитель русскаго монашества, правдолюбецъ Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій, современникъ и другъ митрополита Московскаго Платона. Во Псковѣ все болѣе утверждается вѣра въ святость архіепископа Симона Тодорскаго, современника императрицы Елизаветы Петровны. У раки его совершаются исцѣленія. Въ Карьковѣ чтутъ память почивающаго въ открытой ракѣ архіепископа Мелетія. Въ Воронежѣ убѣждены въ святости одного изъ величайшихъ русскихъ аскетовъ, архіепископа Антонія, и слѣпца архіепископа Іосифа. Вся Пенза ходитъ на поклоненіе епископу Иннокентію, пострадавшему въ царствованіе императора Александра Перваго за вѣрность православію и защиту его отъ сектантовъ.

Возбужденъ вопросъ о причисленіи къ лику святыхъ Софронія, архіепископа Иркутскаго, и убіеннаго шайкой Пугачева митрополита Іосифа Астраханскаго. Въ Алатырскомъ монастырѣ Симбирской епархіи нетлѣнно почиваетъ и чудотворитъ схимонахъ Вассіанъ. Въ такихъ строгихъ пустыняхъ, какъ Глинская, Софроніева-Молченская, Оптинская и Саровская, имѣется по нѣсколько праведниковъ, прославленія которыхъ можно ожидать: въ Саровѣ—современникъ старца Серафима молчальникъ Марко, а въ близъ лежащей Дивѣевской обители первоначальница Агафья Семеновна Мельгунова, въ иночествѣ Александра, монахиня Елена Мантурова и юная монахиня Марія, въ схимѣ Маρа Мелюкова, юродивая Пелагія Ивановна. Въ недалекомъ отъ Дивѣева Арзамасѣ—основательница Арзамасской Алексѣевской общины Марія Петровна Протасьева, въ схимѣ Маρа, подвижница восемнадцатаго вѣка. Въ Оптиной пустыни старцы: Леонидъ-Левъ, Макарій, Амвросій, архимандритъ Моисей и братъ его игуменъ Антоній. Около Лебедяни находятся двѣ женскихъ общины: Сезеновская и Троекуровская, гдѣ почиваютъ праведные ихъ основатели, затворники старецъ Илларіонъ Троекуровъ, и Іоаннъ Сезеновскій. Городъ Задонскъ, кромѣ мощей святителя Тихона, славится своимъ праведнымъ затворникомъ Георгіемъ изъ гусарскихъ офицеровъ, схимонахомъ Митрофаномъ, собесѣдникомъ святителя Тихона, юродивымъ Антоніемъ Алексѣевичемъ, основательницей страннопріимнаго монастыря Матроной Наумовной и подвижницей Евѳиміей Григорьевной Поповой. Въ Ельцѣ помнятъ затворницу Дѣвичьяго монастыря Меланію и священника Іоанна Борисова, день памяти котораго справляется всѣмъ городомъ. Всѣ эти праведники являются людямъ съ помощью, съ предупрежденіемъ, съ исцѣленіемъ.

Святитель митрополитъ Филаретъ скончался девятнадцатаго ноября 1867 года. Въ 1883 году вечеромъ, наканунѣ дня святого Филарета милостиваго (перваго декабря), имя котораго носилъ митрополитъ, одинъ московскій книгопродавецъ, чтившій его память, собрался въ театръ. Еще онъ не вышелъ изъ лавки, какъ ему приносятъ портретъ митрополита, который ему давно хотѣлось имѣть. Онъ купилъ портретъ, и въ это время ударили на сосѣдней колокольнѣ. Онъ спросилъ, какой завтра праздникъ. Ему отвѣтили, что день ангела почившаго митрополита. Онъ призадумался и, вспомнивъ, что и торговлю свою онъ когда-то открылъ перваго декабря, пошелъ ко всенощной.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ взялъ болѣе обширную лавку.

Когда весь товаръ уже былъ перенесенъ, онъ пошелъ въ церковь пригласить священника для молебна. Въ церкви служили панихиду по митрополитѣ Филаретѣ: опять было первое декабря. Чрезъ нѣсколько дней, когда онъ открылъ уже лавку для покупателей, входитъ простой русскій мужичекъ и, дѣлая починъ, спрашиваетъ: «Слова и рѣчи» митрополита Филарета. «Пусть умники нынѣшняго вѣка назовутъ все это случайностью,—заключаетъ свой разсказъ книгопродавецъ,—но я, темный человѣкъ, не могу не видѣть въ этомъ благословенія великаго митрополита и потому свято чту его память».

Незадолго до кончины митрополита былъ у него за благословеніемъ сынъ богатаго московскаго негоціанта В. А. Мед-въ. Онъ собирался по торговымъ дѣламъ въ далекій путь по Средней Азіи. Въ январѣ 1867 года онъ возвращался въ Россію по Каракумской степи изъ Коканда. Его сопровождалъ одинъ русскій и проводникъ-киргизъ, ѣхали на трехъ верблюдахъ. Пятнадцатаго января поднялся ужасный буранъ, морозъ доходилъ до сорока градусовъ, дорогу занесло. Мятель слѣпила глаза. Всадники и верблюды дрожали отъ холода. Они потеряли не только дорогу, но и направленіе, по которому надо было ѣхать, и плутали болѣе двѣнадцати часовъ. Наконецъ, верблюды остановились и жалобно кричали. Тоска страшная овладѣла людьми. Проводникъ предсказывалъ гибель. Его слова подтверждались валявшимися по сторонамъ дороги костями и скелетами... Тогда М-въ предложилъ спутникамъ помолиться Богу о помощи и предаться Его волѣ... Молясь, онъ вспомнилъ Москву, свою родину, покойныхъ своихъ родителей, близкаго къ нимъ митрополита Филарета, (о смерти котораго онъ еще не зналъ, и у котораго предъ выѣздомъ принялъ благословеніе). Горячо помолившись, онъ прислонился къ верблюду и сталъ забываться. И тутъ ему представилось такое зрѣлище.

Шла процессія, впереди ея митрополитъ Филаретъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ. Его подъ руки ведетъ отецъ М-ва и говоритъ митрополиту: «Благослови, Владыка, сына моего Василія».—И митрополитъ перекрестилъ его, говоря: «Богъ благословитъ тебя благополучно продолжать путь».

Видѣніе кончилось, дремота М-ва прекратилась, и вдругъ онъ услышалъ лай собаки. Ни одной собаки, между тѣмъ, съ ними не было. Всѣ слышали этотъ лай, а верблюды сами повернули въ ту сторону и бодро пошли въ сторону лая. Пять

или болѣе верстъ раздавался предъ путниками этотъ лай невидимой собаки и довелъ ихъ до киргизскаго аула.

Подкрѣпившись, они спросили, гдѣ собака, которая привела ихъ къ жилью. Этотъ вопросъ удивилъ киргизовъ: во всемъ аулѣ не было ни одной собаки...

На Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ почиваетъ Христа ради юродивая блаженная Ксенія, совершавшая свой подвигъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Обширная благолѣпная часовня на мѣстѣ ея погребенія не вмѣщаетъ въ праздничные дни приходящаго къ ней народа, но и въ будни почти не прекращаются постоянныя панихиды по ней. Уже самое скопленіе народа у ея гроба показываетъ дѣйственность обращенія къ ней. Вѣдь, если кто-нибудь, услышавъ о ней, придетъ разъ или два и не получитъ помощи тутъ, тотъ не вернется къ ней опять. Между тѣмъ тутъ количество приходящихъ все увеличивается.

Блаженная Ксенія, по общему вѣрованію, оказываетъ особенную помощь въ дѣлахъ семейныхъ, въ полученіи мѣстъ, въ опредѣленіи дѣтей въ учебныя заведенія. Это вѣрованіе основано на разныхъ замѣчательныхъ опытахъ ея заступленія.

У матери-вдовы изъ высшаго званія была дочь уже взрослая. Къ ней посватался полковникъ, которому дано было согласіе. Между тѣмъ сердца матери и дочери были непокойны. Онѣ поѣхали на могилу блаженной Ксеніи и со слезами предъ нею молились. Въ тотъ же день женихъ отправился въ казначейство за казенными деньгами и здѣсь былъ арестованъ по указанію часового. Оказалось, что часовой этотъ сопровождалъ его, какъ важнаго преступника. Онъ бѣжалъ и, убивъ встрѣчнаго офицера, завладѣлъ его деньгами и документами, присвоилъ себѣ, такъ сказать, его личность и чуть не сгубилъ молодую жизнь.

Докторъ Булохъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для пріисканія мѣста, три недѣли хлопоталъ безуспѣшно. По совѣту знакомыхъ, отъ отслужилъ панихиду на могилѣ блаженной Ксеніи и на другой же день назначенъ былъ въ городъ Ржевъ. Такой же случай былъ съ г. Исполатовымъ, который послѣ молитвы у могилы блаженной Ксеніи получилъ предложеніе разомъ четырехъ мѣстъ.

Одна полковница привезла двухъ сыновей въ Петербургъ опредѣлить въ кадетскій корпусъ, но это ей не удавалось. Въ день отъѣзда она идетъ по мосту, горько плача. Къ ней подошла женщина простого по виду званія и говоритъ ей:

— Что ты плачешь? Пойди, отслужи панихиду на могилѣ блаженной Ксеніи, и все будетъ хорошо.

— Кто же это Ксенія, гдѣ ея могила?—спросила вдова.

— Языкъ до Кіева доведетъ,—отвѣчала незнакомка.

Вдова узнала, кто такая Ксенія, и отслужила панихиду на ея могилѣ. Вернувшись съ кладбища домой, она узнала, что въ ея отсутствіе ее требовали въ корпусъ: дѣти были неожиданно приняты.

Къ псковской помѣщицѣ пріѣхала погостить ея родственница, жившая въ Петербургѣ, и много разсказывала ей про блаженную Ксенію. Разсказъ этотъ настолько повліялъ на помѣщицу, что, ложась спать, она въ молитвѣ помянула блаженную.

Она въ эту ночь видѣла сонъ, что Ксенія ходитъ вокругъ ея дома и поливаетъ его водой.

На слѣдующее утро загорѣлся сарай съ большимъ количествомъ сѣна. Домъ былъ въ опасности, но уцѣлѣлъ.

Въ одной семьѣ, занимавшей совершенно исключительное по высотѣ своей положеніе, былъ опасно боленъ молодой мужъ.

Однажды истопникъ, встрѣтясь въ корридорѣ съ молодой наслѣдницей, доложилъ ей, что былъ исцѣленъ пескомъ съ могилы блаженной Ксеніи, и просилъ положить этого песку подъ подушку больного наслѣдника. Это было исполнено. Ночью, когда молодая жена въ полузабытьи сидѣла у постели мужа, она увидѣла предъ собою женщину въ рубищѣ, которая сказала ей, что мужъ ея выздоровѣетъ, и вскорѣ родится у нея дочь, которую нужно назвать Ксеніею, и она будетъ хранительницею семьи.

Люди, судящіе о религіи съ-кондачка, часто подсмѣиваются надъ убѣжденіемъ вѣрующихъ, что святые имѣютъ свои особые дары, за которыми и обращаются къ нимъ вѣрующіе.

Между тѣмъ, при вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу, тутъ нѣтъ ничего смѣшного, а все объясняется совершенно понятно для лица, знакомаго съ человѣческой психологіей. Складъ человѣческаго характера заставляетъ человѣка интересоваться тѣмъ или другимъ. И, чѣмъ крупнѣе извѣстные люди, тѣмъ ярче выраженъ ихъ интересъ именно къ той, а не къ другой области жизни.

Эдиссонъ, интересующійся своими открытіями, нисколько не интересуется географіей, какъ знаменитые изслѣдователи невѣдомыхъ странъ не интересуются, положимъ, искусствомъ,

которымъ только и дышатъ знаменитые художники или музыканты.

Святые, по складу своего характера, принимали къ своему сердцу особенно близко какой-нибудь одинъ видъ людскихъ несчастій. Пантелеймонъ-цѣлитель былъ при жизни врачомъ, почему и изображается на иконѣ съ ящикомъ своихъ лѣкарствъ въ рукѣ, и его искусству помогала его вѣра. Понятно, что въ новомъ видѣ своего бытія, являющагося гармоническимъ развитіемъ лучшихъ свойствъ души, которыя были сродны этой душѣ во время земной его жизни, онъ больше всего призираетъ на больныхъ и исцѣляетъ обращающихся къ нему именно за этой врачебной помощью людей.

Святитель Николай, столь часто и при жизни, и по отшествіи своемъ извлекавшій людей изъ бѣдъ на морѣ, сохранилъ то же попеченіе о плавающихъ—и въ небесную пору своего бытія.

Святитель Гурій Казанскій, который, неповинно заключенный подъ землей, находилъ въ себѣ силы переписывать азбуки для дѣтей и потомъ чрезъ довѣренныхъ продавалъ ихъ, для раздачи вырученныхъ денегъ бѣднымъ: понятно, не утратилъ и теперь своего интереса къ распространенію грамоты, почему къ ракѣ его родители приводятъ дѣтей, которыя начинаютъ учиться.

Святитель Спиридонъ Тримифунтскій ознаменовалъ жизнь свою чрезвычайнымъ человѣколюбіемъ и чудесами на помощь страждущимъ. Онъ остановилъ потокъ на пути своемъ, когда шелъ спасти неповинно осужденнаго. Онъ во время голода превратилъ змія въ злато, чтобы дать денегъ голодавшему поселянину. Поэтому къ нему и обращаются люди въ денежныхъ затрудненіяхъ.

Мученики Гурій, Самонъ и Авивъ почитаются покровителями брака вслѣдствіе помощи, оказанной имъ одной обманутой дѣвушкѣ. Благочестивая вдова Софія изъ Эдессы выдала дочь свою Евѳимію замужъ за воина-готта. Увозя ее съ собою домой, готтъ, возложивъ руку на гробницу мучениковъ Гурія, Самона и Авива, произнесъ:

— Отъ рукъ вашихъ, святые, принимаю отроковицу, и васъ беру поручителями и свидѣтелями передъ матерью ея, что не сдѣлаю никакого зла супругѣ, но буду хранить ее съ любовью и почитать до конца.

Между тѣмъ, привезя молодую жену къ себѣ домой, онъ сдѣлалъ ее прислужницей остававшейся дома жены, тогда какъ прежде прикинулся холостымъ. Жена эта отравила ребенка Ев-

ѳиміи, а, когда Евѳимія омочила въ винѣ, поданномъ госпожѣ, шерсть, которою она вытерла губы своего умершаго младенца, и та отъ этого вина умерла, готтъ со своими родными заключилъ Евѳимію въ погребальную пещеру покойницы.

По молитвѣ несчастной Евѳиміи, ей явились мученики Гурій, Самонъ и Авивъ и чудесно перенесли ее въ свой Эдесскій храмъ.

Готтъ, считавшій Евѳимію умершею въ гробницѣ, былъ посланъ въ Эдессу для охраны города. Здѣсь преступленіе его обнаружилось, и онъ былъ казненъ.

Вотъ, какое дивное заступленіе оказали мученики Гурій, Самонъ и Авивъ довѣрившейся имъ женщинѣ, и вотъ, почему христіане вѣрятъ въ то, что они имѣютъ благодать охранять христіанскій бракъ.

Ахъ, какъ бы хотѣлось утвердить въ людяхъ эту вѣру, которая такъ облегчаетъ жизнь, которая такъ удваиваетъ и утраиваетъ духовныя силы, даетъ такое терпѣніе въ скорби, такое мужество и настойчивость, въ преслѣдованіи добрыхъ своихъ цѣлей, даетъ такую непоколебимую увѣренность въ будущее блаженство, въ высокое призваніе человѣка: вѣру въ то, что нѣтъ жизни только земной, что земная жизнь есть только короткій мигъ въ общемъ теченіи безграничнаго существованія души, что нѣтъ двухъ отдѣльныхъ міровъ: земного и небеснаго, что души людей отшедшихъ отъ земли не забываютъ земныхъ людей, видятъ ихъ, пекутся о нихъ, утѣшаютъ ихъ въ опасностяхъ, спасаютъ отъ искушенія, стараются помочь имъ жить для Бога, достичь того царствія небеснаго, котораго сами достигли.

Если бы только мы вѣрили необоримо и крѣпко, что вокругъ насъ собранъ громадный міръ святыхъ, изъ которыхъ всякій только того и ждетъ, чтобы мы его призвали, чтобы мы дали ему участвовать въ нашей жизни, чтобы начать свое благое на насъ воздѣйствіе!..

Если бы мы только вѣрили, что близкіе люди, отъ насъ отошедшіе, продолжаютъ жить съ нами, любить насъ дѣятельною любовью, молятся за насъ Богу, прося взамѣнъ отвѣтныхъ молитвъ за нихъ!

«Душа душѣ вѣсть подаетъ». Сегодня вѣрующій помолился праведнику, почтилъ его, ничего у него не прося и не имѣя въ данную минуту вообще ни къ кому никакой просьбы. А завтра, или черезъ мѣсяцъ, или чрезъ годъ, или чрезъ многіе

годы у этого человѣка какая-нибудь тяжелая нужда—и святой, котораго онъ почтилъ, безъ его даже просьбы спѣшитъ ему на помощь. Или грозитъ ему какая-нибудь внезапная и страшная опасность, которую онъ и не подозрѣваетъ, и тотъ же святой заслоняетъ его своей чудотворной силой.

Царь Алексѣй Михайловичъ чрезвычайно благоволилъ къ Сторожевскому монастырю преподобнаго Саввы, верстахъ въ пятидесяти отъ Москвы. Случилось читать переписку царя по дѣламъ этого монастыря, изъ которой видно, съ какою заботою строилъ царь благолѣпіе этого монастыря, лилъ для него колокола и украшалъ его живописью, какъ велико было стремленіе царской души посѣтить эту дорогую для него обитель.

Объясняется эта любовь царя къ обители тѣмъ, что преподобный Савва спасъ царя въ минуту смертельной и безвыходной опасности. Тѣшась медвѣжьей охотой въ окрестностяхъ Саввина монастыря, царь, какъ-то случайно оставленный другими охотниками, очутился лицомъ къ лицу со страшнымъ медвѣдемъ, который, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него. Царь прощался уже въ мысляхъ съ жизнью, какъ вдругъ на медвѣдя вышелъ старый инокъ и отогналъ его. Прибывъ затѣмъ въ Саввинъ монастырь, царь узналъ по иконѣ являвшагося ему старца—его спасъ преподобный Савва.

Такъ же замѣчательно спасеніе преподобнымъ Саввой своего монастыря чрезъ два вѣка, отъ разоренія французами. Въ двѣнадцатомъ году въ Саввинъ монастырь пришелъ со своимъ отрядомъ пасынокъ императора Наполеона, принцъ Евгеній Богарне. Ночью явился ему старецъ съ приказаніемъ охранять его обитель, и за то обѣщалъ ему невредимое возвращеніе домой. Принцъ запретилъ своимъ солдатамъ что-нибудь трогать и поставилъ для охраны собора у ихъ дверей часовыхъ.

Евгеній Богарне принадлежалъ къ немногимъ изъ военачальниковъ Наполеона, благополучно вернувшихся съ похода. Впослѣдствіи сынъ его, принцъ Максимиліанъ Лейхтенбергскій, женился на дочери императора Николая Павловича, великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, посѣтилъ обитель преподобнаго Саввы и разсказывалъ, со словъ своего отца, объ этомъ явленіи преподобнаго Саввы принцу Евгенію.

Основатель Кольско-Печерскаго монастыря на крайнемъ русскомъ сѣверѣ, преподобный Трифонъ Кольскій (скончался въ 1583 году) былъ по дѣламъ своей обители въ Москвѣ. Онъ подалъ свою челобитную царю Ивану Грозному, когда тотъ съ

благочестивымъ царевичемъ Ѳеодоромъ шелъ въ церковь. Царевичъ Ѳеодоръ отличался чрезвычайной набожностью и чувствовалъ особое влеченіе къ подвижникамъ. Его сердобольному сердцу захотѣлось тутъ же оказать какую-нибудь ласку дальнему иноку. Онъ выслалъ изъ притвора преподобному свою шубу, приказалъ передать ему, что спѣшитъ предупредить своею милостью милость царя, и проситъ его шубу эту употребить на ризы.

Дѣло въ томъ, что шубы знатныхъ русскихъ были въ то время крыты великолѣпной парчей, и даже въ патріаршей ризницѣ до сихъ поръ хранятся ризы, сдѣланныя изъ жалованныхъ царями шубъ.

Прошло не мало лѣтъ. Ѳеодоръ былъ царемъ. Русское войско осаждало Нарву. Ѳеодоръ ночевалъ въ шатрѣ. Тутъ ему явился благолѣпный старецъ въ иноческой одеждѣ и сказалъ:

— Встань, государь, и выйди изъ шатра, иначе будешь убитъ.

— Кто ты такой?—спросилъ царь.

— Я тотъ Трифонъ,—отвѣчалъ явившійся,—которому ты подалъ твою одежду, чтобы твоя милость предварила другія. Господь Богъ послалъ меня къ тебѣ.

Едва царь успѣлъ выйти изъ шатра, какъ ядро изъ города ударило въ царскую кровать. Царь немедленно послалъ въ обитель благодарность и дары преподобному Трифону. Но посланные гонцы вернулись съ вѣстью, что преподобнаго уже нѣтъ на свѣтѣ.

Одинъ человѣкъ, хорошо знавшій въ своей юности старца Амвросія Оптинскаго, былъ отчаянно боленъ тифомъ, соединеннымъ съ сильнѣйшимъ плевритомъ обѣихъ сторонъ. Окруженный прекраснымъ уходомъ врачей, съ неотходившими отъ него опытными фельдшерами, онъ лежалъ все же одинокій, вдали отъ родныхъ, вполнѣ приготовившись къ мысли о смерти. Были сдѣланы всѣ послѣднія распоряженія, опредѣлены подробности похоронъ. Больного особоровали и дважды пріобщили; оставалось только умереть.

Шестого декабря вечеромъ больной, который былъ до того слабъ, что не могъ поднять руки, и временами не могъ прошептать нѣсколькихъ необходимыхъ словъ, хотя все время голова его сохраняла полнѣйшую свѣжесть, вспомнилъ про отца Амвросія и про то, что на завтрашній день—святителя Амвросія Медіоланскаго, праздновались именины старца. Въ этотъ же день была память Николая Чудотворца.

Онъ велѣлъ принести себѣ висѣвшій въ другой комнатѣ

небольшой образокъ святителя Николая Чудотворца, которымъ старецъ благословилъ его за мѣсяцъ до своей кончины при ихъ послѣднемъ свиданіи. Этотъ образокъ ему положили на пылавшую отъ сильнаго жара голову. Тогда же почувствовалъ онъ какое-то необыкновенное облегченіе, и весь погрузился въ отрадное состояніе покоя и надежды. Немедленно съ него побѣжалъ обильный потъ, продолжавшійся всю ночь, и съ утра началось быстрое выздоровленіе.

Мы говорили сейчасъ о давнихъ святыхъ и давнихъ дѣлахъ. Хочется разсказать теперь о двухъ событіяхъ необыкновенныхъ по значенію, хотя они и не носятъ въ себѣ характера поразительныхъ чудесъ—событій, которыя совершились въ теченіе послѣднихъ годовъ на глазахъ пишущаго эти строки, въ обыденной жизни.

Одинъ мой знакомый читалъ жизнеописаніе извѣстнаго архимандрита Антонія, намѣстника Троице-Сергіевой Лавры, друга митрополита Филарета. Тамъ, между прочимъ, приведено было письмо одной московской барыни изъ богатой семьи, которая осталась молодой вдовой съ двумя дѣтьми, сильно скорбѣла и находила духовную поддержку въ отцѣ Антоніи.

Какъ-то разъ, описывая отцу Антонію явленіе ей во снѣ старца Серафима (это было за нѣсколько десятилѣтій до церковнаго прославленія преподобнаго Серафима), она пишетъ, что отецъ Серафимъ, подойдя къ ней, схлебнулъ ея слезы. Это выраженіе потрясло до глубины душу читавшаго человѣка, потому что трудно двумя словами лучше выразить всю безграничную заботу старца Серафима объ усердствующихъ къ нему людяхъ, всю силу отклика его, принимающаго въ свою душу все горе, весь душевный грузъ человѣка... Отложивъ въ сторону книгу, онъ глубоко задумался надъ этими взволновавшими его словами.

Тутъ же, чрезъ какія-нибудь нѣсколько секундъ, раздался звонокъ телефона. Знакомый сказалъ ему, что есть одинъ господинъ, котораго онъ когда-то встрѣчалъ въ одномъ домѣ, который очень хочетъ свидѣться съ нимъ и, будучи нездоровымъ, проситъ его заѣхать къ нему. Недѣли чрезъ двѣ это свиданіе устроилось.

Они заговорили о двухъ дорогихъ для нихъ людяхъ: митрополитѣ Филаретѣ и старцѣ Серафимѣ. И будучи еще подъ вліяніемъ вычитанныхъ имъ словъ, тотъ господинъ сказалъ хозяину:

— Я недавно прочелъ въ жизнеописаніи архимандрита Ан-

*

тонія лучшія, кажется, слова, какія мнѣ доводилось слышать объ отцѣ Серафимѣ, именно, что онъ у одной скорбной вдовы «схлебнулъ слезы».

— Эта вдова была моя мать,—сказалъ хозяинъ,—это ея письмо къ архимандриту Антонію вы читали.

Какъ же было не повѣрить, что самъ старецъ устроилъ это знакомство, сблизилъ между собою двухъ родныхъ по духу людей на ихъ взаимную пользу!

Митрополитъ Филаретъ глубоко вѣрилъ въ общность и взаимодѣйствіе обѣихъ громадъ нераздѣльной жизни—земли и неба. Онъ разсказывалъ, что за нѣсколько времени до кончины явился ему его отецъ и произнесъ краткія слова:

— Береги девятнадцатое число.

А онъ и почилъ девятнадцатаго ноября.

Выше было разсказано, какъ митрополитъ Филаретъ нѣкоторыми совпаденіями показалъ одному своему почитателю-книгопродавцу участіе, которое онъ принимаетъ въ его торговомъ дѣлѣ.

А вотъ, что случилось совсѣмъ недавно съ однимъ моимъ знакомымъ, точно также почитающимъ память митрополита Филарета. Этотъ знакомый получилъ недавно землю на крайнемъ русскомъ югѣ, въ Закавказьѣ, и предполагалъ засадить ее высокоцѣнными и доходными лимонными деревьями. Не имѣя знакомствъ въ той мѣстности, совершенно неопытный въ этомъ вопросѣ, онъ недоумѣвалъ, какъ приступить къ дѣлу.

Утромъ онъ читалъ жизнеописаніе митрополита Филарета и, между прочимъ, о томъ, какъ митрополитъ послѣ своей смерти избавилъ отъ гибели московскаго негоціанта, ѣхавшаго въ Сибирь по степи и застигнутаго жестокимъ бураномъ. Въ этомъ описаніи было упомянуто имя города Коканда, откуда возвращался спасенный.

Вечеромъ этого дня этотъ господинъ отправился на только только что открытую въ Петербургѣ выставку «Русская Ривьера», которою онъ имѣлъ теперь особое основаніе интересоваться, какъ относящейся до того края, гдѣ онъ думалъ хозяйничать.

У одной изъ витринъ онъ разговорился съ южной землевладѣлицей и упомянулъ о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у него была земля.

— Ахъ,—сказала она,—вамъ надо познакомиться съ очень энергичной барыней, которая имѣетъ тамъ громадные питомники растеній. Она вамъ можетъ дать хорошіе совѣты.

Знакомство произошло тутъ же. И во время разговора онъ

узналъ, что эта чрезвычайно дѣятельная и толковая особа, только за нѣсколько лѣтъ до того приступившая къ хозяйству, достигла уже громадныхъ результатовъ и что мужъ ея служитъ въ Кокандѣ. Она предложила ему всячески помогать и подъ своимъ руководствомъ отборными деревьями своего питомника засадить его землю.

Можно отрицать необычайность такого совпаденія. Но для этого человѣка, видѣвшаго на себѣ уже раньше опыты помощи и заступленія митрополита Филарета, было несомнѣнно, что въ теченіе одного дня дважды слышать имя города, которое онъ не слыхалъ ни разу впродолженіи многихъ лѣтъ и найти крайне важную помощь: значило въ этомъ совпаденіи ощутить опять участіе къ себѣ великаго и благого чудотворнаго помощника. И этотъ помощникъ шепталъ ему: «Я помню о твоемъ дѣлѣ и помогу».

Подумайте теперь, какая чудная связь, какія необыкновенныя совпаденія: книга о Филаретѣ и проекты южнаго хозяйства, Петербургъ и въ четырехъ тысячахъ верстъ отъ него залитое солнцемъ побережье, граничащее съ Турціей—и все связано вмѣстѣ помогающимъ съ высокаго неба, всезрящимъ чудотворцемъ.

Мы говорили до сихъ поръ о помощи, которую оказываютъ канонизованные святые или великіе, хотя бы еще къ лику святыхъ не причисленные, праведники. Но еще болѣе утѣшительнымъ, быть можетъ, доказательствомъ общности и неразрывности двухъ міровъ является та помощь, которую оказываютъ своимъ близкимъ люди вѣровавшіе, но не достигшіе той особой высоты, съ которой начинается святость.

Одинъ молодой человѣкъ отправился послѣ долговременной опасной болѣзни въ южный климатъ, когда получилъ депешу о безнадежномъ положеніи своего отца. Отцу было семьдесятъ лѣтъ, но онъ былъ полонъ силъ, могъ совершать, не присѣвши, прогулки верстъ по пятнадцати. Все, повидимому, обѣщало ему долгую жизнь.

Сынъ засталъ отца уже безъ памяти и черезъ сутки, особоровованный и пріобщенный при немъ, отецъ умеръ. Эта смерть повергла сына въ какое-то тупое отчаяніе. Одно обстоятельство особенно усугубляло его скорбь. Наканунѣ отъѣзда сына отецъ, повидимому, желалъ провести съ нимъ вечеръ. Сынъ былъ приглашенъ въ одинъ домъ, гдѣ онъ любилъ бывать, и принялъ это приглашеніе. При уходѣ его, отецъ съ нѣкоторой укоризной сказалъ ему:

— Опять ты тамъ засидишься, и мы съ тобою не увидимся.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ онъ, я вернусь рано.

Но, дѣйствительно, онъ тамъ засидѣлся, и, когда вернулся, отецъ его уже лежалъ въ постели. Они простились нѣсколькими словами чрезъ дверь. Поѣздъ отходилъ раннимъ утромъ, такъ что больше они въ этой жизни не могли поговорить.

Эта мысль и раскаяніе за то, что онъ не провелъ съ отцомъ послѣднихъ часовъ, которые могъ ему посвятить, его сильно разстраивали. Не оправившись еще отъ болѣзни, отъ которой онъ искалъ полнаго исцѣленія на югѣ, онъ чувствовалъ себя отвратительно. Въ немъ была какая-то болѣзненная апатія. Ему казалось, что онъ не можетъ кончить ни одного дѣла, за которое онъ возьмется: написать краткую, необходимую записку, куда—нибудь сходить.

Между тѣмъ дѣла послѣ отца остались въ довольно большомъ разстройствѣ и требовали напряженной дѣятельности. И вотъ, сынъ дней чрезъ двадцать по кончинѣ отца видитъ его во снѣ: будто бы они сидятъ гдѣ-то вмѣстѣ. Отецъ разслабленный прислонился къ дивану и проситъ, чтобы сынъ перевелъ его на кресло. Сынъ поддерживаетъ отца, который наваливается на него всею тяжестью своего тѣла, и сынъ чувствуетъ, что какія-то новыя силы вливаются отъ него отъ этого крѣпкаго соприкосновенія. Онъ вскорѣ проснулся и съ утра чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Обычная его энергія вернулась съ удвоенной силой.

Развѣ это не было чудеснымъ явленіемъ отца сыну съ исцѣленіемъ его и, вмѣстѣ, знакомъ прощенія за невольную вину сына предъ отцомъ, которая его такъ смущала?

Въ нѣдрахъ русскихъ семей, достигшихъ извѣстной высокой духовности, хранится не мало разсказовъ о такихъ же случаяхъ.

Одинъ мой знакомый видитъ предъ смертью членовъ семьи кого-нибудь изъ близкихъ, ранѣе умершихъ людей, которые ходятъ по дому и что-то ищутъ.

Первый случай такого рода былъ съ нимъ тогда, когда заболѣла его двоюродная тетка, престарѣлая, но очень еще здоровая женщина. Болѣзнь казалась незначительною. Больная была въ Москвѣ, а семья жила въ деревнѣ. Тутъ племянникъ увидалъ въ первый разъ въ жизни во снѣ давно умершаго дядю, брата больной, съ которымъ онъ былъ очень хорошъ. Онъ сказалъ своей сестрѣ:

— Вотъ, увидишь, тетя Паша умретъ. Я видѣлъ дядю Ѳеодора Николаевича, который ходилъ по дому и кого-то искалъ.

Старушка, начинавшая поправляться, совершенно неожиданно скончалась въ тотъ самый день, какъ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ ея свадьбы съ умершимъ за десять лѣтъ назадъ мужемъ.

Этотъ же человѣкъ находился въ одномъ курортѣ, когда увидалъ старую слугу изъ крѣпостныхъ, шестьдесятъ лѣтъ служившую въ домѣ и умершую лѣтъ за семь до того. Эта слуга опять ходила по дому и кого-то искала. Такъ какъ въ это время была сильно больна воспитавшая ихъ тетка, то онъ и сталъ ожидать плохихъ извѣстій и разсказалъ объ этомъ снѣ бывшимъ въ томъ же курортѣ роднымъ.

Чрезъ два дня, во время веселаго завтрака на террасѣ, залитой южнымъ солнцемъ, ему принесли телеграмму. Онъ весь задрожалъ и воскликнулъ:

— Съ тетей Вѣрой что-нибудь дурное!

Но телеграмма гласила о томъ, что занемогъ его отецъ, который чрезъ три дня и скончался.

Въ третій разъ онъ видѣлъ своего отца, который тоже искалъ кого-то по дому, и тогда умеръ еще одинъ родственникъ.

Охраняя насъ, давая намъ нѣкоторыя таинственныя извѣщенія, отошедшіе отъ насъ люди не могутъ сдѣлать одного. Они не могутъ намъ описать того блаженнаго состоянія, въ которомъ они находятся. Нашимъ ограниченнымъ мірскимъ умомъ мы не можемъ воспріять всего того, что они переживаютъ.

Довелось слышать разсказъ о томъ, что одинъ умершій мужъ являлся во снѣ своей женѣ, и, когда онъ сталъ ей разсказывать о томъ существованіи, которое ему тамъ открылось, она не могла уловить содержанія его словъ. Слова его въ раздѣльности были ей понятны, но общаго смысла она постичь не могла.

Вопросъ о духовныхъ предчувствіяхъ и предвидѣніяхъ— вопросъ чрезвычайной важности. Нѣкоторые люди обладаютъ способностью чувствовать во время свадьбы судьбу брачующихся лицъ; другіе во время похоронъ духовную судьбу усопшихъ.

Помимо скорби, переживаемой у гроба праведно умершаго человѣка, его близкіе, духовно развитые люди переживаютъ у этого гроба какую-то тихую радость, отсвѣтъ той радости святой и нетлѣнной, въ какую погружается по отшествіи отъ земли душа праведно жившаго человѣка.

Не показываетъ ли это, что душа отшедшаго бросаетъ

такой отсвѣтъ на окружающую его группу людей, что чуткіе изъ нихъ ощущаютъ ясно на себѣ ея благое воздѣйствіе.

Сколько тайнъ, сколько необъяснимыхъ явленій, которыя мы разгадаемъ только въ счастливомъ будущемъ, въ странѣ великихъ откровеній!.. А какъ, напримѣръ, понять, какъ объяснить тотъ совершенно выходящій изъ ряду случай, поразительный даже для такихъ людей, которые уже привыкли къ прозорливости праведниковъ, случай, происшедшій со старцемъ Амвросіемъ Оптинскимъ въ послѣдніе годы его жизни.

Приходитъ къ нему одна вдова купеческаго сословія, разсказываетъ, что она все видитъ во снѣ своего мужа, о чемъ-то тревожащимися. Эти сновидѣнія ей не даютъ покоя,такъ какъ она увѣрена, что мужъ проситъ ей помочь въ чемъ-то важномъ для его души.

Старецъ, выслушавъ разсказъ, опустилъ глаза въ землю, сосредоточившись. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ опредѣленно сказалъ:

— Твой мужъ былъ долженъ нѣкоему Петру, отыщи этого Петра и заплати ему долгъ.

На томъ вдова и уѣхала изъ Оптиной. Тутъ же стала искать она въ мысляхъ того человѣка, которому мужъ ея былъ долженъ, и который носилъ бы имя Петръ. Какъ разъ это имя принадлежало одному изъ близкихъ друзей покойнаго, и она обратилась къ нему по возвращеніи ея домой. Что же оказалось: ея мужъ, дѣйствительно, незадолго до смерти безъ всякаго документа взялъ у него для своего предпріятія взаймы довольно значительную сумму денегъ и объ этомъ ничего не отмѣтилъ въ своихъ записяхъ.

Благородный другъ его изъ деликатности объ этомъ долгѣ не упоминалъ послѣ его смерти и считалъ эти деньги пропавшими. Вдова имѣла полную возможность возвратить ему занятую сумму, и съ тѣхъ поръ мужъ пересталъ ей являться. Онъ успокоился.

Какъ объяснить? Какъ понять?

Въ большинствѣ случаевъ даже у вѣрующихъ людей нѣтъ правильнаго отношенія къ святымъ, и особенно нѣтъ правильнаго отношенія къ своимъ покровителямъ, къ тѣмъ святымъ, имя которыхъ они носятъ. Если человѣкъ принимаетъ на себя обязанность быть воспріемникомъ отъ купели, и если этотъ человѣкъ вѣрующій, добросовѣстный, то онъ смотритъ свято

на свои обязанности: слѣдить за религіознымъ развитіемъ своего крестнаго сына или крестной дочери, всячески помогаетъ и покровительствуетъ ему при жизни.

Неужели же святые въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ могутъ быть менѣе добросовѣстны, чѣмъ обыкновенные земные люди? Конечно, всякій праведникъ, чье имя нарекается младенцу при крещеніи, считаетъ его своимъ и готовъ о немъ всячески заботиться. Но сами-то люди ничего не дѣлаютъ для того, чтобы привлечь къ себѣ эту заботу. Рѣдко, рѣдко даже въ вѣрующихъ семьяхъ дѣти имѣютъ иконы своихъ святыхъ, и если призываютъ какихъ-нибудь святыхъ на помощь, то постоянно обходятъ забвеніемъ своихъ ближайшихъ покровителей.

ГЛАВА III.

Объ ангелахъ и демонахъ.

Точно такъ же какъ-то совершенно забыты у насъ наши ангелы-хранители, къ которымъ у насъ нѣтъ настоящаго правильнаго отношенія. Лица, совершающія долгъ ежедневной молитвы, быть можетъ, по утрамъ и вечерамъ читаютъ помѣщенныя въ молитвенникѣ утреннюю и вечернюю молитву ангелу-хранителю. Но нѣтъ къ нему того пламенѣющаго рвенія, той неперестающей о немъ мысли, которая такъ могла бы помогать людямъ въ духовномъ ихъ дѣлѣ.

Когда верховный изъ ангеловъ возмутился противъ Бога и въ безуміи своемъ задумалъ низвергнуть вѣчный Престолъ и самому воцариться на мѣсто Бога, предводитель силъ небесныхъ архистратигъ Михаилъ собралъ вокругъ себя легіоны ангеловъ, оставшихся вѣрными Богу, низвергнулъ сатану съ полчищемъ его въ преисподнюю и съ тѣхъ поръ постоянно поражаетъ его своимъ огненнымъ мечомъ. Неукротимый въ ненависти, непримиримый въ злобѣ, неистощимый въ лукавствѣ, сатана не перестаетъ вновь и вновь устремляться на престолъ Божій, вновь и вновь отражаемый свѣтлыми ангелами.

Побѣждаемый тутъ, сатана со своими слугами ополчается на вѣрныхъ Богу людей, стараясь оттѣснить отъ Бога и духовно погубить всякаго изъ великаго Божія наслѣдія—рода человѣческаго. И для помощи въ этой лютой борьбѣ ко всякому изъ насъ приставленъ добрый ангелъ-хранитель.

Вѣра въ ангела-хранителя распространена у всѣхъ христіанскихъ народовъ и внушала художникамъ полныя высокаго смысла картины. Какъ прекрасны, напримѣръ, изображенія извѣстнаго нѣмецкаго художника Плокгорста, который то представляетъ ангела у окна дома, вносящаго душу младенца, который сейчасъ въ этомъ домѣ родится, то ангела, склонившагося надъ колыбелью спящаго младенца и овѣвающаго его своими бѣлоснѣжными крыльями, то ангела, хранящаго двухъ дѣтей, которыя рвутъ цвѣты на краю пропасти и которыхъ ангелъ удержитъ въ нужное мгновеніе отъ паденія въ нее.

Но еще лучше та картина, которая изображаетъ городъ, тамъ глубоко внизу объятый мракомъ, и летящаго средь звѣзднаго неба тихаго ангела съ душой человѣческой въ объятіяхъ. Эта картина совпадаетъ съ чудесными словами нашего Лермонтова. Поэтъ въ своемъ стихотвореніи «Ангелъ» достигъ высшей красоты, доступной поэзіи. Можно сказать, что тутъ человѣческое замолкло, и звучитъ только одно божественное и вѣчное:

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его не притворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ былъ ей міръ. Объ одномъ
Она все мечтала, о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Да, душа слышала эти пѣсни, которыя напѣвалъ ей ангелъ-хранитель, неся ее на землю для міра печали и слезъ, и запом-

нила ихъ; и память объ этой пѣснѣ не даетъ ей удовлетвориться ничѣмъ земнымъ. Она тоскуетъ на землѣ, какъ въ несродной ей области, полная отдаленныхъ, смутныхъ, но въ то время и сильныхъ воспоминаній о раѣ и райскихъ садахъ.

Эта ангельская пѣсня, которую вспоминаетъ душа на землѣ въ своей земной жизни, наполняетъ душу тѣмъ святымъ безпокойствомъ, которое не даетъ ей удовлетвориться ничѣмъ тлѣннымъ, земнымъ, преходящимъ, которое заставляетъ ее тосковать по вѣчной отчизнѣ. Но отчего мы не задерживаемъ для себя раздавшійся намъ такъ давно звукъ этой пѣсни, отчего мы на протяженіи всей нашей жизни вообще не внимаемъ ангелу-хранителю, который безъ конца готовъ продолжить для насъ эту пѣсню?

Этой пѣснѣ внимали святые, когда, завороженные ею, они разомъ рвали со всѣмъ міромъ, чтобы жить на землѣ жизнью безплотныхъ. Этой пѣснѣ внимали тѣ мученики, которые съ улыбкой предавали себя на невыносимыя пытки. Этой пѣснѣ внимаютъ и ею счастливы всѣ тѣ, кто творитъ на землѣ Божью волю.

Такъ вотъ, намъ надо возобновить близкое общеніе съ забытымъ нами ангеломъ и, прежде всего—понять все значеніе его для насъ.

Вѣрую въ ангеловъ, нашихъ блюстителей,
Полныхъ участья къ намъ, полныхъ любви...
Промысла Божьяго кроткихъ свершителей,
Демонскихъ замысловъ зоркихъ рушителей,
Коимъ ввѣряемъ мы тайны свои...

Въ жизнеописаніяхъ святыхъ разсказывается, что многіе изъ нихъ видали ангеловъ, плачущихъ у входа въ тѣ дома, гдѣ охраняемые ими люди предавались бѣшенству страстей. Если вспомнить, какъ въ это врѣмя скорбные ангелы со слезами молятся Богу о помилованіи тѣхъ людей, за которыхъ Христосъ лилъ свою кровь, и которые своими дѣлами вновь распинаютъ Христа, если мы подумаемъ о томъ, какими опасностями мы со всѣхъ сторонъ окружены, если мы вспомнимъ, какъ легко, при горячемъ и безумномъ спѣхѣ нашей жизни, въ большихъ городахъ быть раздавленнымъ на улицѣ, попасть въ крушеніе желѣзнодорожнаго поѣзда, погибнуть на водѣ, мы поймемъ, какъ нужны намъ тогда такіе чудные хранители.

Среди разсказовъ о печальныхъ грандіозныхъ желѣзнодо-

рожныхъ катастрофахъ, только что случившихся недавно въ Россіи, передавали, что нѣкоторые люди, которые должны были ѣхать на роковыхъ поѣздахъ, какимъ-то необъяснимымъ стеченіемъ обстоятельствъ на нихъ опоздали и черезъ то уцѣлѣли. Не ангелы ли хранители придержали ихъ за руку отъ того, чтобы пустить въ смертоносный поѣздъ?

Тяжекъ трудъ ангела, приставленнаго къ земному человѣку, который дѣлаетъ его ближайшимъ свидѣтелемъ всѣхъ своихъ беззаконій и мерзостныхъ паденій. Ангелъ увлекаетъ человѣка въ храмъ. Человѣкъ же идетъ къ нечистому развлеченію; ангелу хотѣлось бы поднять человѣка на молитву, а онъ предается кутежу; ангелу хотѣлось бы вложить въ уста его кроткія и добрыя слова, а онъ произноситъ слова нечистыя и враждебныя; ангелу хотѣлось бы видѣть человѣка праведнымъ, а человѣкъ представляетъ собою сплошной грѣхъ.

Мы не можемъ видѣть всего усилія борьбы, которую ведутъ ангелы за охрану человѣка. Но мы должны были бы часто въ жизни своей чувствовать, что есть кто-то чудный, внушающій намъ благія рѣшенія, увлекающій насъ къ добру, когда злая плотяная сторона существа влечетъ насъ въ обратную сторону. И въ вѣрующихъ людяхъ, ищущихъ Бога, ангелы обыкновенно и побѣждаютъ.

Постараемся представить себѣ отрадную картину. Міръ спитъ. Спятъ и труженики, во славу Божію проработавшіе изъ всѣхъ силъ весь день; спятъ и лѣнивцы, которые по безпечности своей не исполняютъ заповѣди Христовой о томъ, чтобъ ѣстъ хлѣбъ, политый трудовымъ потомъ. Спятъ и труженики, и празднолюбцы. Спятъ и люди, на грязныя забавы бросавшіе заработокъ дня, и люди, употребившіе наслѣдственныя средства на то, чтобы заглушить память о небѣ въ такихъ забавахъ.

Все спитъ: и дѣти, и взрослые. Не спятъ лишь ихъ ангелы. Склонивъ у изголовья этихъ людей, объятыхъ отрадными видѣніями или томящихся тяжелыми и грѣшными сновидѣніями—они возсылаютъ къ Богу за этихъ людей, старыхъ и малыхъ, праведниковъ и отчаянныхъ грѣшниковъ, свою чистую молитву къ Богу. И, если бы у человѣка просвѣтлѣлъ его взоръ, и онъ могъ бы окинуть разомъ вселенную: какъ чуденъ былъ бы по всей вселенной видъ этихъ небожителей, волею Бога посланныхъ на землю, волею Божіею творящихъ за порученныхъ имъ людей свою неусыпную молитву.

Многіе люди у насъ, даже изъ вѣрующихъ вообще, сомнѣваются въ личномъ существованіи безплотныхъ духовъ того или другого порядка: демоновъ или ангеловъ. Но убѣжденіе о

существованіи ихъ составляло вѣру всѣхъ рѣшительно поколѣній. Такъ, у многихъ народовъ въ ихъ народныхъ сказаніяхъ есть та же легенда. что такъ проникновенно изложилъ Гете въ своемъ Фаустѣ—легенда о человѣкѣ, который продалъ сатанѣ свою душу за извѣстныя земныя выгоды.

Одинъ изъ глубочайшихъ и своеобразнѣйшихъ русскихъ мыслителей послѣдняго времени, такъ много сдѣлавшій для привлеченія вниманія общества къ религіознымъ вопросамъ, до него почти совершенно этимъ обществомъ заброшенныхъ, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ былъ полонъ убѣжденія въ личномъ существованіи духовъ злобы и духовъ добра, потому что самъ онъ ихъ видалъ совершенно реально.

Однажды къ оптинскому старцу Амвросію пришелъ священникъ, который сомнѣвался въ личномъ существованіи духовъ, но не рѣшился высказать старцу своего сомнѣнія. По прозорливости своей, о. Амвросій безъ словъ увидалъ эти его сомнѣнія и рѣшилъ на дѣлѣ убѣдить священника въ томъ, чего онъ не могъ принять безъ доказательствъ.

О. Амвросій на нѣсколько минутъ закрылъ свои глаза, и тогда священникъ увидалъ, что весь воздухъ келліи до тѣсноты наполненъ страшными призраками. Онъ весь задрожалъ и похолодѣлъ. Сомнѣнію не было мѣста. О. Амвросій ему тогда сказалъ:

— Видѣлъ?

— Видѣлъ, батюшка,—отвѣчалъ священникъ.

И все было сказано.

Духамъ злобы нечего дѣлать тамъ, гдѣ люди исполняютъ и безъ того то, что этимъ духамъ такъ желательно: измѣняютъ Богу. Онъ можетъ съ сочувствіемъ смотрѣть на такихъ людей, но нѣтъ мѣста его работѣ тамъ, гдѣ его работу за него добровольно производятъ сами люди. Его цѣль иная. Его цѣль оттѣснить отъ Бога людей, которые къ Богу тяготѣютъ душой, людей, которые знаютъ сладость духовной жизни, людей, которые могутъ жизнью своею прославлять Бога и увлекать къ Богу иныя души. Сокрушить праведника, тонкимъ искушеніемъ довести его до соблазна, растлить душу, благоухающую праведностью, довести ее до отчаянія, отвести ее совершенно отъ Бога и сдѣлать своимъ игралищемъ чистое Божье дитя—вотъ, какою цѣлью задается «врагъ».

Тамъ, гдѣ готовъ вспыхнуть живой очагъ вѣры, пламенѣющій костеръ благодати, тамъ демонъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы этотъ костеръ погасить. И вотъ, почему страшный натискъ выносятъ отъ демона люди, которые вступаютъ на

высшіе пути совершенства. Если отшельничество, ведущее къ неразрывному, ничѣмъ несмущаемому соединенію съ Богомъ, къ погруженію души въ существо Божіе возводитъ человѣка на духовную высоту, сообщаетъ душѣ благодатную силу: то можно себѣ представить, какъ ненавистенъ долженъ быть этотъ путь демону. И мы видимъ, что нѣтъ того подвижника, который, вступая на этотъ путь, не подвергался бы величайшимъ нападкамъ и страхованіямъ отъ сатаны.

Великіе древніе отцы египетскихъ пустынь, нашъ преподобный Сергій и его послѣдователь, великій старецъ Серафимъ Саровскій—всѣ они терпѣли лютыя нападенія. Демонъ являлся имъ во всевозможныхъ видахъ. Имъ казалось, что келлія ихъ рушится, они слышали страшный хохотъ, ревъ и вой: «уходи отсюда». Старца Серафима сатана подымалъ на высоту и сбрасывалъ его внизъ. По собственному признанію старца, однажды въ отместку за душу, которую старецъ молитвами своими вырвалъ изъ его когтей, сатана вырвалъ изъ тѣла старца кусокъ живого мяса. Эта борьба страшная, всю силу и ужасъ которой знаютъ только тѣ люди, которые сами ее на себѣ пронесли.

Наконецъ, дьяволъ, отовсюду подвижникомъ побѣжденный, воздвигаетъ на него страшнѣйшее изъ испытаній, такъ называемую «мысленную брань», когда человѣку, все для Бога оставившему, начинаетъ казаться, что Бога совершенно нѣтъ, и хульные помыслы одинъ другого ужаснѣе овладѣваютъ имъ. Но это послѣднее изъ испытаній, и за нимъ начинается благодатная чудотворная тишина.

Будемъ вѣрить въ нашихъ блюстителей, кроткихъ ангеловъ, и имъ довѣримъ защиту насъ отъ нападокъ общаго нашего и ихъ врага.

Научи меня молиться,
Добрый Ангелъ, научи!
Устъ твоихъ благоуханьемъ
Чувства черствыя смягчи;
Да во глубь души проникнутъ
Солнца вѣчнаго лучи,
Да въ груди моей забьются
Благодатныхъ слезъ ключи!
Дай моей молитвѣ крылья!
Дай полетъ мнѣ въ высоту!
Дай мнѣ вѣры безусловной
Высоту и теплоту!

Неповинныхъ, безотвѣтныхъ
Дай младенцевъ чистоту
И высокую святую
Нищимъ духомъ простоту!
Дай стряхнуть земныя узы,
Съ прахомъ страннических ногъ,
Дай во мнѣ угаснуть шуму
Битвъ житейскихъ и тревогъ:
Да откроется тобою
Мнѣ молитвенный чертогъ,
Да въ одну сольются думу:
Смерть, безсмертіе и Богъ!

ГЛАВА IV.

О постѣ и милостынѣ.

Постъ есть одно изъ церковныхъ установленій, которое въ быту встрѣчаетъ наибольшее противодѣйствіе со стороны не только отошедшей отъ церкви части населенія, но и въ средѣ вѣрующихъ. Между тѣмъ, постъ имѣетъ чрезвычайно важное вліяніе какъ на тѣло, такъ и на духъ человѣка.

Если христіане поставили себѣ образцомъ, къ которому надо стремиться, по которому надо устраивать свою жизнь— Христа Спасителя, то всѣ дѣйствія Христовы на землѣ имѣютъ для христіанъ особенное значеніе, и этимъ дѣйствіямъ, по возможности, должно подражать.

Христосъ постился, постился необыкновеннымъ образомъ. Въ теченіе сорока дней, приступая къ дѣлу Своей проповѣди, Христосъ въ Іорданской пустынѣ ничего не вкушалъ. И постъ, прежде всего, является подражаніемъ этому первоначальному труду Христову, предпринятому Имъ на первыхъ шагахъ Своего спасительнаго для насъ дѣла.

Тѣло и плоть являются двумя противниками, находящимися въ постоянной между собою борьбѣ, и задача всякаго человѣка подчинить движенія тѣла руководству и волѣ духа.

Постъ, какъ средство закаливать волю, ограниченіе себя въ пищѣ и въ наслажденіяхъ, знали вообще высшія народности и лучшіе люди въ этихъ народностяхъ.

Когда Александру Великому, томившемуся со своимъ вой-

скомъ жаждою въ безводной мѣстности, принесли въ шлемѣ немного мутной воды, и онъ, не желая насытить свою жажду, тогда какъ войско его должно было продолжать томиться ею, вылилъ эту воду, съ такимъ трудомъ добытую, драгоцѣнную въ ту минуту, на землю—онъ тогда показалъ замѣчательный примѣръ поста.

Когда философъ равнодушно проходилъ мимо пира знатнаго римлянина, равнодушно слушалъ звуки разслабляющей, къ нѣгѣ зовущей музыки, равнодушно видѣлъ вѣнки яркихъ и благоухающихъ цвѣтовъ, украшающихъ головы пирующихъ, равнодушно смотрѣлъ на этотъ широкій размахъ блеска и роскоши и спокойно удалялся въ свое скромное жилище: онъ совершалъ въ это время подвигъ поста.

Выступленіе Христа на проповѣдь было предварено появленіемъ проповѣдника Іоанна Крестителя, который былъ величайшимъ постникомъ.

Потрясающъ образъ этого человѣка съ лицомъ, засушеннымъ солнцемъ, обвѣяннымъ вихрями, человѣка, питавшагося саранчею и дикимъ медомъ. Его потребности были умалены до чрезвычайности,—въ предзнаменованіе того, что на мѣсто прежняго счастья мірского состоявшаго въ наслажденіи какъ можно большимъ количествомъ благъ житейскихъ, является новая жизнь и новое счастье, въ которое составъ прежняго счастья языческаго вовсе и не входитъ: миръ духа, счастье природы, ограничившей себя во всемъ и стремящейся только къ истинѣ, къ работѣ для Бога, къ сладостному познанію Божества и къ подражанію Его совершенствамъ.

Былъ замѣчательный моментъ, когда съ чрезвычайною яркостью, въ послѣднихъ своихъ выраженіяхъ, стояли другъ передъ другомъ эти двѣ стихіи: стихія самоугожденія, бѣшенства разгула и стихія умерщвленія плоти для господства духа.

Это было тогда, когда Іоаннъ Креститель былъ осужденъ на казнь Иродомъ по требованію дочери Иродіады, восхитившей гостей на пирѣ своей пляской и взволновавшей ихъ чувственность.

Безстрашный пророкъ, котораго, несмотря на всѣ свои отрицательныя черты, Иродъ уважалъ, былъ заключенъ Иродомъ въ темницу, какъ можно думать, по требованію Иродіады за постоянное обличеніе пророкомъ ея беззаконнаго брака съ Иродомъ. Въ темницѣ Иродъ навѣщалъ Іоанна и бесѣдовалъ съ нимъ. Казалось, было такъ далеко отъ случившейся развязки. Но вотъ—пиръ, опьяненіе, порывъ распущенной грѣшной природы, разженной безстыдною пляской. И у опившагося, по-

терявшаго волю надъ собою—царя, дочь Иродіада по настоянію матери исторгаетъ смертный приговоръ...

Голова Іоанна отдѣляется отъ тѣла подъ страшнымъ ударомъ палача. Ее приносятъ на блюдѣ къ пирующимъ, и по преданію, въ эту минуту, въ послѣдній разъ разверзаются безстрашныя уста пророка, и въ послѣдній разъ произносятъ свое постоянное обличеніе:

«Не достоитъ имѣти тебѣ Иродіаду, жену Филиппа, брата твоего».

Смотрите... Вотъ тутъ, въ этомъ залѣ, замершемъ отъ ужаса, встрѣтились въ столь яркомъ воплощеніи двѣ жизненныя стихіи: потаканіе себѣ и безудержное служеніе страстямъ, доведшее человѣка до преступленія, котораго онъ не хотѣлъ, которому онъ самъ никогда не повѣрилъ бы, и цѣломудренное, непоколебимое безстрашіе служащаго правдѣ человѣка, приведшее его къ гибели, но и въ этой внѣшней гибели одерживающее побѣду надъ міромъ.

Примѣръ Христа и Іоанна Предтечи нашелъ себѣ горячихъ послѣдователей въ христіанствѣ, и по сравненію съ ликующимъ язычествомъ христіанство первыхъ вѣковъ должно было представляться какимъ-то общимъ жизненнымъ постомъ.

Вмѣсто прежнихъ тонкихъ одеждъ, великолѣпныхъ драгоцѣнныхъ украшеній, христіане одѣвались скромно, просто. Дорогую обстановку у себя выводили, вмѣсто пировъ для знати устраивали трапезы любви для нуждающихся. Скромные въ словѣ, цѣломудренные въ жизни, они не смѣли роскошествовать на той землѣ, гдѣ понесъ бѣдственную жизнь ихъ Богъ и, вступивъ на путь самоотреченія, все болѣе и болѣе жали себя, доходя до жестокости надъ собою.

Не только христіанскіе мужи, но и женщины христіанства доходили до изумительныхъ подвиговъ самоотреченія. Таковы были Меланіи и Павлы. Ихъ состоянія не поддавались учету, ихъ необъятныя имѣнія расположены были въ различныхъ частяхъ тогдашняго свѣта, знатность происхожденія ихъ сливалась съ миѳами. А кончали онѣ свою жизнь въ какой-нибудь тѣсной келліи, въ которой еле можно было протянуться.

Въ прежнее время противъ поста, установленнаго церковью, сильно возражала медицина, утверждая, что постъ убиваетъ силы человѣка. Въ послѣднее время указанія медицины близко сошлись съ требованіями религіи. Во-первыхъ, дознано, что

образованные классы общества употребляютъ въ пищу черезчуръ большое количество мяса, и что эта мясная обильная пища бываетъ причиною серьезной порчи организма, порождая значительные недуги, изъ которыхъ самый распространенный при сидячемъ образѣ жизни и такой пищѣ артеріо-склерозъ. Серьезные врачи въ одинъ голосъ требуютъ перемѣнной пищи, и настаиваютъ на томъ, чтобы замѣнять мясо зеленью и всевозможными кушаньями изъ крупъ.

Медицина пришла также къ тому, что мы постоянно переобременяемъ себя излишнимъ количествомъ пищи, съ которымъ организмъ не справляется, отчего постоянно происходитъ засореніе и отяжелѣніе этого организма. Нѣкоторые доктора пришли даже къ выводу, что необходимо давать, въ теченіе полныхъ сутокъ, разъ въ недѣлю, организму совершенный отдыхъ отъ пищи, не принимая въ теченіе этого времени рѣшительно ничего, кромѣ малаго количества воды и сверхъ того проводя эти сутки въ усиленномъ движеніи. Наконецъ, никто уже не возражаетъ теперь противъ того положенія, что наиболѣе полезнымъ для человѣка является чередованіе пищи растительной и мясной: то именно распредѣленіе, котораго придерживаются люди, исполняющіе церковное установленіе о постѣ.

Русскій народъ, который въ предшествующіе вѣка строжайшимъ образомъ соблюдалъ посты, былъ крупнѣйшимъ по росту и по силѣ народомъ, здоровью и виду котораго завидовали иностранцы, какъ это было въ Парижѣ, когда мы заняли его послѣ наполеоновскихъ войнъ, и парижане изумлялись росту и здоровью русскихъ солдатъ. Давая отдыхъ организму, мы способствуемъ большей продолжительности жизни. И замѣчено, что строгіе постники, въ какихъ бы трудахъ они ни находились, жили гораздо продолжительнѣе, чѣмъ человѣкъ постоянно слишкомъ обильно питающійся.

Наконецъ, всякій благоразумный человѣкъ прямо-таки раздражается тѣмъ громаднымъ расходомъ на столъ, который онъ долженъ производить, если придерживается исключительно мясной пищи, и скорбитъ о томъ, сколько бы онъ могъ надѣлать добрыхъ дѣлъ и употребить денегъ на помощь, напримѣръ, церквамъ, если бы онъ значительно сократилъ свои расходы по столу.

Всѣ эти соображенія маловажны по сравненію со значеніемъ поста для духовной жизни человѣка. Постъ есть великій хранитель, строгій часовой благочестія.

Можно сказать, что тамъ, куда не входитъ постъ, легко войдетъ разгулъ. Человѣку привычному къ посту легко заставить себя сдерживаться и въ другихъ отношеніяхъ. Ему будетъ легче справиться и со своимъ языкомъ, грѣша которымъ люди создаютъ себѣ столько бѣдъ. Ему будетъ легче содержать себя въ ненарушимой тѣлесной чистотѣ. Къ подвижнику поста легче приходитъ молитва, потому что отяжелѣвшая объяденіемъ плоть плохой товарищъ для молитвы. Лица постившіяся знаютъ, какую необычайную легкость пріобрѣтаетъ человѣкъ отъ поста, словно за плечами его вдругъ выросли невидимыя крылья.

Изъ цифръ статистики, которая никогда не лжетъ и рисуетъ жизнь, какъ она есть, выясняется чрезвычайно доказательно и ярко то обстоятельство, что во время великаго поста по всей Россіи значительно сокращается количество преступленій. Прямо страшно подумать, какія деньги тратятся въ Россіи во всякой рѣшительно средѣ на разгулъ, и какъ бы было лучше жить, если бы всѣ эти деньги получили производительное употребленіе.

Одна изъ крупнѣйшихъ тратъ денегъ—это громадные по относительной величинѣ своей, прямо-таки ошеломляющіе и ни съ чѣмъ несообразные расходы, которые производятъ люди для того, чтобы попышнѣй «сыграть свадьбу».

На какой важный и даже страшный шагъ рѣшаются брачующіеся люди, образующіе новую молодую семью! Истинные христіане совершаютъ это дѣло съ полною сознательностью и испрашиваютъ благодать Божію, вразумляющую и соединяющую ихъ въ «любви и совѣтѣ», приготовляются къ таинству брака молитвою, постомъ и пріобщеніемъ. У насъ обыкновенно совершенно забыта духовная сторона этого дѣла, и всѣ предсвадебные дни проходятъ въ неперестающей суетѣ, хлопотахъ о нарядахъ и приданомъ, о дорогихъ шелковыхъ мѣшкахъ съ конфектами, раздаваемыми въ богатыхъ семьяхъ гостямъ, о свадебномъ обѣдѣ и путешествіи.

Въ послѣднее время, въ высшихъ кругахъ не принято дѣлать пріемовъ по случаю свадьбы, и обыкновенно новобрачные уѣзжаютъ въ путешествіе. Расходы на самую свадьбу значительно сокращены, но въ крестьянскомъ и мѣщанскомъ быту свадебныя пиршества сохраняютъ свой прежній, совершенно безумный характеръ. Въ эту пору, когда для молодого, начинающаго хозяйства дорогъ всякій гвоздь, всякая плошка, долженъ быть на чеку всякій рубль,—люди непроизводительно выбрасываютъ цѣлыя сотни рублей. И крестьянская семья, въ об-

*

щемъ проживающая двѣ-три сотни рублей въ годъ, легко выбрасываетъ на свадебную пирушку до ста и болѣе рублей.

Какой толкъ изъ того, чтобы споить до потери сознанія цѣлую деревню и чтобы говорили въ окрестностяхъ, что вотъ-де «Архиповы на свадьбѣ знатно угощали». Съ какой грустью вспоминаешь, когда слышишь о такихъ безумствахъ, совѣтъ русскому народу великаго святителя Митрофана Воронежскаго: «Воздержно пій, мало яждь—здравъ будеши; употреби стараніе, приложи трудъ—богатъ будеши».

Крестьяне стѣсняются купить какое-нибудь не дорого стоющее приспособленіе по хозяйству, сберегающее ихъ время, облегчающее трудъ, а выбрасывать заразъ громадныя деньги на опьяняющія пирушки не задумываются.

Постъ является великолѣпнымъ воспитательнымъ средствомъ. Едва-ли человѣкъ, соблюдающій посты, будетъ не умѣренъ въ словахъ, расточителенъ, едва ли будетъ разбрасывать по вѣтру свои силы и свое время—къ чему мы русскіе вообще такъ склонны. Очень жаль, и ничего добраго для русской души не предвѣщаетъ то сплошное нарушеніе постовъ, которое замѣчается теперь въ народномъ быту. Говорятъ: крестьяне и такъ постоянно постятся, потому что рѣдко употребляютъ мясную пищу; не бѣда, если онъ въ постъ попьетъ молока, или сдобритъ кашу саломъ.

Это, конечно, не бѣда, а бѣда та, что онъ сознательно нарушаетъ установленія церкви, которыя раньше были для него незыблемыми и, нарушивъ постъ, онъ такъ же легко нарушитъ и другія, болѣе важныя заповѣди. Отношеніе къ посту показываетъ вѣрность человѣка церковнымъ установленіямъ вообще.

Если, съ одной стороны, мы видимъ постоянныя нарушенія поста въ разныхъ слояхъ общества, доходящія иногда до прямого глумленія надъ нимъ (на страстной недѣлѣ наѣсться колбасы), то, съ другой стороны, лица, даже придерживающіяся постовъ, нерѣдко грѣшатъ противъ самой сути поста. Постъ предполагаетъ всегда воздержаніе, полное отсутствіе услажденія пищею... Между тѣмъ, что мы видимъ? Въ богатыхъ семьяхъ готовится великолѣпный рыбный столъ, гораздо болѣе дорогой, изысканный и вкусный, чѣмъ, если бъ это былъ скоромный день и блюда были мясныя. Уничтожается большое количество икры, достигшей теперь совершенно неимовѣрныхъ цѣнъ. Все это поливается дорогими винами и сдабривается замор-

скими фруктами. Будетъ ли это воздержаніемъ? Будетъ ли это подвигомъ поста?

Я слыхалъ еще и о другихъ случаяхъ. Господинъ, который считаетъ себя чрезвычайно вѣрнымъ сыномъ церкви, и постоянно укоряетъ другихъ въ томъ, что они чего-нибудь не соблюли и не исполнили, такой господинъ въ вечеръ пятницы принимаетъ приглашеніе ѣхать въ какой-нибудь дорогой ресторанъ, гдѣ за ужиномъ поютъ цыгане. Постъ не внушаетъ ему воздержаться отъ такого посѣщенія. Въ ресторанѣ, въ двѣнадцатомъ часу, онъ заказываетъ себѣ мясной ужинъ, и когда уже блюдо подано, кладетъ предъ собою часы и ожидаетъ того момента, когда стрѣлка покажетъ двѣнадцать. Чрезъ минуту послѣ этого момента, такъ какъ уже наступилъ слѣдующій день—суббота, онъ считаетъ себя вправѣ приняться за свою мясную трапезу. Не есть ли это фарисейство, и въ весьма сильной мѣрѣ?

Неужели достойно человѣка вѣрующаго, который помнитъ, что въ пятницу Господь нашъ пребывалъ во гробѣ, сидѣть и слушать разслабляющее пѣніе хора, выбрасывать безъ всякой нужды десятки рублей для самоуслажденія, съ сознаніемъ еще, что, вотъ-де, какой я вѣрный сынъ церкви.

Настоящій постъ будетъ состоять не только въ томъ, чтобы не ѣсть запрещеннаго мяса, но и въ томъ, чтобы не ѣсть и тѣхъ постныхъ блюдъ, которыя вамъ нравятся, а только насытить себя въ той мѣрѣ, чтобы не потерять силъ для своего ежеднев наго труда.

Надо сказать еще о томъ великомъ нарушеніи поста, наблюдаемомъ въ Россіи повсемѣстно, какимъ является пьянство. Повѣсть объ усѣкновеніи главы Іоанна Предтечи должна была, казалось бы, достаточно убѣдить людей въ томъ, до какихъ ужасовъ и паденій доводитъ людей нетрезвость. Но между тѣмъ это страшное предупрежденіе осталось безсильнымъ, и пьянство охватываетъ нашу родину все болѣе и болѣе цѣпкими когтями—въ винѣ тонетъ воля и разумъ народный, растлѣвается душа богобоязненнаго и идеальнаго въ стремленіяхъ своихъ народа. Вино захлестываетъ русскій талантъ, вино доводитъ до нищеты, до сумы и преступленія.

У насъ пьютъ по всякому поводу и безъ всякаго повода. Родился человѣкъ въ міръ, его крестятъ во Христа съ обязанностью стать воиномъ Христовымъ, исповѣдникомъ Его имени, вмѣстилищемъ христіанскихъ добродѣтелей—и по этому слу-

чаю родные и приглашенные объѣдаются и напиваются. Человѣкъ кончаетъ ученіе, вмѣстивъ по возможности въ свой мозгъ нѣкую часть людской, данной Богомъ, премудрости, опять эта незрѣлая юная молодежь напивается до того, что ее выносятъ и увозятъ иногда отъ мѣста попойки безчувственными. Зарождается новая семья, и опять свадьба становится поводомъ самаго дикаго разгула. Человѣкъ умираетъ, и не успѣютъ зарыть его гробъ и насыпать надъ нимъ могильный холмъ, какъ уже въ честь этого событія хлопаютъ пробки отъ откупориваемыхъ бутылокъ, и чрезъ какой-нибудь часъ гости, собравшіеся «помянуть» покойника, уже говорятъ заплетающимся языкомъ.

Пьетъ юная, не окрѣпшая молодежь, пьютъ старики, пьетъ зрѣлый возрастъ. Мастеровые иногда прогуливаютъ по четыре дня въ недѣлю; начинаютъ пропивать заработокъ съ вечера субботы, безпробудно пьянствуютъ воскресенье и весь понедѣльникъ, опохмеляясь во вторникъ, и работаютъ только со среды до субботы. Ни одинъ заказъ не можетъ быть исполненъ во время.

Жизнь останавливается, и надъ этой пьяной толпой, дающей жизнь вырождающимся дѣтямъ, невидимо хохочетъ и ликуетъ сатана, ни одно предпріятіе которому не удавалось такъ блестяще, какъ спаиваніе русскаго народа.

Всякій, у кого есть Богъ въ душѣ, пусть дастъ себѣ клятву бороться съ этимъ недугомъ, губящимъ судьбу великаго русскаго племени.

Отцы, старайтесь воспитать въ дѣтяхъ отвращеніе къ вину, старайтесь сдѣлать изъ нихъ убѣжденныхъ трезвенниковъ раньше, чѣмъ проклятая струя коснется ихъ невинныхъ еще устъ.

Духовенство городское и пастыри сельскіе, своимъ примѣромъ прежде всего, и горячимъ задушевнымъ словомъ проповѣдуйте у себя трезвость, умоляйте, склоняйте вашихъ прихожанъ отказаться отъ зелья, губящаго ихъ жизнь временную и жизнь ихъ въ вѣчности.

Рисуйте себѣ все то свѣтлое будущее, когда русскій народъ можно будетъ представить себѣ однимъ невмѣстимымъ, молящимся Богу и поющимъ храмомъ, и когда пьянство станетъ давно изжитою, печальною дѣйствительностью, страшнымъ сновидѣніемъ прошлаго.

Хотя о христіанской милостынѣ умѣстнѣе всего говорить въ отдѣлѣ о христіанскихъ добродѣтеляхъ—о ней будетъ сказано сейчасъ для того, чтобы сблизить ее, въ мысляхъ читателей, съ постомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, она весьма близко подходитъ къ посту, потому что въ большинствѣ случаевъ она предполагаетъ извѣстныя лишенія себя на пользу другого.

Высокая милостыня будетъ не та, когда у васъ лежатъ большіе капиталы въ банкѣ, и когда вашъ кошелекъ набитъ золотомъ, а вы пренебрежительно протянете нищему копѣйку. Высокая милостыня есть та, когда, дѣлая усиліе надъ собою, иногда очень большое, лишаютъ себя чего-нибудь для себя пріятнаго, а иногда даже и необходимаго, для того, чтобы помочь другому въ бѣдѣ. Величайшая изъ милостыней, которую можетъ подать человѣкъ человѣку—это отдача жизни.

Мнѣ пришлось видѣть однажды въ одной очень богатой семьѣ съ большимъ положеніемъ проявленіе такой милостыни съ нѣкоторымъ понужденіемъ себя, съ принесеніемъ нѣкоторой жертвы. Въ городѣ была блестящая свадьба, на которую были приглашены, какъ особенно желанныя гостьи, мать съ дочерью.

— Маруся не поѣдетъ на свадьбу, — сказала какъ-то мать;—она только что наткнулась на бѣдную семью, которая требуетъ большой денежной поддержки. Мы въ траурѣ, и Марусѣ надо было бы сшить себѣ новое платье. Она находитъ, что будетъ гораздо лучше, если вся цѣна платья цѣликомъ пойдетъ этой бѣдной семьѣ.

— Какъ, — сказалъ я,—я недавно видѣлъ Марію Михайловну на свадьбѣ въ бѣломъ...

— Да, но это было до нашего траура, и платье было шелковое, а теперь она должна сшить шерстяное. Она и рѣшила на свадьбу не ѣхать, что для нея составляетъ нѣкоторое лишеніе, и употребить эти деньги на бѣдныхъ.

Въ большей или меньшей мѣрѣ истинная милостыня всегда соединена съ такимъ лишеніемъ. Конечно, лучше подавать копѣйку, чѣмъ ничего не подавать. Но такая легкая для себя милостыня похожа на то, какъ если бы кто распорядился отдавать бѣднымъ свои объѣдки, никогда не приготовивъ для нуждающихся особой трапезы, какъ для дорогихъ гостей, что заповѣдывалъ людямъ Христосъ. И какъ такая милостыня далека отъ той великой бережности, отъ тѣхъ изощреній любви, въ которыхъ проходила жизнь настоящихъ христіанскихъ милостивцевъ.

Христіанство знаетъ потрясающіе образы милосердія: праведный Филаретъ и Іоаннъ, патріархъ александрійскій, получили въ память милосердія своего названіе «Милостивыхъ».

Происходя изъ знатной семьи, отецъ семейства, Іоаннъ, овдовѣвъ и схоронивъ своихъ дѣтей, сталъ отцомъ всѣхъ несчастныхъ. Когда онъ вступилъ на патріаршій престолъ, онъ призвалъ къ себѣ лицъ, завѣдующихъ церковнымъ имуществомъ, и приказалъ имъ:

— Обойдите весь городъ и перепишите всѣхъ «моихъ господъ».

— Кто это «твои господа»?—спросили они.

— Это тѣ, которыхъ вы называете нищими и убогими. Они «мои господа», потому что могутъ помочь мнѣ достигнуть спасенія и введутъ меня въ вѣчную обитель.

Въ Александріи найдено было и переписано такихъ нуждающихся семь съ половиной тысячъ человѣкъ, и патріархъ приказалъ выдавать имъ ежедневно пропитаніе. Всякую среду и пятницу Іоаннъ садился у церковныхъ воротъ, чтобы не пропустить никого изъ искавшихъ у него помощи: всѣхъ принималъ, выслушивалъ, разбиралъ распри, мирилъ враждующихъ. Люди удивлялись его такому терпѣнію, а онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ никогда не возбраненъ входъ къ Господу Богу моему. Въ молитвѣ я бесѣдую съ Нимъ и прошу то, чего хочу. Почему мнѣ не дозволить моему ближнему невозбранный доступъ ко мнѣ, чтобы онъ довѣрилъ мнѣ свои обиды и нужду, и просилъ у меня, чего хочетъ, помня слово Христово: «въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ».

Однажды ему доложили, что въ толпѣ, ждущей милостыни, стоятъ не только бѣдные, но и хорошо одѣтые—повидимому, состоятельные люди.

— Если вы рабы Христовы,—сказалъ патріархъ,—то вы подавайте, какъ повелѣлъ Христосъ, не взирая на лица, не спрашивая о жизни тѣхъ, кому вы даете. Знайте, что мы отдаемъ не свое, а Христово. Я вѣрю, что, если со всей вселенной сошлись бы убогіе въ Александрію, чтобы получить отъ насъ милостыню, то и тогда не оскудѣетъ наше церковное имущество.

Великое милосердіе Іоанна было внушено ему чуднымъ видѣніемъ, которое было ему на шестнадцатомъ году его жизни, и о которомъ онъ любилъ вспоминать. Тогда онъ видѣлъ во снѣ прекрасную дѣвицу, и дѣвица сказала ему:

— Я старшая дочь великаго Царя, я первая среди дочерей Его. Если ты будешь служить мнѣ, то я испрошу отъ Царя

великую благодать тебѣ и приведу тебя передъ лице Его. Никто у Него не имѣетъ такой силы и дерзновенія, какъ я. Я низвела Бога съ неба на землю. Я Бога облекла въ плоть человѣческую для спасенія людей.

Разсказывая объ этомъ снѣ, Іоаннъ говорилъ:

— Въ образѣ этой дѣвицы тогда являлось мнѣ милосердіе. На головѣ ея былъ вѣнецъ и о томъ, кто она, свидѣтельствуютъ ея слова, что Христосъ, побуждаемый лишь милосердіемъ къ людямъ, воплотился для насъ, избавилъ насъ отъ вѣчной муки. И кто желаетъ обрѣсти у Бога милость, тотъ долженъ имѣть милосердіе.

Іоаннъ не только кормилъ бѣдныхъ. Онъ помогалъ людямъ разорившимся вновь обогатиться. Одинъ купецъ, потерявшій свое богатство въ морѣ, пришелъ къ Іоанну за помощью. Іоаннъ далъ ему пять литровъ золота (двѣ съ половиной тысячи рублей). Купецъ погрузилъ товары и повезъ ихъ продавать, но корабль потерпѣлъ крушеніе, и купецъ снова пришелъ къ Іоанну за помощью. Великій милостивецъ сказалъ купцу:

— У тебя оставалось золото, добытое неправдой, и ты его смѣшалъ съ тѣмъ, которое ты получилъ отъ меня. За это ты былъ наказанъ.

И все же Іоаннъ велѣлъ дать купцу золота вдвое больше прежняго, но и эта поѣздка кончилась неудачей. Іоаннъ объяснилъ ее тѣмъ, что купецъ плылъ на неправедно пріобрѣтенномъ кораблѣ. И снова онъ помогъ купцу, далъ ему цѣликомъ корабль, наполненный пшеницей. По пути забушевала буря, и въ эту бурю Іоаннъ Милостивый явился купцу въ видѣніи и, ставши на корму, управлялъ кораблемъ. Корабль присталъ къ берегу Британіи. Тамъ была большая недостача хлѣба, и купецъ съ большою прибылью продалъ свою пшеницу. Въ уплату онъ получилъ половину золота и половину олова; и во время пути это олово чудесно превратилось въ золото.

Помогая людямъ живымъ дѣломъ, святитель проповѣдывалъ милосердіе и въ словахъ, и въ отзывахъ о людяхъ:

— Чада, — говорилъ онъ, — перестаньте осуждать, такъ какъ этимъ вы впадаете разомъ въ два прегрѣшенія: во-первыхъ, осуждая брата, вы нарушаете заповѣдь апостола: «прежде времени ничтоже судите», потомъ вы клевещете на брата, не зная, согрѣшаетъ ли онъ или покаялся».

И Богъ призрѣлъ съ высокихъ небесъ на неперестающій подвигъ любви своего служителя, и, когда пришло время отшествія Іоанна отъ земли, ему явился въ сновидѣніи свѣтозарный мужъ съ вѣстью:

— Царь царей зоветъ тебя къ себѣ.

И какъ не думать, что въ новомъ видѣ бытія душа Іоанна, расширявшаяся такимъ благодатнымъ сочувствіемъ къ людямъ, не можетъ забыть обычныхъ дѣлъ милосердія, и ждетъ зова о помощи, чтобы спѣшить съ этой помощью...

Два святыхъ мученика Косьма и Дамьянъ—«врачи безмездные» названы безсребренниками по той широкой помощи, которую оказывали они людямъ. Изучивъ врачебное искусство, они увѣнчали его дѣйствовавшей въ нихъ благодатью. Обходя больныхъ не только въ Римѣ, откуда они происходили, но и въ окрестныхъ городахъ и селеніяхъ, они многихъ обращали ко Христу. Свое богатое наслѣдіе они раздавали бѣднымъ, питая голодныхъ, одѣвая нагихъ, всячески поддерживая нуждающихся. И эту свѣтлую жизнь милосердія они завершили мученическимъ подвигомъ.

Одинъ изъ величайшихъ подвиговъ милосердія, до какого когда-нибудь возвысилась душа человѣческая, былъ подвигъ епископа Ноланскаго—Павлина Милостиваго. Уроженецъ нижней Франціи, теперешняго города Бордо, Павлинъ занималъ почетную должность сенатора, консула и правителя богатой области Кампаніи. Архіепископъ Амвросій Медіоланскій уговорилъ его принять христіанство. Ему было всего тогда двадцать пять лѣтъ. Ученіе Христа онъ воспринялъ съ такой полнотой, что роздалъ имѣніе бѣднымъ, оставилъ тѣ мѣста, гдѣ родился и гдѣ жилъ въ почетѣ и богатствѣ, и удалился въ Испанію въ Пиринейскія горы. Жители теперешней Барцелоны силой вынудили его принять священство. А онъ, избѣгая славы человѣческой, ушелъ въ Италію и поселился въ мѣстечкѣ Нола, въ той самой Кампаніи, которою онъ нѣкогда управлялъ.

Это былъ человѣкъ богато одаренный, въ душѣ котораго ключемъ била поэзія. Онъ любилъ украшать церкви, слагалъ превосходныя церковныя пѣсни, воздвигъ домъ для странниковъ и велъ переписку съ современниками, которая имѣетъ высокую цѣну черезъ проникающее ее глубокое религіозное настроеніе. Но высшій подвигъ, имъ показанный, былъ таковъ. Въ то время на Италію часто нападали сарацины-арабы и уводили жителей въ плѣнъ. Пришла къ Павлину бѣдная вдова, у которой только что арабы увели сына. Она просила помочь ей выкупить плѣнника. Епископъ долго думалъ, откуда достать для нея денегъ, такъ какъ у него не оставалось рѣшительно ничего. Наконецъ, онъ вышелъ къ ней, предлагая продать себя въ рабство, чтобы выкупить сына. Долгое время

женщина не могла понять, что предложеніе это серьезно; она думала, что Павлинъ надъ ней издѣвается.

Епископъ отправился въ Африку и предложилъ себя въ рабство взамѣнъ сына вдовы. Сдѣлка состоялась, такъ какъ Павлинъ былъ человѣкъ трудолюбивый и зналъ хорошо садоводство. Онъ былъ приставленъ къ винограднику. Сынъ вдовы вернулся къ матери. Впослѣдствіи хозяинъ Павлина узналъ тайну его происхожденія и съ миромъ отпустилъ его.

Вотъ, до какихъ вершинъ доходила въ христіанахъ любовь и самопожертвованіе.

Однимъ изъ любимѣйшихъ духовныхъ сказаній въ русскомъ народѣ является сказаніе о святомъ Филаретѣ Милостивомъ, жившемъ на сѣверѣ Малой Азіи. Филаретъ занималъ высокое общественное положеніе, былъ женатъ на знатной и богатой дѣвицѣ, у него было много стадъ, плодоносныхъ нивъ, во всемъ широкое изобиліе. Множество рабовъ и рабынь служили ему. Домъ былъ полонъ сокровищами, но славнѣе всего былъ онъ милосердіемъ своимъ. Вотъ—разсужденія, которыми руководствовался Филаретъ въ своей жизни:

— Ужели Господь далъ мнѣ такъ много для того, чтобы я питался всѣмъ одинъ, жилъ въ наслажденіяхъ, угождая своему чреву? Не долженъ ли я раздѣлить великое богатство, посланное мнѣ Богомъ, съ нищими, вдовами, сиротами, странниками и убогими? Всѣхъ этихъ людей Господь на страшномъ судѣ передъ ангелами святыми не постыдится назвать Своими братьями. Какая польза будетъ въ день страшнаго суда отъ всѣхъ моихъ имѣній, если ихъ сохраню лишь для себя? Но нужны ли мнѣ тамъ мои имѣнія и земли, и мои одежды? Лучше черезъ нищихъ отдать Богу, какъ бы взаймы, и Богъ никогда не оставитъ ни жены моей, ни дѣтей моихъ. Вѣдь не напрасны слова пророка:

«Я былъ юнъ и состарился, но не видалъ праведника оставленнымъ и дѣтей его просящими хлѣба».

И Филаретъ являлся неистощимымъ милостивцемъ, къ которому со всѣхъ сторонъ сходились нуждающіеся. Мало-помалу имущество Филарета таяло. Напали на его страну сарацины, увели въ плѣнъ его стада и много рабовъ, и остались у него два раба, пара воловъ, лошадь и корова, домъ и одна нива. И Филаретъ сталъ самъ обрабатывать эту ниву. Потомъ онъ отдалъ своего вола земледѣльцу, у котораго палъ его волъ; вскорѣ же этотъ земледѣлецъ выпросилъ у него и второго вола. Своего коня онъ отдалъ воину, который долженъ былъ снаряжаться на войну и достать гдѣ-нибудь лошадь.

Оставались у него корова съ теленкомъ, одинъ оселъ да нѣсколько ульевъ пчелъ. Но теленка онъ отдалъ одному бѣдняку, который заявилъ ему, что желалъ бы имѣть этого теленка, такъ какъ дары Филарета обогащаютъ тотъ домъ, куда они внесены. Когда же корова, разлученная со своимъ теленкомъ, стала жалобно мычать, Филаретъ отдалъ тому человѣку въ придачу и корову. У него осталось только нѣсколько ульевъ съ медомъ, которымъ онъ питалъ себя и свою семью.

Филаретъ окончательно обнищалъ, когда въ его городъ пришли царскіе посланцы, искавшіе невѣсты для юнаго императора. Такъ какъ домъ Филарета, стоявшій на горѣ, отличался своими размѣрами и красотой, то посланцы заявили желаніе остановиться тутъ. Жители говорили имъ, что въ домѣ царствуетъ величайшее убожество, но послы настояли на своемъ.

Жители этого мѣста, узнавъ, какіе гости у Филарета, по собственному почину нанесли ему всего нужнаго, чтобы приготовить богатую трапезу.

Услыхавъ, что у Филарета есть внучки, посланцы пожелали видѣть ихъ. И одна изъ нихъ, Марія, отличавшаяся необыкновенной красотой, поразила ихъ. Марія была увезена въ Константинополь и стала императрицей. Возвысившись черезъ этотъ бракъ, получая отъ царя громадныя средства, Филаретъ продолжалъ свою дѣятельность на пользу людей,и въ глубокой старости достигъ мирной кончины. Тѣ золотыя слова, которыя онъ говорилъ, прощаясь со своими домашними, должны стать для всякаго священнымъ завѣтомъ милосердія.

«Дѣти мои, — говорилъ онъ, — вы видѣли, какую жизнь я проводилъ. Я не жилъ чужимъ трудомъ, но самъ зарабатывалъ свой хлѣбъ. Я не превозносился богатствомъ, дарованнымъ мнѣ Богомъ, избѣгалъ гордости, возлюбилъ смиреніе. Когда я обнищалъ, я не скорбѣлъ, не хулилъ Бога, но благодарилъ Его за то, что Онъ наказалъ меня. Потомъ еще Господь болѣе взыскалъ меня. Но и тутъ я не превознесся, а богатства, посланныя мнѣ Богомъ, снова я передалъ руками убогихъ Небесному Царю. Такъ живите и вы. Не дорожите мимотекущимъ богатствомъ, но посылайте его въ ту страну, куда я сейчасъ удаляюсь. Не забывайте страннолюбія, заступайтесь за вдовицъ, помогайте сиротамъ, навѣщайте больныхъ и сидящихъ въ темницѣ, не чуждайтесь общенія съ церковью, не присваивайте себѣ чужого, не обижайте никого, не говорите зла, не радуйтесь бѣдствіямъ даже враговъ, погребайте мертвыхъ и поминайте ихъ въ церквахъ.

И примѣръ Филаретовой милостыни нашелъ многихъ подражателей въ русской землѣ.

Когда Владиміръ равноапостольный принялъ христіанство, изъ человѣка дикаго нрава онъ сталъ кроткимъ, тихимъ и милосерднымъ.

Глубоко скорбя о прежней нечистой жизни своей, онъ говорилъ:

«Господи, былъ я какъ звѣрь, жилъ я по скотски, но Ты укротилъ меня, слава Тебѣ, Боже...»

Жестокій и мстительный въ язычествѣ Владиміръ-христіанинъ сдѣлался образцомъ кротости и любви къ ближнимъ. Онъ не хотѣлъ наказывать даже и преступниковъ. Епископы представили ему, что злодѣйства умножились и строгія мѣры правосудія необходимы. Внявъ ихъ увѣщаніямъ, Владиміръ сталъ наказывать преступниковъ, но весьма осторожно и безъ жестокости.

Бѣднымъ и нуждающимся отворенъ былъ входъ къ нему; онъ щедро раздавалъ имъ пищу, одежду, деньги; покоилъ странниковъ, выкупалъ должниковъ, невольниковъ и плѣнникамъ возвращалъ свободу. Видя, что больные не въ силахъ приходить къ нему за помощью, онъ приказалъ развозить по улицамъ мясо, рыбу, хлѣбъ, овощи, квасъ и медъ. Въ праздничные дни всегда было у него три трапезы: первая для митрополита съ епископами, иноками и священниками; вторая для нищихъ, третья для самого князя съ боярами и дружиною.

Въ началѣ семнадцатаго вѣка, въ царствованіе Бориса Годунова разразилось страшное народное бѣдствіе—великій голодъ.

Весною 1601 года небо омрачилось густою тьмою, дожди лили въ теченіе десяти недѣль непрестанно, такъ что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастью, засѣяли новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ ни осенью, ни весною; все истлѣло и смѣшалось съ землею. Тогда началось бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицахъ опустѣли. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы низкою цѣною, отворилъ и казну, раздавалъ цѣлыя кучи серебра народу. Но это

пособіе приманило въ Москву несмѣтное число нищихъ, и ужасы голода достигли до крайности. По свидѣтельству современниковъ, люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними послѣднимъ кускомъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостиницы стали вертепомъ душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи. Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкѣ. Матери глодали трупы своихъ младенцевъ... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду, но преступленія не уменьшались... И въ это время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продавать его еще дороже. Но нашлись и люди сострадательные, готовые жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ для помощи братіямъ по человѣчеству и христіанству.

Окрестные жители доселѣ ходятъ на могилу праведной боярыни Іуліаніи, почившей второго января 1665 года и положенной въ селѣ Лазаревскомъ въ четырехъ верстахъ отъ города Мурома. Блаженная Іуліанія является яркимъ примѣромъ сердобольной русской женщины, встающей во весь нравственный ростъ свой во времена общественныхъ бѣдствій.

Блаженная Іуліанія Осоргина, вдова—помѣщица Муромскаго округа, при оскудѣніи пищи, распродала скотъ и всю движимость свою и кормила хлѣбомъ, купленнымъ по дорогой цѣнѣ, не только челядь свою, но и всѣхъ, просившихъ у нея милостыни. Когда великая нищета умножилась въ домѣ ея, она собрала своихъ рабовъ и сказала имъ: «голодъ обдержитъ насъ, видите сами. Если кто изъ васъ хочетъ, пусть идетъ на свободу и не изнуряется для меня». Благомыслящіе между ними обѣщали съ нею терпѣть, а другіе отошли. Съ благословеніемъ и молитвою отпустила она ихъ и не держала на нихъ гнѣва. Оставшимся рабамъ велѣла собирать траву лебеду и кору съ дерева, называемаго «илимъ» (вязъ), изъ этихъ припасовъ велѣла готовить хлѣбъ, и тѣмъ сама питалась и дѣтей, и рабовъ кормила. И молитвою ея былъ тотъ хлѣбъ сладокъ, и никто въ домѣ ея не изнемогалъ отъ голода. Тѣмъ хлѣбомъ она и нищихъ питала, и не накормивши, никого изъ дому не отпускала, а нищихъ въ то время было безчисленное множество. Сосѣди говорили нищимъ: «что къ Юліаніи въ домъ ходите? Она и сама голодомъ умираетъ». Нищіе отвѣчали: «много селъ мы обходимъ, и чистые хлѣбы собираемъ, а такъ въ сладость не наѣдаемся, какъ сладокъ хлѣбъ у этой доброй вдовы. «И сосѣди, для испытанія, посылали къ ней за хлѣбомъ, ѣли его и дивились, говоря: «горазды рабы ея печь хлѣбы», а того не разумѣли, что

молитвою ея хлѣбъ былъ сладокъ. Могла бы она умолить Бога, чтобы не оскудѣвалъ домъ ея, но не противилась смотрѣнію Божію, терпя благодарно и вѣдая, что терпѣніемъ пріобрѣтается царствіе небесное. И терпѣла въ той нищетѣ два года: не опечалилась, не смутилась и не изнемогла нищетою, но была еще веселѣе прежняго.

Вообще древне-русская женщина вся сіяла милосердіемъ, всепрощеніемъ, кротостью и благочестіемъ.

Вспомнимъ рядомъ съ Іуліаніей двухъ русскихъ женщинъ, изъ которыхъ одна жила много раньше, а другая немного позже ея: преподобную Евдокію, великую княгиню московскую, и царицу Анастасію Романовну-первую супругу Іоанна Грознаго.

Съ супругомъ княгиня Евдокія переживала великое потрясеніе, которое предшествовало освободительной Куликовской битвѣ. Что чувствовала она, когда въ числѣ дружинъ своихъ, при колокольномъ звонѣ, съ развѣвающимися знаменами Димитрій выступалъ изъ московскаго кремля, выступалъ,—быть можетъ, на побѣду, быть можетъ, на страшную гибель, за которой могло послѣдовать такое разореніе страны, какого не видала Россія и при Батыѣ.

Въ народныхъ сказаніяхъ увѣковѣчена эта пора и сложены стихи, выражающіе чувства Евдокіи въ эти дни. Съ другими московскими женщинами благовѣрная великая княгиня помогала русской рати, бившейся на Куликовскомъ полѣ, своими горячими молитвами, воздвигая небо и московскихъ чудотворцевъ ополчиться противъ невѣрныхъ.

Рано схоронивъ своего мужа, Евдокія жила подвижницей въ честномъ вдовствѣ, но скрывала отъ людей свои подвиги. Имѣя тѣло изсохшее отъ поста, чтобы прикрыть свою худобу, носила на тѣлѣ по нѣсколько одеждъ, придававшихъ ей видъ тучности, и являлась всюду въ пышности своего сана. Дѣти даже стали подозрѣвать ее въ вольной жизни. Тогда ей пришлось раскрыть свою тайну. Она позвала старшаго сына и, сбросивъ съ себя одежду, показала ему свое изсохшее тѣло.

Когда она шла уединиться, незадолго до конца, въ созданномъ ею Вознесенскомъ монастырѣ, одинъ нищій-слѣпецъ сталъ просить ее даровать ему зрѣніе. Княгиня украдкой подала ему рукавъ своей одежды, которымъ онъ утеръ лицо и прозрѣлъ.

Краткая жизнь царицы Анастасіи Романовны была подобна недолго горящей, но отрадной и прекрасной небесной звѣздѣ. Въ царицѣ Анастасіи Романовнѣ были соединены всѣ лучшія качества древне-русской женщины — глубокая вѣра, чудная

скромность и цѣломудріе, задушевная мягкость обращенія, глубокая привязанность, трогательная сострадательность, высокое настроеніе души. Ко всему этому прибавьте еще цвѣтущую юную красоту. Анастасія Романовна принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, въ присутствіи которыхъ человѣкъ чище и лучше становится. Къ царицѣ Анастасіи можно приложить трогательныя слова, сказанныя поэтомъ Тютчевымъ про императрицу Марію Александровну, супругу Царя-Освободителя:

Кто бъ ни былъ ты, но встрѣтясь съ ней,—
Душою чистой иль грѣховной—
Ты вдругъ почувствуешь невольно,
Что есть міръ высшій, міръ духовный.

Царица Анастасія была лучшей представительницей русскаго терема.

Теремъ Московской Руси сложился въ тяжкихъ обстоятельствахъ татарщины. Внѣшняя жизнь была слишкомъ ужасна: постоянныя избіенія, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, дикость нравовъ, павшихъ вслѣдствіе общей безотрадной жизни, безпрерывные набѣги и постоянныя бѣды, голодовки отъ засухъ или наводненій, моровыя повѣтрія...

Жить было тяжело. Хотѣлось создать себѣ отрадный уголокъ, въ который бы можно было уходить и отдыхать отъ ужаса жизни. Такимъ уголкомъ и явился теремъ.

Здѣсь, въ недоступной постороннему глазу тишинѣ, въ единеніи съ любящей и вѣрной подругой, русскій человѣкъ находилъ себѣ отдыхъ отъ тягостей внѣшней жизни, отъ постоянной борьбы, отъ разныхъ оскорбленій и всяческихъ испытаній. Здѣсь запасались будущіе русскіе дѣятели всѣми необходимыми силами для жизни, полной борьбы, лишеній и жертвъ. Дѣйствительно, они безстрашно, стойко и свято умѣли стоять за родной край и служить родному народу, а это показываетъ, сколько благихъ силъ было въ теремѣ, этомъ гнѣздѣ русскихъ орлятъ, какую мощь вдохнули въ нихъ русскія женщины той поры, повидимому, стоявшія вдали отъ общественной жизни.

Одною изъ этихъ прекрасныхъ женщинъ, съ прямымъ, любящимъ, сильнымъ и терпѣливымъ сердцемъ, и была царица Анастасія Романовна.

Ея нравственное воздѣйствіе на царя Іоанна IV-го было громадно. Совмѣстная жизнь съ нею была лучшею порою царствованія Іоанна.

Кроткая Анастасія словно принесла съ собою въ даръ су-

пругу не только счастье, но и славу, удачи,—и все это безвозвратно рухнуло вмѣстѣ съ ея кончиной.

Отрадное тихое семейное счастье, которое давала Іоанну царица Анастасія, такъ прекрасно сливалось съ государственнымъ трудомъ, съ удачливыми предпріятіями на пользу Россіи, и вершины своей достигла эта жизнь во время Казанскаго похода.

Царь имѣлъ тутъ случай доказать Анастасіи свою любовь и довѣріе: отправляясь въ походъ, онъ далъ ей полную свободу въ дѣлахъ милосердія, далъ ей право снимать съ людей царскую опалу, давать свободу заключеннымъ.

Когда все уже было изготовлено къ походу, и царь сталъ прощаться съ царицей, скорбь нѣжной жены была безгранична: «уязвися,—говоритъ современникъ,—нестерпимою скорбью и не можаша отъ великія печали стояти и на многъ часъ безгласна бывша и плакася горько».

Подобно тому, какъ благовѣрная великая княгиня Евдокія сражалась противъ татаръ своими молитвами, пока супругъ ея, Димитрій Донской, бился на Куликовскомъ полѣ, такъ и благовѣрная царица Анастасія во время Казанскаго похода поддерживала его русское воинство неотступными своими молитвами.

Ранняя смерть царицы Анастасіи была началомъ нравственной порчи Іоанна. Царь чувствовалъ, что онъ лишается въ Анастасіи могучей нравственной поддержки, что безъ нея не хватитъ ему силъ жить такъ, какъ онъ жилъ при ней.

Несчастный, осиротѣвшій Іоаннъ на похоронахъ жены рвалъ на себѣ волосы, бился о гробъ...

Въ этотъ гробъ сходила лучшая пора его жизни, все то свѣтлое, что изъ подъ покрова раннихъ грѣховъ, изъ души, смятой ранними жестокими разочарованіями, вызвалъ этотъ отлетѣвшій въ родное небо ангелъ-хранитель.

А о томъ, чѣмъ была почившая царица для московскаго населенія, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ краткая замѣтка лѣтописи о днѣ ея похоронъ: не изъ корысти, а чтобъ поплакать надъ ней и поклониться ей, «вси нищіи и убозіи со всего града пріидоша на погребеніе, не для милостыни».

Это, дѣйствительно,—замѣчательная похвала почившей.

Русскіе цари подавали подданнымъ примѣръ милосердія. Въ священные дни поста и въ дни великихъ праздниковъ цари лично посѣщали тюрьмы, одѣляя колодниковъ милостынею, присылали изъ дворца для нихъ разговѣнье.

Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича просіялъ своимъ милосердіемъ одинъ изъ самыхъ сердобольныхъ и трогательныхъ людей—бояринъ Ѳеодоръ Ртищевъ, отличавшійся глубокимъ образованіемъ и начитанностью. Человѣкъ широкихъ взглядовъ и терпимости—бояринъ пылалъ огнемъ такой любви ко всему страдающему, которая постоянно заставляла его выискивать пищу для удовлетворенія позывовъ его милосердія.

Во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка русская жизнь потерпѣла сильное экономическое потрясеніе. При неблагопріятныхъ условіяхъ велась война съ Польшей за Малороссію. Голодъ опустошилъ деревни и села, сократилось производство хлѣба. Палъ курсъ денегъ, и вслѣдствіе этого усилилась до необычайности дороговизна жизни. Въ это время близко къ царю стоялъ «ближній постельничій» Ѳеодоръ Михайловичъ Ртищевъ—какъ-бы тогдашній министръ двора.

Крупный умъ Алексѣева царствованія, богатаго такими умами, человѣкъ скромный, любившій дѣлать добро втайнѣ, окруженный уваженіемъ и придворнаго общества и простонародья, воспитатель царевича Алексѣя, Ртищевъ поставилъ своей задачей служить маленькимъ людямъ нуждающейся Руси.

Если мы съ особымъ вниманіемъ остановились на личности Сергѣя Александровича Рачинскаго, какъ яркомъ представителѣ Богоискательства и служенія Богу въ высшихъ слояхъ культурной Россіи, то съ такимъ же вниманіемъ надлежитъ разобраться въ нравственной личности незабвеннаго Ѳеодора Михайловича Ртищева, какъ яркаго представителя христіанскаго теченія въ образованныхъ кругахъ Руси временъ первыхъ Романовыхъ.

Ртищевъ былъ при своемъ обширномъ, тонкомъ, изобрѣтательномъ и любознательномъ умѣ, человѣкомъ рѣдкой души. Прежде всего, онъ являлся любопытнымъ въ томъ отношеніи, что у него совершенно не было никакого самолюбія. Онъ любилъ ближнихъ больше, чѣмъ самого себя, и себя считалъ, совершенно серьезно и безъ всякой рисовки, какъ бы приставленнымъ ко всякому нуждающемуся человѣку, въ качествѣ вѣрнаго слуги этого человѣка. Онъ совершенно не зналъ чувства обиды, какъ другіе не знаютъ вкуса къ вину, и первый шелъ навстрѣчу тому, кто его обидѣлъ, съ просьбой простить его и помириться. Для него людское множество не было бездушной массой, на которую знать смотритъ свысока. Человѣкъ не былъ для него вещью, и всякій нуждавшійся въ немъ становился для него особенно значительнымъ и интереснымъ.

Высокое положеніе его какъ будто подгоняло его ретивость въ твореніи добра, постоянно держа его въ ощущеніи какой-то совѣстливости за свое высокое положеніе и за изобиліе своей жизни по сравненію съ другими людьми, не имѣвшими ни этого положенія, ни этого изобилія. Но его доброта не дѣйствовала какими-то порывами. Онъ старался выработать постоянныя установленія, которыя вовлекли бы въ свой кругъ все русское множество «труждающихся и обремененныхъ».

Когда царь Алексѣй двинулся въ польскій походъ, Ртищевъ сопровождалъ его. Здѣсь, въ тылу арміи, онъ насмотрѣлся на человѣческія несчастья, которыхъ не замѣчаетъ передовая армія, терпящая первый уронъ, ведущая самоотверженную, но красивую и, такъ сказать, праздничную дѣятельность. Сердце Ртищева въ эти дни расширилось болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Страдая ногами, Ртищевъ съ великимъ трудомъ могъ садиться на лошадь. По дорогѣ онъ созывалъ въ свою колымагу больныхъ, раненыхъ и пострадавшихъ. Доходило до того, что ему самому порой не оставалось въ колымагѣ мѣста, и онъ, коекакъ влѣзши на коня, слѣдовалъ за своимъ оригинальнымъ лазаретомъ. Въ первомъ же городѣ онъ нанималъ домъ, гдѣ помѣщалъ всѣхъ этихъ изуродованныхъ, изнуренныхъ и престарѣлыхъ людей, доставляя для нихъ и врачей, и служителей:

«Назиратаевъ и врачевъ имъ и кормителей устрояше, во упокоеніе ихъ и врачеваніе отъ имѣнія своего имъ изнуряя».

Повѣствователь о жизни Ртищева добавляетъ тутъ нѣкоторую трогательную подробность. Для всѣхъ этихъ людей въ широкомъ ртищевскомъ денежномъ мѣшкѣ была заключена тайная милостыня, данная Ртищеву для нихъ царицею Маріей Ильинишной. Болѣе того, по тайному уговору между царицей и ближнимъ постельничимъ было рѣшено принимать въ эти временные военные госпитали также плѣнныхъ. Такъ эти два понимавшіе другъ друга человѣка старой Руси воплотили безъ шума слово Христово: «Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ».

Эти трогательныя исторіи повторились и въ Ливонскій походъ царя, когда началась война со Швеціей.

Ртищевъ выказалъ еще себя большимъ дѣятелемъ въ борьбѣ съ другой русской бѣдой того времени—онъ ревностно занимался выкупомъ плѣнныхъ.

Въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ крымскіе татары часто нападали на окраинныя русскія земли и уводили въ плѣнъ народъ тысячами и десятками тысячъ. Они ихъ продавали въ Турцію и другія страны. Чтобы выкупать плѣнныхъ,

*

правительство ввело особый налогъ, который назывался «полоняничныя деньги». Съ татарскими разбойниками были даже договоренные порядки привоза плѣнниковъ и расцѣнка, по которой плѣнные выкупались сообразно ихъ положенію: за крестьянъ и ихъ холоповъ платили по двѣсти пятьдесятъ рублей съ души, за людей высшихъ классовъ платили тысячи. Но этихъ «полоняничныхъ» денегъ на выкупъ всѣхъ плѣнныхъ не хватало.

Ртищевъ свелъ знакомство съ однимъ купцомъ, православнымъ грекомъ. Купецъ былъ добрый человѣкъ, велъ торговыя дѣла съ магометанскимъ востокомъ и любилъ выкупать плѣнныхъ христіанъ. Этому человѣку Ртищевъ вручилъ семнадцать тысячъ рублей, къ которымъ грекъ приложилъ и свои деньги. На всѣ эти деньги онъ и выкупалъ у татаръ русскихъ полонянниковъ. Подобно тому, какъ Ртищевъ ходилъ на войнѣ за плѣнниками, такъ онъ и въ мирное время облегчалъ тяжелое положеніе иностранныхъ плѣнниковъ, попавшихъ въ Россію.

Русская улица семнадцатаго вѣка была не казиста какъ своей неопрятностью, такъ и своимъ составомъ. Тутъ нищіе и калѣки, стараясь перекрикивать другъ друга, взывали къ прохожимъ о подаяніи, а пьяные ползали или въ безчувствіи валялись по землѣ. Ртищевъ нанималъ людей, которые подбирали по улицѣ и больныхъ и пьяныхъ и свозили ихъ въ домъ, нарочно для этой цѣли устроенный Ртищевымъ на его счетъ. Въ этомъ домѣ больныхъ лѣчили, пьяныхъ вытрезвляли и, снабдивъ ихъ необходимымъ, съ миромъ отпускали домой. Кромѣ этого дома, у Ртищева былъ другой домъ, куда онъ собиралъ престарѣлыхъ, слѣпыхъ и неизлѣчимыхъ калѣкъ и кормилъ ихъ на свой счетъ. Домъ этотъ подъ именемъ больницы Ѳеодора Ртищева существовалъ и послѣ его смерти на доброхотныя даянія лицъ, помнившихъ Ртищева.

Во времена общественныхъ бѣдствій Ртищевъ широко раскрывалъ свою руку. А когда у него не хватало денегъ, онъ продавалъ свое имущество. Такъ, когда въ Вологодскомъ краѣ случился голодъ, и архіепископъ, сколько могъ, кормилъ народъ, Ртищевъ, просадившій всѣ свои деньги на свои московскія затѣи, продалъ все свое лишнее платье и лишнюю домашнюю утварь, которой бывало много въ домахъ богатыхъ бояръ. Вырученныя деньги онъ послалъ въ Вологду.

Человѣкъ, сердобольно относившійся и къ иностраннымъ плѣнникамъ, и къ пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ, и ко всякому горю,—не могъ, конечно, быть равнодушнымъ и къ судьбѣ русскаго крестьянства. Крупный землевладѣлецъ, Рти-

щевъ имѣлъ много сношеній съ ними. И вотъ, какъ заботился онъ о своихъ крестьянахъ. Онъ вынужденъ былъ продать свое село Ильинское. Покончивъ торгъ, онъ самъ скинулъ покупщику нѣкоторую часть договоренной цѣны, возлагая на него нѣкоторыя нравственныя обязанности. Именно, онъ подвелъ новаго владѣльца къ образу и заставилъ его побожиться, что онъ не будетъ увеличивать повинностей, которыя въ пользу Ртищева отбывались крестьянами села, и которыя были, конечно, невысоки. Вотъ, необычайные для нашей жизни векселя, какими обмѣнивались въ старину добрые люди.

Ртищевъ заботливо поддерживалъ инвентарь своихъ крестьянъ, онъ боялся разстроить ихъ хозяйство высокими оброками и барщиной, и брови его недовольно сжимались, когда въ отчетахъ управляющаго оказывался преизбытокъ барскаго дохода.

Въ завѣщаніи Ртищевъ, оставившій наслѣдниками послѣ себя дочь свою княгиню Одоевскую и зятя, приказалъ всѣхъ его дворовыхъ отпустить на волю.

«Вотъ какъ устройте мою душу, въ память ко мнѣ будьте добры къ моимъ мужикамъ, которыхъ я укрѣпилъ за вами, владѣйте ими льготно, не требуйте отъ нихъ работъ и оброковъ свыше силы-возможности, потому что они намъ братія; это моя послѣдняя и самая большая къ вамъ просьба».

Можно вспомнить еще о томъ, какъ Ртищевъ подарилъ городу Арзамасу землю. Частные покупатели за эту землю, принадлежавшую Ртищеву, давали ему до семнадцати тысячъ. Но онъ зналъ, что земля до зарѣза нужна городу, и предложилъ ему купить ее, хотя бы по низкой оцѣнкѣ. Не имѣя денегъ, бѣдный городъ не зналъ, куда кинуться, и тогда Ртищевъ уступилъ землю вовсе задаромъ.

Всѣ эти дѣла, освѣщенныя искрой широкаго отзывчиваго сердца, тѣснятся на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ съ половиной десятилѣтій, потому что Ртищевъ жилъ недолго. Одинъ изъ иностранныхъ пословъ, побывавшій въ Россіи, отзывается о Ртищевѣ, что, «едва имѣя сорокъ лѣтъ отъ роду, онъ превосходилъ благоразуміемъ многихъ стариковъ».

Не выставляясь впередъ, Ртищевъ былъ однимъ изъ тѣхъ скромныхъ людей, которые не лѣзутъ въ первые ряды. Но, повидимому, затерянные въ толпѣ, стоя въ ея гущѣ, они идутъ, освѣщая путь передовымъ людямъ, высоко поднявъ надъ главами свѣточъ, который не гаснетъ и служитъ одобреніемъ, призывомъ и примѣромъ для тѣхъ, кто въ будущемъ ихъ поймётъ и, плѣнившись ими, станетъ имъ подражать.

Изъ другихъ примѣровъ прославленныхъ церковью милостивцевъ должно вспомнить о жизни святителя Тихона Задонскаго.

Въ 1767 году онъ съ воронежской каѳедры былъ уволенъ на покой, съ опредѣленіемъ ему пенсіи по пятьсотъ рублей и поселился въ Задонскомъ монастырѣ. Это былъ истинный народолюбецъ, учившій народъ какъ своими вдохновенными писаніями, такъ личными бесѣдами и примѣромъ.

Послѣ поздней обѣдни, выходя изъ церкви, святитель бесѣдовалъ съ богомольцами или приводилъ къ себѣ дѣтей, чтобы ихъ наставить. Сидя за своей скромной трапезой, святитель говаривалъ:

— Слава Богу, вотъ, у меня хорошая пища, а собратіи мои ходятъ бѣдно, въ темницѣ сидятъ, иной безъ соли ѣстъ. Горе мнѣ окаянному.

Во время обѣда святитель читалъ духовныя книги, и умиленныя мысли съ одной стороны о Божьемъ милосердіи, которое его самого питаетъ, а съ другой о тѣхъ, кто сидитъ безъ хлѣба, приводили святителя въ такое чувство, что иногда, отложивъ ложку, онъ начиналъ плакать.

Въ жизни своей святитель соблюдалъ величайшую простоту. Когда онъ прибылъ въ Задонскъ, онъ имѣлъ съ собою все то, что полагается по приличію имѣть архіерею: шелковое платье, теплый и холодный подрясникъ и рясы на тепломъ мѣху, перину съ подушками, хорошія одѣяла, серебряные карманные часы. Все это онъ продалъ на бѣдныхъ. Употреблялъ же онъ самыя убогія вещи. Оловянная и деревянная посуда, два мѣдныхъ чайника, для воды и для чая, двѣ пары чашекъ, чайникъ, два стеклянныхъ стакана, мѣдный тазъ, стѣнные часы съ кукушкой, нѣсколько холщевыхъ полотенецъ и бѣлыхъ носовыхъ платковъ—вотъ, вся его утварь. Спалъ онъ на коврѣ, набитомъ соломой. Одѣяломъ служилъ овчинный тулупъ, покрытый китайкой. Одѣвался онъ также въ высшей степени просто. У него была суконная гарусная ряска, два подрясника—одинъ овчинный, другой заячій,—покрытый темной китайкой. Подпоясывался онъ ременнымъ поясомъ; носилъ шерстяные чулки, подвязанные ремнемъ, и коты. У него для выѣздовъ не было никакого приличнаго сундучка, а только старый кожаный мѣшокъ, въ который онъ клалъ книги, гребни, нѣсколько рубахъ и восемь фуфаекъ.

Благотворительность святителя Тихона простиралась, особенно, на простой народъ. Онъ помогалъ бѣднымъ и изъ другихъ сословій: такъ онъ снабжалъ бѣдныхъ дѣвицъ-дворянокъ

приданымъ, но на крестьянъ было направлено его главное вниманіе.

Онъ давалъ на постройку тѣмъ, у кого былъ пожаръ. Давалъ скотину, замледѣльческія орудія и хлѣбъ для посѣва неимущимъ крестьянамъ. Особенно широко развернулась его благотворительность во время одного неурожайнаго въ той мѣстности года. Ежедневно тогда при кельѣ своей святитель раздавалъ и деньги, и хлѣбъ.

Когда въ Ельцѣ случился пожаръ, святитель ѣздилъ самъ въ Воронежъ и Острогожскъ и собиралъ тамъ пожертвованія.

Насколько сердечна была помощь святителя, можно видѣть изъ слѣдующаго. Избѣгая благодарности тѣхъ, кому онъ помогалъ, соблюдая евангельскую тайну, святитель одному довѣренному и уважаемому имъ человѣку поручилъ въ базарные дни ходить между крестьянами, привезшими хлѣбъ для продажи, разузнавать, нѣтъ ли среди нихъ человѣка, пораженнаго несчастьемъ. Этотъ довѣренный у такого рода людей долженъ былъ приторговывать хлѣбъ и вручать имъ тутъ же, смотря по обстоятельствамъ, или заразъ всѣ договоренныя деньги, или часть этихъ денегъ, какъ бы въ задатокъ. Затѣмъ онъ исчезалъ и всѣ деньги оставались, такимъ образомъ, въ видѣ тайной милостыни.

Не ограничиваясь ближайшимъ къ Задонску населеніемъ, святитель благотворилъ и дальнимъ мѣстностямъ. Три раза посылалъ онъ, напримѣръ, на свою родину—въ Новгородскую губернію келейника съ деньгами. А разъ послалъ полтораста рублей священнику сосѣдняго со своей родиной села, съ подробнымъ и мудрымъ наставленіемъ, какъ должны быть розданы эти деньги.

Святитель любилъ страннопріимство и въ малой келіи своей давалъ пріютъ бѣднымъ и больнымъ. Онъ самъ ходилъ за этими людьми, приносилъ имъ свою подушку, приказывалъ повару готовить для нихъ лучшую пищу, по нѣсколько разъ въ день самъ поилъ ихъ чаемъ, утѣшалъ и ободрялъ ихъ своими разговорами, по часу и болѣе просиживалъ около нихъ. Если такіе люди умирали, онъ хоронилъ ихъ на свой счетъ, отдавая имъ послѣдній долгъ.

Святитель былъ усерднымъ заступникомъ за крестьянъ противъ несправедливостей и притѣсненій помѣщиковъ.

Однажды онъ увидалъ трехъ женщинъ съ малолѣтними дѣтьми, горько плачущихъ. Оказалось, что по клеветамъ и навѣтамъ двое сыновей старухи, мужья двухъ стоявшихъ съ ней женщинъ, были отданы въ военную службу, и у этихъ трехъ

несчастныхъ осталось на рукахъ девять малолѣтнихъ дѣтей. Святитель не только сталъ помогать этой семьѣ, но, такъ какъ кормильцы ея были уже угнаны въ далекіе пограничные полки, святитель рѣшилъ хлопотать объ ихъ возвращеніи. Онъ написалъ объ этомъ дѣлѣ въ Петербургъ, архіепископу Гавріилу, и, по сношенію этого отзывчиваго іерарха съ высшими властями, дѣло было пересмотрѣно, и оба брата возвращены въ деревню.

Близки были также сердцу святителя заключенные въ тюрьмахъ. Онъ нарочно ѣздилъ за 40 верстъ въ Елецъ, чтобы посѣтить тюремныхъ узниковъ. Эти поѣздки свои онъ обставлялъ тайной. Подолгу бесѣдовалъ онъ съ заключенными, братски утѣшалъ невинныхъ, напоминалъ виновнымъ о Христѣ. Выходя изъ темницы, просилъ узниковъ принять то, что имъ послалъ Богъ, и что онъ принесъ съ собою. Затѣмъ онъ поспѣшно скрывался изъ города.

Святитель радовался въ тѣ дни, когда къ нему приходило много просящихъ. Если же не случалось ни одного, то глубоко скорбѣлъ.

Ничтожной пенсіи въ 500 рублей не могло, конечно, хватить и на малую часть благодѣяній святителя. Когда ему требовалась для помощи большая сумма денегъ, онъ объѣзжалъ своихъ почитателей. Главнымъ же источникомъ были тѣ приношенія, которыя къ нему отовсюду стекались.

Чрезвычайно трогательно отношеніе святителя къ дѣтямъ. Онъ съ ласкою собиралъ ихъ вокругъ себя въ своей кельѣ, училъ ихъ молитвамъ, объясняя ихъ чрезвычайно понятно. Самыхъ малыхъ дѣтей онъ пріучалъ произносить: «Господи помилуй», «Пресвятая Богородице, спаси насъ». Онъ одѣлялъ дѣтей деньгами, бѣлымъ хлѣбомъ и яблоками.

Если святитель бывалъ нездоровъ, не ходилъ въ церковь и узнавалъ отъ келейника, что дѣти были и ушли, не видавъ его, то, бывало, съ улыбкою промолвитъ: «бѣдныя, они ходятъ въ церковь для хлѣба и денегъ. Что же ты ихъ не привелъ ко мнѣ?»

Вообще, святитель любилъ быть въ общеніи съ народомъ и частенько, встрѣчая крестьянъ на монастырскомъ дворѣ, подсаживался къ нимъ и заводилъ съ ними рѣчь какъ бы простой монахъ.

Конечно, святитель не перевернулъ жизнь своихъ современниковъ, какъ еще не перевернулъ сложившагося быта ни одинъ проповѣдникъ. Но въ быту людей отзывчивыхъ, совѣстливыхъ, которые раньше не по жестокосердію, а по легкомыслію дѣлали тяжелою жизнь крестьянства: въ быту этихъ

людей онъ многое смягчилъ и исправилъ. А на нѣкоторыхъ лицъ изъ купеческаго и помѣщичьяго класса его слова и дѣла производили столь сильное впечатлѣніе, что они рѣшили совершенно уйти отъ міра. Такъ случилось съ сыномъ богатаго помѣщика Бехтѣева, у котораго святитель не разъ бывалъ.

Одинъ изъ великихъ святыхъ церкви католической дошелъ до величайшаго самоотверженія—показалъ едва ли кѣмъ превзойденный подвигъ. Онъ услыхалъ отъ кого-то, что чумный больной можетъ исцѣлиться, если его согрѣетъ тѣло здороваго человѣка. Чума—ужаснѣйшая изъ болѣзней, не дающая пощады своей жертвѣ. Въ порывѣ распалявшаго его милосердія, праведникъ легъ въ постель чумнаго, чтобы согрѣть его своей теплотой. Вдругъ на ложѣ страданія оказался лежащимъ Христосъ, Который вознесся тогда предъ милостивцемъ въ небеса, давъ міру новое доказательство того, что тотъ, кто милуетъ людей, служитъ самому Богу.

Есть самоотверженные католическіе священники, которые посвящаютъ свою жизнь на служеніе прокаженнымъ, отправляясь на тѣ уединенные острова, гдѣ расположены колоніи прокаженныхъ и обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что сами заражаются проказой и умираютъ въ страшныхъ страданіяхъ. Изъ такихъ самоотверженныхъ людей особенно памятно имя молодого бельгійскаго священника отца Даміана.

Въ Москвѣ въ прошломъ столѣтіи сіялъ великій милостивецъ докторъ Ѳеодоръ Петровичъ Гаазъ, который всѣ силы своего громаднаго сердца, всю изворотливость своего внимательнаго къ чужимъ страданіямъ ума, употребилъ на то, чтобы облегчать участь тюремныхъ заключенниковъ и преступниковъ.

То было суровое время, когда преступниковъ и даже лишь подозрѣваемыхъ въ преступленіи пересылали съ мѣста на мѣсто прикованными къ одной цѣпи всѣхъ вмѣстѣ, мужчинъ, женщинъ и подростковъ, когда жизнь такихъ людей была сплошнымъ адомъ. Ѳеодоръ Петровичъ Гаазъ разъ навсегда пожалѣлъ этихъ людей и служилъ имъ до конца своихъ дней, добившись для нихъ многихъ облегченій.

Такую же дѣятельность, но въ нѣсколько иномъ направленіи, проявила скончавшаяся въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ княжна Марія Михайловна Дондукова-Корсакова.

Она была истинно евангельская женщина. Происходя изъ богатой и знатной семьи, имѣя передъ собою блестящій ровный жизненный путь, она отдала свою жизнь на служеніе бѣднымъ. Она была такъ добра, что раздавала бѣднымъ не только деньги, пока она ихъ имѣла, но однажды въ сильный холодъ, ѣдучи въ деревню за много верстъ и встрѣтивъ въ вагонѣ женщину, одѣтую въ легкое платье, сняла съ себя шубу и отдала совсѣмъ ей, а сама попросила на станціи одолжить ей тулупъ. Бывали случаи, что въ осеннее ненастье она ходила по Петербургу въ однихъ ботинкахъ на босу ногу, отдавъ чулки какой-нибудь бѣдной. Она видѣла въ преступникѣ страждущаго брата и прикасалась къ зачерствѣлымъ сердцамъ съ необыкновенною нѣжностью, умѣя разбудить въ преступникѣ человѣка. Особенно заботлива была она до политическихъ заключенныхъ, и пуская въ ходъ свои связи, добилась права посѣщать ихъ и просвѣтлять ихъ тяжелую судьбу словомъ и мыслью о Христѣ...

Христіанство знаетъ одну добродѣтель или, скорѣе, нѣкоторое свойство, общее всѣмъ добродѣтелямъ и называемое «разсужденіемъ».

Оно состоитъ въ извѣстной мѣрности, въ извѣстномъ благоразумія всего поведенія христіанина, въ томъ, чтобъ всѣ поступки человѣка сливались въ одно прекрасное цѣлое, развивались въ здоровой гармоніи.

Если, напримѣръ, человѣкъ, увлекаемый, хотя бы и свѣтлой, но неблагоразумной мечтой, вдругъ приступитъ къ пустыннической жизни вмѣсто того, чтобы раньше, подъ руководствомъ опытнаго старца, начать монашество, то онъ подвергаетъ себя большимъ опасностямъ, точно такъ же, какъ подвергъ бы себя большимъ опасностямъ тотъ, кто, будучи непривыченъ къ посту, вдругъ бы рѣшилъ, въ видѣ духовнаго подвига, пропоститься сорокъ дней... Человѣкъ опытный въ духовной жизни призналъ бы такой поступокъ ничѣмъ инымъ, какъ безуміемъ.

Великое разсужденіе требуется и для того, кто хочетъ мудро исполнить заповѣдь о милосердіи. Могутъ быть случаи, когда милосердіе, исполняемое отъ чистаго сердца, можетъ только идти во вредъ человѣку.

Представьте себѣ, что на вашихъ глазахъ выходитъ изъ кабака нищій и проситъ у васъ подаянія, или вы видите, что

человѣкъ, которому вы только что подали милостыню, бѣжитъ съ нею въ кабакъ. Слѣдуетъ ли подать первому пьяницѣ? Слѣдуетъ ли на слѣдующій день подать второму?

Едва ли можно признать благоразумнымъ совѣтъ нѣкоторыхъ подвижниковъ подавать и въ такихъ случаяхъ, когда милостыня идетъ человѣку прямо во вредъ. Вѣдь тѣмъ самымъ я отнимаю милостыню у дѣйствительно нуждающагося человѣка, доставляя возможность другому коренѣть въ своемъ злѣ. Едва ли не будетъ лучше воздержаться въ такихъ случаяхъ отъ милостыни; и, чтобы не подпасть подъ осужденіе въ немилосердіи, мысленно помолиться: «Господи, не поставь мнѣ въ грѣхъ моего отказа. Но я не хочу, чтобы милостыня, которую я подаю во имя Твое, обращалась въ струю убійственнаго зелія. Вразуми этого человѣка. А, еслибъ онъ не злоупотребилъ моей милостыней, то пошли ему взамѣнъ другую милостыню».

Послѣднюю осень по главнымъ улицамъ Петербурга расхаживалъ въ студенческой формѣ человѣкъ съ молодой женщиной. Они подходили къ прохожимъ, называли себя студентомъ и курсисткой и просили помочь имъ, такъ какъ родные запоздали выслать имъ мѣсячныя деньги, и они сидятъ безъ гроша.

Оказалось, что это наглые обманщики и самозванцы безъ всякаго образованія,—проходимецъ изъ крестьянскаго сословія, который состоитъ въ незаконномъ сожительствѣ съ дѣвицей крестьянскаго же сословія... Неужели поощрять такой обманъ дармоѣдовъ было бы дѣломъ высокой христіанской милостыни?

Самая мудрая милостыня—это когда человѣкъ принимаетъ на свое постоянное иждивеніе какого-нибудь безпомощнаго человѣка—будь-то убогій, лишенный возможности трудиться старикъ, потерявшій способность къ труду, семья безпомощныхъ сиротъ.

Счастливъ тотъ, кто отыщетъ въ нуждѣ какого-нибудь юнаго талантливаго человѣка, во время его поддержитъ и дастъ возможность ему выбиться на дорогу.

Русская жизнь знаетъ необыкновенный примѣръ такой благородной, предупредительной и мудрой помощи.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ композиторовъ Петръ Ильичъ Чайковскій первую половину своей жизни, не имѣя опредѣленнаго обезпеченія, размѣниваясь по мелочамъ, былъ лишенъ и того спокойствія духа, и того широкаго досуга, который необходимъ для артиста. Эти обстоятельства знала его искренняя почитательница, обладавшая большимъ состояніемъ госпожа фонъ-Меккъ. Она вела съ нимъ оживлен-

ную переписку, восхищалась его твореніями, но не искала личнаго съ нимъ знакомства, такъ что эти двое, столь близкіе по духу люди ни разу въ жизни не встрѣтились: весьма замѣчательный примѣръ чисто духовныхъ отношеній.

Желая доставить таланту Чайковскаго возможность развернуться во всей его силѣ, госпожа фонъ-Меккъ упросила его принять отъ нея, пока онъ не достигнетъ полной матеріальной обезпеченности, пенсію по шести тысячъ въ годъ, что являлось по тогдашней цѣнѣ денегъ не меньше теперешнихъ десяти. Пріобрѣтя, такимъ образомъ, полную независимость, Чайковскій получилъ возможность отдаться свободному творчеству. Великодушное пособіе госпожи фонъ-Меккъ, оказанное не человѣку, а музыкальному генію, открыло лучшую пору творчества Чайковскаго. Этой умной женщинѣ съ виртуозно деликатнымъ сердцемъ обязанъ не одинъ Чайковскій: обязанъ весь міръ нашей родной русской музыки.

Во всемірной литературѣ мы найдемъ другой подобный примѣръ людей гораздо болѣе скромнаго положенія. Существуетъ разсказъ знаменитаго французскаго романиста Бальзака, озаглавленный имъ «Обѣдня атеиста». Одинъ извѣстный парижскій врачъ въ студенческіе дни испытывалъ крайнюю нужду и пользовался помощью познакомившагося съ нимъ простого человѣка, почти чернорабочаго. Чернорабочій этотъ былъ вѣрующимъ человѣкомъ и, умирая, взялъ съ молодого врача, уже тогда довольно обезпеченнаго, слово въ томъ, что пока онъ живъ, онъ будетъ ежегодно въ день его памяти заказывать по немъ заупокойное богослуженіе.

И атеистъ соблюлъ свое обѣщаніе, и всякій годъ онъ, считавшій себя атеистомъ, не только заказывалъ, но и отстаивалъ богослуженіе по человѣкѣ, который въ молодости пожалѣлъ его и своими трудовыми деньгами помогъ ему выйти на дорогу.

Я зналъ еще такого русскаго человѣка. Простой десятникъ по строительнымъ работамъ, человѣкъ большой набожности и чистой праведной жизни, онъ скопленными имъ въ крайнихъ лишеніяхъ деньгами учредилъ при Московскомъ университетѣ стипендію для студента-медика изъ крестьянъ, помогая тѣмъ пробиться къ знанію и къ святому служенію больнымъ—бѣднымъ, способнымъ людямъ своего сословія.

Вотъ, одухотворенная и разумная христіанская милостыня

Въ жизнеописаніи одной изъ лучшихъ русскихъ поэтессъ, Ю. В. Жадовской, упоминается нѣкій Перевлѣсскій, который имѣлъ большое вліяніе на развитіе ея таланта.

Это былъ молодой образованный учитель словесности, дававшій юной Жадовской уроки. Красивый, пылкій, съ одушевленнымъ словомъ, полный благородныхъ стремленій, Перевлѣсскій внушалъ большую симпатію, перешедшую у его ученицы въ глубокое постоянное чувство. Богато одаренная, талантливая Жадовская была некрасива и, кромѣ того, имѣла недоразвитыя руки. Несмотря на это, бракъ бы былъ возможенъ, если бы не самодурство старика Жадовскаго.

Происходя изъ стараго дворянскаго рода, онъ не могъ допустить, чтобы его дочь вышла замужъ за учителя изъ семинаристовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ оказалъ на творчество Жадовской самое благопріятное вліяніе. Мысль о немъ внушила ей лучшее изъ стихотвореній ея, положенное впослѣдствіи на музыку:

Съ какою тайною отрадой
Тебѣ всегда внимаю я.
Блаженства лучшаго не надо,
Какъ только слушать бы тебя.

Этотъ Перевлѣсскій былъ бѣднымъ мальчикомъ причетнической семьи изъ села Перевлѣсъ, Рязанской губерніи.

Въ то время почетнымъ попечителемъ рязанской гимназіи былъ очень добрый человѣкъ, обладавшій къ тому же крупнымъ состояніемъ, Николай Гавриловичъ Рюминъ.

Онъ встрѣтилъ однажды въ непогоду Перевлѣсскаго дурно одѣтымъ, шмыгающимъ по жидкой грязи безъ калошъ, остановилъ его, познакомился съ нимъ и получилъ отъ этого знакомства такое благопріятное впечатлѣніе, что рѣшилъ вывести мальчика на дорогу.

Перевлѣсскій никогда не забывалъ сдѣланнаго ему добра. Послѣ преподавательства въ провинціи и въ Москвѣ, Перевлѣсскій былъ назначенъ преподавателемъ словесности въ Александровскомъ лицеѣ въ Петербургѣ.

Въ своей большой хорошей квартирѣ онъ отвелъ маленькую комнатку, куда любилъ уединяться, чтобы вспоминать тамъ о трудномъ началѣ своего жизненнаго пути. Тамъ стоялъ его бѣдный студенческій столъ, нѣкоторыя другія вещи изъ его убогой студенческой обстановки, а на стѣнѣ висѣли портреты Рюмина и его жены, которые пожалѣли его, бѣднаго мальчика, въ тяжелыхъ тискахъ стремившагося къ знанію, и дали ему возможность безъ изнуренія достичь въ жизни того, чего бы онъ не достигъ безъ нихъ.

Милостыня не состоитъ въ одной подачѣ денегъ. Милостыня должна быть сдобрена душевнымъ расположеніемъ, тѣмъ жаромъ душевнымъ, который даетъ милостынѣ чистый вкусъ, лишаетъ милостыню унизительности для принимающихъ, и обусловливаетъ извѣстную высокую душевную работу для дающаго и принимающаго.

Къ одному изъ русскихъ подвижниковъ стекалось много денегъ для его добрыхъ дѣлъ. Въ душевномъ волненіи онъ часто вспоминалъ о милостынѣ, которую получалъ онъ отъ одного изъ своихъ духовныхъ дѣтей, и говорилъ, что рубль, поданный этимъ человѣкомъ съ горящимъ сердцемъ, съ ласковымъ взоромъ, съ выражавшимся во всемъ существѣ его великимъ и теплымъ усердіемъ—доставлялъ ему большую радость, чѣмъ сотни и тысячи, которыя приносили ему другіе люди.

Сохранилось черезъ апостола одно слово, сказанное Христомъ и не записанное въ евангеліи: «больше счастья въ томъ, чтобъ давать, чѣмъ принимать».

Это слово исполняютъ на дѣлѣ всѣ люди съ большимъ сердцемъ и съ чувствующею душою. Часто милостыня оказывается цѣною всей своей жизни. Не слыхали ли вы о такихъ случаяхъ, что, напримѣръ, человѣкъ женится на дѣвушкѣ, которую онъ даже не особенно любитъ, зная, насколько онъ ей нуженъ, и какъ безъ него она будетъ несчастна. И, наоборотъ, часто дѣвушка безъ особой склонности выходитъ замужъ за человѣка, вѣря, что она ему духовно нужна, и что при ней онъ будетъ жить лучше и полнѣй, чѣмъ жилъ безъ нея.

Въ одной изъ драмъ извѣстнаго писателя Чехова, одинъ человѣкъ, ведущій недостойный образъ жизни и горячо любимый, спрашиваетъ у этой любящей женщины, отчего именно она остановила свой выборъ на немъ и посвящаетъ ему всю душу свою, которую она могла бы посвятить такому же, какъ она, достойному человѣку? На это онъ получаетъ отвѣтъ такой, который только и могъ родиться въ русской христіанкѣ. Сущность отвѣта въ томъ, что женщинѣ дорого самоотверженіе, которымъ она окружаетъ человѣка—вся та работа любви, всепрощенія и снисходительности, которыхъ требуютъ отношенія къ подобнымъ людямъ.

Вы нерѣдко можете услышать мечты русской юной чистой дѣвушки о томъ, чтобы найти какого-нибудь несчастнаго человѣка, который бы въ ней нуждался и которому она могла бы посвятить свои силы и свою юность.

Если бы мы болѣе пристальнымъ и сердечнымъ взоромъ

присматривались къ жизни, мы увидали бы, насколько широко можетъ быть приложима милостыня тамъ, гдѣ, повидимому, въ ней нисколько не нуждаются. Въ душевной милостынѣ люди нуждаются, быть можетъ, куда больше, чѣмъ въ милостынѣ матеріальной.

Если бы только видѣть, сколько неслышныхъ стоновъ рвется изъ груди людей—повидимому, вполнѣ благополучныхъ, обезпеченныхъ, возбуждающихъ въ другихъ зависть, какимъ великимъ и непоправимымъ одиночествомъ страдаютъ люди сильные, удовлетворенные во всемъ и удачливые!

Какъ часто бываетъ, что человѣкъ почти сходитъ съ ума при мысли о томъ, что, въ сущности, онъ никому не нуженъ, никто по немъ не тоскуетъ, къ нему не стремится, что, умри онъ сегодня,—и его потеря ни въ комъ болѣзненно не отзовется.

Очень часто люди живутъ, никѣмъ не узнанные, тая въ душѣ громадныя сокровища внутренней своей жизни, обремененные такими тайнами, часто свѣтлыми и прекрасными, такими высокими мечтами, которыхъ некому открыть, некому довѣрить. И одно утѣшеніе, одно разрѣшеніе такой безысходной тоски одиночества для такихъ содержательныхъ людей въ томъ, что ихъ видитъ Тотъ, Который имъ всегда откликнется, только бы они кинулись къ Нему—ждущій ихъ и понимающій ихъ Сынъ Человѣческій.

Милостыня можетъ быть оказана не только дѣломъ, но еще болѣе словомъ.

Въ культурныхъ странахъ путешественники получаютъ отъ лицъ, съ которыми встрѣчаются въ вагонѣ и на улицѣ, много полезныхъ для нихъ указаній: о гостиницѣ, о путяхъ сообщенія, о магазинѣ, гдѣ можно купить дешевый и добросовѣстный товаръ—все это есть милостыня.

Вы встрѣтили на дорогѣ въ запутанномъ мѣстѣ человѣка заблудившагося и вывели его на дорогу—вы подали ему милостыню. Вы встрѣтили въ высокопоставленномъ обществѣ человѣка скромнаго положенія, которому въ этомъ обществѣ не по себѣ, вы къ нему подошли, ласково съ нимъ поговорили, такъ сказать, его отогрѣли—вы ему оказали милостыню. Вы просто дали человѣку хорошій совѣтъ, указали ему хорошую книгу по вопросу его интересующему, снабдили его такой книгой, которая, быть можетъ, произведетъ въ немъ душевный переворотъ—все это христіанская милостыня. Наконецъ, часто не только слово, но даже одобрительный взглядъ имѣетъ высокое значеніе больше иныхъ словъ и иныхъ добрыхъ дѣлъ.

Милостыня есть все то, что даетъ душа душѣ—будь то привязанность всей жизни или мгновенный взглядъ сочувствія, брошенный при встрѣчѣ двухъ лицъ, которыя на мгновеніе сошлись и тотчасъ навсегда разошлись. И можно думать, что область духа до такой степени не преходяща, что въ будущемъ Царствіи мы встрѣтимся со всѣми людьми, которымъ мы оказали какое-нибудь добро, которыхъ подарили хотя на минуту нашимъ сочувствіемъ.

Я слышалъ разсказъ, надъ которымъ нельзя не задуматься. Одна русская, очень образованная и задушевная барышня, много путешествовавшая, ѣхала по Португаліи. Въ купэ, гдѣ она сидѣла, вошла мѣстная такая же образованная барышня, и онѣ, сидя вдвоемъ, нѣсколько часовъ говорили съ увлеченіемъ о разныхъ духовныхъ предметахъ. У одной изъ станцій иностранка встала, чтобы выйти изъ вагона.

— Какъ, — воскликнула русская барышня,—вы уже уходите? Нашъ разговоръ о такихъ важныхъ вещахъ разомъ прерывается, и мы въ этой жизни никогда, никогда, поймите «никогда» не увидимся!

Иностранка подняла руку кверху и произнесла:

— Въ небѣ.

Дѣла милосердія есть лучшій путь для забвенія и исцѣленія отъ всякихъ личныхъ недочетовъ.

Среди тѣхъ сестеръ милосердія, которыхъ солдатъ-простолюдинъ такъ хорошо называетъ «сестра милосердная» есть много дѣвушекъ, которыя не сыскали въ жизни своего счастья. Многія изъ нихъ любили, готовы были для любимыхъ людей на всякія жертвы, но ничего не получили въ отвѣтъ. И ихъ любовь вмѣсто того, чтобы сосредоточиться на одномъ человѣкѣ, какъ бы распыленная теперь на много порывовъ, творитъ то дѣло состраданія и самопожертвованія, которое имъ не было дано проявить надъ однимъ ихъ избранникомъ.

Недавно умершая вдова изъ высшаго слоя общества (М. Н. Муханова, рожденная Рюмина), дочь человѣка, помогшаго Перевлѣсскому, была замужемъ менѣе года, такъ что ея сынъ родился послѣ смерти отца. И этотъ мальчикъ умеръ ребенкомъ.

На великолѣпной, широкой, утопающей въ садахъ, Донской улицѣ въ Москвѣ, упирающейся въ тотъ Донской монастырь, гдѣ были схоронены ея усопшіе, она купила усадьбу съ хорошимъ деревяннымъ домомъ и стала воспитывать дѣтей,

начиная съ шестилѣтняго возраста, такъ что у нея бывало ихъ всегда человѣкъ по пятнадцати. Давъ дѣтямъ первоначальное образованіе, она проводила ихъ чрезъ среднія и высшія учебныя заведенія. Всѣ они хорошо устроились. Многіе изъ нихъ достигли въ жизни высокаго положенія: есть врачи, профессора, управляющіе казенными мѣстами.

Не давъ горю осилить себя, она вмѣсто одного сына воспитала многихъ дѣтей и приготовила имъ такую участь, какой они безъ нея никогда бы не имѣли.

ГЛАВА V.

Объ участіи въ жизни церкви и о церковныхъ праздникахъ.

Всякій, читавшій исторію церкви, долженъ помнить, какое глубокое впечатлѣніе на душу пословъ великаго князя Владиміра, которыхъ онъ отрядилъ отыскивать для Руси новую вѣру, произвело патріаршее богослуженіе въ великомъ Софійскомъ соборѣ Царьграда.

Одно изъ величайшихъ, не только по размѣрамъ, но по замыслу, по духу своему, зданій міра, Софійскій соборъ и теперь, обращенный много вѣковъ назадъ въ мечеть, все же производитъ на душу потрясающее впечатлѣніе. Его величественные размѣры, его великій куполъ, опрокидывающійся на соборъ, какъ небо, лѣса колоннъ съ четырехъ сторонъ вверху, и вѣяніе какой-то свободы, безграничности, вѣчности восхищаетъ и волнуетъ васъ, когда съ трепетомъ сердца, замирая отъ любопытства, вы входите въ это прославленное святилище православія, о которомъ болѣе, чѣмъ о какомъ-нибудь запустѣломъ храмѣ можно сказать великолѣпными словами поэта: «храмъ, оставленный—все храмъ».

И вотъ, наши послы стояли, слушали, смотрѣли. Великолѣпіе этого храма, духовенство въ прекрасныхъ облаченіяхъ, тихое священнодѣйствіе, стройное пѣніе клира и чувствуемое во всемъ этомъ торжествѣ присутствіе Кого-то Невидимаго и Непостижимаго — восхитило непосредственныя и простыя души Владиміровыхъ пословъ. Имъ казалось, что стоятъ они на небѣ, а не на землѣ. И, вернувшись домой, они съ восторгомъ говорили Владиміру о религіи греческой.

Одинъ иностранный купецъ имѣлъ торговыя сношенія съ Новгородомъ и бывалъ тамъ. Вѣроятно, въ душѣ его былъ богатый кладъ религіозныхъ, еще не сознанныхъ чувствъ. Ему

приходилось бывать въ русскихъ храмахъ и онъ переживалъ тамъ такія необыкновенныя минуты, что сталъ ходить въ нихъ чаще и чаще. И, наконецъ, дошелъ онъ до такого состоянія, что не дальняя родина казалась ему родной страной, а вотъ этотъ городъ, населенный чужимъ народомъ, который говорилъ на чужомъ для него языкѣ.

Какую-то силу надъ его душой получили эти бѣлые соборы и церкви Новгорода съ ихъ столповыми звоницами, эти темные лики, озаренные пылающими свѣчами и тихо мигающими лампадами, эти монастыри, усѣявшіе берега многоводнаго Волхова, весь обиходъ православной русской старины. Купецъ принялъ православіе, роздалъ имѣнія бѣднымъ и сталъ Христа ради блаженнымъ...

То было начало подвига дивнаго во святыхъ Прокопія Устюжскаго, Христа ради юродиваго.

Въ Ордѣ жилъ мальчикъ, родной племянникъ хана Беркая. Въ Орду въ это время приходилъ Ростовскій епископъ Кириллъ, котораго современники называли блаженнымъ и учительнымъ; приходилъ онъ по церковнымъ дѣламъ, былъ принятъ ханомъ ласково, и ханъ съ удовольствіемъ слушалъ повѣствованія Кирилла о томъ, какъ святитель Ростовскій Леонтій проповѣдывалъ въ Ростовѣ христіанство, и какія чудеса истекаютъ отъ его мощей.

Когда по уходѣ святителя у хана разболѣлся единственный сынъ, онъ вспомнилъ о разсказахъ Кирилла и послалъ ему много даровъ съ просьбой вернуться въ орду и исцѣлить недужнаго.

Святитель отслужилъ молебенъ предъ ракой епископа Леонтія, освятилъ воду и съ этой водою отправился въ орду и исцѣлилъ ханскаго сына. Всѣ эти событія видѣлъ, и всѣ разсказы Кирилла слушалъ племянникъ хана Беркая.

Какая-то сладость вливалась въ его сердце отъ этихъ разсказовъ. Въ его душѣ совершался переворотъ. Онъ жаждалъ узнать истиннаго Бога и задумалъ идти вслѣдъ за Кирилломъ. Ему страстно хотѣлось видѣть тѣ русскія церкви, гдѣ совершаются служенія таинственному и всесильному христіанскому Богу, и гдѣ происходятъ тѣ чудеса, о которыхъ разсказывалъ Кириллъ.

Отецъ его въ то время уже умеръ, и его мать, вдова, сохраняла громадное богатство мужа, чтобы передать сыну, когда тотъ подрастетъ. Можно представить себѣ ея горе, когда сынъ объявилъ, что оставляетъ Орду. Напрасно удерживала она его картинами той беззаботной, почетной и счастливой жизни, которая его ожидаетъ. Жажда идти въ ту землю, которая вѣ-

руетъ въ христіанскаго Бога, уже владѣвшаго его душой, была неутолима.

Часть своихъ богатствъ онъ роздалъ нуждающимся своимъ соплеменникамъ, часть поручилъ епископу Кириллу и вслѣдъ за нимъ тайно ушелъ изъ Орды.

Все было ново царственному юношѣ во время долгаго пути его изъ Орды въ Ростовъ. Съ радостнымъ трепетомъ принималъ онъ въ себя первыя впечатлѣнія православной русской страны.

И вотъ онъ въ Ростовѣ и стоитъ въ знаменитомъ своимъ великолѣпіемъ храмѣ Успенія Богоматери. На двухъ клиросахъ стройно поютъ хоры. Иконы, какъ бы отблескомъ райской красоты, сверкаютъ драгоцѣннымъ убранствомъ, озаряемыя огнями тихо теплящихся безчисленныхъ свѣчей, и клубы ѳиміама легкими прозрачными облаками расплываются надъ молящейся толпой. Въ эти минуты, въ этой несравненной красотѣ христіанскаго богослуженія, царевичъ почувствовалъ Бога. Онъ какъ бы явственно ощутилъ какую-то связь между этой молящейся толпой, этимъ храмомъ, который любовь людей воздвигла Творцу міровъ, и Тѣмъ высокимъ и непостижимымъ, къ Кому рвалась молитва этого народа, Кого воспѣвали хоры, Кому горѣли огни и клубился ѳиміамъ.

Солнце правды взошло въ эти минуты, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ душѣ царевича: онъ позналъ Бога христіанскаго и увидѣлъ Его очами вѣры. Упавъ къ ногамъ святителя Кирилла, онъ просилъ крестить его. Но епископъ Кириллъ долженъ былъ думать о благѣ всей своей паствы. Онъ опасался гнѣва хана на всю русскую землю, если до него дойдетъ вѣсть о крещеніи его племянника. Поэтому онъ медлилъ исполнить просьбу царевича.

Царевичъ остался жить въ его домѣ, ходилъ по церквамъ, учился русскому языку и русской грамотѣ. Наконецъ, настало время, что его можно было окрестить. Ханъ Беркай умеръ; въ Ордѣ начались смуты, и о царевичѣ забыли. Въ крещеніи онъ получилъ имя Петра. При епископѣ Кириллѣ онъ оставался до его конца.

Дѣло епископа Кирилла продолжалъ знаменитый святитель Игнатій, и у него въ домѣ продолжалъ жить царевичъ Ордынскій Петръ, ведя ту же богоугодную и чистую жизнь. И по явленіи ему апостоловъ Петра и Павла онъ основалъ въ окрестностяхъ Ростова иноческую обитель, хотя самъ оставался до старости міряниномъ.

Епископъ Игнатій обвѣнчалъ его съ дочерью Ордынскаго

*

вельможи, поселившагося въ Ростовѣ. А князь побратался съ нимъ, и святитель укрѣпилъ это душевное братство ихъ церковною молитвою.

Молчаливый, всегда занимаясь въ душѣ то молитвой, то размышленіемъ о вѣчности, благовѣрный царевичъ Петръ былъ отцомъ всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ, пережилъ и князя, нареченнаго брата своего, и святого Игнатія. Овдовѣвъ въ глубокой старости, онъ принялъ монашество, и мирно отошелъ къ Богу около 1280 года. Онъ далъ міру примѣръ, какую власть церковь со своими богослуженіями имѣетъ надъ душой.

Пусть иногда человѣкъ подъ вліяніемъ рѣчей товарищей, подъ вліяніемъ отрицательныхъ, прочитанныхъ имъ книгъ говоритъ противъ церкви. А на самомъ дѣлѣ за какой-нибудь всенощной, подъ умилительные напѣвы величанія, подъ стонущіе звуки великаго славословія: «Азъ рѣхъ: Господи, помилуй мя, исцѣли душу мою, яко согрѣшихъ къ Тебѣ» въ полутемной церкви сходитъ на душу какое-то непонятное умиленіе, какое то благодатное успокоеніе, которое нигдѣ такъ полно, какъ здѣсь, не переживается...

Гдѣ мы можемъ быть вполнѣ спокойны, благонадежны и счастливы? Только тамъ, гдѣ наша настоящая сфера, наше постоянное призваніе. А гдѣ же наше истинное призваніе, гдѣ то дѣло, къ которому призваны мы навсегда, которому мы будемъ служить и тогда, когда и міръ разрушится и останутся только души человѣческія съ создавшимъ ихъ Богомъ? Въ чемъ же наше вѣчное дѣло, какъ не въ прославленіи Христа? А вѣдь храмы для того только и существуютъ, и все, въ нихъ происходящее, одну цѣль только и имѣетъ—это постоянное славословіе Христа.

И церковь мудро распредѣлила свои службы такъ, что по нѣскольку разъ въ день благодаритъ Бога, и призывнымъ звономъ своихъ колоколовъ оповѣщаетъ тѣхъ, которые по житейскимъ обстоятельствамъ не могутъ постоянно посѣщать церковь, о томъ, что въ храмѣ происходитъ очередная молитва Богу...

Кромѣ праздничныхъ торжественныхъ службъ, когда церкви полны народомъ и духовенство служитъ въ лучшихъ ризахъ, а на клиросѣ поетъ полный хоръ, когда колокола заливаются во всю мочь своего звона: бывали ли вы почти въ пустой церкви за ранней обѣдней и въ зимній день, когда почти весь храмъ тонетъ во мракѣ, и грошовыя восковыя свѣчи еле означаютъ очертанія иконостаса того алтаря, гдѣ происходитъ

служба; слыхали ли вы дребезжащій голосъ дьячка, одиноко выводящаго напѣвы Херувимской, и въ этой убогой обстановкѣ изумлялись ли вы величію жертвы Христовой и происходящаго среди этого убожества чуда?

Тогда, не развлекаемые ничѣмъ происходящимъ вовнѣ—ни своими сосѣдями—прихожанами, ни сіяніемъ солнца и жизни тамъ, за окнами храма, что бываетъ въ праздничный день—въ великой собранности не переносились ли вы мыслью къ святѣйшимъ минутамъ христіанства: къ проповѣди Христовой, къ часу Тайной Вечери, къ минутамъ страданія, смерти, погребенія, трехдневнаго гроба, возстанія, вознесенія? Проходилъ ли тогда предъ вами въ реальности рядъ апостоловъ съ огненнымъ словомъ и съ духовнымъ мечемъ, покоряющимъ Христу народъ и народы? Вставали ли предъ вами съ залитыми кровью, истерзанными, отрубленными, отпиленными членами тѣла добропобѣдный ликъ мучениковъ и юныя дѣвы съ пальмовыми вѣтвями своего страданія на плечѣ? Смотрѣли ли вамъ въ душу древніе великіе молчаливые аскеты? Сіяли ли вамъ сокровищами словесъ своихъ великіе смиренные святители, и среди нихъ блисталъ ли милосердіемъ и пламенемъ помощи своей святитель Николай Чудотворецъ? Являлись ли вамъ, смотрѣли ли на васъ тутъ, изъ этого святого мрака, странные образы юродивыхъ, полныхъ любви и скорби, непонятыхъ, гонимыхъ, творящихъ молитву за обидчиковъ своихъ? Улыбались ли вамъ невинныя дѣвы, вѣнчанныя нетлѣнными вѣнцами небесными, и чувствовали ли вы тогда, въ эти минуты полнаго уединенія отъ міра и погруженія въ область божественнаго—способность для себя навсегда остаться въ этой области, забыть «міръ и яже въ мірѣ» и простоять такъ всю жизнь, всматриваясь въ эти таинственные и зовущіе образы, упиваясь этимъ счастьемъ безвѣстнаго единенія со Христомъ и полной отдачи себя Ему?..

Попробуйте.

Какого бы возраста вы ни были, каковы бы ни были ваши житейскія обстоятельства, перестаньте думать, что храмъ только для праздника, и вы увидите, что присутствіе Бога въ уединеніи чувствуется еще сильнѣй въ храмѣ, чѣмъ, когда онъ полонъ толпой.

Люди, ѣзжавшіе въ Саровскую пустынь, къ могилѣ старца Серафима, всѣ скажутъ вамъ, что, когда старецъ не былъ прославленъ, и лишь окруженъ почитаніемъ особо вѣрныхъ ему людей, то самая поѣздка къ нему была какъ-то сладостнѣе и, быть можетъ, давала душѣ болѣе, чѣмъ теперь, когда святость

его стала такъ осязательна, когда имя его громко раздалось надъ всей русской землей, когда мощи его лежатъ въ открытой ракѣ, и оглашено и засвидѣтельствовано столько его исцѣленій.

Все, что совершается на народѣ, передъ толпой, не такъ задушевно и тонко, какъ тѣ чувства, которыхъ никто не видитъ. И, быть можетъ, ближайшимъ образомъ вы исполните заповѣдь Христа,—войдете для молитвы въ свою «клѣть», если вы станете искать этихъ минутъ уединенія во время будничной литургіи, почти въ пустой церкви. Да и такъ, среди дня, когда вы увидите незапертою дверь церкви, войдите, постойте въ ней даже безъ молитвы, и сейчасъ же что-то станетъ дѣлаться въ васъ свѣтлое; ваши мысли какъ-то собираются и настраиваются на высокій ладъ. А потомъ вечерня, а потомъ всенощная подъ праздникъ.

Я зналъ въ Москвѣ одного изъ заслуженнѣйшихъ членовъ Московскаго духовенства, протоіерея замоскворѣцкой церкви «Іоанна Предтечи, что подъ боромъ» — Іоанна Николаевича Рождественскаго. Онъ скончался въ древнихъ годахъ, въ возрастѣ глубочайшей старости, такъ какъ въ 1812 году былъ уже семинаристомъ. Онъ отличался чрезвычайной ревностью въ служеніи и не только до послѣднихъ лѣтъ, но и до послѣднихъ дней своихъ ежедневно лично совершалъ и заутреню съ ранней литургіей и вечерню.

Конечно, въ будни за этими богослуженіями народа бываетъ немного, особенно за вечерней.

Но дѣло не въ томъ, есть ли народъ. Въ пустой церкви славославятъ Бога ангелы. Дѣло лишь въ томъ, чтобы въ опредѣленный часъ была принесена въ храмѣ Богу хвала...

Вспоминается одно прекрасное стихотвореніе мало извѣстнаго, но высокаго поэта старыхъ дней, Арбузова, гдѣ авторъ сравниваетъ поэта съ храмомъ:

Поэтъ, какъ храмъ. Пускай гонима
Нуждой, заботой и трудомъ,
Забывъ святой молитвы домъ,
Толпа его проходитъ мимо.
Но въ немъ служитель алтарей
Среди пылающихъ огней,
Обрядъ все такъ же совершаетъ.
Все тотъ же въ храмѣ хоръ пѣвцовъ.
И звона храмъ не прерываетъ
Своихъ святыхъ колоколовъ.

Какое-нибудь мѣсто, гдѣ раньше существовалъ храмъ съ ежедневно отправляемыми въ немъ богослуженіями, оставлено своими жителями, и только какой-нибудь старикъ, не желая уходить со стараго пепелища, продолжаетъ обитать при немъ, предаваясь раздумью на близъ лежащемъ кладбищѣ.

Нѣтъ болѣе священника при храмѣ, не горятъ въ немъ лампады, ни одна рука не затеплитъ усердной свѣчи предъ запыленными иконами храма. Но человѣкъ, привыкшій молиться въ немъ многіе годы, дрожащей отъ старости рукой отпираетъ тяжелую дверь въ тѣ самые часы, какъ отпирались онѣ раньше, входитъ и молится въ одиночествѣ предъ всевидящимъ Богомъ.

И, быть можетъ, невидимые ангелы спускаются тогда въ храмъ, и въ великомъ торжествѣ отправляется невидимый обрядъ, приносится невидимо страшная жертва и, совершивъ за людей подвигъ молитвы, ангелы отлетаютъ въ небо. И снова все тихо въ опустѣломъ храмѣ, пока опять не войдетъ въ него старый и вѣрный одинокій молитвенникъ и не совершится опять таинственное, невидимое богослуженіе.

Люди, искренне и тепло вѣрующіе, входятъ въ храмъ не столько для того, чтобы что-нибудь вымолить у Бога, а для того, чтобы полюбоваться на Божью славу.

Дѣйствительно, если кто пламенѣетъ усердіемъ къ какому-нибудь угоднику, то какъ радостно за всенощной, наканунѣ его праздника, въ ярко освѣщенной церкви, при открытыхъ царскихъ вратахъ и кажденіи священника по всему храму въ предшествіи свѣчи, слышать громкую похвалу, которою церковь ублажаетъ труды давно перешедшаго въ вѣчность праведника: «Ублажаемъ, ублажаемъ тя».

И сердце живо чувствуетъ и жадно впитываетъ въ себя эти лучи небесной славы, и мечтаетъ, что надъ молящимся людомъ, подъ этимъ гремящимъ по храму величаніемъ, стоитъ самъ угодникъ, низводя благословеніе на сошедшійся въ память его народъ.

Наступила осень. Побѣлѣли первые заморозки. Пруды стали не привѣтливы. Вода чувствуется студеной. Деревья въ большинствѣ случаевъ еще стоятъ въ зеленомъ уборѣ, но много листьевъ уже упало и мягко шуршатъ подъ ногами. Желтизна и багрянецъ спорятъ съ зеленой окраской. Въ эту пору справляется день Рождества Богородицы.

Ничтожный городокъ Назаретъ, три дня труднаго пути

отъ Іерусалима, бездѣтная престарѣлая чета — священникъ Іоакимъ изъ царскаго рода Давида, и Анна. Безбѣдная жизнь, многочисленныя стада, милосердіе къ бѣднымъ, поношеніе безплодія, и вотъ, явленіе ангела праведной Аннѣ: «Твоя молитва услышана. Вопли твои прошли чрезъ облака, слезы твои упали предъ престоломъ Господа, ты родишь дочь благословенную, выше всѣхъ дочерей земныхъ, ради нея благословятся всѣ роды земные, чрезъ нее дастся спасеніе всему міру, и наречется она Маріей».

И чрезъ девять мѣсяцевъ, восьмого сентября, рожденіе Дѣвы Маріи. Явилась въ міръ Та, Которой одной изъ людей усвоено имя Благодатной, въ лицѣ которой небо спустилось на землю, и Которая единая изъ смертныхъ въ земномъ тѣлѣ восхищена на небо и коронована Божественнымъ Сыномъ на царство небесъ.

Является у человѣчества крѣпкая Заступница и Помощница, Та, Которая приметъ всякій вздохъ и отретъ всякую слезу, райскій лучъ въ адѣ, жизненная струя свѣжаго живительнаго воздуха въ томленіи земной темницы.

«Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй».

А чрезъ три недѣли совершается торжество Покрова Богоматери—самый, быть можетъ, трогательный изъ богородичныхъ праздниковъ.

Часъ торжественнаго всенощнаго бдѣнія въ знаменитомъ Царьградскомъ Влахернскомъ храмѣ, гдѣ хранились ризы Богоматери съ Ея омофоромъ и частью пояса. Среди молящихся великій во святыхъ Андрей блаженный, Христа ради юродивый, съ ученикомъ своимъ Епифаніемъ, и видитъ Епифаній Пресвятую Богородицу, идущую отъ царскихъ вратъ въ великой славѣ, поддерживаемую Іоанномъ Крестителемъ и апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. А вокругъ множество святыхъ въ сіяющихъ одеждахъ, поющихъ духовные гимны.

— Видишь Госпожу и Царицу міра?—вопрошаетъ Андрей, боясь, не искушеніе ли это чудное видѣніе.

— Вижу и ужасаюсь,—отвѣчаетъ Епифаній.

А Владычица преклоняетъ колѣна, молится, и слезы текутъ по Ея ланитамъ. Потомъ проходитъ въ алтарь и долго еще тамъ молится за народъ, выходитъ по воздуху на средину храма, снимаетъ Свое широкое головное покрывало и, торжественно держа его въ рукахъ, распростираетъ надъ молящимися, покрывая ихъ.

«Днесь, благовѣрніи людіе, свѣтло празднуемъ, осѣняеми

Твоимъ, Богомати, пришествіемъ... Покрый насъ честнымъ Твоимъ омофоромъ».

Какъ хотѣлось бы, чтобы въ этотъ день во всѣхъ церквахъ возглашали краткія, но огненныя слова великаго русскаго проповѣдника, святителя Димитрія Ростовскаго, о значеніи для вѣрующихъ покрова Приснодѣвы:

«Если бы кто меня спросилъ, что въ поднебесьи сильнѣй и крѣпче всего—я бы отвѣтилъ:—«Нѣтъ ничего болѣе крѣпкаго и сильнаго на землѣ и на небѣ послѣ Господа нашего Іисуса Христа, какъ Пречистой Владычицы нашей Богородицы присно Дѣвы Маріи. Сильна Она и на небѣ: ибо Бога сильнаго и крѣпкаго молитвами Своими связываетъ. Связываетъ молитвами Своими Бога, Котораго нѣкогда на землѣ связывала пеленами».

О, Марія, въ часъ гнѣва Божія, праведно на ны движимаго,—Того, Кого Ты на землѣ пеленами связывала, свяжи нынѣ всесильными Твоими молитвами!..

Начало зимы, первые морозы, конецъ ноября, праздникъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы.

Трехлѣтняя Дѣва Марія, недавно научившаяся говорить, уже устремлялась душою въ небо. Она сама напоминаетъ родителямъ объ исполненіи ихъ обѣта, отдать свое дитя на служеніе Богу...

Торжественное шествіе. Праведная Анна несетъ чуднаго Ребенка на рукахъ во храмъ. Нѣсколько маленькихъ дѣвочекъ въ бѣломъ, и кое-кто изъ взрослыхъ сопровождаютъ ихъ. Въ рукахъ у всѣхъ зажженныя свѣчи.

Навстрѣчу выходятъ изъ храма священники и первосвященникъ. Анна ставитъ младенца Марію на первую изъ пятнадцати ступеней крыльца храма. И великимъ знаменіемъ, никѣмъ не поддерживаемая, Дѣва легко и быстро всходитъ на вершину крыльца. Это ангелы незамѣтно возносятъ Дитя пречистое по высокимъ ступенямъ. Общее изумленіе, а первосвященникъ вводитъ за собою Марію въ сокровенную глубину храма, во «Святое Святыхъ».

Во время пребыванія Маріи въ храмѣ, она стала сиротою.

Уединеніе было Ей необходимо. Все въ Ней было проникнуто какою-то необыкновенною тихостью. Никогда съ Ея кроткихъ устъ не сорвалось неспокойнаго слова.

Съ ранняго утра юная Дѣва молилась до девятаго часа. Шесть часовъ проводила за рукодѣліемъ или за изученіемъ Священнаго Писанія. Съ трехъ часовъ снова становилась Она

на молитву и молилась, пока посланный для служенія Ей ангелъ не приносилъ Ей пищу...

Много думала Дѣва и очень мало говорила. Пряжа льна и шерсти была самымъ обычнымъ Ея занятіемъ. Она была искусна въ рукодѣліяхъ, прекрасно вышивала шелками и, по преданію, послѣ Благовѣщенія, направляясь къ праведной Елизаветѣ, лично доставила въ Іерусалимскій храмъ изготовленную Ею роскошную завѣсу...

Вотъ, недостижимый образецъ святого дѣтства. Вотъ, воспоминанія, отъ которыхъ слышится непрерывный шопотъ: «живите въ храмѣ, держите дѣтей вашихъ въ храмѣ».

Вѣдь всѣ величайшіе святые, достигшіе вершинъ праведности,—всѣ они проводили свои дѣтскіе годы подъ сѣнью храма, близко участвуя въ жизни церковной.

Какъ чуденъ и свѣтелъ день Благовѣщенія, совпадающаго съ первыми счастливѣйшими днями весны.

Весна, весна! Какъ воздухъ чистъ!
Какъ ясенъ небосклонъ!
Своей лазурію живой
Слѣпитъ мнѣ очи онъ.
Весна, весна!.. Какъ высоко
На крыльяхъ вѣтерка,
Ласкаясь къ солнечнымъ лучамъ,
Летаютъ облака!
Шумятъ ручьи! Блестятъ ручьи!
Взревѣвъ, рѣка несетъ
На торжествующемъ хребтѣ
Поднятый ею ледъ.
Еще древа обнажены,
Но въ рощѣ ветхой листъ,
Какъ прежде, подъ моей ногой,
И шуменъ, и душистъ.
Подъ солнце самое взвился
И въ яркой вышинѣ
Незримый, жавронокъ поетъ
Заздравный гимнъ веснѣ.
Что съ нею, что съ моей душой?
Съ ручьемъ она ручей
И съ птичкой птичка. Съ нимъ журчитъ,
Летаетъ въ небѣ съ ней.

Внѣшній человѣкъ ликуетъ, потому что настало торжество жизни, зимняя спячка смѣнилась веселой работой солнечныхъ лучей, потому что соки отъ корней потекли къ деревьямъ, наполняя разбухающія почки, потому что колышки хлѣбныхъ побѣговъ высунулись изъ земли, обѣщая богатую жатву, потому что птицы звенятъ надъ рощами, которыя спѣшно начнутъ одѣваться листьями, потому что на мѣстѣ смерти зимы повсюду въ природѣ «жизнь жительствуетъ». А душа ликуетъ въ этотъ день, потому что благодать Дѣвы, какъ воды половодья, заливаетъ вселенную, оттого что въ благовѣстіи ангела, посланнаго привѣтствовать Дѣву-Матерь воплощающагося Бога обѣщано прощеніе людямъ, отверсты врата рая, побѣжденъ грѣхъ, возвращено людямъ званіе дѣтей и даже братьевъ Божіихъ.

Ликуй, человѣкъ, надъ великимъ таинствомъ Назарета, тихо плескай руками, и повторяй, повторяй безъ конца слова, снесенныя ангеломъ на землю, слова, въ которыхъ есть обѣщаніе тебѣ спасенія и возвращеніе тебѣ рая: «Радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою».

И какъ трогателенъ давній русскій обычай: въ память о той вѣсти свободы, которая снесена въ этотъ день на землю ангеломъ—отпускать на свободу изъ клѣтокъ пойманныхъ птицъ... Взмахнула крыльями, полетѣла, скрылась въ поднебесьи, въ безграничномъ пространствѣ эѳира, пронизанномъ солнечными лучами... Такъ изъ тенетъ зла, тьмы и отчаянія вылетаетъ призванная къ Божью свободу душа человѣческая.

И вотъ, наступаютъ послѣ Филипповокъ, радостные дни Христова Рождества. Какъ мудро поступила Церковь, приготовляя вѣрующихъ къ переживанію тѣхъ чистыхъ радостей, какія приносятъ съ собою праздничныя воспоминанія, — какъ мудро поступила Церковь, приготовляя къ этимъ днямъ вѣрующихъ подвигомъ поста.

Плоть утончилась, духъ получилъ большую волю, духовное зрѣніе обострилось, и душа, подготовившись тѣлеснымъ воздержаніемъ, очищеніемъ совѣсти и трапезой Христовой къ воспріятію благодати праздника, трепещущая, ожидаетъ сошествія въ міръ Христа.

Тотъ, кому Богъ привелъ быть во Святой Землѣ и стоять въ пещерѣ, гдѣ родился Спаситель, гдѣ гирлянды неисчислимыхъ неугасимыхъ лампадъ озаряютъ впадину скалы, въ которой былъ положенъ родившійся Богъ, не забудутъ до смерти

этого священнаго мѣста. Въ полу сложенныя изъ драгоцѣннаго металла латинскія слова: «Hic Verbum caro fuit» («здѣсь Слово стало плотью»). И слово человѣческое цѣпенѣетъ на этомъ мѣстѣ воплощенія Слова. Хочется распластаться на этомъ мѣстѣ, слиться съ нимъ, уйти въ эту скалу, на которой лежалъ Младенецъ-Христосъ, истаять, исчезнуть въ порывѣ безграничной благодарности и волнующаго трепетнаго благоговѣнія. Хочется собрать сюда огни всего міра—но такъ, чтобъ они свѣтили робкимъ свѣтомъ, тускнѣя предъ небесной славой пришедшаго въ міръ на униженіе Младенца.

Господи, вѣдь все это было тутъ, подъ этимъ навѣсомъ дикаго камня!.. Сюда ангелы привели пастуховъ, запѣвши имъ надъ ихъ стадами новую пѣснь прощенія и мира. Сюда вела таинственная звѣзда Виѳлеемская волхвовъ изъ дальнихъ странъ съ ихъ дарами. Здѣсь родившемуся въ нищетѣ Богу въ ту холодную ночь послужили созданныя твари, и волъ съ ословъ согрѣвали Младенца своимъ дыханіемъ. Здѣсь лежалъ Онъ на горкѣ изъ соломы, на которую смѣнилъ непоколебимый, раньше вѣковъ и созданія міровъ, вознесшійся вѣковѣчный Престолъ Свой. Здѣсь начало Его жертвоприношенія и всѣхъ Его обѣтованій.

Душа нѣмѣетъ... И какъ понимаешь, что здѣсь стремились жить и кончить свои дни такіе великіе люди, какъ знаменитый Іеронимъ, покоющійся въ нѣсколькихъ саженяхъ отсюда, въ подземномъ храмѣ, подъ кровлей общаго Виѳлеемскаго святилища, и знатныя римскія женщины, его ученицы.

У насъ, въ далекой Россіи, соблюдается въ рано гаснущій день ожиданіе первой звѣзды, звѣзды Виѳлеемской, до появленія которой обыкновенно не ѣдятъ. Въ церкви иной чинъ службы, какъ будто нѣтъ мочи ждать дольше этого великаго часа, и въ тропарѣ и кондакѣ вѣрующимъ дается дорогая вѣсть:

«Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума. Въ немъ бо звѣздамъ служащіи звѣздою учахуся Тебѣ кланятися, Солнцу правды, и Тебе вѣдѣти съ высоты востока». И какъ особенно звучитъ древнее чудное, хрустальное простотой своей Евангельское сказаніе о Христовомъ Рождествѣ, и какъ умилителенъ этотъ тихій, своеобразный распѣвъ кондака, въ которомъ въ краткихъ словахъ выражена поэзія этого дня:

«Дѣва днесь Пресущественнаго рождаетъ... рождаетъ... и земля вертепъ Неприступному приноситъ... приноситъ... Ангелы съ пастырьми славословятъ... славословятъ... Волсви же со звѣздою путешествуютъ... путешествуютъ... Насъ бо ради родися Отроча младо, превѣчный Богъ».

Какая красота въ этихъ словахъ великаго Дамаскина, какая смѣлость и глубина сопоставленія!

Ночь Рождества длится, длится... Разошедшіяся изъ церквей люди отошли на отдыхъ, а по міру ходитъ благодать Божественнаго Младенца. И вступаетъ Онъ туда, гдѣ готовы принять Его, входитъ въ дома тѣхъ христіанъ, которые разсказали своимъ дѣтямъ, что ночью придетъ посѣтить ихъ Младенецъ Христосъ и принесетъ имъ игрушки, входитъ въ келліи подвижниковъ, стоящихъ на молитвѣ, и даетъ имъ живую вѣсть о себѣ, стучится въ тѣ сердца, которыя еще не узнали Его, или знали и забыли, и старается всѣхъ привлечь къ Себѣ...

...Живи на землѣ, повелѣвай, царствуй и побѣждай, Младенецъ, родившійся въ ночи въ тихомъ Виѳлеемѣ...

Въ концѣ января, въ первыхъ числахъ февраля, какъ ни крѣпится зима, какія порою ни бушуютъ вьюги, все же вѣетъ близостью весны, и при яркомъ солнцѣ сверху начинаютъ капать капли веселаго талаго снѣга.

На эту пору перваго предчувствія весны и приходится день Срѣтенія Господня...

Все значеніе этого дня въ той яркой пѣсни—пѣсни обрадованной и освобожденной души, которая вырвалась изъ души старца Симеона, принявшаго на руки свои принесеннаго въ храмъ Младенца Христа.

Древній старецъ пылалъ молодою, упорною вѣрой. Тайный Божій голосъ возвѣстилъ ему, что онъ не умретъ, прежде чѣмъ не увидитъ Искупителя... И онъ все ждалъ.

Какъ знакомо душѣ человѣческой это долгое покорное ожиданіе. Какъ часто безплодно оно, когда мы ждемъ чего-нибудь отъ міра; и какъ не обманчиво оно, когда, подобно Симеону, мы будемъ съ трепетомъ и вѣрой ждать Божественнаго посѣщенія...

Искать встрѣчъ съ Христомъ, молить Господа—«пріиди и вселися въ ны», чувствовать подходъ Божій къ душѣ, уловить минуту радостнаго посѣщенія: вотъ судьба, которую душа можетъ раздѣлить съ Симеономъ Богопріимцемъ. И всякій вѣрующій, когда кончаетъ жизнь—текла ли эта жизнь его ровнымъ и гладкимъ путемъ или была постоянной и разнообразной пыткой,—всякій вѣрующій къ концу этой жизни, отходя съ вѣрою въ иные міры, можетъ исповѣдать Богу свои чувства словами: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ».

Іорданъ рисуется намъ и по картинѣ Иванова «Явленіе Христа народу», и по Нестеровскимъ полотнамъ—текущимъ въ бѣлыхъ каменистыхъ берегахъ со скудною растительностью.

Когда отъ Мертваго моря я подъѣзжалъ къ Іордану, къ тому именно мѣсту, гдѣ, по преданію, крестился Христосъ, и гдѣ ежегодно шестого января совершается торжественное богослуженіе, въ присутствіи, главнымъ образомъ, русскихъ паломниковъ, я былъ пораженъ тѣмъ, какъ окружавшій пейзажъ близко напоминалъ рѣчки серединной Россіи: тѣ же ракиты и листья деревъ, спустившихся надъ водой, мягкое очертаніе береговъ, зеленая мурава. Не доставало только помѣщичьей усадьбы и стариннаго дома съ колоннами.

Вода Іордана илиста, такъ что ее, забравъ въ бутыли, на мѣстѣ стоянки обыкновенно процѣживаютъ. И какъ тутъ, когда я съ лодки погрузился въ воду священной рѣки, вспомнилась дальняя Россія и та горячая вѣра, которая кидаетъ людей русскаго простонародья въ этотъ день въ ту прорубь рѣкъ и прудовъ, гдѣ совершено великое водосвятіе.

Какъ прекрасна крещенская вечерня, и какой поэзіей дышитъ молитва, въ которой въ художественныхъ словахъ изображено Божье вседержительство:

«Тебе поетъ солнце, Тебе славитъ луна, Тебѣ присутствуютъ звѣзды, Тебѣ работаютъ источницы».

Мнѣ пришлось видѣть въ Кіево-Троицкомъ старца отца Іоны монастырѣ великое водосвятіе, которое напоминало собою Іорданъ по множеству воды. Вмѣсто небольшихъ купелей, какія употребляются у насъ на сѣверѣ, тамъ стояло что-то больше десятка огромныхъ бочекъ для того, чтобы вся братія и богомольцы могли вдосталь имѣть воды.

Можно спорить противъ религіозныхъ обрядовъ. Но есть неопровержимыя доказательства того, какая заключена въ нихъ чудодѣйственная сила. Одно изъ такихъ доказательствъ это то, что никакіе годы «не берутъ» святой воды, не могутъ произвести въ ней порчи. Крещенская вода, защищенная отъ пыли, чрезъ десятки лѣтъ такъ же свѣжа, какъ была только что взятая тогда изъ источниковъ.

И вотъ, на другой день происходитъ хожденіе причта со святой водой по приходу, имѣющее большое мистическое значеніе для вѣрующихъ, такъ какъ въ водосвятныхъ молитвахъ прямо говорится объ охранительной силѣ воды: «Да сокрушатся подъ знаменемъ креста Твоего вси сопротивніи силы..

...Вода!.. Какая въ ней вообще очистительная, таинственная сила, которую люди постигаютъ все больше и больше. И

сколько болѣзней, прежде считавшихся неизлѣчимыми или требовавшихъ дорогого и сложнаго лѣченія, исцѣляются теперь одной водой.

Я видѣлъ въ одномъ изъ русскихъ городовъ людей, надъ которыми тщательно производили разные опыты доктора, которые были приговорены къ гибели, а между тѣмъ, когда попали въ руки врача, дѣйствующаго только водой, возвратили себѣ цвѣтущее здоровье.

Одна женщина была доставлена къ такому врачу на рукахъ; у нея было полное изнуреніе организма на почвѣ неисцѣлимой, казалось, болѣзни желудка. Она умирала отъ голодной смерти. Два-три мѣсяца спустя лицо, видѣвшее ее въ такомъ положеніи, встрѣтило ее съ румянцемъ на щекахъ, здоровой, бодрой, соблюдающей посты. И какъ былъ простъ примѣненный къ ней методъ: такъ называемый кругобрюшный компрессъ, состоящій въ томъ, что кругомъ пояса обматывается смоченное полотенце, поверхъ котораго наматывается кусокъ фланели. Этотъ врачъ за всю свою врачебную дѣятельность только разъ и только одному изъ всѣхъ больныхъ далъ лѣкарство внутрь.

Другой случай еще поразительнѣе. Іеросхимонахъ одного строгаго монастыря въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ въ параличѣ, недвижимый, его кормили съ ложки. Обвертываніемъ всего тѣла въ мокрыя простыни съ покрытіемъ сверху теплыми одѣялами было достигнуто то, что въ эти простыни сквозь поры тѣла стало вытягиваться наружу все отложившееся, омертвѣвшее въ тканяхъ, даже лѣкарства, принятыя раньше организмомъ и въ немъ нерастворившіяся. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наступило полное улучшеніе. Теперь же нѣсколько лѣтъ этотъ іеросхимонахъ ведетъ чрезвычайно дѣятельный образъ жизни, выстаиваетъ на ногахъ ежедневно часовъ по шести монастырскія службы, принимаетъ народъ на общее благословеніе и на исповѣдь.

Вотъ,—какую цѣлебную силу заложилъ Господь въ водѣ, и, вотъ, почему вода явилась самымъ яркимъ символомъ той «бани пакибытія», какою является крещеніе.

Самая веселая пора лѣта на преклонѣ, пора жатвъ и сборъ плодовъ, совпадающая съ днемъ Преображенія Христова. Чѣмъ-то радостнымъ и обѣщающимъ вѣетъ отъ этой картины на горѣ Ѳаворѣ. Преобразившійся Христосъ въ бесѣдѣ съ пророками Моисеемъ и Иліею, и предъ этимъ зрѣлищемъ порывъ,

охватившій учениковъ: «Наставникъ, хорошо намъ здѣсь быть. Сдѣлаемъ три кущи»...

И тутъ свѣтлое облако отдѣляетъ Христа, какъ бы освобожденнаго тогда отъ человѣческой природы Своей и пророковъ, скончавшихъ славное теченіе свое,—отъ земныхъ людей. И гремитъ съ небесъ свидѣтельствующій гласъ:

«Преобразивыйся на горѣ» и Явившійся во славѣ Божественныхъ свойствъ Своихъ—дай намъ надъ мракомъ земли возсіять заложенными въ насъ Божественными совершенствами, тѣми добродѣтелями, какія выростаютъ съ помощью благодати Твоей въ душѣ, подобно тому, какъ Своей рукой, Своимъ солнцемъ и дождемъ взращиваешь Ты золотую жатву полей и разнообразные плоды на деревьяхъ.

Лазарь воскресшій и входъ Господень въ Іерусалимъ.

Два глубокихъ схода ведутъ въ пещеру Лазаря въ Виѳаніи. Сперва ступени изъ большихъ камней, по которымъ трудно сходить,—такъ онѣ высоки и круты, а потомъ быстрый скатъ внизъ, въ самую погребальную пещеру.

Что было тутъ тогда, когда въ замершемъ отъ ожиданія воздухѣ, надъ сбѣжавшимися къ пещерѣ жителями Виѳаніи, прозвучалъ тотъ голосъ, который уже вернулъ жизнь въ трупы сына Наинской вдовы и дочери Іаира: «Лазарь, тебѣ глаголю гряди вонъ».

И, какъ въ эти дни покаянія и поста звучитъ призывомъ грѣшнику это властное слово. И каждый изъ насъ, какъ новый Лазарь, внимаетъ Божественному слову...

Гряди вонъ изъ тенетъ грѣха, въ которомъ ты увязаешь. Гряди вонъ изъ мірскихъ цѣпей, въ которыя ты закованъ. Гряди вонъ изъ пещеры отчаянія, порабощенія темнымъ силамъ. Гряди вонъ къ солнцу, на свободу, въ міръ Господней благодати!..

Греми, греми надъ міромъ, гдѣ ждутъ Тебя столько умершихъ Лазарей, греми чудотворнымъ призывомъ Своимъ Христосъ.

И какъ надъ Лазаремъ, Спаситель,
О, прослезися надо мной!

И, вслѣдъ за этимъ чудомъ, торжественный входъ въ Іерусалимъ. Народъ разстилаетъ по дорогѣ свои одежды, срѣзывая и сламывая вѣтви маслинъ и смоковницъ, разбрасываетъ ихъ по дорогѣ, и надъ всѣмъ ликованіемъ стоятъ громкіе крики:

«Осанна Сыну Давидову! Благословенъ Грядый во имя Господне, Осанна въ вышнихъ».

Постепенно поднимаясь на гору Елеонскую среди деревьевъ и зеленыхъ полей, дорога круто поворачиваетъ на сѣверъ, и тутъ открывается внезапно Іерусалимъ, раньше скрытый отрогомъ горы. Въ прозрачномъ воздухѣ, залитомъ солнцемъ, блестѣли мраморныя вершины храмовыхъ зданій. Видъ отсюда былъ такъ прекрасенъ, что часто путешественникъ передъ нимъ столбенѣлъ. И къ этой красотѣ присоединился еще ликующій народъ...

. . . . . .

И мы, держа въ рукахъ нашихъ сѣверныя пальмы, вербу, внимаемъ привѣту, который въ величаніи повторяетъ крики еврейскихъ дѣтей: «Осанна Сыну Давидову, Осанна въ вышнихъ.»

Тихо таютъ свѣчи въ нашихъ рукахъ, и тихъ привѣтъ нашихъ вербъ. Онѣ принесли съ собою ласку оживающей весны и тихое журчаніе ручья, надъ которымъ онѣ росли, и задумчивый шопотъ лѣсовъ. Эти вербы, которыя зазеленѣютъ и пустятъ изъ себя ростки, и тихое таяніе воска какъ-то умиленно говорятъ о томъ общемъ возстаніи изъ мертвыхъ, чьимъ провозвѣстникомъ явилось чудо надъ Лазаремъ, которое совершилъ при концѣ жизненнаго пути Своего Христосъ, «общее воскресеніе прежде Своея страсти увѣряя».

Дни печальные Великаго поста.

Медленный и плачущій перезвонъ колоколовъ послѣ оживленія масленицы звучитъ, какъ зовъ съ неба, какъ голосъ совѣсти, уходящій въ сердце... Въ траурныхъ ризахъ духовенство, плачутъ звуки хора. Душа, сознавшая свои преступленія, тоскующая надъ своими паденіями, бросилась къ ногамъ Христа и стонетъ...

«Откуду начну плакати окаяннаго моего житія дѣяній; коели положу, Христе, начало нынѣшняго рыданія»... И въ отвѣтъ на этотъ вопль души клиръ сокрушенно отвѣчаетъ: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

Въ вечернемъ богослуженіи проносится вѣсть о близкомъ Женихѣ, Который долженъ посѣтить эту ждущую Его душу: «Се Женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, его же обрящетъ бдяща»... И въ концѣ этихъ дней покаянія тихая трапеза Христова, вновь и вновь звучащія слова: «Пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое; пійте отъ нея вси: сія есть Кровь Моя». И стоитъ

надъ міромъ знаменіе—пронзенный на крестѣ Христосъ, и льющаяся изъ язвъ Его кровь своимъ составомъ входитъ въ тѣла вѣрующихъ: чудное обожествленіе.

Покаявшійся, очистившійся, соединившійся со Христомъ человѣкъ, послѣ подвига поста, послѣ радости воскресенія Лазаря и торжества входа въ Іерусалимъ вспоминаетъ послѣдніе дни земной жизни Спасителя.

Передъ обѣднями Страстной недѣли церковь спѣшно проводитъ передъ людьми всю повѣсть земной жизни Христа, прочитываются всѣ евангелисты. Вспоминается трапеза, за которою усердная жена приготовила тѣло Христа къ погребенію, придя со своимъ алавастромъ «мира драгоцѣннаго», котораго никогда не забудетъ человѣчество, роковая сдѣлка тридцати сребренниковъ, Тайная Вечеря...

Какая радость для души пріобщиться въ годовщину того незабвеннаго дня, когда была установлена святая Евхаристія, чрезъ пространство столькихъ вѣковъ чувствовать себя званнымъ на эту трапезу, на вѣка и тысячелѣтія установленную величайшею жертвою Христовой любви.

И вотъ, раздается чтеніе двѣнадцати Евангелій среди льющихъ слезы свѣчей. Тутъ собраны послѣднія таинственныя рѣчи Христовы и сжато на короткомъ пространствѣ все это страданіе Богочеловѣка, Которому внимаетъ душа «смущаясь и дивясь». И въ память объ этомъ часѣ, когда сердце человѣческое сливалось со страдающимъ сердцемъ Божества, люди приносятъ съ собою горящія свѣчи, которыя будутъ потомъ хранить и зажгутъ въ часъ разлученія души отъ тѣла.

Выносъ плащаницы съ поминаніемъ о благообразномъ Іосифѣ и бдѣніе у гроба Христова. А послѣ субботней обѣдни, гдѣ оглашается слетъ ангела ко гробу, и ризы черныя смѣняются на бѣлыя,—вечеръ Страстной субботы, полный затаеннаго ожиданія.

Какъ хороши эти часы въ древнихъ городахъ со священными кремлями, со множествомъ церквей, среди которыхъ покоится въ таинственномъ снѣ безмолвно великій Мертвецъ.

О, пусть предъ Нимъ... «молчитъ всяка плоть человѣча и стоитъ со страхомъ и трепетомъ и ничтоже земное въ себѣ помышляетъ»... Вокругъ церквей во многихъ мѣстахъ устроены помосты, по которымъ потянутся радостные крестные пасхальные ходы. Улицы пустынны, жизнь затаилась въ ожиданіи тамъ, за стѣнами домовъ.

И вотъ, огни въ ночи загорѣлись вокругъ храмовъ, и народъ потянулся навстрѣчу воскресающему Христу. Въ пол-

ночь ударили колокола, и съ распущенными хоругвями-знаменами побѣды Христовой двинулись крестные ходы и вернулись въ храмъ при пѣніи словъ, которыя бы хотѣлось повторять безъ конца, безъ конца, въ которыхъ заключены всѣ обѣщанія и вся благодать дѣлъ Христовыхъ: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ».

Въ концѣ пасхальной заутрени поются проникновенныя слова: «Плотію уснувъ, яко мертвъ, Царю и Господи, тридневенъ воскреслъ еси, Адама воздвигъ отъ тли и упразднивъ смерть... Пасха нетлѣнія міру спасеніе».

Эти послѣднія слова какою-то спиралью подымаются въ куполъ и падаютъ оттуда на народъ. Они говорятъ объ одной изъ тайнъ жизни Христовой, объ измѣненіи плоти Христовой. Сорокъ дней по воскресеніи до вознесенія на небо Господь плотію былъ въ особомъ состояніи, когда проходилъ тѣломъ сквозь закрытыя двери, но, въ то же время, ѣлъ предъ учениками и давалъ осязать раны Свои Ѳомѣ.

Одинъ воронежскій богомолецъ, стоя во время заутрени въ алтарѣ при служеніи великаго подвижника, архіепископа Антонія, видѣлъ, какъ при пѣніи словъ «плотію уснувъ», преосвященный весь измѣнился, словно плоть его исчезла, утончилась, и онъ сталъ весь прозрачный...

Жаль, что крестные пасхальные ходы, положенные во всю Пасхальную недѣлю, не принимаютъ у насъ такого размѣра, какой они могли и должны бы были принять. Потрясающее впечатлѣніе на вѣрующихъ и невѣрующихъ производили бы они, еслибы по главнымъ улицамъ города проходило, объединившись, все градское духовенство съ хоругвями всѣхъ городскихъ церквей и съ общимъ пѣніемъ всѣхъ церковныхъ хоровъ и народа: какое торжество Христовой побѣды!

И вотъ—Вознесеніе, въ которомъ чувство радости за Христа, вознесшагося въ Отчую славу послѣ Своего земного уничиженія, смѣшивается съ тайною грустью, что Онъ отдѣлился отъ земли послѣ тридцатитрехлѣтней на ней жизни.

Но вѣдь намъ остается Его Евангеліе, намъ остаются жизнетворный потокъ Его крови, не текшій по землѣ въ тѣ дни, когда Онъ ходилъ по ней, благовѣствуя. Намъ остается Его чудное обѣтованіе: «не оставлю васъ сиры, пріиду къ вамъ»...

Троицынъ день, когда Творцу приносятся въ даръ первыя произрастанія весны, зелень и цвѣты, и въ трехъ колѣнопреклоненныхъ молитвахъ испрашивается наитіе Святаго Духа... И кругъ годовыхъ христіанскихъ воспоминаній заключенъ.

*

Останется лишь праздникъ Успенія, какъ бы послѣдняя высшая ступень этихъ воспоминаній.

Въ большинствѣ русскихъ городовъ соборные храмы посвящены этому празднику, и народное усердіе къ этому дню выражаетъ всю вѣру народную въ то, что призванная къ Царствію Небесъ Богоматерь еще ближе стала ко всему человѣчеству.

Какой трепетъ охватываетъ душу, когда въ Кіево-Печерской лаврѣ, строенной на чудесахъ, вы подходите къ спускаемой послѣ литургіи отъ царскихъ вратъ на аналой небольшой иконѣ Успенія. Ее Богоматерь передала во Влахернѣ братіямъ-зодчимъ, которыхъ договорила строить Ей въ Россіи великую церковь.

Въ передачѣ этой иконы Она выразила Свое благоволеніе и обѣщаніе заступничества всей русской землѣ. Такъ понятны сердцу и будятъ его раздающіяся передъ иконой слова акаѳиста: «радуйся, Обрадованная, во Успеніи Своемъ насъ неоставляющая».

Отдѣльнымъ воспоминаніемъ, не связаннымъ съ послѣдовательной цѣпью евангельскихъ событій,—является праздникъ Воздвиженія Креста Господня — прославленіе орудія нашего спасенія.

Къ этому дню въ нашемъ климатѣ еще достаиваютъ послѣдніе осенніе цвѣты. Изъ нихъ вьютъ вѣнки ко кресту... При перезвонѣ и при погребальномъ напѣвѣ «Святый Боже» крестъ послѣ великаго славословія выносятъ на середину храма.

Въ каѳедральныхъ соборахъ происходитъ величественный обрядъ—воздвиженіе креста. Архіерей стоитъ на своей каѳедрѣ, держа на головѣ крестъ. Протодіаконъ произноситъ четыре прошенія, оканчивающіяся словами «рцемъ вси», на которыя слѣдуетъ громовой отвѣтъ хора «Господи помилуй!..» И тогда архіерей медленно на рукахъ духовенства преклоняетъ колѣни, а хоръ продолжаетъ свое пѣніе, отъ громовыхъ раскатовъ понижая голосъ, и доходитъ до еле слышнаго по храму шопота, когда архіерей опустится къ землѣ. Затѣмъ при постепенномъ подыманіи архіерея хоръ постепенно прибываетъ въ силѣ, заканчивая слова громовыми раскатами «Господи помилуй!» —когда архіерей, поднявшись, осѣняетъ народъ. И такъ четыре раза.

Это все необыкновенно красиво.

ГЛАВА VI.

О молитвѣ.

Молитва есть возношеніе души человѣческой къ Богу, устремленіе къ небу, стояніе передъ Нимъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто бы Богъ передъ человѣкомъ находится, откровеніе передъ Богомъ своихъ мыслей, чувствъ и желаній, живая просьба о томъ, что человѣку важно и нужно и, наконецъ,—это бываетъ въ случаяхъ чудотвореній—въ дерзновеніи вѣры пользованіе силами вседержительства Божія для полученія желаемаго.

Виды молитвы чрезвычайно разнообразны, какъ разнообразны движенія души человѣческой.

Начиная отъ молитвы школьника, который желаетъ получить хорошую отмѣтку за сегодняшній урокъ, и до нѣмого славословія великаго пустынножителя, который, выйдя изъ своей пещеры въ звѣздную ночь, поднявъ къ небу благодарный взоръ, окруженный этой картиной, гдѣ въ одну красоту слились безпредѣльная пустыня и сіяющій небесный сводъ,—струитъ передъ Богомъ благоуханіемъ своихъ вѣчно юныхъ свѣжихъ восторженныхъ чувствъ: все это будетъ молитва. Но какое разнообразіе въ этомъ содержаніи и выраженіи молитвы!

Тотъ всегда пребываетъ въ молитвенномъ духѣ, почерпая въ немъ неизъяснимое счастье и покой,—кто чувствуетъ свою во всемъ отъ Бога зависимость и жаждетъ, чтобъ во всякую минуту его жизни было ему ясно, что все—горе и радость, удачи и испытанія—подаетъ ему непосредственно самъ Богъ.

Въ жизни тѣхъ людей, которыхъ по преимуществу можно назвать Божіими дѣтьми — всякій проницательный наблюдатель различитъ одно обстоятельство. Все главное въ жизни этимъ людямъ достается по упорной молитвѣ: Господь показываетъ, что Онъ, и только Онъ, всѣмъ ихъ снабжаетъ, обо всемъ въ ихъ жизни промышляетъ.

Такъ, пока сверстники отрока Варѳоломея, будущаго преподобнаго Сергія Радонежскаго, легко усваивали себѣ грамоту, Варѳоломей, несмотря ни на какія старанія, сколько ни мучился, не могъ одолѣть книжной премудрости. Горячо онъ молился Богу, и Господь черезъ явленнаго ангела послалъ ему великую премудрость.

И въ міру мы постоянно видимъ людей, которымъ все,

чего они въ жизни желаютъ, достается путемъ большихъ усилій и неотступныхъ молитвъ.

Сколько, напримѣръ, молодыхъ дѣвушекъ выходитъ замужъ чрезвычайно легко, едва окончивъ образованіе, или, даже, до окончанія его; встрѣчаютъ своихъ суженыхъ въ самыхъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, среди ряда неожиданностей.

Бываетъ иначе. Бываетъ такъ, что дѣвушка, выдающаяся и красотой и умомъ, и образованіемъ, мечтающая—какъ мечтаетъ всякая нормальная женская душа—о семейномъ очагѣ, по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ не можетъ сыскать себѣ, какъ говорится, судьбы. Происходитъ что-то житейски непонятное и необъяснимое.

Она нравится, производитъ сильное впечатлѣніе, о ней мечтаютъ, а между тѣмъ она еще продолжаетъ жить въ одиночествѣ, тогда какъ у ея подругъ, гораздо менѣе, чѣмъ она, интересныхъ, давно многочисленная семья. Или люди, которымъ она сочувствуетъ и которые ей сочувствуютъ, умираютъ, или ихъ какимъ-нибудь образомъ отбрасываетъ отъ нея судьба. Или тѣ люди, которые о ней думаютъ, и о которыхъ она, въ свою очередь, думаетъ, не смѣютъ сказать ей словъ признанія, какъ она не смѣетъ ободрить ихъ.

Какъ много на этой почвѣ происходитъ невидныхъ драмъ женской души!

И вотъ, тутъ остается два исхода: или примириться съ мыслію, что мірское счастье не для нея, и сосредоточить жизнь свою въ Богѣ, или вымаливать себѣ это счастье.

Въ одномъ изъ романовъ извѣстнаго романиста Маркевича выведенъ типъ богатой невѣсты высшаго московскаго круга, Сашеньки Лукояновой. Мать ея противъ брака съ человѣкомъ, котораго она любитъ; кромѣ того, этотъ человѣкъ уѣзжаетъ на войну. Что остается бѣдной дѣвушкѣ, кромѣ молитвы за своего суженаго? И она молится. Есть въ Москвѣ далеко не всѣмъ извѣстная святыня—чудотворный образъ Спасителя, въ часовнѣ у кремлевскихъ Спасскихъ воротъ. Къ этому образу ходитъ Сашенька,—и вымаливаетъ и возвращеніе жениха, и свое счастье.

И много есть такихъ людей, которымъ въ жизни все то, что другимъ дается даромъ, безъ усилій — имъ приходится брать съ бою, вымаливать.

Но это вымоленное, выстраданное, выплаканное счастье бываетъ обыкновенно прочнѣе счастья, доставшагося даромъ.

Но бываетъ и такъ, что счастье не дается душѣ, несмотря ни на какія молитвы.

Когда на то нѣтъ Божьяго согласья,
Какъ ни страдай она, любя,
Душа—увы—не выстрадаетъ счастья,
Но можетъ выстрадать себя!
Душа, душа, которая всецѣло
Одной завѣтной предалась любви,
И ей одной дышала и болѣла,
Господь тебя благослови!
Онъ милосердный, всемогущій,
Онъ, грѣющій Своимъ лучомъ
И пышный цвѣтъ, на воздухѣ цвѣтущій,
И чистый перлъ на днѣ морскомъ!..

И тогда душѣ, отвергнутой міромъ—отвергнутой тѣмъ, кто въ мірѣ ей былъ всего дороже, за кого она готова была распяться—остается только Христосъ: какъ это иногда кажется малымъ, какъ это для того, кто это на себѣ испыталъ—безконечно!..

И, все-таки, молитва, состоящая въ томъ, чтобъ у Бога себѣ что-нибудь выпрашивать, есть наименѣе высокая молитва.

Однако, и ее Христосъ ублажилъ, и на примѣрѣ жены Хананейской показалъ, какъ нужно молиться, съ какою неотступностью нужно выпрашивать у Бога то, что намъ кажется нужнымъ.

Первоначальный отказъ, который услыхала отъ Христа жена Хананейская, молившая объ исцѣленіи своей дочери, былъ жестокъ. Конечно, прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ помощи Христа, жена Хананейская испробовала всѣ доступные ей способы. Состояніе ея, въ которомъ она пришла ко Христу, было состояніемъ крайняго отчаянія, перемежавшагося порывами надежды.

И вотъ, она увидала этого Пророка. Онъ предъ нею. Онъ ее слышитъ. И она вопіетъ.

Вопіетъ всею силою своего страданія, всѣмъ накопившимся горемъ, вопіетъ со всѣмъ обострившимся чувствомъ матери, которая, какъ львица, защищаетъ жизнь и счастье своего ребенка.

А что же Онъ—Онъ, въ Комъ положена послѣдняя на-

дежда, Кто одинъ только и можетъ сдѣлать что-нибудь для спасенія дочери, которую она защищаетъ своей грудью?

Онъ молчитъ. Онъ, плачущій надъ чужими страданіями, тутъ, предъ этимъ страданіемъ, которое ею чувствуется, какъ самое тяжелое и невыносимое для нея,—Онъ застылъ, окаменѣлъ, неподвиженъ.

И, обезумѣвъ отъ силы своего разочарованія, отъ крушенія своей поруганной надежды, она удваиваетъ свои крики... О, эти дикіе крики любви, страдающей страданіемъ близкихъ еще сильнѣе, чѣмъ страдаютъ они сами,—этотъ крикъ, когда рушится послѣдняя надежда, и впереди нѣтъ просвѣта...

Хананеянка вопіетъ. Происходитъ то, что, выражаясь грубо, у насъ бы назвали уличнымъ скандаломъ. Это утомляетъ апостоловъ, какъ ни привыкли они къ проявленію рѣзкихъ чувствъ—и они обращаютъ на женщину вниманіе Господа: «отпусти ее, яко вопіетъ вслѣдъ насъ».

И крики женщины при этихъ словахъ разомъ замираютъ. Она видѣла движеніе апостоловъ, указывавшихъ на нее. Сейчасъ подымутся на нее взоры Пророка. Сейчасъ раскроются вѣщія уста, чтобъ говорить съ ней.

Но очи Христа не поднялись на хананеянку. Онъ не взглянулъ на нее, словно не сердце, истекающее кровью, билось въ ту минуту у Его ногъ. А слова раздались такія, какихъ лучше бы ей не слышать: «не достоитъ отъяти хлѣбъ чадомъ и поврещи псомъ».

Когда по обнаженнымъ нервамъ ударятъ кнутомъ, въ открытую рану станутъ лить кипящее масло, оно не можетъ быть больнѣе того, какъ пали на сердце хананеянки эти ужасныя слова... Искать милосердія,—и дождаться такого отвѣта!

Быть можетъ, проклятія готовы были слетѣть съ устъ этой женщины, нашедшей у Христа вмѣсто отклика только ожесточеніе своихъ страданій, но сердце человѣческое имѣетъ свои тайны. Вѣра вдругъ вспыхнула въ ней съ невѣдомой силой и исторгла у нея тотъ великолѣпный крикъ, то слово, которое осталось жить въ вѣкахъ: «Ей, Господи, яко и пси ѣдятъ отъ крупицъ, падающихъ съ трапезы господей своихъ».

— Я не приравниваю себя, какъ бы говорила она, къ людямъ и не какъ человѣкъ прошу помощи, а какъ живое существо въ безграничномъ страданіи. Добрые люди милуютъ и скотовъ: со скотами пожалѣй и меня...

Молитва хананеянки не только была услышана, но Христосъ указалъ на эту молитву, какъ на образецъ всѣмъ людямъ.

Состояніе, которое переживала хананеянка, хорошо извѣстно многимъ вѣрующимъ людямъ.

Мѣсяцами, годами, десятилѣтіями человѣкъ проситъ чего нибудь у Бога: проситъ немногаго, не труднаго, а понятнаго, законнаго, легко исполнимаго: проситъ тщетно и не получаетъ.

Такому человѣку должно утѣшать себя благимъ примѣромъ жены хананейской и твердо помнить притчу о судьѣ неправедномъ, который исполнилъ просьбу бѣдной вдовы—по неотступности ея. Никогда молящемуся о чемъ-нибудь не надо забывать тѣхъ словъ, какими Христосъ заключилъ эту притчу Свою о судьѣ неправедномъ. Судья неправедный рѣшилъ удовлетворить просьбу женщины, говоря себѣ: «Эта вдова мнѣ не даетъ покоя. Защищу ее, чтобъ она не приходила больше докучать мнѣ».

«Слышите,—изрекъ Господь послѣ этой притчи,—слышите, что говоритъ судья неправедный... Богъ ли не защититъ избранныхъ Своихъ, вопіющихъ къ Нему день и ночь, хотя и медлитъ защищать ихъ?»

Два положенія можно вывести изъ этихъ словъ Христа. Первое, что, желая получить что-нибудь отъ Господа, надо вопіять къ Нему «день и ночь». Второе—что не надо отчаиваться въ молитвѣ, несмотря на то, что Господь «медлитъ» съ защитой.

О неотступности молитвы опытнѣйшій извѣстный петербургскій почившій о. протоіерей Алексѣй Петровичъ Колоколовъ такъ наставлялъ духовныхъ дѣтей своихъ.

«Вы ищете помощи Богоматери. Такъ идите въ Казанскій соборъ и, стоя предъ чудотворнымъ ликомъ съ такимъ чувствомъ, какъ если бы вы стояли воочію предъ самою Богоматерью, говорите Ей: «Владычице, Ты должна помочь мнѣ, потому что я не отступлю отъ тебя. Я приду къ тебѣ съ моей просьбой и завтра, и послѣзавтра, и буду ходить всякій день, весь годъ, и буду ходить многіе годы. Я не отойду отъ тебя, пока не получу желаемаго».

Вѣдь то, что предлагалъ тутъ о. Алексѣй—есть то же самое, что дѣлала женщина притчи съ судьей неправеднымъ, съ тою разницею, что женщина имѣла дѣло съ безсердечнымъ корыстолюбивымъ и подкупнымъ человѣкомъ,—тогда какъ предъ молящимися Богоматери стоитъ Та, Которой Христосъ на крестѣ заповѣдалъ заботиться о людяхъ, какъ о дѣтяхъ Своихъ.

Христосъ сказалъ, что если кто, имѣя вѣру съ горчичное зерно, скажетъ горѣ: «передвинься и бросься въ море», и при

этомъ не усумнится въ сердцѣ своемъ, то исполнится то слово его.

Среди преданій о великихъ аскетахъ, сохраняется разсказъ, что человѣкъ, дышавшій великой вѣрой, разсказывалъ о силѣ вѣры, и во время разсказа, когда дошелъ до словъ о горѣ: «и если горѣ этой сказать: передвинься»,—гора заколебалась, такъ что ему пришлось другимъ словомъ остановить гору.

Хранится другое преданіе о томъ, какъ нѣкая блудница, съ вѣрою помолясь, воскресила мертвеца. Въ наши дни, примѣромъ молитвы, которая доходитъ до Бога и творитъ чудеса, былъ о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Тотъ, кто видѣлъ его молящимся, тотъ не забудетъ этой молитвы. Воочію предстоя передъ Богомъ, онъ какъ бы наступалъ на Него, уже не прося, а требуя исполненія молитвы своей, какъ наступала на Христа жена хананейская со своею неотступною просьбою; хватался за ризы Христовы, какъ схватила ихъ нѣкогда жена кровоточивая, и не выпускалъ ихъ.

Часто, когда онъ пріѣзжалъ въ домъ, то предъ началомъ молебна приглашалъ присутствующихъ помолиться съ собой, воспламеняя ихъ вѣру нѣсколькими простыми, но огнедышащими словами. Напримѣръ, скажетъ, бывало: «Будемъ молиться Ему, вѣруя, что Онъ не можетъ насъ не услышать. Не можетъ не услышать насъ, потому что мы тутъ стоимъ передъ Нимъ, какъ созданные—предъ своимъ Творцемъ, какъ искупленные предъ своимъ Искупителемъ, какъ дѣти предъ своимъ Отцомъ».

Если, съ одной стороны, молитва о чемъ-нибудь можетъ продолжаться годами,—«день и ночь», то бываетъ много случаевъ исполненія такой молитвы, которую можно назвать молніеносной.

Человѣкъ, который тонетъ и бываетъ спасенъ своей молитвой—много ли имѣетъ времени для молитвы?..

Это болѣе воспоминаніе о какой-нибудь дорогой ему святынѣ, о какомъ-нибудь близкомъ сердцу небожителѣ. Во всякомъ случаѣ—это мгновенія.

Въ Царскомъ Селѣ, въ придворной Знаменской церкви, стоитъ прославленная многими чудесами византійскаго происхожденія, весьма значительныхъ размѣровъ, икона Знаменія Богоматери.

Къ этой иконѣ имѣла большую вѣру смоленская помѣщица, Екатерина Ивановна Дудинская. У нея былъ сынъ, флотскій офицеръ. Отправляя его въ Черное море, въ назначенное

ему плаваніе на военномъ суднѣ «Ингерманландъ», она съ сыномъ пріѣзжала къ иконѣ, отслушала молебенъ и потомъ, ставъ предъ образомъ на колѣни, воскликнула въ слезахъ: «Царица Небесная! Тебѣ поручаю сына моего и на Тебя вся моя надежда: Ты возвратишь мнѣ его и со дна моря!..» Во время плаванія, корабль этотъ, какъ извѣстно, былъ застигнутъ страшною бурею и подвергся совершенному крушенію— такъ что весь экипажъ его былъ поглощенъ волнами. Въ числѣ прочихъ несчастныхъ и сынъ Дудинской былъ выброшенъ волнами за бортъ. Предчувствуя неизбѣжную смерть, онъ вдругъ вспомнилъ о Царскосельской святой иконѣ и съ вѣрою призвалъ на помощь Матерь Божію, мысленно взывая къ ней: «Царица Небесная! Мать моя просила Тебя обо мнѣ, спаси меня для нея...» Вслѣдъ за тѣмъ волна морская такъ сильно ударила его, что онъ лишился чувствъ и памяти. Когда же пришелъ въ сознаніе, то увидѣлъ себя на берегу морскомъ и сладостно благодарилъ милосердную Владычицу за свое спасеніе.

Вотъ, примѣръ молніеносной молитвы — подобно тому, какъ въ приведенномъ выше разсказѣ объ избавленіи митрополитомъ Филаретомъ, уже послѣ смерти его, отъ бурана въ киргизской степи московскаго жителя былъ примѣръ такого же молніеноснаго воспоминанія.

Какъ ни упорна должна быть та молитва, въ которой люди испрашиваютъ себѣ какихъ-нибудь благъ, но и эта молитва должна быть проникнута тѣмъ духомъ, который на духовномъ языкѣ называется «разсужденіемъ».

«Разсужденіе» въ молитвѣ будетъ преданіемъ себя волѣ Божіей; будетъ если не словами произносимое, то содержимое въ чувствѣ условіе: «не какъ я хочу, но какъ ты, Господи». Такъ молился и Христосъ до кроваваго пота въ саду Геѳсиманскомъ: «Господи, если возможно, то пусть мимо идетъ чаша сія, впрочемъ не такъ, какъ я хочу, а какъ Ты».

И, когда мы молимъ Господа объ избавленіи отъ чего-нибудь, что намъ кажется невыносимымъ, или молимся о дарованіи чего-нибудь, что намъ кажется не только для жизни, но и для духа нашего, для нашего самоусовершенствованія крайне необходимымъ,—всегда мы должны держать въ чувствѣ эти слова: «впрочемъ, не какъ я хочу, а какъ Ты, Господи».

И эта покорность волѣ Божіей въ томъ случаѣ, если Господь не сниметъ съ насъ креста, на насъ возложеннаго, и не ниспошлетъ намъ того, чего мы желали, это смиреніе предъ

волей Божіей дастъ намъ силу нести этотъ крестъ, терпѣть отсутствіе того, о чемъ мы молились и не получаемъ, и быть при этомъ спокойнымъ. Молиться и требовать чего-нибудь себѣ безусловно, наступать на Господа, подобно женѣ хананейской, можно лишь въ томъ, что служитъ на нашу духовную пользу: это когда мы молимся о дарованіи духовномъ, а не о чемъ-либо вещественномъ.

Мы можемъ безусловно просить Бога, чтобы Онъ далъ намъ чистоту помысловъ, чувствъ и жизни. Мы можемъ просить Бога безусловно, чтобы Онъ влилъ миръ въ бурное сердце наше. Мы можемъ просить безусловно Бога о томъ, чтобы онъ привлекъ къ Себѣ сердца близкихъ для насъ людей, далекихъ отъ Него. Мы можемъ безусловно просить Господа: «Имиже вѣси судьбами—аще хощу, аще не хощу, спаси мя»—однимъ словомъ, мы можемъ просить безусловно обо всемъ, что служитъ къ пользѣ душевной, что углаждаетъ пути наши къ вѣчности.

Но можно ли просить Бога, не желая при этомъ сообразоваться съ Его волею—богатства, когда, быть можетъ, для души нашей полезнѣе, чтобы мы жили въ бѣдности? Можно ли требовать отъ Бога—и роптать на Него, если Онъ не посылаетъ намъ просимаго,—чтобы насъ полюбили тѣ люди, сочувствія которыхъ мы жаждемъ, когда, быть можетъ, для души нашей полезнѣе, чтобы насъ томила эта тоска нераздѣленной привязанности?.. Можно ли просить Бога—не робко и смиренно высказывая Ему желанія, какъ довѣрчивый ребенокъ разсказываетъ свои мечты матери,—а настойчиво, безусловно этого отъ Него требуя: можно ли просить устройства тѣхъ или другихъ обстоятельствъ жизни къ нашему удобству и удовольствію, когда, быть можетъ, эти удобства и эти удовольствія только погубятъ насъ въ духовномъ смыслѣ?

А у большинства изъ насъ, въ сущности, такой именно и взглядъ на молитву: не какъ на счастье бесѣды съ Богомъ, счастье, проистекающее отъ высоты Того, съ Кѣмъ бесѣдуешь, отъ лучезарной Его святыни, отъ Божественныхъ Его свойствъ. Взглядъ на молитву у насъ въ большинствѣ случаевъ такой, что это средство заставить Бога поступить по нашему желанію, такъ что мы какъ будто становимся распорядителями своей судьбы, а Богъ работникомъ для насъ, и молитва въ такомъ случаѣ является какимъ-то приказаніемъ въ небесной конторѣ по устройству земныхъ дѣлъ.

Не получаемъ, потому что не просимъ, а если просимъ, то худо просимъ.

Конечно, просить у Бога можно всего. И правильнѣе всѣхъ поступаетъ тотъ, кто обращается къ Богу со всѣми рѣшительно своими нуждами—крупными и существенными, мелкими и, можетъ быть, пустыми, разсказываетъ Ему самого себя, такъ какъ мы дѣлаемъ это относительно ближайшихъ своихъ довѣреннѣйшихъ друзей. И люди, дѣлающіе это въ простотѣ сердца, разъ навсегда опредѣлили себѣ, поставили себѣ надежду, что Богъ Самъ разберется въ ихъ прошеніяхъ, а они безъ ропота и съ благодарностью примутъ исполненіе молитвы и терпѣливо понесутъ неисполненіе ея.

И эти люди далеки по настроенію своему отъ тѣхъ, которые вопіютъ къ Богу: «Подай, подай, я требую, я не желаю исполненія воли Твоей, я ищу въ этомъ дѣлѣ воли своей. Подай мнѣ такъ, какъ я прошу».

И Богъ иногда подаетъ людямъ по такимъ ихъ безразсуднымъ прошеніямъ. Но изъ этого вымаливанія, такъ сказать самоуправнаго, безъ этой смягчающей всякую истинно христіанскую молитву мысли: «Да будетъ воля твоя», часто ничего, кромѣ дурного, не выходитъ.

У одной высокопоставленной семьи въ Петербургѣ умиралъ единственный сынъ, мальчикъ четырехъ лѣтъ. Положеніе было таково, что врачи, окружавшіе постель больного, объявили его совершенно безнадежнымъ, опредѣляя заранѣе часъ смерти...

Въ эту ужасную ночь мать ребенка стала молиться одною изъ тѣхъ молитвъ, когда отъ Бога требуютъ чего-нибудь, какъ отъ наемника, когда не только умышленно забываютъ, но намѣренно вычеркиваютъ это чувство смиренія предъ Божіей волей. Молитва была услышана. Мальчикъ остался жить. Но дальнѣйшія обстоятельства показали, что было бы лучше, если бы мать смирилась предъ волей Божіей и отдала Богу своего ребенка добровольно, когда Онъ его къ Себѣ призывалъ.

Болѣзнь отозвалась на его мозгу. Онъ не могъ получить систематическаго образованія сообразно своему положенію, а материнское баловство еще усилило его лѣнь. Изъ него, какъ говорится, ничего не вышло. Чтобы поставить его къ какому-нибудь дѣлу, его поселили въ одномъ изъ родительскихъ имѣній, чтобы тамъ, какъ бы онъ ни путалъ, онъ не могъ натворить много бѣдъ.

Тамъ онъ сошелся съ одной изъ бывшихъ горничныхъ своей матери, безобразной, необъятной толщины, дѣвицей, лѣтъ на пятнадцать старше, съ лицомъ изрытымъ оспой, и на ней женился. Какой ударъ для самолюбія матери, блестѣвшей

въ свѣтѣ и происходившей изъ громкой титулованной фамиліи. Рябая жена пріучила его пить, и немного за тридцать лѣтъ, никому ненужный, онъ скончался отъ болѣзни почекъ, пріобрѣтенной путемъ алкоголизма, быть можетъ, безъ горя для матери, которая тогда его вымаливала.

Можно тутъ лишній разъ вспомнить о матери въ одномъ изъ разсказовъ графа Л. Н. Толстого. Эта мать въ ночь послѣ смерти маленькаго сына, котораго она отбивала отъ болѣзни, ради котораго она потрясала небо своими молитвами, засыпаетъ въ чувствѣ жестокаго ропота на Бога и видитъ сонъ. Она видитъ отдѣльный кабинетъ ресторана, остатки роскошнаго ужина, безстыдно разодѣтыхъ женщинъ и среди нихъ ожирѣвшаго человѣка съ тусклымъ взоромъ, съ еле замѣтными слѣдами человѣческихъ мыслей и чувствъ. И въ этомъ человѣкѣ она съ ужасомъ узнаетъ только что умершаго своего ребенка... Вотъ, отъ какой судьбы избавилъ Богъ этого ребенка.

Существуетъ еще разсказъ о томъ, что нѣкая скорбная мать вымаливала своего отходящаго отъ жизни ребенка, вымаливала тоже безъ подчиненія себя волѣ Божіей. И вдругъ предъ мысленнымъ взоромъ ея мелькнула висѣлица, и голосъ въ сердцѣ ея произнесъ: «будетъ повѣшенъ». Мальчикъ остался живъ, но впослѣдствіи былъ повѣшенъ, какъ государственный преступникъ.

Да, есть молитвы, когда сухіе глаза, въ которыхъ нѣтъ слезъ, впираются въ ликъ иконы съ какою-то жестокостью и почти ненавистью, когда слова молитвы вылетаютъ изъ стѣсненной груди и руки сжимаются въ кулаки, когда человѣкъ дрожитъ всѣмъ тѣломъ, когда вообще настроеніе души таково, какъ у нищаго, назойливо бѣгущаго со своимъ жалобнымъ припѣвомъ за прохожимъ, который не хочетъ или не можетъ ему подать. Такую молитву можно назвать гнѣвной молитвой. Куда выше ея молитва тихая, умиленная, молитва смиренная.

Какъ-то на дняхъ мнѣ пришлось войти подъ вечеръ подъ темные своды Исаакія. Сгущавшійся уже сумракъ короткаго дня оставлялъ всю громаду совершенно темной, такъ что еле можно было различать дорогу. Только свѣчи, горѣвшія предъ Корсунской иконой, помогали найти путь. Предъ этой иконой стояла на колѣняхъ молодая нарядная женщина и плакала. То, отнимая руки отъ глазъ, она подымала ихъ на ликъ, гдѣ юная Дѣва обѣими руками нѣжно держала у ланиты Своей головку Младенца; то опять, прижимая руками платокъ къ глазамъ, беззвучно плакала такъ, что тѣло ея вздрагивало.

Лежалъ ли у нея дома больной ребенокъ, и доктора на во-

просы встревоженной матери давали тѣ уклончивые отвѣты, которые тяжелѣе смертнаго приговора; была ли это дѣвушка, которая любила, не видя себѣ отклика, и только что узнала, что любимый человѣкъ объявленъ чьимъ-нибудь женихомъ; была ли это молодая жена, вся сосредоточившаяся въ цѣломъ и чистомъ чувствѣ къ мужу и только что узнавшая о его измѣнѣ съ какой-нибудь недостойной женщиной — и въ то время, какъ онъ былъ женихомъ, и въ первые мѣсяцы ея молодого счастья?.. Но она пришла сюда для того, чтобы разсказать Богу, какъ ей трудно и невыносимо, и, не упрекая Бога за ниспосланное ей несчастье, просила силъ претерпѣть до конца.

И вотъ, именно въ этой молитвѣ бываетъ великая сила, которая, если и не всегда измѣнитъ обстоятельства, изъ которыхъ сложилось горе, то дастъ душѣ возможность пересилить себя и бодро, не показывая людямъ своего горя, нести ниспосланный крестъ...

Выше говорено было о томъ, что Богу возможно исповѣдывать въ простотѣ сердечной всѣ свои желанія, молиться Ему обо всемъ, чего хочется сердцу, не разбираясь въ томъ, высокъ ли и законенъ ли предметъ нашихъ пожеланій.

Конечно, тутъ возможны разныя ступени искренности и сознательности. Цѣлая пропасть отдѣляетъ молитву шаловливаго мальчугана, который не успѣлъ приготовить свой урокъ и, дрожа отъ страха, молится, чтобъ его учитель не вызвалъ: цѣлая пропасть отдѣляетъ такую, хотя и не имѣющую подъ собою вполнѣ законнаго основанія, но все же безхитростную и искреннюю молитву, съ отдаленнымъ сознаніемъ, что ни кому зла отъ его незнанія не будетъ—отъ молитвы ханжи—ростовщика, который, собираясь опутать кого-нибудь своими сѣтями, какъ паукъ опутываетъ муху паутиной, теперь ставитъ предъ ростовщичьей операціей свѣчи предъ чудотворной иконой, заглушая этимъ религіознымъ актомъ—несомнѣнно бродящее въ его мозгу сознаніе, что онъ пьетъ людскую кровь!

Въ старину итальянскіе бандиты, отправляясь на грабежи, ставили свѣчи предъ статуями Мадонны: тоже пріемъ своеобразный.

Но разберемся въ вопросѣ, лучше ли бы было, если бы эти люди не прибѣгали въ своихъ низкихъ дѣлахъ къ такимъ пріемамъ.

Нѣтъ, едва ли бы это было лучше. И въ такомъ разбой-

никѣ, и въ такомъ ростовщикѣ тлѣетъ извѣстная Божья искра. Эта искра можетъ ярко разгорѣться. Средь апостоловъ были мытари, и нѣкоторые изъ нашихъ святыхъ до обращенія безсовѣстно притѣсняли народъ. А стали они потомъ великими милостивцами.

Одинъ проповѣдникъ высмѣивалъ человѣка, который былъ обвиненъ въ убійствѣ. Представлялось важнымъ выяснить, гдѣ былъ убійца съ утра и чѣмъ онъ закусывалъ, когда, придавая себѣ куражу, онъ выпилъ. Его спросили, чѣмъ онъ закусывалъ не колбасой ли, но этотъ вопросъ его обидѣлъ, и онъ сказалъ:

— Развѣ я басурманинъ, чтобы могъ въ постъ ѣсть колбасу—я рыбкой закусилъ.

— Вотъ, видите, — выводилъ свое заключеніе проповѣдникъ,—до чего дошелъ человѣкъ: посты соблюдаетъ, а души христіанскія губитъ.

Едва ли слѣдовало бы такъ говорить. Надо было сказать: «Посмотрите, вотъ, какъ и въ преступникѣ, въ тѣ даже минуты, когда онъ идетъ на преступленіе, тлѣютъ Божьи искры. Въ этомъ человѣкѣ покорность обычаямъ Церкви была такъ велика, что онъ не посмѣлъ нарушить и въ эту минуту, когда шелъ на преступленіе, поста.

Старецъ Серафимъ Саровскій всегда носилъ на плечахъ своихъ Евангеліе, кладя его въ свою суму, поверхъ песку и каменьевъ, какими эта сума была набита.

Конечно, помимо напоминанія себѣ о благомъ игѣ Христовомъ, словахъ Евангельскихъ, которое онъ несъ на себѣ всю свою жизнь, старецъ зналъ, что слова Евангелія сами по себѣ имѣютъ охраняющую силу. Одинъ капитанъ признавался въ томъ, какъ былъ исцѣленъ отъ пьянства чтеніемъ Евангелія.

«Я съ молодыхъ лѣтъ служилъ въ арміи, а не въ гарнизонѣ: зналъ службу и любимъ былъ начальствомъ, какъ исправный прапорщикъ. Но лѣта были молодыя, пріятели тоже; я по несчастію и пріучился пить: да подъ конецъ такъ, что открылась и запойная болѣзнь; когда не пью, то исправный офицеръ, а какъ закурю, то недѣль шесть въ лежку. Долго терпѣли меня, наконецъ, за грубости шефу, сдѣланныя въ пьяномъ видѣ, разжаловали меня въ солдаты на три года, съ перемѣщеніемъ въ гарнизонъ; а если не исправлюсь, и не брошу пить, то угрожали строжайшимъ наказаніемъ. Въ семъ несчастномъ состояніи я сколько ни старался воздержать себя и сколько отъ сего ни лѣчился, никакъ не могъ покинуть моей страсти; а потому

и хотѣли перемѣстить меня въ арестантскія уже роты. Услышавъ сіе, не зналъ я, что съ собою дѣлать».

«Въ одно время я съ раздумьемъ сидѣлъ въ казармахъ. Вдругъ вошелъ къ намъ какой-то монахъ, съ книжкой для сбора на церковь. Кто что могъ,—подали. Онъ, подошедши ко мнѣ, спросилъ: «что ты такой печальный»? Я, разговорившись съ нимъ, пересказалъ мое горе; монахъ, сочувствуя моему положенію началъ: «точно тоже было съ моимъ роднымъ братомъ, и вотъ, что ему помогло: его духовный отецъ далъ ему Евангеліе, да и накрѣпко приказалъ, чтобъ онъ, когда захочетъ вина, то ни мало не медля прочелъ бы главу изъ Евангелія; если и опять захочетъ, то и опять читалъ бы слѣдующую главу. Братъ мой сталъ такъ поступать, и въ непродолжительномъ времени страсть къ питью въ немъ исчезла, и теперь вотъ уже пятнадцать лѣтъ капли хмѣльного не беретъ въ ротъ. Поступай-ка и ты такъ, увидишь пользу. У меня есть Евангеліе, пожалуй, я принесу тебѣ».

«Выслушавъ это, я сказалъ ему: гдѣ же помочь твоему Евангелію, когда никакія старанія мои, ни лѣкарственныя пособія не могли удержать меня? Я сказалъ сіе такъ, потому что никогда не читывалъ Евангелія. Не говори этого, возразилъ монахъ; увѣряю тебя, что будетъ польза. На другой день, дѣйствительно, монахъ принесъ мнѣ вотъ это Евангеліе. Я раскрылъ его, посмотрѣлъ, почиталъ, да и говорю: не возьму я его; тутъ ничего не поймешь; да и печать церковную читать я не привыкъ. Монахъ продолжалъ убѣждать меня, что въ самыхъ словахъ Евангелія есть благодатная сила; ибо писано въ немъ то, что самъ Богъ говорилъ. Нужды нѣтъ, что не понимаешь, токмо читай прилежно. Одинъ святой сказалъ: если ты Слова Божія не понимаешь, такъ бѣсы понимаютъ, что ты читаешь и трепещутъ; а вѣдь страсть пьянственная непремѣнно по возбужденію бѣсовъ. Да вотъ, тебѣ еще скажу: «Іоаннъ Златоустый пишетъ, что даже та самая храмина, въ которой хранится Евангеліе, устрашаетъ духовъ тьмы, и бываетъ неудобь приступна для ихъ козней».

«Я не помню,—что-то далъ монаху, взявъ у него сіе Евангеліе, да и положилъ его въ сундучекъ съ прочими моими вещами; и забылъ про него. Спустя нѣсколько времени пришло время мнѣ запить; смерть захотѣлось вина, и я поскорѣе отперъ сундучекъ, чтобы достать деньги и бѣжать въ корчму. Первое попалось мнѣ въ глаза Евангеліе, и я вспомнилъ живо все то, что говорилъ мнѣ монахъ, развернулъ и началъ читать сначала первую главу Матѳея. Прочитавши ее до конца, именно

ничего не понялъ; да и вспомнилъ, что монахъ говоритъ: нужды нѣтъ, что не понимаешь, только читай прилежно. Дай, думаю, прочту другую главу; прочелъ, и стало понятно. Дай же и третью; какъ только ее началъ, вдругъ звонокъ въ казармѣ: къ мѣстамъ на койки. Слѣдовательно, уже идти за ворота было нельзя; такъ я и остался».

«Вставши по утру, и, расположившись идти за виномъ, подумалъ: прочту главу изъ Евангелія,—что будетъ? Прочелъ и не пошелъ. Опять захотѣлось вина; я еще сталъ читать, и сдѣлалось легче. Это меня ободрило; и при каждомъ побужденіи къ вину я сталъ читать по главѣ изъ Евангелія. Что дальше, то все было легче, наконецъ, какъ только окончилъ всѣхъ четырехъ Евангелистовъ, то и страсть къ питью совершенно прошла, и сдѣлалось къ ней омерзеніе. И вотъ, ровно двадцать лѣтъ я совершенно не употребляю никакого хмѣльного напитка».

«Всѣ удивлялись такой во мнѣ перемѣнѣ: по прошествіи трехъ лѣтъ опять возвели меня въ офицерскій чинъ, а потомъ въ слѣдующіе чины и, наконецъ, сдѣлали командиромъ. Я женился, жена попалась добрая, нажили состояніе, и теперь, слава Богу, живемъ, да по силѣ мочи бѣднымъ помогаемъ, странныхъ принимаемъ. Вотъ, уже и сынъ у меня офицеромъ и хорошій парень».

«Слушай же, съ тѣхъ поръ, какъ я исцѣлился отъ запоя, далъ себѣ клятву, каждый день, во всю мою жизнь читать Евангеліе, по цѣлому Евангелисту въ сутки, не взирая ни на какія препятствія. Такъ теперь и поступаю. Если очень много бываетъ дѣла по должности, и утомляюсь очень сильно, то вечеромъ легши, заставляю прочесть надо мною цѣлаго Евангелиста жену мою или сына моего, и такъ неопустительно выполняю сіе мое правило. Въ благодарность, и во славу Божію я это Евангеліе оправилъ въ чистое серебро, и ношу всегда на груди моей».

Бывшій тутъ слушатель добавилъ: «въ нашемъ селѣ на фабрикѣ одинъ мастеровой былъ, очень искусный въ своемъ дѣлѣ, добрый и дорогой мастеръ; но по несчастію тоже запивалъ, да и часто. Одинъ богобоязненный человѣкъ посовѣтовалъ ему, чтобы онъ, когда захочется ему вина, проговаривалъ по 33 Іисусовыхъ молитвъ, въ честь Пресвятой Троицы, и по числу тридцатитрехлѣтней земной жизни Іисуса Христа. Мастеровой послушался, сталъ это исполнять, и вскорѣ совершенно кинулъ пить. Да еще что? чрезъ три года ушелъ въ монастырь».

Замѣчательный разсказъ этотъ о чудесной силѣ надъ ду-

шой человѣческою святого Евангелія подводитъ насъ къ тому несомнѣнному явленію, что извѣстныя молитвы имѣютъ особую, таинственную силу. Во всякой молитвѣ, произносимой съ вѣрой, заключается спасающая сила, заключается благодать, приближающая насъ къ Богу:

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

Есть, однако, молитва, которая имѣетъ особую сверхъестественную охраняющую силу.

Во многихъ русскихъ семьяхъ, особенно среди военныхъ, распространенъ обычай носить на шеѣ съ образами ладонку, въ которой зашита бумажка съ написаннымъ на ней псалмомъ: «Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится».

По многократному опыту многихъ людей, этотъ псаломъ имѣетъ какъ разъ спасающую мистическую силу. Я зналъ старика-отца, который и самъ носилъ на себѣ такую ладонку, и надѣлъ ее на своего мальчика-сына. Этотъ сынъ подвергался великимъ опасностямъ: когда онъ служилъ гвардейскимъ офицеромъ и однажды спалъ на землѣ во время маневровъ, ногу ему переѣхала повозка. Онъ былъ посыланъ во время голода въ тифозную мѣстность, а во время японской войны былъ уполномоченнымъ отъ одного изъ отрядовъ Краснаго Креста и вынесъ сильнѣйшій тифъ, и всюду уцѣлѣлъ.

Самыми великими обѣтованіями спасенія и охраны звучитъ этотъ псаломъ: «Падетъ отъ страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, къ тебѣ же не приближится... Не пріидетъ къ тебѣ зло, и рана не приближится тѣлеси твоему. Яко ангеломъ Своимъ заповѣсть о тебѣ, сохранити тя во всѣхъ путехъ твоихъ. На рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень

*

ногу твою... Яко на Мя упова, и избавлю и, покрыю и, яко позна имя Мое. Воззоветъ ко мнѣ, и услышу его: съ нимъ есмь въ скорби, изму его, и прославлю его. Долготою дней исполню его, и явлю ему спасеніе Мое».

Вотъ, какими обѣтованіями ободряетъ духъ Божій человѣка, живущаго «въ помощи Вышняго». Духъ Божій обѣщаетъ этому человѣку благоденствіе земное, избавленіе отъ всѣхъ бѣдъ тайныхъ и явныхъ, уцѣленіе на войнѣ, спасеніе отъ всѣхъ тѣхъ неисчислимыхъ опасностей, которыя повсюду грозятъ человѣку. Духъ Божій обѣщаетъ, что такой человѣкъ въ минуту опасности будетъ взятъ на руки ангелами: «да никогда преткнетъ о камень ногу свою».

Въ Петербургѣ, въ женскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, есть такъ называемая Карамзинская церковь, которая воздвигнута надъ молодымъ полковникомъ Андреемъ Николаевичемъ Карамзинымъ его богатой вдовой Авророй Карловной, по первому мужу Демидовой княгиней Санъ-Донато.

Карамзинъ былъ сынъ знаменитаго россійскаго исторіографа. Когда онъ отправился въ Севастопольскій походъ, сестры его зашили ему въ мундиръ псаломъ: «Живый въ помощи Вышняго», и во всѣхъ сраженіяхъ онъ оставался невредимымъ. Но предъ однимъ изъ сраженій онъ полѣнился переодѣть мундиръ, въ которомъ былъ зашитъ псаломъ, и отправился въ томъ мундирѣ, въ какомъ былъ. И въ началѣ боя былъ убитъ наповалъ.

Есть другой разсказъ о таинственной охраняющей силѣ этого псалма. Молодой офицеръ Дегай, умершій въ преклонныхъ лѣтахъ въ большихъ чинахъ и въ должности почетнаго опекуна, занималъ молодымъ человѣкомъ должность полкового казначея. Въ лагерь онъ привезъ изъ города жалованье, которое долженъ былъ на другой день, двадцатаго числа, раздать по полку.

Въ ночь на двадцатое число онъ, проснувшись среди ночи, увидалъ стоящаго надъ собою съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ деньщика, у постели валялся топоръ. Схваченный деньщикъ разсказалъ, что онъ хотѣлъ изрубить барина, похитить его деньги и бѣжать. Три раза замахивался онъ на него топоромъ, но всякій разъ ему представлялось, что офицеръ лежитъ на постели, разрубленный пополамъ.

Жизнь Дегая была, такимъ образомъ, спасена. Онъ всякій вечеръ, ложась спать, имѣлъ добрый обычай читать псаломъ «Живый въ помощи Вышняго». Въ тотъ же вечеръ, будучи

сильно утомленнымъ, онъ прочелъ псаломъ до половины и уснулъ.

Великую охраняющую силу имѣетъ также крестное знаменіе и имя Господа нашего Іисуса Христа.

Въ искушеніяхъ, которыя наводитъ врагъ на человѣка, въ видѣніяхъ, которыя постоянно искушаютъ великихъ подвижниковъ, врагъ не можетъ представить одного: бывали случаи, что «врагъ» принимаетъ на себя образъ Самого Господа нашего Іисуса Христа, но онъ не можетъ изобразить ни креста Христова, ни пречистаго лика Богоматери.

«Непрестанно молитеся, о всемъ благодарите»—вотъ, завѣтъ апостола, который мы должны проводить въ своей жизни.

Есть такіе люди, довольно низкаго нравственнаго разбора, которые ухаживаютъ за людьми, когда эти люди имъ нужны, и совершенно забываютъ ихъ, какъ говорится, «манкируютъ ими», когда не имѣютъ въ нихъ нужды: подлыя черты подлыхъ душъ, душъ, кромѣ того, житейски глупыхъ, потому что недаромъ говоритъ пословица: «не плюй въ колодецъ, пригодится напиться».

Неужели же и намъ докучать Богу своими молитвами, когда мы надѣемся отъ Него что-нибудь себѣ выпросить, и забывать о Богѣ тогда, когда намъ ничего не нужно! Славословіе Бога, возношеніе къ Нему нашихъ чувствъ вѣры, благодарности, умиленія являются обязанностью всякаго вѣрующаго.

Мы утромъ здороваемся со своими близкими и вечеромъ прощаемся съ ними. Какъ же намъ поутру и вечеромъ не воздать хвалы нашему небесному Отцу! Послѣднія времена, даже среди вѣрующихъ людей, отмѣчены исканіемъ «пути пространнаго», которымъ хотятъ достичь Царствія небеснаго. Такъ и о молитвѣ говорятъ: «Помолюсь, когда найдетъ молитвенное настроеніе; пойду въ церковь, когда захочется идти».

Нѣтъ, молитву надо нудить изъ себя, надо воспитывать въ себѣ молитву, пріучаться къ ней, обучаться ей, какъ обучаютъ дѣтей грамотѣ. Родители должны слѣдить, чтобы дѣти ежедневно читали утреннія и вечернія молитвы, молились предъ обѣдомъ и послѣ обѣда вслухъ.

Мы считаемъ себя народомъ по преимуществу христіанскимъ. А, между тѣмъ, на Западѣ среди образованныхъ семей гораздо больше, чѣмъ у насъ, укоренился обычай общихъ мо-

литвъ. Тамъ, во многихъ домахъ,—напримѣръ, въ Англіи, «весь домъ» всѣ члены семьи и многочисленная прислуга собираются по утрамъ на молитву, которую читаетъ глава семьи. Точно также во многихъ семьяхъ никогда не сядутъ за столъ, не произнеся Богу благодарственную молитву, а у насъ часто вѣрующіе, садясь за столъ, и крестятся какъ-то украдкой, точно стыдясь своей открытой молитвою назвать Бога своимъ Питателемъ и Благодѣтелемъ.

Лучше всего, когда родители присутствуютъ при молитвѣ дѣтей и когда дѣти читаютъ ежедневно молитвы по очереди: сегодня одинъ братъ, завтра сестра, послѣ завтра третій, и такъ далѣе. Такъ проникновенно разсказано объ этихъ молитвахъ въ дѣтскихъ на прекрасныхъ страницахъ «Дѣтство и Отрочество» графа Л. Н. Толстого:

«Какъ, бывало, придешь наверхъ и станешь предъ иконами, въ своемъ ваточномъ халатикѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.

«...Еще помолишься о томъ, чтобъ далъ Богъ счастья всѣмъ, чтобъ всѣ были довольны и чтобъ завтра была хорошая погода для гулянья.

«Гдѣ тѣ горячія молитвы? Гдѣ лучшій даръ—тѣ чистыя слезы умиленія? Прилеталъ ангелъ-утѣшитель, съ улыбкой утиралъ слезы эти и навѣвалъ сладкія грезы неиспорченному дѣтскому воображенію».

Точно также въ дѣтяхъ должна быть воспитываема привычка бывать у всенощной подъ праздникъ и у обѣдни въ воскресные и праздничные дни.

Другой бы и полѣнился, подольше поспалъ бы, вмѣсто обѣдни пошелъ бы въ ясный день на крышу гонять голубей, кататься на лодкѣ, зимой на конькахъ, но родительская власть должна слѣдить, чтобы дѣти шли въ церковь.

Разсужденія о томъ, что нельзя молиться по принужденію, не выдерживаютъ критики—это есть разсужденіе, общее всѣмъ лѣнтямъ. Люди, одаренные талантомъ къ живописи или къ литературѣ и не желающіе работать, въ большинствѣ случаевъ тоже говорятъ, что они ждутъ вдохновенія. Тогда какъ настоящій работникъ кисти и пера съ бодростью садится за свою работу, и вдохновеніе приходитъ къ человѣку во время работы.

Точно также станетъ человѣкъ на молитву, не имѣя въ данную минуту влеченія къ молитвѣ, станетъ сперва холодно

читать слова молитвы, и во время такой вынужденной молитвы въ немъ разовьется истинный молитвенный жаръ.

Одинъ отставной морякъ жилъ въ Крыму на хуторѣ своей жены. Жена его, не любившая уединенія, уѣхала къ своей дочери въ Казань, и старикъ остался одинъ съ восьмилѣтнимъ дворовымъ мальчишкой, своимъ крестникомъ.

Мальчикъ этотъ имѣлъ быстрыя способности, справлялъ хорошо всѣ домашнія дѣла: убиралъ комнаты, топилъ печи, варилъ кашицу и грѣлъ самоваръ. При этомъ онъ былъ чрезвычайно рѣзовъ и шаловливъ, безпрестанно бѣгалъ, стучалъ, кричалъ, игралъ и рѣзвился,—и капитана это особенно безпокоило, потому что онъ любилъ духовное чтеніе.

Чтобы воздерживать шалуна, капитанъ придумалъ такое средство: сталъ сажать его у себя въ комнатѣ на скамеечку, приказывая ему безпрестанно говорить Іисусову молитву, то есть слова: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго». Сперва это мальчику очень не понравилось. Онъ всячески уклонялся отъ этой молитвы и часто умолкалъ.

Капитанъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы мальчикъ неумолкаемо твердилъ молитву. Чѣмъ дальше, тѣмъ охотнѣе и усерднѣе мальчикъ исполнялъ приказаніе, и постепенно характеръ его измѣнился. Онъ сталъ тихъ и молчаливъ и домашнія работы справлялъ успѣшнѣе. Наконецъ, онъ такъ привыкъ къ молитвѣ, что почти всегда и при всякомъ дѣлѣ творилъ ее безъ всякаго принужденія. Когда капитанъ спрашивалъ его объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что неодолимо ему хочется всегда творить молитву.

— Что ты при этомъ чувствуешь?

— Ничего, только я чувствую, что мнѣ бываетъ хорошо, когда я говорю молитву.

— Да какъ хорошо?

— Не знаю, какъ сказать.

— Весело, что ли?

— Да, весело.

Когда при начатіи Севастопольской войны капитанъ переселился къ дочери въ Казань, и мальчикъ сталъ жить въ кухнѣ съ прочими людьми, то онъ жаловался, что люди играютъ и шалятъ между собою, смѣются надъ нимъ и мѣшаютъ заниматься ему молитвой. Наконецъ, онъ объявилъ хозяину, что онъ уйдетъ домой одинъ, такъ какъ ему здѣсь нестерпимо скучно. Ему было въ это время всего двѣнадцать лѣтъ.

На второй день Пасхи мальчикъ былъ найденъ въ Крыму, въ пустомъ домѣ капитана, лежащимъ на полу въ комнатѣ

благообразно, со сложенными руками на груди, съ картузомъ подъ головой и въ томъ самомъ холодномъ сюртучкѣ, въ которомъ онъ ходилъ у капитана и ушелъ отъ него.

Ушелъ онъ двадцать шестого февраля, а былъ найденъ четвертаго апрѣля, совершивъ въ это время въ холодной одеждѣ безъ паспорта и безъ копѣйки денегъ переходъ въ три тысячи верстъ.

Такъ этотъ ребенокъ, который угрозами былъ вынужденъ къ молитвѣ, вкусилъ ея плоды.

Какими словами молиться? Какъ быть тому, у кого или памяти нѣтъ, или кто по безграмотности не изучилъ многихъ молитвъ, кому, наконецъ,—а бываетъ такая жизненная обстановка,—прямо нѣтъ времени стать предъ образами и прочесть подрядъ утреннія или вечернія молитвы? Этотъ вопросъ разрѣшенъ указаніями великаго старца Серафима Саровскаго.

Многіе изъ посѣтителей старца винились въ томъ, что мало молятся, не вычитывая даже положенныя утреннія и вечернія молитвы. Дѣлали они это и по недосугу, и по безграмотности. О. Серафимъ установилъ для такихъ людей такое легко исполнимое правило.

«Поднявшись отъ сна, всякій христіанинъ, ставъ предъ святыми иконами, пусть прочитаетъ молитву Господню «Отче нашъ» трижды, въ честь Пресвятой Троицы. Потомъ пѣснь Богородицѣ «Богородице Дѣво, радуйся» также трижды. Въ завершеніе же символъ Вѣры «Вѣрую во единаго Бога»—разъ. Совершивъ это правило, всякій православный пусть занимается своимъ дѣломъ, на какое поставленъ или призванъ. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть тихо читаетъ «Господи Іисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго (или грѣшную)»; а, если окружаютъ его другіе, то, занимаясь дѣломъ, пусть говоритъ умомъ только «Господи помилуй»—и такъ до обѣда. Предъ самымъ же обѣдомъ пусть опять совершаетъ утреннее правило. Послѣ обѣда, исполняя свое дѣло, всякій христіанинъ пусть читаетъ такъ же тихо: «Пресвятая Богородица, спаси мя грѣшнаго», и это пусть продолжаетъ до самаго сна. Когда случится ему проводить время въ уединеніи, то пусть читаетъ онъ: «Господи Іисусе Христе, Богородицею помилуй мя грѣшнаго или грѣшную». Отходя же ко сну, всякій христіанинъ пусть опять прочитаетъ утреннее правило, то есть

трижды «Отче нашъ», трижды «Богородице» и одинъ разъ «Символъ вѣры».

О. Серафимъ объяснялъ, что, держась этого малаго «правила», можно достигнуть мѣры христіанскаго совершенства, ибо эти три молитвы—основаніе христіанства. Первая, какъ молитва, данная Самимъ Господомъ, есть образецъ всѣхъ молитвъ. Вторая принесена съ неба архангеломъ въ привѣтствіе Богоматери, Символъ же содержитъ въ себѣ вкратцѣ всѣ спасительные догматы христіанской вѣры.

Кому невозможно выполнять и этого малаго правила, старецъ совѣтовалъ читать его во время занятій, на ходьбѣ, даже въ постели, и при этомъ приводилъ слова изъ посланія къ Римлянамъ: «всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется». Кому же есть время, старецъ совѣтовалъ читать изъ евангелія, каноны, акаѳисты, псалмы.

Есть молитвы, чуднымъ образомъ снесенныя съ неба на землю. Кромѣ молитвы «Богородице Дѣво, радуйся», составленной изъ словъ, которыя принесъ на землю въ день Благовѣщенія Дѣвѣ Маріи архангелъ Гавріилъ, къ такимъ молитвамъ принадлежитъ: «Святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безсмертный, помилуй насъ», слова, слышанныя во время великаго землетрясенія въ Царьградѣ отрокомъ, восхищеннымъ въ небо, и начало молитвы Богородичной «Достойно есть, яко воистину».

Одинъ инокъ, послушникъ въ Карей, пѣлъ въ келіи своей всенощную. Предъ ночью послышался въ келіи стукъ, и вошелъ благолѣпный инокъ. Пришедшій вмѣстѣ съ послушникомъ сталъ совершать пѣснопѣніе.

Послушникъ пѣлъ по обычаю древнее величаніе Богоматери, сложенное св. Косьмой Маюмскимъ: «Честнѣйшую херувимъ», а гость его подпѣвалъ иное начало, а именно: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего», и уже къ этимъ, неизвѣстнымъ дотолѣ, словамъ припѣвалъ: «Честнѣйшую херувимъ». Умиленный и словами, и звуками чистоангельскаго голоса, послушникъ сталъ просить незнакомаго ему инока, чтобы онъ написалъ ему начало завѣтной пѣсни. Тотъ согласился, но пергамента и чернилъ не оказалось. Пришелецъ просилъ принести, по крайней мѣрѣ, каменную плиту. Плита была принесена. Онъ четко и ясно написалъ на плитѣ пропѣтыя имъ слова. Подавая плиту иноку, онъ сказалъ: «Отнынѣ всегда такъ пойте и вы, и всѣ православные христіане». Затѣмъ онъ тотчасъ сталъ невидимъ. Объ этомъ было передано монастыр-

скимъ старцамъ, и съ тѣхъ поръ ангельская пѣснь: «Достойно есть, яко воистину» вошла въ церковный обиходъ и ежедневно возсылается въ даръ Пречистой Матери Божіей въ то небо, откуда была на землю принесена.

Высшая молитва есть то чувство къ Богу и та молитва, когда у Бога уже ничего не просятъ, а только Ему удивляются, преклоняются и благоговѣютъ предъ Его святыней. Душа можетъ достичь той остроты ощущенія Божіей мудрости и благости, что изъ глазъ отъ простого взгляда на окружающую человѣка природу, на звѣздное небо и на тихую струю рѣки, на распускающуюся зелень деревьевъ будутъ литься благодатныя слезы.

Если изъ меня не выходятъ молитвенныя слова, но, пораженный видомъ безбрежнаго моря или подымающейся къ небу непорочной горной вершины, я живо почувствую Того, Кто измыслилъ и воплотилъ эту красоту—я уже тогда молюсь. Если слухъ мой наслаждается гармоніей звуковъ, и въ томъ высокомъ состояніи, въ которое музыка повергаетъ человѣка, любящаго музыку, я вспоминаю о Богѣ и, потрясенная слушаніемъ этой красоты, душа моя преклонится предъ Нимъ—я уже тогда молюсь. Если я услышу радостную для себя нежданную вѣсть и, не крестясь и не произнося еще имени Божія, я ощущаю всею моею душою, что совершившееся есть Его благодѣяніе—я уже тогда молюсь.

Но высшая изъ молитвъ будетъ та, чтобы слиться съ Богомъ, исчезнуть въ Немъ, какъ бы прекратить свое личное существованіе, стать въ такое положеніе, чтобы Онъ былъ единою цѣлью жизни, воздухомъ, которымъ дышишь, небомъ, на которое смотришь.

Велики молитвы молящихся, смиренно и сыновне испрашивающихъ у Бога того, что даетъ Богъ людямъ. Но что можетъ быть выше, чище молитвы Златоустовой, молитвы Сергіевой, молитвы Серафимовой?

О, дай намъ, хотя временами любить Тебя такъ, какъ любили Тебя эти люди, все Тебѣ отдавшіе, и ничего на землѣ отъ Тебя не ждавшіе, искавшіе только одной чести пронести на себѣ по землѣ тотъ крестъ, подъ которымъ сгибался когда-то Ты, нести безропотно Твою муку, искавшіе Тебя прославить на землѣ и обрѣсти Тебя въ небѣ!

Высшій родъ молитвы, молитвы таинственной, не всѣмъ доступной, открывающей новые міры, есть молитва Іисусова.

Одного подвижника въ предсмертномъ состояніи, когда онъ съ трудомъ еле могъ выговаривать слова, спросили, дѣйствуетъ ли въ немъ молитва. Онъ сдѣлалъ тогда движеніе отъ головы къ сердцу и тихо произнесъ: «течетъ»...

Іисусова молитва есть такое таинство высшей молитвы, по которому молитва, вселяясь въ сердце человѣка, какъ бы воспринимаетъ въ немъ собственную жизнь и дѣйствуетъ даже внѣ сознанія человѣка, въ бодрственномъ и сонномъ состояніи, исторгая и во время сна изъ груди глубокіе молитвенные вздохи. Іисусова молитва является тѣмъ благодатнымъ состояніемъ, на которомъ исполнились въ полномъ смыслѣ слова столь, казалось бы, трудно исполнимой заповѣди апостола: «Непрестанно молитеся».

Начало дѣланія Іисусовой молитвы можно видѣть въ исполненіи хотя бы совѣта старца Серафима Саровскаго, во всякую свободную минуту произносить слова Іисусовой молитвы: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго».

Но можно годами и десятилѣтіями со вниманіемъ совершать эту молитву, но не достигнуть вовсе ея даровъ. Прохожденіе молитвы Іисусовой требуетъ особыхъ пріемовъ.

Требуется полное спокойствіе духа, тишина вокругъ, извѣстное спокойное положеніе тѣла, дающее возможность всецѣло погрузиться въ молитву.

Одинъ изъ замѣчательныхъ монастырскихъ старцевъ послѣдняго времени, отецъ Іона, основатель Кіевскаго Троицкаго монастыря, раздавалъ старшимъ инокамъ, которымъ совѣтовалъ заниматься Іисусовой молитвой, табуретки извѣстной высоты, сидя на которыхъ имъ удобно было сосредоточиться.

Симеонъ Новый Богословъ пишетъ:

«Сядь безмолвно и уединенно, преклони главу, закрой глаза; потише дыши, воображеніемъ смотри внутрь сердца, своди умъ, то есть мысль изъ головы въ сердце. При дышаніи говори: «Господи Іисусе Христе, помилуй мя», тихо устами, или однимъ умомъ. Старайся отогнать помыслы, имѣй спокойное терпѣніе и чаще повторяй сіе занятіе».

Уединенная жизнь или, по крайней мѣрѣ, возможность проводить въ безусловномъ, ничѣмъ не нарушаемомъ, уединеніи время, нужное для прохожденія Іисусовой молитвы—составляетъ необходимое для нея условіе.

Вначалѣ дѣло обыкновенно идетъ какъ будто успѣшно. Потомъ часто чувствуютъ большую тягость, лѣнь, скуку, одо-

лѣвающій сонъ; и разные помыслы надвигаются тучею. Это война противъ дѣлателя «умной» молитвы—темнаго міра, которому ничто въ человѣкѣ такъ нестрашно, какъ сердечная молитва; и потому онъ всячески старается помѣшать молитвеннику и отвратить его отъ изученія молитвы.

По совѣту опытныхъ людей, въ первое время надо положить себѣ совершать сначала по три тысячи молитвъ: стоя ли, сидя ли, ходя ли или лежа—безпрестанно говорить: «Господи Іисусе Христе, помилуй мя»—негромко и неспѣшно.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней это бываетъ трудновато; а потомъ сдѣлается столь легкимъ и желательнымъ, что, когда не произносишь молитвы, является какое-то внутреннее желаніе, чтобъ опять творить Іисусову молитву.

Тогда хорошо перейти къ совершенію ежедневно шести тысячъ молитвъ... И тутъ человѣкъ настолько втягивается въ эти молитвы, что, если и на краткое время перестаетъ ее творить, то чувствуетъ, какъ бы чего-то ему не достаетъ; начнетъ молитву, и опять въ ту же минуту сдѣлается легко и отрадно. Когда встрѣтится съ кѣмъ-нибудь, то и говорить ему неохота, и все хочется быть въ уединеніи, да творить молитву; такъ онъ привыкъ къ ней въ недѣлю.

Дальше съ помощью Божіей можно рѣшиться на произнесеніе ежедневно двѣнадцати тысячъ молитвъ, для чего надобно особенно строго держаться уединенія, вставать пораньше и ложиться попозднѣе. По признанію дѣлателей «умной молитвы» на первый день едва успѣешь окончить это двѣнадцатитысячное «правило». Сперва чувствуется при безпрестанномъ выговариваніи молитвы усталость или какъ бы одеревенѣніе языка и какая-то связанность въ челюстяхъ, пріятная, впрочемъ, потомъ легкая и тонкая боль въ небѣ, далѣе ощущается иногда небольшая боль въ большомъ пальцѣ лѣвой руки отъ долгаго перебиранія четками и воспламененіе всей кисти, простирающееся по локоть и производящее пріятнѣйшее ощущеніе. И все это вмѣстѣ какъ бы возбуждаетъ и понуждаетъ къ большему творенію молитвы.

И вотъ, начинаются первыя благодатныя ощущенія. Утромъ сама молитва какъ бы будитъ человѣка. Онъ начинаетъ читать утреннія молитвы, но языку трудно ихъ выговаривать, есть великое стремленіе творить Іисусову молитву. И, когда она начнется, какъ становится легко, отрадно, и языкъ, и уста сами собой безъ побужденія человѣка выговариваютъ святыя слова. Весь день проходитъ въ радости...

И въ такомъ уже состояніи можно творить Іисусову молитву безъ счисленія.

А тамъ счастье, которое даетъ душѣ состояніе Іисусовой молитвы. Признается такъ одинъ благочестивый странникъ, научившійся отъ одного пустынника Іисусовой молитвѣ:

«Я все лѣто провождалъ въ безпрестанной устной Іисусовой молитвѣ, и былъ очень покоенъ. Во снѣ почасту грезилось, что творю молитву. А въ день, если случалось съ кѣмъ встрѣтиться, то всѣ безъ изъятія представлялись мнѣ такъ любезны, какъ бы родные, хотя и не говорилъ съ ними. Помыслы сами собою совсѣмъ стихли, и ни о чемъ я не думалъ, кромѣ молитвы, къ слушанію которой началъ склоняться умъ, а сердце само собою по временамъ начало ощущать теплоту и какую-то пріятность. Когда случилось приходить въ церковь, то длинная пустынная служба казалась краткою и уже не была утомительна для силъ, какъ прежде. Уединенный шалашъ мой представлялся мнѣ великолѣпнымъ чертогомъ, и я не зналъ, какъ благодарить Бога.

«Вотъ теперь такъ и хожу, да безпрестанно творю Іисусову молитву, которая мнѣ драгоцѣннѣе и слаще всего въ свѣтѣ. Иду иногда верстъ по семидесяти и болѣе въ день и не чувствую, что иду; а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холодъ прохватитъ меня, я начну напряженнѣе говорить молитву, и скоро весь согрѣюсь. Если голодъ меня начнетъ одолѣвать, я стану чаще призывать имя Іисуса Христа и забуду, что хотѣлось ѣсть. Когда сдѣлаюсь боленъ, начнетъ ломать въ спинѣ и ногахъ, стану внимать молитвѣ, и боли не слышу. Кто когда оскорбитъ меня, я только вспомню, какъ насладительна Іисусова молитва; тутъ же оскорбленіе и сердитость пройдутъ, и все забуду. Сдѣлался я какой-то полоумный, нѣтъ у меня ни о чемъ заботы, ничто меня не занимаетъ, ни на что бы суетливое не глядѣлъ, и былъ бы все одинъ въ уединеніи; только по привычкѣ одного и хочется, чтобы безпрестанно творить молитву и, когда ею занимаюсь, то мнѣ бываетъ очень весело. Богъ знаетъ, что такое со мною дѣлается. Долго я странствовалъ по разнымъ мѣстамъ съ сопутствовавшею мнѣ Іисусовою молитвою, которая ободряла и утѣшала меня во всѣхъ путяхъ, при всѣхъ встрѣчахъ и случаяхъ. Наконецъ, сталъ я чувствовать, что мнѣ надо искать удобнѣйшаго уединенія. Я пошелъ въ сибирскія страны, къ святителю Иннокентію иркутскому, съ тѣмъ намѣреніемъ, что по лѣсамъ и степямъ сибирскимъ мнѣ идти будетъ безмолвнѣе, слѣдственно, и заниматься молитвою и чтеніемъ удобнѣе. Такъ я и шелъ, да безпрестанно творилъ устную молитву. Наконецъ, чрезъ непродолжительное время почувство-

валъ, что молитва сама собою начала какъ-то переходить въ сердце, то есть сердце, при обыкновенномъ своемъ біеніи, начало какъ бы заговаривать внутри себя молитвенныя слова за каждымъ своимъ ударомъ: 1) Господи, 2) Іисусе, 3) Христе, и прочее. Я пересталъ устами говорить молитву и началъ съ прилежаніемъ слушать, какъ говоритъ сердце; а притомъ какъ бы и глазами началъ внутрь его смотрѣть, помня, какъ толковалъ мнѣ покойный старецъ, какъ это было пріятно. Потомъ началъ ощущать тонкую боль въ сердцѣ, а въ мысляхъ такую любовь къ Іисусу Христу, что, казалось, что если бы Его гдѣ увидѣлъ, то такъ и кинулся бы къ ногамъ Его и не выпустилъ бы ихъ изъ рукъ своихъ, сладко лобызая и слезно благодаря, что Онъ такое утѣшеніе о имени Своемъ подаетъ, по милости и любви Своей, недостойному и грѣшному созданію Своему».

Далѣе начало являться какое-то благотворное растепливаніе въ сердцѣ, и эта теплота простиралась и по всей груди. Но онъ пошелъ и еще выше.

«Прежде всего я приступилъ къ отыскиванію мѣста сердечнаго по наставленію Симеона Новаго Богослова. Закрывъ глаза, смотрѣлъ умомъ, то есть воображеніемъ въ сердцѣ, желая представить себѣ, какъ оно есть въ лѣвой половинѣ груди, и внимательно слушалъ его біеніе. Такъ занимался я сперва по получасу нѣсколько разъ въ день; вначалѣ ничего не примѣчалъ, кромѣ темноты; потомъ въ скоромъ времени начало представляться сердце и означаться движеніе въ ономъ; далѣе я началъ вводить и изводить Іисусову молитву вмѣстѣ съ дыханіемъ въ сердце, то есть втягивая въ себя воздухъ, съ умственнымъ смотрѣніемъ въ сердце, воображалъ и говорилъ: Господи Іисусе Христе, а съ испущеніемъ изъ себя воздуха: помилуй мя. Сперва я симъ занимался по часу и по два, потомъ чѣмъ дальше, тѣмъ чаще сталъ такъ упражняться и, наконецъ, почти цѣлый день провождалъ въ семъ занятіи. Когда нападала тягость или лѣность, или сомнѣніе, я немедленно начиналъ читать въ Добротолюбіи тѣ мѣста, кои наставляютъ о сердечномъ дѣланіи, и опять явилась охота и усердіе къ молитвѣ. Недѣли черезъ три началъ чувствовать боль въ сердцѣ, потомъ нѣкую пріятнѣйшую теплоту въ ономъ, отраду и спокойствіе. Это возбуждало и заохочивало меня болѣе и болѣе съ прилежностью упражняться въ молитвѣ, такъ что всѣ мысли мои были симъ заняты, и я ощущалъ великую радость. Съ сего времени я началъ чувствовать разныя повременныя ощущенія въ сердцѣ и въ умѣ. Иногда, бывало, что какъ-то насладительно кипѣло въ сердцѣ, въ немъ такая легкость, свобода и утѣшеніе, что я весь измѣ-

нялся и прелагался въ восторгъ. Иногда чувствовалась пламенная любовь къ Іисусу Христу и ко всему созданію Божію. Иногда сами собою лились сладкія слезы благодаренія Господу, милующему меня, окаяннаго грѣшника. Иногда прежнее глупое понятіе мое такъ уяснялось, что я легко понималъ и размышлялъ о томъ, о чемъ прежде не могъ и вздумать. Иногда сердечная теплота разливалась по всему составу моему, и я умиленно чувствовалъ при себѣ вездѣприсутствіе Божіе. Иногда ощущалъ внутри себя величайшую радость отъ призыванія имени Іисуса Христа и познавалъ, что значитъ сказанное Имъ: царствіе Божіе внутрь васъ есть.

«Мѣсяцевъ пять проведши уединенно въ семъ молитвенномъ занятіи и наслажденіи помянутыми ощущеніями, я такъ привыкъ къ сердечной молитвѣ, что упражнялся въ ней безпрестанно, и, наконецъ, почувствовалъ, что молитва уже сама собою, безъ всякаго со стороны моего побужденія, производится и изрекается въ умѣ моемъ и сердцѣ, не только въ бодрственномъ состояніи, но даже и во снѣ дѣйствуетъ точно также и ни отъ чего не прерывается,—не перестаетъ ни на малѣйшую секунду, что бы я ни дѣлалъ. Душа моя благодарила Господа, и сердце истаявало въ непрестанномъ веселіи».

Вотъ, нѣчто изъ сложной и таинственной области «умной» молитвы.

Добавимъ, что за дѣланіе этой молитвы должны браться лишь люди извѣстнаго духовнаго опыта, люди искушенные и разумные.

Стремленіе къ этой молитвѣ новичка въ духовной жизни можетъ грозить ему большими опасностями, изъ которыхъ главныя—гордость и самообольщеніе.

ГЛАВА VII.

Св. Таинства.

Св. Таинства Церкви—это способы низведенія Божественной благодати на человѣка, ищущаго этой благодати. Конечно, сила Божія можетъ дѣйствовать на человѣка непосредственно. Бывали случаи, что язычники, смотря на муки христіанъ, мгновенно обращались, исповѣдывали свою вѣру и тутъ же бывали казнимы. Хотя они и не успѣвали воспринять святого крещенія, но, конечно, умирали христіанами.

Христіанинъ, проживший на землѣ хотя бы нѣсколько дней, испытываетъ на себѣ силу трехъ таинствъ: крещенія, мvропомазанія и причащенія; съ семилѣтняго возраста, онъ приступаетъ сверхъ того къ таинству покаянія; наконецъ, люди посвящающіе себя служенію церкви, воспринимаютъ таинство священства; люди, вступающіе въ бракъ, таинство брака; многіе же больные, ищущіе исцѣленія благодатною силою Церкви, прибѣгаютъ къ таинству елеосвященія.

Крещеніе, соединяемое обыкновенно съ мvропомазаніемъ, совершается у насъ надъ младенцами.

Существуетъ мнѣніе, что порядокъ, установившійся въ первые вѣка христіанства, когда крещеніе совершалось въ сознательномъ возрастѣ, въ возрастѣ, когда человѣкъ овладѣлъ собою, побѣдилъ свои страсти, глубоко проникся сознаніемъ того, что есть истина христіанская,—что такой порядокъ, господствовавшій въ древней церкви, былъ предпочтительнѣе теперешняго.

Какъ въ годахъ бурной молодости бываетъ изодрана и сплошь запятнана непорочная одежда крещенія, нарушена душевная непорочность христіанина, въ символъ которой крещаемаго ребенка одѣваютъ въ бѣлыя одежды, какъ бываетъ преступлена клятва о томъ, что крещаемый «отлучается отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его» и «сочетавается Христу».

Многіе изъ величайшихъ людей церкви лѣтъ въ двадцать

и позднѣе принимали крещеніе, хотя и родились въ семьяхъ христіанскихъ. Іоаннъ Златоустъ принялъ крещеніе лѣтъ подъ двадцать. Святитель Амвросій Медіоланскій былъ избранъ народомъ епископомъ, не будучи еще крещенъ. Императоръ Константинъ Равноапостольный издалъ указъ, въ которомъ объявляетъ свободу христіанскаго вѣроисповѣданія—въ 324 году. А крестился онъ всего за нѣсколько дней до своей кончины, двадцать перваго мая 337 года, то есть отъ его обращенія ко Христу до крещенія прошло двѣнадцать лѣтъ.

Надо думать, что въ тѣ времена крестили съ большимъ разборомъ, не перваго, такъ сказать, встрѣчнаго въ нравственномъ отношеніи, а человѣка, доказавшаго христіанской общинѣ свое христіанское настроеніе или показавшаго на себѣ примѣръ христіанской жизни.

Въ тѣ времена, когда умершаго христіанина хоронили съ церковными почестями, можно было, дѣйствительно, сказать, что провожали въ могилу воина Христова. Между тѣмъ, въ современной нашей средѣ, какіе мы воины Христовы, какихъ же мы заслуживаемъ отъ церкви по смерти своей почестей! Званіе христіанина дается намъ безъ труда и безъ усилій, задаромъ, и мы, въ большинствѣ случаевъ, это званіе только порочимъ. Въ старину человѣкъ, имѣвшій склонность къ христіанству, старался жить по христіански для того, чтобы заработать себѣ дорогое право поступить въ ряды церковныхъ христіанъ.

Люди уже высокой жизни, такіе люди, какъ Амвросій Медіоланскій и Іоаннъ Златоустъ въ юности, не могли оставаться при литургіи вѣрныхъ, и выходили изъ храма вмѣстѣ съ оглашенными. А у насъ величайшіе закоренѣлые грѣшники не только присутствуютъ при великомъ чудѣ пресуществленія, но и входятъ въ алтарь. И сколько явныхъ атеистовъ и хулителей по тѣмъ или другимъ причинамъ посѣщаютъ храмы!

Вообще, нельзя достаточно осудить крайнее небреженіе, съ которымъ у насъ относятся вообще къ христіанскимъ обязанностямъ и съ которымъ у насъ смотрятъ на самое таинство крещенія. Въ большинствѣ случаевъ это только парадная церемонія, которою пользуются, чтобы пригласить на нее близкихъ знакомыхъ и устроить имъ угощеніе.

Затѣмъ вопросъ о крестныхъ отцахъ и крестныхъ матеряхъ. Крестный отецъ и крестная мать являются поручителями за душу ребенка. Они должны такъ же тщательно воспитывать ребенка, за котораго они поручились въ духовномъ отношеніи, научить вѣрѣ, ввести въ кругъ христіанскихъ добродѣтелей,

выработать христіанскія привычки, какъ родители—должны дать воспитаніе физическое и образовать умъ ребенка.

Что же обыкновенно бываетъ? Чаще всего выбираютъ въ крестные отцы и въ крестныя матери такихъ людей, которые могутъ быть полезны въ будущемъ своимъ положеніемъ и связями. Чиновники стремятся имѣть крестными отцами своихъ дѣтей своихъ начальниковъ или другихъ покровителей, людей вообще состоятельныхъ. Прислуга стремится, чтобы воспринимали ихъ дѣтей отъ купели ихъ господа. Поэтому грустное равнодушіе отличаетъ отношенія такихъ воспріемниковъ къ воспринятымъ ими дѣтямъ. Очень многіе даже и не помнятъ, кого собственно они крестили, и не видятъ ихъ рѣшительно цѣлыми годами.

Гдѣ же возможно тутъ какое-нибудь духовное попеченіе? Не то, чтобы возможно было оказывать какое-нибудь духовное воздѣйствіе, лично учить молитвамъ, объяснять ученіе вѣры. Но воспринятый доживетъ до двадцати лѣтъ и не получитъ ни одной духовной книжки изъ рукъ своего воспріемника.

Всего правильнѣе обычай, существовавшій въ древней Руси, когда воспріемниками отъ купели, напримѣръ, въ великокняжеской семьѣ, являлись великіе современные праведники.

Имѣлъ много духовныхъ дѣтей въ разныхъ кругахъ общества незабвенный отецъ Іоаннъ Кронштадскій, и, какъ ни мало вслѣдствіе постоянныхъ разъѣздовъ своихъ видалъ о. Іоаннъ крещеныхъ имъ, но всякое его къ нимъ вниманіе и, наконецъ, уже то самое, что они были крестными дѣтьми отца Іоанна: все это должно было оказывать на нихъ свое доброе вліяніе.

У насъ съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ относятся къ вопросу о томъ, чтобы быть крестнымъ отцомъ. Думаютъ только о томъ нарядѣ, въ какомъ явиться въ домъ на крещеніе ребенка, распишутся въ крещальныхъ вѣдомостяхъ, и дѣло съ концомъ. Между тѣмъ—всякій, принимающій на себя эту обязанность, долженъ провѣрить себя, имѣетъ ли онъ возможность духовно наставить ребенка, по всей совокупности своихъ обстоятельствъ и убѣжденій. И, если у него нѣтъ времени и охоты, гораздо честнѣе отклонить предложеніе быть крестнымъ отцомъ или крестною матерью. Самое же возмутительное нарушеніе правды, совѣсти и здраваго смысла происходитъ тогда, когда крестнымъ отцомъ или крестною матерью соглашается стать человѣкъ, не вѣрующій во Христа, отрицающій церковь и ея таинства.

Насколько это ужасно и преступно—объ этомъ нечего и говорить...

. . . . . .

Тутъ предстоитъ коснуться весьма большого и важнаго вопроса о томъ, что въ наши дни черезчуръ умножилось количество христіанъ, которые христіанами числятся только по имени, рѣшительно не имѣя на то никакихъ дѣйствительныхъ правъ.

Несомнѣнно, что для христіанскаго дѣла этотъ излишній балластъ вовсе не является выгоднымъ, а только тормозитъ все дѣло христіанства, заглушая, какъ плевелы пшеницу, христіанство. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда церковь была гонима, когда исповѣдывать христіанство было невыгодно, христіаниномъ становился только человѣкъ, глубоко убѣжденный.

Христіанское общество состояло изъ отборныхъ людей, и подобно тому, какъ всякій христіанинъ могъ отвѣчать за нравственную высоту всѣхъ христіанъ общины, такъ и вся христіанская община могла отвѣчать за всякаго своего отдѣльнаго члена. Быть христіаниномъ возлагало на христіанъ громадныя обязанности. Это было, дѣйствительно, званіе, которое требовало постояннаго стоянія на высотѣ, постояннаго напряженія своихъ духовныхъ силъ. Это была постоянная борьба, въ которой вырабатывались великіе характеры, воспитывались лучезарныя добродѣтели.

Среди десятковъ милліоновъ людей, записанныхъ христіанами, много ли найдется теперь такихъ, которые могли бы принадлежать къ прежнимъ христіанскимъ общинамъ? Чѣмъ большинство изъ насъ отличается отъ язычества, къ которому мы не принадлежимъ только по имени?

Быть можетъ, когда-нибудь, при обновленіи церковной жизни и возникнетъ вопросъ о томъ, не лучше ли, чтобъ среди десятковъ милліоновъ населенія страны, числящихся теперь христіанами, а въ сущности отъ церкви совершенно далекихъ, былъ бы только одинъ милліонъ, или меньше, но настоящихъ христіанъ?

И, когда званіе христіанина станетъ почетнымъ, то лучшіе люди будутъ добиваться почести христіанскаго званія и, такъ сказать, нравственно подтягиваться. Тогда какъ теперь эти же люди, не по праву называемые христіанами, вслѣдствіе легкости полученія этого званія разслабляются и нравственно разлѣниваются.

И тогда христіанство могло бы предъявлять дѣйствительныя требованія къ своимъ членамъ и выбрасывать изъ своей среды тѣхъ членовъ, которые по своей жизни и наклонностямъ не подходили бы къ высокому уровню обязанностей христіанской жизни. И, быть можетъ, гораздо полезнѣе было бы для хри-

стіанъ, еслибы крещеніе было отодвигаемо до лѣтъ зрѣлыхъ и если бы христіане, сознательно облекшіеся въ бѣлыя ризы крещенія, не оскверняли ихъ, какъ это дѣлается теперь.

Скажутъ—а сколько умретъ тогда людей въ младенчествѣ, въ отрочествѣ и юности, не бывъ крещеными?

Но люди, пламенѣвшіе къ христіанству и жившіе по-христіански, участвовавшіе уже отчасти—насколько то позволено не крещенымъ,—въ христіанскихъ богослуженіяхъ, конечно, найдутъ свою милость у Бога, какъ находили милость у Него и бывали увѣнчаны вѣнцомъ святости тѣ мученики, которые запечатлѣли свою вѣру во Христа своею кровью, не сподобившись никогда принять святого крещенія.

Возразятъ еще, что многія лица, которыя числились христіанами, отойдутъ совсѣмъ отъ религіи. Но спросимъ себя—нужны ли кому-нибудь христіане, которые стоятъ въ рядахъ христіанъ только механически, по регистраціи, ничѣмъ не отличаясь отъ язычниковъ, не пользуясь тѣми плодами духа, какіе даетъ христіанство человѣку при жизни и едва ли могущіе воспользоваться впослѣдствіи, въ будущемъ вѣкѣ, благодатными плодами христіанства?

И относительно покаянія—также какъ относительно крещенія, въ нашемъ религіозномъ быту вкралось много ошибочнаго, непродуманнаго. Рѣдко кто изъ насъ приступаетъ къ покаянію, какъ слѣдуетъ.

У насъ люди не исповѣдываются иначе, какъ предъ причастіемъ, во время говѣнія, тогда какъ исповѣдь можетъ быть производима и безъ причастія—какъ только человѣкъ почувствуетъ свою совѣсть неспокойною и захочетъ сложить съ себя грузъ грѣховъ.

Человѣкъ, часто исповѣдующійся, напоминаетъ собой человѣка, который, будучи чрезвычайно щепетильнымъ относительно чистоты, постоянно моется. На рукахъ такого человѣка видно малѣйшее пятнышко, и можно ли сравнить его съ какимъ-нибудь трубочистомъ, который весь такъ прокопченъ дымомъ, что никакая новая грязь на немъ уже не замѣтна?

Въ міру таится много мірскихъ праведницъ, которыя почти никому неизвѣстны и ведутъ свою высокую и сокровенную въ Богѣ жизнь.

Къ числу такихъ мірскихъ праведницъ въ 19 вѣкѣ принадлежала дочь богатаго заслуженнаго генерала Шабельскаго, Анна Ивановна, въ замужествѣ Скворцова. Выданная замужъ про-

тивъ воли, Анна Ивановна вскорѣ послѣ свадьбы заболѣла неисцѣлимою болѣзнью спинного мозга и всю остальную жизнь свою провела въ страданіяхъ, лежа навзничь на спинѣ. Это была женщина исключительнаго ума, силы воли и рѣдкаго благочестія.

Ея духовникомъ былъ извѣстный о. Алексѣй Колоколовъ, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ея жизни исповѣдывалъ ее рѣшительно всякій день. Много ли могло быть грѣховъ у больной женщины, страдавшей сильными страданіями и съ дѣтства настроенной на высокій ладъ? Но малѣйшая вспышка грѣховнаго помысла ее томила, и въ этомъ отношеніи она была похожа въ своей сторожѣ противъ грѣха на тѣхъ брезгливыхъ совнѣ людей, которые, даже не дѣлая ничего грязнящаго руки—не могутъ просидѣть дома и двухъ часовъ безъ того, чтобъ ихъ не помыть. Есть разрядъ людей, положительно сіяющихъ своей тѣлесной чистотой — къ такимъ людямъ принадлежатъ очень много англичанъ. Есть люди, сіяющіе своею чистотой нравственною, и такіе люди чрезвычайно зорко слѣдятъ за движеніями совѣсти.

Пока вы не очистили совѣсть свою покаяніемъ, вамъ какъ-то легче грѣшить, словно вы уже немного махнули на себя рукой. Искушающій голосъ нашептываетъ: «что тутъ бояться лишняго грѣха! Все равно ужъ потомъ разомъ каяться». И тяжесть постоянно накопляющихся грѣховъ становится все больше и все долѣе удерживаетъ человѣка отъ покаянія.

Часто именно этимъ путемъ темная сила удерживаетъ отъ покаянія годами даже вѣрующихъ людей, не говоря уже о людяхъ совершенно нерадивыхъ.

Въ жизни каждаго человѣка много тайнъ, и признаваться въ нихъ очень нелегко, особенно предъ тѣми, кто хорошо насъ знаетъ. И вотъ, почему многіе люди не находятъ въ себѣ силъ открывать всѣ свои грѣхи приходскому священнику и идутъ для полнаго покаянія куда-нибудь въ дальнюю пустынь, къ чтимому старцу.

Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ Писателя» разсказываетъ объ одномъ ужасномъ грѣхѣ, совершившемся въ сельской глуши.

Одинъ крестьянинъ, желая доказать другому, что для него въ жизни нѣтъ рѣшительно ничего запретнаго, побился съ другимъ объ закладъ. Онъ вызывался, пріобщаясь, сохранить во рту причастіе, донести его домой, а потомъ въ чащѣ лѣса пригвоздить его къ дереву и выстрѣлить въ него. Весь трагизмъ этого заключался въ томъ, что крестьянинъ этотъ былъ вѣ-

рующій человѣкъ, а такая дикая мысль только и могла возникнуть на почвѣ безудержнаго русскаго дерзанія. Гакъ онъ все это и исполнилъ. Но, когда онъ взводилъ курокъ на дерево, ему вдругъ представился распятый тутъ на крестѣ Христосъ. Раскаяніе жгло его душу, онъ не находилъ себѣ нигдѣ покоя; не могъ покаяться въ этомъ преступленіи у себя на родинѣ, отчего туга душевная только умножалась. И онъ пошелъ со своимъ тяжкимъ признаніемъ къ пустынному старцу.

Въ настоящее время много говорятъ о томъ, чтобы повсюду законоучители были въ то же время и духовными отцами учащихся дѣтей. Едва ли, однако, при этомъ исповѣдь дѣтей можетъ быть вполнѣ откровенна. Они будутъ стыдиться человѣка, который ихъ постоянно видитъ въ обыденной обстановкѣ; если же имъ приходилось осуждать этого законоучителя,—какой героизмъ требуется для того, чтобъ ему же въ этомъ признаться!

Чѣмъ дальше отъ человѣка въ ежедневной жизни стоитъ священникъ, тѣмъ откровеннѣе будетъ съ нимъ исповѣдующійся.

Гораздо правильнѣе обычай, который завелся въ нѣкоторыхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ начальство заботится о духовныхъ нуждахъ воспитанниковъ.

Тамъ на время ихъ говѣнія приглашаютъ изъ хорошихъ монастырей извѣстныхъ духовныхъ старцевъ, которые и опытностью своею и духовнымъ авторитетомъ—такъ какъ имена ихъ обыкновенно широко извѣстны по всей губерніи и окружены уваженіемъ,—оказываютъ очень доброе вліяніе на молодежь. Вообще, кромѣ духовника—священника своего городского прихода или вообще служащаго въ томъ городѣ и находящагося, такъ сказать, всегда подъ рукой,—очень полезно имѣть руководителемъ своимъ какого-нибудь изъ опытныхъ старцевъ, среди которыхъ встрѣчаются облагодатствованные люди.

Часто, именно, то расположеніе, которое такіе старцы къ себѣ внушаютъ, та полнота, съ которой они воплощаютъ въ себѣ евангельскія добродѣтели, та сладость, которая переживается душой въ минуты общенія съ ними, привлекаетъ къ религіи лицъ, которыя до того были къ ней равнодушны, а у людей склонныхъ къ религіознымъ переживаніямъ еще углубляетъ интересъ къ ней.

Такіе старцы, какъ отецъ Амвросій Оптинскій и его предшественники Оптинскіе старцы, такъ недавно почившій отецъ Варнава, жившій въ скиту Черниговской Божіей Матери подъ

Москвой, чрезвычайно способствуютъ оживленію духовной жизни.

Случались, однако, и такія неожиданности. Человѣкъ, знававшій разныхъ знаменитыхъ духовниковъ, идетъ на исповѣдь къ какому-нибудь мало образованному, немудреному священнику или іеромонаху, не ожидая получить отъ этой исповѣди какой-нибудь духовной пользы. И оказывается порою, что исповѣдь у этого духовника бываетъ очень полезна и вразумительна.

Отъ духовника требуется не только извѣстная опытность, но еще и извѣстная выдержка и сила характера. Нельзя пропускать безнаказанно признанія въ какомъ-нибудь глубоко внѣдрившемся въ человѣкѣ порокѣ. Духовникъ долженъ съ этимъ порокомъ бороться. Возможно, что при исповѣди не рѣдки случаи, когда духовникъ по человѣческимъ соображеніямъ просто не смѣетъ строго отнестись къ какому-нибудь закоренѣлому грѣшнику съ большимъ положеніемъ. И въ этомъ духовникъ принимаетъ отвѣтственность на свою душу и вредитъ кающемуся.

Люди, проходящіе духовную жизнь, привыкли всякій вечеръ возстановлять въ памяти своей до мельчайшихъ подробностей весь прожитой день для того, чтобы оцѣнить свое поведеніе за этотъ день и уяснить себѣ все, что было сдѣлано грѣховнаго, и для того, чтобы можно было эту грѣховность исправить соотвѣтствующими добрыми дѣлами.

Такъ дѣлаютъ люди, ищущіе Бога. А мы въ большинствѣ случаевъ и предъ исповѣдью вовсе не производимъ осмотра своей жизни за время, прошедшее отъ послѣдней исповѣди. Поэтому покаяніе наше и бываетъ такъ слабо и безплодно.

Къ сожалѣнію, и само духовенство не всегда относится къ исповѣди съ достаточной серьезностью. Не разъ приходилось слышать, какъ батюшка, исповѣдуя знакомаго прихожанина или прихожанку, прерываетъ исповѣдь разговоромъ и вопросами чисто житейскаго характера. Приличны ли такіе разговоры въ ту минуту, предъ которою тотъ же батюшка только что произнесъ: «Чадо, се Христосъ невидимо стоитъ посреди насъ, пріемля исповѣданіе»...

Врагъ, всюду стерегущій души христіанскія, старается уловить ихъ даже во время исповѣди. Когда искренне кающійся начинаетъ вспоминать свои грѣхи, то онъ старается возобновить въ памяти его подробности грѣховной сладости. И эти воспоминанія разслабляютъ душу кающагося и являются тѣми

ростками, изъ которыхъ уже у покаявшагося, очистившагося и пріобщившагося человѣка вновь выростетъ грѣховное дѣло.

Вотъ, отчего опытный духовникъ никогда не будетъ разспрашивать у человѣка подробностей его грѣховныхъ дѣяній, которыя кающійся долженъ, такъ сказать, свалить предъ нимъ, какъ въ сорную яму, не оглядываясь на нихъ, не вдаваясь ни въ какія подробности.

Закончимъ бесѣду о покаяніи частью превосходнаго стихотворенія талантливаго поэта Б. Алмазова «Покаяніе», которое написано на тотъ историческій знаменитый случай, когда святитель Амвросій, епископъ Медіоланскій, отлучилъ отъ церкви императора Ѳеодосія Великаго.

Въ Солуни, теперешнихъ Салоникахъ, часть черни произвела бунтъ и звѣрски растерзала начальника городской стражи, любимца императора. Объ этомъ было послано донесеніе въ Миланъ—мѣстопребываніе императора Ѳеодосія. И монархъ въ гнѣвѣ подписалъ приказъ, чтобы въ мятежный городъ былъ немедленно посланъ военачальникъ съ отборной дружиной, чтобы всѣ жители царскимъ именемъ были собраны на игры въ циркъ, и тамъ до единаго истреблены. Ужасный приказъ былъ исполненъ.

А вотъ, что произошло въ Миланѣ послѣ этого событія въ день Успенія:

На стогнахъ народъ весь миланскій стоялъ;
Былъ праздникъ великій Успенья,
И царь православный въ сей день пожелалъ
Святое принять причащенье.
И самъ литургію былъ долженъ свершать
Епископъ миланскій Амвросій,
И тайныхъ небесныхъ даровъ благодать
Въ соборѣ отъ мужа святого принять
Сподобиться мнилъ Ѳеодосій...
Осыпавъ обильно монарху весь путь
Вѣтвями древесъ и цвѣтами—
На царскій торжественный поѣздъ взглянуть
Тѣснились миланцы толпами.
И ждали всѣ долго въ молчаньи—и вотъ
Вдругъ съ шумомъ народъ встрепенулся,
Отъ царскихъ палатъ до соборныхъ воротъ,
Какъ яркая лента, торжественный ходъ,
Блестя и віясь, потянулся.
И стройной громадою, всѣхъ впереди,

Сомкнувшись густыми рядами,
Бряцая доспѣхомъ, блистая въ мѣди.
Прошли легіоны съ орлами.
За ними, красуясь на статныхъ коняхъ,
Попарно, въ одеждѣ парчевой,
Всѣ въ златѣ, сребрѣ, въ самоцвѣтныхъ камняхъ,
Сановники, слуги царевы,
И стражи его въ драгоцѣнной бронѣ
Тянулись златой вереницей.
И вотъ вслѣдъ за ними на бѣломъ конѣ
Въ алмазномъ вѣнцѣ, въ багряницѣ,
Какъ ясное солнце за свѣтлой зарей,
Самъ царь, наконецъ, показался,
И радостный кликъ, какъ раскатъ громовой,
По волнамъ народнымъ промчался,
И звонъ колокольный сильнѣй зазвучалъ,
Вѣщая царя приближенье,
И въ сонмѣ ереевъ на паперть предсталъ
Епископъ во всемъ облаченьи.
Подъѣхалъ весь поѣздъ къ соборнымъ вратамъ,
Съ коней своихъ всадники сходятъ,
И вслѣдъ за царемъ по восточнымъ коврамъ
На паперть высокую всходятъ.
И царь богомольный, склонившись главой,
Обычаю церкви послушный,
Подходитъ къ владыкѣ съ простертой рукой,
Да знаменьемъ крестнымъ епископъ святой
Его осѣнитъ благодушно.
Но въ ужасѣ быстро предъ нимъ отступилъ
Святитель и, взоромъ сверкая,
«Отыди, убійца, отъ насъ», возгласилъ,
«Ты душу злодѣйствомъ свою осквернилъ,
Какъ Иродъ невинныхъ карая!
И ты, дерзновенный, помыслилъ предстать
Предъ жертвенникъ храма святого,
Чтобъ страшныхъ божественныхъ тайнъ воспринять
Средь кроткаго стада Христова!
Какъ примешь ты Тѣло честное Христа
Десницей, въ крови орошенной?
Какъ Крови Господней коснутся уста,
Изрекшія судъ изступленный?
Я властью мнѣ данной рѣшить и вязать
Отъ церкви тебя отлучаю,

Престану въ молитвахъ тебя поминать
И входъ тебѣ въ храмъ возбраняю!»
«Владыка святой», такъ монархъ возразилъ
Въ слезахъ и великомъ смущеньи,
«И царь-псалмопѣвецъ убійство свершилъ,
Но Богъ милосердный его не лишилъ
Святой благодати прощенья».
Епископъ въ отвѣтъ: «Ты умѣлъ подражать
Давиду царю въ злодѣяньи,
Умѣй же, какъ онъ, со смиреньемъ принять
Тяжелый вѣнецъ покаянья.
И денно, и нощно молитву твори
И въ мысляхъ своихъ и устами,
Покорностью царственный духъ свой смири,
И грѣшное тѣло постомъ изнури,
И сердце очисти слезами!
Тогда-то въ преддверіи церкви святой,
Моля у прохожихъ прощенья,
Измученный, плачущій, блѣдный, босой,
Въ толпѣ аріанъ съ непокрытой главой,
Предстанешь ты здѣсь въ униженьи,
Да въ очью узритъ въ униженьи твоемъ
Народъ твой и съ нимъ всѣ языки,
Что царь всемогущій съ послѣднимъ рабомъ
Равны передъ вѣчнымъ незримымъ судомъ
Всевышняго міра Владыки».
Такъ, гнѣвомъ великимъ исполнясь, вѣщалъ
Царю всенародно святитель,
И грознымъ упрекамъ смиренно внималъ
Могучій вселенной властитель.
Потупилъ онъ взоры, поникнулъ челомъ,
И сжалося горестно сердце,
И ужасъ объялъ, какъ предъ страшнымъ судомъ,
Безстрашную грудь самодержца.
Онъ сбросилъ порфиру, снялъ царскій вѣнецъ,
И робкой смиренной стопою
Чрезъ шумные стогны въ свой пышный дворецъ
Побрелъ съ непокрытой главою.
Какъ чудомъ небеснымъ народъ пораженъ,
Молился и плакалъ въ печали,
И въ злобѣ безсильной подъ вопли и стонъ
Межъ тѣмъ царедворцы роптали
И шумно надменной и дерзкой толпой

Епископа всѣ обступили
И ссылкой, и казнью, и вѣчной тюрьмой,
И пыткой грозя, говорили:
«Что сдѣлалъ ты, дерзкій безумецъ? Какъ могъ
Царю нанести оскорбленье,
Откуда пришелъ ты, нежданный пророкъ,
Кто властью тебя непонятной облекъ
Царямъ изрекать отлученье?
Ты пастырь, служитель простой алтаря,
Онъ вождь нашъ, всѣмъ міромъ избранный,
Тебѣ ли вступаться въ дѣянья царя,
Совѣтникъ, учитель незванный?
Скажи, какъ дерзнулъ ты въ безумствѣ своемъ,
Права преступивъ гражданина,
Предъ войскомъ, народомъ и цѣлымъ дворомъ
Судить и карать властелина?
Что станется съ войскомъ, что скажетъ народъ,
Въ комъ будетъ къ властямъ уваженье,
Когда самъ святитель примѣръ подаетъ
Къ лицу вѣнценосца презрѣнья?
Опомнись, безумный, бѣги ты къ царю,
Моли всенародно прощенье,
Зови неотступно его къ алтарю
И даруй грѣховъ отпущенье».
«Къ царю не пойду я», епископъ вѣщалъ,
«Въ чемъ стану молить я прощенья?
А часъ вожделѣнный еще не насталъ
Съ главы его снять отлученье.
Пускай меня кесарь на плаху пошлетъ:
По стогнамъ народомъ кипящимъ
Пойду со смиреньемъ—да узритъ народъ
Покорность властямъ предержащимъ.
Но знайте: ни плаха, ни тяжесть цѣпей,
Ни пытки ужасной мученье
Не въ силахъ исторгнуть изъ груди моей
Монарху грѣховъ отпущенье:
Пусть срокъ покаянья и плача пройдетъ,
И тяжкое бремя проклятья
Съ души, обновленной слезами спадетъ,
И церковь, какъ матерь, его призоветъ
Въ простертыя нѣжно объятья.

И срокъ покаянья влачился, какъ вѣкъ,
И девять прошло полнолуній
Со дня, какъ властитель во гнѣвѣ изрекъ
Погибель мятежной Солуни.
Былъ праздникъ, но съ скорбью великой въ сердцахъ
Тотъ праздникъ встрѣчали въ Миланѣ:
Съ душой сокрушенной, въ печали, въ слезахъ,
Толпились на стогнахъ граждане.
Съ лицомъ изнуреннымъ суровымъ постомъ,
Босой и полуобнаженный,
Потупивши взоры свои со стыдомъ,
Какъ сынъ расточитель въ отеческій домъ,
Шелъ грозный властитель вселенной
Принесть покаянье предъ храмомъ святымъ,
Смиренья высокаго полный,
И съ плачемъ и воплемъ великимъ за нимъ
Стремились народныя волны.
Слезами и скорбью дѣляся съ толпой,
Какъ съ нѣжной семьею своею,
Дошелъ онъ до церкви и съ жадной мольбой
Во прахъ распростерся предъ нею,
И въ прахъ вмѣстѣ съ нимъ передъ церковью палъ
Народъ весь и билъ себя въ перси,
И вслѣдъ за монархомъ къ владыкѣ взывалъ:
«Я, грѣшникъ великій, спасенья взалкалъ,
Отверзи мнѣ двери, отверзи!»
И двери отверзлись. Какъ гость неземной,
Святитель изъ храма явился:
Ликъ мужа честного любовью святой
И радостью горней свѣтился.
Онъ поднялъ монарха десницей своей
Изъ праха съ слезой умиленья,
При радостномъ звонѣ миланскихъ церквей
И клира торжественномъ пѣньи.
И тайною силой небесныхъ даровъ
Рабъ Божій монархъ укрѣпился,
И церкви вселенской подъ отческій кровъ
Онъ въ паству Христа возвратился.
И снова съ главой, осѣненной вѣнцомъ,
При радостномъ кликѣ народномъ,
Бодръ духомъ и сердцемъ и свѣтелъ лицомъ
Потекъ по ликующимъ стогнамъ.
И съ онаго дня архипастырь съ царемъ,

Сдружась неразрывно сердцами,
Дѣлились по-братски досугомъ, трудомъ
И думъ величавыхъ плодами.
Епископъ Божественнымъ словомъ любви
И силой отеческой власти
Смирялъ у монарха въ кипящей крови
И гнѣва порывы и страсти.
И царь осѣненъ благодатью святой,
Весь духомъ любви просвѣтился,
И въ блескѣ иномъ съ обновленной душой
Прекрасенъ онъ міру явился
И сталъ милосердъ и къ народамъ своимъ
И варваровъ къ полчищамъ дикимъ.
Епископъ былъ церковью признанъ святымъ,
А царь Ѳеодосій судомъ вѣковымъ
Потомства былъ признанъ Великимъ.

Что можетъ быть выше и сладостнѣе для христіанина пріобщенія Святыхъ Тайнъ Христовыхъ? Умъ нѣмѣетъ предъ величіемъ этого таинства, измыслить и воплотить которое могла только одна Божественная распявшаяся за насъ любовь. Потокъ той животворящей крови Христовой, въ которой Христосъ омылъ наши души, чудною мыслью Христовой любви, никогда не изсякаетъ на землѣ, но льется въ церквахъ и питаетъ собою вѣрующихъ.

Многіе кичатся своимъ знатнымъ происхожденіемъ, считаютъ, что въ ихъ жилахъ течетъ какая-то особая благородная кровь, гордятся своею «бѣлою костью». Но какъ всѣ эти гордыя разсужденія, вся эта людская знатность меркнетъ въ томъ одномъ потрясающемъ положеніи, что во всѣхъ насъ течетъ кровь Христова, кровь самого Бога. Вотъ, священный источникъ, отъ котораго не слѣдуетъ никогда отходить, къ которому надо стремиться все съ большею и большею жаждою.

Мнѣ вспоминается тутъ человѣкъ, который относился къ святымъ тайнамъ именно такъ, какъ къ нимъ долженъ относиться вѣрующій человѣкъ, и который до послѣдняго своего вздоха это свое отношеніе къ таинству проповѣдывалъ среди людей.

То былъ о. Іоаннъ Кронштадтскій. Его праведная душа вѣчно жаждала крови Христовой, и онъ тосковалъ и чувствовалъ себя больнымъ въ тотъ день, когда Ею не напитался. Куда бы онъ ни ѣхалъ, гдѣ бы онъ ни путешествовалъ, нахо-

дился ли на крайнемъ сѣверѣ, на своей родинѣ, или спѣшилъ на дальній русскій югъ—всюду и всегда ежедневно онъ совершалъ Божественную литургію.

Забывъ о всемъ земномъ, въ трепетѣ предстоялъ онъ предъ священнымъ престоломъ, весь пламенѣя усердіемъ, дрожа отъ волненія тѣломъ, прерывающимся голосомъ призывалъ онъ на святые дары Духа Святаго, и, когда совершалось вѣчное чудо пресуществленія, и предъ нимъ на дискосѣ лежало подъ образомъ Агнца честное и животворящее Тѣло Господа нашего Іисуса Христа и въ потирѣ Его пречистая Кровь, о. Іоаннъ переполнялся духовной радостью и восторгомъ. Съ умиленіемъ бросался онъ на колѣни и, вставъ, погружался въ созерцаніе святыхъ тайнъ. Онъ клалъ голову на престолъ, прижималъ ее къ потиру, дѣлалъ руками движенія радости. Было видно, что вотъ, гдѣ его любовь, привязанность, восторгъ и забота, вотъ, гдѣ онъ совершенно счастливъ, какъ въ земномъ раю, вотъ, откуда онъ черпаетъ свою сверхъестественную силу.

Вѣдь при жизни Христовой до установленія таинства никто изъ людей не могъ имѣть того благодатнаго, тѣснѣйшаго съ Нимъ общенія, какъ причастники Его Плоти и Его Крови, какими можемъ стать ежедневно мы.

Естественно ожидать, что ежедневно церковь будетъ переполнена толпами народа, стремящагося къ святымъ тайнамъ.

Но что же ежедневно происходитъ? Діаконъ съ чашей, стоя въ открытыхъ царскихъ вратахъ, возглашаетъ: «Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите», и вмѣсто толпы, которая бы съ жадностью устремлялась къ источнику жизни и безсмертія, не подходитъ рѣшительно ни одного человѣка.

И невольно думается: съ какою грустью долженъ Христосъ взирать на людей, которыхъ Онъ зоветъ къ Себѣ, чтобы напитать ихъ Своею кровью, и которые отъ этого отвертываются. Это равносильно тому, какъ если бы ученики, званые на Тайную Вечерю, не пришли бы на нее, или отказались бы принять изъ рукъ Христовыхъ благословенный Имъ хлѣбъ и вино, о которыхъ Онъ сказалъ: «Сіе есть Тѣло, сія есть Кровь Моя».

Какъ только появляется извѣстіе, что въ какой-нибудь мѣстности обнаружены золотыя розсыпи, съ необыкновенною жадностью въ эти мѣста устремляется много народа, преодолѣваютъ всевозможныя трудности, идутъ черезъ почти непроходимыя мѣста, какъ это было въ Калифорніи, и достигаютъ золотоносныхъ мѣстъ въ надеждѣ обогащенія. Тутъ же на престолѣ во время литургіи течетъ источникъ безконечно богатѣй-

шій и высшій всякихъ самыхъ богатыхъ золотыхъ розсыпей, доступъ къ нему такъ легокъ, а народъ не идетъ.

Нельзя достаточно говорить и кричать народу о томъ, чего онъ лишаетъ себя частымъ пріобщеніемъ. Нельзя достаточно сражаться съ тѣмъ обманомъ, въ которомъ врагъ спасенія держитъ всѣ классы вѣрующаго народа, отъ простолюдина до образованнѣйшихъ людей, заставляя ихъ забыть, что частое пріобщеніе составляетъ необходимый долгъ всякаго христіанина. Врагъ удерживаетъ людей отъ частаго пріобщенія всевозможными способами, въ которыхъ изощряетъ свою хитрость: то онъ внушаетъ, что человѣкъ не достоинъ пріобщенія... но вѣдь Христосъ сказалъ: «Не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, а больные». И Онъ, не отказавшійся войти въ домъ Закхея-мытаря, простившій блудницу и не отвергшій помазаніе муромъ изъ рукъ жены-грѣшницы, отвергнетъ ли человѣка, изъязвленнаго грѣхами, но искренно въ нихъ кающагося, который приступитъ къ Нему по зову: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите».

То подъ видомъ разныхъ житейскихъ дѣлъ врагъ внушаетъ человѣку пріобщиться черезъ недѣлю, черезъ двѣ, черезъ три, оттягиваетъ это спасительное дѣло на цѣлые мѣсяцы и устраиваетъ иногда такъ, что человѣкъ во время поста не поговѣетъ и остается безъ причащенія болѣе года. Нѣкоторымъ же людямъ, дѣйствительно занятымъ, онъ внушаетъ: «какъ приступишь ты къ такому таинству безъ достойнаго приготовленія?»—и тѣмъ снова отвлекаетъ ихъ отъ святой чаши.

Есть множество людей, которые, дѣйствительно, не имѣютъ свободнаго для выполненія религіознаго долга ни одного дня, кромѣ праздниковъ.

Но въ году не рѣдко бываетъ совпаденіе двухъ праздничныхъ дней, во время которыхъ человѣкъ и могъ бы посѣщать службы, пріобщаясь во второй изъ этихъ дней. Наконецъ, тому, кто искренно жаждетъ причастія, хотя не имѣлъ времени быть ни у одной обѣдни, кромѣ той, за которой мечтаетъ пріобщиться,—вполнѣ возможно, въ сосредоточіи проведя нѣсколько ближайшихъ къ причастію дней, воздерживаясь отъ посѣщенія знакомыхъ, ограничивая себя въ пищѣ, отстоявъ всенощную, исповѣдаться послѣ нея и на другой день пріобщиться съ сознаніемъ своего недостоинства, но съ сознаніемъ вмѣстѣ и того, что этимъ онъ, насколько въ его силахъ, исполняетъ заповѣди Христовы.

Говѣйте съ точнымъ посѣщеніемъ службъ во время постовъ—раза три въ теченіе великаго поста и приступайте къ

причащенію чаще и чаще, входя въ этотъ день въ церковь, какъ въ великую и чудотворную лѣчебницу.

У насъ недостаточно часто пріобщаютъ дѣтей, которыхъ слѣдуетъ приносить къ святой Чашѣ каждую недѣлю. Пріобщеніе дѣтей, правда, вызываетъ нѣкоторое замедленіе въ богослуженіи. Кромѣ того, именно потому, что пріобщеніе является для нихъ чѣмъ-то необычнымъ, дѣти очень часто своимъ плачемъ нарушаютъ торжественность службы.

Давно пора возбудить вопросъ о томъ, чтобы для причащенія дѣтей были назначены особые дни и часы, въ которые дѣти всего прихода и могли бы быть приносимы для пріобщенія.

Струя крови Христовой, которою постоянно пріобщались бы дѣти, будетъ имѣть на развитіе ихъ, душевное и физическое, самое благопріятное вліяніе.

Этотъ вопросъ, конечно, недостаточно прослѣженъ, но голосъ вѣры нашептываетъ, что причастіе съ заключенной въ немъ чудесной силой имѣетъ громадное оздоровляющее вліяніе на все православное населеніе. Тутъ сглаживаются наслѣдственные пороки, грѣхи и болѣзни. Здѣсь подаются тѣ силы жизненности и сопротивляемости злу, безъ которыхъ жизнь была бы побѣждена и захирѣла.

Недостаточно также у насъ прибѣгаютъ больные къ исцѣленію силой Евхаристіи. Религія знаетъ свои курсы лѣченія, и одно изъ самыхъ главныхъ—частое пріобщеніе, особенно тамъ, гдѣ причиной недуга является страданіе души. Когда какое-нибудь горе сосетъ душу человѣка, когда тяжесть раздумья доводитъ до ипохондріи, тамъ особенно необходимо частое пріобщеніе, которое дастъ человѣку равновѣсіе душевное и то веселіе, радостное и ровное настроеніе, которое уже одно само по себѣ изгоняетъ многіе недуги.

Когда человѣкъ созналъ свое зло и возненавидѣлъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ силы воли и чувствуетъ, что самъ съ собою не совладаетъ, тогда лучше всего искать ему подкрѣпленія въ частомъ пріобщеніи. Одинъ изъ лучшихъ, напримѣръ, способовъ для излѣченія привычнаго пьяницы—искренними бесѣдами довести его до раскаянія, до намѣренія все бросить, тутъ же заставить его говѣть и пріобщиться и заставить дать его слово, что онъ пересилитъ себя до будущаго пріобщенія, которое послѣдуетъ всего черезъ недѣлю.

Только что соединившись со Христомъ и имѣя въ виду повторить это черезъ недѣлю, онъ не посмѣетъ за это время

нарушить свой обѣтъ, и такъ отъ недѣли до недѣли въ немъ образуется привычка къ трезвости.

Особенно же возмутительно бываетъ то, что умирающему боятся предложить пріобщиться. Есть нѣкоторые, къ сожалѣнію рѣдкіе, доктора-христіане, которые при всякомъ сложномъ недугѣ прежде всего сами предлагаютъ больному пріобщиться.

Но гораздо многочисленнѣе тѣ доктора, которые въ тѣ часы, когда обнаружится безнадежное положеніе больного, совѣтуютъ не безпокоить его, не тревожить мыслью о смерти. Настоящее безуміе и врача, и людей, близкихъ больному! Ему предстоитъ дать отчетъ за свою жизнь на землѣ, онъ все равно не жилецъ. Чего же беречь его отъ мысли о смерти, которая все равно неизбѣжна?

И это дикое безуміе, которое такъ вредитъ душамъ человѣческимъ, основано именно на томъ, что у насъ причащеніе, которое должно быть благою и свѣтлою привычкой людей, является чѣмъ-то совершенно исключительнымъ и необыкновеннымъ. Сила жертвы Христовой была такъ велика и всеобъемлюща, какъ если бы Христосъ страдалъ за всякаго человѣка въ отдѣльности. Какъ будто онъ по одиночкѣ искупалъ всѣхъ людей настоящихъ, прошедшихъ и будущихъ. И всякій человѣкъ долженъ имѣть дерзновеніе разсматривать именно съ этой стороны жертву Христову и сознавать: «Христосъ пострадалъ для м е н я. Христосъ пролилъ кровь Свою для м е н я, Христосъ установилъ таинство Свое для м е н я».

Когда вы услышите слова: «пріимите, ядите, пійте отъ Нея вси», переводите ихъ для себя: «прими и яждь—сіе есть Тѣло Мое, еже за тя ломимое во оставленіе грѣховъ твоихъ, пій отъ Нея, сія есть Кровь Моя новаго завѣта, яже за тя и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ твоихъ.

И пусть во всякую литургію въ васъ разгорается нестерпимая жажда вкусить Плоти Христовой, испить Его Крови. И пусть при всякомъ частомъ пріобщеніи вамъ тутъ же мечтается о новомъ пріобщеніи, какъ говорится въ превосходной молитвѣ Богоматери, въ благодарственномъ «послѣдованіи» по пріобщеніи: «и даждь ми даже до послѣдняго издыханія пріобщатися».

Чтобы люди не смѣялись надъ вами и по своему непониманію не осуждали васъ, старайтесь скрывать свое частое пріобщеніе. Пусть это будетъ потаенная ваша связь со Христомъ. И за всякой литургіей, когда раздастся прошеніе ектеніи: «христіанскія кончины живота нашего безболѣзненны, непостыдны,

мирны», посылайте Господу тогда искреннее прошеніе о томъ, чтобы вамъ пріобщиться предъ вашею смертью.

Говорятъ, что душа человѣка, который пріобщился въ день смерти, безъ борьбы проходитъ мытарства. Счастливъ тотъ, кто умираетъ, сподобившись пріобщиться за нѣсколько часовъ до конца. Извѣстны случаи съ благочестиво пожившими людьми, которымъ въ день смерти ихъ приносили Дары того дня, а не запасные, и которые могли еще тогда проглотить ихъ, а черезъ часъ наступалъ параличъ горла, а черезъ нѣсколько часовъ они отходили, и по лицу ихъ разливалось выраженіе блаженства и радости.

Въ стихотвореніи извѣстнаго поэта и патріота Ѳеодора Глинки прекрасно описано покаянное настроеніе души, въ трепетѣ ожидающей пріобщенія.

Стихотвореніе это называется «Канунъ святого причастія»:

Завтра, завтра въ домъ Закхея
Гость таинственный придетъ,
И блѣднѣя, и нѣмѣя,
Передъ нимъ Закхей падетъ.
Мытарь смутенъ, безпокоенъ,
Вскликнетъ въ срѣтенье Его:
«Недостоинъ, недостоинъ
Посѣщенья Твоего!
Гость чудесный, гость небесный,
Ты такъ свѣтелъ и лучистъ!
А сердечный домъ мой тѣсенъ
И неприбранъ, и нечистъ!
Гдѣ же гостя посажу я?
Тутъ и тамъ сидѣлъ порокъ:
Тутъ и тамъ,—гдѣ ни гляжу я,—
Вижу все себѣ упрекъ...
Чѣмъ же гостя угощу я?
Добрыхъ дѣлъ въ прошедшихъ дняхъ
Все ищу и не сыщу я;
Весь я въ ранахъ и грѣхахъ!»
Былъ отвѣтъ: «Не угощенья,
Не здоровыхъ Я ищу;
Завтра къ чашѣ исцѣленья,
Я болящихъ допущу!
Завтра Собственною кровью,
Благодатію Отца,
Духомъ мира и любовью

Весь войду Я къ вамъ въ сердца...
И душа, хоть вся бъ истлѣла
Въ знойномъ воздухѣ грѣховъ,
Моего вкусивши тѣла,
Возродится къ жизни вновь!»
Такъ надеждой въ душу вѣя,
Кто-то будто говоритъ:
«Завтра, завтра гость Закхея
И тебя вѣдь посѣтитъ!»
О, приди жъ, нашъ гость священный!
Съ чашей жизненной Своей:
Ждетъ грѣхами отягченный,
Новый ждетъ Тебя Закхей!..

Къ таинству брака, на которомъ основывается вся дальнѣйшая судьба зарождающейся здѣсь семьи, у насъ относятся съ тѣмъ же, если еще не съ большимъ легкомыслiемъ, чѣмъ къ другимъ таинствамъ.

Не то, что часто, но теперь въ большинствѣ случаевъ даже вѣрующіе люди заключаютъ бракъ не по той испытанной душевной склонности къ достойной дѣвушкѣ, у которой мужъ всегда найдетъ нравственную поддержку и которая станетъ прекрасной матерью христіанской семьи, а по мимолетному тѣлесному влеченію къ такой особѣ, которая ничего, кромѣ физическихъ ласкъ, дать человѣку не можетъ, которая никогда не станетъ домовитой хозяйкой, а своими чрезмѣрными требованіями отъ мужа на наряды и всякія прихоти сдѣлаетъ изъ жизни мужа настоящій адъ.

Можно сказать, что часто любитель лошадей съ большею осмотрительностью выбираетъ себѣ коня, чѣмъ многіе выбираютъ себѣ женъ.

Какъ много условій надо для того, чтобъ бракъ былъ согласный и чтобъ супруги оба преслѣдовали ту великую цѣль, которую имѣетъ христіанскій бракъ и которая обыкновенно предается сплошному забвенію — дружное стремленіе къ нравственному совершенствованію.

Во всякой истинной любви есть непремѣнно элементъ религіозный. Какъ только мы любимъ глубоко, мы уже невольно говоримъ—«навѣки», потому что тогда мы ясно чувствуемъ, что эта любовь, заполонившая все духовное существо наше, не умретъ съ нами, но перенесется съ нами въ другую жизнь.

*

Вотъ, отчего любовь большая и несчастная ищетъ убѣжище себѣ въ небѣ, въ мечтахъ о соединеніи тамъ съ тѣми, съ кѣмъ земля разлучила, и говоритъ подобно знаменитой Шиллеровской героинѣ Теклѣ:

Есть лучшій край, гдѣ мы любить свободны,
Туда моя душа ужъ все перенесла.

Великій русскій лирикъ Фетъ, поэзія котораго почти чужда религіозныхъ мотивовъ, оставилъ тѣмъ не менѣе хрустальное по чистотѣ стихотвореніе, въ которомъ изображена мечта о любимой дѣвушкѣ человѣка въ ночномъ уединеніи, передъ иконой:

Владычица Сіона, предъ Тобою
Во мглѣ моя лампада зажжена.
Все спитъ кругомъ. Душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.
Ты мнѣ близка. Покорною душою
Молюсь за ту, кѣмъ жизнь моя ясна.
Дай ей цвѣсти. Будь счастлива она
Съ другимъ ли избраннымъ, одна или со мною...
О, нѣтъ!.. Прости вліянію недуга.
Ты знаешь насъ: намъ суждено другъ друга
Взаимными молитвами спасать...
Такъ дай же силъ, простри святыя руки,
Чтобъ ярче могъ въ полночный часъ разлуки
Я предъ Тобой лампаду возжигать!

Какъ хорошо и какъ глубоко это сказано и какъ чудесно выражаетъ это конечную цѣль всякой истинной христіанской привязанности: «намъ суждено другъ друга взаимными молитвами спасать»...

Судьба можетъ разлучить людей. Двое лицъ, созданныхъ другъ для друга, могутъ оказаться разведенными въ разныя стороны, но вотъ, чего никакая судьба не въ силахъ отнять ни у одной живой души человѣческой: права молиться за дорогую душу.

Пусть судьба раскидала ихъ далеко другъ отъ друга, пусть они въ жизни не видались десятки лѣтъ и никогда уже болѣе не увидятся... Но душа человѣческая оказалась бы слишкомъ мелка, и привязанности людскія слишкомъ ничтожны, еслибъ надъ самыми глубокими и истинными привязанностями время имѣло какую-нибудь власть.

Есть исключительная сила чувствъ, есть такія избранныя и вѣрныя сердца, которыя любятъ въ разлукѣ еще крѣпче, чѣмъ когда находятся съ любимыми людьми, которыя среди измѣнъ и испытаній любятъ также неизмѣнно, какъ въ тѣ счастливые дни,

Когда любви свѣтило
Надъ ними весело всходило,

которые черезъ десятки лѣтъ, за эти долгіе годы не видавъ предмета любви, любятъ съ той же исключительностью, тою же глубиною, тою же заботою.

И вотъ, именно такое чувство и должно быть въ наличіи при заключеніи брака: надо, чтобы двѣ души какъ бы поглощали одна другую, жаждали духовнаго единенія тою жаждою, которая съ годами и съ паденіемъ страсти не только не прекращается, но еще увеличивается.

Одинъ богатый и знатный человѣкъ очень высокой духовной жизни, воспитавъ дѣтей, давно уже взрослыхъ, тихо доживалъ свой вѣкъ съ женой, которая, какъ и онъ самъ, была женщиной чистой и пламенной души.

Послѣдніе годы своей жизни онъ говаривалъ: «Какая непостижимая тайна и глубина въ душѣ человѣческой: кажется, я бы могъ за сорокъ слишкомъ лѣтъ нашего брака хорошо узнать мою жену—мы жили съ нею дружно. А, между тѣмъ, я открываю въ ней все новыя и новыя черты, о которыхъ я раньше не зналъ».

Я зналъ еще одну супружескую чету замѣчательно дружную и согласную. На свадьбу мужъ пошелъ къ вѣнцу столь же чистый, какъ его невѣста. За сорокъ лѣтъ своего супружества они не разлучились ни одного разу. Дѣтей ихъ всегда смущалъ вопросъ о томъ, какъ одинъ изъ супруговъ останется жить безъ другого. Они тоже, казалось, не только никогда не надоѣдали другъ другу, но, чѣмъ тѣснѣе было ихъ общеніе, тѣмъ больше была жажда продолженія и углубленія этой близости. Они вмѣстѣ по утрамъ молились, вмѣстѣ по вечерамъ читали Евангеліе. Эти двое лицъ, дѣйствительно, представляли собою живую «домашнюю церковь», о какой говоритъ Апостолъ.

Христіанскія лѣтописи знаютъ много великихъ примѣровъ высокаго христіанскаго роста согласныхъ супруговъ.

Во время пребыванія императора Максимиліана въ Никомидіи по его приказу были приведены на судъ христіане и подвергнуты пыткамъ. Ихъ мужествомъ былъ пораженъ одинъ изъ начальниковъ преторіи, молодой, знатный и богатый язычникъ Адріанъ. Онъ сталъ разспрашивать мучениковъ объ ихъ вѣрѣ, и внезапно во время этой бесѣды благодать коснулась души Адріана, онъ увѣровалъ и, ставъ посреди преторіи, крикнулъ писцамъ: «Напишите на одномъ листѣ вмѣстѣ съ именами этихъ праведниковъ и мое имя, ибо и я вѣрую во Христа и съ радостью за него умру». Когда до жены Адріана, Наталіи, дошелъ слухъ о томъ, что ея мужъ хочетъ умереть съ христіанскими мучениками, она обрадовалась, ибо была тайною христіанкой, поспѣшила въ темницу и умоляла Адріана не бояться предстоящихъ мукъ. Послѣ долгой бесѣды съ мужемъ Наталія обошла всѣхъ узниковъ и умоляла ихъ укрѣплять новообращеннаго своими наставленіями и бесѣдами о сладости вѣчной жизни, чтобъ внушить ея супругу терпѣніе. Они успокаивали другъ друга.

— Иди домой и спи спокойно,—говорилъ Адріанъ;—а, когда я узнаю, въ какое время приведутъ насъ на мученія, то извѣщу тебя, чтобъ ты могла видѣть мою кончину.

— Не щади своей молодости и красоты,—говорила въ свою очередь Наталія:—бренное тѣло наше есть пища червямъ. Не думай также и объ имѣніи, о золотѣ и серебрѣ: они не принесутъ никакой пользы въ день страшнаго суда; одни лишь добрыя дѣла и вѣра будутъ приняты Богомъ, какъ даръ.

Наталія еще возвратилась въ темницу и осталась тамъ. Ея служанки принесли полотно и бинты, и Наталія сама перевязывала раны узниковъ, изнуренныхъ пытками и долгимъ томленіемъ въ темницѣ, но бодрыхъ духомъ.

Когда Адріана повели на допросъ, Наталія поддерживала его рѣшимость: «Если ты во время службы земному царю не щадилъ здоровья и шелъ на смерть во время войны, то теперь тѣмъ мужественнѣе ты долженъ нести муки и умереть за Царя Небеснаго».

Двадцативосьмилѣтній Адріанъ мужественно перенесъ пытки, которымъ его велѣлъ подвергнуть императоръ, и былъ унесенъ въ темницу съ совершенно растерзаннымъ чревомъ. Наталія съ другими христіанскими женщинами явилась снова въ темницу ходить за мучениками, пока по приказу императора, узнавшаго объ этомъ, ее оттуда изгнали. Но тогда Наталія

остригла себѣ волосы и въ мужскомъ одѣяніи продолжала свое дѣло.

Такъ какъ многіе изъ мучениковъ находились при послѣднемъ издыханіи, Максимиліанъ велѣлъ совершить надъ ними торжественную казнь. Имъ молотомъ отбили руки и ноги—и это было для нихъ послѣднее земное страданіе. Одинъ изъ благочестивыхъ христіанъ собралъ впослѣдствіи останки мучениковъ и перевезъ ихъ въ Византію.

На Наталіи, оставшейся вдовой, задумалъ жениться тысяченачальникъ императорской гвардіи. Этотъ бракъ поощрялъ императоръ. Наталія молила Бога избавить ее отъ этой судьбы. По явленію ей одного изъ мучениковъ, Наталія немедленно отплыла въ Византію. Послѣ молитвы въ храмѣ, гдѣ покоились мученики, Наталія забылась сномъ и увидѣла во снѣ своего Адріана, который ей сказалъ, что вскорѣ они соединятся. Очнувшись, Наталія пересказала о видѣніи пріютившимъ ее христіанамъ, снова заснула—и уже болѣе не проснулась. Разлученные землею, они въ небѣ соединились.

Вотъ, примѣръ того, что сдѣлала жена для души мужа.

Любя эту душу Адріана болѣе его земной жизни, Наталія, конечно, молила Бога неотступными мольбами просвѣтить Своимъ свѣтомъ эту любимую душу. И потомъ, когда чудо обращенія Адріана совершилось, она безтрепетной рукой подвела мужа къ мукамъ.

И пережила трагическое, но великое счастье—видѣть гибель любимаго человѣка во имя того, что наполняло ея жизнь. Смерть Адріана была для Наталіи добровольною и великою жертвою Христу.

А это бѣгство, съ помощью небесной охраны, отъ навязываемаго ей брака, эта внезапная кончина у дальняго мѣста упокоенія Адріана: какой непроходящій, яркій примѣръ высоты христіанскаго брака!

. . . . . .

Если, въ супружествѣ Адріана и Наталіи, Наталія явилась духовной наставницей своего супруга и своими молитвами сдѣлала изъ него не только христіанина, но и мученика Христова, то въ исторіи мученика Іуліана и его неневѣстной невѣсты Василисы главой ихъ духовнаго подвига явился Іуліанъ.

Уроженецъ знатной и богатой семьи прекраснаго и бойкаго города Антинои, получившій тщательное воспитаніе, Іуліанъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которому суждено было показать въ себѣ всю красоту дѣвственной жизни.

Когда ему минуло восемнадцать лѣтъ, родители, желая видѣть продолженіе своего рода, стали убѣждать сына жениться. Іуліанъ мечталъ объ иномъ и послѣ долгихъ уговоровъ родителей просилъ дать ему для окончательнаго отвѣта недѣлю срока.

Въ чистотѣ и молитвѣ провелъ онъ всю эту недѣлю, и въ концѣ ея было ему видѣніе. Господь приказалъ ему исполнить волю родителей, такъ какъ съ предназначенной ему женою онъ не нарушитъ своего дѣвства, и многіе юноши и дѣвы послѣдуютъ ихъ примѣру, и увидятъ они Бога въ уготованномъ имъ чертогѣ.

Когда затихъ роскошный брачный пиръ, и женихъ и невѣста были отведены въ опочивальню, что-то неземное чувствовалось въ брачной ложницѣ. Лилось въ ней какое-то благоуханіе, хотя была зима. И вотъ, внезапно заколебалось основаніе брачнаго покоя, разлился въ немъ дивный свѣтъ, въ лучахъ его потускнѣли горѣвшія свѣчи, и открылось Божественное видѣніе. Съ одной стороны былъ Христосъ въ образѣ Царя славы, съ безчисленнымъ множествомъ дѣвственниковъ, съ другой — Пресвятая Приснодѣва Марія, съ ликами дѣвъ. И въ принесенной Іуліану великой прекрасной книгѣ Іуліанъ прочелъ написанныя золотыми буквами слова: «Іуліанъ, отвергшійся отъ міра ради любви ко Мнѣ, будетъ причисленъ къ тѣмъ, которые провели всю свою жизнь непорочно. Василиса за чистоту свою причтется къ лику дѣвъ, подражающихъ истинной Дѣвѣ Маріи, Моей Матери Пречистой».

До смерти родителей Іуліанъ и Василиса хранили свою тайну, такъ что родители думали, что они живутъ въ обыкновенномъ бракѣ. Получивъ же послѣ ихъ смерти свободу, они оба, постригшись, создали по монастырю и стали въ нихъ настоятельствовать. У Іуліана въ монастырѣ было до десяти тысячъ братій. Къ нему стекались отовсюду люди, искавшіе спасенія души, а въ монастырѣ Василисы было до тысячи дѣвъ и множество женъ.

Предъ гоненіемъ, воздвигнутымъ на христіанъ, Іуліанъ и Василиса молили Бога, чтобы ни одна изъ собранныхъ ими душъ не измѣнила Христу, и Василиса получила во снѣ отъ Бога откровеніе, что всѣ ея дѣвы въ теченіе полугода отойдутъ въ вѣчность, а затѣмъ тихо скончается она сама: потомъ же ея духовный братъ Іуліанъ совершитъ со своими братіями мученическій подвигъ.

Іуліанъ былъ взятъ подъ стражу, а весь его монастырь со всѣми десятью тысячами братій и присоединившимися къ нимъ

епископомъ и духовенствомъ былъ сожженъ. И долгое время потомъ на мѣстѣ монастыря раздавалось сладкогласное пѣніе невидимыхъ пѣвцовъ въ тѣ часы, когда церковь совершаетъ свои моленія: въ первомъ, въ третьемъ, въ шестомъ и девятомъ, и подавалось исцѣленіе тѣмъ, кому удалось слышать это небесное пѣніе. Іуліанъ же, претерпѣвъ много мукъ, явилъ много чудесъ и послѣ жесточайшихъ пытокъ былъ казненъ.

Такова исторія брака святого мученика Іуліана и блаженной Василисы.

Русская исторія знаетъ много примѣровъ такихъ христіанскихъ браковъ. Одна изъ отраднѣйшихъ по нравственной высотѣ своей русскихъ женщинъ, благовѣрная великая княгиня преподобная инокиня Анна Кашинская принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ вѣчная судьба супруга дороже его жизни.

Когда великій князь Михаилъ Тверской былъ вызванъ въ Орду, благовѣрная великая княгиня Анна убѣждала мужа не измѣнять вѣрѣ, прося его лучше мученически пострадать, чѣмъ отречься въ Ордѣ отъ Христа или совершить какіе-нибудь жертвенные обряды. Анна, такъ сказать, опредѣлила его на муки, сама своей рукой подвела его къ пыткамъ.

Такъ говорила въ ней лучшая часть ея существа, хотя для человѣческой ея природы казался страшнымъ тотъ подвигъ, къ которому она толкала своего мужа. Что пережила она, когда получила вѣсть о его мученической кончинѣ, и когда по Волгѣ былъ привезенъ гробъ съ мученическими останками еще не стараго, погибшаго въ цвѣтѣ лѣтъ, князя Михаила. Безутѣшное вдовство, гибель нѣсколькихъ сыновей, взятыхъ у нея Ордою, была ея послѣдующимъ испытаніемъ. И эта крѣпкая духомъ женщина въ духовномъ подвигѣ находила утѣшеніе отъ жестокой своей земной доли.

И вотъ, теперь онъ въ Твери, она въ Кашинѣ свѣтятъ русскимъ людямъ святостью своей и нетлѣніемъ мощей своихъ, на землѣ разлучившіеся, согласно пострадавшіе, чтобы въ небѣ соединиться и вмѣстѣ царствовать.

Примѣръ царицы Анастасіи Романовны показываетъ, что можетъ сдѣлать женщина для своего мужа.

Дѣтство Іоанна Грознаго было дѣтствомъ несчастнаго, заброшеннаго, постоянно озлобляемаго ребенка. Оставшись младенцемъ послѣ смерти отца своего великаго князя Василія Третьяго, онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ потерялъ и мать. Окружали его буйные бояре, которые хотѣли сдѣлать изъ мальчика ширму для своихъ злоупотребленій. Мальчикъ былъ богато

одаренный, чувствительный, жаждавшій ласки, уже въ ту пору чувствовавшій и сознававшій высоту и значеніе своей власти, а бояре обращались съ царственнымъ ребенкомъ непочтительно, дѣлали его зрителемъ своихъ ссоръ.

Однажды, ночью, напали они на митрополита, который убѣжалъ растерянный спасаться въ великокняжескій теремъ, и ребенокъ былъ страшно этимъ перепуганъ. Одинъ изъ бояръ въ присутствіи Іоанна разваливался въ креслѣ и ноги въ сапогахъ клалъ на ту постель, въ которой скончался его отецъ, Василій Третій. Забывая стыдъ и совѣсть, бояре старались раздуть въ Іоаннѣ, неподросшемъ еще мальчикѣ, страсти, для того, чтобы уменьшить его интересъ къ дѣламъ государственнымъ и самимъ править помимо его. Однимъ словомъ, они искалѣчили, насколько могли, эту богатую природу, въ которой добро было смѣшано со зломъ, и которая впослѣдствіи такъ широко развернулась въ сторону зла, потому что провела такое печальное дѣтство.

Но, когда Іоаннъ, уже проявившій ростки этихъ уродливыхъ наклонностей, которыя впослѣдствіи въ немъ развились такъ сильно, задумалъ жениться, выборъ его палъ на кроткую и чистую русскую дѣвушку, Анастасію Романовну Юрьеву-Захарьину.

Вліяніемъ своей благой и мягкой души она сглаживала шероховатости характера Іоанна, смиряла его буйные порывы. Въ тихой и чистой привязанности къ ней онъ нашелъ то счастье, котораго не могли дать ему грѣховныя упоенія. И, среди этого счастья, рука объ руку съ вѣрной помощницей, развились въ Іоаннѣ его государственныя способности. Время, проведенное съ Анастасіей, было счастливѣйшими, отраднѣйшими и удачнѣйшими годами Іоаннова царствованія. Онъ не могъ никогда забыть этой женщины, которая, казалось, унесла въ могилу съ собою навсегда все, что было лучшаго въ этой смолоду раненой, страдающей и бурной душѣ.

И, среди ужасовъ его послѣдующаго царствованія, въ сіяніи немеркнущихъ огней, вставалъ предъ нимъ образъ той, которую онъ съ такой тоской и любовью называлъ «моя юница»,—первая и послѣдняя, единственная его искренняя привязанность, посланница неба, возродившая его на новую жизнь и унесшая эту жизнь съ собою.

Вотъ, идеалы христіанскаго брака... И какъ мало къ этимъ высокимъ примѣрамъ подходитъ построеніе современнаго брака. Гніетъ семья, а вмѣстѣ съ семьей гніетъ и вся общественная жизнь.

Какъ все въ христіанствѣ, такъ и христіанскій бракъ требуетъ отъ человѣка постояннаго подвига. Сколько искушеній: то мужа или жену плѣнила красота чужого человѣка, то смущаютъ кого-нибудь изъ нихъ чужія ухаживанія, и искушающій голосъ обѣщаетъ въ измѣнѣ большую сладость, то въ раздраженномъ состояніи хочется сказать рѣзкое слово,—первое рѣзкое слово, которое можетъ стать началомъ непріязненныхъ отношеній.

Тутъ нужна большая выдержка, тутъ нужно сознаніе важности принятыхъ на себя обязанностей, готовность на жертвы и, наконецъ, всепрощеніе. Жена, которая станетъ рѣзко укорять мужа, хотя виновнаго предъ нею, только оттолкнетъ его отъ себя. Тихое страданіе больше произведетъ впечатлѣнія на совѣстливаго мужчину, лучше воздержитъ его отъ тѣхъ или иныхъ измѣнъ, чѣмъ рѣзкія выпады, брань и укоры.

Въ наше время въ бракѣ, вмѣсто подвига, обыкновенно обѣ стороны ищутъ только удовольствій. Дѣвушка, вышедшая замужъ, увлекаемая общимъ потокомъ безумнаго семейнаго мотовства, требуетъ отъ мужа такихъ расходовъ на ея наряды, которые тяжелымъ бременемъ на него ложатся и бываютъ причиною семейнаго ада. Въ противность западу, гдѣ женщина въ благоразумныхъ семьяхъ является помощницей своего мужа, съ нимъ вмѣстѣ старается копить для обезпеченія себя на старость и для обезпеченія будущихъ дѣтей, у насъ женщина очень часто является ненасытной пожирательницей мужнинаго достатка.

Кромѣ того, въ нашей русской жизни, въ противность и древней, и еще сравнительно недавней Руси прошлаго вѣка, молодыя жены часто не хотятъ, а въ большинствѣ случаевъ не умѣютъ заниматься домашнимъ хозяйствомъ, и вообще—не создаютъ мужу того уюта семейнаго очага, въ которомъ трудящійся человѣкъ послѣ дневныхъ заботъ такъ нуждается и при отсутствіи котораго онъ начинаетъ бѣгать по сторонамъ.

Невыразимо жаль, что во множествѣ семей жена ничѣмъ не отличается отъ дорого стоющей содержанки и вмѣсто того, чтобы быть для мужа тѣмъ, чѣмъ была для царя Іоанна его «юница» Анастасія Романовна, является дорого стоющей прихотью, получая за то, конечно, и соотвѣтственное къ себѣ отношеніе.

И какъ бы хотѣлось, чтобы дѣвушки, выходя замужъ, глубже вдумывались въ тѣ великія обязанности, которыя на себя принимаютъ, а не мечтали бы о томъ, какъ станутъ теперь рядиться и веселиться.

Какъ хотѣлось бы, чтобы и мужчина сознавалъ свои обязанности предъ семьей и воспитывалъ въ молодой женѣ, которой онъ обыкновенно бываетъ старше, всѣ тѣ добрыя качества, которыя въ ней, можетъ быть, и таятся, но не всегда выходятъ наружу.

Особенно благопріятное состояніе для служенія Богу есть состояніе вдовства. Настоящая христіанская вдова принимаетъ свое горе, какъ указаніе свыше. Душа высокая, способная на исключительныя привязанности, не примирится никогда съ потерей, не забудетъ того, кому отдала всю свѣжесть перваго чувства, для нея мужъ будетъ всегда единымъ.

Есть разрядъ женщинъ, вѣроятно, вышедшихъ замужъ исключительно изъ разсчета, которыя обращаютъ свое вдовство въ похожденія, въ постоянную смѣну легкомысленныхъ и мимолетныхъ привязанностей: зрѣлище довольно противное.

Насколько выше тѣ вдовы, которыя, удалившись отъ свѣта, одѣвшись въ трауръ, не смѣняемый ими до смерти, заботятся только о воспитаніи дѣтей и творятъ въ память умершаго любимаго человѣка какія-нибудь добрыя дѣла.

Мнѣ разсказывали о совсѣмъ молодой красивой женщинѣ, которая, потерявъ любимаго мужа, оставившаго ей сына, поселилась въ усадьбѣ въ окрестностяхъ большого города и, заботясь о воспитаніи своего мальчика, всѣ свободные часы проводила одна въ духовномъ чтеніи, въ молитвѣ и воспоминаніяхъ. Она ждетъ только, чтобы сынъ ея подросъ и не нуждался въ ея ежедневныхъ заботахъ, чтобы положить начало монашеской общинѣ, въ которой она сама поселится.

Эта смиренная скорбь, этотъ чистый памятникъ, изъ своей жизни воздвигаемый преданной, помнящей, женской душой въ честь умершаго, любимаго человѣка—какая въ этомъ красота и значеніе!..

Таинство елеосвященія, въ простонарѣчіи называемое соборованіемъ, окружено у насъ тѣмъ же глубокимъ непониманіемъ, какъ и большинство таинствъ. У насъ обыкновенно соборуютъ лицъ, совершенно безнадежныхъ для жизни, какъ бы напутствуя этимъ таинствомъ человѣка на смерть.

Такой неправильный взглядъ на это таинство развитъ въ общежитіи и у французовъ-католиковъ, у которыхъ это таинство такъ и называется «extrême onction» — «послѣднее помазаніе».

У насъ почти не бываетъ, чтобы человѣка соборовали на ногахъ. Простой народъ же думаетъ, что соборованіе является чѣмъ-то вродѣ постриженія въ монашество, такъ что, напримѣръ, послѣ соборованія холостому человѣку или вдовцу нельзя будто бы вступать въ бракъ.

Таинство соборованія основано на словахъ апостола Іакова, которыя надо себѣ припомнить, для того, чтобы имѣть правильное сужденіе объ этомъ таинствѣ.

«Болитъ ли кто въ васъ, да призоветъ пресвитеры церковныя, и да молитву сотворятъ надъ нимъ, помазавъ его елеемъ во имя Господне. И молитва вѣры спасетъ болящаго, и воздвигнетъ его Господь, и аще грѣхи сотворилъ есть, отпустятся ему». (Замѣтимъ кстати, что при елеосвященіи отпускаются человѣку забвенные и не исповѣданные грѣхи).

Такимъ образомъ условіе, при которомъ можно прибѣгать къ таинству елеосвященія, есть болѣзнь—«болитъ ли кто въ васъ». При этомъ вовсе, однако, не сказано, что болѣзнь должна быть смертельной, или чтобы человѣкъ находился въ безпомощномъ состояніи.

Наконецъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, въ христіанствѣ страданіе душевное признается тоже болѣзнью. Такимъ образомъ, апостолъ совѣтуетъ призывать пресвитера церковнаго для сотворенія молитвы надъ больными вообще—страдающими физически или немоществующими духомъ.

Итакъ, если я тяжко страдаю духомъ отъ смерти близкихъ людей, отъ какого-нибудь горя, напримѣръ, внезапной потери средствъ къ жизни, если мнѣ необходимъ какой-нибудь благодатный духовный толчекъ, чтобы собраться съ силами и снять съ себя путы отчаянія,—я могу прибѣгать къ соборованію. Точно также могу я прибѣгать къ соборованію въ дни великаго искушенія, когда силы мои слабѣютъ въ борьбѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ я подхожу подъ условія, высказанныя апостоломъ: «Болитъ ли кто въ васъ».

Что соборованіе можетъ совершаться надъ людьми, не распростертыми неподвижно на одрѣ смертельной болѣзни, видно изъ того, что въ Одессѣ, Москвѣ и Троице-Сергіевой лаврѣ ежегодно въ страстной четвергъ совершается таинство елеосвященія, причемъ помазуется весь народъ, находящійся въ церкви.

Точно также въ строгихъ монашескихъ обителяхъ вы найдете старцевъ, которые по вашей просьбѣ совершатъ надъ вами тайно у себя въ келліи елеосвященіе, когда вы скажете имъ, что недугуете духомъ и хотѣли бы въ этомъ таинствѣ искать себѣ исцѣленія.

Такимъ образомъ, область примѣненія соборованія должна быть много расширена противъ современныхъ неправильныхъ о немъ понятій.

Мнѣ приходилось встрѣчать вѣрующихъ людей, которые до тридцатилѣтняго возраста бывали соборованы уже раза три. Я зналъ людей старыхъ, надъ которыми это таинство было совершено семь, восемь разъ. Въ молитвахъ «послѣдованія» таинства елеосвященія не говорится о смерти, а все время объ исцѣленіи и жизни. Это таинство не къ смерти, а къ жизни.

Точно также нигдѣ у апостола нѣтъ и слѣда мысли о томъ, что таинство елеосвященія возлагаетъ нѣкоторую печать отверженія отъ міра, чѣмъ-нибудь ограничиваетъ отношенія къ міру человѣка, выздоровѣвшаго послѣ этого таинства.

Всѣ такія взгляды это народные предразсудки и недоразумѣнія. Соборованіе, какъ и другія таинства, основанныя церковью для нашей пользы, похоже на сундукъ съ запертыми въ немъ сокровищами, ключъ отъ котораго находится у насъ, и который мы по своей косности, лѣни и непониманію не хотимъ открыть.

Соборованіе есть свѣтлое таинство, укрѣпляющее жизнь, есть побѣда силы Христовой надъ земнымъ разрушеніемъ.

Такъ надо смотрѣть на это таинство, а не видѣть въ немъ мрачный обрядъ предъ смертью человѣка.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ЖИЗНЬ ПО ХРИСТУ.

ГЛАВА I.

Картины христіанской жизни.

Невидимые въ суетѣ, таятся въ глуши святые уголки, гдѣ живутъ люди съ такими возвышенными чувствами, что, когда узнаешь о нихъ, то кажется, что слушаешь какую-то прекрасную, но несбыточную сказку.

Одинъ странникъ и молитвенникъ, ходившій съ котомкой на плечахъ по Россіи, разсказывалъ о встрѣчѣ своей съ христіанской семьей, которая, кажется, умѣла въ мірской жизни воплотить вполнѣ идеалы христіанства.

Верстахъ въ пяти отъ одного уѣзднаго города, этотъ странникъ увидалъ на самой дорогѣ небогатое село и небольшую деревянную церковь; однако, она была хорошо украшена снаружи и расписана.

Проходя мимо церкви, странникъ пожелалъ поклониться храму Божію и помолился на паперти его. Около церкви, на лужку, играли двое какихъ-то малютокъ, лѣтъ по пяти или по шести. Странникъ принялъ ихъ за священническихъ дѣтей, хотя они были одѣты лучше, чѣмъ одѣваются обыкновенно такія дѣти.

Не отошелъ странникъ отъ храма шаговъ десять, какъ услышалъ за собой крикъ:

— Нищенькой, постой!

Это кричали тѣ малютки, мальчикъ и дѣвочка. Странникъ остановился, а дѣти побѣжали къ нему, схватили его за руку и тянули его, приговаривая:

— Пойдемъ къ маменькѣ, она нищихъ любитъ.

— Я не нищій,—отвѣчалъ странникъ,—а прохожій человѣкъ.

— А какъ же у тебя мѣшокъ?

— Это мой дорожный хлѣбъ.

— Нѣтъ, пойдемъ непремѣнно, маменька дастъ тебѣ денегъ на дорогу.

— Да гдѣ ваша маменька?

— Вонъ, за церковью, за этой рощицей.

Чрезъ прекрасный садъ дѣти провели странника въ большой господскій домъ. Палаты были просторныя, сіяющія чистотой и богатымъ убранствомъ. Выбѣжала барыня.

— Милости прошу,—заговорила она:—откуда тебя Богъ послалъ къ намъ? Садись, садись, любезный. Не хочешь ли покушать или чайку? Нѣтъ ли у тебя какихъ нуждъ?

И сама она сняла со странника сумку, положила ее на столъ, а самого его посадила на мягкій удобный стулъ.

— Всенижайше благодарю васъ,—отвѣчалъ странникъ,—но кушанья—хлѣба у меня цѣлый мѣшокъ. Чай я, хотя и пью, но по мужицкому быту привычки къ нему не имѣю. Ваше усердіе и ласка для меня дороже всякаго угощенія. Буду молить Бога, чтобы Онъ благословилъ васъ за такое евангельское странноліобіе.

Растроганный до слезъ, странникъ сталъ прощаться, но барыня не пускала. Она говорила, что скоро пріѣдетъ мужъ, служащій въ уѣздномъ городѣ судьей по выборамъ, что она почитаетъ каждаго странника за посланника Божія. Къ тому же завтра воскресенье. Они вмѣстѣ помолятся, а послѣ обѣдни у нихъ бываетъ трапеза, за которой бываетъ до тридцати гостей нищихъ Христовыхъ братій.

Дѣтямъ своимъ барыня велѣла взять сумочку странника и отнести въ образную комнату, гдѣ ему предстояло ночевать.

Слушалъ онъ, смотрѣлъ и спрашивалъ себя: съ людьми говоритъ онъ или съ ангелами?

Оказалось, что въ томъ городѣ, куда пробирался странникъ, мать барыни монашествовала въ женскомъ монастырѣ и недавно приняла тамъ схиму.

Когда настало время обѣда, и сѣли за столъ, пришли еще четыре особы, которыхъ странникъ принялъ за барынь, и стали съ ними кушать. Послѣ перваго кушанья одна изъ нихъ встала, сдѣлала поклонъ къ образу, поклонилась всѣмъ и принесла другое блюдо, и тутъ же опять сѣла. Затѣмъ другая особа такимъ же порядкомъ пошла за третьимъ блюдомъ. Странникъ изъ любопытства спросилъ, не родныя ли хозяйкѣ эти особы?

Хозяйка отвѣтила, что это кухарка, жена кучера, ключница и горничная, всѣ замужнія. И всѣхъ ихъ она считаетъ своими сестрами.

Послѣ трапезы странникъ думалъ одинъ походить по саду и предаться тамъ молитвѣ, но хозяйка просила его побесѣдовать съ ней о духовныхъ предметахъ:

— Если же тебѣ идти одному, то дѣти не дадутъ тебѣ покою. Они, какъ скоро тебя увидятъ, не отойдутъ отъ тебя ни на минуту, такъ они любятъ нищихъ, Христовыхъ братій и странниковъ.

Нечего было дѣлать. Пришлось идти въ садъ съ барыней. Для того, чтобы удобнѣе сохранять безмолвіе и не говорить, странникъ поклонился барынѣ въ ноги, и просилъ разсказать ему, давно ли она провождаетъ богоугодную жизнь и какимъ образомъ достигла такого благочестія.

— Пожалуй, я тебѣ все разскажу,—сказала барыня.

Вотъ, видишь, мать моя правнучка святителя Іоасафа, котораго мощи на вскрытіи почиваютъ въ Бѣлгородѣ. У насъ былъ большой домъ, флигель коего нанималъ небогатый дворянинъ. Наконецъ, онъ умеръ, а жена его осталась беременною, родила и сама умерла послѣ родовъ. Рожденный остался круглымъ бѣднымъ сиротою: моя маменька изъ жалости взяла его къ себѣ на воспитаніе, черезъ годъ родилась и я. Мы вмѣстѣ росли и вмѣстѣ учились у однихъ учителей и учительницъ, и такъ свыклись, какъ будто родные братъ съ сестрой. По нѣкоторомъ времени скончался и мой родитель, а матушка, оставя городскую жизнь, переѣхала съ нами, вотъ, въ это свое село на житье. Когда мы пришли въ возрастъ, маменька выдала меня за сего своего воспитанника, отдала намъ это свое село, а сама, построивъ себѣ келью, опредѣлилась въ монастырь. Давши намъ свое родительское благословеніе, она сдѣлала намъ такое завѣщаніе, чтобы мы жили по-христіански, молились усердно Богу и болѣе всего старались исполнять главнѣйшую заповѣдь Божію, то есть любовь къ ближнимъ, питали и помогали нищимъ, Христовымъ братіямъ, въ простотѣ и смиреніи, дѣтей воспитывали въ страхѣ Божіемъ и съ рабами обходились, какъ съ братьями. Вотъ, мы такъ и живемъ здѣсь уединенно ужъ десять лѣтъ, стараясь, сколько возможно, исполнять завѣщаніе нашей матушки. У насъ есть и нищепріемница, въ которой и теперь живутъ болѣе десяти человѣкъ увѣчныхъ и больныхъ; пожалуй, завтра сходимъ къ нимъ.

Заинтересовавшись книжкой Іоанна Лѣствичника, стран-

никъ попросилъ показать эту книгу и, вернувшись въ домъ, расположился съ барыней читать ее. Тутъ пріѣхалъ баринъ. Увидѣвъ странника, онъ любезно его обнялъ, по-братски и по-христіански съ нимъ расцѣловался и повелъ въ свою комнату со словами:

— Пойдемъ, любезнѣйшій братъ, въ мой кабинетъ, благослови мою келлію. Я думаю, что она (онъ указалъ на жену) тебѣ надоѣла. Она, какъ увидитъ странника или странницу, или какого больного, то рада и день и ночь не отходить отъ нихъ: во всемъ ея домѣ изстари такое обыкновеніе.

Они вошли въ кабинетъ. Тамъ было множество книгъ, прекрасныя иконы, животворящій крестъ во весь ростъ, и при немъ было поставлено Евангеліе. Странникъ помолился на эти иконы и сказалъ:

— У васъ, батюшка, здѣсь рай Божій. Вотъ, Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Пречистая Его Матерь и святые Его угодники. А вотъ—ихъ божественныя, живыя и несмолкаемыя слова и наставленія. Я думаю, вы часто наслаждаетесь небесною бесѣдою съ ними?

— Да,—отвѣчалъ баринъ,—признаюсь, я охотникъ читать.

— Какія же у васъ здѣсь книги?

— У меня много и духовныхъ,—отвѣчалъ баринъ.—Вотъ цѣлый годовой кругъ Четьи-Минеи, творенія Іоанна Златоуста, Василія Великаго, много богословскихъ и философскихъ книгъ, а также много и проповѣдей новѣйшихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ. Библіотека моя стоитъ мнѣ тысячъ пять рублей.

Странникъ спросилъ, нѣтъ ли у барина какой книжки о молитвѣ, и баринъ досталъ толкованіе молитвы Господней «Отче нашъ». Они занялись чтеніемъ. Вскорѣ пришла къ нимъ барыня, принесла чай, а малютки притащили серебряное лукошко, полное какими-то сухими пирожками, какихъ странникъ отъ роду не ѣдалъ. Это, очевидно, было печеніе. Баринъ, взявши у странника книжку, подалъ ее барынѣ и говоритъ:

— Вотъ, мы ее заставимъ читать. Она прекрасно читаетъ, а сами будемъ подкрѣпляться.

Такъ они и пили чай подъ чтеніе барыни. Послѣ чтенія пошли ужинать. За столомъ попрежнему сидѣли съ ними всѣ люди: мужчины и женщины. И за столомъ благоговѣйное молчаніе и тишина. Поѣвши, всѣ люди и дѣти стали молиться Богу, и странника заставили читать акаѳистъ Іисусу Сладчайшему. По окончаніи молитвы служители пошли на покой. И странникъ съ господами остались въ комнатѣ втроемъ. Тогда

барыня принесла страннику бѣлую рубашку и чулки. Странникъ, поклонившись въ ноги, сказалъ:

— Не возьму я, матушка, чулокъ. Я ихъ отъ роду не нашивалъ. Мы привыкли ходить всегда въ онучахъ.

Барыня опять побѣжала, принесла свой старый кафтанъ тонкаго желтаго сукна и разрѣзала на двѣ онучи.

Баринъ сказалъ:

— Вотъ, у него, бѣднаго, и опорочки почти развалились,— принесъ новые свои башмаки большіе, которые надѣваютъ сверхъ сапогъ (ботики) и говоритъ:

— Поди вонъ въ ту комнату, тамъ никого нѣтъ и перемѣни съ себя бѣлье.

Странникъ переодѣлся въ той комнатѣ и опять вышелъ къ господамъ. Они его посадили на стулъ и начали обувать. Баринъ сталъ обвертывать ноги онучами, а барыня стала надѣвать башмаки. Странникъ сперва не хотѣлъ было даваться, но они велѣли ему сидѣть спокойно и сказали:

— Сиди и молчи. Христосъ умывалъ ноги ученикамъ.

Нечего ему было дѣлать. Онъ началъ плакать, заплакали и они.

Барыня осталась въ покояхъ ночевать съ дѣтьми, а странникъ съ бариномъ пошли въ садъ въ бесѣдку. Имъ долго не спалось. Они лежали, разговаривая. Баринъ сталъ допытываться у странника, кто онъ такой, предполагая, что онъ изъ хорошаго рода и только напускаетъ на себя юродство. Странникъ же разсказалъ ему по чистой совѣсти, что онъ происхожденія простого, хотя и наученъ хорошо письму и чтенію, а духовную премудрость получилъ отъ своего старца.

Тогда баринъ сталъ разсказывать ему объ одной замѣчательной встрѣчѣ. Два года назадъ пришелъ къ нимъ нищій съ паспортомъ отставного солдата, старый, дряхлый, почти нагой и босой; говорилъ онъ мало и такъ просто, какъ степной мужикъ.

Они помѣстили его въ своей нищепріемницѣ. Дней чрезъ пять онъ сильно захворалъ, и они перенесли его въ садъ—бесѣдку, и стали съ женой ходить за нимъ и лѣчить его. Но онъ, видимо, приближался къ смерти. Они приготовили его, позвали своего священника его исповѣдывать, пріобщить и особоровать. Наканунѣ смерти онъ всталъ, потребовалъ у барина листъ бумаги и перо и попросилъ, чтобы дверь заперли и никого не впускали, покуда онъ напишетъ завѣщаніе своему сыну, которое и просилъ переслать послѣ смерти его въ Петербургъ по приложенному имъ адресу.

Баринъ изумился, увидавъ не только прекрасный, изящный почеркъ, но и превосходно изложенныя мысли. Онъ просилъ разсказать умирающаго исторію его жизни. Тотъ, взявъ съ него клятву не открывать никому его тайны прежде его смерти, сталъ говорить:

«Я былъ князь N..., имѣвшій очень богатое состояніе и проводившій самую пышную, роскошную и разсѣянную жизнь. Жена моя умерла, а я жилъ съ сыномъ моимъ, счастливо служившимъ капитаномъ въ гвардіи. Однажды, собираясь ѣхать на балъ къ одной важной персонѣ, я былъ сильно разсерженъ моимъ камердинеромъ; не перетерпѣвши своего азарта, я жестоко ударилъ его въ голову и приказалъ сослать его въ деревню. Это было вечеромъ, а на другой день камердинеръ умеръ отъ воспаленія въ головѣ. Но это съ рукъ сошло, и я, пожалѣвши о моей неосторожности, вскорѣ и забылъ объ этомъ. Вотъ, проходитъ шесть недѣль, и умершій камердинеръ началъ являться мнѣ, прежде во снѣ; каждую ночь безпокоилъ и укорялъ меня, непрестанно повторяя: безсовѣстный, ты мой убійца! Потомъ я началъ видѣть его и на яву, въ бодрствованіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще онъ началъ мнѣ являться, а потомъ почти непрестанно меня безпокоилъ. Наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ я началъ видѣть и другихъ умершихъ мужчинъ, коихъ я жестоко оскорблялъ, и женщинъ, коихъ соблазнилъ. Всѣ они безпрерывно укоряли меня и не давали мнѣ покоя до того, что я не могъ ни спать, ни ѣсть, ни чѣмъ-либо заниматься; совершенно истощился въ силахъ, и кожа моя прильнула къ костямъ моимъ. Все стараніе искусныхъ врачей нисколько не помогало. Я поѣхалъ лѣчиться въ чужіе края, но, пролѣчась тамъ полгода, нисколько не получилъ облегченія, и мучительныя видѣнія все жесточе умножались. Меня привезли оттуда едва живого; и я испытывалъ въ полной мѣрѣ ужасы адскихъ мученій души, прежде еще отдѣленія ея отъ тѣла. Тогда я увѣрился, что есть адъ, и узналъ, что значитъ онъ.

«Будучи въ такомъ мучительномъ состояніи, я созналъ мои беззаконія, раскаялся, исповѣдался, далъ свободу всѣмъ при мнѣ служившимъ людямъ и заклялъ себя на всю жизнь мучить себя всякими трудами и сокрыться въ нищенскомъ образѣ, дабы за беззаконія мои быть послѣднѣйшимъ служителемъ людей самаго низкаго класса. Лишь только съ твердостью я на сіе рѣшился, тутъ же и кончились безпокоившія меня видѣнія. Я чувствовалъ такую отраду и сладость отъ примиренія съ Богомъ, что не могу вполнѣ изобразить. Вотъ—здѣсь я также опытно

узналъ, что значитъ рай, и какимъ образомъ разверзается царствіе Божіе внутри сердецъ нашихъ.

«Вскорѣ я совершенно выздоровѣлъ, исполнилъ мои намѣренія и съ паспортомъ отставного солдата тайно ушелъ изъ моей родины. И вотъ, уже 15 лѣтъ, какъ я скитаюсь по всей Сибири. Иногда нанимался у мужиковъ въ посильныя работы, иногда Христовымъ именемъ прокармливалъ себя! Ахъ! При всѣхъ сихъ лишеніяхъ какое я вкушалъ блаженство, счастіе и спокойствіе совѣсти! Это вполнѣ можетъ чувствовать только тотъ, кто изъ мучительнаго ада, милосердіемъ Ходатая, переведенъ въ рай Божій».

Съ завѣщанія этого баринъ хранилъ списокъ. Вотъ, онъ:

«Во имя Бога въ Троицѣ прославляемаго, Отца и Сына и Святаго духа.

«Любезнѣйшій сынъ мой!

«Уже 15 лѣтъ, какъ ты не видишь твоего отца, но онъ въ безъизвѣстности своей, изрѣдка освѣдомляясь о тебѣ, питалъ къ тебѣ отеческую любовь, которая заставляетъ послать къ тебѣ и предсмертныя строки сіи, да будутъ онѣ тебѣ урокомъ въ жизни.

«Тебѣ извѣстно, какъ я страдалъ за мою неосторожность и невнимательную жизнь; но ты не знаешь, какъ я блаженствовалъ въ безъизвѣстномъ моемъ странничествѣ, наслаждаясь плодами покаянія.

«Я спокойно умираю у моего добраго и вмѣстѣ у твоего благодѣтеля, ибо благодѣянія, излитыя на отца, должны касаться чувствительнаго сердца признательнаго сына. Воздай ему благодарность мою, чѣмъ можешь.

«Оставляя тебѣ мое родительское благословеніе, заклинаю тебя помнить Бога, хранить совѣсть, быть осторожнымъ, добрымъ и разсудительнымъ, обращаться съ подчиненными людьми, какъ можно, благосклоннѣе и любезнѣе, не презирать нищихъ и странныхъ, помня, что и умирающій отецъ твой въ нищенствѣ и странничествѣ токмо обрѣлъ спокойствіе и миръ мучившейся душѣ своей.

«Призывая на тебя благодать Божію, я спокойно закрываю глаза мои въ упованіи жизни вѣчной, по милосердію Ходатая человѣковъ, Господа Іисуса Христа».

Отецъ твой N.

. . . . . .

Такъ они съ добрымъ бариномъ лежали, да и поговаривали. Странникъ спросилъ барина:

— Думаю, батюшка, вамъ не безъ хлопотъ и не безъ безпокойства со страннопріемницей? Вѣдь, также много нашей братіи странниковъ ходятъ отъ нечего дѣлать, или по лѣности къ дѣлу, да и шалятъ на дорогѣ, какъ мнѣ случалось видѣть.

— Немного такихъ случаевъ было, все больше попадали истинные странники,—отвѣтилъ баринъ.—Да мы еще болѣе ласкаемъ и удерживаемъ у себя пожить такихъ шалуновъ. Они, поживши между добрыми нашими нищими, Христовыми братіями, часто исправляются и выходятъ изъ нищепріемницы смиренными и кроткими людьми. Вотъ—недавній сему примѣръ. Одинъ здѣшній городской мѣщанинъ до того развратился, что рѣшительно всѣ гоняли его палками отъ своихъ воротъ, и никто ему не давалъ даже и куска хлѣба. Онъ былъ пьяный, буйный и драчливый человѣкъ, да еще и воровалъ. Въ такомъ видѣ и голодный пришелъ онъ къ намъ; просилъ хлѣба и вина, до коего онъ былъ чрезвычайный охотникъ. Мы, ласково принявши его, сказали: живи у насъ, мы будемъ давать тебѣ вина, сколько хочешь, но только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы ты, напившись, сейчасъ ложился спать, если же хотя мало забунтуешь и заколобродишь, то не только прогонимъ тебя и никогда не примемъ, но даже я сдѣлаю отношеніе исправнику или городничему, чтобъ сослать тебя на поселеніе, какъ подозрительнаго бродягу. Согласившись на сіе, онъ у насъ остался. Съ недѣлю или болѣе дѣйствительно пилъ много, сколько хотѣлъ; но всегда по обѣщанію своему и по приверженности къ вину (чтобъ его не лишиться) ложился спать или выходилъ на огородъ, лежалъ тамъ и молчалъ. Когда онъ отрезвлялся, братья нищепріемницы уговаривали его и давали совѣты, чтобы воздерживаться, хотя сначала понемногу. Итакъ, онъ постепенно сталъ пить меньше и, наконецъ, мѣсяца черезъ три сдѣлался воздержнымъ человѣкомъ и теперь гдѣ-то нанимается и не ѣстъ втуне чужой хлѣбъ. Вотъ, третьяго дня онъ приходилъ ко мнѣ съ благодарностью.

— Какая мудрость,—думалъ странникъ,—по руководству любви совершаемая;—и онъ воскликнулъ:—благословенъ Богъ, являющій милость Свою въ оградѣ огражденія вашего!

Такъ проговорилъ странникъ съ бариномъ почти всю ночь. Потомъ прилегли всего часа на два или на полтора. Ихъ разбудилъ благовѣстъ къ заутренѣ. Они собрались и пошли. И, когда явились въ церковь, барыня была давно тутъ со своими дѣтьми. Слушали утреню, а потомъ вскорѣ началась Божественная литургія. Странникъ съ бариномъ и съ его сынкомъ стояли въ алтарѣ, а барыня съ малюткой у алтарнаго окна, чтобы ви-

дѣть возношеніе святыхъ Даровъ. Какъ они молились на колѣняхъ и заливались радостными слезами во время чуда пресуществленія! И лица у нихъ сдѣлались какія-то просвѣтленныя, такъ что странникъ, глядя на нихъ, досыта наплакался.

Когда служба кончилась, господа, священникъ, слуги и всѣ нищіе пошли вмѣстѣ къ обѣденному столу. Нищихъ было человѣкъ до сорока. Были и увѣчные, и ребята. Всѣ сѣли за одинъ столъ въ великой тишинѣ и молчаніи.

Странникъ, запасшись смѣлостью, сказалъ барину:

— Въ обителяхъ читаютъ житія святыхъ во время трапезы. Вотъ, завелся бы такой порядокъ и у васъ. Въ домѣ вашемъ есть, вѣдь, кругъ Четьи-Миней?

— Маша,—сказалъ тогда баринъ барынѣ,—въ самомъ дѣлѣ заведемъ такой порядокъ. Это будетъ преназидательно. Въ первый обѣдъ буду читать я, потомъ ты, тамъ батюшка, а далѣе братія по очереди, кто умѣетъ.

— Нѣтъ,—вставилъ свое слово батюшка,—слушать-то я люблю, а ужъ читать—увольте. Да и нѣтъ совсѣмъ у меня свободнаго времени. Какъ прибѣжишь домой, такъ не знаешь, какъ изворотиться, все хлопоты и заботы. И то надо, и другое надо. Ребятъ куча, да и скота много. Цѣлый день въ суетѣ. Тутъ ужъ не до чтенія или поученія. Что я въ семинаріи вычиталъ, такъ и то давно забылъ.

Странникъ, слыша такія слова священника, содрогнулся. А барыня схватила странника за руку и тихонько ему сказала:

— Батюшка это говоритъ по смиренію. Онъ всегда такъ себя унижаетъ, а онъ предобрѣйшій и богоугодной жизни. Вотъ уже лѣтъ двадцать вдовый и воспитываетъ цѣлую семью внучатъ, притомъ же часто и служитъ.

При концѣ обѣда одной старухѣ изъ нищихъ сдѣлалось дурно. Ее крѣпко схватило, и она застонала. Тутъ высказалось все сердоболіе этихъ господъ. Баринъ съ барыней отвели ее въ свою спальню и положили на постель. Барыня стала за ней ходить. Священникъ на всякій случай пошелъ за запасными Дарами, а баринъ приказалъ запречь карету и поскакалъ за докторомъ въ городъ. Всѣ разошлись.

Странникъ замѣтилъ, что одинъ изъ нищихъ, слѣпой, все время что-то шепчетъ, и понялъ, что онъ творитъ, не переставая Іисусову молитву. Съ этимъ странникомъ онъ согласился вдвоемъ продолжать путь въ Тобольскъ и по дорогѣ прочесть ему изъ своей книги «Добротолюбіе» все, что относится до сердечной молитвы.

Вечеромъ самъ баринъ пришелъ звать всѣхъ ужинать. По-

слѣ ужина странникъ объявилъ, что со слѣпымъ отправляется въ путь *).

Странникъ продолжалъ дорогу, прерванную пребываніемъ въ этой семьѣ, о которомъ онъ вспоминалъ, какъ о райской жизни. Баринъ съ барыней съ версту проводили ихъ отъ своего жилища, и они распрощались.

Бываетъ такъ, что люди встрѣтятся на короткое время, но духомъ сблизятся тѣснѣй, чѣмъ съ людьми, съ которыми видаются постоянно.

И надъ такимъ согласнымъ переживаніемъ вмѣстѣ завѣтныхъ чувствъ безсильны пространства и время. И въ вѣчномъ Царствіи эти люди встрѣтятся и узнаютъ другъ друга.

Отъ этихъ тихихъ картинокъ изъ жизни вѣрующей зажиточной семьи перейдемъ въ московскую Русь, ознакомимся съ разсказами дворянина Осоргина о его матери, праведной Іуліаніи, которой подвиги во время великаго русскаго голода по кормленію народа были выше описаны.

Калистратъ Осоргинъ, побуждаемый сыновними чувствами, видѣлъ въ своей матери совершеннѣйшій идеалъ жены по понятію той эпохи, то есть женщину святую, и сохранилъ о ней память не только въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ, но и во свидѣтельство о своемъ благородномъ, любящемъ сердцѣ.

Его записки о матери представляютъ любопытное явленіе въ русской древней литературѣ. Онѣ дѣлаютъ честь нѣжному чувству этого древняго грамотѣя, и вмѣстѣ съ тѣмъ возстановляютъ въ нашихъ глазахъ нравственныя достоинства древней русской женщины, которая и въ тѣсномъ кругу своей скромной дѣятельности могла оказать столь благотворное вліяніе на своего сына и высотою своихъ душевныхъ качествъ возбудить въ немъ силу и работу чувства и воображенія.

Іуліанія была дочерью богатаго служилаго дворянина Іустина Недюрева. И онъ, и жена его Стефанида, рожденная Лукина, были нищелюбивы, благочестивы, имѣли много дочерей и сыновей, много богатства и рабовъ. Мать свою Іуліанія потеряла по седьмому году, и ее взяла къ себѣ въ Муромъ мать ея матери, вдова Лукина, рожденная Дубенская, и воспитывала

*) Взято изъ книги «Откровенные разсказы странника духовному своему отцу».

ее въ теченіе шести лѣтъ до своей смерти. Умирая, она завѣщала своей дочери Араповой взять къ себѣ племянницу. Съ раннихъ лѣтъ Іуліанія отличалась послушаніемъ, смиреніемъ и молчаніемъ, стремилась къ молитвѣ и посту.

Тетка выговаривала ей за строгость ея жизни, а двоюродныя ея сестры надъ нею смѣялись:

— О, безумная, зачѣмъ въ такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту дѣвственную губишь!

Ее чуть ли не насильно заставляли съ утра пить и ѣсть. Она старалась безъ споровъ въ молчаніи отойти отъ нихъ. Была же кротка, молчалива, не величава, отъ смѣха и всякой игры она удалялась, и, какъ ея сверстницы ни приглашали на свои игры и пѣсни, она не приставала къ ихъ сборищу.

Она любила работу, и то была занята пряжей, то сидѣла, склонясь, надъ пяльцами; работѣ она посвящала и большую часть ночи. Она любила обшивать сиротъ, вдовъ и бѣдныхъ, любила, чѣмъ могла, помогать нуждающимся и больнымъ. Ближайшая церковь отъ усадьбы Араповыхъ была въ двухъ верстахъ. Поэтому въ дѣвичествѣ своемъ Іуліаніи ни разу не удалось побывать въ церкви.

Какъ нѣкогда великомученица Варвара, она была наставляема къ добродѣтелямъ чрезъ какое-то внутреннее внушеніе. Не научившись книгамъ, не наставляемая духовными наставниками, она еще въ дѣвичествѣ соблюла всѣ заповѣди и, какъ бисеръ драгоцѣнный, свѣтилась среди тины. Какъ ни желала слышать она проповѣдь о Богѣ, но въ эту пору ея жизни ни разу ей это не удалось. По шестнадцатому году Іуліанія была выдана замужъ за добродѣтельнаго и богатаго дворянина Георгія Осоргина, жившаго въ предѣлахъ Муромскаго округа. Вѣнчались они въ Осоргинской вотчинѣ, селѣ Лазаревскомъ, въ церкви праведнаго друга Божія Лазаря Четырехдневнаго. Вѣнчалъ ихъ священникъ Потапій, впослѣдствіи бывшій въ Муромѣ инокомъ и архимандритомъ. Этотъ священникъ научилъ молодыхъ супруговъ страху Божьему, какъ жить мужу съ женою въ молитвѣ, постѣ и милостынѣ.

У Іуліаніи были въ живыхъ свекоръ и свекровь. Видя благоразуміе снохи, они поручили ей все домашнее хозяйство. Іуліанія съ дѣтства имѣла обычай всякій вечеръ долго молиться и полагать земныхъ поклоновъ сотню и болѣе, и потомъ уже отходить ко сну. Пріучала она къ тому же и своего мужа.

Чистая сердцемъ, съ тяготѣніемъ къ высшимъ областямъ духа, Іуліанія скорбѣла, что не выпало ей на долю дѣвственное

житье. Но ее утѣшали слова: «Можно и въ мірѣ, съ мужемъ живя, Богу угодить, и не всякъ, постригаяйся спасется, но тотъ, кто сотворитъ монаховъ достойное. И кто въ мірѣ съ женою живетъ и правитъ часть законную, лучше пустынника, не весь законъ исправившаго. Смиренный и добродѣтельный въ мірѣ удивителенъ».

И, живя въ бракѣ, Іуліанія часто проводила жизнь иноческую.

Когда Георгія Осоргина вызывали на царскую службу—на два и три года, то, оставшись одна, получивъ свободу къ подвигамъ, Іуліанія проводила всѣ ночи безъ сна, молясь Богу. Свѣтильникъ ея не угасалъ всю ночь. Не отходила она отъ веретена и пялецъ и, продавая работу свою, деньги раздавала нищимъ. Все это дѣлалось ею втайнѣ. Знала объ этомъ только одна маленькая рабыня, съ которой она посылала милостыню нуждающимся. Днемъ ждали ее хлопоты по хозяйству. Какъ настоящая мать, заботилась она и о вдовахъ и сиротахъ; своими руками кормила и поила, омывала и обшивала. Всѣ у нея въ домѣ были одѣты и сыты, и каждому она назначала дѣло по его силѣ и способности.

При грубости нравовъ слугъ тогда называли и доселѣ не вышедшими изъ обихода уничижительными именами: Палашка, Машка, Мишка, Васька.—Іуліанія, почитая въ людяхъ дѣтей Божіихъ, никого не называла такими именами. Кромѣ того, лично для себя она не требовала ни отъ кого услугъ. Никто ей не подавалъ воды на руки, никто не снималъ съ ногъ сапогъ, все она дѣлала сама. Только, когда приходили гости, тогда служанки по заведенному порядку стояли около нея и служили. Но, по уходѣ гостей, она корила себя за это, говоря:

— Что я сама убогая, что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданія Божіи?

Когда ей приходилось терпѣть отъ непослушанія, лѣности и грубости своихъ слугъ, то она все принимала смиренно и, обвиняя сама себя, говорила:

— Сама я предъ Богомъ всегда согрѣшаю, а Богъ меня терпитъ. Что мнѣ на нихъ взыскивать, такіе же люди, какъ и я. Хотя и въ рабство намъ ихъ Богъ поручилъ, но души ихъ больше нашихъ цвѣтутъ.

Такое расположеніе къ меньшей братіи было въ ней, потому что помнила эти слова Спасителя: «Не обидьте малыхъ сихъ, ангелы бо ихъ всегда видятъ лице Отца Моего небеснаго».

За свою снисходительность къ слугамъ не разъ бранили ее свекоръ и свекровь.

Въ несправедливыхъ этихъ обвиненіяхъ, она искала утѣшенія въ молитвѣ. Вообще же была духомъ непоколебима, возлагая свою надежду на Бога, на Пречистую Его Матерь и на святителя Николая, котораго считала своимъ покровителемъ. Эта вѣра въ своего помощника была въ ней подтверждена чудеснымъ образомъ.

Однажды ночью, во время отсутствія мужа, она встала на молитву. Тутъ дьяволъ навелъ на нее сильный ужасъ. Въ трепетѣ легла она въ постель, крѣпко окуталась одѣяломъ и заснула. И видитъ она во снѣ темное полчище, которое требуетъ отъ нея прекращенія молитвъ и грозитъ ей смертью. Тогда возвела она очи свои къ Господу и къ Пречистой Богородицѣ и воззвала о помощи къ святителю Николаю Чудотворцу.

И немедленно явился предъ ней святой Николай, держа въ рукахъ великую книгу. Онъ началъ бить ею бѣсовъ, разогналъ ихъ всѣхъ, и какъ дымъ исчезли они безъ слѣда. Онъ поднялъ десницу свою, благословилъ Іуліанію и сказалъ:

— Дочь моя, мужайся и крѣпись. и не ужасайся бѣсовскихъ прельщеній, потому что самъ Христосъ повелѣлъ мнѣ хранить тебя отъ бѣсовъ и злыхъ людей...

Проснувшись, Іуліанія на яву увидѣла свѣтлаго мужа, который, какъ молнія, вышелъ дверями ея покоя. Она вскочила, пошла за нимъ, но никого не видала. Притворъ былъ крѣпко по обычаю запертъ.

Когда наступилъ голодъ, Іуліанія, творя тайную милостыню, стала брать себѣ пищу для утренняго и полуденнаго питанія, которую и раздавала. Между тѣмъ, съ дѣтства она ѣла только дважды въ день, и до обѣда и между обѣдомъ и ужиномъ ничего не ѣла. Тутъ свекровь стала говорить ей:

— Радуюсь я, невѣстушка, что ты чаще стала ѣсть, но дивлюсь, какъ мѣняются привычки твои. Когда хлѣбъ былъ въ изобиліи, мы не могли тебя пріучить къ раннему и послѣобѣденному питанію. Теперь же насталъ голодъ, а ты берешь себѣ и завтракъ, и полдникъ.

Когда я еще не родила дѣтей, отвѣчала Іуліанія, чтобы скрыть причину своей жадности, тогда мнѣ не хотѣлось ѣсть. А, какъ пошли у меня дѣти, я обезсилѣла и не могу до-сыта наѣсться. И не только днемъ, но и ночью мнѣ часто хочется ѣсть, а стыдно просить у тебя.

Слова эти порадовали свекровь, и она стала посылать ей пищу и на день, и на ночь. Въ домѣ у нихъ оскудѣнія не было,

такъ какъ отъ прежнихъ лѣтъ было скоплено много зерна. Іуліанія сама не ѣла посылаемую пищу, а приберегала ее и раздавала нуждающимся.

Исполняла Іуліанія дѣло христіанской любви и относительно покойниковъ. Когда кто изъ нищихъ умиралъ, она нанимала обмыть его, покупала «умиральныя ризы» и посылала на погребеніе его деньги и потомъ долго молилась объ этихъ усопшихъ.

Нѣкоторое время свирѣпствовала въ тѣхъ мѣстахъ язва, которой дали названіе «пострѣлъ». Многіе боялись заразы и не пускали къ себѣ зараженныхъ пострѣломъ. А Іуліанія тайно отъ свекра и свекрови мыла въ банѣ больныхъ, и Богъ ея молитвами помогалъ имъ.

Въ глубокой старости, упокоенные до конца доброй невѣсткой, скончались свекоръ и свекровь Іуліаніи, принявъ монашество. И долго устраивала она по нимъ поминки, питая иноческій чинъ, нищихъ, вдовъ и сиротъ, и сорокъ дней разсылая милостыню по темницамъ.

Всего у Іуліаніи было десять сыновей и три дочери. Четверо сыновей и двѣ дочери померли въ младенчествѣ, а шесть сыновей и одну дочь она воспитала.

Одинъ изъ взрослыхъ дѣтей былъ убитъ рабомъ, а другой сложилъ голову на царской службѣ. Смиренно понесла она эти потери, не вопила и не рвала на себѣ волосъ, какъ дѣлали другія женщины. Но днемъ поминала дѣтей своихъ милостынею, а ночи простаивала на молитвѣ, слезно моля Бога отпустить имъ грѣхи.

Послѣ этихъ потрясеній Іуліанія стала умолять мужа отпустить ее въ монастырь, и онъ долгими мольбами отговорилъ ее, приводя ей выдержки изъ святыхъ отцовъ, въ которыхъ указано, что родители не могутъ оставлять не подросшихъ дѣтей своихъ ради монашества.

Согласилась Іуліанія съ уговоромъ мужа, но просила его не имѣть съ ней супружескаго союза. И, какъ птичка изъ сѣтей, вырвалась она къ любимымъ подвигамъ, отвергши міръ. Воздержаніе свое она теперь усугубила. Всѣ пятницы проводила вовсе безъ пищи, затворившись одна въ уединенной клѣти и тамъ упражняясь въ молитвѣ. Въ понедѣльники и среды питалась однажды въ день сухояденіемъ безъ варенаго. По субботамъ и воскресеньямъ ставила въ своемъ домѣ трапезу духовенству, вдовамъ и сиротамъ, и тогда, чтобы не оскорблять гостей, выпивала съ ними сама чарку вина. Спала она съ вечера только часъ или два, и отдыхъ ея былъ жестокъ.

Ложилась она на печи, безъ постели, кладя подъ себя дрова острой стороной къ тѣлу. Дрова же служили ей и подушкой, а подъ ребра клала она желѣзные ключи. Немного поспавъ, вставала она на молитву и проводила въ ней всю ночь до заутрени. Потомъ шла она къ заутренѣ и къ литургіи, употребляя день на свое хозяйство и на надзоръ за рабами.

Провинившихся вмѣсто наказанія она исправляла поученіями отъ Божественнаго Писанія. Хотя сама она грамоту не разумѣла, но любила слушать чтеніе Божественныхъ книгъ. И все слышанное усваивала себѣ, и все непонятное толковала, какъ премудрый книжникъ, и любила говорить о томъ, какими дѣлами можно умолить за себя Бога, и какъ подражать житію прежнихъ святыхъ. И при этихъ бесѣдахъ по изсохшимъ отъ подвига ланитамъ ея катились слезы.

Пораженный воспоминаніями о такихъ подвигахъ мірской женщины, описатель житія ея, любящій сынъ, восклицаетъ:

— И гдѣ говорящіе, будто въ міру нельзя спастись? Не мѣсто спасаетъ, но умъ и изволеніе къ Богу. Адамъ и въ раю, яко въ великомъ отишьи, утопился, а Лотъ въ Содомѣ, какъ въ морскихъ волнахъ, спасся... Скажутъ, что нельзя среди чадъ спастись. А вотъ, блаженная Іуліанія и съ мужемъ прожила, и дѣтей рождала, и рабами владѣла, а Богу угодила, и Богъ прославилъ ее.

Такъ десять лѣтъ прожила Іуліанія съ мужемъ, какъ монахиня. Мужъ скончался, и долгими ночами молила Іуліанія Господа о душѣ супруга своего: поревновала, говоритъ составитель житія ея, Іуліанія благочестивой Ѳеодорѣ царицѣ и прочимъ святымъ женамъ, которыя по смерти о мужьяхъ своихъ Бога умолили...

. . . . . : : : :

«И съ того времени постъ къ посту приложила и молитву къ молитвѣ, и къ слезамъ слезы и милостыню паче мѣры показала».

Случалось, что ни одной сребряницы въ домѣ ея не оставалось, и она занимала и обычную милостыню нуждающимся подавала, и ежедневно ходила въ церковь на молитву. При наступленіи зимы выпрашивала Іуліанія у дѣтей своихъ на теплыя одежды, но и то все раздавала нищимъ, сама же оставалась безъ шубы. Сапоги надѣвала она на босыя ноги и подъ подошвы вмѣсто стельки—орѣхи, скорлупу и острые черепки подкладывала для удрученія тѣла.

— Что въ такой старости тѣло твое томишь?—говорили ей знакомые.

— Развѣ не знаете,—отвѣчала старица,—что тѣло душу убиваетъ? Убью сама тѣло мое и порабощу его, да спасется духъ мой... не достойно страданіе нынѣшняго вѣка противъ будущей славы... Сколько усохнетъ тѣла моего, того же не будутъ ѣсть черви въ ономъ вѣкѣ.

Было ей и таинственное указаніе того, насколько угодна молитва ея къ небесамъ. Настала какъ-то такая стужа, что земля трескалась отъ мороза, и Іуліанія оставалась молиться дома. И былъ голосъ священнику въ той церкви праведнаго Лазаря отъ иконы Богоматери: «Иди и рцы милостивой вдовѣ Іуліаніи—ради чего не приходитъ въ церковь? И домашняя ея молитва пріятна, но церковная выше. Почитайте Іуліанію: Духъ Святый почиваетъ на ней...»

И, когда по зову священника, Іуліанія пришла въ церковь и со слезами молилась и прикладывалась къ иконѣ Богоматери, тогда великое благоуханіе распространилось по церкви и по всему селу. И стала Іуліанія уже ежедневно ходить въ церковь на молитву.

Была въ ея домѣ «отходная храмина» для дальнихъ гостей. Туда по вечерамъ удалялась она для молитвы. Однажды стало стращать ее тамъ бѣсовское полчище, и она позвала снова на помощь заступника своего Николая Чудотворца. И явился ей вдругъ святитель съ великой палицей въ рукѣ и разогналъ бѣсовъ. Была же имъ вообще она страшна, потому что, не переставая, творила Іисусову молитву, не выпуская изъ рукъ четокъ: ѣла ли она, или пила, или что дѣлала.

Сынъ свидѣтельствуетъ, что даже во время сна ея уста шевелились, и грудь вздымалась молитвенными вздохами, и во время сна рука передвигала зерна четокъ.

Выше было разсказано о подвигахъ Іуліаніи во время великаго голода.

Предъ преставленіемъ своимъ она заболѣла двадцать шестого декабря, и была больна шесть дней. Но болѣзнь ея была особенная. Днемъ она лежала на постели и творила, не переставая, молитву, а ночью сама вставала и молилась, никѣмъ не поддерживаемая. И рабыни говорили:

— Не вправду хвораетъ: днемъ лежитъ, а ночью встаетъ и молится.

— Что вы осуждаете меня,—говорила она,—развѣ не знаете, что отъ больного Богъ ждетъ молитвъ?

На разсвѣтѣ второго января 1605 года позвала она своего отца духовнаго Аѳанасія и пріобщилась животворящихъ Тайнъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Сѣла она на одрѣ своемъ, позвала

дѣтей и рабовъ, и всѣхъ крестьянъ села своего, наставляя ихъ любви, молитвѣ, милостыни, прибавила о томъ, о чемъ мечтала съ юности, и что ей не далось: «Желаніемъ возжелала я великаго ангельскаго образа еще отъ юности моей, но не сподобилась по грѣхамъ моимъ. Такъ угодно было Богу, Слава праведному суду Его».

Велѣла Іуліанія раздуть кадило и вложить въ него ладанъ, простилась со всѣми, легла, трижды перекрестилась, обвила четки около руки и сказала послѣднее слово: «Слава Богу за все. Въ руцѣ Твои предаю духъ мой. Аминь».

И видѣли всѣ въ часъ разлученія души ея отъ тѣла на головѣ ея золотой вѣнецъ и бѣлое покрывало. Положили ее въ клѣть. Въ ночь всѣ видѣли горящія свѣчи, и весь домъ наполнился благоуханіемъ.

Все это происходило въ Нижегородской вотчинѣ, и ночью она явилась одной рабынѣ съ приказомъ, чтобы везли ее въ предѣлы Мурома и погребли у церкви святого Лазаря друга Божія, подлѣ ея мужа. Многотрудное тѣло ея положили въ дубовый гробъ и похоронили въ Лазаревской церкви.

Когда хоронили сына ея Георгія, то, копая ему могилу, нашли тѣло Іуліаніи кипящее благовоннымъ миромъ.

Вотъ, правдивое житіе мірской праведницы временъ московской Руси.

Нельзя сказать, чтобы тотъ образъ жизни, который былъ со словъ сибирскаго странника описанъ, долженъ былъ быть принятъ къ точному руководству. Можно сомнѣваться, чтобы въ жизни не было лучшаго приложенія христіанской любви, какъ особенная забота о здоровыхъ нищихъ и странникахъ.

Правда, древняя Русь и люди, донынѣ сохранившіе настроеніе древней Руси, отличались всегда особой любовью къ странникамъ. Вспоминаютъ то событіе, когда Авраамъ въ видѣ странниковъ принялъ Пресвятую Троицу, и приводятъ одно выраженіе: «боюсь отказать въ пріемѣ Христу, а не знаю, въ чьемъ образѣ Онъ ко мнѣ придетъ». Однако, въ жизни есть болѣе для жизни нужные и производительные труды, чѣмъ странствованіе по обителямъ, хотя бы съ молитвою.

Митрополитъ московскій Филаретъ, мудрѣйшій изъ мудрыхъ, и въ то же время далеко не чуждавшійся области народнаго подвижничества во всѣхъ его видахъ и понимавшій душу

этого подвижничества, одной сердобольной и богатой москвичкѣ далъ такой совѣтъ:

«Если придутъ къ вамъ странники и юродивые, примите ихъ, накормите, наградите, чѣмъ можете, и отпустите, но сами ихъ не ищите».

Этотъ совѣтъ митрополита Филарета можетъ быть принятъ безъ опасенія всѣми.

Принять, воспитать бездомнаго, безпріютнаго сироту и вывести его на ту дорогу, которую указываютъ его склонности и способности; учредить общежитіе, гдѣ бы молодежь, стремящаяся къ знанію и необезпеченная, могла бы проживать свое учебное время, не заботясь объ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ бѣготней по грошевымъ урокамъ; замѣтить талантливаго человѣка—художника, ваятеля, врача, ученаго, музыканта, поставить его въ обстановку, способствующую развитію этого таланта, и такимъ образомъ приготовить изъ него великое утѣшеніе своей родинѣ: вся такая забота, направленная на людей, которымъ мы можемъ быть полезны, кажется выше и нужнѣй заботы о перехожихъ странникахъ.

Но въ разсказѣ объ этой семьѣ, жившей за Иркутскомъ, драгоцѣнна сама атмосфера ихъ жизни, ихъ стремленія, ихъ понятія.

Это были люди высокаго духовнаго склада, на высокій ладъ настроившіе свою жизнь.

Эти постоянныя молитвы, участіе въ церковныхъ службахъ, это трепетное благоговѣніе предъ совершающимся во храмѣ чудомъ Евхаристіи — было живымъ воплощеніемъ въ жизни ихъ словъ апостола о непрестанной молитвѣ. А какъ хорошо и праведно у нихъ было отношеніе къ меньшей братіи, и какъ такое отношеніе сумѣли они привить своимъ дѣтямъ.

Въ русской литературѣ есть прекрасное, задушевное стихотвореніе поэта Тютчева, въ которомъ говорится о тяжкой долѣ обездоленныхъ мірскими благами людей:

Пошли, Господь, Свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій, мимо сада
Бредетъ по жаркой мостовой;
Кто смотритъ вскользъ черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.
Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.
Пошли, Господь, Свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій, мимо саду
Бредетъ по знойной мостовой.

Но большая разница между тѣмъ, чтобы безплодно пожалѣть человѣка, умилиться самому надъ такимъ благороднымъ движеніемъ своей души и ничего для него не сдѣлать, и тѣмъ, чтобы признать его своимъ братомъ и отворить для него своими руками эту заколдованную дверь Тютчевскаго сада. Вотъ, это именно дѣло любви, снисхожденія и братства и исполняла эта семья.

— Нищенькой, нищенькой, постой, пойдемъ къ маменькѣ, она нищихъ любитъ.

Вотъ, эта дѣтская фраза сама по себѣ драгоцѣнна. Еще драгоцѣннѣе то настроеніе, которымъ она внушена, и которое эти дѣти, вѣроятно, какъ ихъ родители, сохранили на всю свою послѣдующую жизнь.

Человѣкъ богатъ и знатенъ, ни отъ кого не зависитъ, у всѣхъ въ почетѣ. Но, если этотъ человѣкъ настоящій христіанинъ съ тонкой душевной организаціей, онъ не наслаждается покойно этими дарами судьбы. Онъ всегда сравниваетъ свое положеніе съ положеніемъ людей, которые ведутъ жизнь болѣе высокую, чѣмъ онъ, и болѣе достойны были бы этихъ мірскихъ благъ, а ихъ не имѣютъ. И раздѣлить съ людьми то, что ему отсыпано судьбой такъ щедро, является его мечтой и душевной потребностью.

Подобно тому, какъ та семья принимаетъ въ свой домъ и въ свои собственныя комнаты прохожихъ и нищихъ—такъ вообще драгоцѣненъ и нуженъ въ жизни этотъ духъ смиренія, мудраго терпѣнія и любви, который есть воздухъ, необходимый для развитія всякихъ добродѣтелей, та закваска, которая должна быть въ христіанинѣ.

Христіанинъ видитъ брата согрѣшающаго и, вмѣсто того,

чтобы глумиться надъ нимъ или осуждать его, начинаетъ укорять себя: «меня повивали въ добродѣтеляхъ, я съ дѣтства видѣлъ о себѣ заботу; несчастный, какъ росъ онъ и какими искушеніями онъ былъ окруженъ!»

На-дняхъ, передавали замѣчательный совѣтъ, который давалъ митрополитъ Антоній людямъ, начинавшимъ предъ нимъ кого-нибудь осуждать:

— Какъ,—восклицалъ онъ въ такихъ случаяхъ,—можете вы осуждать человѣка, не зная его внутреннихъ побужденій, никогда не говоривъ съ нимъ, не имѣвъ личнаго на счетъ него впечатлѣнія. Этого человѣка вы осуждаете со стороны, не зная его, не имѣя къ нему никакого отношенія. Но, если человѣкъ предъ вами и провинился, сдѣлалъ вамъ какую-нибудь непріятность, то, вмѣсто того, чтобы думать о его винѣ предъ вами, постарайтесь отыскать свою вину противъ него, и вы увидите, что вина такая есть непремѣнно, и станете смотрѣть на него иначе.

Такія картины изъ этого разсказа, какъ омовеніе этими богатыми людьми ногъ странника, укладываніе въ постель нищей старухи, съ которой случилась дурнота—принадлежатъ къ завѣтнѣйшимъ движеніямъ благой и ясной русской души, пораженной разъ навсегда смиреніемъ Христовымъ, Который явился на землю «не да послужатъ Ему, но да послужитъ» и въ символъ этой службы Своей въ самомъ концѣ земного подвига Своего въ послѣдній разъ, какъ творилъ Свою волю, ноги умылъ Своимъ ученикамъ.

Намъ предстоитъ говорить о разныхъ добродѣтеляхъ, къ которымъ долженъ стремиться христіанинъ. Но, прежде, чѣмъ говорить о разныхъ видахъ добродѣтели, нельзя съ достаточнымъ вниманіемъ и достаточно настоятельно указывать на то, что вотъ, это настроеніе любви, всепрощенія, смиренія, милосердія, братства есть та здоровая атмосфера, въ которой расцвѣтаютъ всѣ добродѣтели, и безъ которой настоящаго христіанства нѣтъ, но есть только болѣе или менѣе грубая подъ христіанство поддѣлка.

Сочувствующій человѣкъ, человѣкъ, обливающій лаской души своей всѣхъ подходящихъ къ нему, какая это рѣдкость и драгоцѣнность, какое это чистѣйшее золото!

И въ народѣ, и въ образованныхъ классахъ есть повѣрье о такъ называемой «легкой рукѣ и тяжелой рукѣ». Легкая рука и тяжелая рука это свойства души человѣческой образовывать атмосферу удачи, увѣренности для людей, съ которыми человѣкъ, обладающій этой легкой рукой, соприкасается.

Мнѣ кажется, что легкость руки можетъ сравниться съ тѣмъ благословеніемъ, которое низводитъ на жизнь человѣка другой праведный человѣкъ, а тяжелая рука съ тѣмъ дурнымъ воздѣйствіемъ, которое производитъ на жизнь появленіе въ домѣ дурного и злого человѣка.

Замѣчаютъ, что деньги, полученныя отъ человѣка съ легкой рукой, ведутъ за собою другія деньги—что это значитъ? Человѣкъ съ легкой рукой, всегда расположенный, сочувствующій, съ открытой широкой душой, давая вамъ деньги, несомнѣнно, въ ту же минуту всячески желаетъ вамъ добра. А вѣдь пожеланіе другому добра есть несомнѣнная молитва, есть несомнѣнное устремленіе къ Богу, потому что вѣдь добрыя чувства сами вложены въ душу человѣческую Богомъ. Итакъ, этотъ человѣкъ даетъ вамъ деньги съ молитвеннымъ пожеланіемъ, и Богъ это молитвенное пожеланіе исполняетъ.

Я знаю одного человѣка, родные котораго жили въ захолустномъ малолюдномъ городкѣ. Когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ на побывку, мѣстные извозчики иногда просили его, чтобы онъ, хотя даромъ, присѣлъ на ихъ пролетки, говоря, что это приноситъ имъ счастье. Въ другомъ мѣстѣ одинъ извозчикъ посадилъ его подъ вечеръ часовъ въ шесть, и разсказалъ ему при этомъ, что съ утра не было вовсе почина. На другой день, встрѣтившись съ нимъ, онъ сказалъ:

— Ну, баринъ, и легкая же у васъ рука! Какъ я васъ вчера посадилъ, такъ отъ сѣдоковъ отбоя не было. За одинъ вечеръ набралъ болѣе, чѣмъ за другой день. Тотъ же извозчикъ разсказывалъ:

— А вотъ, сенатора N.N. посадить, не дай Богъ: скупой страшно, торгуется, гнѣвается. А, какъ тебѣ заплатитъ, такъ точно тебѣ всѣ пути перерѣзаны; никого до вечера не посадишь. Какіе извозчики его знаютъ—онъ ихъ позоветъ, а они отъ него драть.

Этотъ второй человѣкъ былъ, дѣйствительно, очень скупой, прижимистой, узкой души человѣкъ, который, очевидно, сидя на извозчикѣ, гнѣвался уже потому, что долженъ платить ему, и распространялъ вокругъ извозчиковъ такую атмосферу недовольства, которая отталкивала отъ нихъ сѣдоковъ.

«Какая легкая у нея рука», разсказывали мнѣ объ одной барынѣ, служащей кассиршей въ одномъ извѣстномъ богатомъ печатномъ органѣ. Вотъ, если она первая купитъ только что вышедшую въ продажу книгу—непремѣнно, бойко пойдетъ. Если войдетъ она въ магазинъ и сдѣлаетъ починъ, весь день бойко торгуютъ. А случится такъ, что придетъ она, по-

смотритъ товаръ, ей не уступятъ за ту цѣну, которую она предлагаетъ, и уйдетъ: такъ весь день въ этомъ и проходитъ, покупатели много смотрятъ, товаръ ворошатъ, а уходятъ, ничего не купивъ.

Одинъ сотрудникъ журнала находился въ конторѣ и говорилъ съ издателемъ, какъ вошла эта кассирша, и не замѣтила издателя:

— Вотъ, что значитъ стать землевладѣлицей,—сказалъ въ шутку издатель,—Софья Карловна меня и замѣчать не хочетъ.

— А какъ она стала землевладѣлицей?—спросилъ сотрудникъ.

Кассирша разсказала о томъ, какъ она въ одной мѣстности съ большимъ будущимъ пріобрѣла на льготныхъ условіяхъ землю и по своему сочувственному характеру разсказала ему всю процедуру. Этотъ господинъ рѣшился пойти по ея слѣдамъ и немедленно направился въ то мѣсто, отъ котораго зависѣло устройство дѣла.

Чрезъ нѣсколько времени дѣло было устроено безъ особыхъ для него хлопотъ въ желательномъ для него смыслѣ. И этотъ господинъ испыталъ на себѣ легкость ея руки.

Разсказывали также о ней, что, если кто къ ней плохо относится и дѣлаетъ какія-нибудь непріятности, тому въ концѣ концовъ приходится такъ плохо, что онъ самъ приходитъ просить у нея помощи. Сама она не отрицаетъ этой легкости своей руки и объясняетъ ее благословеніемъ своего отца.

Отецъ ея, протестантскій пасторъ, умершій въ молодости, былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, раздававшій все, что онъ имѣлъ, и поэтому оставившій безъ средствъ большую семью. Но на его дѣтяхъ воочію оправдались слова библіи:

«Я былъ юнъ и состарѣлся, но не видалъ праведника оставленнымъ и дѣтей его просящими хлѣба».

ГЛАВА II.

День христіанина.

По складу теперешней жизни конецъ дня проводится обыкновенно въ разсѣянности, столь вредной для души. Большинство горожанъ теперь положительно не могутъ по вечерамъ сидѣть дома: какая-то сила влечетъ ихъ въ знакомые дома, на вечернія собранія или въ театры. И, положительно, удивляешься, соображая въ умѣ количество театровъ большихъ и ма-

лыхъ и кинематографовъ, какъ на всѣхъ нихъ хватаетъ публики.

Между тѣмъ, вечеръ есть время, которое можетъ быть использовано для духовной жизни. Всѣ дневныя дѣла окончены, заботы отложены на завтра, и въ вечернемъ затишьи какъ-то ближе чувствуется Богъ.

Вотъ—время, когда можно раскрыть священное писаніе, духовныя книги, и когда надъ чтеніемъ такихъ страницъ обступятъ васъ свѣтлые образы святыхъ людей, зовущихъ васъ туда въ высоту, въ сіяніе горняго свѣта.

Счастливъ тотъ, кто, такимъ чтеніемъ настроивъ высоко свою душу, возжаждетъ молитвы и, ставъ предъ иконами, сперва прочтетъ положенныя вечернія молитвы, затѣмъ, исполнивъ это свое правило, станетъ молиться своими словами: и разскажетъ онъ Богу обо всемъ томъ, что его наполняетъ, что въ немъ волнуется и кипитъ, перескажетъ Ему всѣ свои желанія, отдавая себя въ полное Божіе распоряженіе. Вспомнитъ онъ всѣхъ, кто ему дорогъ, и помолится о томъ, чтобы Богъ сохранилъ ихъ и продлилъ ихъ привязанность къ нему. Какъ ласковое дитя своей матери говоритъ обо всемъ, такъ и онъ перескажетъ Богу все, чего бы ему хотѣлось—крупное и мелкое. Вспомнитъ онъ и тѣхъ, кто отошелъ отъ земли и кого онъ, неизмѣнный среди общей мірской измѣнчивости, не забылъ... И тогда отойдетъ онъ ко сну, осѣнивъ свою подушку крестнымъ знаменіемъ, перекрестивъ всѣ четыре стѣны и въ псалмѣ «Живый въ помощи Вышняго» испросивъ себѣ Божіей на ночь охраны.

И станетъ у изголовья такого человѣка съ тихой улыбкой любви ангелъ-хранитель, радуясь, что тутъ Божіе достояніе отдыхаетъ отъ дневной борьбы въ твореніи Божіей воли. И чистыя сновидѣнія будутъ сниться ему, и, быть можетъ, блеснутъ ему откровенія небесъ.

— Ахъ, какъ они пѣли,—разсказывала мнѣ одна христіанская душа; будь я композиторомъ, мнѣ бы, конечно, было возможно записать на память это ихъ пѣніе. Я во снѣ слышалъ, какъ ангелы, пролетая, пѣли молитву. Они пѣли тихо, и какое-то счастье было въ ихъ пѣніи, которое шло благодатной волной. Я чувствовалъ ихъ медленный полетъ и запомнилъ послѣднія слова этого пѣнія: «И пощади, и сохрани, Боже Спасителю ихъ, Боже Спасителю нашъ». Такъ ангелы молились Вседержителю о людяхъ и о себѣ.

— Почему же ангелы могутъ назвать Бога своимъ Спасителемъ?—спросилъ я.

— А за то, что Онъ сохранилъ ихъ отъ измѣны Себѣ, избавилъ ихъ отъ участи Вельзевула. Какое блаженство должно наполнять ихъ души отъ того, что они остались вѣрными Богу.

«Это было въ вагонѣ,—разсказывалъ мнѣ другой человѣкъ. Я видѣлъ во снѣ Богоматерь. Мнѣ казалось, что въ небѣ идутъ большія приготовленія къ празднику Воскресенія Христова. Я не видѣлъ, въ чемъ состояли эти приготовленія, а только чувствовалъ, что это такъ. Потомъ я почувствовалъ какое-то ожи вленіе, ждали прихода кого-то Великаго и Священнаго, и, наконецъ, раздались голоса:

— Царица... Царица идетъ.

«Я не видалъ Ея лица. Она прошла поодаль въ красной мантіи съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, какъ изображается Пресвятая Дѣва на образѣ Всѣхъ Скорбящихъ радости: высокая ростомъ, въ великой славѣ. Но, хотя я не видѣлъ пречистаго лика, мое чувство было такъ живо, точно я воочію встрѣтился со Владычицей.

«Мнѣ снилась въ другой разъ громадная толпа народа. Шелъ крестный ходъ, и несли одну изъ чудотворныхъ иконъ Богоматери, которая имѣла впослѣдствіи на жизнь мою большое вліяніе. Несмотря на то, что было множество народа,— когда икона поравнялась со мной, я мгновенно пробрался чрезъ толпу, упалъ предъ иконой на колѣни, и прижался къ доскѣ остановившагося тутъ чудотворнаго лика»...

У насъ не довольно разобранъ вопросъ о вліяніи духовности на силы и жизнь человѣка, а это вліяніе несомнѣнно. Царство благодати, въ которомъ движется человѣкъ, даетъ ему какую-то особую жизнь, тогда какъ человѣкъ, живущій внѣ благодати, несомнѣнно сокращаетъ свою жизнь и свои силы.

Чѣмъ, какъ не благимъ воздѣйствіемъ благодати даже на физическую сторону человѣка, объяснить то, что праведники въ ужаснѣйшихъ условіяхъ жизни, въ пещерахъ безъ солнца, въ сухояденіи, доживали до ста и болѣе лѣтъ? А люди, постоянно заботящіеся о своемъ здоровьѣ и дѣлающіе все для продленія жизни, рѣдко переваливаютъ за шесть-за семь десятковъ?

Если тѣла людей, прожившихъ праведно, источаютъ по ихъ смерти какіе-то благодатные невидимые токи, которые оживотворяютъ приходящихъ къ нимъ за помощью людей, то что же сказать о самой жизни людей благодатью водимыхъ?

Вся эта жизнь проникнута токами такой благодати, совершающей въ человѣкѣ чудеса. Вотъ приближающійся къ восьмидесятилѣтнему возрасту старецъ Амвросій Оптинскій, который

послѣ трудового дня и ночи, проведенной почти безъ сна, утромъ полумертвый подымается на свой ежедневный подвигъ, во время котораго онъ выслушаетъ ужаснѣйшія признанія, увидитъ множество скорбныхъ плачущихъ людей, немощныхъ тѣломъ и духомъ, наставитъ сотню монашествующихъ. Вотъ, онъ, въ которомъ чуть теплится жизнь, который существуетъ непостижимымъ образомъ: вотъ—онъ хилый, ежедневно умирающій вливаетъ чудотворную силу жизни въ души людей.

Вотъ онъ, Іоаннъ Кронштадскій, въ ежедневной проповѣди, въ служеніи, въ разъѣздахъ. Поздно, много за полночь, вернувшись въ Кронштадтъ, когда во всемъ городѣ давно погашены огни, быстро водитъ перомъ по бумагѣ, набрасывая строку за строкой своего дневника. И, послѣ краткаго сна, пока еще звѣзды горятъ въ небѣ, собираясь прогорѣть еще нѣсколько часовъ, выйдетъ изъ дома наружу, и, никѣмъ невидимый, поднявъ очи къ этому таинственному небу и къ этимъ Бога славящимъ звѣздамъ, начнетъ молиться безмолвной молитвой. А тамъ заутреня, во время которой онъ читаетъ по служебнымъ книгамъ и поетъ на клиросѣ обѣдню со множествомъ причастниковъ, объѣздъ больныхъ и умершихъ въ Кронштадтѣ и долгая ѣзда изъ дома въ домъ въ Петербургѣ съ просьбами объ исцѣленіи, съ признаніемъ въ тяжкихъ грѣхахъ и немощахъ... Его почти рвутъ на куски, за него хватаются, ему терзаютъ сердце, но, весь проникнутый токами благодати, на утро насытившись чудеснымъ брашномъ Тѣла и Крови Христовой, онъ юнъ въ своей старости, легокъ, подвиженъ, полонъ силъ для этой по человѣчеству каторжной жизни, какую далъ ему Богъ.

Вотъ, точно такъ же вливаютъ невидимо въ людей силы тѣ ангелы, которые стоятъ—склоняются надъ изголовьями людей, призывавшихъ ихъ предъ сномъ себѣ въ храненіе...

Вотъ—наступаетъ день. Весной, лѣтомъ и въ пору первой осени человѣкъ пробуждается при лучахъ солнца, и радостно встаетъ на дѣланіе свое; зимою солнце еще не встало, когда долженъ встать человѣкъ, употребляя надъ собою нѣкоторыя усилія... Что же дѣлать—въ жизни ничего не дается даромъ.

Одинъ праведный учитель нашего времени, епископъ Ѳеофанъ затворникъ, совѣтуетъ всегда идти на перекоръ себѣ: если хочется тебѣ облокотиться, сиди лучше прямо.

Какъ первою мыслью любящаго человѣка по пробужденіи будетъ мысль о любимомъ существѣ, такъ первая наша мысль

при пробужденіи пусть будетъ мысль о Богѣ... И первымъ движеніемъ руки—пусть будетъ крестное знаменіе. И, это знаменіе, подъ которымъ мы должны вѣрно и упорно воинствовать, послужитъ для насъ тѣмъ призывомъ, какимъ является для солдата звукъ военной трубы.

Русскіе, по природѣ своей копуны, мѣшаютъ одно дѣло съ другимъ: вмѣсто того, чтобы быстро одѣваться, нѣкоторые люди во время одѣванія совсѣмъ не ко времени предаются разнымъ мыслямъ... Начнутъ натягивать чулокъ, не кончатъ этого дѣла, задумаются и думаютъ пять-десять минутъ. Все въ жизни надо дѣлать быстро, рѣшительно, отчетливо.

Не правы тѣ, которые не заботятся о своемъ внѣшнемъ обликѣ. Господь одѣлъ весь міръ красотой, давъ вѣнецъ ея въ человѣкѣ... Дерево, покорное Божьей волѣ, стоитъ—красуется въ своемъ ненарушимомъ убранствѣ. Зачѣмъ же человѣку нарушать нечистотою, отсутствіемъ попеченія о себѣ, Богомъ созданную и Богу подобную красоту? Когда весь человѣкъ вымытъ, то и душа какъ то бываетъ чище.

И вотъ, человѣкъ одѣтъ...

Къ молитвѣ не слѣдуетъ приступать въ безпорядочномъ видѣ. Въ монастыряхъ для молитвы одѣваются. Человѣкъ долженъ быть подобранъ нравственно и физически, а не предстоять Богу въ расхищенномъ видѣ.

«Воздвигни насъ, Господи, къ славословію и къ дѣланію заповѣдей Твоихъ...»

Для того, чтобы привести себя въ молитвенное настроеніе, хорошо предъ тѣмъ почитать какую-нибудь духовную книгу, евангеліе же читать для человѣка обязательно.

Кромѣ того, что евангеліе научаетъ насъ всему нужному для души, въ немъ заключается еще чудотворная сила: услаждая душу, евангеліе успокаиваетъ насъ, приводитъ душу въ состояніе благодатной тишины, и отгоняетъ отъ насъ врага искусителя.

По расположенію теперешней жизни, у городскихъ обывателей часть утра уходитъ на чтеніе газетъ съ описаніемъ всего, что дѣлается въ мірѣ, съ описаніемъ всякихъ происшествій и преступленій, за послѣдніе дни происшедшихъ... чтеніе не нужное и даже вредное, потому что оно разсѣиваетъ душу, вводитъ ее въ кругъ жизненныхъ интересовъ, пошлости житейской.

Тогда какъ духовное чтеніе, описаніе жизни святыхъ, надъ которымъ мы задумаемся съ утра, дѣйствуетъ возвышающе, настраивая на высокій ладъ мысль на весь день. Мірскіе соблазны будутъ имѣть надъ нами меньше вліянія, когда

предъ глазами будутъ стоять возобновленные чтеніемъ съ утра свѣтлые образы тѣхъ, которые были прославлены въ земномъ уничиженіи: въ смиреніи стяжали высокое, въ нищетѣ богатое.

Счастливъ тотъ, кто развилъ въ себѣ привычку, раньше для этого отходя ко сну, и раньше ложась спать—ежедневно, или хотя нѣсколько разъ, хотя бы разъ въ недѣлю въ будни бывать у Божественной литургіи: счастливъ онъ въ часъ уединенія въ утопающей въ полутемнотѣ церкви, гдѣ душѣ легче уйти въ молитву, гдѣ ближе чувствуется Богъ.

А тамъ начнется земное дѣланіе.

Что бы мы ни дѣлали, будемъ сознавать себя Божьими работниками и творить свое дѣло такъ, какъ будто Богъ задалъ намъ на сегодня урокъ, и сегодня вечеромъ спроситъ съ насъ отчетъ. Дѣти при началѣ занятій своихъ читаютъ такъ называемую молитву предъ ученіемъ. Есть молитва мало извѣстная и еще менѣе употребляемая—молитва предъ началомъ всякаго дѣла.

«Господи Іисусе Христе, Сыне Единородный Безначальнаго Твоего Отца, Ты реклъ еси пречистыми усты Твоими, яко безъ Мене не можете творити ничесоже; Господи мой, Господи, вѣрою объемь въ души моей и сердцѣ Тобою реченная, припадаю Твоей благости; помози ми сіе дѣло, мною начинающееся, о Тебѣ самомъ совершити, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Прекрасно тоже читать привѣтствіе Богородичное «Богородице Дѣво, радуйся» при началѣ нашихъ занятій, призывая всесильную помощь Царицы Небесной.

Настроеніе христіанина должно быть всегда ровное, отношеніе съ людьми ласковое и любовное. Помимо людей, которые отъ насъ зависятъ, которыхъ мы можемъ постоянно оскорблять своимъ высокомѣріемъ, грубостью, рѣзкостью, сколько есть случаевъ быть добрымъ съ чужими людьми, совершенно намъ незнакомыми, быть пріятнымъ или непріятнымъ.

Человѣкъ, идущій предъ нами, что-нибудь обронилъ — долгъ не только, что вѣжливости, но и христіанской любви будетъ поднять эту вещь. Мнѣ пришлось однажды на Невскомъ проспектѣ въ то время, когда тамъ бываетъ множество народа, и посреди улицы несутся, обгоняя другъ друга, лошади и автомобили, видѣть древнюю старушку, которая безпомощно топталась на мѣстѣ, очевидно, желая перейти чрезъ улицу, и не рѣшаясь пускаться въ это страшное для нея море.

Къ ней подошелъ генералъ, человѣкъ очень богатый и принадлежавшій къ высшему кругу, предложилъ старушкѣ свои

услуги, взялъ ее подъ руку, и увѣренно сталъ переводить чрезъ улицу. Это былъ поступокъ не только рыцарскій, но и поступокъ глубоко христіанскій.

Когда мы будемъ проходить мимо церквей, не надо забывать снимать предъ ними шапку и полагать на себѣ крестное знаменіе, чтобы не заслужить себѣ упрека на страшномъ судѣ въ томъ, что мы стыдились на землѣ Сына Человѣческаго.

Странное дѣло: какъ гордымъ чувствуетъ себя человѣкъ, къ которому на многолюдномъ собраніи подходитъ царь, чтобы сказать ему нѣсколько словъ, какъ обыкновенно такого человѣка немедленно послѣ окружаютъ, оказывая ему всяческія знаки вниманія. А вотъ, показать то, что мы стараемся быть близкими Господу Вседержителю—это мы считаемъ за позоръ. Отчего человѣкъ бываетъ полонъ такого безумія и такой мерзости, которымъ и имени даже пріискать невозможно?

Но, кромѣ того, что мы будемъ молиться на встрѣчныя церкви, надо стараться еще заходить къ какимъ-нибудь святынямъ и имѣть въ городѣ святыни любимыя.

Какъ хорошо изъ шумной улицы войти въ отпертую церковь, гдѣ предъ какой-нибудь чтимой иконой тихо горятъ неугасимыя лампады, и все полно какой-то святой сосредоточенности. Какъ хорошо подышать этимъ воздухомъ, въ которомъ запечатлѣны излитыя тутъ молитвы, совершавшіяся тутъ чудеса, въ которомъ стоитъ отголосокъ произносимыхъ здѣсь великихъ словъ, въ которыхъ стоитъ какое-то вѣяніе вѣчности... Постоять хотя нѣсколько минутъ, подышать этимъ воздухомъ, обновить въ себѣ связь съ небомъ—и идти дальше...

Намъ будетъ представляться по дорогѣ много случаевъ принести Богу хотя бы малую жертву. Рѣдкій день не встрѣтится намъ на пути сборщикъ, просящій на церковное построеніе. Разматывая для себя часто большія деньги, неужели пожалѣемъ для него мѣдной монеты!.. Вообще пусть мысль о Богѣ и о вѣчности постоянно будетъ въ насъ живою, направляя наши дѣйствія.

Въ наше время болѣе, чѣмъ когда-нибудь, въ людяхъ развелось стремленіе къ роскоши и чванству. И изъ желанія не отстать отъ другихъ производятъ невѣроятные расходы, совершенно не нужные, а на доброе дѣло пожалѣютъ даже полтинника. Какъ ни въ чемъ ни бывало, тратятъ въ какой-нибудь часъ десятки рублей, чтобы украсить роскошными живыми цвѣтами обѣденный столъ въ тѣ дни, когда званы къ столу гости. Рядятся свыше всякой нужды, превращая будни въ сплошной несмѣняемый праздникъ, ѣдятъ тонкія, дорогія

блюда, пьютъ напитки, привозимые изъ разныхъ странъ Европы за безумныя деньги.

Къ чему все это? И послужатъ ли намъ пользой, откроютъ ли врата рая тѣ или другія «марки» вина? Христіанинъ не можетъ жить широкой жизнью. На всякомъ шагу онъ долженъ понуждать и смирять себя. И прежде, чѣмъ устраивать роскошь вокругъ себя, помнить, что есть въ Россіи такіе храмы, въ которыхъ въ иконостасѣ бумажные образа.

Бездна развлеченій, которыя теперь предлагаются горожанамъ, тоже не полезна для души. Всѣ эти сборища и зрѣлища, изъ которыхъ большинство прямо разсчитано на грѣховныя побужденія нашей испорченной природы—все это сидѣніе цѣлыми часами за картами, съ развивающимся надъ ними азартомъ, эти вечеринки съ танцами, которые тоже распаляютъ человѣка—все это можно замѣнить болѣе здоровыми и разумными развлеченіями.

И больше всего должно человѣку приглядываться къ тому Божьему лику, который отраженъ въ дивномъ созданіи рукъ Божіихъ—въ природѣ.

Когда васъ утомитъ трудъ земной, вмѣсто того, чтобы искать шумныхъ обществъ, идите за городъ, или въ самомъ городѣ ищите какихъ-нибудь пріятныхъ мѣстъ. Вотъ, рѣка катитъ предъ вами свои воды—думайте о томъ, что, какъ эти капли воды уносятся теченіемъ въ другую большую рѣку, несущую свои воды въ океанъ: такъ и капля вашего существованія вмѣстѣ съ прочими людьми неудержимо стремится въ одинъ великій океанъ вѣчности.

Смотрите въ какой бы то ни было часъ въ небеса, которыя громко говорятъ о Богѣ. Старайтесь въ шепотѣ листьевъ раскидистой рощи услыхать творимую деревьями тихую благоговѣйную молитву Богу.

Надъ увертливыми и быстрыми птицами задумайтесь о томъ, сколько благого, яснаго и прекраснаго Господь вложилъ въ этихъ милыхъ пернатыхъ, заботливо вьющихъ свои гнѣзда и воспитывающихъ своихъ птенцовъ. Надъ былинкой луговой или надъ цвѣткомъ, тихо качающимъ благовонную чашечку на тонкомъ стеблѣ,—подивитесь лишній разъ мудрости Того, Кто Своею рукою развилъ это растеньице такъ чудно и прекрасно, какъ не сдѣлаютъ даже тысячи рукъ величайшихъ земныхъ мастеровъ.

Смотрѣть на природу и понимать ее—это уже почти молиться. И для подвижниковъ всѣхъ временъ природа въ тѣхъ прекрасныхъ мѣстахъ, которыя почти всегда они избирали для

подвиговъ своихъ, была лучшимъ товарищемъ и возбудителемъ ихъ молитвы. И, если во время такой прогулки, вы будете «въ духѣ», то есть найдетъ на васъ вдохновеніе молитвы и мыслей, удерживайте, останавливайте это настроеніе и погружайтесь тогда въ созерцаніе.

Изберите для себя, напримѣръ, спутницею тѣхъ часовъ Пренепорочную Дѣву, и живою мыслью проходите съ Ней путь Ея жизни. Проводите Ее къ храму, когда первосвященникъ по чудному настроенію вводитъ Ее во «Святая Святыхъ»; слѣдите съ умиленіемъ и трепетомъ душевнымъ, какъ возрастаетъ Она въ этомъ храмѣ, наставляемая бесѣдами ангела, который въ опредѣленные часы приноситъ Ей небесную пищу. Будьте свидѣтелями, какъ Ее обручаютъ со старцемъ Іосифомъ, и въ тихомъ Назаретѣ стойте при Ней, когда Она искусными руками приготовляетъ великолѣпную завѣсу въ даръ храму. Подивитесь бѣлизнѣ и благоуханію колыхающихся въ рукѣ благовѣстника архангела Михаила лилій, и душой присутствуйте при этой бесѣдѣ между Дѣвой и Гавріиломъ, открывшей людямъ рай.

Пройдите за благодатной Дѣвой къ престарѣлой Елизаветѣ и прислушайтесь къ таинственному пророчеству глаголовъ, излившихся тогда изъ душъ этихъ чудныхъ родственныхъ женъ. Съ волнующимся сердцемъ сопровождайте святыхъ путниковъ изъ Назарета въ Виѳлеемъ. Внемлите пѣнію ангеловъ, вѣщающихъ пастырямъ Виѳлеема. Съ ними соединяйтесь тогда, чтобы поклониться въ пещерѣ возлегшему въ ясляхъ невмѣстимому Богу. Съ волхвами слѣдуйте за сіяніемъ таинственной звѣзды, и усердной душой приносите Младенцу золото и ладанъ и смирну. Вдохните въ себя свѣжесть той ночи, подъ покровомъ которой бѣгутъ отъ Ирода въ Египетъ Іосифъ и Марія съ Младенцемъ, и подивитесь душой на тѣ пальмы, которыя въ Египтѣ при проходѣ святыхъ путниковъ склоняли передъ ними свои гордыя главы. Вернувшись въ Назаретъ, слѣдите, какъ старый древодѣлъ Іосифъ и юная Марія работаютъ для пропитанія Христова. И вмѣстите въ душѣ вашей слова Богоматери, послѣ которыхъ совершилось первое чудо Христово на бракѣ въ Канѣ Галилейской «вина не имутъ», и взмолитесь къ Пречистой, чтобы въ часъ вашего недостатка, Она, какъ тогда, сказала о васъ Своему Сыну о томъ, чего вы «не имате». Встаньте при Богоматери въ тотъ часъ, когда крестное шествіе карабкалось по каменистымъ извилистымъ улицамъ Іерусалима, и на свои руки примите навзничь падающую отъ ужаснаго зрѣлища Марію. Съ Нею стойте при крестѣ. Раскройте,

какъ Іоаннъ, сердце свое для словъ: «Се Мати твоя». Своими руками съ Маріей принимайте тѣло, спускаемое съ креста. Слѣдуйте за осиротѣлой Матерью, когда скорбный ученикъ вводитъ Ее въ свой домъ, и ловите часы молитвы Ея послѣ отшествія Христа отъ земли, когда Она ходила въ садъ Геѳсиманскій, и передъ Нею преклонялись тамъ печальные кипарисы. Сторожите новое явленіе Ей Архангела Гавріила, принесшаго Ей вѣсть о призваніи Ея въ небеса. Съ апостолами по вѣтру принеситесь къ смертному Ея ложу, и съ Ѳомой найдите гробъ Ея пустымъ.

И слѣдованіе по пути жизни Богоматери пусть замѣнитъ вамъ блужданіе по стогнамъ людскимъ.

...Вы достигли вечера.

Какъ хороша молитва, излившаяся въ этотъ часъ изъ души Василія Великаго, растроганной красою погружающейся въ отдыхъ природы.

«Благословенъ еси, Владыко Вседержителю, просвѣтивый день свѣтомъ солнечнымъ и нощь уяснивый зарями огненными, иже долготу дне прейти насъ сподобилъ еси и приближитися началомъ нощи; услыши моленіе наше и всѣхъ людей Твоихъ, и всѣхъ насъ прости вольная и невольная согрѣшенія. Пріими вечерняя наша моленія и ниспосли множество милости Твоея и щедротъ Твоихъ на достояніе Твое. Остѣни насъ святыми Твоими ангелы. Вооружи насъ оружіемъ правды. Огради насъ истиною Твоею. Соблюди насъ силою Твоею»

. . . . . .

И пусть ангелъ-хранитель осѣнитъ насъ тихимъ крыломъ, навѣвая намъ свѣтлыя мысли... Пусть теперь, въ затишьи, ближе спустится къ намъ небо... Пусть тихимъ счастливымъ волненіемъ волнуютъ насъ отрадные святые образы.

И два великихъ спасающихъ имени не устаютъ шептать уста. И въ отвѣтъ этимъ именамъ замираетъ въ сладости сердце:

«Іисусъ... Марія!..»

Праздничные дни должны быть отмѣчены особеннымъ устремленіемъ души къ духовнымъ предметамъ, особенно яр-

кимъ напоминаніемъ себѣ о тѣхъ великихъ событіяхъ, которыя празднуются, о тѣхъ святыхъ и дивныхъ людяхъ, которые въ этотъ день почитаются.

Ничего въ жизни не дается безъ труда. Такъ и для того, чтобы свѣтло отпраздновать праздникъ, надо къ нему издали подготовляться. Церковь знала, что дѣлала, когда установляла предъ великими праздниками—Пасхи, Рождества Христова, Успенія Богоматери посты, когда установила однодневный постъ предъ праздникомъ крещенія Христова, и еще постъ въ честь апостоловъ, не безъ тайной, можетъ быть, мысли почтить этимъ постомъ всѣхъ вообще прославленныхъ святыхъ послѣдователей Христовыхъ.

Постъ утончаетъ тѣло, которое обыкновенно давитъ духъ, стремится поработить его и какъ бы подавить его. Соблюденіе поста даетъ намъ свободу отъ узъ міра, отъ всевозможныхъ соблазновъ и искушеній. Постъ приближаетъ насъ къ небу, дѣлаетъ насъ болѣе чуткими и воспріимчивыми относительно явленій міра духовнаго.

Праздникъ имѣетъ цѣлью дать среди духовныхъ сильныхъ впечатлѣній отдыхъ душѣ, уставшей отъ мірской суеты, приблизить къ намъ небо, обновить въ душѣ нашей такъ легко забываемые образы Христа, Богоматери и святыхъ.

Но мы во время праздниковъ не только не укрѣпляемъ свою душу, а только ослабляемъ ее, и праздникъ у насъ проходитъ совершенно противоположно тому, какъ бы слѣдовало и какъ того желаетъ церковь. Вмѣсто того, чтобы предъ праздникомъ участить посѣщеніе службъ церковныхъ, укрѣпиться въ духовномъ чтеніи, прочитать, напримѣръ, житіе того святого, которому мы собираемся праздновать, хотя бы предъ днями своихъ именинъ,—мы рыскаемъ по лавкамъ для обновленія своего платья и закупаемъ несмѣтное количество провизіи для праздничнаго яденія. При этомъ мы совершенно забываемъ, что не новымъ платьемъ и не лишнимъ тяжелымъ блюдомъ и большимъ количествомъ винъ мы можемъ угодить Богу и привлечь на себя праздничную благодать.

И вся церковная сторона дѣла въ праздникъ у насъ стоитъ совершенно на заднемъ планѣ. Такъ, случается, что человѣкъ, захлопотавшійся надъ праздничными приготовленіями до усталости, не попадетъ вовсе въ церковь ни къ Рождественской всенощной, ни къ обѣднѣ. Это было бы подобно тому, какъ, если бы кто, призванный предъ лицо царское, заблаговременно сталъ приготовлять по этому случаю большой пріемъ для родныхъ и знакомыхъ и въ хлопотахъ объ этомъ пріемѣ про-

пустилъ бы тотъ день, когда ему назначено было явиться къ царю.

Вообще среди безтолковщинъ нашей жизни одна изъ самыхъ большихъ та, что люди исполняютъ нѣкоторые внѣшніе обряды, совершенно равнодушные къ тѣмъ событіямъ, которыми эти обряды вызваны. Напримѣръ, люди совершенно не вѣрятъ ни во Христа, ни въ воскресеніе Его, а празднуютъ Пасху: въ этотъ день рядятся, приготовляютъ пасхальный столъ къ розговѣнью—это такъ же безсмысленно, какъ если бы христіанинъ сталъ справлять магометанскій праздникъ.

Праздникъ обыкновенно ознаменовывается безцѣльнымъ шатаніемъ другъ къ другу въ гости, съ поздравленіемъ съ чѣмъ-то своихъ знакомыхъ, хотя эти знакомые были бы и не вѣрующіе, большимъ потребленіемъ пищи и всякихъ сладостей—однимъ словомъ, полной побѣдой мірской жизни и мірскихъ началъ, мірской суеты.

Все это должно быть, какъ разъ, наоборотъ. Праздничныя приготовленія должны быть сокращены насколько возможно, потому что христіанинъ сытъ всякій день, и не объяденіемъ долженъ ознаменовывать праздникъ. Предъ большимъ праздникомъ надо поговѣть и пріобщиться за нѣсколько дней до него, или въ самый день праздника, и въ этой атмосферѣ духовнаго воздержанія провести и все праздничное время. Русскіе цари по праздникамъ ходили къ могиламъ своихъ предковъ, посѣщали духовенство и тюрьмы, и намъ бы слѣдовало хотя какими-нибудь добрыми дѣлами ознаменовывать праздникъ, чего никто изъ насъ не дѣлаетъ.

Въ послѣднее время среди многихъ состоятельныхъ семей образовался обычай въ день своихъ именинъ, когда прежде созывали гостей, тратили на это много денегъ и сильно отъ того уставали,—уѣзжать вовсе изъ города въ какое-нибудь мѣсто неподалеку: напримѣръ, изъ Петербурга на весь день: въ Павловскъ, въ Выборгъ или Гельсингфорсъ. Этимъ избѣгалась праздничная суета, утомленіе и расходы, а на сбереженныя отъ упраздненій праздничнаго пріема деньги что-нибудь въ этихъ городахъ пріобрѣталось полезное.

Еще правильнѣе обычай ознаменовывать свой праздникъ какимъ-нибудь богомольемъ.

Особенно, когда душа ранена и болитъ, когда вы находитесь въ дальней разлукѣ съ любимыми вами людьми, когда васъ волнуетъ какое-нибудь глубокое и длительное душевное волненіе,—тогда праздничная суета для васъ совершенно нестерпима, и васъ тянетъ куда-нибудь вдаль, подальше отъ

обычной обстановки, подальше отъ этого праздничнаго размаха, который васъ только оскорбляетъ и мучитъ.

Я зналъ двухъ двоюродныхъ сестеръ, которыя разомъ переживали сильное горе. Одна потеряла свою любимую мать, съ которой жила душа въ душу, и исчезновеніе которой оставило незаполнимую пустоту въ ея жизни. Другая любила одного человѣка, котораго хотѣла считать своимъ женихомъ, но родители ея не дали согласія на этотъ бракъ, и поэтому положеніе было невыносимое, натянутое и мучительное.

Молодой человѣкъ этотъ въ то время находился заграницей, и они были въ ежедневной перепискѣ. Родня ихъ жила шумно и весело, и праздникъ въ ихъ душевномъ состояніи представлялся имъ пыткой.

Слыша отъ своихъ знакомыхъ, какъ хорошо зимой въ Саровѣ и Дивѣевѣ у преподобнаго Серафима, онѣ обѣ рѣшились уѣхать отъ Новаго года въ Саровъ. Дня за два до Новаго года онѣ выѣхали изъ Петербурга въ Москву и вечеромъ подъ новый годъ выѣхали изъ Москвы въ Нижній.

Уставши за день, онѣ въ своемъ отдѣленіи спокойно улеглись спать въ десять часовъ и были въ забытьи въ ту пору, какъ тамъ, въ шумномъ Петербургѣ, подъ звонъ бокаловъ и всплескъ шампанскаго, люди говорили другъ другу избитыя фразы о новомъ счастьи.

Въ день Новаго года онѣ пересѣкли въ предразсвѣтной темнотѣ на саняхъ Оку, сѣли на Арзамасскій поѣздъ и весь день перваго января ѣхали въ возкѣ отъ Арзамаса до Дивѣева, куда пріѣхали къ вечеру и отстояли торжественную всенощную, такъ какъ другой день, второго января, былъ день преставленія великаго старца Серафима. Въ Саровъ онѣ попали къ поздней обѣднѣ, посѣтили всѣ мѣста, ознаменованныя подвигами старца, ночевали тамъ ночь, купались въ цѣлебномъ источникѣ старца Серафима, вернулись въ Дивѣевъ и прожили тамъ до вечера Крещенія.

Осиротѣвшая дочь нашла тамъ утоленіе своей скорби и вернулась оттуда ожившею, а невѣста дала обѣтъ: если свадьба ея состоится, быть у старца съ благодарностью вмѣстѣ со своимъ женихомъ... Все вскорѣ устроилось къ лучшему.

Какъ, вотъ, такое провожденіе праздника разнится отъ той совершенно не соотвѣтствующей христіанскому достоинству встрѣчи Новаго года, какая теперь вошла въ моду. Слава Богу, вѣрные церкви люди стоятъ въ этотъ часъ въ храмѣ за вновь введеннымъ молебномъ. А другіе сидятъ въ ресторанѣ часовъ съ десяти среди хлопанья винныхъ пробокъ подъ звуки разнѣ-

живающаго оркестра и при боѣ двѣнадцати часовъ съ громкими пожеланіями на языкѣ чокаются бокалами. Встрѣтятъ Новый годъ, не перекрестивъ даже лба. Конечно, бываетъ тутъ и не безъ скандаловъ.

А тамъ, въ глубинѣ Россіи, тихіе проселки съ непорочнымъ бѣлымъ снѣгомъ поведутъ васъ подъ раскидистыя ели, опушенныя сверкающимъ инеемъ, словно всѣ осеребренныя, и луна польетъ на нихъ свой синій блескъ, и изъ чащи лѣса, чудится вамъ, сейчасъ выйдетъ тяжелой поступью своей медвѣдь, и старецъ съ небеснымъ огнемъ въ голубыхъ глазахъ протянетъ дикому гостю насущный кусокъ хлѣба.

Какъ хорошо!.. И какъ хорошо то, что наступленіе Новаго года связано съ памятью великаго чудотворца, помощника и благодѣтеля старца Серафима, что, думая и о духовныхъ нуждахъ своихъ, и о хлѣбѣ насущномъ, можно въ день Новаго года воскликнуть ему, открывающему собою кругъ святыхъ воспоминаній: «Старецъ Серафимъ, и дикій звѣрь имѣлъ у тебя трапезу свою: питай и меня, раба твоего»...

. . . . . .

Вообще намъ не слѣдуетъ измѣнять древнему святому и мудрому обычаю нашихъ предковъ, и совершать по возможности частыя богомолья.

Именно тутъ мы соприкасаемся со струей духовной жизни народа. Тутъ, среди этой простой пламенѣющей вѣры можемъ воспламенить свои косныя сердца. Тутъ можемъ встрѣтить мы разныхъ Божьихъ людей, начиная отъ монастырскихъ старцевъ съ благодатными дарами и кончая тѣми перехожими людьми—богомольцами, среди которыхъ есть великія и близкія Богу души.

Важно, чтобы родители брали съ собой дѣтей на богомолье, и чтобы угодники, къ которымъ возятъ дѣтей, были бы для нихъ не какими-то отвлеченными понятіями, а становились живыми, ласковыми, сочувствующими, обѣщающими и исполняющими свои обѣщанія людьми.

Есть вещи, противъ которыхъ иногда возражаетъ умъ, но къ которымъ тянетъ сердце. Въ наше время, время многихъ измѣнъ прежнему—все же по духовному наслѣдію, невольно нами воспринятому отъ отцовъ, многое то, что нравилось и привлекало ихъ, нравится и привлекаетъ и насъ помимо отрицающаго ума.

Какъ отрадно, напримѣръ, чувствуетъ себя душа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть чудотворные колодцы, какъ успокоительно дѣйствуетъ мягкій всплескъ воды и чистыя струи, въ которыя

Богу угодно было вложить Свою непостижимую исцѣляющую и укрѣпляющую силу.

Выше было говорено о той отрадѣ, которую даетъ душѣ уединенная молитва въ будни — въ темнотѣ зимней, ранней обѣдни. Совершенно другое впечатлѣніе оказываетъ на душу участіе въ общенародныхъ торжествахъ.

Что за счастье, напримѣръ, смотрѣть на великолѣпныя торжества московскихъ крестныхъ ходовъ, гдѣ церковь земная является вѣнчанною, украшенною, превознесенною.

Подъ громкіе распѣвы молитвъ могучаго хора медленно движется торжественное шествіе, и впереди его громадный, несомый на носилкахъ, фонарь съ горящей свѣчой, изображающій собою храмъ. Затѣмъ тянется цѣлый лѣсъ хоругвей: однѣ легкія, другія еле сдерживаемыя сильными хоругвеносцами, тяжело колыхающіяся на своихъ крѣпкихъ древкахъ. Сіяютъ на солнцѣ святые лики, тяжело и звучно звенятъ металлическіе привѣсы. Прославленныя чудесами иконы, нѣкоторыя громаднаго размѣра, словно плывутъ въ воздухѣ надъ толпой, высоко поднятыя отъ земли на носилкахъ.

А затѣмъ въ торжественныхъ ризахъ свѣтлый блестящій сонмъ духовенства. И чувствуется душѣ, что надъ этими видимыми церквами воздвиглась церковь небесная, и надъ этимъ земнымъ крестнымъ ходомъ развертывается другое чудное шествіе. И надъ знакомыми мѣстами идутъ крестнымъ ходомъ вставшіе изъ драгоцѣнныхъ ракъ своихъ московскіе чудотворцы съ былымъ московскимъ духовенствомъ, съ былымъ московскимъ народомъ.

А какая радость душѣ присутствовать при открытіи мощей, какое счастье видѣть всколыхнувшійся подъ вліяніемъ этого событія народъ, видѣть эти текущія со всѣхъ сторонъ народныя волны, слышать о постоянно происходящихъ у мѣста погребенія праведника чудесахъ, слышать послѣднія заупокойныя богослуженія, совершаемыя по немъ, его родителямъ, людямъ, имѣвшимъ къ нему отношеніе въ земной жизни, и, наконецъ, въ вечернемъ богослуженіи видѣть, какъ изъ нѣдръ земли, словно восходящее надъ землей свѣтило, износится гробъ съ мощами, скрывающими въ себѣ животворную силу; слышать эти дивныя слова величанія, которыхъ нельзя вдосталь наслушаться. И на другой день идти за ракой въ торже-

ственномъ крестномъ ходѣ послѣ литургіи, когда изъ среды народа, рвущагося къ святынѣ, раздаются молитвенные вопли и громкій плачъ, и на раку летятъ градомъ усердные дары: полотна, платки, шелка и деньги; и чувствовать во всемъ близость неба, на нѣсколько часовъ опустившагося на землю.

Всѣ такія православныя впечатлѣнія поддерживаютъ вѣру, питаютъ духъ и даютъ почувствовать ту область, въ которую будетъ поглощена душа въ будущемъ вѣкѣ...

ГЛАВА III

Отношенія человѣка къ Богу.

Каково наше отношеніе къ Богу?

Если хорошенько вдуматься въ этотъ вопросъ, то отвѣтъ на него придется дать ужасный: никакого.

Въ самомъ дѣлѣ, у многихъ людей—даже изъ тѣхъ, которые считаютъ себя христіанами—отношенія къ Богу совершенно безразличны. Мы о Богѣ не думаемъ. Мы Его не чувствуемъ. Мы живемъ какъ бы внѣ Бога, внѣ Его заповѣдей. Не у Него ищемъ вдохновенія и помощи. Не къ Нему несутся наши чувства. И главная бѣда въ нашей жизни именно отъ того и происходитъ, что мы не имѣемъ къ Богу отношенія личнаго.

Личное отношеніе къ Богу состоитъ въ томъ, чтобы умѣть представить Его себѣ реально, какъ представляли Его себѣ тѣ подвижники, которые, не видя, видѣли Его, не слыша, слышали, въ противоположность тѣмъ Христовымъ современникамъ, которые, и видя Его, не видѣли Его, и, слыша Его, не слышали.

Отношеніе наше ко Христу должно начаться съ мысли о Пресвятой Дѣвѣ. Мы должны полюбить эту чудную Отроковицу, трепетно прослѣдить Ея дѣтскіе годы, стоять при Ней, когда среди Дѣвъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, Она была приведена въ храмъ Іерусалимскій. Мы должны сторожить слетъ къ Ней въ тихій Назаретъ архангела Гавріила съ чудною вѣстью о воплощеніи чрезъ Нее Спасителя міра и затѣмъ ожидать рожденія Христа.

Мы не хотимъ вдуматься, мы не хотимъ всмотрѣться, мы не хотимъ почувствовать... Мы не допускаемъ, чтобы поэзія святой Виѳлеемской ночи овладѣла нашей душой.

Надо выкинуть изъ души все наносное, темное, ненужное и дать ярко сіять въ этой душѣ чуднымъ лучамъ звѣзды Виѳлеемской... Съ восторгомъ, благоговѣйнымъ изумленіемъ всмат-

*

риваться въ нее; въ простотѣ душевной виѳлеемскихъ пастырей смирить предъ Христомъ-Младенцемъ свою земную мудрость, какъ смирились предъ Нимъ поклонившіеся со своими дарами волхвы.

И пусть чувство благоговѣнія смѣшается въ насъ съ чувствомъ жгучей жалости къ этому Младенцу, Который оставилъ вѣковѣчный престолъ небесъ для того, чтобы принять тягчайшую судьбу, которая когда-либо выпадала на долю жителей земли.

Съ этой жалостью слѣдить за Его дѣтствомъ въ убожествѣ, когда трудовъ усердной Матери и стараго плотника Іосифа не хватало, быть можетъ, для поддержанія скуднаго хозяйства. Съ благоговѣйнымъ ужасомъ видѣть сорокадневный постъ въ пустынѣ и искушенія отъ діавола. Съ замираніемъ сердца ходить за Нимъ въ зной и непогоду по каменистымъ дорогамъ Іудеи, не зная, какой пріютъ послѣ трудового дня предложитъ суровая ночь. Дрожать за Него душой, видя распаляющуюся вокругъ Него ненависть. Ожидать козней противъ Него. Слышать звонъ ужасныхъ тридцати сребренниковъ. Слышать трескъ факеловъ, горящихъ въ сосредоточенной тишинѣ Геѳсиманскаго сада. Присутствовать при допросѣ, бичеваніи, заушеніи и поруганіи Царя Небеснаго. Внимать разъяреннымъ воплямъ толпы: «Распни, распни Его». Слышать звуки молота по гвоздямъ, пробивающимъ руки и ноги Краснѣйшаго изъ сыновъ человѣческихъ. Въ отчаяніи сжимать руки надъ мертвенною плотью Того, Кто былъ сама жизнь, источникъ и возобновленіе жизни... Вотъ, что можетъ приблизить насъ ко Христу и дать намъ ясное ощущеніе Его бытія.

Вѣдь тѣ святые, которые, дѣйствительно, стали Ему близкими, которые жили въ Немъ и для которыхъ Онъ былъ живъ, всѣ тѣ, которые въ Немъ, въ Немъ Одномъ, почерпали свое счастье, и были этимъ блаженны среди жизни, по человѣческимъ взглядамъ бѣдственнѣйшей: всѣ они напрягали все свое воображеніе, для того, чтобы разбудить, разжечь въ себѣ это чувство близости и несомнѣнности Христовой.

Надо окружать себя Его изображеніями, среди которыхъ столько глубоко охватывающихъ и волнующихъ.

Сколько великихъ художниковъ міра старались вылить на полотна эту наполняющую душу человѣческую мечту о Богочеловѣкѣ, ходящемъ по міру и ищущемъ людей.

Вотъ, Онъ возсѣлъ на каменномъ сѣдалищѣ, и къ Нему пришелъ молодой человѣкъ въ одеждѣ путника, изнуренный

отъ долгаго пути, съ израненными отъ ходьбы ступнями. Онъ бросилъ къ ногамъ Его свой страннический посохъ и упалъ къ Его колѣнямъ.

«Тяжело, холодно, ноги избиты, отклика нѣтъ. Хожу, брожу, не находя себѣ пристанища, не зная, надъ чѣмъ успокоить мысль, куда устремлять свои чувства. Услыхалъ о Твоей благости. Изъ послѣднихъ силъ добрался до Тебя. Прими, успокой, пожалѣй».

И Христосъ, съ милосердіемъ во взорѣ, склонился къ юному путнику, возлагая на него Свои исцѣляющія руки, и не произносимыми словами, а чудотворнымъ чувствомъ, льющимся въ душу, звучитъ Его привѣтъ: «Ко Мнѣ, труждающіеся и обремененные, отъ земли, и Я успокою васъ небеснымъ покоемъ».

Вотъ—Онъ, добрый Пастырь, съ высокимъ пастырскимъ жезломъ, окруженъ овцами. Одну изъ нихъ, слабую, отбившуюся отъ стада, взялъ на Свои руки и несетъ ее въ загонъ, гдѣ хранитъ Своихъ овецъ. Довѣрчиво прижимается она къ груди добраго Пастыря... Какая высокая мечта, какъ трогательно воплощены чудныя слова: «Азъ есмь пастырь добрый».

Вотъ Онъ, на этотъ разъ усталымъ путникомъ, стучится въ дверь жилья человѣческаго... Отворятъ ли Ему, или не отворятъ? Услышатъ ли загрубѣлымъ слухомъ этотъ стукъ святой руки, этотъ окликъ святого гласа или вовсе не услышатъ?.. Услышатъ, отзовутся ли? Или не скажутъ ни слова въ отвѣтъ, и не захотятъ подойти и отпереть?.. Но—Господи, Господи, избавь насъ отъ этой участи, и въ тотъ часъ, когда Ты постучишь къ намъ, дай намъ широко распахнуть предъ Тобой дверь нашего сердца!..

Вотъ, Онъ (одна изъ римскихъ картинъ), бездыханный, несомый ангелами, съ пронзенными руками, съ ранами между реберъ. Бережно и тихо возносятъ ангелы уснувшаго смертнымъ сномъ Безсмертнаго, и одинъ изъ ангеловъ кулаченкомъ растираетъ по лицу капающія изъ глазъ слезы.

Вотъ, Онъ молится въ саду Геѳсиманскомъ. На видѣнномъ мною полотнѣ неизвѣстнаго художника на лицѣ Его нѣтъ того физическаго ужаса и во всей фигурѣ Его той физической растерзанности, которые изображаются на другихъ полотнахъ съ тѣмъ же изображеніемъ. Руки разведены въ великой мольбѣ. Это, очевидно, тотъ моментъ, когда Онъ, склоняясь предъ волей Отца, произноситъ: «Впрочемъ, не какъ Я хочу, а какъ Ты». Вокругъ Него таинственная тьма, около Него жесткій кактусъ—символъ жестокосердія людского и тѣхъ людей,

которые не примутъ Его проповѣди и не воспримутъ очистительной искупительной силы страданія Его. Внизу, за темнотой, чуть видны робкіе огни Іерусалима... Какъ одно это полотно, если долго созерцать его, можетъ дать душѣ реальное ощущеніе Христа!..

Вотъ, Онъ въ Эммаусѣ, сидя съ двумя учениками, благословляетъ хлѣбъ, поднявъ главу къ небесамъ и весь просіявъ свѣтомъ Ѳаворскимъ. Это та минута, когда ученики узнали Его.

И намъ надо Его узнавать и узнать. Намъ надо заставлять себя думать о Немъ, надо временами приковывать себя къ Его стопамъ, какъ приковала себя къ стопамъ Христовымъ вѣрная душа Лазаревой сестры Маріи.

Бываетъ порой, что мы тогда только оцѣниваемъ людей, когда ихъ съ нами нѣтъ, когда мы съ ними разлучены. Дѣти, долгіе годы росшія въ любви своихъ родителей, дѣти, на которыхъ родители источали нѣжную ласку, теплую заботу, всевозможныя самоотверженія, часто не видятъ и не понимаютъ ихъ, никогда искренно и глубоко не задумавшись надъ отношеніемъ къ себѣ родителей.

Разлучатся, и вдругъ все поймутъ. И хорошо, если родители еще живы, и отвѣтной лаской и заботой дѣти могутъ вознаградить за то, что получили отъ нихъ, не понимая того и не цѣня того долгіе годы. Но какой ужасъ, если это пониманіе придетъ, когда родителей нѣтъ уже въ живыхъ, и останутся одни неутолимые самоупреки, одно раскаяніе, котораго за всю жизнь нечѣмъ будетъ смягчить.

Такъ и намъ надо, пока не поздно, понять и узнать Христа и придти къ Нему. Мы Его увидимъ, мы Его узнаемъ, когда спадутъ съ насъ узы тѣла, когда душа перейдетъ въ иную жизнь.

Но муки ада будутъ состоять въ томъ, что, не подготовленные къ зрѣнію Христа, мы будемъ бѣжать отъ Него, какъ бѣжитъ больной глазами отъ солнечнаго свѣта. И вѣрѣ будетъ уже тогда поздно дѣйствовать, ибо будетъ несомнѣнное видѣніе, и мы проклянемъ себя за всякій тотъ день и часъ нашей жизни, когда мы не старались узнать Христа и не шли къ Нему.

Познаніе Христа... Познаніе Христа... Вотъ—единственная цѣль нашей жизни: все, изъ чего мы должны исходить, чѣмъ все въ нашей жизни должно кончаться.

Какое, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ отношеніе къ Богу тѣ люди, которые вообще имѣютъ къ Нему какое бы то ни было отношеніе?

Попрошайничество.

Мы равнодушны къ безконечнымъ Божіимъ совершенствамъ, къ лучезарному сіянію Его святыни, «къ величеству славы Его». Мы смотримъ на Него корыстно, ожидая себѣ и вытягивая отъ Него всякія милости—и больше ничего.

И позоръ такого отношенія къ Богу, грѣхъ этого корыстнаго на Него взгляда тѣмъ ужаснѣе, что даже не ко всѣмъ людямъ мы такъ относимся. Бываетъ такое отношеніе человѣка къ человѣку, что только хочется на него смотрѣть, имъ восторгаться, ничего отъ него не ждать и ничего отъ него не требовать. Есть отношенія людей къ людямъ, когда принести какую-нибудь величайшую жертву кажется счастьемъ. И вотъ—мы, умѣющіе къ людямъ относиться такъ высоко,—такъ относиться къ Богу не умѣемъ.

Вспомнимъ объ одномъ простомъ человѣкѣ, въ душѣ котораго кипѣла безграничная привязанность къ Господу, который всякую минуту своей жизни удивлялся Ему.

Этотъ человѣкъ—дядя Акимъ изъ «Власти тьмы» графа Толстого.

Этотъ человѣкъ зналъ, что въ Богѣ всѣ совершенства и вся правда. Онъ не умѣлъ выразить всего того, что думаетъ о Богѣ, а между тѣмъ слова, вырывающіяся изъ его души, одни изъ великолѣпнѣйшихъ словъ, какими душа человѣческая восхвалила Своего Творца.

«А Богъ то Онъ... во...» Въ этихъ незатѣйливыхъ мужицкихъ словахъ вы слышите такой восторгъ души, объятой святымъ пламенемъ, вы чувствуете душу, замирающую въ созерцаніи совершенства Божія, взволнованную видомъ этихъ Божіихъ совершенствъ и безграничностью Божества.

И такой человѣкъ, въ которомъ живетъ этотъ восторгъ, не нуждается даже въ земномъ счастьѣ, ибо это радостное созерцаніе Божества замѣняетъ ему все.

Когда душа поглощена дѣйствительно глубокимъ чувствомъ, ей достаточно лицезрѣнія того человѣка, который въ ней это чувство пробудилъ.

Одна московская богатѣйшая, знатная и титулованная дама, безгранично чтившая знаменитаго русскаго публициста Каткова, съ которымъ мужъ ея былъ въ большой дружбѣ, часто восклицала:

— Я бы у Каткова готова быть кухаркой.

И люди, которымъ трудно видѣть предметъ своей любви, часто мечтаютъ о томъ, какое счастье быть швейцаромъ или дворникомъ въ ея домѣ, чтобы нѣсколько разъ въ день видѣть ее, хотя и не говоря съ ней. Если такое счастье даетъ душѣ видъ земного любимаго человѣка, то какое же счастье должно наполнять душу, созерцающую Божество?

А мы вотъ только попрошайничаемъ. Вмѣсто хлѣба насущнаго просимъ мы себѣ всевозможныхъ благъ житейскихъ, и вы можете замѣтить, что усерднѣе всего крестятся руки тогда, когда раздаются слова ектеніи: «ожидающихче отъ Тебе великія и богатыя милости».

И очень рѣдко кто изъ насъ идетъ въ своихъ отношеніяхъ къ Божеству дальше «ожиданія этихъ великихъ и богатыхъ милостей».

О Господи, Господи, научи насъ любить Тебя такъ, какъ любили Тебя Твои искренніе друзья. Сдѣлай такъ, чтобы Твои совершенства, Твои принесенныя за насъ жертвы, Твое изволеніе на страданіе за насъ, Твои проповѣди и Твои дѣла плѣнили нашу душу такъ, чтобы мы стремились созерцать Тебя и слышать Тебя, ничего себѣ отъ того не ожидая, и въ этомъ служеніи находя всю полноту счастья и вѣнецъ радостей. Дай намъ съ убѣжденіемъ сотника, стоявшаго при крестѣ Твоемъ, воскликнуть въ душѣ нашей: «Во истину Божій Сынъ бѣ сей». Дай намъ не бояться зла міра, не бояться потому, что въ душѣ нашей было слишкомъ ясно выражено тяготѣніе къ этому счастью, которое даешь Ты Одинъ. Дай намъ любить Тебя той любовью, которою любили Тебя мученики, съ веселіемъ за Тебя страдавшіе и даже не смотрѣвшіе на то великое, по земнымъ понятіямъ, что они покидали для того, чтобы доказать вѣрность Тебѣ! Дай намъ любить Тебя любовью великихъ пустынниковъ. Дай намъ славить Тебя, какъ славили Тебя лики святыхъ. Дай намъ въ молитвахъ чаще и больше просить Тебя не о временныхъ нашихъ нуждахъ, а о пріумноженіи въ душѣ нашей той жажды, которая распаляла души святыхъ. Дай намъ Тебя только видѣть въ мірѣ и надъ міромъ. Дай намъ, чтобы Ты былъ нашимъ путемъ и спутникомъ, вожатаемъ и пристанищемъ. И, когда душа наша будетъ часто и часто спрашивать, какой тѣснѣйшій путь единенія съ Тобой: тогда шепни нашей душѣ, какъ шепнулъ Ты нѣкогда вопрошавшему Тебя въ мысляхъ о томъ великому рабу Твоему Парѳенію, старцу кіевскому: «Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь пребываетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ».

ГЛАВА IV.

Объ отношеніи къ людямъ.

Для нашей самовольной, самолюбивой природы съ ея привязанностями, направляемыми на однихъ людей, ненавистью по отношенію къ другимъ, и съ ея равнодушіемъ къ остальнымъ, большинству кажется трудной и неисполнимой заповѣдь Христова: «Возлюби ближняго своего, какъ самого себя».

Если есть разрядъ людей, которые способны любить до самопожертвованія нѣкоторыхъ избранныхъ, то гораздо многочисленнѣе люди, которые никого, кромѣ какъ себя, не любятъ, ни къ кому не стремятся, ни о комъ не тоскуютъ и рѣшительно ни для кого не хотятъ шевельнуть пальцемъ.

Разрядъ же людей, которые, дѣйствительно, любятъ своихъ ближнихъ, смотрятъ, какъ на ближняго, на всякаго рѣшительно человѣка, какъ посмотрѣлъ на избитаго разбойниками еврея милосердный самарянинъ—разрядъ такихъ людей чрезвычайно малочисленъ.

Между тѣмъ Господь, желая утвердить этотъ взглядъ людей другъ на друга, желая распространить между людьми эту всеобъемлющую любовь, сказалъ слово, открывающее величайшее значеніе этой любви, придающее ей такой смыслъ, такую высоту, которая бы заставила людей всячески ее въ себѣ воспитывать.

Описывая Страшный Судъ, Господь говоритъ о той бесѣдѣ, которая произойдетъ тамъ между грознымъ Судіей и родомъ человѣческимъ.

Призывая къ себѣ благую часть человѣчества, тѣхъ, которые на дѣлѣ воплотили въ себѣ эту всепрощающую, нѣжную, теплую, заботливую любовь къ людямъ, Господь скажетъ имъ:

«Пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти, возжадахся, и непоисте Мя; страненъ бѣхъ, и введосте Мене. Нагъ и одѣясте Мя, боленъ и посѣтисте Мене, въ темницѣ бѣхъ и пріидосте ко Мнѣ».

Они спросятъ, когда же видѣли они Господа въ такомъ положеніи и послужили Ему. И Онъ отвѣтитъ: «Аминь глаголю вамъ: понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе».

Итакъ, Господь говоритъ, что Онъ Самъ принимаетъ все то, что мы дѣлаемъ для людей, ставя такимъ образомъ Самого Себя на мѣсто всякаго несчастнаго, недужнаго, заключеннаго,

слабаго, страдающаго, обидимаго и грѣшнаго, на мѣсто всякаго человѣка, котораго мы пожалѣемъ порывомъ своего сердца и которому мы окажемъ помощь. Нельзя не обратить еще вниманія на то, что Господь не произнесъ: «Такъ какъ вы сотворили это одному изъ малыхъ сихъ во имя Мое, то Мнѣ сотворили», Онъ говоритъ только одно: что все, сдѣланное для человѣка, Онъ принимаетъ, какъ сдѣланное непосредственно для Него.

Вотъ, какую всемѣрную высоту придаетъ Онъ подвигу любви, взаимной людской помощи и одолженія. Вотъ, какъ Онъ облегчаетъ этотъ подвигъ тѣмъ, что какъ бы подсказываетъ намъ: «когда предъ вами человѣкъ, которому надо помочь, какъ бы васъ мало къ нему ни влекло, какъ бы онъ ни казался вамъ непріятнымъ и отвратительнымъ, говорите себѣ: «предо мной лежитъ Христосъ, безпомощный, несчастный, требующій помощи; могу ли я не оказать этой помощи Христу».

И, если мы заставимъ себя именно такъ смотрѣть на всякаго человѣка, къ которому мы подходимъ, то, во-первыхъ, міръ, переполненный людьми съ ихъ безконечными недостатками, покажется намъ населеннымъ ангелами, и сердце наше будетъ полно всегда тихаго, сосредоточеннаго счастья въ томъ ощущеніи, что на всякомъ шагу нашей жизни мы служимъ, помогаемъ, утѣшаемъ, облегчаемъ страданія непосредственно Христу.

Приходилось видать, что заповѣдь о томъ, что надо любить ближняго, какъ самого себя, вызывала вспышки недовольства.

— Я люблю отдѣльныхъ людей,—говорятъ многіе,—но не могу любить и не понимаю любви къ человѣчеству. Я люблю по выбору, по неопредѣленнымъ влеченіямъ, по общности взглядовъ, по тѣмъ качествамъ, которыя меня въ людяхъ покоряютъ, по ихъ благородству... но какъ могу я любить такое многоликое громадное существо, какъ человѣчество? Могу ли я смотрѣть, какъ на брата, относиться, какъ къ лично дорогому мнѣ существу—къ тому, кто возбуждаетъ во мнѣ омерзеніе, гадливое чувство, котораго я только могу презирать и ненавидѣть... не говоря уже о томъ, что большая часть людей для меня хотя бы не существовала. Я люблю немногихъ, я ненавижу иныхъ, я совершенно равнодушенъ къ остальнымъ, и большаго отъ меня требовать нельзя.

Но пусть спроситъ себя человѣкъ, такъ разсуждающій, есть ли въ характерѣ его такія черты, чтобы онъ Богу былъ такъ пріятенъ, какъ пріятны ему самому лично нѣкоторые избранные имъ люди? Что было бы, еслибъ Господь по отноше-

нію къ нему разсуждалъ такъ, какъ разсуждаетъ онъ по отношенію къ большинству людей, что было бы, если бы Господь относился къ нему съ вполнѣ, можетъ быть, заслуженной имъ ненавистью или только съ равнодушіемъ?

Господь, какой онъ тамъ ни есть, показалъ по отношенію къ Нему равное великое дѣло Своей безсмертной любви.

Господь, уравнявшій въ этой любви Своей всѣхъ, Господь, освѣщающій лучами Своего солнца, посылающій Свои дары и благимъ и безблагодатнымъ, Господь, завѣщающій намъ искать тѣхъ совершенствъ, которыми сіяетъ Онъ Самъ: Господь ждетъ отъ насъ того, чтобы мы смотрѣли на другихъ людей такъ же, какъ Онъ смотритъ на нихъ Самъ.

Есть какой-то дикій ужасъ въ томъ, что мы, грѣшныя, отвратительныя существа, не можемъ относиться къ людямъ съ тою хотя бы малой долей того снисхожденія, съ которымъ относится и къ намъ, и къ нимъ ко всѣмъ Онъ—источникъ совершенствъ, лучезарнѣйшая Святыня...

И, прежде всего, неправильность нашихъ отношеній къ людямъ заключается въ нашемъ постоянномъ осужденіи. Это, быть можетъ, самый распространенный и самый скверный изъ изъяновъ взаимоотношенія людей.

Ужасъ осужденія состоитъ прежде всего въ томъ, что мы присваиваемъ себѣ новыя, не принадлежащія намъ права, что мы какъ бы громоздимся на тотъ престолъ верховнаго Судіи, который принадлежитъ только Одному Господу—«Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ».

И, пусть не будетъ въ мірѣ ни одного судьи, кромѣ страшнаго, но и милосерднаго судьи Господа Бога!.. Какъ можемъ судить мы, которые ничего не видимъ, не знаемъ и не понимаемъ. Какъ можемъ мы судить человѣка, когда мы не знаемъ, съ какою наслѣдственностью онъ родился, какъ онъ былъ воспитанъ, въ какихъ условіяхъ росъ, какими неблагопріятными обстоятельствами былъ окруженъ... Не знаемъ того, какъ складывалась его духовная жизнь, какъ его озлобляли условія его быта, какими искушеніями искушали его обстоятельства, какія рѣчи нашептывалъ ему врагъ человѣческій, какіе примѣры на него дѣйствовали—ничего, ничего не знаемъ, а беремся судить!

Примѣры такихъ лицъ, какъ Марія Египетская, мать и источникъ разврата, какъ разбойники покаявшіеся, начиная съ того, который висѣлъ одесную отъ Христа на крестѣ, и предъ кѣмъ первымъ разверзлись широко двери рая, и кончая тѣми

многочисленными разбойниками, которые сіяютъ теперь въ вѣнцахъ святости: всѣ эти люди показываютъ, что ужасно произносить рановременный и слѣпой ошибочный судъ свой надъ людьми.

Тотъ, кто осуждаетъ людей, показываетъ свое невѣріе въ Божественную благодать. Господь, быть можетъ, для того попускаетъ грѣшить людямъ, которые будутъ впослѣдствіи великими праведниками и великими Его прославителями, чтобы предохранить ихъ отъ горшаго зла—гордости духовной.

Существуетъ разсказъ о ссорѣ двухъ монастырскихъ старцевъ. Оба уже хилые, проходившіе жизнь близкую къ затворничеству, они не могли перебраниваться лично, и, на чемъ-то поссорившись, одинъ послалъ къ другому своего келейника. Келейникъ, несмотря на молодость свою, былъ исполненъ мудрости и кротости.

Бывало, пошлетъ его старецъ съ приказомъ: «Скажи тому старцу, что онъ бѣсъ».

Келейникъ придетъ и скажетъ: «старецъ привѣтствуетъ тебя и приказалъ передать тебѣ, что считаетъ тебя ангеломъ».

Раздраженный и такимъ мягкимъ, и ласковымъ привѣтомъ, тотъ старецъ скажетъ: «А ты передай твоему старцу, что онъ оселъ».

Келейникъ пойдетъ и скажетъ: «старецъ благодаренъ тебѣ за твой привѣтъ, взаимно тебя привѣтствуетъ и называетъ тебя великимъ мудрецомъ».

Замѣняя такимъ образомъ слова брани и осужденія словами кротости, мира и любви, юный мудрецъ достигъ, наконецъ, того, что злоба старцевъ совершенно пропала, какъ будто растаяла, разлетѣлась, и они между собою примирились и стали жить въ примѣрной любви.

Такъ и мы: осужденіемъ, руганью, насмѣшками, грубымъ обращеніемъ съ людьми ничего не сдѣлаемъ, а только ожесточимъ ихъ, тогда какъ тихія ласковыя слова, отношеніе къ грѣшнику, какъ къ великому праведнику, скорѣй доведутъ самаго закоренѣлаго человѣка до раскаянія, вызовутъ спасительный переворотъ.

Былъ такой человѣкъ, который дышалъ любовью, снисхожденіемъ, всепрощеніемъ — Саровскій старецъ Серафимъ. Онъ былъ такъ ласковъ, что, когда видалъ приближающихся къ нему людей, сперва манилъ ихъ къ себѣ словами, потомъ вдругъ, не овладѣвши напоромъ переполнявшей душу его святой любви, быстро направлялся къ нимъ навстрѣчу съ крикомъ: «Грядите ко мнѣ, грядите».

Онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ стоящаго за нимъ Сына Божія, чтилъ, быть можетъ, еле тлѣвшую, но все же во всякомъ непремѣнно человѣкѣ присутствующую, искру Божества, и, когда онъ кланялся всякому приходящему въ ноги, лобызалъ у приходящаго къ нему руки, то онъ кланялся имъ, какъ дѣтямъ Божіимъ, за которыхъ Господь пролилъ Свою кровь, какъ за великую цѣль Господней жертвы...

Самъ не судя людей, отецъ Серафимъ не терпѣлъ и въ другихъ осужденія. И, когда, напримѣръ, онъ слыхалъ, что дѣти начинали осуждать родителей, онъ закрывалъ немедленно ротъ этихъ осудителей рукой своей.

Ахъ, если бы мы могли во взаимныхъ отношеніяхъ придерживаться тѣхъ же святыхъ правилъ любви и снисхожденія!

Отчего же это не такъ? Посмотрите на наши нравы.

Вотъ, сидитъ кто-нибудь въ гостяхъ. Съ нимъ привѣтливы, ласковы, всячески стараются показать ему, что онъ для этихъ людей пріятенъ и даже необходимъ. Говорятъ, что соскучились по немъ, и просятъ его поскорѣй вернуться. А, едва онъ вышелъ за дверь, начинается жесточайшее его осужденіе. Часто выдумываютъ, клевещутъ на него разныя небылицы, которымъ сами не вѣрятъ, приплетаютъ тутъ другихъ, и, когда кто-нибудь изъ этихъ другихъ появится, воскликнутъ:

— Ахъ, какъ мы вамъ рады. Вотъ, спросите у Ивана Петровича—сейчасъ васъ вспоминали!..

Но какъ вспоминали; этого, конечно, не скажутъ.

Вступаетъ человѣкъ въ какое-нибудь большое общество: сколько насчетъ него подозрѣній, сколько направленныхъ на него косыхъ взглядовъ! Успѣваетъ ли кто въ жизни: «этотъ человѣкъ беретъ своимъ нахальствомъ, удивительный пролаза». Сидитъ ли кто въ жизни на своемъ мѣстѣ, не двигаясь и не повышаясь: «какой безталанный человѣкъ. Понятно, что ему не везетъ, кому такіе люди нужны!».

Постойте вы, убивающіе людей словомъ—«кому онъ нуженъ?». Онъ нуженъ тому Богу, Который за него страдалъ и пролилъ за него Свою кровь. Онъ нуженъ вамъ для того, чтобы, избѣгая страшнаго приговора за смертный грѣхъ вашего осужденія, вы могли проявить на немъ иныя чувства и вмѣсто осужденія пожалѣть его и помочь ему.

Онъ нуженъ въ общемъ планѣ домостроительства Божія. Господь его создавалъ, и не ваше дѣло осуждать Того, Кто призвалъ его къ жизни, и Кто его терпитъ, какъ терпитъ Онъ и васъ, быть можетъ, въ тысячу разъ болѣе достойныхъ осужденія, чѣмъ этотъ человѣкъ.

Сердце закипаетъ негодованіемъ, когда видишь, до чего извращены у насъ взаимныя отношенія, какъ мы ничего не можемъ сдѣлать въ простотѣ мысли и въ благородствѣ христіанской любви.

Посмотрите, сколько, вотъ, у этого человѣка различныхъ мѣръ для встрѣчъ, разговоровъ и обращеній съ людьми, сколько различныхъ тоновъ, начиная отъ слащаваго, искательнаго, какъ будто онъ ползаетъ предъ тѣмъ, съ кѣмъ говоритъ, до высокомѣрнаго, грубаго и повелительнаго.

Мнѣ разсказывали объ одномъ чиновникѣ, считавшемъ себя либераломъ, что онъ сказалъ своему начальнику, которому былъ многимъ обязанъ: «Знаете, тѣмъ, что вы провели меня на это мѣсто, я вамъ такъ обязанъ, что готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно. Увѣряю васъ,—если бы вы попросили меня вычистить вамъ сапоги, я сдѣлалъ бы это съ наслажденіемъ».

Къ лицамъ, которыхъ онъ искалъ, онъ былъ удивительно слащавъ, льстилъ имъ, какъ только могъ; къ лицамъ, которыя ему были не нужны, относился съ хамоватой самоувѣренностью; къ лицамъ, которыя въ немъ нуждались, былъ грубъ и высокомѣренъ.

Между тѣмъ—у насъ должно быть только два тона, два отношенія: сыновне-рабское, восторженное, благоговѣйное отношеніе ко Христу, и ровное мягкое, чуждое заискиванія съ одной стороны, наглости и высокомѣрія съ другой—по отношенію безразлично всѣхъ людей.

Есть въ Англіи высокое понятіе, которое въ Россіи понимается совершенно иначе, чѣмъ въ этой странѣ замѣчательной выработки характера. Это понятіе «джентльменъ». По-англійски «джентльменъ» это человѣкъ, который сознательно не сдѣлаетъ другому ничего, что могло бы этого другого задѣть, причинить ему какой-нибудь вредъ или непріятность. Наоборотъ, это человѣкъ, который всякому сдѣлаетъ все, что можетъ, и въ той мѣрѣ, какъ можетъ.

Вотъ, въ этомъ понятіи джентльменства заключаются, конечно, истинно христіанскія отношенія къ людямъ. Встрѣтиться съ человѣкомъ для того, чтобы оказать ему, хотя бы стѣсняя себя, помощь и сочувствіе; а, если не сдѣлать ему услуги, то, по крайней мѣрѣ, ласково и съ расположеніемъ посмотрѣть на него: вотъ—поступокъ, истинно джентльменскій.

И англичанинъ вернется, спѣша куда-нибудь, со своей дороги, чтобы показать дорогу вамъ—заѣзжему иностранцу; будетъ долго стоять и давать вамъ тѣ объясненія, которыя вы у него спросите, приметъ на себя хлопоты по сдачѣ багажа

встрѣчной дамы—однимъ словомъ, какъ говорится, разорвется на куски для того, чтобы вамъ услужить.

И, будь вы богаты, знатны, красивы и интересны, или будь вы плохи, бѣдны, никому не нужны, обращеніе его съ вами будетъ одинаково ровно и пріятно.

Часто добро, которое мы оказываемъ людямъ, требуетъ отъ насъ подвига, требуетъ напряженія своихъ силъ, требуетъ того, чтобы мы себя чего-нибудь для этихъ людей лишали. Но добрый человѣкъ, кромѣ этого трудно исполнимаго добра, найдетъ множество случаевъ примѣнить свою доброту тамъ, гдѣ эта доброта, принеся человѣку весьма существенную пользу, не потребуетъ отъ него никакой работы, никакихъ лишеній.

Мы услышали о какомъ-нибудь очень выгодномъ предпріятіи, въ которое сами, можетъ быть, не могли вступить, и разсказали объ этомъ предпріятіи человѣку, который обладаетъ достаточными для него средствами—вотъ, мы и помогли человѣку, нисколько для того не потрудившись.

Есть ли какая-нибудь заслуга въ такомъ дѣлѣ? Да, конечно, есть. Заслуга эта состоитъ въ томъ добромъ изволеніи, въ той заботѣ, съ которою мы относились къ человѣку, въ нашей рѣшимости быть ему полезнымъ.

Представьте себѣ, что человѣкъ вошелъ въ большое, незнакомое ему, общество людей, выше его стоящихъ. Если этотъ человѣкъ къ тому же застѣнчивъ, онъ проходитъ при этомъ чрезъ крайне непріятныя для него минуты. А найдется кто-нибудь, кто замѣтитъ, какъ онъ стѣсненъ, какъ ему не по себѣ, и подойдетъ къ нему, ласково съ нимъ заговоритъ—и тогда стѣсненность у человѣка пропадаетъ, и ему уже не такъ страшно.

За первымъ подойдетъ къ нему второй—и тотъ ледъ, который онъ въ этомъ обществѣ чувствовалъ, словно треснулъ. Можетъ быть и наоборотъ. Можетъ не найтись ни одного сочувственнаго человѣка, и новичекъ въ этомъ обществѣ будетъ до конца въ немъ своего пребыванія—чувствовать себя непріятно, стѣсненно и фальшиво.

Часто даже одинъ добрый взглядъ, одобрительная улыбка, вскользь брошенное слово чрезвычайно помогаютъ человѣку, чѣмъ-нибудь смущенному. Но далеко не всѣ люди понимаютъ важность взаимной помощи, взаимныхъ услугъ и одобренія. И нѣкоторыя лица, считающія себя чуть ли не праведниками,

огрызаются, когда имъ надо оказать другому даже малѣйшую услугу.

Мнѣ разъ пришлось присутствовать при ссорѣ двухъ супруговъ разнаго душевнаго настроенія, которые совершенно другъ къ другу не подходили, и которымъ вскорѣ пришлось разойтись.

Дѣло было въ громадномъ Павловскомъ паркѣ, гдѣ незнающему такъ легко заблудиться. Супруги эти гуляли, когда къ нимъ подошла запыхавшаяся барыня и спросила:

— Какъ мнѣ дойти на вокзалъ? У меня времени до поѣзда остается всего двадцать минутъ. Страшно боюсь опоздать.

Молодой мужъ, прекрасно знавшій паркъ, сообразилъ, что, если начать объяснять ей словами, она непремѣнно собьется съ пути, и съ ней надо пройти минутъ пять, чтобы вывести ее на такое мѣсто, откуда лежитъ прямая и ясная дорога. Онъ сейчасъ же сказалъ дамѣ:

— Позвольте, я васъ провожу,—и быстро пошелъ съ ней.

Жена его, постоянно дѣлавшая ему сцены, съ негодованіемъ подняла глаза къ небу, и, когда онъ чрезъ пять минутъ, выведя даму на нужное мѣсто, вернулся, стала упрекать его въ томъ, что онъ, оставляя ее, поступилъ съ ней крайне невѣжливо и неуважительно.

Она видѣла своего мужа двадцать четыре часа въ день, и находила, что проводить пять минутъ личность, находящуюся въ затруднительномъ положеніи—значитъ относиться къ ней съ неуваженіемъ... своеобразный и, конечно, неправильный взглядъ.

Странно, что въ дѣтскомъ возрастѣ бываютъ какія-то проявленія безсмысленной, изощренной жестокости. Сколько выносятъ, напримѣръ, отъ товарищей такъ называемые «новенькіе». Неделикатные разспросы, всевозможные уколы, пинки, щипки за руку подъ видомъ того, что пробуютъ матерію съ вопросами «почемъ покупали», и одинаковое озлобленіе мучителей, отвѣтитъ ли мальчикъ на ругань руганью, или пугливо жмется къ стѣнѣ, не смѣя противиться своимъ мучителямъ.

Но и въ этой средѣ маленькихъ злодѣевъ попадаются дѣти съ благороднымъ, прирожденнымъ характеромъ, которыя сумѣли составить себѣ положеніе въ классѣ, и которые грудью заступаются за несправедливо преслѣдуемыхъ новичковъ.

Конечно, такіе благородные мальчики и въ жизни будутъ продолжать оказывать то же благородство.

Есть еще такіе характеры, которыхъ жестоко оскорбляетъ

и волнуетъ всякое насиліе человѣка надъ человѣкомъ. Эти люди волновались несправедливостями и злоупотребленіями помѣщиковъ надъ крестьянами въ дни крѣпостного права. Эти люди съ оружіемъ въ рукахъ ринутся на защиту правъ цѣлаго народа, попираемаго другимъ, болѣе сильнымъ народомъ. Таково было въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ отношеніе Россіи къ славянамъ Балканскаго полуострова, такъ какъ Балканскія государства выросли, можно сказать, на русской, пролитой за ихъ свободу, крови.

Въ самой власти человѣка надъ человѣкомъ есть нѣчто глубоко опасное для души человѣка, имѣющаго эту власть.

Не даромъ лучшіе люди всѣхъ вѣковъ боялись этой власти и часто отказывались отъ нея. Тѣ христіане, которые распускали рабовъ своихъ на волю, когда проникались Христовыми завѣтами, сознавали, конечно, сколько неправильнаго въ томъ, чтобы повелѣвать другими людьми, и сами, какъ великій милостивецъ Павлинъ, епископъ Ноландскій, сами предпочитали стать рабами, чѣмъ держать въ рабствѣ другихъ.

Въ дни крѣпостного права совершалось множество вопіющихъ беззаконій. Множество неслыханныхъ, жесточайшихъ обидъ терпѣли крестьяне отъ иныхъ помѣщиковъ, которые, упоенные своей властью, доходили до какого-то озвѣрѣнія и нерѣдко даже (верхъ грѣховной испорченности) находили наслажденіе въ томъ, чтобы мучить и пытать своихъ крѣпостныхъ.

Да будетъ благословенно имя того Царя, который теплымъ сердцемъ понялъ страшныя муки русскаго крестьянства и, освобождая его отъ крѣпостной зависимости, въ то же время освободилъ помѣщиковъ отъ страшнаго соблазна—власти надъ душами людскими—права пользоваться даровымъ трудомъ.

Проще всего жалѣть тѣхъ людей, страданія которыхъ происходятъ предъ нами воочію. Если мы видимъ человѣка, который на морозѣ дрожитъ отъ холода, еле прикрытый рубищами; если мы слышимъ съ трудомъ вырывающійся изъ этого окоченѣвшаго тѣла голосъ, если на насъ направлены робкіе, безнадежные взоры—будетъ странно, чтобъ наше сердце не тронулось этимъ голосомъ, чтобъ мы не постарались чѣмъ-нибудь этому человѣку помочь... Но болѣе высшее милосердіе состоитъ въ томъ, чтобы предугадать и такія горя, которыхъ мы не видимъ, идти навстрѣчу такому страданію, которое еще намъ не лѣзетъ на глаза.

Вотъ, именно такимъ чувствомъ внушены поступки людей, основывающихъ больницы, пріюты, богадѣльни: вѣдь эти люди не видѣли еще тѣхъ страждущихъ и нуждающихся въ ихъ помощи, которые будутъ пользоваться основанными ими домами милосердія и, такъ сказать, заранѣе жалѣютъ ихъ.

...Морозно. Глубокій вечеръ надъ тихой Украйной. Въ городѣ Бѣлгородѣ все попряталось отъ стужи въ дома. Деревья съ объиндевѣвшими вѣтвями сіяютъ, облитыя серебристыми лучами луны. Въ морозномъ воздухѣ слышна тихая поступь человѣка, одѣтаго простолюдиномъ. Но, когда луна осѣнитъ его лицо: тотчасъ можно догадаться, что этотъ человѣкъ высокаго происхожденія. Онъ подходитъ къ бѣднымъ хижинамъ, осторожно оглядывается по сторонамъ, не видитъ ли кто его, и тогда, быстро положивъ на подоконницу или узелъ съ бѣльемъ, или что-нибудь изъ провизіи, или завернутыя въ бумагу деньги, стучитъ, чтобы привлечь вниманіе находящихся внутри людей, и быстро скрывается.

Это епископъ Іоасафъ Бѣлгородскій, будущій великій чудотворецъ русской земли, совершаетъ тайный обходъ бѣдныхъ предъ праздникомъ Рождества Христова, чтобы имъ встрѣтить этотъ праздникъ въ радости и сытости.

А на завтра къ нѣкоторымъ бѣднякамъ привезутъ съ базара дрова—это святитель посылаетъ тайно отопленіе тѣмъ, которые мерзнутъ съ бѣдности отъ холода въ нетопленныхъ избахъ.

Великое милосердіе къ людямъ, бережное къ нимъ отношеніе, нисколько не исключаетъ мудрой твердости и примѣненія мѣръ наказанія тамъ, гдѣ человѣкъ согрѣшаетъ. Нѣкоторые изслѣдователи жизни того же великаго святителя Іоасафа становятся втупикъ предъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, при чрезвычайно развитомъ въ немъ милосердіи, съ самыми нѣжными и трогательными проявленіями его, онъ, съ другой стороны, былъ суровъ съ провинившимися. Но въ этомъ нѣтъ ничего страннаго и необъяснимаго. Святитель предпочиталъ, чтобы человѣкъ понесъ кару лучше на землѣ, чѣмъ на небѣ, чтобы понесенныя въ видѣ наказанія страданія очистили его душу и избавили его отъ отвѣтственности въ вѣчности.

Насколько мудрѣе былъ взглядъ святителя въ этомъ отношеніи современнаго взгляда на преступность, высказываемаго теперь весьма часто судьями совѣсти.

За послѣднее время преступленія чрезвычайно участились,—между прочимъ, потому, что возмездіе за нихъ стало

крайне ничтожно, и потому, что доказанныя преступленія сплошь и рядомъ остаются безъ всякаго наказанія.

Того человѣка со здравымъ разсудкомъ, которому за послѣднее время приходилось быть присяжнымъ засѣдателемъ, бралъ просто ужасъ при видѣ того, до какой степени у насъ доходитъ снисхожденіе къ преступнику. Бываютъ случаи совершенно возмутительные, которыми присяжные точно толкаютъ оправдываемыхъ ими людей на новыя преступленія.

Мнѣ пришлось присутствовать въ засѣданіи по одному дѣлу, гдѣ нѣсколько здоровыхъ парней обвинялись въ томъ, что обокрали старушку подъ семьдесятъ лѣтъ, напавъ на нее въ ея комнатѣ, и вырѣзали у нея изъ юбки полторы тысячи рублей, скопленные ею трудомъ всей жизни и представлявшіе собой единственный источникъ ея существованія.

Тутъ была организована цѣлая шайка, которая постаралась перемѣстить ее изъ того дома, гдѣ она раньше жила, и гдѣ совершить преступленіе было не такъ удобно, въ такой притонъ, гдѣ нападеніе могло обѣщать удачу. Нападавшіе были въ маскахъ. Всѣмъ же преступленіемъ руководила негодяйка, находившаяся въ связи съ разбойниками.

Видъ этой безпомощной древней старушки, старомодно одѣтой, съ потрепаннымъ ридикюлемъ въ рукахъ, внушалъ самое горячее, жгучее сожалѣніе. И, можете себѣ представить, что, несмотря на доказанное преступленіе, негодяи были оправданы.

Тамъ трепали священное имя любви, и краснорѣчивый адвокатъ доказывалъ, что разбойники были загипнотизированы женщиной, которая, между прочимъ, не была найдена, и дѣйствовали въ изступленіи любви.

Вообще это одна изъ уловокъ современной адвокатуры говорить, что человѣкъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ любви и потому безотвѣтственень. Въ ту же сессію присяжныхъ засѣдателей началось разборомъ другое вопіющее дѣло, но было отложено въ виду отсутствія необходимаго важнаго свидѣтеля.

Одинъ артельщикъ, служившій въ крупномъ банкѣ, присвоилъ себѣ и растратилъ что-то около десяти тысячъ рублей. Артельщикъ, человѣкъ способный, бывшій на военной службѣ, лѣтъ сорока, былъ въ деревнѣ женатъ и имѣлъ дѣтей. Въ городѣ же онъ состоялъ въ связи съ особой, которая присутствовала при дѣлѣ въ качествѣ зрительницы въ нарядномъ платьѣ и неимовѣрно большихъ размѣровъ шляпѣ. Ходили слухи, что растраченныя деньги были употреблены имъ на покупку этой особѣ дачи на одной изъ станцій по Финляндской желѣзной дорогѣ.

Какъ всегда бываетъ при растратахъ въ артеляхъ, растраченная сумма была пополнена взносами со всѣхъ прочихъ артельщиковъ, все людей женатыхъ и многосемейныхъ. Можете себѣ представить, что среди присяжныхъ раздавались голоса о томъ, что едва ли его можно признать виновнымъ, такъ какъ онъ дѣйствовалъ тоже подъ вліяніемъ любви къ этой особѣ.

Вопросъ о возмездіи принадлежитъ къ одному изъ главныхъ вопросовъ. Христіанство не знаетъ прощенія безъ того, чтобы вина была сглажена соотвѣтствующимъ наказаніемъ. Когда первый человѣкъ палъ, Богъ бы могъ простить его вину предъ Собою, но не простилъ.

Установивъ незыблемую правду, непререкаемые Свои законы, Господь не захотѣлъ нарушить эту правду. И, для того, чтобы человѣкъ былъ прощенъ, пришлось принести жертву, начертанную, быть можетъ, до созданія міровъ. Воплотившійся Богъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ долженъ былъ принести крестную жертву, для того, чтобы снять съ человѣка то проклятіе, подъ которое онъ подвелъ себя грѣхопаденіемъ.

Поймите только всю силу этихъ словъ, что Всемогущій Богъ н е м о г ъ нарушить установленный Имъ законъ возмездія. И, такъ какъ грѣхопаденіе было столь велико, что никакой мѣрой, никакими страданіями человѣкъ не могъ загладить сдѣланнаго имъ преступленія, то для того, чтобы загладить это преступленіе, понадобились страданія Божества. Тяжесть вѣсовъ правосудія не могла подняться кверху безъ того, чтобы на другую чашку не было положено величайшаго груза, груза земной жизни, уничиженія, груза страданія и крестной смерти Сына Божія.

Кажется страшнымъ и невѣроятнымъ, кажется непроизносимой такая фраза: Господь не могъ простить человѣка, не потребовавъ за это соотвѣтствующаго вознагражденія, но это такъ: не могъ.

Когда совершается извѣстное преступленіе, за него должно быть принесено соотвѣтствующее возмездіе. Это установленіе Божьяго закона, противъ котораго нельзя идти, котораго нельзя нарушить. И кара должна быть въ соотвѣтствіи со страданіемъ, которое наноситъ другому лицу это преступленіе.

Представьте себѣ, что какой-нибудь негодяй покусился на честь молодой дѣвушки или еще не развившагося ребенка: преступленія, которыя именно по малой наказуемости ихъ въ настоящее время встрѣчаются съ поражающей частотой.

Утромъ мать отпустила отъ себя веселаго, радостнаго, здороваго ребенка, а чрезъ нѣсколько часовъ, по прихоти негодяя, къ ней возвращается истерзанный полутрупъ, съ измятой, израненной душой, съ несмываемымъ на себѣ позоромъ, съ до конца дней тягостнымъ воспоминаніемъ.

Какъ можно взывать о милосердіи къ такому человѣку? Какъ материнскому чувству, по сравненію съ тѣмъ разрушеніемъ судьбы ея дочери, примириться съ тѣмъ, что этого человѣка, вѣжливо посадивъ на скамью подсудимыхъ, станутъ вѣжливо допрашивать и, потомъ, можетъ быть, объявятъ, что онъ дѣйствовалъ въ угарѣ страсти, особенно, если находился въ опьяненіи.

Я думаю, что добрые, но справедливые люди потребовали бы жесточайшаго наказанія для такого человѣка, отъ котораго, какъ говорится, кровь бы застыла въ жилахъ, для того, чтобы человѣкъ, заставившій такъ безумно страдать несчастную дѣвушку и ея близкихъ, самъ пострадалъ бы еще хуже.

Я думаю, что нашлись бы справедливые добродѣтельные, но суровые въ правдѣ своей люди, которые съ удовольствіемъ своими руками вбивали бы гвозди въ тѣло негодяя, для того, чтобы, какъ говорится, другимъ было не повадно, для того, чтобы ужасомъ кары предохранить другихъ дѣвушекъ отъ такихъ покушеній и другихъ негодяевъ отъ такихъ насилій.

Въ наше время въ ужасающей мѣрѣ распространены преступленія облитія сѣрной кислотой. То молодой студентъ, единственный сынъ милліонера инженера, облитъ по лицу сѣрной кислотой старой хористкой, которая ему надоѣла своимъ приставаніемъ, и несчастный остался изуродованнымъ, съ еле и на половину спасеннымъ глазомъ, и съ погибшимъ другимъ. То женихъ-интересантъ, которому отказала богатая невѣста послѣ того, какъ разоблачила его низкую душенку, обливаетъ ее до слѣпоты. То приказчикъ, служащій у богатаго купца и сдѣлавшій брачное предложеніе его дочери, молодой курсисткѣ, и получившій отказъ, обливаетъ сѣрной кислотой эту дѣвушку, а уже заодно, вмѣстѣ съ ней, ея сестру.

Посмотримъ теперь, соотвѣтствуютъ ли ничтожныя современныя наказанія за такія ужасающія преступленія—вызываемому ими несчастью.

Лично я предпочелъ бы быть казненнымъ, чѣмъ быть облитымъ сѣрной кислотой. Вы представьте себѣ: дѣвушка въ лучшую пору жизни, богатая надеждами, стремящаяся къ знаніямъ—вдругъ слѣпая, безпомощная, никому ненужная, съ лицомъ, которое нѣсколько дней назадъ сіяло красотой, а теперь

представляетъ сплошную язву, на которую безъ содраганія не могутъ смотрѣть ближайшіе люди.

А онъ, послѣ вѣжливаго съ нимъ судоговоренія, отсидитъ нѣсколько лѣтъ въ заключеніи: пять—шесть—десять, и снова вернется въ жизнь полнымъ силъ, съ возможностью создать себѣ счастливое существованіе.

Гдѣ же справедливость? И вотъ, этой легкой отвѣтственностью только побуждаютъ другихъ заниматься тѣми же мерзостями. А, казалось бы, способъ унять эти неимовѣрныя преступленія былъ бы очень простъ.

Достаточно только установить законъ, что лицо, облившее другое лицо сѣрной кислотой, подвергается той же операціи въ тѣхъ же самыхъ частяхъ тѣла. Неужели вы думаете, что придется примѣнить этотъ законъ? Одинъ или два раза, и преступленіе это будетъ вырвано съ корнемъ, потому что, какъ ни злобны такіе негодяи, но они прежде всего дрожатъ за свою собственную шкуру, и перспектива остаться безъ глазъ или изуродованнымъ—несомнѣнно уймѣтъ ихъ лютость.

Миндальничая съ подобными преступленіями, мы совершаемъ величайшее зло тѣмъ, что распложаемъ преступленія. Какъ это было въ дѣлѣ съ ограбленіемъ старушки дюжими разбойниками, мы намѣренно забываемъ о безпомощной жертвѣ преступленія, честной, трудящейся жертвѣ, жалѣя изступленныхъ негодяевъ, дармоѣдовъ и пакостниковъ.

Есть добро, которому надо присвоить странное имя «вреднаго добра».

Это такое добро, на которое мы соглашаемся изъ сожалѣнія къ человѣку, при чемъ — мы этого сожалѣнія не въ силахъ подчинить голосу разсудка, а оно приноситъ человѣку только вредъ.

Къ разряду такого добра относится прежде всего баловство людей—будетъ ли это баловство маленькаго ребенка, подростка, взрослаго мужчины, пустой барыни, выклянчивающей у мужа деньги, которыхъ онъ по своимъ средствамъ дать не можетъ, на тѣ чрезмѣрные наряды, которыхъ она требуетъ изъ пустого и опаснаго женскаго чванства.

Въ одной семьѣ двухлѣтнюю дѣвочку чрезмѣрно баловали. У нея было множество нарядныхъ платьевъ, всевозможныхъ туфелекъ, неисчислимое количество шляпокъ, зонтичковъ, не говоря объ игрушкахъ. Не знали дома, какъ и чѣмъ ей угодить, исполняли всякую ея прихоть.

По нѣскольку разъ въ день дѣвочка капризничала и плакала—это происходило аккуратно при всякомъ ея одѣваніи—послѣ сна, а также и при вечернемъ укладываніи въ постель.

Она унималась не иначе, какъ если ей давали конфектъ или что-нибудь ей дарили. Глядя на это безуміе, я невольно ужасался тому, что родители ея, такъ ее балуя, готовили ей въ будущемъ. Во-первыхъ, они подтачивали ея нервную систему этими многократными въ день плачами и капризами, которыми она зарабатывала, такъ сказать, постоянное исполненіе своихъ фантазій. А, главное, они готовили ей самую печальную участь въ будущемъ.

Уже теперь, въ эти младенческіе годы, она была распорядительницей всего дома, по утру предписывала, какое платье надѣнетъ съ утра и въ какое позже переодѣнется. Ей доставалось рѣшительно все, чего она только хотѣла. И въ такомъ баловствѣ она должна была провести всѣ годы жизни въ родительскомъ домѣ, не зная ни въ чемъ отказа.

Но, вѣдь, потомъ—должна была наступить та настоящая жизнь, которая скорѣе слишкомъ жестока, чѣмъ мягка, которая не даетъ ничего даромъ, въ которой все достается съ боя, и которая въ большинствѣ случаевъ разрушаетъ одна за другою наши лучшія мечты.

Какими страшными страданіями угрожала впослѣдствіи жизнь этому до-нельзя перебалованному существу! Развѣ можно было надѣяться на то, что ея фантазіи будутъ всѣ исполняться въ жизни такъ же точно, какъ исполняли ихъ неразумные родители? Развѣ можно было быть увѣреннымъ, что все, чего она будетъ желать въ жизни—то все исполнится? Развѣ можно было ручаться, что ей дастся все то, къ чему она протянетъ свои руки? И кто могъ обѣщать, что, если она кого-нибудь полюбитъ, то ей отвѣтятъ тою же любовью?

Уже это одно обстоятельство, столь важное въ жизни женщины, грозило ей величайшимъ осложненіемъ.

Вообще же было безумно со стороны родителей во всемъ потакать ей вмѣсто того, чтобъ утверждать ее въ мысли о житейской борьбѣ, о предстоящихъ ей испытаніяхъ, о томъ, какъ рѣдко судьба доставляетъ человѣку то, о чемъ онъ мечтаетъ, какъ бы порою эти мечты ни казались простыми, легко достижимыми, законными.

Пріучить ребенка къ борьбѣ, пріучить его къ тому, чтобы онъ изъ высшихъ соображеній отказывался отъ того, чего ему хочется, и изъ тѣхъ же соображеній умѣлъ дѣлать то, чего ему не хочется, и что ему крайне непріятно: составляетъ основную задачу правильнаго воспитанія.

Ломать характеръ, способствовать тому, чтобъ все впослѣдствіи казалось въ жизни подернутымъ темными тучами, а всѣ люди казались личными врагами: вотъ, къ чему идетъ безразсудное баловство дѣтей и потаканіе имъ во всемъ...

А вотъ, вамъ другой примѣръ того, какъ опасно безъ разсужденія исполнять всякія просьбы людей.

Извѣстно, что русская молодежь за послѣднее время взяла отвратительную повадку жить свыше средствъ.

Не успѣетъ офицеръ прослужить въ полку нѣсколько мѣсяцевъ на жалованіи вполнѣ достаточномъ, чтобъ держать себя соотвѣтственно своему званію, какъ уже у него появляются крупные долги.

Въ гвардейскихъ полкахъ, гдѣ расходы крупнѣе, обыкновенно родители, помимо получаемаго молодежью жалованья, выдаютъ ей ежемѣсячное пособіе. Но, достаточное при благоразумной жизни, оно является ничтожнымъ при тѣхъ расходахъ, которые начинаютъ позволять себѣ молодые люди.

— Знаете ли,—говоритъ одинъ изъ такихъ офицеровъ,—сколько въ послѣдній разъ, что я ужиналъ въ хорошемъ ресторанѣ со своей знакомой, взяли съ меня за небольшую вазу съ фруктами? Двадцать пять рублей, а весь счетъ вышелъ въ шестьдесятъ.

Между тѣмъ, этотъ молодой человѣкъ получалъ отъ отца, не имѣвшаго никакихъ другихъ средствъ, кромѣ семи-восьми тысячъ жалованья—по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ пособія, что было отцу уже тяжело, такъ какъ онъ имѣлъ на своихъ рукахъ еще трехъ взрослыхъ дѣтей и всѣмъ имъ помогалъ.

При такомъ несоотвѣтствующемъ расходѣ сынъ впалъ въ долги, которые дважды за него семья погасила—что-то около трехъ съ половиной тысячъ.

Кромѣ того, онъ занималъ направо и налѣво у своихъ знакомыхъ, у товарищей побогаче. При этомъ онъ бывалъ весьма недобросовѣстенъ.

Какой-нибудь знакомый, живущій своимъ трудомъ и не имѣющій ничего лишняго, дастъ ему тридцать-сорокъ рублей подъ клятвенное его обѣщаніе, что завтра у него получка, и что онъ изъ этой получки завтра же вечеромъ ему все вернетъ. Или умолитъ знакомаго, когда у того нѣтъ денегъ, занять для него.

Тотъ займетъ на день, а придется расплачиваться самому.

Къ ужасу своей семьи, онъ сошелся съ одною изъ тѣхъ барынь, которыя живутъ на счетъ другихъ, и это увеличивало его расходы. Онъ не стѣснялся съ казенными суммами и однажды пріѣхалъ рано утромъ къ товарищу съ пріятною вѣстью,

что онъ растратилъ порученныя ему деньги новобранцевъ, что непосредственный его начальникъ нѣсколько разъ уже просилъ его представить эти деньги и что окончательно приказалъ ему предъявить ихъ въ то же утро, въ девять часовъ. Если бы этого онъ не исполнилъ, то произошелъ бы крупный служебный скандалъ.

У товарища въ ту пору денегъ дома не было, ему пришлось занять въ такую рань у нѣсколькихъ человѣкъ, для того, чтобы покрыть это преступленіе.

Нѣсколько близкихъ знакомыхъ чрезъ нѣсколько дней разсуждали объ этомъ, и одинъ изъ нихъ немолодой человѣкъ, отличавшійся большимъ сердцемъ, но также и строгими опредѣленными взглядами, сказалъ:

— Не знаю, можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что вамъ не слѣдовало его выручать... По всему тому, что я о немъ знаю—это человѣкъ неисправимый, а тѣ постоянныя услуги, которыя ему оказываютъ въ ущербъ себѣ всѣ его знакомые, только даютъ ему возможность зарываться все глубже и глубже. Большая катастрофа въ видѣ исключенія со службы, въ которой онъ, впрочемъ, совершенно безполезенъ—одна только и могла бы его образумить. Онъ бы понялъ, наконецъ, что такъ больше жить нельзя, и что надо круто повернуть. Какъ человѣкъ способный, могущій работать хорошо, если онъ не кутитъ, онъ могъ бы еще стать на ноги.

Въ концѣ концовъ, этому офицеру пришлось оставить военную службу и принять скромное мѣсто на службѣ гражданской. Онъ порвалъ со своей семьей, когда его дама принудила его жениться на себѣ, и совершенно вышелъ изъ предѣловъ того круга, въ которомъ родился.

Человѣку судьба, какъ говорится, ворожила. Онъ носилъ хорошее честное имя, имѣлъ хорошія способности, вліятельное родство и знакомство, былъ пріятенъ въ разговорѣ и, видный собой, имѣлъ достаточную поддержку для службы въ гвардіи, за свой простой нравъ былъ любимъ товарищами того привиллегированнаго заведенія, гдѣ онъ воспитывался... И къ чему все это послужило? Я увѣренъ, что роковое значеніе въ его жизни имѣлъ тотъ первый лишній рубль, который дали ему его родители, когда онъ сталъ кляньчить у нихъ противъ положенныхъ ему мѣсячныхъ денегъ, первая бумажка, занятая имъ у знакомыхъ въ то время, какъ онъ имѣлъ всегда достаточно, чтобы съ достоинствомъ себя поддерживать.

Именно въ Россіи родители должны особенно строго относиться къ себѣ въ вопросѣ о баловствѣ дѣтей. Случается такъ,

что всѣ дѣти работящія и скромныя, а одинъ кутила, и не успѣютъ оглянуться, какъ онъ уже надѣлалъ долговъ. И тогда, для спасенія, какъ говорится, фамильной чести, на погашеніе этихъ долговъ, безбожно увеличенныхъ ростовщиками, идетъ семейное достояніе, тратится приданое сестеръ, измѣняется весь бытъ семьи... Зачѣмъ? По какой причинѣ должны страдать многіе изъ-за безумства одного?

Какъ будто по-христіански пожалѣли одного, не обидѣли при этомъ многихъ и, въ сущности, увѣнчали порокъ и безстыдство, наказавъ добродѣтель.

Въ широкомъ вопросѣ объ отношеніи нашемъ къ ближнимъ важной стороной является наше отношеніе къ низшимъ.

Нѣтъ ничего гаже, какъ если человѣкъ серьезно убѣжденъ, что онъ, будучи знатнѣе и богаче другого, является много высшимъ, чѣмъ этотъ другой человѣкъ, можетъ быть съ нимъ невѣжливъ, можетъ имъ повелѣвать и распоряжаться.

Во-первыхъ, эти люди сами роютъ себѣ, такъ сказать, яму. Вѣдь, если я дѣлаю такое различіе между собою и ниже меня стоящимъ человѣкомъ, то такимъ же образомъ я долженъ ожидать, чтобы такое же различіе между мною и собою полагалъ другой человѣкъ, стоящій выше меня на столько же, насколько я считаю себя выше того другого, презираемаго мной, человѣка.

Такимъ образомъ я долженъ самъ себѣ заранѣе внушить, что люди, много меня высшіе, должны меня считать уже за совершеннѣйшую мразь и ничтожество...

Какъ это все для меня лестно!

У насъ, особенно въ Россіи, какъ пережитокъ крѣпостного права, сохранилось какое-то отношеніе къ низшимъ людямъ, которое нельзя иначе назвать, какъ хамскимъ.

Въ чужихъ краяхъ прислуга не позволяетъ такъ съ собой разговаривать, какъ разговариваемъ съ ними мы. Тамъ нѣтъ этого обычая говорить съ низшими людьми на «ты».

Вспомнимъ здѣсь, кстати, значительное мнѣніе старца Серафима Саровскаго по этому важному вопросу. Онъ находилъ вообще, что нельзя и не къ чему людямъ говорить другъ другу «вы», что это является нарушеніемъ христіанской простоты людскихъ отношеній. Но вѣдь старецъ Серафимъ предполагалъ и считалъ естественнымъ, что всѣ люди станутъ говорить на «ты»—и слуга скажетъ «ты» хозяину, и простолюдинъ скажетъ «ты» вельможѣ... А у насъ какъ разъ наоборотъ.

Одинъ иностранецъ, заѣхавшій въ Америку, позволилъ себѣ грубо говорить съ нанятымъ имъ слугой и получилъ отъ него твердую отповѣдь.

— Позвольте вамъ посовѣтовать,—сказалъ слуга,—такъ какъ вы не знаете американскихъ нравовъ, не обращаться такимъ образомъ съ прислугою въ Америкѣ. Иначе вы не найдете никого, кто бы согласился долго служить вамъ... Если вы не знаете или не хотите дѣлать то, въ чемъ вы пригласили меня помогать вамъ, если я соглашаюсь на эту помощь вамъ, то, я думаю, вы должны вѣдь прежде всего за это быть благодарнымъ и обращаться со мной предупредительно... Очень жаль, что вы въ Европѣ на это смотрите иначе.

Этотъ урокъ американскаго слуги очень бы не мѣшало зарубить у себя на носу всѣмъ намъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какую услугу оказываютъ намъ всѣ эти кухарки, горничныя, лакеи, и размѣры этой услуги видны воочію тогда, когда внезапно вы хотя на день останетесь безъ нихъ: все тогда идетъ шиворотъ на выворотъ, и вы безпомощны.

А между тѣмъ, какъ мы къ нимъ относимся!

Личность ихъ для насъ не существуетъ—печальный остатокъ взглядовъ тѣхъ временъ, когда людей считали десятками, сотнями и тысячами «душъ».

Нигдѣ, какъ въ Россіи, люди не бываютъ такъ скверно помѣщены. Въ Европѣ ни одна прислуга не будетъ помѣщаться въ кухнѣ. Тамъ нѣтъ обычая въ большихъ домахъ отводить для прислугъ подвалы. Въ Англіи въ богатыхъ особнякахъ для нихъ отводится верхній этажъ. Они имѣютъ, какъ господа. свои ванны, ѣдятъ не какъ-нибудь на ходу, между дѣломъ, а установлены для ихъ трапезъ строго опредѣленные часы. Они садятся чинно за столъ, покрытый бѣлою скатертью, съ посудой не разрозненнаго сервиза, и никому изъ господъ не придетъ въ голову во время этой трапезы безпокоить ихъ, какъ у самихъ господъ нѣтъ обычая безпокоить своихъ гостей во время ихъ ѣды.

Кромѣ дней праздничныхъ, они имѣютъ право выхода по вечерамъ.

Кажется съ виду это незначительнымъ. Но это блестящій примѣръ христіанизаціи людскихъ отношеній.

Вообще наше отношеніе къ подчиненнымъ намъ людямъ не можетъ не вызывать горечи въ душѣ тѣхъ справедливыхъ людей, которые являются свидѣтелями такого обращенія. Эти сердобольные и справедливые люди крѣпко помнятъ слова

Христа о томъ, что ангелы этихъ унижаемыхъ людей всегда видятъ лице Отца небеснаго. Прибавимъ отъ себя, что, вѣроятно, эти ангелы пересказываютъ Богу о тѣхъ обидахъ, которыя изъ-за жестокостей этихъ высшихъ терпятъ эти низшіе.

Старецъ Серафимъ Саровскій, современникъ злоупотребленій крѣпостного права, глубоко скорбѣлъ горемъ крѣпостныхъ людей. Зная, что у одного генерала плохіе управляющіе, и крестьяне въ забросѣ, старецъ уговорилъ того самаго Мантурова, который обнищалъ для построенія Дивѣевской церкви—ѣхать въ это имѣніе въ качествѣ управляющаго. И Мантуровъ въ короткое время поднялъ благосостояніе крестьянъ.

Старецъ выговаривалъ помѣщикамъ за ихъ безсердечное и грубое отношеніе къ крестьянамъ и нарочно, при господахъ, которые приходили къ нему со своими дворовыми, относился къ крѣпостнымъ съ нѣжностью, лаской, отвертываясь для этого иногда отъ самихъ господъ.

Въ современныхъ неладахъ между господами и прислугами большая вина лежитъ и на прислугахъ. У насъ исчезаетъ почти безслѣдно благоухающій типъ прежнихъ преданныхъ вѣрныхъ слугъ, любящихъ семью, которой они служатъ, и живущихъ интересами этой семьи.

Вспомните Савельича, добраго пѣстуна и друга проказливой юности Гринева, жениха «Капитанской дочки», Евсѣича славнаго пѣстуна Багрова-внука (С. Т. Аксакова), Наталью Савишну изъ «Дѣтства и отрочества» графа Л. Н. Толстого, няню Татьяны Лариной изъ «Евгенія Онѣгина», аскетическую няню Агафью изъ «Дворянскаго гнѣзда» Тургенева, образовавшую въ своей питомицѣ, Лизѣ Калитиной, ея благородное, стройное, цѣльное міросозерцаніе.

Какъ далеки эти благоухающіе образы отъ современной русской дѣйствительности!

Какая пропасть отдѣляетъ эту няню Агафью съ ея важными думами о вѣчности, съ ея разсказами о томъ, какъ мученики Христовы проливали за вѣру свою кровь, и какъ на этой ихъ крови выростали чудесные цвѣты: какая пропасть отдѣляетъ этихъ Агафій, Савельичей, Евсѣичей отъ теперешнихъ бранчливыхъ, раздражительныхъ и несчастныхъ слугъ.

Какая это язва эта ихъ недобросовѣстность, съ которою хозяева должны быть въ постоянной борьбѣ, находиться постоянно насторожѣ. Обманываютъ самымъ наглымъ образомъ. Когда же ихъ уличатъ въ воровствѣ, клянутся такими клятвами, что, просто, страшно слушать: «да разрази меня Богъ, да не сойди я съ этого мѣста, если я покорыстовалась вашей ко-

пѣйкой... чтобъ я свѣта Божьяго не видѣла...» Клянутся головами своихъ близкихъ—и завѣдомо при этомъ лгутъ.

Прислуга совершенно не дорожитъ своимъ мѣстомъ,—совершенно не приживаясь къ семьѣ—не приживаясь къ дому, какъ приживаются даже самыя лукавыя, неблагодарныя и подлыя изъ домашнихъ животныхъ—кошки.

Мѣняютъ мѣста не потому, чтобъ были недовольны, не потому, чтобъ работа была непосильна, или хозяева непосильно требовательны и капризны, а просто потому, что долго жили.

— Что ужъ! Зажилась: вотъ, вамъ и все объясненіе.

Для людей со здравымъ разсудкомъ казалось бы несомнѣннымъ, что, если долго жили на одномъ мѣстѣ, такъ ужъ и надо жить... Анъ, вотъ, нѣтъ.

Опять-таки, надо посмотрѣть на чужіе края. Тамъ прислуга дорожитъ настолько мѣстами,—особенно во Франціи,—что мѣнять часто мѣсто считаетъ не только за несчастье, но и за позоръ. Тамъ люди сплошь и рядомъ живутъ въ одной семьѣ десятками лѣтъ и умираютъ въ тѣхъ же семьяхъ, гдѣ начали свою службу.

При патріархальной жизни, жизни здоровой и скромной, лишенной всякихъ вычуръ, прислуга вообще чувствуетъ себя гораздо счастливѣе: разница между ея бытомъ и бытомъ господъ не особенно рѣзка.

Но тамъ, гдѣ жизнь превращена въ сплошной бѣшеный праздникъ, неимовѣрно дорогой, гдѣ на одни свои наряды женщина тратитъ тысячи и десятки тысячъ рублей, гдѣ многія тысячи выбрасываются на какой-нибудь одинъ вечеръ, чтобъ пустить обществу пыль въ глаза, гдѣ ѣдятъ на золотѣ, и автомобиль для выѣзда барина ежедневно украшается свѣжими цвѣтами: тамъ этотъ образъ жизни, эта грѣховная и преступная роскошь наполняетъ низшихъ великою завистью. Слуги начинаютъ глупо подражать господамъ въ ихъ транжирствѣ, и второстепенная прислуга, мѣсячное жалованіе которой не превышаетъ двѣнадцати рублей, начинаетъ шить себѣ платья шелковыя съ хвостами.

Я слышалъ разъ разговоръ—съ одной стороны смѣшной, но съ другой стороны трагическій по его безсмысленности, по извращенности у людей здравыхъ понятій.

У одной барыни жила прислугой деревенская некрасивая дѣвушка, просившая у нея на шестой недѣлѣ великаго поста жалованіе впередъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отпрашивавшаяся у нея постоянно «къ портнихѣ».

— Что это, Дуня,—спросила барыня,—такія у васъ большія дѣла съ портнихой?

— А какъ же: платье себѣ шью къ причастію: говѣть буду.

— Да у васъ же есть свѣтлое платье, и очень хорошее.

— Да развѣ можно въ надѣванномъ платьѣ пріобщаться! Вѣдь я буду съ подругами пріобщаться. Тамъ и наши знакомые парни будутъ, которые здѣсь по мѣстамъ живутъ. Они засмѣютъ, если которая изъ насъ въ старомъ платьѣ явится.

И платье было сшито: какое-то несуразное, съ длиннымъ шлейфомъ, тогда какъ Пасха была ранняя, и на улицахъ некуда было дѣться отъ липкой грязи.

Суета съ портнихой—вотъ все, что вынесетъ эта бѣдная дѣвушка изъ своего говѣнія, да еще новое платье съ длиннымъ хвостомъ.

Но если это покажется вамъ дикимъ: то, вѣдь, чѣмъ же лучше сами барыни, съ тою только разницею, что у нихъ платья роскошнѣе, дороже, и суеты больше, но то же отношеніе къ тому таинству, которое требуетъ полной сосредоточенности духа.

Господа рыскаютъ въ автомобиляхъ—теперь и прислугамъ подай автомобиль. Многія горничныя ставятъ теперь своимъ женихамъ условіемъ, чтобъ непремѣнно подъ невѣсту былъ таксомоторъ—иначе и въ церковь не поѣдетъ.

И такъ во всемъ: господа показываютъ дурной примѣръ, а слуги этому примѣру слѣдуютъ.

Если же слуги воруютъ, то, главнымъ образомъ, потому, что старость ихъ совсѣмъ не обезпечена.

Нѣкоторыя должности, какъ должность кухарки, убійственно вліяютъ на здоровье, такъ какъ стоятъ у раскаленной плиты по нѣсколько часовъ на холодномъ воздухѣ, дующемъ чрезъ открытую фортку, такъ какъ иначе ей трудно дышать—это убійственно дѣйствуетъ на здоровье, сокращаетъ жизнь, вызываетъ неисцѣлимые ревматизмы.

И что дѣлать прислугѣ, не имѣющей никого близкихъ, когда она состарится—какъ не нищенствовать!

Было бы справедливо, чтобъ семьи, пользующіяся работою прислугъ, были обложены хотя бы легкою данью—напримѣръ, по одному рублю въ мѣсяцъ и больше или меньше, въ зависимости отъ уплачиваемаго прислугѣ жалованія, и такимъ образомъ составлялся неприкосновенный капиталъ, изъ котораго потерявшая способность къ труду прислуга могла бы получать пенсію или содержаться въ богадѣльнѣ.

Порою люди кажутся вамъ порядочными и благовоспи-

танными, какъ внезапно мелькнувшая черточка ихъ въ отношеніи къ прислугѣ разбиваетъ ваше предположеніе.

Въ одномъ богатомъ домѣ сидѣла компанія, говоря о разныхъ интересныхъ вопросахъ... Пили чай. Недавно подъѣхавшій сынъ хозяйки, офицеръ наряднаго полка, стоявшаго въ окрестностяхъ столицы, грубо оборвалъ молодого лакея, что-то подавшаго ему не такъ, какъ онъ того желалъ.

— Оселъ, мерзавецъ, — гнѣвно пропустилъ тотъ подъ своими холеными усами.

Я замѣтилъ, какъ недовольно поморщился одинъ очень воспитанный человѣкъ, имѣвшій большое вліяніе. Черезъ часъ мы одновременно съ нимъ сходили по лѣстницѣ.

— Вотъ, какъ онъ воспитанъ, — задумчиво проговорилъ тотъ.—Я думалъ, что дѣти Марьи Петровны воспитаны иначе.

Этому молодому офицеру пришлось впослѣдствіи служить подъ начальствомъ этого господина. Говорили, что онъ какъ-то не даетъ ему ходу. А мнѣ не разъ доводилось при этомъ вспоминать о той мимолетной сценкѣ, въ которой этотъ вліятельный человѣкъ съ тонкой душой подмѣтилъ нестерпимое для него хамство въ этомъ съ виду лощеномъ, а въ сущности грубомъ и дерзкомъ молодчикѣ. И, такъ какъ этотъ господинъ одинаково ненавидѣлъ какъ грубость, такъ и низкопоклонство,—а эти двѣ черты почти всегда неразлучны одна съ другой,—то онъ смотрѣлъ съ понятнымъ недовѣріемъ, какъ на человѣка ненадежнаго, на этого двуличнаго—вѣжливаго предъ одними и дерзкаго предъ тѣми, кто не могъ дать ему отпора, человѣка...

Въ вопросѣ объ отношеніи высшихъ и низшихъ,—нельзя обойти вопроса о рабочихъ и работодателяхъ.

Человѣческая природа толкаетъ человѣка, ищущаго труда, спросить за этотъ трудъ возможно дороже, какъ она же толкаетъ человѣка, нанимающаго другого для труда, предлагать ему этотъ трудъ по возможно меньшей цѣнѣ. И обыкновенно устанавливается средняя цифра, не безвыгодная для тѣхъ и другихъ.

Но сила, въ большинствѣ случаевъ, на сторонѣ работодателя, и ему легко, какъ говорится, «прижать» работника.

Въ деревнѣ эти люди называются «кулаками».

«Кулакъ» это человѣкъ, который пользуется несчастными обстоятельствами человѣка, чтобы закабалить его.

Кто-нибудь нуждается въ зернѣ для посѣва: онъ ему ссудитъ зерна, но съ тѣмъ, чтобъ тотъ вернулъ ему изъ жатвы это зерно въ двойномъ количествѣ. За данныя взаймы деньги заставитъ отработать вдвое и втрое противъ существующихъ въ той мѣстности цѣнъ.

Къ разряду же этихъ людей принадлежатъ тѣ негодныя личности, которыя пользуются общественными бѣдствіями для своей наживы: предчувствуя близкій голодъ, исподтишка скупаютъ запасы хлѣба, чтобы потомъ перепродать его по страшно дорогой цѣнѣ.

Конечно, такія злоупотребленія, такое пользованіе бѣдствіемъ человѣческимъ для своей наживы является тягчайшимъ изъ преступленій. Объ этихъ людяхъ, можно сказать, что они пьютъ кровь человѣческую.

Противъ всѣхъ подобныхъ людей гремитъ страшными угрозами апостолъ Іаковъ, и ужасъ проникаетъ въ душу, когда вдумываешься въ эти угрозы:

«Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ.

«Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью.

«Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ васъ и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни.

«Вотъ, плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ; и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа.

«Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались; напитали сердца ваши, какъ бы на день закланія».

«Давай жить другимъ»—вотъ, тотъ девизъ, который христіанство даетъ для отношеній—хозяина и работника.

Нельзя жить, смотря на рабочую силу живыхъ людей, какъ на какую-то безличную механическую силу. Какъ бы велико ни было предпріятіе—во всякомъ изъ своихъ многихъ тысячъ рабочихъ христіанскій хозяинъ долженъ видѣть живую душу, долженъ относиться къ нимъ съ сочувствіемъ и со стыдливостью.

Въ одномъ французскомъ романѣ довелось видѣть превосходно подмѣченное движеніе души одного богатаго человѣка. Молодой милліонеръ изъ Парижа направляется ночнымъ поѣздомъ въ приморскій городъ Гавръ, гдѣ долженъ сѣсть на свою собственную яхту для продолжительнаго плаванія по морямъ съ любимой женщиной.

Ему плохо спится. Подъ утро—еще задолго до разсвѣта,

перерѣзая мѣстность съ угольными шахтами, онъ видитъ много черныхъ фигуръ углекоповъ, направляющихся въ шахты на работы, и, когда онъ сравниваетъ свою жизнь, полную всякихъ удовольствій, безпечную, красивую, съ ограниченною, трудовою жизнью этихъ людей, находящихся въ постоянной опасности быть задавленными и задушенными обвалами каменнаго угля и развивающимся въ шахтахъ газомъ—этому, въ сущности недурному, человѣку становится не по себѣ...

Его грызетъ какое-то раскаяніе. Онъ чувствуетъ, что въ ту минуту многое бы былъ готовъ сдѣлать для этихъ людей, но порывъ проходитъ, и жизнь его течетъ въ прежнемъ себялюбіи.

И есть, однако, люди, которые проводятъ въ жизнь—въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ—дѣятельную помощь зависящимъ отъ нихъ рабочимъ.

Вамъ, конечно, приходилось слышать о разныхъ вспомогательныхъ учрежденіяхъ, великолѣпно оборудованныхъ на разныхъ фабрикахъ, возникшихъ по мысли владѣльцевъ фабрикъ и ими заботливо поддерживаемыхъ. Тутъ и великолѣпная больница, ясли для дѣтей, куда матери-работницы могутъ сдавать на весь трудовой день своихъ маленькихъ дѣтей, требующихъ призора, и артельныя лавки, въ которыхъ можно получить все по болѣе дешевой цѣнѣ и лучшаго качества, и залы для чтеній со свѣтовыми картинами, которыя могутъ доставлять такое здоровое развлеченіе рабочимъ и способствовать пополненію ихъ скудныхъ знаній, и богадѣльня для одинокихъ рабочихъ, лишившихся возможности трудиться, и безплатныя школы, подготовляющія изъ дѣтей рабочихъ знающихъ рабочихъ - спеціалистовъ съ высокой расцѣнкой ихъ труда, и похоронная касса, облегчающая семью рабочаго въ тяжелые дни при смерти главы семьи, и разныя еще учрежденія, какія на пользу рабочаго люда можетъ измыслить теплое сердце и изворотливый умъ человѣка, стремящагося облегчить положеніе трудящагося брата.

Основать въ рабочей средѣ общество трезвости, помочь выдающемуся, склонному къ изобрѣтенію, носящему въ себѣ живую искру таланта мальчику получить высшее техническое образованіе, выстроить для фабрики, отдаленной отъ селъ, свою собственную церковь: сколько вообще найдется безчисленныхъ способовъ для сердечнаго предпринимателя «послужить» своимъ рабочимъ.

Бываютъ хозяева, которыхъ рабочіе называютъ «отцами

родными»... Какое высокое наименованіе, какое счастье хозяину заслужить это названіе отъ своихъ рабочихъ!

Но, къ сожалѣнію, такое человѣчное отношеніе хозяина къ рабочимъ является далеко не правиломъ, а рѣдкимъ исключеніемъ. И мы видимъ такіе случаи отношенія предпринимателей къ рабочимъ, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ.

Такъ, нельзя безъ содроганія вспоминать о ленской исторіи, гдѣ купавшееся въ золотѣ Ленское золотопромышленное товарищество своимъ безсердечнымъ отношеніемъ вынудило рабочихъ къ забастовкѣ, которая окончилась избіеніемъ на смерть ни въ чемъ неповинныхъ рабочихъ.

Отношеніе этого товарищества къ рабочимъ представляетъ собою одно изъ величайшихъ наглѣйшихъ издѣвательствъ надъ правами человѣка, которыя когда-либо были виданы. И къ этому товариществу болѣе, чѣмъ къ кому-либо, приложимо страшное проклятіе, которое Духъ Святый устами апостола обрушиваетъ на безжалостныхъ и недобросовѣстныхъ хозяевъ.

Въ глазахъ товарищества, получавшаго баснословные доходы, рабочіе были какимъ-то скотомъ, а не людьми, и обращались съ ними хуже, чѣмъ со скотомъ.

Они жили въ невѣроятныхъ условіяхъ, въ отвратительныхъ сырыхъ землянкахъ. Мѣстность эта представляетъ собою затерянный уголъ, значительную часть года отрѣзанный отъ прочаго міра. Рабочіе вынуждены были покупать провизію по назначаемой товариществомъ цѣнѣ изъ лавокъ товарищества, которое наживалось и на этомъ, и скупало за безцѣнокъ завѣдомо гнилой, тухлый и порченный товаръ, чтобы за дорогую цѣну, какъ говорится, съ ножомъ у горла заставить купить его рабочихъ, находящихся въ безвыходномъ положеніи, такъ какъ нигдѣ, какъ въ лавкахъ товарищества, ничего достать тамъ нельзя.

Въ глазахъ чувствующихъ и мыслящихъ людей это товарищество останется навсегда обрызганнымъ кровью русскаго рабочаго, безсмертнымъ памятникомъ людской мерзости и преступнаго корыстолюбія.

И, еслибъ наше общество было христіанскимъ, то оно бы сдѣлало жизнь преступныхъ руководителей этого общества невозможною. Отъ нихъ бы всѣ отвертывались, несмотря на— или, вѣрнѣе сказать, именно изъ-за этихъ награбленныхъ ими денегъ, этого рабочаго пота и крови, превращеннаго въ золото. Имъ бы не подавали руки, имъ бы плевали въ глаза, ихъ бы громко называли ворами и убійцами.

Страшна власть человѣка надъ человѣкомъ. Когда-то это была безграничная власть господина надъ рабомъ. Теперь это не менѣе тяжелая зависимость экономическая; виды ея безконечны, какъ безконечны злоупотребленія этой тяжелой власти.

Выматываніе силы изъ рабочаго въ безработное время, паденіе женщины въ тяжелой бѣдности, покупаемой богатымъ сластолюбцемъ—разсказывали, что жены и дочери ленскихъ рабочихъ должны были удовлетворять капризы мѣстныхъ служащихъ — всякія грубости, обиды, несправедливости—все это сливается въ одинъ ужасный океанъ слезъ, насилій, издѣвательства, въ которомъ захлебывается рабочій людъ. И ужасенъ будетъ часъ расплаты. Ужасенъ тотъ мигъ, когда на страшномъ судѣ эти обиженные, загнанные, униженные люди въ вѣнцѣ своего страданія и своего терпѣнія покажутъ на своихъ притѣснителей, грабителей, обидчиковъ и убійцъ—тому всевидящему Судіѣ, предъ Которымъ тщетны будутъ всѣ отговорки и тѣ жалкія оправданія, которыми эти враги народа оправдывались предъ лицепріятными судьями людскими.

ГЛАВА V.

О тишинѣ духа и христіанскомъ веселіи.

Нашъ вѣкъ, столь далекій отъ христіанскихъ идеаловъ, отличается какою-то особою неровностью, непріязненностью, жестокосердіемъ людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Всѣ кого-то въ чемъ-то подозрѣваютъ, въ чемъ-то упрекаютъ, чего-то требуютъ. Нѣтъ той здоровой ровности обращенія, той ласковой привѣтливости, которая была такъ пріятна въ прежнихъ людяхъ.

Всѣ куда-то торопятся, что-то устраиваютъ, чѣмъ-то недовольны.

Исчезаетъ изъ жизни то, что лучше всего назвать «тишиною духа».

Какое это драгоцѣнное свойство настоящей христіанской души! Какъ успокоительно дѣйствуетъ на васъ, уставшаго отъ докучной, безплодной суеты, встрѣча съ человѣкомъ «тихаго духа».

Тихость духа вовсе не показываетъ, чтобъ человѣкъ ни чѣмъ не интересовался, былъ равнодушенъ и безучастенъ къ кипящей вокругъ него жизни, къ страдающимъ и веселящимся

*

вокругъ него людямъ. Тихость жизни не показываетъ и того, чтобъ человѣкъ лично былъ удовлетворенъ и счастливъ благопріятными условіями своего быта. Тихость духа говоритъ лишь о томъ духовномъ счастьѣ, которое среди бѣдствій земли сумѣлъ создать себѣ этотъ человѣкъ.

Вотъ, вамъ поразительная противоположность между человѣкомъ бурной души и человѣкомъ тихаго духа.

Мнѣ пришлось разъ мальчикомъ, въ воскресный день, въ приходской церкви присутствовать при отпѣваніи одной московской артистки и быть свидѣтелемъ поведенія во время этого обряда ея дочерей. Я во всю жизнь не видалъ ничего болѣе страннаго и — позволю себѣ сказать — болѣе безобразнаго.

Вокругъ гроба стоялъ какой-то вопль, дикія вскрикиванія дочерей покойной и, наконецъ, одна изъ нихъ стала съ тѣми же громкими криками бѣгать по церкви, а знакомые ихъ мужчины, очевидно, привычные къ такимъ фокусамъ, занимались тѣмъ, что ловили ее и старались водворить ее на прежнее мѣсто, откуда она снова сбѣгала.

Трудно предположить, чтобы эта дочь такъ любила свою мать, какъ не любила никогда ни одна дочь, и что именно размѣръ этой страстной привязанности и соотвѣтственные размѣры ея скорби были причиной столь бурнаго проявленія чувствъ.

Я видалъ такое же неприличіе въ гораздо менѣе трагической обстановкѣ.

Одна еврейка провожала на одной изъ станцій Финляндской желѣзной дороги сестру, уѣзжавшую съ мужемъ за нѣсколько станцій отъ нея... Очевидно, желая привлечь на себя вниманіе публики, она рыдала, кидалась въ ея объятія; когда вагонъ сталъ двигаться, цѣплялась за поручни у лѣсенки и такъ всѣмъ надоѣла, что вмѣсто того восхищенія, которое она разсчитывала вызвать своимъ ломаніемъ, раздались крики негодованія.

Такъ, вотъ, эти безобразныя проявленія чувствительности, которая вѣроятно, какъ и все, что лѣзетъ въ глаза, далеко не такъ глубока, какою старается казаться—я противопоставлю выраженію искренней глубокой скорби глубокихъ людей, которые съ какой-нибудь потерей лишаются всего того, ради чего они жили, что ихъ къ жизни привязывало.

Я видѣлъ людей, осиротѣвшихъ неисправимымъ сиротствомъ, которые, воздавая послѣднее цѣлованіе дорогому

усопшему—улыбались грустной улыбкой, какъ будто предъ ними уже вставалъ несомнѣнный день радостнаго свиданія.

Я видѣлъ людей, потерявшихъ разомъ свое состояніе, и вынужденныхъ на старости лѣтъ круто измѣнять образъ жизни, къ какому привыкли за цѣлые полъ вѣка—и эти люди были спокойны—не кричали, не жаловались, а спокойно обсуждали возникшее новое положеніе, какъ будто дѣло касалось не ихъ самихъ, а кого-то постороннаго.

Я видѣлъ людей, терпѣвшихъ жесточайшія несправедливости и говорившихъ о нихъ спокойно и даже шутливо.

Все это были величественныя проявленія той драгоцѣнной и священной тишины духа, какую вырабатываетъ въ дѣтяхъ своихъ христіанство.

Есть много качествъ, на которыхъ основывается эта доступная христіанину тишина духа. Тутъ и смиреніе, тутъ и преданность волѣ Божіей, тутъ и великое христіанское упованіе.

Я былъ богатъ и не зависимъ, вдругъ разоренъ — не по своей винѣ, а потому, что по заповѣди Христовой «не отвратился отъ хотящаго занять у меня»... Такъ что жъ: потерплю и бѣдность, въ подражаніе нищетѣ Христовой на землѣ потружусь изъ послѣднихъ силъ, чтобъ заработать обезпеченный мнѣ прежде кусокъ хлѣба, вырванный у меня недобросовѣстнымъ человѣкомъ, которому я по-христіански довѣрился.

Когда силы мои ослабѣютъ и я лишусь возможности трудиться: тогда смиренно приму помощь отъ людей, и смиренно понесу тѣ грубые упреки, которыми осыплютъ меня многіе люди, когда я стану просить у нихъ.

И во всемъ этомъ грустномъ моемъ положеніи, буду я утѣшать себя упованіемъ, что Господь, Который отнялъ у меня мой уютный родовой домъ, средства для безпечальной жизни, мою независимость и сдѣлалъ изъ меня нуждающагося и безпомощнаго человѣка, что Онъ вернетъ мнѣ въ будущемъ вѣкѣ сторицею все то, что я Ему добровольно отдалъ, ибо смиренно подчиниться Божію о насъ опредѣленію—все равно, что принести Богу въ добровольную жертву то самое, что Онъ у насъ отнимаетъ.

У матери умеръ единственный сынъ. Какой поводъ для ропота, какой предлогъ для отчаянія!..

Но эта мать—христіанка. Она сознаетъ, что, какъ ни любила она своего ребенка,—она не можетъ любить его больше, чѣмъ любитъ его Богъ; и, какъ ни велики на него ея права, еще большія права имѣетъ на него Богъ, Который не только создалъ его, но и купилъ его безцѣнною Своею кровію.

Она сознаетъ, что Богъ одинъ, видя и зная ея сына, какъ не могла она, при всемъ стараніи своемъ вглядѣться въ его душу — видѣть и знать его. Богъ одинъ могъ рѣшить, что для него лучше—жить или умереть, и Его рѣшеніе было истиннымъ, благимъ и лучшимъ рѣшеніемъ.

Вѣрою она знаетъ, что не на казнь и испытанія повлеченъ ея сынъ, а на блаженство небесъ, не въ чуждую, темную, холодную, безотвѣтную область, а въ лучезарное сіяніе открывающаго нѣжныя объятія Отца.

И сквозь грусть земной разлуки она переживаетъ какое-то бодрое чувство увѣренности, что ни одно земное горе не возмутитъ болѣе любимаго сердца, ни одинъ грѣхъ не властенъ болѣе надъ любимою душою.

И, скорбя по земному, своею земной природою,—она духомъ пересиливаетъ себя, возстаетъ бодрая подъ своимъ испытаніемъ, и добровольно передаетъ Богу того сына, который—все равно—у нея уже взятъ, и котораго не вернетъ ей никакой ропотъ, не воскреситъ никакая мольба.

И тяжкій земной ударъ, которымъ угодно было Богу поразить ее, превращаетъ она въ великую и добровольную жертву духовную.

Вотъ, это всецѣлое преданіе себя волѣ Божіей, это горячее убѣжденіе въ томъ, что Богъ избираетъ для насъ лучшій путь, что Богъ, какъ и въ нашей жизни и въ большей или меньшей длительности ея, такъ и въ жизни людей, намъ близкихъ, избираетъ наилучшій для насъ и для нихъ путь, наилучшій не съ точки зрѣнія временныхъ нашихъ удобствъ, выгодъ и пріятностей, а лучшій въ смыслѣ вѣчности: вотъ, это убѣжденіе и даетъ человѣку великую душевную тишину.

Изумительная сила духа прежнихъ христіанъ, тѣхъ, которые съ улыбкой выносили тягостныя пытки — объясняется именно ихъ пламенной вѣрой.

Что имъ было отречься отъ богатства и земного счастья, когда они видѣли небо съ той ясностью, какъ будто они уже владѣли громаднымъ счастьемъ рая. Что имъ было вынести нѣсколько часовъ, нѣсколько дней, или нѣсколько мѣсяцевъ адской пытки, когда въ минуту этихъ пытокъ вставали передъ ними лучезарныя долины рая, и сердце наполнялось предвкушеніемъ несказаннаго блаженства... Что имъ была разлука съ близкими и любимыми людьми, когда духомъ они витали тамъ,

въ счастливой высотѣ, видѣли Бога, ихъ ожидавшаго и уже раскрывшаго имъ привѣтственныя объятія.

Перенесемся въ нашу жизнь.

Вообразимъ себѣ человѣка, который охваченъ жаждою жить счастливо, быть прославленнымъ, богатымъ, пользоваться условіями утонченнаго поэтическаго быта, а вмѣсто того долженъ жить въ постоянныхъ лишеніяхъ, учитывая гроши, во всемъ себя обрѣзывать, занимаясь подневольнымъ, самымъ прозаическимъ и скучнымъ трудомъ.

И вотъ, если эти пламенныя души вѣруютъ глубоко, искренне и несомнѣнно, то какую поправку ко всѣмъ этимъ земнымъ недочетамъ, которые для другого человѣка составятъ предметъ тягостнѣйшихъ страданій, какую поправку внесетъ эта вѣра въ будущую жизнь?

Да, вмѣсто дворцовъ—убогая меблированная комната, упирающаяся въ какой-нибудь томительный брандмауеръ; вмѣсто толпы почтительныхъ слугъ — грубая неотесанная косматая прислуга; вмѣсто интересныхъ путешествій съ волшебнымъ калейдоскопомъ различныхъ климатовъ, широтъ, видами яркихъ сказочныхъ странъ—прозябаніе на одномъ мѣстѣ, съ лѣтомъ, въ лучшемъ случаѣ проводимымъ гдѣ-нибудь на дешевой и пошлой дачкѣ; вмѣсто толпы интересныхъ друзей, умныхъ, блестящихъ и преданныхъ—ограниченный кругъ давно прискучившихъ знакомыхъ съ мѣщанскимъ образомъ мыслей—какое отчаяніе, какое разочарованіе!

Но отчаяніе безпросвѣтное охватываетъ душу только невѣрующаго человѣка, а вѣрующій среди этихъ обстоятельствъ обманувшей жизни будетъ свѣтелъ, радостенъ и тихъ духомъ.

Вѣдь этотъ ничтожный и пошлый бытъ смѣнится райскими чертогами, несказанными великими красотами, до которыхъ не возвысится мысль ни одного талантливаго зодчаго! Это наскучившее общество безсодержательныхъ пошлыхъ людей смѣнится сонмомъ небожителей, которые откроютъ намъ небесныя тайны, общеніе съ которыми дастъ откликъ душѣ на все, что въ ней таилось, на все, на что не дала отклика здѣшняя жизнь. И докучливое однообразіе жизни смѣнится созерцаніемъ вѣчно обновляющейся красоты, погруженіемъ въ область божественныхъ совершенствъ.

Эта поправка величайшей цѣнности, которую вноситъ въ жизнь вѣра людей, прекрасно изображена въ пьесѣ извѣстнаго писателя Чехова «Дядя Ваня».

Тамъ тяжелая картина жизни, обманувшей людей.

Въ старой усадьбѣ живетъ «Дядя Ваня», мягкій и добрый

человѣкъ, который по сердечной добротѣ принялъ завѣдываніе имѣніемъ своихъ родныхъ. Родные эти—профессоръ университета, котораго дядя Ваня считалъ чуть ли не геніемъ, и извѣстная актриса. Они пріѣхали на часть лѣта въ деревню. И здѣсь профессоръ видитъ пустоту обоихъ этихъ людей, которые при болѣе бѣдномъ душевномъ содержаніи, чѣмъ у дяди Вани, умѣли устроить себѣ гораздо болѣе полную жизнь, пользуясь тѣмъ, что дядя Ваня своей скромной долей для нихъ вырабатывалъ. Тутъ и страдающая племянница дяди Вани, Соня, помогающая ему въ его трудахъ, дѣвушка, мимо которой, такъ сказать, проходитъ жизнь безъ того, чтобы она этой жизнью сколько-нибудь воспользовалась. Она любитъ земскаго доктора Астрова, который не можетъ отвѣтить ей, и жизнь ея разбита, прежде, чѣмъ она началась.

И вотъ, когда столичные гости уѣхали, и эта чета осталась одна въ мельчайшихъ условіяхъ своей жизни и дядѣ Ванѣ взгрустнулось невыносимой грустью, Соня стала утѣшать его. Пусть измученная душа ихъ оскорблена и сердце молчитъ. Она видитъ картины новаго чуднаго счастливаго быта! Ей представились красоты рая, удовлетвореніе всѣхъ затаенныхъ желаній, и, среди этой благоухающей жизни она—исцѣленная и ея удовлетворенный дядя Ваня. И, рисуя это будущее счастье, она ему повторяетъ: «Мы отдохнемъ тогда, дядя Ваня, мы отдохнемъ».

И вотъ, спрашиваешь себя: кто счастливѣе и богаче: тѣ ли люди, которые имѣютъ это упованіе, хотя сейчасъ жизнь ихъ бѣдственна, или тѣ, которые сейчасъ сидятъ въ житейскихъ благахъ по горло, но у которыхъ въ будущемъ нѣтъ ничего!?

. . . . . .

. . . . . .

Какую драгоцѣнность представляютъ собою эти люди тихаго духа, и какое высокое умиреніе распространяютъ они вокругъ себя! Страданія человѣка начинаются обыкновенно съ первыхъ сознательныхъ его шаговъ.

У людей глубоко чувствующихъ сколько есть поводовъ скорбѣть и томиться; одна область личныхъ привязанностей чревата такими муками. Кто не слыхалъ повѣсти о томъ, какъ чистые люди привязываются къ пошлякамъ, изжившимъ уже тѣло и душу. Какъ какой-нибудь молодой студентъ-идеалистъ, чистой жизни, полной высокихъ запросовъ, привязывался къ молодой особѣ, которая, какъ говорится, прошла сквозь воду, огонь и мѣдныя трубы, поклонялся ей и, узнавъ, кто она такая,

кончалъ самоубійствомъ. Сколько молодыхъ дѣвушекъ влюбляется въ такихъ же опакощенныхъ жизнью мужчинъ!

И вотъ, когда душа неимовѣрно страдаетъ, и, кажется, невозможно продолжать дольше жизнь: какой тишиной повѣетъ вдругъ на душу отъ какого-нибудь стараго, много въ жизни потерпѣвшаго, все сумѣвшаго перестрадать и въ ожиданіи разгадки и утѣшенія, которыя приноситъ душѣ вѣчность, примирившагося съ жизнью человѣка.

У поэта Майкова есть одинъ мимолетный, но очень вѣрно начерченный образъ старой бабушки. Мужъ ея, который былъ на самомъ дѣлѣ извергомъ, черезъ много лѣтъ рисуется ей добрымъ человѣкомъ.

Внучекъ удивляется, какъ бабушка можетъ рисовать въ такихъ несвойственныхъ ему чертахъ этого злого тирана, и поэтъ замѣчаетъ:

Въ жизни дитя, не успѣлъ
Сердца еще онъ понять,
Онъ и постичь не успѣлъ,
Какъ оно можетъ прощать,
И какъ святой идеалъ
Образъ рисуетъ того,
Кто это сердце терзалъ,
Кто такъ измучилъ его.

Старые русскіе авторы умѣютъ рисовать этихъ всепрощающихъ людей, которыхъ жизнь не погладила, но которые нашли въ себѣ силу встать выше своего горя и сознательно, добровольно работаютъ на томъ, отведенномъ имъ, скромномъ поприщѣ, на которое призвалъ ихъ Богъ.

Вотъ, напримѣръ, трогательный образъ Натальи Савишны изъ «Дѣтства и Отрочества» графа Толстого. Собственно говоря, господа разбили ея личную жизнь, такъ какъ ей запретили бракъ съ молодымъ и бойкимъ офиціантомъ Ѳокой, котораго она полюбила, будучи приставленной къ молодой барышнѣ. За одну только мысль о бракѣ съ нимъ ее сослали въ наказаніе на скотный дворъ въ степную деревню. Когда ее вернули черезъ полгода, она обѣщала барину «забыть ту дурь», которая было на нее нашла,—и стала она довѣренною въ домѣ ключницею: вся жила въ барскомъ добрѣ, во всемъ видѣла преступленіе, порчу и расхищеніе и всѣми средствами старалась этому противодѣйствовать.

Она оскорбилась, когда выращенная ею барышня написала ей «вольную», и осталась навсегда при ней.

Замѣчательна бесѣда съ нею сына ея госпожи, послѣ ея неожиданной смерти. Она тужитъ, что не умерла раньше своей выращенницы и такъ вспоминаетъ о ней: «Она сложила руки на груди и взглянула кверху; впалые влажные глаза ея выражали великую, но спокойную печаль. Она твердо надѣялась, что Богъ не надолго разлучитъ ее съ тою, на которой столько лѣтъ была сосредоточена вся сила ея любви.

«— Да, мой батюшка, давно ли, кажется, я ее еще нянчила, пеленала, и она меня Наташей называла. Бывало, прибѣжитъ ко мнѣ, обхватитъ ручонками, и начнетъ цѣловать и приговаривать:

«— Нашикъ мой, красавчикъ мой, индюшечка ты моя.

«А я, бывало, пошучу—говорю:

«— Неправда, матушка, вы меня не любите; вотъ, дай только вырастете большія, выдете замужъ, и Нашу свою забудете.—Она, бывало, задумается. Нѣтъ, говоритъ, я лучше замужъ не пойду, если нельзя Нашу съ собой взять; я Нашу никогда не покину. А вотъ покинула же и не дождалась. И любила же она меня, покойница! Да кого она и не любила, правду сказать! Да, батюшка, вашу маменьку вамъ забывать нельзя; это не человѣкъ былъ, а ангелъ небесный. Когда ея душа будетъ въ царствіи небесномъ, она и тамъ будетъ васъ любить, и тамъ будетъ на васъ радоваться.

«— Отчего же вы говорите, Наталья Савишна, когда будетъ въ царствіи небесномъ?—спросилъ я:—вѣдь она, я думаю, и теперь уже тамъ.

«— Нѣтъ, батюшка,—сказала Наталья Савишна, понизивъ голосъ и усаживаясь ближе ко мнѣ на постели—теперь ея душа здѣсь.

«И она указала вверхъ. Она говорила почти шопотомъ и съ такимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, что я невольно поднялъ глаза кверху, смотрѣлъ на карнизы и искалъ чего-то.—Прежде чѣмъ душа праведника въ рай идетъ — она еще сорокъ мытарствъ проходитъ, мой батюшка, сорокъ дней и можетъ еще въ своемъ домѣ быть...

«Долго еще говорила она въ томъ же родѣ и говорила съ такою простотою и увѣренностью, какъ будто разсказывала вещи самыя обыкновенныя, которыя сама видала и насчетъ которыхъ никому въ голову не могло придти ни малѣйшаго сомнѣнія. Я слушалъ ее, притаивъ дыханіе и, хотя не понималъ хорошенько того, что она говорила, вѣрилъ ей совершенно.

«— Да, батюшка, теперь она здѣсь, смотритъ на насъ, слушаетъ, можетъ быть, что мы говоримъ, заключила Наталья Савишна.

«И, опустивъ голову, замолчала. Ей понадобился платокъ, чтобы отереть падавшія слезы; она встала, взглянула мнѣ прямо въ лицо и сказала дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

«— На много ступеней подвинулъ меня этимъ къ себѣ Господь.—Что мнѣ теперь здѣсь осталось? Для кого мнѣ жить? кого любить?

«— А насъ развѣ вы не любите?—сказалъ я, съ упрекомъ и едва удерживаясь отъ слезъ.

«— Богу извѣстно, какъ я васъ люблю, моихъ голубчиковъ, но ужъ такъ любить, какъ я ее любила, никого не любила, да и не могу любить.

Она не могла больше говорить, отвернулась отъ меня и громко зарыдала». . . . . .

. . . . . .

Вотъ, одна изъ маленькихъ, не бросающихся въ глаза, но изумительныхъ русскихъ женщинъ. Подневольное рабское положеніе она обратила въ высокій порывъ или, лучше сказать, въ тихій, постоянный и ровный огонь глубокой привязанности. Какъ она жила, такъ и умерла.

«За мѣсяцъ до своей смерти она достала изъ своего сундука бѣлаго коленкора и бѣлой кисеи и розовыхъ лентъ; съ помощью своей дѣвушки сшила себѣ бѣлое платье, чепчикъ и до малѣйшихъ подробностей распорядилась сама, что было нужно для ея похоронъ, а послѣ разобрала барскіе сундуки и съ величайшей отчетливостью по описи передала ихъ прикащицѣ.

«Кромѣ 40 руб. отложенныхъ ею на похороны и поминовеніе, всего имущества оказалось у покойной на 25 рублей ассигнаціями.

«Не хотѣли вѣрить тому, чтобы старуха, которая 60 лѣтъ жила въ богатомъ домѣ, все на рукахъ имѣла, весь свой вѣкъ жила скупо и надъ всякимъ тряпьемъ тряслась, чтобы она ничего не оставила; но это дѣйствительно было такъ.

«Наталья Савишна два мѣсяца страдала отъ своей болѣзни водяной, и переносила страданія съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ, не ворчала, не жаловалась, а только по своей привычкѣ, безпрестанно поминала Бога. За часъ до смерти она причастилась и соборовалась масломъ.

«У всѣхъ домашнихъ она просила прощенія за обиды, которыя могла причинить имъ, и просила духовнаго своего отца

пердать всѣмъ намъ, что не знаетъ, какъ благодарить насъ за наши милости и проситъ насъ простить ее, если по глупости своей огорчила кого-нибудь, «но воровкой никогда не была и могу сказать, что барской ниткой не поживилась», это было одно качество, которое она цѣнила въ себѣ.

«Надѣвъ приготовленный капотъ и чепчикъ, облокотившись на подушку, она до самаго конца не переставала разговаривать со священникомъ, вспомнила, что ничего не оставила бѣднымъ, достала десять рублей и просила его раздать въ приходѣ, потомъ перекрестилась, легла и послѣдній разъ вздохнула съ радостной улыбкой, произнося имя Божіе.

«Она оставляла жизнь безъ сожалѣнія, не боясь смерти и приняла ее, какъ благо.

«Она совершила лучшее и величайшее дѣло въ этой жизни—умерла безъ сожалѣнія и страха».

Вотъ—памятникъ, воздвигнутый прекрасному, вѣрующему, прямому русскому человѣку понявшимъ этого человѣка геніемъ. Часто удивляются мужеству въ смерти русскихъ людей: умираютъ съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ созрѣвшій плодъ упадаетъ на землю.

Вспоминайте эти прекрасныя слова: «она совершила лучшее и величайшее дѣло въ этой жизни — умерла безъ сожалѣнія и страха». Тотъ же типъ, дышащій тихимъ духомъ, успокоительно дѣйствующій на мятущіяся сердца, нарисованъ поэтомъ Никитинымъ въ его «Дѣдушкѣ»:

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ;
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.
Бѣлъ какъ лунь, на лбу морщины,
Съ испитымъ лицомъ,—
Много видѣлъ онъ кручины
На вѣку своемъ.
Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога
Божіе дитя!
Радъ онъ жить, непрочь въ могилу,—
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

Состояніе христіанскаго веселія близко подходитъ къ состоянію тихаго духа. Оно внушается человѣку глубокою вѣрою въ Божій промыселъ, въ Божіе водительство, въ силу искупительной жертвы Христовой, въ будущую счастливую загробную жизнь.

Какъ все кажется свѣтлымъ, радостнымъ, радужнымъ въ присутствіи любимаго человѣка, и какъ все самое радостное безъ него кажется покрытымъ какою-то черною тѣнью: то же самое переживаетъ душа относительно Бога. Великій старецъ Парѳеній Кіевскій подчеркнулъ эту мысль. Онъ говорилъ: «съ Богомъ и въ аду хорошо, а безъ Бога и въ раю плохо». И люди, живущіе въ Богѣ, полны всегда трепетнаго чувства Его присутствія; радуются Ему во всякую минуту жизни своей, еще больше, чѣмъ радуется человѣкъ въ присутствіи земного человѣка, въ самые напряженные дни своей любви.

Воспитать и развить въ себѣ это реальное ощущеніе Божія въ мірѣ присутствія составляло главнѣйшую задачу на пути всѣхъ подвижниковъ.

Величайшіе изъ нихъ переживали тяжелую борьбу въ концѣ своего духовнаго подвига, при восхожденіи на высочайшую ступень: по попущенію Божію ихъ волновала мысленная брань—страшное томящее чувство, что Бога нѣтъ, обуревающіе хульные помыслы противъ святынь, которымъ они съ дѣтства поклонялись.

Но это послѣднее нападеніе врага они отражали, и, когда они одолѣвали это искушеніе, какъ одолѣлъ его великій старецъ Серафимъ Саровскій тысячедневной молитвой на камнѣ съ воздѣтыми руками и мытаревой молитвой на устахъ: съ тѣхъ поръ начиналось ни чѣмъ уже болѣе не прерываемое, сплошное веселіе духа.

Но и на низшихъ ступеняхъ духовной жизни бываютъ мо-

менты, когда человѣкъ чувствуетъ, что какъ бы оставленъ Богомъ. Великій подвигъ показываетъ тотъ, зарабатываетъ себѣ вѣнецъ духовный, кто переноситъ спокойно эту тяжелую напасть.

Ужасное состояніе! Жизнь кажется тогда безцѣльной и ненужной; скрылось солнце жизни, не для кого жить, не къ кому стремиться; впереди нѣтъ ничего, земное все оканчивается обрывомъ, куда летитъ жизнь, упершись въ тупикъ.

И вотъ, въ такомъ положеніи вѣрить въ то небо, которое какъ будто само ушло отъ человѣка—какая для этого нужна сила духа...

Представьте себѣ, что кто-нибудь, привязавшись къ человѣку на землѣ, весь полонъ одною заботою объ этомъ человѣкѣ, готовъ ему всячески служить, приносить ему жертвы—наполнить всю свою жизнь одной этой привязанностью, одною думою о немъ.

И въ отвѣтъ на такія чувства онъ не только ничего не получаетъ, но человѣкъ, на котораго направлена его привязанность—равнодушенъ къ нему самымъ явнымъ, несомнѣннымъ равнодушіемъ.

Испытываемыя тутъ страданія все же легче того, что переживаетъ христіанинъ, когда ему кажется, что онъ оставленъ Богомъ.

Его страданія тутъ приближаются къ страданіямъ Христа въ тѣ тягчайшія минуты, когда Онъ, вися на крестѣ, почувствовалъ, что Онъ оставленъ Отцомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—верхъ вѣрности Богу и въ эти минуты испытанія не отступиться отъ Него, продолжать служить Ему съ еще большимъ усердіемъ, чѣмъ, когда Господь отвѣчалъ человѣку, являлъ ему знаки промышленія Своего, утѣшалъ его утѣшеніями духовными.

Въ эти минуты надо разсудку своему внушать—разсудку, потому, что сердце тогда какъ бы заперто въ неподвижныхъ скалахъ, ничего уже не воспринимая: надо разсудку внушать, что Богъ не можетъ забыть созданія Своего, и еще ближе къ нему, чѣмъ въ счастливые дни.

«Какъ на сильнаго духомъ—словно говоритъ Господь—Я наложилъ на тебя тягчайшее испытаніе. Ты мнѣ молишься—и тебѣ кажется, что молитва поднимается не въ небо, а въ каменный сводъ, и падаетъ обратно, такъ какъ не можетъ дойти до Меня... Ты ко Мнѣ вопіешь, и Я тебя не слышу, оставаясь глухимъ къ твоимъ воплямъ... Я скрылъ отъ тебя ликъ Мой, который ты прежде временами прозрѣвалъ; Я вынулъ изъ тебя живое чувство бытія Моего: это бытіе тогда казалось тебѣ

столь несомнѣннымъ. Теперь же ты въ ужасѣ спрашиваешь себя, существую ли Я, Который предъ тобою и слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ... И помыслы ропота, вражды и хулы приходятъ къ тебѣ, и, словно внѣ тебя, слагаются влекущія тебя помыслы отчаянія и отрицанія. И тебѣ кажется жестокимъ усомниться въ Томъ, Кому ты отдалъ всю твою жизнь — взывать и не быть услышаннымъ, искать и не обрѣтать... Но для того Я скрылъ отъ тебя лице Мое, чтобы явить тебѣ его послѣ страданія твоего еще яснѣе и несомнѣннѣе... Я для того кажусь тебѣ не слышащимъ, чтобъ отвѣтить тебѣ потомъ громче... Терпи и претерпи до конца... Пусть ожесточается мука твоя: Я былъ оставленъ Отцомъ, но перенесъ этотъ тягчайшій изъ крестовъ и побѣдилъ. Побѣди же со Мною и ты.

«Этимъ оставленіемъ тебя, и тѣмъ, что Я допускаю до тебя искушенія—искушенія хульныхъ помысловъ—Я испытываю тебя, чтобъ потомъ дать тебѣ ничѣмъ не нарушимую тишину».

И, дѣйствительно, это кажущееся оставленіе Богомъ человѣка является послѣднимъ его испытаніемъ, и затѣмъ начинается область ни чѣмъ не смущаемой тишины, постоянное и ровное веселіе духа.

Христіанское веселіе духа основано не на какихъ-нибудь внѣшнихъ счастливыхъ условіяхъ, а на живомъ чувствѣ повсюду Бога.

Христіанинъ въ окружающемъ его мірѣ постоянно ощущаетъ присутствіе Творца, радуется тому, что его Богъ такъ чудно замыслилъ и такъ чудно исполнилъ въ созданіи вселенной Свой замыселъ. Онъ радуется тѣмъ искрамъ Божества, которыя онъ чувствуетъ во встрѣчныхъ людяхъ—даже еслибъ эти люди были недостойные, грѣшные, падшіе. Но больше всего радуется онъ совершенному Христомъ великому дѣлу искупленія.

Онъ радуется тихой святынѣ Дѣвы Маріи, и слету къ Ней Архангела съ благою вѣстью о тайнѣ Виѳлеемской ночи, и великой проповѣди Христовой, и всему, что спасающаго, возрождающаго, новаго и сильнаго заключено въ этихъ словахъ. Онъ радуется тѣмъ обѣтованіямъ, какія произнесъ Христосъ для вѣрующихъ, радуется будущему блаженству, спасительной струѣ крови Христовой, текущей по міру.

Какое счастье почерпаетъ изъ всего этого душа правед-

ника—можно видѣть изъ воспоминаній одного инока, которому довелось слышать разсказъ старца Серафима о восхищеніи его въ райскія обители.

Старецъ говорилъ такъ: «Вотъ, я тебѣ скажу объ убогомъ Серафимѣ. Я усладился словомъ Господа моего Іисуса Христа, гдѣ Онъ говоритъ: въ дому Отца Моего обители мнози суть. На этихъ словахъ Христа Спасителя я, убогій, остановился и возжелалъ видѣть оныя небесныя обители, и молилъ Господа Іисуса Христа, чтобъ показалъ мнѣ эти обители. Господь не лишилъ меня Своей милости. Вотъ, я былъ восхищенъ въ эти небесныя обители. Только не знаю: съ тѣломъ ли, или кромѣ тѣла, Богъ вѣсть: это непостижимо. А о той радости и сладости, которыя я тамъ вкушалъ, сказать тебѣ невозможно».

О. Серафимъ замолчалъ... Онъ поникъ головой, водя рукой около сердца. Лицо его до того просвѣтлѣло, что нельзя было смотрѣть на него. Потомъ снова заговорилъ: «Еслибъ ты зналъ, какая радость ожидаетъ душу праведную на небѣ, ты рѣшился бы во временной жизни переносить всякія скорби, гоненія, клевету; если бы келлія наша была полна червей, и черви эти ѣли бы плоть нашу всю временную жизнь нашу, то надобно бы было на это согласиться, чтобъ только не лишиться той небесной радости.—Если самъ святой апостолъ Павелъ не могъ изъяснить той небесной славы; то какой же другой языкъ человѣческій можетъ изъяснить красоту горняго селенія?».

Помѣщица, госпожа Еропкина, передаетъ свое впечатлѣніе отъ одного разговора со старцемъ. «Я удостоилась услышать отъ него утѣшительный разсказъ о царствіи небесномъ. Ни словъ его, ни впечатлѣнія, сдѣланнаго имъ на меня въ ту пору, я не въ силахъ теперь передать въ точности. Видъ его лица былъ совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникалъ благодатный свѣтъ. Въ глазахъ у него выражалось спокойствіе и какой-то неземной восторгъ. Надо полагать, что онъ, по созерцательному состоянію духа, находился внѣ видимой природы, въ святыхъ небесныхъ обителяхъ, и передавалъ мнѣ, какимъ блаженствомъ наслаждаются праведники. Всего я не могла удержать въ памяти, но знаю, что говорилъ онъ мнѣ о трехъ святителяхъ: Василіи Великомъ, Григоріи Богословѣ, Іоаннѣ Златоустѣ, въ какой славѣ они тамъ находятся. Подробно и живо описалъ красоту и торжество святой Февроніи и многихъ другихъ мученицъ. Подобныхъ живыхъ разсказовъ я ни отъ кого не слыхала. Но онъ точно не весь выска-

зался мнѣ тогда и прибавилъ въ заключеніе: «Ахъ, радость моя, такое тамъ блаженство, что и описать нельзя!».

Конечно, воспоминанія о такихъ мгновеніяхъ, которыя въ жизни его должны были возобновляться, давали старцу Серафиму настроеніе радости и веселія духовнаго.

Какъ-то разъ одинъ изъ молодыхъ, современныхъ ему саровскихъ послушниковъ впалъ въ глубокое уныніе и думалъ даже оставить монастырь. Въ этомъ настроеніи онъ шелъ по берегу рѣки Саровки, какъ завидѣлъ издали великаго старца. Послушникъ хотѣлъ избѣгнуть встрѣчи и направился въ сторону; какъ по своей прозорливости, отецъ Серафимъ пошелъ прямо на него. Онъ быстро приблизился къ монаху и съ воодушевленіемъ, топнувъ о землю ногой, произнесъ: «Что это— унывать? Развѣ возможно унывать! Богъ насъ искупилъ, грѣхи изгладилъ, двери царствія небеснаго растворилъ, а ты унывать!» Въ словахъ старца была какая-то великая увѣренность въ томъ, что онъ говорилъ. Онъ былъ весь полонъ какой-то радости, точно самъ только что вернулся отъ Гроба Господня съ лежащими еще на немъ погребальными пеленами и принесъ эту вѣсть унывающему и усумнившемуся въ спасеніи человѣку; и радость свою старецъ передалъ этому монаху, въ которомъ разомъ воцарилось свѣтлое успокоеніе.

Вотъ, эта самая бодрость души поражаетъ во всѣхъ духовныхъ людяхъ.

Кому приходилось приближаться къ великому Оптинскому старцу Амвросію, тотъ не могъ не быть пораженъ бодростью духа въ этомъ постоянно изнемогающемъ человѣкѣ. Всякое утро, по собственному признанію, едва придя въ себя послѣ трудовъ предыдущаго дня и плохо проведенной ночи, онъ уставалъ до того, что иногда языкъ его еле двигался. И, однако, обуреваемый народнымъ множествомъ, и письмами теребимый со всѣхъ концовъ Россіи, онъ былъ неизмѣнно ясенъ духомъ и бодръ, часто шутилъ.

То же самое можно сказать объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ, который велъ жизнь, съ точки зрѣнія удобствъ, мучительную, и при этомъ всегда былъ бодръ и ясенъ духомъ.

Чрезвычайная бодрость души со склонностью къ острымъ словамъ, невиннымъ шуткамъ замѣчалась и въ одномъ изъ величайшихъ подвижниковъ послѣдняго вѣка, митрополитѣ Московскомъ Филаретѣ.

И какое великое дѣло въ жизни эта ровная веселость духа, и какъ драгоцѣнны люди, ее въ себѣ носящіе и распространяющіе вокругъ себя это настроеніе!

Всѣмъ тяжело, всѣмъ грустно, всѣ удручены, и это дурное настроеніе одного заражаетъ другихъ, и происходитъ какая-то взаимная зараза. Но вотъ, вошелъ человѣкъ бодрый своей вѣрой и потому жизнерадостный, и всѣмъ какъ-то стало покойно, хорошо и надежно.

Христіанинъ, вообще, по своему міросозерцанію, всегда оптимистъ.

Люди, въ дѣтствѣ и отрочествѣ идеально настроенные, часто переживаютъ страшнѣйшую муку, когда открываются у нихъ глаза, и ближайшіе къ нимъ люди, какъ родители, окажутся далеко не на той высотѣ, какъ они думали. Многое они о нихъ узнаютъ позорное. Это бываетъ ударомъ такимъ, который часто дѣлаетъ ихъ скорбными духомъ на всю остальную жизнь, окутывая эту жизнь чернымъ флеромъ.

Для человѣка христіанскаго настроенія это, конечно, испытаніе тяжелое, но излѣчимое. Онъ знаетъ о томъ, какъ силенъ грѣхъ, и какъ этотъ грѣхъ извращалъ высокихъ людей, становившихся потомъ не только достойными людьми, но и великими святыми. Вѣрою въ божественную благодать онъ знаетъ, что эта благодать возродитъ человѣка, и что онъ увидитъ, если хоть не на землѣ, то въ будущемъ царствѣ близкихъ ему людей преображенными.

Въ этомъ смыслѣ замѣчательно стихотвореніе философа и поэта Владиміра Сергѣевича Соловьева, написанное имъ любимой женщинѣ, всѣ недостатки которой, — между прочимъ, большую лживость,—онъ ясно видѣлъ. Она не вѣрила его вѣрованіями, и онъ, однако, мечталъ съ ней свидѣться, уповая, что всѣ ея земные недостатки исчезнутъ въ будущемъ царствѣ, и что онъ увидитъ ее такою, какою онъ ее предчувствуетъ здѣсь, въ ея искаженіи:

О, что значатъ всѣ слова и рѣчи,
Этихъ чувствъ отливъ или прибой
Предъ тайною нездѣшней нашей встрѣчи,
Предъ вѣчною недвижною судьбой!
Въ этомъ царствѣ лжи о, какъ ты лжива!
Средь обмана, ты живой обманъ.
Но вѣдь онъ со мной, онъ мой—тотъ день счастливый,
Что развѣетъ весь земной туманъ.
Пусть и ты не вѣришь этой встрѣчѣ:
Все равно, не спорю я съ тобой...
О, что значатъ всѣ слова и рѣчи
Предъ вѣчною недвижною судьбой!

Кто также, какъ не христіанскій воспитатель, можетъ быть такъ спокоенъ за участь воспитываемаго имъ ребенка? Видя какіе-нибудь пороки, унаслѣдованные отъ родителей, педагоги мірскіе иногда только разводятъ въ отчаяніи руками. А христіанскій воспитатель, зная христіанскій взглядъ на испорченность, съ одной стороны, человѣческой природы, и на возрождающую силу Христа, Который пришелъ «взыскать и спасти погибшихъ», нисколько, во-первыхъ, не удивляется при проявленіи дурныхъ склонностей и, во-вторыхъ, вѣритъ въ то, что благодать сильна возродить этого падшаго.

Въ отношеніяхъ нашихъ къ людямъ мы часто бываемъ угрюмы, нетерпѣливы, взрывчаты.

Это большой недостатокъ, и большая вина передъ людьми, какъ бы они намъ съ виду ни казались ничтожны.

Можетъ, у человѣка, съ которымъ мы неосторожно обращаемся, и безъ того цѣлый адъ въ душѣ, а мы еще прибавляемъ ему страданій своимъ отношеніемъ.

Ужасно думать также о томъ, что никогда не знаешь, увидишь ли еще этого человѣка и успѣешь ли загладить напряженной добротой непріятность своего обращенія. Такъ часты теперь внезапныя смерти, что люди, о которыхъ мы были увѣрены, что они переживутъ насъ, вдругъ умираютъ неожиданно, черезъ нѣсколько часовъ послѣ нашего свиданія съ ними.

Какъ драгоцѣнна эта ровная бодрость духа и теплота души, ни чѣмъ не нарушимая ясность духовнаго веселія!

Довольство судьбой, близко примыкающее къ настроенію духовной тишины и духовнаго веселія, принадлежитъ тоже къ числу добродѣтелей, которыя вырабатываются въ душѣ христіанскими взглядами.

Довольство судьбой основано, прежде всего, на довѣріи къ Богу, на увѣренности, что Онъ ставитъ человѣка на самый для него полезный путь, на увѣренности, что земная жизнь, сама по себѣ, есть ничто иное, какъ приготовленіе къ вѣчности, и что всѣ земные недочеты ничто передъ громадой будущаго счастья, какъ о томъ говорилъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ старецъ Серафимъ: «если бы келья наша полна была червей и черви эти ѣли плоть нашу во временной жизни нашей, то и на это надо согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости».

*

Память о жизни Христа, о тѣхъ великихъ лишеніяхъ, которыя Онъ терпѣлъ на землѣ, и чтеніе житій святыхъ, гдѣ показано, какъ величайшій богачъ лишалъ себя всего и доходилъ до самаго убогаго быта, до заплѣсневѣвшей корки хлѣба и опредѣленной мѣры воды — способствуетъ чрезвычайно къ выработкѣ въ себѣ довольства своей судьбой.

Наоборотъ, чѣмъ глубже мы погружаемся въ міръ, тѣмъ сильнѣй развивается недовольство нашей обстановкой, и всѣ желанія наши никогда даже не будутъ удовлетворены. Какъ бы удачливо ни слагалась наша судьба, какъ бы мы быстро ни подвинулись впередъ, по ступенямъ къ сказочному довольству, — человѣкъ не будетъ доволенъ, потому что ни объ одномъ человѣкѣ въ мірѣ нельзя сказать, что нѣтъ человѣка, еще его богаче.

Англійскій знатный богатѣйшій лордъ завидуетъ американскому милліардеру, во много разъ богатѣйшему его; какъ американскій милліардеръ завидуетъ знатнымъ предкамъ лорда, которыхъ онъ ни на какія деньги себѣ купить не можетъ. И тотъ и другой завидуютъ коронованной особѣ. И Наполеонъ на высотѣ своей раздражался тѣмъ, что нѣкоторая часть Европы ему не подвластна.

Недовольство судьбой распространяется теперь съ чрезвычайной быстротой, потому что, кажется, ни одно время не было заражено никогда такой страстью, какъ теперь, казаться богаче, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, и гоняться за людьми, роскошнѣе тебя живущими.

Нынѣшняя молодежь, напримѣръ, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не хочетъ знать цѣны деньгамъ. Приходится слышать объ учащихся, которые получаютъ отъ родителей какіе-нибудь 5, въ крайнемъ случаѣ, 10 рублей въ мѣсяцъ, что является совершенно достаточнымъ для того, чтобы удовлетворить всѣ разумныя нужды, а позволяютъ себѣ проѣзжать больше, чѣмъ всѣ ихъ мѣсячныя деньги, на какихъ-нибудь лихачахъ или распространившихся теперь моторахъ.

Вообще та жажда удовольствій, которая охватила теперь людей, чрезвычайно губительна.

Мы не хотимъ знать, что вся наша жизнь должна быть посвящена размѣренному ежедневному добросовѣстному труду, который только изрѣдка перемежается съ разумнымъ развлеченіемъ. Европа не знаетъ того количества прогульныхъ дней, изъ-за котораго страдаетъ наша промышленность и наши ремесла.

Люди среднихъ лѣтъ прекрасно помнятъ, какъ много

раньше сидѣли вообще дома, какъ рѣдко вечеръ проводили въ театрѣ или въ какихъ-нибудь собраніяхъ. Теперь же встрѣчаются многочисленные, едва выходящіе изъ дѣтскаго возраста, подростки-гимназисты, которые ни одного вечера не могутъ посидѣть дома, и которыхъ тянетъ, если не въ театръ и не на вечеринку, то, по крайней мѣрѣ, пройтись по освѣщеннымъ улицамъ, и жизнь вся какъ-то ударяется во внѣшность. Все глубокое, внутреннее, настоящее ослабѣваетъ. И что-то неправильное и нечистое вкрадывается въ такую жизнь.

ГЛАВА VI.

Правда, искренность, скромность и тайна жизни, чистота.

Правда никогда не ощущается такъ ясно, никогда не чувствуется во всей своей силѣ и красотѣ, какъ когда вы отстали отъ окружающей васъ лжи.

Чѣмъ дальше удаляется жизнь отъ христіанскихъ идеаловъ, тѣмъ сильнѣй и шире распространяется въ жизни ложь.

Ложь въ жизни такъ обширна, такъ глубоко проѣла насквозь всѣ людскія отношенія, что трудно даже ее опредѣлить однимъ словомъ.

Ложь—самый нашъ бытъ, безпечальное и широкое житье однихъ и жалкое влаченіе существованія людьми, несравненно болѣе ихъ работающими и болѣе ихъ достойными.

Ложь — это наше стремленіе хорошенько въ жизни устроиться, веселѣй пожить—пышнѣй, лѣнивѣй.

Ложь—это наше внѣшнее обращеніе съ людьми, полное часто мягкости и фразъ, содержащихъ какъ будто расположеніе къ нимъ, когда мы къ такимъ людямъ въ лучшемъ смыслѣ совершенно равнодушны, а въ худшемъ—ихъ ненавидимъ: тѣ отношенія, о которыхъ говоритъ Писаніе: «умякнуша словеса ихъ паче елеа, и та суть стрѣлы».

Ложь—то, что тѣ изъ насъ, которые сохраняютъ въ себѣ знаніе правды, не высказываютъ ее тамъ, гдѣ надо, и, если встрѣчаютъ человѣка, котораго бы надо было обличить, котораго они только что жестоко осуждали, обращаются къ нему съ привѣтственными словами.

Если бы среди людей царила правда и за правду эту всѣ стояли бы горой, то какъ бы легка была жизнь!

Ни для кого ни тайна, что нѣтъ почти ни одной области въ жизни, въ которой бы не царилъ обманъ.

И вотъ, если бы всѣхъ обманывающихъ выводили на свѣжую воду, если бы людей, которые пьютъ кровь другихъ, какъ пили эту кровь, напримѣръ, заправилы Ленскаго золотопромышленнаго товарищества — встрѣчали, какъ они того заслуживаютъ, отвертываясь отъ нихъ и громко выражая презрѣніе свое ихъ поступкамъ: то тогда бы легче было жить; порокъ не ходилъ бы увѣнчаннымъ, а добродѣтель униженной.

Привыкнуть къ неправдѣ очень легко: надо тщательно охранять себя и слѣдить за собой, для того, чтобы ни одно слово лжи не слетало съ нашихъ устъ и, наоборотъ, чтобы мы говорили правду тамъ, гдѣ того требуетъ отъ насъ совѣсть или прямодушіе.

Да, во всѣ времена находились прямодушные люди, которые, не стѣсняясь положеніемъ лицъ, рѣзали правду въ глаза и были какъ бы судьи общественной совѣсти, съ которыми считались и при которыхъ люди нравственно подтягивались.

Одна изъ такихъ блюстительницъ правды, въ высшей средѣ Москвы, прекрасно изображена, Львомъ Толстымъ, въ «Войнѣ и мирѣ» подъ именемъ Маріи Дмитріевны Афросимовой.

Недавно мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ маленькой драмы, происшедшей въ одномъ знакомомъ домѣ. Мальчикъ-казачекъ во время приготовленія къ званому обѣду, неосторожно схватившись за полку съ блюдами, уронилъ на полъ два большихъ блюда, стариннаго дорогого сервиза, и они разбились въ дребезги. Въ этомъ домѣ заведенъ порядокъ, чтобы слуга, разбившій что-нибудь, приносилъ тотчасъ осколки хозяевамъ. Кухарка, тоже недавно жившая въ домѣ, по уходѣ гостей, думала отнести господамъ осколки, но мальчикъ уговорилъ ее этого не дѣлать, боясь наказанія.

Господа были добрые, побранили бы за неосторожность и—дѣло съ концомъ. А между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней, они узнали это происшествіе въ семьѣ своихъ родственниковъ, кухарка которыхъ была тогда взята на подмогу ихъ кухаркѣ. Негодованію ихъ на этотъ разъ не было предѣловъ, и мальчикъ чуть не былъ отправленъ обратно въ деревню къ отцу, чего ему очень не хотѣлось, потому что жизнь въ Петербургѣ ему нравилась.

Понятно, что лжетъ подневольный мальчикъ съ недостаточно-развитымъ нравственнымъ чувствомъ. Но часто лгутъ родителямъ учащіеся образованнаго класса: и лгутъ тѣмъ запутаннѣй и упорнѣй, чѣмъ становятся взрослѣй. Мальчикъ забрелъ гулять куда-нибудь съ товарищами, опоздалъ къ обѣду и

вмѣсто того, чтобы указать, куда, дѣйствительно, ходилъ, выдумываетъ, что весь классъ оставленъ въ наказаніе, на лишній часъ въ гимназіи. Когда становится взрослымъ и особенно, если родители живутъ въ другомъ городѣ, дѣлаетъ фиктивные счета у портныхъ на платье, которое въ дѣйствительности не шьется, и получаемыя отъ родителей деньги дѣлятся пополамъ съ портнымъ.

Образовывается, такимъ образомъ, какая-то двойная жизнь. Одна кажущаяся нормальная жизнь благовоспитаннаго мальчика. Съ другой же стороны жизнь безшабашныхъ удовольствій, скрываемыхъ кутежей, темныхъ компаній, вздорно тратимыхъ денегъ. И все вмѣстѣ приводитъ часто къ полному отчаянію и къ самоубійству.

Въ газетахъ какъ-то были свѣдѣнія объ одномъ англійскомъ богатѣйшемъ лордѣ, который велъ двойную жизнь. Онъ принадлежалъ къ высшему кругу, который и посѣщалъ. Но у него была какая-то непреодолимая страсть къ подонкамъ общества. Временами, одѣвшись по-хулигански, онъ тайно оставлялъ свой домъ и отправлялся въ хулиганскую среду, въ скверные притоны, гдѣ былъ извѣстенъ всѣмъ въ этой средѣ столь же опредѣленно, какъ и въ высшемъ кругу.

Можно сказать, что такими двойственными людьми въ настоящее время являются многіе...

Правда въ жизни, правда въ словахъ: такъ, чтобы ни одинъ поступокъ нашъ не расходился съ внушеніями совѣсти, такъ, чтобы ни одно слово наше не расходилось съ нашими убѣжденіями!..

Нѣкоторые думаютъ, что стоять за правду можно только до тѣхъ поръ, пока эта правда можетъ побѣдить; что за дѣло, завѣдомо безнадежное, нечего и стоять.

Великіе борцы за правду понимали это дѣло иначе. Они стояли за дѣла, прямо безнадежныя. Они громко выражали свое мнѣніе и обличали неправду даже тамъ, гдѣ ихъ слово не могло уже болѣе ничего измѣнить, гдѣ дѣло казалось заранѣе проиграннымъ.

Вотъ, Іоаннъ Креститель обличаетъ беззаконный бракъ Ирода съ Иродіадой, хотя и знаетъ, что обличенія его не приведутъ ни къ чему. Въ концѣ концовъ—онъ гибнетъ за свою правду. И, по преданію, когда отрубленная голова его была принесена на пиръ къ Иродіадѣ, послѣдній разъ открылись его

уста, произнесшія то краткое обличеніе, за которое онъ погибалъ: «недостоитъ тебѣ имѣти Иродіаду, жену Филиппа брата твоего».

Вотъ, Іоаннъ Златоустъ обличаетъ нечестивую и злобную императрицу Евдоксію и съ нею вмѣстѣ весь Царьградъ, погрязшій въ порокахъ, враждѣ и въ мелкихъ, пустыхъ и грѣховныхъ удовольствіяхъ.

Никакія предостереженія не могутъ сдержать обличающій голосъ. Обличенія становятся все болѣе рѣзкими, и нѣсколько разъ изгнаннаго и снова возвращеннаго Іоанна отсылаютъ въ послѣднее изгнаніе, гдѣ грубымъ солдатамъ было предписано обращаться съ нимъ съ изощренною жестокостью, и гдѣ онъ въ страданіяхъ умираетъ.

Вотъ, Филиппъ митрополитъ, знатный бояринъ, оставившій міръ для уединеннаго подвига и изъ суровыхъ Соловковъ возведенный на московскую каѳедру противъ воли, начинаетъ свое знаменитое и смѣлое обличеніе Грознаго. Онъ чувствуетъ, что Іоаннъ уже не опомнится, что обличенія безплодны, и что онъ самъ падетъ жертвой. Но онъ продолжаетъ свое дѣло, и Церковь украшается новымъ священномученикомъ.

Ибо не въ томъ дѣло, чтобы слово проповѣдника и обличителя имѣло успѣхъ, а дѣло въ томъ, чтобы въ нужный день и часъ, какъ Божій гласъ, прогремѣло надъ міромъ предупрежденіе праведника, чтобы въ послѣдующіе вѣка не могли сказать, что среди беззаконій, творимыхъ сильными, не нашлось ни одного обличителя, что ложь торжествовала, а правда была унижена, и въ этомъ униженіи не нашлось для нея ни одного защитника.

Пусть сгибли они, но Іоаннъ Креститель казнимый, и Іоаннъ Златоустъ, влекомый по каменистымъ дорогамъ знойнаго Кавказа жестокими солдатами, еле переставляющій ноги: онъ, патріархъ Царьграда, отданный во власть людей-звѣрей, и Филиппъ, покрытый рогожами и перевозимый на дровняхъ изъ Успенскаго собора въ темницу, и всѣ другіе блюстители зла и провозвѣстники правды были во всемъ своемъ уничиженіи побѣдителями: на кострахъ, въ тюрьмахъ властителями и царями. Ихъ поносили современные враги, но прославилъ ихъ Богъ за ихъ вѣрность, поклонились имъ послѣдующіе вѣка и чтутъ ихъ, какъ многоцѣнный крупный бисеръ въ вѣнцѣ человѣчества.

Въ нашей жизни, среди нашей обыденщины, сколько разъ представляется намъ возможность сказать слово правды, которое мы въ себѣ утаиваемъ. Надо строго и постоянно слѣдить за собой, ибо незамѣтно мы можемъ проникнуться лживыми

взглядами міра, говорить то, чего мы не думаемъ, скрывать то, что мы думаемъ.

Ложь весьма часто принимаетъ самые благовидные предлоги.

Мы рѣшили съ кѣмъ-нибудь прервать сношенія, узнавъ въ человѣкѣ такія черты, которыхъ мы не можемъ допустить въ своихъ знакомыхъ. И, когда этотъ человѣкъ приходитъ къ намъ, и намъ о немъ докладываютъ, мы высылаемъ сказать, что очень извиняемся, такъ какъ больны и не можемъ принять. Правдивѣе было бы прямо сказать, что видѣть его не можемъ.

Когда мы не хотимъ посѣтить людей, которые насъ къ себѣ зовутъ, мы ссылаемся на несуществующія головныя боли и другія недомоганія. И у человѣка, получающаго много приглашеній и часто отъ нихъ отказывающагося, за годъ накопится столько такихъ предлоговъ—болѣзней, что самый здоровѣйшій человѣкъ себя самъ выставилъ какимъ-то неисцѣлимымъ инвалидомъ. Мы распространяемся о привязанностяхъ нашихъ къ лицамъ, которыхъ мы ненавидимъ. Часто поддерживаемъ и дорожимъ даже сношеніями съ людьми, которые кажутся намъ глупыми, скучными и пустыми. А поддерживаемъ эти сношенія не потому, чтобы они были чрезвычайно пріятны, а лишь потому, что ихъ положеніе выше нашего, и это льститъ нашему чувству чванства.

Какъ послѣ лицъ, проѣденныхъ насквозь этою ложью, отрадны и надежны кажутся тѣ люди, которые не говорятъ лишняго слова и тамъ, гдѣ другіе изливаются въ вымышленныхъ любезностяхъ, сурово молчатъ.

Есть люди, повидимому, сухіе и сдержанные, но полные внутренняго огня, способные на глубочайшія привязанности.

Много такихъ людей среди истыхъ монаховъ высокой жизни.

Мнѣ довелось знавать покойнаго намѣстника Сергіево-Троицкой лавры, извѣстнаго археолога знатока русскихъ святыхъ, отца архимандрита, Леонида Кавелина, бывшаго въ міру армейскимъ офицеромъ. Это былъ человѣкъ суровый на видъ, истинно монашескаго склада, не говорившій праздныхъ словъ. А, когда онъ затрагивалъ такія темы, которыя были близки его сердцу, рѣчь его тогда одушевлялась.

Онъ былъ духовнымъ воспитанникомъ и послушникомъ

знаменитаго Оптинскаго старца Макарія. И, когда этотъ суровый человѣкъ упоминалъ имя старца, глаза его загорались какимъ-то огнемъ, и въ этихъ чистыхъ глазахъ подъ насупленными бровями сверкали слезы умиленія и благодарности.

Ласковое слово искренняго, прямого человѣка насколько драгоцѣннѣй цѣлыхъ длинныхъ изліяній людей, которымъ ни въ чемъ нельзя вѣрить.

Искренность есть драгоцѣнное въ человѣкѣ свойство, по которому всякое дѣйствіе человѣка дѣлается имъ отъ души, потому что къ тому побуждаетъ его сердце, потому что иначе поступить онъ не можетъ.

Одинъ подвижникъ, получавшій много приношеній отъ своихъ почитателей, говорилъ съ восторгомъ объ одномъ не высокомъ по положенію человѣкѣ, который относился къ нему съ искренностью, и говорилъ, что никакія богатыя приношенія не доставляютъ ему столько радости, какъ мелкая монета, поданная съ усердіемъ этимъ человѣкомъ, голосъ котораго тогда дрожитъ отъ волненія, въ глазахъ котораго сверкаютъ слезы умиленія.

Искренность всегда соединена съ простосердечіемъ, съ отсутствіемъ постороннихъ низменныхъ побужденій, съ отсутствіемъ мудрой житейски, но далеко не всегда благородной разсчетливости, съ довѣрчивостью и прямодушіемъ. Искренніе люди по своей непосредственности могутъ легче поддаваться чужому вліянію, легче впадаютъ въ искушеніе, но они легче встаютъ и исправляются, потому что душа ихъ отзывчива и быстро подчиняется вліянію Христа. Искренность всегда соединена съ совѣстливостью, которая, какъ бы далеко человѣкъ ни зашелъ въ служеніи своимъ страстямъ, — въ концѣ концовъ заставитъ его опомниться и выведетъ на иной путь.

Грустно признаться въ томъ, что множество изъ христіанъ, призванныхъ Христомъ къ великой правдѣ въ жизни, дѣлахъ и мысляхъ, далеки отъ простой обыденной честности.

Сунуть недобросовѣстный, подгнившій товаръ, положить при взвѣшиваніи на чашку вѣсовъ тяжелой бумаги; взять заказъ, обнадежить заказчика и водить его за носъ недѣлями: какъ все это знакомо и какъ все это печально!

Великое дѣло въ жизни—держать себя скромно, стараться скрыть свои заслуги, если онѣ есть, тѣмъ менѣе не присваи-

вать себѣ заслугъ не существующихъ, не лѣзть впередъ, не быть о себѣ высокаго мнѣнія, считать себя ниже всѣхъ, трепетно сознавать свои недостатки, жаждать стать лучшимъ.

Искренній христіанинъ не можетъ не быть скромнымъ, потому что въ немъ, прежде всего, ясно сознаніе безконечнаго Божія совершенства; и предъ такимъ сіяніемъ лучезарной святыни человѣкъ не можетъ не казаться себѣ ничтожнымъ, омерзительнымъ, грѣшнѣйшимъ.

Скромный человѣкъ будетъ всегда трудиться изъ всѣхъ своихъ силъ, уважая тотъ трудъ, къ которому онъ приставленъ, какъ бы этотъ трудъ съ виду ни былъ низкимъ и ничтожнымъ.

Есть особая религія труда, которой теперь люди особенно часто измѣняютъ. У насъ распространено какое-то повальное отвращеніе къ труду. Трудъ жизни долженъ быть главной основой нашей жизни, и ему должно было быть подчинено все остальное. А у насъ выходитъ какъ разъ наоборотъ: трудъ для насъ какое-то тяжелое отбываніе повинности; мы умышленно какъ-то не интересуемся своимъ трудомъ, лишь бы поскорѣй сбыть его съ рукъ и тогда пользоваться жизнью.

И что такое для большинства—это пользованіе жизнью: пьяный угаръ, разныя увеселенія, которыя прискучатъ черезъ нѣсколько лѣтъ, а иногда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, которыя безплодны, безнравственны и не нужны.

Какъ мало у насъ людей, похожихъ на прежнихъ безкорыстныхъ служителей науки, которыхъ привлекали къ ней не высокіе оклады, не возможная извѣстность, не почести, а исключительно тѣ высокія наслажденія, что даетъ наука пытливому уму, углубляющемуся въ познаніе? Гдѣ тотъ смиренный, довольный своей судьбой и считающій свой трудъ святымъ крестьянинъ-пахарь, котораго воспѣвалъ Кольцовъ?

Гдѣ эта рѣшимость трудиться, не покладая рукъ:

Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ,
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
Посмотришь, одинъ я—
Батракъ и хозяинъ;
А живу чѣмъ хуже

Людей семьянистыхъ?
Лиха бѣда, въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть;
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копѣйкой
Божій праздникъ встрѣтить.

Гдѣ этотъ религіозный взглядъ на трудъ съ молитвой, при трудѣ, надежда на то, что Богъ благословитъ плоды труда:

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю;
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

И какъ хорошо было это счастье трудового урожая, созрѣвшаго «въ колыбели святой трудовой пашеньки», что за радость смотрѣть:

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.
Выйдетъ солнышко—
Жатьба кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени,
Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Скромный человѣкъ, несущій терпѣливо свою долю, вовсе не отрекается отъ надежды на иную лучшую жизнь, а только переноситъ свою надежду далече, въ загробное существованіе.

Онъ трудится скромнымъ тяжелымъ трудомъ, потому что помнитъ заповѣдь, данную человѣку Богомъ, при изгнаніи изъ рая праотца: «въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой», и онъ трудится съ радостью и съ убѣжденіемъ, а не съ огорченіемъ и ненавистью къ труду, какъ другіе.

Признакъ скромной души есть извѣстная тайна жизни.

Присматриваясь къ людямъ иного склада, къ людямъ мелкаго душевнаго міросозерцанія, можно замѣтить, что они большею частью очень шумны въ изъявленіяхъ своихъ глубокихъ чувствъ, которыя въ нихъ гаснутъ такъ же скоро, какъ и вспыхнули. Чувство сильное обыкновенно молчаливо, стыдливо.

Много десятковъ лѣтъ назадъ въ Москву пріѣхалъ одинъ виртуозъ музыкантъ и пользовался большимъ успѣхомъ. Онъ былъ приглашенъ играть въ одномъ высокопоставленномъ домѣ. Всѣ были въ восторгѣ отъ его игры и, окруживъ его, шумно изъявляли ему свое одобреніе. Одна только изъ слушательницъ, ослѣпительная красавица, столь же выдававшаяся внѣшностью своею, сколько глубокими душевными качествами, не встала съ мѣста, не сказала ему ни слова. Но все ея существо было переполнено восторгомъ и рвалось къ волшебнику, извлекшему изъ рояля эти звуки. Этотъ восторгъ былъ началомъ любви на всю жизнь. Несмотря на нежеланіе родныхъ, ожидавшихъ для нея блестящаго замужества, она вышла замужъ за этого музыканта, при чемъ потребовалось покровительство влюбленнымъ императора Николая Павловича. Музыкантъ скоро заболѣлъ неизлѣчимою болѣзнью, она ходила за нимъ нѣсколько лѣтъ и осталась вдовой, счастливая этими недолгими годами своего высокаго счастья.

То же самое и въ жизни духовной.

Нѣкоторые люди любятъ шумно говорить о своихъ духовныхъ восторгахъ, о высокихъ минутахъ, которыя даетъ имъ молитва; человѣкъ болѣе глубокаго склада обо всемъ этомъ молчитъ.

Есть люди высочайшей религіозности, которыхъ вы съ виду сочтете совсѣмъ равнодушными, до такой степени они умѣютъ скрывать свою духовную жизнь.

Особымъ умѣніемъ въ этомъ отношеніи отличаются такъ называемые Христа ради юродивые, въ жизни которыхъ все ни что иное, какъ великая тайна души съ Богомъ.

Истинные Христа ради юродивые — это такіе люди, которыхъ глубоко поразила жертва, принесенная для спасенія рода человѣческаго Христомъ, которые не могутъ и не хотятъ себѣ земного счастья на той землѣ, что принесла Христу только холодныя ясли въ пещерѣ для Его рожденія, а потомъ тернія, муку и смерть.

Имъ мало тѣхъ страданій, которыя посылаетъ людямъ сама жизнь. Они ищутъ вольныхъ страданій и вызываютъ своимъ страннымъ видомъ и странными поступками осужденіе и униженія. Не имѣя себѣ постояннаго пристанища, скитаясь съ мѣста на мѣсто, ночь проводя въ молитвѣ на паперти церкви, прикидываясь среди людей бранчливыми и сердитыми, они полны великой нѣжности и заботы о людяхъ, и въ свои безсонныя ночи они молятся о тѣхъ, за кого некому молиться. Устремляя свой прозорливый взоръ въ дальнія мѣста вселенной, они внезапно приходятъ на помощь людямъ, съ которыми никогда не встрѣчались. Такъ, персидскіе купцы, по торговымъ дѣламъ приходившіе въ Москву, узнавали въ московскомъ юродивомъ Василіи блаженномъ того человѣка, который явился имъ, когда они гибли отъ бури на Каспійскомъ морѣ, и спасъ ихъ.

Эти люди, гонимые, осуждаемые, тогда какъ сердце ихъ горитъ чудной правдой и полно любви къ людямъ, являются самыми яркими представителями скромности и тайны жизни христіанской.

Какъ велики также тѣ люди, которыхъ мы считаемъ холодными и себялюбивыми, и которые творятъ великое и тайное добро, содержа цѣлыя семьи, выводя на дорогу нуждающуюся молодежь, тайно воздвигая въ дальнихъ мѣстахъ храмы.

Къ расположенію христіанской скромности близко примыкаетъ добродѣтель терпѣнія обидъ.

Человѣческая природа склонна совсѣмъ къ другому,—она склонна скорѣй нанести другому обиду, надмиться надъ человѣкомъ, чѣмъ самой принять незаслуженное оскорбленіе и перенести терпѣливо это оскорбленіе.

Великіе старцы учатъ, что несправедливыя незаслуженныя обиды Господь посылаетъ намъ въ наказаніе за наши грѣхи въ искупленіе ихъ. Съ насъ, быть можетъ, снимается великій и невольный грѣхъ, когда мы спокойно заставимъ себя вытер-

пѣть обиду. Мудръ въ христіанскомъ смыслѣ не обидчикъ и не тотъ обидимый, который старается отомстить обидчику, а кто спокойно понесетъ обиду и своимъ великодушіемъ обезоружитъ обидчика,—онъ является побѣдителемъ въ борьбѣ великодушія.

Если намъ придется терпѣть несправедливую обиду, и сердце будетъ сжиматься отъ острой боли незаслуженнаго страданія, вспомнимъ тогда, въ эту минуту, Того, Кто жестоко пострадалъ на землѣ, и крестоносный Страдалецъ намъ воздастъ за терпѣніе.

Чистота жизни, всего поведенія, словъ, мыслей есть одинъ изъ лучшихъ цвѣтковъ на деревѣ христіанства.

Одной изъ высшихъ похвалъ, которою похваляетъ Церковь Божію Матерь — являются наименованія «Пречистая, Пренепорочная».

Есть, дѣйствительно, что-то необыкновенно возвышенное, трогательное въ юной чистой дѣвѣ.

И что-то еще болѣе возвышенное, потому что болѣе трудное, подверженное большимъ соблазнамъ и искушеніямъ, въ нравственной чистотѣ взрослаго сильнаго мужчины.

Рѣдко кому чистота дается даромъ. Большинство людей, чтобъ сохранить ее, должны выносить жестокую борьбу, гдѣ все на нихъ, все противъ нихъ.

Если вообще взгляды міра во многомъ отличаются своею несуразностью, то особенно несуразенъ въ міру взглядъ на цѣломудріе и приложеніе разныхъ требованій къ мужчинѣ и женщинѣ.

Отъ женщины требуется, даже въ условной житейской морали, болѣе или менѣе хорошее поведеніе. Мужчина же совершенно свободенъ отъ такихъ требованій. Наоборотъ, считается чѣмъ-то страннымъ и дикимъ, если молодой холостой мужчина будетъ жить чистою жизнью, не соблазняя никого въ цѣляхъ плотского своего наслажденія.

Люди съ самыми свободными взглядами, люди съ самыми возмутительными нравами пришли бы въ жестокое негодованіе, еслибъ нормальная дѣвушка имѣла малую часть тѣхъ похожденій, которыя позволяютъ себѣ нормальные мужчины, и стали бы кричать направо и налѣво о томъ, что дѣвушка эта совершенно невозможная личность.

Христіанство, которое первое провозгласило равноправіе мужчины и женщины, признавъ въ обоихъ одинаковую душу—

христіанство предъявляетъ къ нимъ и въ этомъ отношеніи тѣ же требованія.

Всякая плотская связь, не имѣющая цѣлью продолженіе рода, признается христіанствомъ одинаково грѣховной и подлежитъ его осужденію. Но на ряду съ грѣховнымъ дѣломъ Христосъ осуждаетъ и самый помыселъ грѣховный, и слова Господа о томъ, что тотъ, кто «посмотрѣлъ на женщину съ вожделѣніемъ, тотъ уже прелюбодѣйствуетъ съ нею въ сердцѣ своемъ»—имѣютъ смыслъ предостереженія людей, которые, не падая тѣлесно, въ то же время часто погружаются въ грѣховные помыслы: что они равны съ людьми, грѣшащими на дѣлѣ.

Люди нечистой жизни грѣшатъ, прежде всего, противъ самихъ себя, такъ какъ они, начавъ однажды потакать своимъ страстямъ, не могутъ уже обуздать себя, а тѣлесное паденіе ужасно тѣмъ, что, чѣмъ больше человѣкъ предается плотскому грѣху, тѣмъ болѣе онъ становится ненасытнымъ.

Міряне часто не понимаютъ, зачѣмъ съ такою исключительностью нѣкоторые люди борются за свою тѣлесную чистоту, и говорятъ: ну, что жъ, что человѣкъ разъ падетъ—падетъ и встанетъ... Нѣтъ, «разъ» человѣкъ почти не падаетъ, и первое паденіе обыкновенно ведетъ за собою множество другихъ.

Какъ въ пьянствѣ начинается съ маленькой рюмочки шутливо предложеннаго вина, а оканчивается страшнымъ «зеленымъ зміемъ», такъ и съ тѣлесной нечистотой. Развратникъ—самое несчастное въ мірѣ существо, такъ какъ его страсть требуетъ отъ него все большихъ и большихъ жертвъ.

Были люди, которые ради соблюденія чистоты рѣшались на величайшія жертвы, не щадили ничего, чтобы подавить волновавшій ихъ духъ блудный, пресѣчь въ корнѣ всякое движеніе страстей.

Изъ русскихъ святыхъ особенно прославились такою борьбою преподобный Моисей Угринъ и преподобный Іоаннъ Многострадальный, оба подвижники первыхъ священныхъ временъ Кіево-Печерскаго монастыря.

Преподобный Моисей, родомъ венгерецъ, былъ приближенъ къ благовѣрному святому князю россійскому и страстотерпцу Борису, служилъ ему съ братомъ своимъ Георгіемъ, котораго убили со святымъ Борисомъ; третій братъ, послѣ кончины любимаго господина, ушелъ въ тверскіе предѣлы и основалъ, на мѣстѣ нынѣшняго Торжка, свою обитель, гдѣ и почиваетъ нетлѣнно. Въ ракѣ его лежитъ и принесенная имъ съ собою голова брата его Георгія, которую злодѣи-убійцы отру-

били, чтобы снять съ него золотую цѣпь и гривну, возложенную на него отличавшимъ его княземъ.

Моисей отличался высокимъ ростомъ, крѣпкимъ сложеніемъ и необыкновенною красотою лица. Ему пришлось попасться въ плѣнъ къ ляхамъ, и здѣсь имъ плѣнилась молодая, знатная вдова, обладавшая большимъ богатствомъ и значеніемъ. Она предложила Моисею выкупить его и жениться на ней, дать ему знатность и великое богатство. Но онъ все это отвергъ. Тогда она выкупила Моисея отъ того, кто привелъ его въ плѣнъ, не постоявъ за значительной суммой въ тысячу золотыхъ монетъ. Она надѣялась, что Моисей, какъ рабъ ея, подчинится ея желанію. Но Моисей еще болѣе сталъ прилежать молитвѣ и посту, предпочитая для Бога—въ чистотѣ ѣсть сухой хлѣбъ, чѣмъ въ скверно богатыя блюда и вина. Не достигши своихъ намѣреній, женщина въ ярости бросила его въ темницу, чтобъ тамъ уморить его голодомъ. Многіе уговаривали Моисея подчиниться, говоря, что онъ вѣдь не связанъ чиномъ монашескимъ, и что первые праведники ветхозавѣтные не чуждались женщинъ, а она несомнѣнно богата и имѣетъ большую власть въ Ляшской землѣ. Моисей отвѣчалъ, что не желаетъ нигдѣ господствовать, всѣмъ пренебрегая ради вышняго Царства. Если онъ выйдетъ живымъ изъ рукъ этой женщины, то не станетъ искать другой жены и съ помощью Божіей сдѣлается черноризцемъ.

Женщина стала искушать его другими искушеніями. Она приказала посадить блаженнаго на коня и со множествомъ слугъ везти его по ея городамъ и селамъ и говорить ему: «все это твое. Если угодно, распоряжайся, какъ хочешь всѣмъ». И по ея приказу встрѣчные на ея земляхъ должны были воздавать ему почести. Но и это не произвело на Моисея желаемаго впечатлѣнія.

Въ это время пришелъ одинъ черноризецъ, саномъ іерей, и постригъ его въ ангельскій образъ. Женщина же, влеченіе которой къ Моисею все увеличивалось, по мѣрѣ его отказовъ; въ безстыдствѣ своемъ обратилась къ королю Болеславу, прося его уговорить Моисея жениться на ней. Болеславъ предложилъ Моисею одно изъ двухъ—или исполнить желаніе госпожи, или выбрать себѣ смерть. Но и эта угроза осталась тщетной. Подвергнувъ въ теченіе многихъ дней Моисея истязаніямъ, по сто ударовъ, жестокая, нечистая женщина велѣла, наконецъ, страшно изуродовать Моисея. Еле выживъ, Моисей, оправившись, пришелъ въ Кіево-Печерскій монастырь къ преподобному Антонію и здѣсь провелъ богоугодно все остальное время

своей жизни, стяжавъ даръ помогать страждущимъ отъ блуда. Всего 16 лѣтъ послѣ убіенія князя Бориса провелъ онъ въ подвигахъ, шесть лѣтъ мучаясь въ рукахъ вдовы и 10 лѣтъ подвижничая въ Кіево-Печерской обители.

Такимъ же неусыпнымъ борцомъ за чистоту свою показалъ себя преподобный Іоаннъ Многострадальный. Разсказъ его о той борьбѣ, которую онъ вынесъ за свою чистоту, производитъ неизгладимое впечатлѣніе. Вотъ — человѣкъ, который не остановился ни предъ какими жертвами, для того, чтобы не уступить врагу въ страшной кровавой борьбѣ.

Одному иноку, боримому бѣсомъ блуднымъ, Іоаннъ Многострадальный передалъ о себѣ слѣдующее:

«Когда пришелъ я въ этотъ святой Печерскій монастырь и началъ трудиться по чину святого ангельскаго иноческаго образа, много вытерпѣлъ я, томимый позывами на блудъ, и не знаю, чего не выстрадалъ я ради моего спасенія. Два дня, иногда же и три проводилъ безъ ѣды, часто и всю недѣлю ничего не вкушалъ, морилъ себя лютою жаждою, бодрствовалъ всѣ ночи и въ такомъ злостраданіи провелъ три года, но и тамъ не нашелъ покоя. Пошелъ я въ пещеру, гдѣ положенъ преподобный отецъ нашъ Антоній, и пребывалъ у гроба его въ молитвѣ день и ночь. И слышалъ я гласъ преподобнаго ко мнѣ: «Іоаннъ, нужно тебѣ затвориться здѣсь въ пещерѣ, чтобъ невидѣніемъ и молчаніемъ прекратилась брань, и Господь поможетъ тебѣ молитвами преподобныхъ Своихъ». Итакъ, съ того часа затворился я въ этомъ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ, гдѣ нахожусь теперь уже тридцатый годъ. И только очень недавно нашелъ я покой, а всѣ тѣ годы боролся со страстями и помыслами тѣлесными. И жилъ я жестокою жизнью, сперва нѣсколько лѣтъ только постомъ и бдѣніемъ удручая тѣло свое. Наконецъ, не зная, что дѣлать и не въ состояніи терпѣть плотской брани, задумалъ я жить нагимъ и возложить тяжелую броню на свое тѣло, и съ тѣхъ поръ донынѣ бываю я изнеможенъ холодомъ и грызущимъ желѣзомъ. Но, когда и всего этого не было достаточно, сдѣлалъ я другую вещь: выкопалъ глубокую яму до груди моей. И, когда подошли дни святого великаго поста, я вошелъ въ яму и всего себя засыпалъ землею, такъ что свободными у меня были только руки и голова. Итакъ, угнетаемый землею, провелъ я весь постъ, не могъ двигать и единымъ суставомъ, но и такъ не прекратились плотскія стремленія и разженія тѣла. Кромѣ того, врагъ діаволъ стращалъ меня, желая прогнать меня отсюда, и я испыталъ всю силу коварства его: ноги мои въ ямѣ стали перегорать, такъ

что жилы въ нихъ скорчились и кости трескались, пламя доходило уже до утробы моей, и члены мои горѣли. Я уже не обращалъ вниманія на лютую боль, но радовался душою, что она сохраняетъ меня чистымъ отъ скверны. Я предпочиталъ ради Господа сгорѣть въ томъ огнѣ, чѣмъ выйти изъ ямы посрамленнымъ бѣсами. И, въ то же время, видѣлъ я страшнаго и лютаго змѣя, дышущаго пламенемъ и опаляющаго меня искрами, и хотящаго поглотить меня, и онъ дѣлалъ это много дней, чтобы прогнать меня. Когда же наступала свѣтоносная ночь Воскресенія Христова, внезапно напалъ на меня лютый змѣй и поглотилъ пастью своею голову мою и руки, и были опалены волосы на головѣ моей и бородѣ, какъ ты видишь меня. И я, находясь въ гортани того змѣя, возопилъ изъ глубины моего сердца:

«Господи Боже, Спасе мой, вскую ты оставилъ меня, ущедри меня, Владыко, такъ какъ Ты Одинъ человѣколюбецъ. Спаси меня грѣшнаго, Единый Безгрѣшный, избавь меня отъ скверны беззаконія моего, чтобы не увязнуть на вѣкъ въ сѣти лукаваго. Избавь меня отъ поглощенія этимъ врагомъ. Ибо, какъ левъ рыкаетъ, онъ хотѣлъ поглотить меня. Воздвигни силу Твою и приди спасти меня, блесни молніею Твоею и изгони его, чтобъ исчезъ отъ лица Твоего!». Когда же окончилъ я молитву, вдругъ блеснулъ свѣтъ Божественный, какъ молнія, и исчезъ тотъ лютый звѣрь, и благодатію Божіею не видѣлъ его больше донынѣ. Услышалъ я тогда и гласъ Господень ко мнѣ: «Іоаннъ, Іоаннъ,—это была тебѣ помощь, далѣе будь внимателенъ къ себѣ, чтобъ не пострадать горше въ будущемъ вѣкѣ». Я же поклонился и сказалъ: «Господи, зачѣмъ Ты оставилъ меня въ злыхъ мученіяхъ?» И отвѣчалъ Онъ мнѣ: «На тебя наведены были искушенія по силѣ терпѣнія твоего, чтобъ, искушенный огнемъ, явился ты чистъ, какъ золото. Ибо свыше силы не попускаетъ Богъ искушенія человѣку, чтобъ, изнемогши, не былъ онъ поруганъ лукавымъ зміемъ, но Онъ, какъ мудрый господинъ, крѣпкимъ и сильнымъ рабамъ вручаетъ великія и тяжелыя дѣла, а немощнымъ и слабымъ—незначительныя и легкія; то же самое и въ брани тѣлесной похоти, ради которой ты молишься самъ за себя. Но помолись мертвецу, лежащему противъ тебя, чтобъ облегчилъ онъ тебя отъ блудной страсти, ибо онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ Іосифъ, и можетъ помогать тяжело страждущимъ такою страстью». Я же, не зная имени такого мертвеца, сталъ звать: «Господи, помилуй меня молитвами этого преподобнаго». Потомъ я узналъ, что то былъ Моисей, родомъ Угринъ. И нисшелъ на меня неизреченный

свѣтъ, въ которомъ пребываю я и теперь, не нуждаясь въ свѣтѣ ни днемъ, ни ночью. И всѣ приходящіе ко мнѣ достойно насыщаются этого свѣта и видятъ явно утѣшеніе, освѣтившее меня въ ту ночь Воскресенія, какъ надежда будущаго свѣта.

По словамъ Писанія «Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи», — преподобному Іоанну Многострадальному дана власть отгонять отъ людей бѣса блуднаго. Мощи этого подвижника цѣломудрія почиваютъ въ томъ положеніи, которое онъ избралъ въ самые тяжкіе дни своей борьбы: онъ покоится въ землѣ, зарытый до груди. Можно думать, что, чувствуя смерть, онъ пожелалъ принять то страдальческое положеніе, котораго не побоялся тогда, чтобы побѣдить врага. У мощей преподобнаго раздаютъ шапочки съ нашитыми на нихъ изображеніями угодника, молитвами котораго да соблюдемъ мы угодную Богу душевную и тѣлесную чистоту...

Теперь, спрашиваешь себя: почему именно противъ этой блудной страсти направили всѣ свои силы эти люди, и не было ли бы полезнѣй для человѣчества, если бы тотъ же Моисей, женившись на вдовѣ его искушавшей и ставши значительнымъ и могущественнымъ человѣкомъ, употребилъ полученныя имъ средства на помощь ближнимъ?

Но нельзя указывать людямъ пути ихъ жизни, всякій воленъ избирать себѣ тотъ или другой путь спасенія и прилежать къ той или другой добродѣтели. Эти люди хотѣли принести Богу въ даръ свою дѣвственность и намѣреніе свое рѣшались исполнить, чего бы это имъ ни стоило.

И потомъ замѣчено, что человѣкъ, сдавшійся въ одномъ пунктѣ, будетъ сдаваться и въ другихъ. Для психолога ясно, что, уступи Моисей желанію этой женщины Ляшской земли, то за этимъ первымъ паденіемъ—а это было бы для него несомнѣнное паденіе—послѣдовали бы и другія паденія, и разсчетъ его на то, что онъ, измѣнивъ своему нравственному принципу, сталъ бы цѣною этой измѣны служить людямъ, не оправдался бы.

Въ настоящее время охрана чистоты дѣтей и молодежи составляетъ особенно исключительную и важную задачу.

Со всѣхъ сторонъ ведется атака на то, чтобы развратить молодежь.

Русская литература, поражавшая раньше своей высокою проникновенностью, духовною чистотою, наполнена, въ наши дни, ужаснѣйшими типами—какія-то содраганія сладострастія мужчинъ и женщинъ. Какъ тонкій ядъ, проникаетъ въ сознаніе молодежи внушеніе, что дозволено дѣлать рѣшительно все, къ чему влекутъ позывы плоти. А между тѣмъ, чѣмъ человѣкъ

легче удовлетворяетъ свою разнузданность, тѣмъ меньше онъ бываетъ удовлетворенъ. Его влечетъ все къ большему и большему разврату. Если при этомъ душа у человѣка глубокая, она тоскуетъ, страдаетъ отъ такой жизни и часто исходомъ бываетъ самоубійство.

Мы не можемъ быть достаточно осмотрительны и осторожны, исполняя заповѣдь Христову относительно соблазна людей, которая угрожаетъ намъ величайшимъ наказаніемъ. Мы считаемъ за ничто самые неприличные разговоры при подрастающихъ и молодежи и не думаемъ о томъ, какой ужасный губительный осадокъ это оставляетъ въ мозгу слушателей.

Счастливъ тотъ, кто «положилъ храненіе устамъ своимъ», кто ни разу не произнесъ ни одного соблазнительнаго слова, ни разу не направилъ воображенія другого на какую-нибудь соблазнительную картину...

Есть люди, сіяющіе нравственной чистотой и въ старости, и умилителенъ видъ непорочнаго старика, благоухающаго какимъ-то благоуханіемъ полевой лиліи, или престарѣлой монахини, въ которой вы чувствуете невинность ребенка...

Знаменитые люди на землѣ находятъ себѣ поклонниковъ. Прекраснѣйшія женщины въ средніе вѣка имѣли толпу усердныхъ рыцарей, которые готовы были не только вступаться за ихъ честь, но даже искать всевозможныхъ поводовъ, чтобъ вступить въ единоборство за свою даму, какъ поется въ романсѣ испанца изъ «Донъ-Жуана» графа А. К. Толстого:

Всѣхъ, кто скажетъ, что другая
Здѣсь равняется съ тобой—
Всѣхъ, любовію пылая,
Я зову на смертный бой.

Кажется, не великъ уронъ для чести его красавицы—сравнить ее съ другою красавицей... А вотъ, собирается же ея поклонникъ биться съ другимъ на смерть только изъ-за этого сравненія.

Какую же горячую обиду должны переживать при оскорбленіи своихъ завѣтныхъ святынь тѣ люди, которые считаютъ себя въ душѣ рыцарями этихъ святынь.

Можетъ ли, напримѣръ, человѣкъ, испытывающій живое чувство благоговѣнія, восторга, умиленія предъ невыразимой святыней Пресвятой Дѣвы, можетъ ли онъ слышать равнодушно, какъ будетъ хулиться Ея пречистое имя?

Люди, самые терпѣливые и воздержные въ выраженіяхъ, неизбѣжно назовутъ подлецомъ того, кто станетъ спокойно слушать брань на своего отца, хотя бы эта брань исходила отъ людей гораздо высшаго, чѣмъ онъ, положенія.

Что же сказать о томъ, кто будетъ изъ робости и трусости молчать при хулѣ на Христа или на Его Пречистую Матерь!

Эта хула должна чувствоваться вѣрующими больнѣе и острѣе, чѣмъ собственное оскорбленіе, чѣмъ глумленіе надъ памятью родителей, обида, нанесенная его невѣстѣ.

И такъ понятенъ порывъ горячаго и правдиваго святителя чудотворца Николая, который за рѣчи Арія на первомъ Вселенскомъ Соборѣ противъ божества Второго Лица Пресвятой Троицы, Сына Божія, исполнился такого гнѣва, что ударилъ Арія по лицу.

Въ религіи не все кротость. Самъ Христосъ обличалъ фарисеевъ жесточайшимъ обличеніемъ и, взявъ кнутъ, выгналъ имъ изъ храма торговцевъ и мѣновщиковъ.

Такъ и бурный поступокъ святителя Николая былъ Богомъ оправданъ. И мы можемъ смотрѣть на него, какъ на высокій примѣръ для подражанія и исполненія.

Отцы Собора лишили святителя Николая епископства за его поступокъ съ Аріемъ, но нѣкоторые изъ отцовъ Собора имѣли видѣніе Богоматери, Которая возлагала вновь на Своего избранника епископскій омофоръ, и поняли тогда, что правиленъ былъ поступокъ святителя, внушенный ему великою его ревностью по Богѣ.

Вотъ, этой именно ревности по Богѣ, этой рыцарской готовности защищать, жертвуя для этой жертвы земными выгодами, свои духовныя святыни—такъ не хватаетъ нашему малодушному и слабовѣрному времени. И вмѣсто того, чтобъ находились люди, которые бы считали высшею для себя почестью защищать славу имени Христова—это имя свободно оскорбляется, или Господь Самъ защищаетъ его въ страшнѣйшихъ знаменіяхъ...

Веселый молодой офицеръ, послѣ хорошаго обѣда въ знакомомъ домѣ, разсказываетъ о помѣщенной во французскомъ «журналѣ для смѣха», остроумную, по его мнѣнію, каррикатуру, въ которой содержится страшная хула.

Какъ понимающимъ людямъ рѣзко не остановить его и не

сказать: «молодой человѣкъ, какъ можете вы себѣ позволить въ нашемъ присутствіи повторять эти мерзкія и пошлыя выходки гаденькаго французскаго журнала, какъ вы сами не оскорбились этимъ глумленіемъ надъ всѣмъ, что въ мірѣ выше и святѣе всего... Вы низко пали, если такая мерзость не вызвала въ васъ негодованія и презрѣнія... Я человѣкъ вѣрующій: послѣ этого крупнаго происшествія намъ не къ чему продолжать наше знакомство».

Если бы всѣ люди говорили такъ опредѣленно, то едва ли хоть тотъ же офицеръ позволилъ бы себѣ вторично повторять съ веселымъ видомъ подобныя хулы. Не получая отпора, легкомысленные люди наглѣютъ.

Въ послѣдніе годы произошли два событія, въ которыхъ выразился гнѣвъ Божій на хулителей, не нашедшихъ себѣ противодѣйствія въ людяхъ... И какъ бы было лучше для нихъ, если бы ихъ во-время остановили люди, ибо сколько разъ и какимъ роковымъ образомъ сбылось слово Писанія: «Страшно впасть въ руки Бога живаго».

Въ восхитительномъ климатѣ Южной Америки, на островѣ Мартинникѣ былъ богатый городъ Сенъ-Пьеръ, въ которомъ было свыше сорока тысячъ жителей, много прекрасныхъ зданій, что-то свыше пятидесяти мужскихъ и женскихъ школъ. Городъ этотъ былъ во власти ярыхъ атеистовъ, имя Божіе въ немъ оскорблялось.

Съ начала 1902 года многіе вѣрующіе жители Сенъ-Пьера стали получать во снѣ таинственныя указанія—скорѣе выбираться изъ города. Предъ катастрофой, которая поразила городъ, пароходы уходили переполненными.

Въ концѣ апрѣля произошло страшное изверженіе вулкана съ землетрясеніемъ. Спасшіеся изъ-подъ обломковъ были удушены ядовитыми газами: ни одна душа изъ тогдашняго населенія Сенъ-Пьера не ушла живою: произошло то, что на языкѣ священныхъ сказаній называется «конечное потребленіе и запустѣніе»...

Чудный древній городъ Мессина на островѣ Сициліи, у Мессинскаго пролива, имѣлъ въ большинствѣ народонаселенія ясно выраженный характеръ борьбы съ Богомъ.

И вотъ, наконецъ, на день Рождества въ одной изъ мѣстныхъ газетъ появилось стихотвореніе, содержавшее разныя насмѣшки надъ Младенцемъ Христомъ, и, между прочимъ, говорилось:

«Проявилъ бы ты себя хоть чѣмъ-нибудь: напримѣръ, встряхнулъ бы насъ хорошенько»... И разгнѣванное Божество

проявило Себя: разразилось то страшное землетрясеніе, которое повлекло за собою такое потрясающее количество жертвъ, и въ которомъ такъ блестяще показали присущее имъ чувство самоотверженія русскіе моряки. Съ величайшей опасностью для жизни они вытаскивали изъ-подъ обломковъ зданій, грозившихъ на нихъ обрушиться, немногія уцѣлѣвшія жертвы.

. . . . . .

На боевомъ мечѣ покровителя Пскова, святого благовѣрнаго князя Всеволода—Гавріила, стоятъ простыя и выразительныя слова по-латыни: девизъ, которому онъ былъ вѣренъ всю свою боевую праведную жизнь. Девизъ этотъ гласитъ: «Honorem meum nemini dabo»—«Чести моей не выдамъ никому».

Какъ же христіанину выдавать честь Божества: ужасно!

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Времена жизни. Высшія ступени христіанства.

ГЛАВА I.

Времена жизни.

Прослѣдимъ путь человѣка отъ колыбели до могилы.

Вотъ, человѣкъ родился въ міръ, его окрестили во Христа.

Кто можетъ знать душевную жизнь ребенка, которая, быть можетъ, гораздо сложнѣе, чѣмъ это принято думать.

Послѣ знаменитаго старца послѣдняго времени, основателя общежительнаго Троицкаго Кіевскаго монастыря, отца Іоны, остались замѣчательнѣйшія келейныя записки, въ которыхъ онъ описалъ разныя событія изъ своей жизни.

Между прочимъ, онъ разсказываетъ тамъ, какъ, будучи еще младенцемъ, не умѣвши ходить, онъ былъ восхищенъ душою въ небесныя обители, и ему былъ предсказанъ будущій его духовный путь.

Несомнѣнно, что въ жизни духа есть много тайнъ, и что религіозное сознаніе въ человѣкѣ можетъ развиваться совершенно независимо отъ его внѣшняго сознанія.

Изъ разсказовъ многихъ людей, уже умиравшихъ и опять возвращенныхъ къ жизни, ясно то чрезвычайно интересное обстоятельство, что духъ человѣка совершенно спокойно, планомѣрно и непринужденно дѣйствуетъ въ такія минуты, когда человѣкъ уже потерялъ внѣшнее сознаніе. Опытные духовники разсказываютъ, что «глухая исповѣдь» умирающаго, уже лишившагося даже слова, представляетъ собою бесѣду духа священника съ духомъ умирающаго, все сознающимъ, оплакивающимъ былые грѣхи, рвущимся и вопіющимъ къ Богу.

Точно такъ же и въ дѣтяхъ духъ ихъ можетъ имѣть свое особенное развитіе, на много опережающее ихъ умственное и физическое развитіе.

Счастливъ, кто проводитъ тихое безмятежное дѣтство, кто видитъ вокругъ себя согласную семью, и въ родителяхъ своихъ встрѣчаетъ высокіе примѣры христіанства.

Но очень немногимъ дѣтямъ выпадаетъ на долю такое счастье и такое дѣтство въ наши дни. Многіе люди, которые могли бы быть драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для христіанства, стоятъ далеко отъ спасительнаго ученія, потому что никто ихъ не подвелъ въ дѣтствѣ ко Христу, никто ихъ Христу не покорилъ.

Дѣтству, отрочеству и юности свойственна извѣстная восторженность: такъ хочется найти предметъ достойный поклоненія и благоговѣть передъ нимъ... И гдѣ, казалось бы, ближе найти такіе предметы поклоненія, какъ не въ своей семьѣ, среди ближайшихъ родныхъ?

А, между тѣмъ, очень часто, когда въ дѣтяхъ пробуждается сознаніе, они видятъ, насколько родители далеко отстоятъ отъ того идеала, который себѣ дѣти рисуютъ, и не только что дѣти не могутъ въ чемъ-нибудь нравственно отъ родителей позаимствоваться, но еще должны призвать на помощь чувство великодушія, чтобъ съ намѣренною изворотливостью выискать имъ оправданіе.

И все же какое тяжкое страданіе, которымъ и подѣлиться не съ кѣмъ, ибо, чѣмъ глубже привязанность, тѣмъ труднѣе для человѣка привязаннаго довѣрять кому-нибудь свое разочарованіе въ любимомъ человѣкѣ!

И, когда разбиты столь дорогія иллюзіи, одни обращаются на всю жизнь въ пессимиста, и сами становятся такими же циниками, другіе же бросаются къ Богу.

Со свойственнымъ ему мастерствомъ, Тургеневъ, создавая въ своемъ «Дворянскомъ гнѣздѣ» образъ Лизы, подмѣтилъ и мимолетомъ освѣтилъ въ Лизѣ одну черту, проходящую обыкновенно незамѣченною.

Рѣшаясь идти въ монастырь, она между прочими доводами говоритъ, что знаетъ, какъ ея отецъ нажилъ состояніе... Значитъ, совсѣмъ еще молодую Лизу этотъ вопросъ волновалъ глубоко, хотя и скрытно; она чувствовала вину отца, чувствовала, что эту вину надо загладить и замолить...

И этотъ долгъ къ памяти отца есть одна изъ причинъ, приводящихъ Лизу въ монастырь на отреченную жизнь.

Подобно этому многія дѣти изъ-за какихъ-нибудь недочетовъ въ личной жизни, изъ-за отсутствія ласки родителей—изъ-за неимѣнія человѣка, которому бы они могли вполнѣ довѣриться, начинаютъ искать у Бога той поддержки и отклика, которыхъ не нашли среди людей.

Наиболѣе одаренныя въ религіозномъ отношеніи дѣти и безъ какихъ-нибудь житейскихъ испытаній сами приходятъ къ Богу.

Вотъ—пора, въ которую обозначается иногда направленіе человѣка на всю его дальнѣйшую жизнь—пора, въ которой вырабатываются привычки благочестія — пора, въ которой особенно легко религіозно вліять на молодую душу.

Въ молодости обыкновенно—главнымъ образомъ, въ средѣ школьныхъ товарищей, — завязываются дружескія связи, оказывающія на человѣка значительное вліяніе.

Большая радость въ жизни имѣть единственнаго человѣка, испытаннаго, вѣрнаго, доказавшаго вамъ свою привязанность, и, чѣмъ дольше длится дружеская связь, тѣмъ она становится крѣпче черезъ столько вмѣстѣ пережитыхъ событій, проволновавшихъ чувствъ, продуманныхъ мыслей.

Есть ли, напримѣръ, связь между людьми болѣе близкая, какъ между двумя боевыми товарищами?.. Люди, которые рядомъ стояли въ бою, одинаково подвергались опасности, одинаково бывали ранены, вмѣстѣ были на волосокъ отъ смерти и вмѣстѣ по Божьей волѣ остались жить, чтобъ еще не разъ, быть можетъ, биться въ однихъ рядахъ: развѣ они не родные! И какъ такое товарищество разнится отъ другого, которому такъ несправедливо и безправно присваивается великое имя дружбы, и которое основано на совмѣстныхъ попойкахъ и кутежахъ.

Тѣмъ свѣтлѣе товарищество, чѣмъ выше идея, объединяющая людей, и высшее товарищество и дружба—это соратничество подъ знаменами Христа.

Какимъ высокимъ идеализмомъ должны быть проникнуты тѣ мысли, какими обмѣнивается молодежь въ эту лучшую пору своей жизни, и какъ грустно, что рѣдки у насъ теперь тѣ кружки молодежи, яркимъ примѣромъ которыхъ былъ кружокъ молодого Станкевича, духъ котораго воспроизведенъ Тургеневымъ въ описаніи студенческаго кружка Покорскаго.

И тамъ, гдѣ, отдаваясь высокимъ мыслямъ и высокимъ чувствамъ, собрались говорить о всемъ благородномъ — объ искусствѣ, дѣлахъ государственныхъ, музыкѣ, наукѣ, служеніи народу: тамъ невидимо за собравшимися стоитъ Христосъ, ибо Онъ всюду, гдѣ «высокимъ сердце бьется»...

Жаль, что русская молодежь, да и не одна русская, не всегда превращаетъ идеальныя свои стремленія въ соотвѣтствующія дѣла, въ чемъ, впрочемъ, она не всегда сама виновата.

Какъ бы много, напримѣръ, могла дѣлать молодежь университетская — и даже старшихъ классовъ гимназій съ такою же учащеюся женскою молодежью, еслибъ они рѣшились предпринять что-нибудь для облегченія быта ремесленныхъ учениковъ, живущихъ въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ, часто получающихъ незаслуженные побои, слышащихъ омерзительную брань—и ни одного добраго, ласковаго слова, не говоря уже о томъ, что они стоятъ совершенно внѣ какого-нибудь религіознаго воздѣйствія.

Какъ было бы хорошо, еслибъ молодежь съ матеріальнымъ участіемъ старшихъ устроила для нихъ что-нибудь въ родѣ прежнихъ воскресныхъ школъ, которыя теперь намъ уже ненужны, такъ какъ во всѣхъ мѣстахъ съ крупнымъ населеніемъ имѣется достаточное число школъ городскихъ. Тутъ бы имъ читали что-нибудь для нихъ интересное и доступное, учили бы ихъ грамотѣ и счету. Эти нѣсколько часовъ, проводимыхъ ими подъ руководствомъ людей, одушевленныхъ желаніемъ имъ добра, явились бы свѣтлымъ лучемъ въ ихъ жизни.

Нельзя не остановиться на вопросѣ о взаимопомощи молодежи, къ какимъ бы кругамъ общества она ни принадлежала.

«Сила солому ломитъ»: какъ ни ограничены средства молодежи средне-учебныхъ, напримѣръ, заведеній: все же и эту молодежь можно было бы уже съ успѣхомъ пріучить къ дѣлу разумной благотворительности.

Вотъ, напримѣръ, такое соображеніе.

Гимназисты и гимназистки получаютъ обыкновенно столько, что, напримѣръ, двѣ копѣйки ежедневнаго расхода на доброе дѣло едва ли бы кого обременили.

Но во что превратятся эти двѣ копѣйки съ человѣка, съ многочисленнаго учебнаго заведенія—а въ столицахъ зачастую въ гимназіи бываетъ по пятисотъ и болѣе человѣкъ: полу-

чится, такимъ образомъ, отъ десяти до 15 рублей. А вѣдь на такую сумму одно изъ лучшихъ петербургскихъ благотворительныхъ обществъ — коммиссія столовыхъ «Дѣтская Помощь» — прокормитъ горячимъ обѣдомъ двѣ сотни дѣтей изъ самаго бѣднаго класса населенія, гдѣ родители не въ силахъ давать дѣтямъ горячій обѣдъ, и гдѣ дѣти питаются впроголодь и въ сухомятку.

Такимъ образомъ, еслибъ нашлись опытные и дѣятельные люди, они бы могли завести на средства учащихся такую столовую, которая бы такъ и называлась «дѣтская столовая такой-то гимназіи».

Кромѣ весьма большой пользы для накормленныхъ въ этихъ столовыхъ, а раньше голодавшихъ малышей было бы въ высшей степени важно громадное воспитательное значеніе такой столовой для молодежи.

Во-первыхъ, она бы пріучилась прелагать благородные, но безформенные порывы самоотверженія и сочувствія людямъ въ живое дѣло; во-вторыхъ, она исподволь пріучилась бы къ мысли о томъ, что преступно жить, не дѣлая ничего для другихъ, и видѣла бы на живомъ примѣрѣ, какъ при доброй волѣ, при крайне малыхъ жертвахъ, можетъ устраиваться громадное и нужное дѣло.

А сколько есть случаевъ для молодежи поддерживать бѣдныхъ товарищей.

Гимназистки 4-го класса одной изъ кавказскихъ гимназій узнали о безвыходномъ положеніи подруги, у которой была только одна безпомощная мать.

Дѣвочка не могла ни покупать книгъ, ни одѣваться, ни имѣть завтрака. Освобожденная отъ платы за ученье, она жила со своею безпомощною матерью и теткою въ ужаснѣйшей обстановкѣ, въ двухъ комнаткахъ съ глинянымъ поломъ, среди кучи грязныхъ и крикливыхъ дѣтей.

Узнавъ о такомъ ужасномъ положеніи подруги, товарки рѣшили, что ей надо помочь—и не какъ-нибудь временно, а дать ей возможность окончить курсъ. И всякій мѣсяцъ онѣ складывались для того, чтобы дать ей денегъ на необходимое платье, обувь, бѣлье, покупали сообща книги и учебныя пособія, по очереди приносили ей завтракъ, и такъ довели онѣ ее до послѣдняго класса.

Въ настоящее время эта дѣвушка состоитъ въ большомъ кавказскомъ городѣ городской учительницей и имѣетъ утѣшеніе поддерживать своимъ трудомъ старую мать.

Русская молодежь терпитъ часто крайнюю нужду, но не

рѣшается, по примѣру молодежи американской, браться за такъ называемый «черный трудъ», хотя цѣна на трудъ интеллигентный до крайности сбита.

Въ Америкѣ взглядъ на трудъ очень высокъ и—можно сказать—христіанскій. Тамъ недостаточная молодежь, проходящая высшія учебныя заведенія, не стыдится заниматься по утрамъ чисткой сапогъ или уборкой комнатъ, въ качествѣ приходящихъ слугъ, чистить трубы и такъ далѣе. И передъ окончаніемъ своего рабочаго утра вы можете видѣть молодого человѣка, быстро направляющагося въ занимаемую имъ комнату, гдѣ онъ переодѣвается, обращаясь изъ чернорабочаго въ джентльмена. Ни одна хорошая дѣвушка не измѣнитъ тамъ своего отношенія къ студенту, если увидитъ его въ его рабочемъ обрядѣ, въ минуту его чернаго труда.

При недостаточности русской учащейся молодежи и при наличіи въ университетахъ людей весьма состоятельныхъ, проживающихъ въ мѣсяцъ сотни и тысячи рублей, можно было бы ожидать, что эти богатые будутъ приходить на помощь нуждающимся товарищамъ—и деньгами, и разными другими способами.

Что стоило бы, напримѣръ, составить такой кружокъ, въ который сдавали бы свое старое платье оканчивающіе курсъ студенты, или студенты-франты, забрасывающіе платье, которое покажется еще нарядным студенту бѣдному, и гдѣ бы эта форменная одежда распредѣлялась среди нуждающихся.

При страшной дороговизнѣ жилищъ не только въ Москвѣ, Петербургѣ, Варшавѣ, но и въ такихъ меньшихъ городахъ, какъ Кіевъ, Харьковъ или Казань, было бы въ высшей степени полезно, если бы богатые студенты, проживающіе на себя въ мѣсяцъ 300—400 рублей, какую-нибудь четверть бюджета удѣляли на то, чтобы нанимать скромную квартиру, въ которой могли бы помѣщаться отъ 8—10 бѣднѣйшихъ студентовъ. Только бы желать дѣлать добро, а возможности этого добра широчайшее поле! И едва ли человѣкъ, не сумѣвшій никого жалѣть въ самую отзывчивую пору человѣческой жизни: едва ли онъ будетъ человѣколюбивѣй въ послѣдующей жизни.

. . . . . .

У русской молодежи, при всѣхъ ея высокихъ качествахъ, быстрой воспламеняемости, негодованіи предъ всякимъ насиліемъ, готовности идти на жертву за то дѣло, которое она считаетъ нужнымъ для человѣчества, есть одинъ недостатокъ, который можно назвать какой-то халатностью чувствъ.

На крѣпость привязанности иностранцевъ вы можете часто

положиться больше, чѣмъ на крѣпость привязанности русскаго человѣка.

Мнѣ извѣстны случаи, что молодые нѣмцы, бывшіе раньше въ дружескихъ отношеніяхъ, часто больше никогда въ жизни не встрѣтились, разставшись навсегда: одинъ профессоръ какого-нибудь университета въ Германіи, другой пасторъ въ Америкѣ. Но эти люди, проведшіе вмѣстѣ только гимназическіе годы, разошедшіеся по разнымъ университетамъ, потомъ вступившіе врозь въ жизнь, женившіеся, имѣвшіе дѣтей и дождавшіеся внучатъ, знаютъ все другъ о другѣ и не нарушаютъ духовнаго единенія: они ведутъ оживленную переписку.

Въ Россіи вы рѣдко встрѣтите такое явленіе. Сплошь и рядомъ спросишь какого-нибудь молодого человѣка о его студенческомъ товарищѣ, съ которымъ онъ жилъ въ одной комнатѣ, дѣлилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ горе и радость, дѣлилъ скудный кусокъ хлѣба. По окончаніи университета, года черезъ два, другъ о другѣ они не знаютъ, живъ ли товарищъ и гдѣ онъ находится. И это не по равнодушію, такъ какъ вѣдь при случайной встрѣчѣ они бросятся другъ къ другу въ объятія и будутъ другъ другу сочувствовать. Это именно какая-то небрежность и лѣнь, которая мѣшаетъ человѣку во-время написать письмо, которая вообще глубоко изъѣла русскую жизнь и такъ мѣшаетъ проявленіямъ русской несомнѣнной и высокой сердечности.

Вообще съ раннихъ лѣтъ надо постоянно подтягиваться, дѣлать не то, что хочется, а то, что должно, намѣтить себѣ линію поведенія на всю жизнь, составить себѣ незыблемые принципы и по нимъ дѣйствовать.

Человѣкъ съ сильной волей дѣйствуетъ всегда по ранѣе обдуманному плану, а не по внезапнымъ порывамъ. Одна французская пословица говоритъ, что сильный человѣкъ «дѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, что хотѣлъ». Наши поступки должны быть обдуманы въ спокойномъ состояніи, не спѣша, строго взвѣшены, и всѣ вмѣстѣ слагаться въ одну стройную и свѣтлую систему жизни.

Особенное попеченіе надо имѣть въ молодости къ тому, чтобы выработать въ себѣ высокія правила чести.

Честь — это какое-то неизъяснимое благоуханіе благороднаго человѣка, проявленіе высшихъ сторонъ духа, нѣчто возвышающееся надъ самой добродѣтелью.

Никого не обижать—это одно, а вступаться съ опасностью жизни, или съ готовностью нести за это крупныя жертвы—это поступокъ чести.

Держать себя въ толпѣ, никого не безпокоя, не проталкиваясь впередъ между женщинъ и дѣтей—это одно; а взять въ той же толпѣ подъ свое покровительство слабое существо, оберечь въ толкотнѣ женщину или ребенка—это поступокъ чести.

Ни надъ кѣмъ не издѣваться, быть со всѣми вѣжливымъ—это одно. А обличить и высмѣять человѣка, смѣющагося надъ другими, протянуть руку тому, на кого, безъ всякой съ его стороны вины, смотрятъ презрительно—это поступокъ чести.

Не отказать человѣку, который къ намъ пришелъ со своей нуждой и просилъ помочь ему,—это одно. Подмѣтить человѣческую нужду, скрывающуюся, пугливо сторонящуюся людской помощи, и придумать такой способъ выручить человѣка, который былъ бы для него не оскорбителенъ—это поступокъ чести.

Есть такіе избранные люди и друзья Божіи, которые какимъ-то внутреннимъ внушеніемъ постигаютъ—гдѣ они нужны, гдѣ требуется ихъ защита, денежная помощь, нравственная поддержка, ободреніе и которые спѣшатъ туда.

Лучше всего помогать по первому движенію сердца. И, бросаясь на это, люди воплотятъ въ себѣ завѣтъ поэта:

Гдѣ горе слышится,
Гдѣ тяжко дышится—
Будь первый тамъ...

. . . . . .

Въ пору молодости должна выработаться въ человѣкѣ та идея, которой онъ посвятитъ впослѣдствіи свою жизнь, и безъ которой жизнь такъ безцвѣтна, пуста и ничтожна.

Помимо личной своей жизни, помимо тѣхъ привязанностей, которыми человѣкъ живетъ, и которыя питаютъ его душу, у человѣка должно быть какое-нибудь любимое дѣло, какая-нибудь цѣль въ жизни, чтобы эта жизнь была не безплодной, чтобы оставить по себѣ какой-нибудь слѣдъ.

Даже ничтожныя, невысокія цѣли все же скрашиваютъ жизнь.

Одинъ не старый еще, богатый человѣкъ, страстно любившій изящныя вещи и собиравшій старинный драгоцѣнный фарфоръ, красивую старую бронзу и портреты, говорилъ: «Вотъ,

если я останусь одинокимъ, и умрутъ всѣ мои близкіе—все же мои собранія будутъ поддерживать во мнѣ интересъ къ жизни».

Какъ же высокъ долженъ быть этотъ интересъ въ тѣхъ людяхъ, которые намѣтили себѣ цѣль высокую, благую, прекрасную и къ этой цѣли идутъ, несмотря ни на какія препятствія, десятилѣтіями подбираясь къ этой цѣли, при чемъ всякое препятствіе только удваиваетъ ихъ энергію.

Вотъ, напримѣръ, человѣкъ задался цѣлью оставить послѣ себя воздвигнутый на свои трудовыя деньги храмъ. Всякое утро, просыпаясь, онъ вспоминаетъ съ радостью о тѣхъ новыхъ деньгахъ, которыя, благодаря его изворотливости и экономіи, его самоотверженности прибавились за вчерашній день къ ранѣе скопленному капиталу, и прикидываетъ въ головѣ, чѣмъ можно пополнить этотъ капиталъ сегодня. Та напряженная, улучшенная работа, которую онъ для этой цѣли исполняетъ, не утомляетъ и не ослабляетъ его, а даетъ ему много отрады, и во всякую минуту своего труда онъ съ теплымъ чувствомъ думаетъ одно: «для Тебя, Господи».

Что переживетъ онъ, когда достигнетъ своей цѣли, когда будетъ заложенъ, наконецъ, святой храмъ, станутъ вырастать изъ земли стѣны новаго святилища, вознося каждымъ кирпичемъ своимъ къ Творцу міровъ всякую каплю трудового пота, всякую минуту жизненнаго труда этого Божьяго работника!..

Или кто-нибудь замыслитъ основать какое-нибудь благотворительное учрежденіе, по тому роду помощи, который его больше всего привлекаетъ. Кто основываетъ больницы для какого-нибудь спеціальнаго недуга, отъ котораго умеръ близкій ему человѣкъ. Кто, вспоминая свое бѣдное дѣтство, ставши обезпеченнымъ, мечтаетъ о пріютѣ для бѣдныхъ дѣтей. Кто устраиваетъ общежитіе для бѣдныхъ воспитанниковъ того учебнаго заведенія, которое самъ проходилъ. Кто копитъ для стипендіи, чтобы увѣковѣчить имя близкаго человѣка. Все это одинаково высокія и благія дѣла, льющія тихій свѣтъ въ душу такого работника, дающія высокій смыслъ его жизни.

Одна идея—имѣемъ мы или нѣтъ возможность, силы или характеръ стремиться къ какому-нибудь опредѣленному большому дѣлу: одна идея должна вдохновлять насъ, опредѣлять самые наши поступки и вести насъ къ Богу.

Это—идея служенія людямъ, ежечаснаго, постояннаго, неослабнаго. Во всякомъ человѣкѣ, съ которымъ мы встрѣчаемся на жизненномъ пути, — сильномъ и слабомъ, мудромъ и глупомъ,—должны мы видѣть того Христа, Который, указывая

намъ на этого человѣка, говоритъ: »вотъ, твой братъ! И Я жду отъ тебя относительно него братскихъ поступковъ».

И этой идеѣ братской любви мы должны быть вѣрны до конца, до готовности за нее умереть.

Юность имѣетъ въ себѣ какое-то невыразимое обаяніе...

Что за великолѣпная пора! Голова полна обширными планами, сердце радужными надеждами. Всѣмъ хочется вѣрить и всѣхъ хочется обнять, всѣмъ услужить. Жизнь не принесла еще разочарованія въ собственныхъ силахъ; жизнь успѣла нарушить лишь небольшое число иллюзій.

Счастливъ тотъ человѣкъ, который прожилъ молодость по молодому, который волновался высокими чувствами, отзывался на все прекрасное, поклонялся лишь достойному, и смѣло убивалъ въ себѣ движенія тѣхъ позорныхъ страстей, которыя такъ часто омрачаютъ свѣтлый, прекрасный ликъ юности.

Но какъ жалко смотрѣть на людей часто недурныхъ, которые могли бы жить иначе, а вмѣсто того представляютъ изъ себя гнѣздилище страстей, и въ этихъ страстяхъ такъ изживаютъ всѣ свои душевныя силы, что становятся молодыми стариками. Не правда ли, какъ отвратительно это явленіе,—люди, утратившіе святой пылъ, умъ которыхъ ничѣмъ не волнуется, уста которыхъ сквозь зубы цѣдятъ пустыя и пошлыя слова и насмѣшливыя замѣчанія, люди, которые въ разслабленномъ рано тѣлѣ носятъ ограниченную душу.

И, наоборотъ, какъ отрадно видѣть человѣка, который въ старости юнъ, который не только сохранилъ, но сильнѣе разжегъ въ себѣ этотъ огонь, какимъ пылаетъ юность.

Сопоставьте какого-нибудь большого подвижника, который горитъ предъ Богомъ яркимъ свѣточемъ, въ которомъ теплится все шире и шире огонь любви къ людямъ, которому жизнь тѣсна для всего добра, исходящаго отъ души его и свѣта, разливаемаго вокругъ себя, эти его молодые глаза на изможденномъ лицѣ—и поставьте рядомъ изжившаго душу, разсѣявшаго на вѣтеръ тѣлесныя силы, ничѣмъ не интересующагося, все извѣдавшаго и всѣмъ пресытившагося, не имѣющаго за душой ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго порыва—молодого франта, и отвѣтьте, гдѣ юный и гдѣ старикъ.

Мнѣ пришлось видѣть, за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, великаго Оптинскаго старца Амвросія. Онъ изнемогалъ. Слова еле срывались съ устъ. Чувствовалось, что живъ онъ какимъ-то непостижимымъ чудомъ. И этотъ 80-лѣтній отхо-

дящій старикъ, ослабѣвшій до послѣдняго предѣла силъ человѣческихъ, терпѣвшій свою жесточайшую неисцѣлимую болѣзнь, отъ которой онъ то дрожалъ холодомъ, то его палило огнемъ, такъ что часто приходилось съ него по нѣскольку разъ въ часъ снимать бѣлье: этотъ отходящій подвижникъ сіялъ такою духовною торжествующею юностью.

Мы плачемъ, скорбимъ и жалуемся, когда видимъ дорогихъ намъ людей, которые свѣтили намъ своею лучезарною юностью и потомъ—такъ что мы этого не замѣчали—опускались, старѣлись и дошли до немощи и ослабленія, физическаго и внутренняго.

Но пусть въ этой скорби поддержитъ насъ одна великая надежда: въ вѣчномъ царствѣ мы увидимъ людей въ лучшей ихъ порѣ, мы увидимъ ихъ въ томъ расцвѣтѣ, который затоптала, смяла и исказила земля.

И вотъ, молодость отпировала свой шумный пиръ, и наступили зрѣлые годы.

Для большинства людей незамѣтенъ этотъ переходъ отъ юности къ молодости, отъ молодости къ годамъ зрѣлымъ и отъ нихъ къ началу старости.

Часто человѣкъ чувствуетъ и мыслитъ себя еще студентомъ. Большинство знакомыхъ зовутъ его уменьшительнымъ именемъ, а въ его волосахъ проглядываетъ предательская сѣдина.

Есть люди, глубоко скорбящіе объ этой самой измѣнчивости, люди, которые бы хотѣли никогда не измѣняться, застыть въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ, и чтобы вся жизнь была вокругъ нихъ неизмѣняема, чтобы оставались живыми и не старѣющими окружающіе ихъ люди, и тѣ же въ городахъ неизмѣняемы были дома, и тѣ же ихъ отношенія къ людямъ.

Не будемъ желать того, что невозможно, и смиренно подчинимся Божію распорядку, по которому жизнь вѣчно обновляется, на древѣ жизни занимается завязь будущихъ плодовъ, изъ завязи развиваются цвѣты, съ цвѣтовъ отпадаютъ лепестки, и доразвивается плодъ, а плодъ созрѣлый упадаетъ на землю.

То же и съ нашею жизнью.

Пройдемъ покорно весь путь; проживемъ тихое дѣтство съ его неясными мечтаніями, высокую, священную своими обѣщаніями юность, творческую пору зрѣлыхъ годовъ, крѣпкую и бодрую старость, умудренную житейскимъ опытомъ, и послѣ вечера жизненнаго дня, спокойно, по призыву Божію, перейдемъ къ новому высшему виду бытія.

*

Дѣтство, юность были приготовленіями къ жизни. Въ зрѣлые годы разворачивается во всю ширь дѣятельность человѣка. Эти годы даютъ немало неожиданностей.

Бываетъ, что на человѣка съ дѣтства возлагаютъ громадныя упованія, но, давъ кое-что незначительное, онъ тихо увядаетъ и оказывается пустоцвѣтомъ. Бываетъ и наоборотъ. Люди, отъ которыхъ никто не ждалъ ничего особеннаго, въ зрѣлые годы даютъ яркую, сильную дѣятельность, являются незамѣнимыми для своего дѣла. Конечно, это все неожиданности только для тѣхъ, кто ранѣе не сумѣли предугадать ту громадную подготовительную работу, которую планомѣрно вели эти люди въ юные годы.

Русскіе характеры съ ихъ порывистостью и броскостью, съ ихъ стремленіемъ устроить себѣ изъ жизни сплошной праздникъ,—рѣдко сдерживаютъ тѣ обѣщанія, какія возлагаются на нихъ въ раннюю пору.

Мнѣ пришлось слышать недавно признаніе отъ серьезнаго человѣка, приближающагося къ 30 годамъ и состоящаго при важномъ государственномъ дѣлѣ, которое требуетъ отъ своихъ работниковъ большой честности и большого вниманія. Ему приходится бороться съ недобросовѣстностью людей, которые желаютъ набить свои карманы, хотя такая дѣятельность ихъ клонится къ государственному ущербу и подготовляетъ въ будущемъ великую государственную катастрофу. Ему предлагали значительныя выгоды, чтобы на многое смотрѣть сквозь пальцы и не мѣшать этимъ хищникамъ. Онъ отклонилъ это. Ему предлагали на тройной противъ того, что онъ получаетъ, окладъ перейти въ другое учрежденіе. Онъ сказалъ, что дѣло это его интересуетъ, а про себя подумалъ, что другой не станетъ такъ, какъ онъ, отстаивать интересы родины, и остался.

Вотъ—характеръ, какимъ долженъ быть характеръ всякаго мужчины. Вотъ, тотъ взглядъ на дѣло, которому служишь, являющійся единственнымъ вѣрнымъ взглядомъ.

Если же этотъ человѣкъ является надежнымъ человѣкомъ, то потому, что онъ съ раннихъ лѣтъ слѣдилъ за собою и напрягалъ къ добру свои усилія тамъ, гдѣ другіе вели себя кое-какъ.

Пока другіе «учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь», онъ, кромѣ классныхъ занятій—окончилъ курсъ классической гимназіи несмѣняемымъ первымъ ученикомъ съ золотою медалью—много читалъ книгъ и широко образовалъ себя, помимо своей спеціальности, въ общемъ значеніи этого слова. Онъ не знаетъ до сихъ поръ, что значитъ капля водки

или вина, всегда ведетъ размѣренный образъ жизни, во-время ложась и рано вставая, много двигаясь и не давая себѣ излишней пищи. Онъ выработалъ изъ себя прекрасный инструментъ для труда, несмотря на свои годы и на окружающіе его нравы, доселѣ сохранилъ ту же чистую жизнь, какимъ былъ въ 10 лѣтъ.

А вокругъ его товарищи какіе?

Товарищи, которые засиживаются за ужиномъ до поздняго часа и являются къ своему труду съ отяжелѣвшей головой, и, проведя предыдущій вечеръ въ бездѣльи, какъ-то инстинктивно тянутся къ тому же бездѣлью и на слѣдующій день.

Легкіе разговоры. Легкія мысли, низменные интересы, чтеніе какихъ-нибудь юмористическихъ журналовъ или бульварныхъ романовъ съ пакостной начинкой. Вмѣсто серьезной высокой любви, мимолетныя отношенія съ доступными женщинами или тягучая и унизительная связь съ увлеченными ихъ относительной свѣжестью, гораздо болѣе старшими ихъ женщинами.

Вотъ, два различныхъ типа, и который изъ двухъ родовъ людей оставитъ по себѣ болѣе глубокій и видный слѣдъ въ жизни?

ГЛАВА II.

Семья.

Люди зрѣлаго возраста являются, въ большинствѣ, семейными людьми.

Въ прежнее время люди холостые встрѣчались рѣже, чѣмъ теперь. Отчасти дороговизна жизни, отчасти разнузданность, желаніе сорвать въ жизни цвѣты удовольствія, а не брать на себя тяжелыхъ обязанностей, является причиной того, что число браковъ не растетъ пропорціонально съ ростомъ населенія, и, что ужасно, количество рожденій въ семьяхъ падаетъ.

Говоря о бракахъ, было уже описано, съ какою непродуманностью, съ какимъ легкомысліемъ заключаются у насъ браки, по мгновенно вспыхнувшей чувственности вмѣсто того, чтобы являться результатомъ глубокой душевной склонности.

Очень жаль, что современная жизнь построена такъ, что въ среднемъ быту два молодыхъ существа, чувствующихъ другъ къ другу сильное тяготѣніе, лишены возможности, въ большинствѣ случаевъ, вступить въ бракъ. И вмѣсто того, чтобы положить начало здоровой семьѣ, въ которой дѣти, происходя отъ здоровыхъ родителей, соединяющихся по взаимной любви, бу-

дутъ крѣпки и здоровы—мужчина ищетъ привязанности на сторонѣ, въ то время, какъ любимая имъ дѣвушка вянетъ, не соединившись съ нимъ. И часто, когда онъ получаетъ возможность содержать семью, судьба уже развела ихъ въ разныя стороны. Онъ, усвоивъ привычки неправильной жизни, уклоняется отъ брака, а женится, можетъ быть, впослѣдствіи, болѣе изъ выгоды, чѣмъ изъ склонности; образуется семья не нормальная, въ которой и дѣти не могутъ быть такъ удачны, какъ дѣти отъ здороваго брака молодыхъ, свѣжихъ и любящихъ другъ друга родителей.

Въ высшей степени желательно, чтобъ общество, сознавъ, какая заключается опасность въ такомъ положеніи дѣла, объединилось для того, чтобы оказывать помощь бракамъ мало обезпеченной молодежи. Теперь учатся, напримѣръ, студенты-спеціалисты до 30 лѣтъ—самая лучшая брачная пора. И какъ же никто не пожалѣетъ эту молодежь, которая лишена возможности жить нормальною жизнью, и не придутъ къ ней на помощь!

Часто какой-нибудь студентъ и курсистка, или другая какая-нибудь образованная барышня имѣютъ почти достаточно для того, чтобы обвѣнчаться. Но имъ не на что пріобрѣсти всей нужной для семьи обстановки, трудно будетъ справляться со всѣми расходами, которые повлечетъ рожденіе ребенка. Но вѣдь сила страны въ его народонаселеніи. Всякій, собирающійся зажить нормальнымъ образомъ и образовать нормальную семью съ большимъ количествомъ дѣтей, что совершенно соотвѣтствуетъ и заповѣди, данной Богомъ, при созданіи міра—размножаться и населять землю,—долженъ вызывать сочувствіе государства и общества. Онъ долженъ видѣть не только душевное себѣ сочувствіе, но и мудрую о себѣ заботливость. Должна быть учреждена при широкой поддержкѣ государства вспомогательная касса для студенчества и молодого чиновничества, желающаго вступить въ бракъ, а также для служащихъ въ разныхъ предпріятіяхъ, которые имѣютъ ту же цѣль и не имѣютъ достаточнаго обзаведенія для перваго раза. Должны быть облегчены роды для ихъ женъ, и, въ случаѣ невозможности родителей содержать ихъ дѣтей, эти дѣти должны воспитывается государствомъ, пока родители не будутъ въ состояніи сами о нихъ заботиться.

Въ послѣднее время, по мысли Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, возникло драгоцѣнное движеніе въ пользу материнства и дѣтства.

Страшныя обстоятельства современной жизни не позво-

ляютъ многимъ лицамъ вступать въ бракъ и являются началомъ многихъ внѣбрачныхъ сожительствъ, гдѣ дѣти часто являются помѣхой. На этой почвѣ происходитъ убійство дѣтей, которыхъ матерямъ некуда дѣть. Охрана материнства и дѣтства имѣетъ въ виду отвратить этотъ ужасъ и говоритъ матерямъ-дѣвушкамъ и всѣмъ матерямъ, не имѣющимъ достаточнаго благоденствія, чтобы рождать и выращивать своего ребенка дома: «иди ко мнѣ, я уважаю твое материнство, цѣню твоего ребенка и окажу вамъ обоимъ помощь и содѣйствіе».

Это дѣло святое, важное и нужное. Дай Богъ ему полнаго успѣха и широкаго распространенія.

Очень сложенъ и широкъ вопросъ о семьѣ, являющійся великимъ вопросомъ общественности. Тутъ часто приходится сравнивать, какъ жили люди прежде и какъ живутъ теперь.

Казалось бы, если у родителей есть квартира и достаточное помѣщеніе, то дѣтямъ ихъ облегчено вступленіе въ бракъ. Была въ отцовской квартирѣ у молодого человѣка отдѣльная комната. Прекрасно, годъ—два, много три до окончанія курса ему можно прожить въ ней со своей женой, а также и съ будущимъ ребенкомъ. И сколько такая совмѣстная жизнь съэкономитъ расходовъ противъ того, какъ если бы молодые жили отдѣльно. Но нѣтъ; ждутъ возможности зажить отдѣльнымъ хозяйствомъ «потому что родители стѣсняютъ».

Вспомнимъ окончаніе «Войны и мира» Льва Толстого...

Какъ великолѣпенъ этотъ уютъ большого деревенскаго жилья, гдѣ живетъ разомъ нѣсколько семей. Тутъ и Николай Ростовъ со своимъ семействомъ и маленькимъ племянникомъ Николенькой Волконскимъ, тутъ и сестра его графиня Безухая съ семьей, и родственница ихъ Соня. Всѣ уживаются подъ одной крышей. Но какъ рѣдко вы встрѣтите теперь, чтобы въ зажиточныхъ семьяхъ, какъ бы ни были у нихъ обширны квартиры, помѣщались одновременно родители съ ихъ женатыми дѣтьми и замужними дочерьми, чтобы за обѣденный столъ садилось нѣсколько десятковъ лицъ, чтобы это былъ оживленный, многолюдный, сильный и дружный семейный улей.

И все это происходитъ оттого, что молодежь не хочетъ подчиниться старшимъ, и лучше будетъ прозябать въ какихъ-нибудь неуютныхъ меблированныхъ комнатахъ, чѣмъ пользоваться домашнимъ уютомъ, но съ наложеніемъ нѣкоторыхъ обязанностей относительно главы семьи.

Не научась почитать старшихъ, такіе супруги тѣмъ менѣе научатся уважать другъ друга.

Любви и взаимнаго тяготѣнія еще мало для согласія въ

семейной жизни: нужно взаимное уваженіе. У людей различнаго характера едва ли можетъ быть во всемъ сходный взглядъ. И какъ нужна тутъ та драгоцѣнная терпимость, отсутствіе которой явится причиной постоянныхъ недоразумѣній, столкновеній, ссоръ, въ изрядномъ количествѣ образующихъ совершенно невыносимую семейную атмосферу.

Въ наше время какую-то трещину получили отношенія родителей и дѣтей.

Замѣчаютъ, что заповѣди о почтеніи къ родителямъ Господь придаетъ столь исключительное значеніе, что за исполненіе этой заповѣди люди удостаиваются награды еще здѣсь на землѣ, а за нарушеніе ея Господь караетъ еще тоже на землѣ. Слова Писанія: «благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же матерня искореняетъ до основанія»— эти слова сбываются надъ дѣтьми самымъ разительнымъ, несомнѣннымъ образомъ. Есть замѣчательный разсказъ о родительскомъ благословеніи.

Одному деревенскому мальчику плохо жилось дома изъ-за постоянныхъ несправедливостей къ нему со стороны матери. Она его всячески преслѣдовала, постоянно за все корила, хотя онъ былъ мальчикъ трудолюбивый и ей ни въ чемъ не прекословилъ. Жизнь его была такъ тяжела, что онъ рѣшилъ идти изъ дому на заработки. Собравшись совсѣмъ въ путь-дорогу, онъ попросилъ у матери благословить его. Злая женщина не смягчилась и въ минуту разставанья съ сыномъ, который видѣлъ отъ нея такъ мало сладкаго,—вмѣсто того, чтобъ благословить его образомъ, въ сердцахъ крикнула: «вотъ, тебѣ мое благословеніе» и при этомъ швырнула въ сына полѣномъ.

И тотъ не осудилъ своей матери. Добрый мальчикъ поклонился ей въ ноги и произнесъ: «спасибо, матушка, на твоемъ благословеніи» и потихонько вышелъ изъ родительскаго дома.

Это былъ человѣкъ большой вѣры; напрягая душевныя свои силы, онъ заставлялъ себя не осуждать свою мать. Полѣно, которое она въ сердцахъ въ него бросила, онъ считалъ за ея благословеніе. Опредѣлившись въ мастерство, онъ старался скопить достаточно, чтобы заказать иконописцу написать простой образъ на части принесеннаго съ собою изъ дома полѣна. Этотъ образъ принесъ ему счастье: хорошій работникъ, онъ быстро выучился ремеслу, былъ оцѣненъ хозяиномъ и въ зрѣлые годы сталъ самъ хозяиномъ большого заведенія.

Вотъ, какъ по вѣрѣ этого гонимаго и великодушнаго сына просіяло надъ нимъ исполненіе великаго завѣтнаго слова о родительскомъ благословеніи. Извѣстны, съ другой стороны, слу-

чаи страшнаго оправданія въ жизни дѣтей и потомковъ вообще родительской клятвы.

Въ Москвѣ была богатая, знатная семья, въ которой состоялся одинъ бракъ противъ воли родителей. Когда молодые пріѣхали къ родителямъ, чтобъ броситься имъ въ ноги и просить прощенія, родители вышли къ нимъ навстрѣчу съ образами въ рукахъ и торжественно ихъ прокляли. Можно прослѣдить на нѣсколькихъ поколѣніяхъ судьбу потомства этого брака.

Всюду, куда они вступали, они приносили съ собой несчастье. Мнѣ довелось знать судьбу одного поколѣнія,—двухъ сестеръ и брата.

Одна сестра вышла замужъ за богатаго человѣка, но въ скоромъ времени онъ сталъ быстро разоряться, двое изъ дѣтей ея были сумасшедшими, одинъ застрѣлился. Дочь вышла замужъ и жила сперва счастливо, но въ нестарые еще годы мужъ ея, осматривая производившуюся въ усадьбѣ постройку, по неосторожности упалъ съ лѣсовъ и на мѣстѣ расшибся на смерть. Дѣтей у нихъ не было и съ этой стороны потомство прекратилось.

Другая сестра вышла за человѣка, который, происходя тоже изъ очень богатой, видной семьи, провелъ жизнь несчастно, взялся за предпріятія, которыя лопнули и былъ отданъ подъ судъ. Сынъ его сдѣлалъ блестящую партію, но жена его убѣжала съ другимъ, оставивъ ему на рукахъ сына; самъ онъ теперь умеръ, а сынъ этотъ, какъ я слышалъ, тоже несчастливъ.

Дочь его была помолвлена за богатаго молодого помѣщика и черезъ 8 дней послѣ свадьбы—дѣло было въ апрѣлѣ—катаясь съ мужемъ въ деревнѣ, упала вмѣстѣ съ экипажемъ въ разлившуюся рѣку и потонула.

Наконецъ, потомство брата этихъ двухъ сестеръ тоже находилось подъ вліяніемъ какого-то злого рока. Жена его, несмотря на то, что у нихъ было человѣкъ шесть дѣтей, оставила его и обвѣнчалась съ другимъ. Дѣти его не заняли того положенія, на которое могли разсчитывать по состоянію и блеску ихъ семьи. Нѣсколько изъ нихъ погибло на войнѣ, состояніе ихъ таяло. Дочь его вышла за человѣка изъ очень богатой семьи, которая, съ вступленіемъ къ нимъ этой дѣвушки, стала разоряться и теперь состояніе свелось совсѣмъ на нѣтъ.

Вотъ, еще случай... Одна мать, оскорбленная дочерью — дѣло было болѣе ста лѣтъ назадъ—прокляла ее и предсказала, что въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній всѣ женщины, въ ихъ

родѣ будутъ несчастны въ замужествѣ, и всякая старшая дочь старшей дочери будетъ умирать въ родахъ... И что же: страшное предсказаніе сбылось слово въ слово.

Дурное отношеніе къ родителямъ — есть верхъ неблагодарности.

Сколько терпитъ мать, рождая дѣтей,—какія невыносимыя страданія, угрожающія жизни и нерѣдко на весь остальной вѣкъ въ конецъ разстраивающія здоровье дотолѣ цвѣтущей и сильной матери. Если перечислить всѣ тѣ безсонныя ночи, которыя она проводила надъ ребенкомъ, постоянную тревогу, отстаиваніе, грудь грудью, ребенка отъ смерти въ разныхъ болѣзняхъ, приходящихъ столь внезапно, столь непонятно, несмотря на самый заботливый уходъ, волненія за судьбу ребенка изъ-за дурныхъ сторонъ его характера и обозначающихся въ немъ пороковъ, глухое безпокойство, когда мать чувствуетъ за подростающими дѣтьми чье-нибудь вредное постороннее вліяніе, не можетъ его еще объяснить и открыть, но чуетъ его духомъ; такія страшныя терзанія, какъ объявленіе сына въ богатой семьѣ о значительныхъ, въ короткое время надѣланныхъ долгахъ, какъ связь его съ дурной женщиной, тяжкое паденіе дочери; какъ все это ужасно, какая во всемъ этомъ несмѣняемая Голгоѳа матерей!

Человѣкъ, у котораго срывается грубое, рѣзкое слово противъ родителей, пусть вспомнитъ о томъ, какъ его мать просиживала ночи у его изголовья, какъ не было минуты въ ея жизни, чтобъ она не думала о немъ, не старалась его чѣмъ-нибудь утѣшить и порадовать, не готова была за него распяться.

О, эта безграничность всепрощающей материнской любви! Въ одномъ фантастическомъ образѣ, неотразимо дѣйствующемъ, несмотря на омерзительность происходившаго, французскій поэтъ выставляетъ всю силу безкорыстной всепрощающей материнской любви.

Одному парню, влюбленному въ недостойную дѣвушку, дѣвушка эта, желая получить отъ него необыкновенный знакъ его привязанности, говоритъ ему: «вырѣжь сердце твоей матери и принеси мнѣ»... Сынъ исполняетъ злодѣйское дѣло, и бѣжитъ къ своей возлюбленной съ этимъ страшнымъ даромъ. По дорогѣ онъ спотыкается и роняетъ сердце, и это материнское сердце, вырѣзанное для удовлетворенія страшной прихоти, вдругъ затрепетало и говоритъ: «Дитя мое, не ушибся ли ты!».

И послѣ того, какъ родители, цѣною подчасъ непосильныхъ жертвъ, выращиваютъ своихъ дѣтей, и дѣти станутъ на ноги: чаще всего дѣти откалываются отъ родителей, устраи-

ваютъ свой новый очагъ и отдаютъ свою привязанность другой женщинѣ,—избранной имъ женѣ и своимъ дѣтямъ. Печально, но естественно и соотвѣтствуетъ словамъ Писанія: «да оставитъ человѣкъ отца и матерь и прилѣпится къ женѣ своей»...

Послѣ всѣхъ пережитыхъ за дѣтей тревогъ и волненій, какая новая тревога, и новое волненіе, думать о томъ, найдетъ ли любимый ребенокъ счастье въ бракѣ, друга ли встрѣтитъ она въ своемъ мужѣ или онъ въ своей женѣ, или она найдетъ въ немъ изверга и тирана, а онъ вздорное себялюбивое существо, которое будетъ думать обо всемъ, кромѣ счастья мужа. И часто родительскія страданія ожесточаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше идетъ время, и смерть родителей омрачена сознаніемъ, что дѣтей впереди не ждетъ ничего, кромѣ горя.

А что сказать о томъ ужасѣ, когда родители, люди прекрасные и добродѣтельные, видятъ, что дѣти ихъ нравственно гибнутъ, что исключительныя способности, данныя имъ Богомъ, пущены ими по вѣтру, что нѣтъ болѣе никакой надежды на ихъ спасеніе, и паденіе совершается все болѣе глубоко и стремительно?

Что дѣлать, если родители отдалены отъ дѣтей большимъ пространствомъ и не могутъ до нихъ добраться, а слухи о дѣтяхъ доходятъ все болѣе и болѣе ужасные и терзающіе? Что дѣлать, если родители слышатъ, что дѣти измѣнили послѣднимъ правиламъ чести и совершаютъ такія дѣла, что родителямъ было бы слаще схоронить своего ребенка, чѣмъ оставлять его такимъ, какимъ онъ сталъ.

Эти осложненія жизни были бы совершенно безпросвѣтны, если бы у родителей, какъ у всякаго страдающаго, не было одного великаго орудія—молитвы.

Пусть въ такомъ горькомъ положеніи родители вопіютъ къ Богу, какъ нѣкогда вопіяла ко Христу о спасеніи своей зло бѣсновавшейся дочери и добилась того, что была услышана, жена хананеянка. Быть можетъ, Господь попускаетъ потому искушаться дѣтямъ, чтобы сдѣлать ихъ дважды дѣтьми своихъ родителей, дѣтьми по плоти и дѣтьми по духу. Такъ, Богъ повторяетъ въ повѣсти ихъ жизни чудную повѣсть блаженнаго Августина и матери его Моники. Воспитавъ сына въ вѣрѣ и благочестіи и зная, какъ знаетъ одна мать, всѣ великія дарованія Августина, Моника принуждена была видѣть, какъ сынъ ея черезъ дурное товарищество развратился и сталъ еретикомъ. Не дни, не недѣли и не мѣсяцы, а долгіе годы Моника вопіяла къ Богу, и вопль ея былъ, наконецъ, услышанъ. Онъ былъ ею дважды рожденъ, ея Августинъ: рожденъ въ мукахъ рожде-

нія, рожденъ въ слезахъ молитвы. И, быть можетъ, для того такъ страдала великая душа Моники, и для того попустилъ Богъ искуситься славному учителю Церкви, чтобы воздвигнуть въ лицѣ Моники примѣръ и образецъ для будущихъ вѣковъ и поколѣній того, чѣмъ должна быть материнская молитва, и какъ матери могутъ спасать своихъ дѣтей.

Пусть матери, лишенныя даже возможности непосредственно дѣйствовать на дѣтей, просятъ Бога замѣнить ихъ присутствіе Своимъ святымъ, животворящимъ и возрождающимъ присутствіемъ. Пусть онѣ съ дерзновеніемъ скажутъ: «Я отъ него удалена, я не могу ему ничего говорить; такъ Ты внушай ему тѣ глаголы, которые мнѣ хотѣлось бы ему передать и еще большіе и лучшіе глаголы... За мою муку дай мнѣ упованіе, что онъ будетъ спасенъ... Неужели я одна отойду отъ Тебя не услышанной, и Ты откажешь мнѣ въ томъ единственномъ, для чего я живу,—въ спокойствіи за судьбу сына моего».

Въ наше время и въ крестьянской средѣ и въ другихъ сословіяхъ—замѣчается возростаніе чувства неуваженія къ родителямъ. Въ деревняхъ среди населенія безобразно пьянствующаго, озвѣрѣлаго происходятъ такія явленія, о которыхъ страшно вспоминать и еще страшнѣй говорить, такъ какъ есть слова, которыя жгутъ произносящія ихъ уста.

Возможно ли,—напримѣръ, спокойно думать о томъ, что нерѣдки случаи, когда дѣти бьютъ своихъ родителей, а взрослые сильные сыновья таскаютъ за бороды слабѣющихъ стариковъ. Помимо кротости и увѣщанія здѣсь должно примѣнить къ озвѣрѣвшимъ дѣтямъ самыя жестокія смирительныя наказанія. Они заслуживаютъ того, чтобы ихъ выставлять на позоръ передъ всѣмъ селомъ, передъ всей волостью, въ назначенные дни выставлять ихъ со скованными ногами и руками у позорнаго столба, гдѣ всякій могъ бы въ нихъ плевать и ихъ ударять.

Неуваженіе къ родителямъ есть вещь, которая должна быть вырвана съ корнемъ, такъ какъ оно совершенно не терпимо и подтачиваетъ самыя основы жизни. Приходилось великому Саровскому старцу Серафиму слушать, какъ дѣти осуждаютъ родителей. Онъ проникался такимъ ужасомъ предъ этимъ явленіемъ, что немедленно закрывалъ говорившему ротъ рукой.

Какъ часто при жизни дѣти не достаточно почтительны къ своимъ родителямъ, не довольно заботливы, хотя родители не прихотливы и довольствуются малымъ, не получая отъ дѣтей

и этого малаго. Не цѣнятъ дѣти любви и заботы родителей, часто грубо отвѣчаютъ имъ, когда родители ласково ихъ о чемъ-нибудь спрашиваютъ.

Между тѣмъ—въ дѣйствительности, нѣтъ у дѣтей лучшихъ друзей, помощниковъ, покровителей, какъ родители, и едва ли когда встрѣтятъ они эту мало требующую, все прощающую, все дающую любовь. Только, когда сырая земля скроетъ родителей, замолкнетъ навсегда этотъ голосъ, умѣвшій для дѣтей быть столь нѣжнымъ и ласковымъ, закроются глаза, всматривавшіеся съ такою любовью и такъ пристально въ родную жизнь дѣтей: только тогда, когда человѣкъ лишенный любви, которою онъ пренебрегалъ, почувствуетъ свое сиротство и ея незамѣнимость,—только тогда поздно и безплодно оцѣниваютъ дѣти эту любовь, которой они лишились навсегда, и шепчетъ тогда имъ роковой голосъ: «поздно, поздно, поздно». Что сдѣлали вы надъ собой, бѣдныя заблуждающіяся дѣти? Зачѣмъ нарушили ту заповѣдь, которую исполнять, казалось, такъ легко и сладостно, зачѣмъ отвратились отъ вашихъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ друзей, зачѣмъ за все то безцѣнное, чѣмъ вы имъ обязаны, отплатили черною неблагодарностью? Если въ васъ есть хоть и позднее раскаяніе, то загладьте заботой о ихъ памяти ваши непоправимыя предъ ними вины. Поминайте ихъ въ молитвахъ, призывайте ихъ къ себѣ на помощь, ибо они не перестаютъ смотрѣть на васъ и думать о васъ такъ же; только стали теперь, въ новомъ видѣ бытія своего, сильнѣй и прозорливѣй. Это дѣло любви будетъ имъ мило и утѣшительно, и вы возстановите то, что такъ легкомысленно нарушили раньше.

У кого родители еще живы—пусть тотъ помнитъ этотъ завѣтъ Божій о почитаніи родителей и пусть знаетъ, что внѣ вѣрности, послушанія и почтенія родителямъ счастья нѣтъ.

Люди не должны смущаться тѣмъ, что иногда съ ними у родителей нѣтъ желаемаго духовнаго общенія, что они во многомъ смотрятъ на вещи врозь, что они часто разномыслятъ въ самыхъ существенныхъ вопросахъ религіи.

Одинъ серьезный человѣкъ жаловался нѣкоему великому старцу на то, что онъ не чувствуетъ нравственной близости къ родителямъ и боится осужденія за это.

Старецъ сказалъ этому вопрошающему:

— Прочтите пятую заповѣдь.

— Чти отца твоего и матерь твою,—читаетъ тотъ.

— Остановитесь,—сказалъ старецъ, прочтите первыя слова.

— Чти отца твоего.

— Повторите первое слово,—сказалъ старецъ.

— Чти.

— Поняли?—спросилъ тогда старецъ.

— Да, понялъ,—отвѣчалъ онъ.

Онъ понялъ, что Богъ требуетъ почтительнаго, заботливаго и уважительнаго отношенія къ родителямъ, независимо отъ того, есть ли у человѣка съ родителями душевная близость, и не осуждаетъ человѣка за отсутствіе этой духовной близости съ родителями.

Есть государственный законъ, который обязываетъ дѣтей содержать своихъ безпомощныхъ родителей.

Такимъ образомъ, отецъ, оставленный дѣтьми безъ всякой помощи, можетъ искать съ нихъ содержаніе судомъ. Но что сказать о такихъ дѣтяхъ, которыя иначе, какъ по опредѣленію суда, не хотятъ кормить своихъ родителей?

Извѣстны случаи, когда вполнѣ обезпеченныя и богатыя дѣти выгоняли родителей изъ своего дома. Такія дѣла относятся къ мерзостнѣйшимъ дѣламъ, о которыхъ когда-либо было слышано. Мнѣ разсказывали, что въ одной изъ польскихъ губерній есть большое имѣніе, въ которомъ доселѣ хозяева видятъ маленькую разгнѣванную старуху, внезапно появляющуюся и такъ же внезапно исчезающую. Эта несчастная душа—блуждающая душа прогнанной и оскорбленной матери. Послѣ смерти своего отца, дѣти, получивъ въ наслѣдство имѣніе, приказали своей матери, у которой не было другого пріюта, оставить усадьбу. Мать подчинилась рѣшенію; но, дойдя до пригорка, съ котораго открывался видъ на усадьбу, она обернулась къ дому и прокляла своихъ дѣтей, а такъ же и тѣхъ, кто будетъ владѣть этимъ имѣніемъ... Дѣйствительно, владѣніе этимъ имѣніемъ приноситъ несчастье; разгнѣванную старуху видѣла тамъ моя знакомая польская дама, которая мнѣ объ этомъ явленіи разсказывала.

Какъ отрадно, съ другой стороны, смотрѣть на дѣтей, которыя окружаютъ родителей своихъ величайшимъ уваженіемъ, не знаютъ, какъ говорится, какъ и чѣмъ ихъ почтить.

Мнѣ пришлось быть въ домѣ одного богатѣйшаго промышленника, состояніе котораго насчитывалось десятками милліоновъ. Начало этому состоянію положилъ его отецъ, простой крестьянинъ. Сынъ былъ женатъ на дворянкѣ старой семьи, говорилъ на европейскихъ языкахъ, дочери его были замужемъ за титулованными гвардейцами. Но на первомъ мѣстѣ въ домѣ сидѣла его мать, носившая простонародное имя, женщина

едва ли не безграмотная, но съ большимъ достоинствомъ. И, какіе бы высокопоставленные гости въ этомъ домѣ ни были, хозяинъ неизмѣнно подводилъ ихъ къ своей матери и почтительно ихъ ей представлялъ. И со своимъ простымъ русскимъ смысломъ, спокойными движеніями, высокая кряжистая здоровая еще старуха не казалась среди этого избраннаго общества не на своемъ мѣстѣ и, конечно, уваженіе къ ней ея сына только поднимало его въ глазахъ общества.

Мнѣ разсказывали еще о томъ, какъ трогательно было видѣть знаменитаго русскаго поэта и публициста Ивана Сергѣевича Аксакова въ церкви съ его престарѣлою матерью. Приведя подъ руку эту вдову знаменитаго автора «Дѣтства Багрова внука» въ храмъ, сынъ всегда добывалъ стулъ для старушки, заботливо снималъ съ нея верхнее платье, все время наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ей удобно было стоять—однимъ словомъ, какъ говорится, дрожалъ за нее.

Болѣе того, люди, привязанные къ своимъ родителямъ, съ особымъ уваженіемъ относятся къ старикамъ и старухамъ, такъ какъ представляютъ себѣ, что вотъ, можетъ быть, мой отецъ или моя мать сейчасъ тоже нуждаются въ чьей-нибудь помощи и поддержкѣ, и какой-нибудь встрѣчный человѣкъ оказываетъ имъ ту же заботу, какую я теперь оказываю этому старику или старухѣ.

Необходимо отмѣтить тутъ большую неправильность, которая почти всегда существуетъ въ семьяхъ между матерью мужа и молодой женой.

Рѣдко, рѣдко, когда эти отношенія бываютъ естественны, проникнуты съ одной стороны доброжелательствомъ, съ другой—уваженіемъ.

Вышедши замужъ, молодая должна помнить, что мать есть всегда мать, и, если она любитъ своего мужа, то какъ не быть ей благодарной тѣмъ людямъ, которые этого мужа ея вырастили и поставили на ноги. Она должна помнить, что женитьба сына, съ одной стороны представляющая для матери и отца радость и надежду на продолженіе рода, съ другой стороны всегда болѣзненна, ибо сынъ отдаляется отъ семьи и образуетъ свою семью, которая для него станетъ ближе и дороже его родителей.

Большую, хотя въ большинствѣ случаевъ тщательно скрываемую, трагедію переживаютъ родители при женитьбѣ сына. И неужели же слѣдуетъ растравлять и безъ того болѣзнующія сердца тѣмъ, что нареченная дочь будетъ относиться къ родителямъ свысока, холодно и выставлять предъ ними любовь къ

себѣ своего мужа въ ущербъ имъ, старикамъ. Нерѣдко въ такихъ отношеніяхъ виновны обѣ стороны. Съ одной стороны молодая женщина, вошедшая въ семью, не хочетъ признавать авторитетъ родителей своего мужа, считаетъ себя совершенно независимой отъ матери, хотя какъ христіанское смиреніе, такъ и хорошее воспитаніе требуютъ, чтобы она заботилась о нихъ, окружала ихъ вниманіемъ и—въ чемъ возможно, что не противорѣчитъ справедливости,—подчинялась имъ. Съ другой стороны родители часто стараются стать между мужемъ и женой, что составляетъ глубочайшую ошибку и неправильность. Но, какъ бы ни была умна и сердечна женщина, она всегда сумѣетъ поставить себя къ роднымъ мужа въ надлежащія отношенія...

Если часто дѣти бываютъ виновны передъ родителями, то съ другой стороны и родители не всегда правы передъ дѣтьми. Можно ли сказать, что дѣти окружены всегда и всюду той заботой, которой они заслуживаютъ уже по одному своему возрасту и своей безпомощности? Можно ли сказать, что мать посвящаетъ дѣтямъ все свое время, а не растрачиваетъ его въ безплодныхъ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ, если не въ любовныхъ похожденіяхъ, въ то время, когда дѣти сданы на руки чужимъ воспитателямъ и воспитательницамъ, взятымъ въ домъ безъ разбора, и часто имѣющимъ на судьбу дѣтей самое плачевное и грустное вліяніе? Кто не видалъ такихъ семей, гдѣ въ парадныхъ комнатахъ нарядно, а въ дѣтскихъ хаосъ и безпорядокъ? Кто не слыхалъ о томъ, какъ люди для гостей ничего не жалѣютъ, а дѣтей своихъ держатъ впроголодь? Извѣстны случаи, что въ домахъ, гдѣ бывали большіе пріемы, стоившіе много денегъ родителямъ, дѣтей кормили такъ скудно, что они всѣ вышли какими-то болѣзненными, и только, сами ставши на ноги и своимъ трудомъ получая средства къ жизни, стали подкармливать себя за прошлое. Но прошлаго не наверстаешь. Эти люди изъ нервныхъ и худосочныхъ не станутъ никогда такъ здоровы, какими были бы они, если бы ихъ окружали въ дѣтствѣ заботой.

Родители часто сами не хотятъ вникнуть во внутренній міръ своихъ дѣтей, узнать ихъ душу, относятся къ дѣтямъ съ одинаковыми требованіями, совершенно не разбираясь въ ихъ характерахъ, склонностяхъ и настроеніяхъ.

Если много слезъ проливаютъ родители изъ-за подрастающихъ дѣтей, то не мало слезъ льютъ и дѣти изъ-за своихъ родителей. Мнѣ извѣстны случаи, когда родители тратили на себя,

на свои увеселенія большія деньги, ежегодно совершали заграничныя поѣздки, но ни разу не подарили дѣтямъ того, что дѣти по склонности своей хотѣли бы имѣть; одному книгу по той отрасли, которая его интересуетъ; другому принадлежность для собиранія бабочекъ; третьему—удочку,—все это надо было выпрашивать и выклянчивать.

Я знавалъ такіе случаи, что дѣти интересовались литературой, обожали книги. У родителей стояли цѣлыя тысячи томовъ интересныхъ книгъ, запертыхъ въ шкафахъ, и, несмотря на просьбу дѣтей, они ихъ къ этимъ шкафамъ не подпускали. Главная, въ большинствѣ случаевъ, вина родителей это то, что всякій человѣкъ представляетъ собою, даже въ дѣтскую пору, отличный отъ другого и довольно ясно обозначенный мірокъ, и вотъ, къ этимъ особенностямъ своихъ дѣтей родители не желаютъ приглядѣться, отчего дѣти не мало теряютъ.

Приходилось видать такіе случаи.

Богатая семья, владѣющая большимъ помѣстьемъ, живетъ въ Петербургѣ. При окончаніи курса кто-нибудь изъ сыновей выразилъ страстное желаніе сѣсть на землю, хозяйничать. Родители требуютъ, чтобы служилъ въ Петербургской канцеляріи, ѣздилъ, что называется, въ свѣтъ; сынъ подчиняется давленію и вмѣсто того, чтобы изъ него вышелъ убѣжденный работникъ на нивѣ народной, какъ онъ рисовалъ свою жизнь, обращается въ зауряднаго петербургскаго бюрократа, мало интересуясь своимъ дѣломъ, и жизнь, что называется, несмотря на внѣшнія удачи, идетъ прахомъ.

Родители и воспитатели грѣшатъ также часто совершеннымъ непониманіемъ характера своихъ воспитанниковъ. Есть дѣти, для которыхъ строгость полезна. Есть же дѣти, отъ которыхъ ласкою, добрымъ отношеніемъ, тихими уговорами можно добиться легко самыхъ трудныхъ вещей, и которыхъ можно ожесточить, совершенно извратить ихъ характеръ мѣрами строгости, принужденіемъ, жестокими наказаніями.

Странно полагать, чтобы родители могли не любить своихъ дѣтей. А между тѣмъ, когда видишь это непониманіе родителями своихъ дѣтей, невольно эта страшная мысль овладѣваетъ вами, такъ какъ первый признакъ любви есть пониманіе любимаго человѣка. И какъ могутъ такіе родители, отъ которыхъ дѣти не видѣли отклика на то, что въ нихъ волнуется, что составляетъ центръ ихъ жизни,—какъ могутъ такіе родители сѣтовать на то, если дѣти отъ нихъ откалываются, если дѣти удаляются и становятся имъ духовно чужими. И бываетъ тогда, что дѣти находятъ удовлетвореніе своимъ духовнымъ запро-

самъ и откликамъ гдѣ-нибудь на сторонѣ, и чужой человѣкъ становится имъ близкимъ, дѣлается ихъ духовной опорой, ихъ отцомъ по духу.

Надо высказаться по очень важному и больному вопросу—больному именно у насъ въ Россіи, о небрежности родителей насчетъ матеріальнаго обезпеченія дѣтей.

Человѣкъ не можетъ смотрѣть на себя, какъ на нѣчто отдѣльное, не связанное ни съ предками, ни съ потомками своими. Всякій человѣкъ есть звено, въ длинной цѣпи преемственныхъ существованій, передаточная стадія отъ далекаго родоначальника — корня къ людямъ грядущихъ поколѣній. Человѣкъ имѣетъ величайшія обязательства предъ всѣмъ своимъ родомъ: получая много—имя, традиціи, имущество—отъ прежнихъ поколѣній, онъ долженъ все это пріумножить для дальнѣйшихъ. Онъ долженъ придать новый блескъ уже честному имени, долженъ своимъ трудомъ увеличить наслѣдственное состояніе, долженъ подготовить изъ дѣтей своихъ добрыхъ и честныхъ работниковъ на пользу людскую, вложивъ въ нихъ благородные принципы.

Такъ и смотрятъ на этотъ вопросъ на Западѣ. На Западѣ сильна преемственность. Въ Англіи есть очень много торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, которыя находятся въ рукахъ одной семьи въ теченіи многихъ вѣковъ. У насъ же довольно рѣдко, чтобы одному предпріятію служило три или четыре поколѣнія. Какъ часто приходится встрѣчать въ Россіи какого-нибудь крупнаго дѣятеля, сѣтующаго на то, что онъ создалъ съ величайшими усиліями большое предпріятіе, а что послѣ него этому предпріятію грозитъ гибель: «не на кого оставить,—одинъ сынъ по ученой части пошелъ, другой въ гусары мѣтитъ. Кабы зналъ, не старался бы такъ, силъ бы изъ себя не выматывалъ...»

Возмутительно то, какъ относятся у насъ къ родовой собственности, особенно къ землѣ. Въ чужихъ краяхъ большинство дворянскихъ имѣній сохраняются въ одномъ родѣ, въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ. У насъ же переходъ этой собственности совершается съ невыразимою легкостью. Нѣсколько трудолюбивыхъ, воздержанныхъ, скопидомныхъ поколѣній соберутъ значительный земельный фондъ, а какой-нибудь вертопрахъ—наслѣдникъ, которому эта земля достанется, въ теченіи трехъ—пяти лѣтъ размотаетъ все по вѣтру, совершенно измѣняя судьбу этого рода. Точно также и капиталы свои люди

разматываютъ до конца безъ остатка, совершенно не думая о томъ, какъ будетъ трудно ихъ дѣтямъ, уже въ крови имѣющимъ привычку къ обезпеченной жизни, бороться съ нуждой и пробивать себѣ дорогу, не имѣя ни одной тысячи или даже сотни запасныхъ денегъ.

У насъ не учатъ людей искусству обращаться съ деньгами, вырабатывать привычку къ суровой экономіи. Никто, рѣшаясь на траты, въ большинствѣ случаевъ, не соразмѣряетъ, можно ли эти траты себѣ позволить: не хватаетъ денегъ, займу или выпрошу, и все это образуетъ отвратительный кругъ неоплаченныхъ долговъ. Не брезгуютъ никакими способами, чтобы достать нужное количество денегъ, и сколько тяжелыхъ и позорныхъ страницъ въ жизни многихъ семей, гдѣ жена скромнаго чиновника тратитъ на наряды сумму большую всего содержанія ея мужа... Страшно копнуть эти кучи мусора и разбираться въ нихъ...

На родовое имущество надо смотрѣть, какъ на чужое, данное тебѣ для поддержанія и расширенія. Это нѣкая святыня, дававшая твоему роду независимость, возможность никогда не кривить душой, не дѣлать поступковъ, къ которымъ иногда вынуждаетъ жизнь необезпеченныхъ людей, зависимыхъ отъ многаго: какъ же можно небрежно относиться къ этому источнику независимости рода!..

Точно также нельзя достаточно сѣтовать на то, какъ мало русская женщина подготовлена къ веденію хозяйства. Нельзя достаточно громко вопіять о томъ, чтобы въ кругъ женскаго образованія было серьезнѣйшимъ образомъ введено практическое домоводство, чтобы не кухарка въ домѣ являлась распорядительницей дома и представляла невѣроятные счета, а всякая молодая дѣвушка прекрасно умѣла сама распорядиться на кухнѣ, все купить, все учесть, вести хозяйство разсчетливымъ образомъ, такъ, чтобъ въ домѣ, при небольшихъ расходахъ, была полная чаша. Домъ, поставленный плохо, домъ, гдѣ все въ безпорядкѣ, гдѣ прислуга ведетъ себя небрежно, гдѣ ничто не сдѣлано во-время, а что и сдѣлано и сготовлено, исполнено плохо, въ такомъ домѣ едва ли хорошо чувствуетъ себя мужъ, изъ такого дома мужъ будетъ бѣгать по сторонамъ. Не мало семей получили значительныя трещины именно изъ-за этого неумѣнья молодыхъ хозяекъ сдѣлать домъ пріятнымъ для своего мужа.

Вообще жизнь семейная — дѣло величайшей важности и серьезности. Быть хорошей женой и хорошей матерью вещь

*

очень трудная, можно назвать ее великимъ духовнымъ подвигомъ.

Но сколько, съ другой стороны, въ ней высокой отрады!

Воспитывать дѣтей, лѣпить, такъ сказать, душу человѣческую, наполнять ихъ умъ возвышенными образами и сердце благородными чувствами, мечтать о томъ, какъ твой ребенокъ внесетъ свою лепту въ кругъ жизни человѣческой: какъ все это цѣнно!

Надо сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ братьевъ и сестеръ. Вотъ—люди, у которыхъ есть столько поводовъ любить другъ друга: общность жизни, общность интересовъ, присущее всякому мужчинѣ чувство покровительства и примѣненіе этого чувства къ сестрѣ, впослѣдствіи дорогія общія дѣтскія воспоминанія.

Между тѣмъ, мы часто видимъ тутъ больше вражды или небрежности, чѣмъ любви.

Какъ только я вступилъ на англійскую почву, по дорогѣ изъ приморскаго города въ Лондонъ, мнѣ пришлось видѣть прелестный примѣръ хорошихъ братскихъ отношеній, такъ развитыхъ въ Англіи, гдѣ по сильному своему характеру воспитанный мужчина особенно склоненъ оказывать покровительство болѣе слабому существу.

Въ томъ отдѣленіи вагона, гдѣ я сидѣлъ, находилась молодая барышня съ молодымъ человѣкомъ, которые оживленно между собой бесѣдовали. Онъ оказывалъ ей тысячи услугъ и всяческое вниманіе. Я долго не могъ опредѣлить, женихъ это съ невѣстой или братъ съ сестрой? Потомъя съ ними разговорился. Братъ дѣлалъ уморительныя ошибки во французскомъ языкѣ, надъ которыми сестра очень мило смѣялась. Оказалось, что они возвращаются изъ путешествія по Европѣ, на вокзалѣ ихъ встрѣтили родители. Какъ это не похоже на часто встрѣчаемыя въ Россіи грубыя отношенія брата къ сестрѣ, и равнодушное какое-то безразличіе сестры къ брату, столь нерѣдкое у насъ.

Вообще Европа болѣе умѣетъ дорожить родственными отношеніями: тамъ уже давно члены извѣстнаго рода объединяются въ союзы. Эти союзы устанавливаютъ ежегодные взносы для составленія родового капитала; изъ такихъ капиталовъ выдаются пособія менѣе удачливымъ родственникамъ. Болѣе сильные, занимающіе въ жизни высокое положеніе, поддерживаютъ всѣхъ остальныхъ, и родъ процвѣтаетъ.

Когда вспоминаешь о томъ, какъ часто у насъ и не только, что среди родственниковъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, но и

между сестрами и братьями, двоюродными братьями, происходятъ грубыя столкновенія, всякій смотритъ въ свою сторону: тогда съ грустью вспоминаешь слова, произнесенныя однимъ наблюдателемъ русской древней жизни: «русскіе другъ друга ѣдятъ, и тѣмъ сыты бываютъ».

ГЛАВА III.

Вечеръ и закатъ.

И вотъ, жизнь прожита...

По средней продолжительности жизни человѣкъ долженъ видѣть, что ему остается вѣку какія-нибудь пять—восемь лѣтъ.

Нѣкоторые считаютъ эту пору надвинувшейся старости и ожиданія неизбѣжной смерти самой грустной порой, тогда какъ въ христіанскомъ смыслѣ она богата отрадой, полна высокаго значенія...

Какимъ примиреніемъ съ жизнью, какимъ великимъ упованіемъ вѣетъ отъ старца-христіанина.

Все тяжелое, все, что мучило и волновало—теперь осталось тамъ, далеко позади, и въ отдаленіи своемъ кажется не только легкимъ, но еще и милымъ...

Страсти не волнуютъ больше грудь, не манятъ больше несбыточныя мечты: все затихло, все успокоилось, и въ этой тишинѣ душа съ миромъ ожидаетъ Христа...

И стоитъ Онъ, неизмѣнный Женихъ души—стоитъ и обѣщаетъ... стоитъ и шепчетъ:

«Съ малыхъ лѣтъ твоихъ Я хотѣлъ, чтобы ты позналъ Меня и сталъ служить Мнѣ. Я готовился открыть тебѣ Мои великія тайны, даровать тебѣ такое чудное счастье, о какомъ ты и мечтать не могъ... Но вмѣсто того, чтобы всей душой идти ко Мнѣ, ты блуждалъ далеко отъ Меня, надѣясь найти счастье помимо Меня. Но ты счастья не находилъ, потому что Я Одинъ измѣрилъ всю глубину твоей души, и Я одинъ только могъ дать ей такую полноту радости, которая бы ее удовлетворила...

«Я стоялъ, грустно смотря на тебя. Я все ждалъ, не придешь ли ты ко Мнѣ. Но годы шли все впередъ и впередъ, и ты все не приближался ко Мнѣ.

«И Я слѣдилъ за всѣмъ въ твоей жизни. Я видѣлъ всѣ блужданія твои. Я видѣлъ всю тоску твою. Но, не стѣсняя твоей воли, Я давалъ тебѣ бродить такъ далеко отъ меня... Но, какъ Творцу твоему, Богу твоему и Искупителю твоему, Мнѣ тяжело было

видѣть Мною созданное и искупленное твореніе, блуждающее такъ далеко.

«Я одинъ зналъ, какъ бы ты былъ высокъ, если бы ты былъ, дѣйствительно, христіанинъ, какихъ бы ты тогда натворилъ чудныхъ дѣлъ въ прославленіе имени Моего. И все это ты расточилъ по вѣтру и стоишь теперь предъ гробомъ, какъ бѣдный нищій, который не пріобрѣлъ себѣ ничего... Теперь ты видишь всѣ твои ошибки...

«Мнѣ было бы отраднѣе, еслибъ ты приступилъ служить Мнѣ въ лучшіе свои годы, когда сердце твое горѣло огнемъ, и ты былъ крѣпокъ тѣломъ и духомъ, когда предъ тобою лежалъ тотъ жизненный путь, который теперь пресѣкается для тебя.

«И вотъ, теперь ты позналъ свои заблужденія, ты готовъ внимать Мнѣ, и Я выслушаю тебя, и не буду отвергать тебя... Я принимаю людей, какъ бы поздно они ни приходили ко Мнѣ. Я уравниваю того, кто работалъ въ виноградникѣ Моемъ отъ ранняго утренняго часа, съ тѣмъ, кто пришелъ къ концу работы. Я силенъ по милости Моей дать обоимъ равную награду, ибо не бываетъ чистъ предо Мною и праведникъ, послужившій Мнѣ отъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ, и грѣшника сильна благодать Моя оправдать и превознести, какъ праведника.

«И угоднѣе святынѣ Моей, чтобы люди хоть поздно, но приходили ко Мнѣ, чѣмъ чтобъ до конца забывали Меня... И радуюсь Я такимъ долгоблуждающимъ путникамъ и принимаю ихъ горячѣе, чѣмъ отецъ притчи Моей Евангельской принялъ блуднаго сына своего. И приму всякаго, когда бы кто ни пришелъ ко Мнѣ... И, если кто, весь земной вѣкъ свой отрицавшій Меня, на ложѣ смерти воздохнетъ, и возопіетъ ко Мнѣ: и того не лишу милости Моей и намѣреніе его лобызать буду и раскаяніе его и плачъ вмѣсто дѣлъ вмѣняю ему, ибо во взысканіи погибшихъ величайшая слава Моя, и кто поставилъ предѣлъ человѣколюбію Моему, или кто указалъ Мнѣ, доколѣ должно дѣйствовать снисхожденіе Мое!»...

И вотъ, эта трепетная радость во всепрощеніе Христа, эта надежда спасенія—не своими дѣлами, а безграничною цѣною крестной жертвы Христовой, это ясное для души предчувствіе, что, вотъ, при всемъ окаянствѣ своемъ, и какъ бы ты ни провелъ жизнь, ты пришелъ въ концѣ концовъ къ милосердному Владыкѣ, и Онъ принялъ тебя: все это составляетъ источникъ неизсякаемой радости старческаго возраста...

Земное все можетъ измѣнить: умерли или забыли тебя друзья дѣтства и юности, въ могилахъ всѣ близкіе, не исполнились мечты, счастье прошло мимо человѣка...

Но Богъ: Его-то ничто не отыметъ, Онъ всегда стоитъ при душѣ, и радости, которыя Онъ можетъ дать, затопятъ всѣ бѣдствія земли.

И, если человѣкъ дошелъ до живого чувства общенія своего съ Богомъ: то какъ можетъ страшиться онъ соединенія съ Творцомъ своимъ, къ Которому придетъ онъ черезъ смерть?

Вотъ оно, это грозное и роковое чудище, столь привѣтное и желанное для души христіанской, начиная отъ великаго Павла, съ его дивнымъ восклицаніемъ:

«Желаніе имѣю разрѣшиться, и со Христомъ быть».

Въ самомъ дѣлѣ, страхъ смерти для вѣрующихъ людей есть одно изъ самыхъ большихъ недоразумѣній съ христіанской точки зрѣнія.

Отецъ ушелъ на время, оставляя одинокимъ любимаго сына и заповѣдавъ ему не идти за нимъ, пока самъ онъ не позоветъ сына къ себѣ.

Часто тоскливо сыну безъ отца, но сынъ, исполняя волю отцовскую, все ждетъ и ждетъ его и не смѣетъ идти за нимъ. И тоска въ разлукѣ смягчается, когда порою получитъ онъ отъ отца такую вѣсть, изъ которой ясно станетъ ему, какъ помнитъ его отецъ, какъ заботится о немъ... Но со всякимъ годомъ, и со всякою новою вѣстью все горячѣе желанье придти къ отцу и остаться у него. И вотъ, наконецъ, приходитъ зовъ: отецъ зоветъ: радъ ли тогда будетъ сынъ!

Теперь скажемъ себѣ, что сынъ — это каждый изъ насъ, отецъ—Творецъ и Искупитель нашъ; вѣсть отъ отца—неизглаголанные гласы Божіи къ душѣ нашей, а зовъ отца къ сыну—Божье опредѣленіе о смерти человѣка.

Чего же страшиться тутъ, чего тосковать, чего отпихиваться отъ смерти, и кричать: «Я жить хочу—спасите меня»... Такъ ли надо принимать зовъ Господень; такъ ли надо держать себя предъ тѣми часами, когда должна открыться намъ жизнь вѣчная?

Какъ умѣли умирать встарь русскіе люди, какъ и сейчасъ умѣютъ умирать люди народа, и какъ трусливо теперь умираютъ большею частью люди образованные, и какъ не умѣетъ вести себя въ присутствіи великой тайны смерти большинство людей!

Когда медицина рѣшила, что спасеніе человѣка не возможно, и что смерть неизбѣжна: тогда остается одно—дать человѣку умереть спокойно.

А вотъ, именно этого у насъ дѣлать и не умѣютъ. Никакое

лѣкарство уже больного не спасетъ, а его продолжаютъ пичкать всевозможными снадобьями. Не думаютъ вовсе объ единственномъ важномъ для него дѣлѣ, о примиреніи съ Богомъ, а ободряютъ его завѣдомо лживыми обѣщаніями: «Да вы еще оправитесь... черезъ мѣсяцъ молодцомъ будете. Мы съ вами скоро потанцуемъ». Вмѣсто того, чтобъ привлекать мысль человѣка къ единственно нужному—сбиваютъ его на всевозможныя мірскія ненужности.

Боятся сказать человѣку прямо, что онъ умираетъ, и что ему пора свести счеты съ жизнью—сдѣлать послѣднія распоряженія, и затѣмъ всѣ свои мысли сосредоточить на вѣчности.

Наконецъ, въ самую послѣднюю минуту, когда уже начнется агонія, и тутъ мѣшаютъ душѣ спокойно разстаться съ тѣломъ.

Говорятъ, что тѣ вопли, стоны и крики, которые подымаются вокругъ постели отходящаго, могутъ, прервавъ агонію, на нѣсколько часовъ, или даже на день или на два отсрочить смерть... Но къ чему это, когда это доставляетъ лишь лишнее терзаніе остающимся и лишнія муки умирающему?

Не такъ умираютъ люди христіанскаго настроенія въ христіанскихъ семьяхъ. Тамъ и отношеніе къ смерти совсѣмъ другое.

Во-первыхъ, народъ смотритъ на смерть совершенно спокойно, и безо всякаго злорадства вы услышите тамъ такіе разговоры:

— Что это ты, тетка Акулина, зажилась? Я ужъ давно хочу тебя за-упокой поминать.

— И впрямъ, голубчикъ, зажилась, пора старымъ костямъ на покой, а Господь не прибираетъ... Не готова, вѣрно.

— А ты готовься—и помрешь.

— Пора, пора помирать мнѣ, голубчикъ.

Но такіе взгляды, такое ясное и простое отношеніе къ смерти составляютъ принадлежность не одного только простонародья, а вообще всѣхъ людей вѣрующихъ въ вѣчность.

Если есть люди—и люди старые, — которые придутъ въ ужасъ, если имъ посовѣтуютъ составить заблаговременно духовное завѣщаніе и которые никогда въ жизни не произнесутъ такихъ словъ, какъ «когда я умру», «когда меня не будетъ въ живыхъ», точно они одни изъ всей вселенной подлежатъ исключенію изъ общаго закона смерти и должны жить безконечно, то, наоборотъ, попадаются люди совершенно противоположнаго склада, которые, будучи молоды и цвѣтущи, совершенно

спокойно разсуждаютъ о своей смерти, едва достигнувъ совершеннолѣтія, дѣлаютъ завѣщаніе о своемъ имуществѣ.

Я зналъ въ юности моей одного шестнадцатилѣтняго мальчика, умнаго, жизнерадостнаго, достигшаго впослѣдствіи въ жизни большихъ удачъ. Онъ въ эти юные годы уже распредѣлилъ на случай своей смерти всѣ свои вещи—ружья, собакъ, такъ какъ былъ страстный охотникъ, расписалъ заранѣе по друзьямъ всѣ свои книги, что нисколько не помѣшало его благоденственному существованію.

Какъ-то мнѣ пришлось быть у одного пріятеля въ старинной усадьбѣ. Хозяева — молодая чета чуть за тридцать лѣтъ, усердно украшали свое родовое гнѣздо. Въ церкви, выстроенной отцомъ владѣльца надъ гробами своихъ предковъ, они воздвигли въ склепѣ прекрасные памятники. Я присутствовалъ при разговорѣ супруговъ въ этомъ склепѣ. Они разсуждали о томъ, гдѣ ляжетъ каждый изъ нихъ и о томъ, какъ расширить склепъ, чтобъ онъ хватилъ еще на многихъ, такъ какъ у нихъ уже было трое дѣтей, и они надѣялись имѣть въ будущемъ многочисленныхъ внуковъ. Сами они были полны силъ и надеждъ, но знали, что умрутъ, и безъ страха говорили о смерти.

Вотъ, еще примѣры благодатныхъ переходовъ въ ту жизнь.

Когда вѣрующій человѣкъ видитъ, что смерть приблизилась, онъ не отчаивается, а отдается мысли о смерти спокойно, съ упованіемъ на милосердіе Божіе.

Онъ обдуманно устраиваетъ свои дѣла и дѣлаетъ спокойно послѣднія распоряженія.

Мы видѣли, какъ умирала Наталья Савишна въ «Дѣтствѣ и отрочествѣ». Точно такъ же умираетъ много другихъ женщинъ и мужчинъ. Я зналъ одну старушку, которая для своихъ похоронъ распорядилась даже тѣмъ, какихъ приглашать священниковъ и чѣмъ каждаго изъ нихъ за эту службу благодарить.

Она же, прекрасная хозяйка при жизни и хлѣбосолка, распорядилась, какія блюда подавать за поминовенной трапезой, какого рисунка дѣлать покровъ, какіе номера пѣнія исполнять за отпѣваніемъ.

По-христіански умирающіе люди, если смерть не приходитъ внезапно, непремѣнно стараются принять таинство елеосвященія, или, какъ говорится въ быту житейскомъ—«особороваться»,—по вѣрѣ, что при соборованіи человѣку отпускаются грѣхи, забвенные и утаенные.

Часто вѣрующіе пережившіе люди сильно скорбятъ, что

дорогой усопшій не успѣлъ быть напутствованнымъ. Но дерзновенію вѣры отрадно думать, что Богъ невидимо пріобщаетъ такихъ людей, умирающихъ внезапной смертью, если они были того достойны...

Одинъ странникъ, ночевавшій на обширномъ постояломъ дворѣ, гдѣ съ вечера пристало нѣсколько возчиковъ, проснувшись ночью, увидѣлъ, что чудный ангелъ пріобщаетъ изъ Чаши лежащихъ на полатяхъ возчиковъ... Потомъ все исчезло, а вскорѣ полати обрушились, и возчики разбились на-смерть.

Точно такъ же Саровскій старецъ Серафимъ говорилъ одной молодой вдовѣ, которая приходила въ отчаяніе отъ того, что мужъ ея умеръ не пріобщенный, такъ какъ она, боясь ухудшить его положеніе, открывъ ему истину, скрывала, что онъ безнадеженъ. Этой вдовѣ отецъ Серафимъ говорилъ, что есть люди, по видимости, пріобщавшіеся, а оставшіеся не пріобщенными у Бога, и есть люди, не пріобщавшіеся по видимости, но невидимо пріобщенные ангеломъ...

Трудно передать, конечно, словами предсмертное состояніе души.

Оно состоитъ изъ нѣкоторой печали—человѣческой печали отъ разставанія съ близкими и отъ тревоги за нихъ, изъ глубокаго чувства смущенія, раскаянія за прошлое, робости предъ судомъ Божіимъ, радостнаго ожиданія видѣть тѣ области, о которыхъ такъ мечталось, куда сердце такъ рвалось, думы о тѣхъ, съ кѣмъ раньше развела смерть, кто не былъ никогда забытъ и кого предстоитъ теперь увидѣть. Но въ эти часы вообще все человѣческое какъ-то ослаблено. Человѣкъ становится какъ-то равнодушнымъ къ землѣ, въ громадѣ своего ожиданія.

Одинъ человѣкъ, холостой, очень любившій своихъ родныхъ, умиралъ вдали отъ нихъ, и впослѣдствіи передавалъ мнѣ свои тогдашнія чувства.

Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ поднять головы съ подушки, и порою не могъ произнести нѣсколькихъ словъ. Знакомые пріѣзжали къ нему—съ мыслію навсегда съ нимъ проститься, и онъ улавливалъ на себѣ ихъ прощальные взоры.

Уходъ за нимъ былъ хорошій: два врача, посмѣнно дежурившіе опытные фельдшера. И его нисколько не безпокоило, что при немъ нѣтъ никого изъ его близкихъ.

Онъ былъ за нихъ какъ-то совершенно спокоенъ, поручивъ ихъ, какъ и себя тогда всецѣло поручилъ—волѣ Божіей.

Онъ передавалъ, что это было какое-то радужное спокойствіе, ясно чувствуемое прикосновеніе Божіей руки,—что-то на-

столько торжественное и захватывающее, что земная жизнь—вся тускнѣла, таяла, казалась ненужною, ничтожною, далекой...

Онъ уже начиналъ жить тѣмъ будущимъ, которое такъ скоро должно было открыться ему—ждалъ многихъ радостныхъ свиданій. И, когда онъ ожилъ, ему стало тяжело, что все это не сбылось...

Въ послѣдніе дни жизни человѣческой небесный Воитель даетъ послѣднюю битву за искупленную Имъ душу человѣческую.

Достаточно вспомнить лишь великость жертвы Христовой за насъ, чтобы постичь, какую цѣну придаетъ Христосъ спасенію души человѣческой.

И вотъ, настаютъ послѣдніе дни, которые душа проводитъ въ тѣлѣ. И для спасенія своего эта душа должна исповѣдать Христа, находясь въ тѣлѣ.

Но человѣкъ продолжаетъ быть равнодушнымъ къ Богу, и равнодушенъ до конца.

Быть можетъ—и это вѣроятнѣе—то лишь кажущееся равнодушіе, и человѣкъ глубоко волнуется вопросомъ объ исповѣданіи Бога, и ему мѣшаетъ ложный стыдъ, духовная гордость. Но по видимости онъ отвергаетъ Бога.

И вотъ, послѣдніе часы.

Къ умирающему приводятъ священника.—У него и голоса уже нѣтъ.

Тихо служитель Бога склоняется надъ нимъ,—не приметъ ли онъ хоть теперь отвергаемаго всю жизнь Христа, сливая свое предсмертное страданіе съ мукою распятаго Бога.

Но, о, ужасъ!—Всѣ послѣднія свои усилія умирающій собираетъ для того, чтобы оттолкнуть распятіе.

И теперь—вы думаете—все кончено? Онъ осужденъ?

Да, это было бы такъ, еслибы умиралъ не человѣкъ, за котораго Господь взошелъ на Голгоѳу, еслибъ тутъ Богъ не боролся за гибнущее твореніе Свое.

Человѣческое, видимое кончилось. Посредство церкви отвергнуто. Но между душою человѣческою и ея Богомъ есть свои, никому невидныя связи, есть тайная непосредственность.

Какими Онъ Самъ знаетъ путями,—Богъ въ послѣднее мгновеніе, когда жизнь чуть теплится—силенъ такъ потрясти душу, что она вдругъ познаетъ Бога, и въ радостномъ трепетѣ кинется къ Нему.

И считаетъ ли время Тотъ, для Кого тысяча лѣтъ — мигъ единый!

Видали ли вы мать, вырывающую отъ смерти своего ре-

бенка?—Подумайте же, какъ борется Богъ за вѣчную судьбу Имъ созданнаго и, хотя Ему и измѣнившаго, но безгранично дорогого Ему сына?

. . . . . .

Если вамъ приходилось присутствовать при тихой кончинѣ вѣрующаго, вы никогда не забудете ея величія.

Ходитъ повѣріе, что въ послѣднюю минуту жизни невидимый ангелъ подноситъ къ устамъ отходящаго фіалъ смерти, который долженъ всякій испить.—Нѣкоторые пьютъ его спокойно; другіе долго отвергаютъ и выпиваютъ его съ величайшимъ ужасомъ.

Выраженіе лица вѣрующихъ при концѣ ихъ чудесно.

Невѣрующій увѣруетъ, если увидитъ на лицѣ отходящаго праведника эту переживаемую имъ смѣну чувствъ.

Тутъ и радость, восхищенное изумленіе предъ чѣмъ-то великимъ, открывающимся внутреннему взору, и ненарушимый торжественный покой, и углубленное наслажденіе высочайшихъ созерцаній...

Вообще, свѣтлая кончина является заключеніемъ свѣтлой жизни.

Какая благодать — почить, какъ почилъ великій старецъ Серафимъ. Наканунѣ конца, въ день новаго 1833 года—онъ пріобщился, обошелъ въ церкви всѣ иконы, весь день пѣлъ въ кельѣ побѣдныя пасхальныя пѣсни, нѣсколько разъ выходилъ въ монастырь смотрѣть мѣсто, избранное имъ для погребенія. А на утро былъ найденъ бездыханнымъ, въ колѣнопреклоненной молитвѣ предъ любимою имъ иконою Богоматери «Умиленія», прозванной имъ «Всѣхъ Радостей—Радость»...

Вотъ, еще примѣры благодатныхъ переходовъ въ ту жизнь.

Нельзя безъ глубокаго волненія читать о кончинѣ святителя Димитрія Ростовскаго. Этотъ великій подвижникъ, оставившій своему народу величайшее духовное сокровище — Четьи-Минеи—и не одинъ только свой вѣкъ, но и послѣдующія времена огласившій «пастырской свирѣлью богословствованія своего», своими дивными проповѣдями: еще не въ старыхъ для его сана лѣтахъ, тихо догоралъ въ суровомъ климатѣ Ростова, вдали отъ родной, теплой Украйны съ ея задумчивыми тополями, съ пронзительнымъ свѣтомъ ея звѣздъ... Непосильные труды, за всю жизнь напряженіе силъ душевныхъ, наконецъ, множество огорченій изнурили силы святителя. Но изъ слабѣющихъ рукъ перо, подъ этою рукой написавшее столько вдохновенныхъ страницъ, не выпадало до послѣдняго дня. Еще 27-го октября 1709 года онъ пишетъ старому собе-

сѣднику своему, иноку Ѳеологу: «Поистинѣ возвѣщаю ти, яко немоществую. До чего ни примусь, все изъ рукъ падаетъ. Дни мнѣ стали темны, очи мало видятъ, въ нощи свѣтъ свѣщный мало способствуетъ, паче же вредитъ. А недугованіе заставляетъ лежать да стонать». Вечеромъ того же дня митрополитъ велѣлъ позвать своихъ пѣвчихъ. Онъ сидѣлъ у печи и грѣлся, а пѣвчимъ велѣлъ пѣть сложенные имъ канты: «Іисусе мой прелюбезный, надежду мою въ Богѣ полагаю, Ты мой Богъ Іисусе, Ты моя радость».—Послушавъ пѣнія, митрополитъ отпустилъ пѣвчихъ и удержалъ только преданнѣйшаго ему пѣвчаго «и усерднѣйшаго въ трудахъ ему помощника», «бѣльца» Савву Яковлева, который былъ переписчикомъ набѣло его сочиненій:—трудъ по тому времени не малый. Очевидно, святителю хотѣлось имѣть въ ту минуту около себя живую душу, подѣлиться своими мыслями, воспоминаніями. И сталъ митрополитъ Димитрій разсказывать бѣльцу Яковлеву о своей юности среди благословенной Украйны, о порывахъ къ Богу, о молодомъ рвеніи къ молитвамъ, и заключилъ свой разсказъ словами: «И вы, дѣти, такожде молитесь!». Наконецъ, святитель отпустилъ пѣвчаго словами: «Время и тебѣ, чадо, отойти въ домъ твой». Онъ благословилъ его, и, провожая его, въ видѣ благодарности за переписку сочиненій, поклонился ему почти до земли. Яковлевъ былъ очень смущенъ, а святитель произнесъ послѣднія слышанныя отъ него на землѣ слова благодарности: «Благодарю тя, чадо!» и вернулся къ себѣ въ келью, а пѣвчій расплакался и ушелъ. Отпустивъ служителей, митрополитъ Димитрій вошелъ въ особую келью, гдѣ онъ обыкновенно молился. На слѣдующее утро онъ былъ найденъ почившимъ въ колѣнопреклоненной молитвѣ.

Величественна была кончина кроткаго митрополита Кіевскаго Филарета, который прощался съ духовенствомъ, передавалъ для доставленія государю послѣднія привѣтствія любви и послѣднія благословенія.

Митрополиту Московскому Филарету незадолго до конца явился отецъ его во снѣ и сказалъ ему: «Береги 19-е число». Насталъ воскресный день 19-го ноября 1867 года, и митрополитъ въ домашней церкви своей совершилъ литургію, по замѣчанію окружающихъ, особенно бодро и вдохновенно. Черезъ нѣсколько часовъ онъ былъ бездыханенъ.

Въ 1857 году сталъ быстро угасать знаменитый проповѣдникъ архіепископъ Херсонскій Иннокентій. Но онъ не бросалъ занятій. Наканунѣ смерти выѣзжалъ, читалъ корректуру сочиненія своего: «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя». На-

сталъ Троицынъ день, 26-го мая. Онъ всталъ въ 5-мъ часу, прошелся по комнатѣ, поддерживаемый служителями, затѣмъ прилегъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ велѣлъ приподнять себя и тихо скончался, колѣнопреклоненный, на рукахъ двухъ келейниковъ.

Въ Пензѣ, 10-го октября 1811 года, на 36-мъ году отъ роду почилъ праведный епископъ Иннокентій, пострадавшій за свою православную ревность во время господствовавшаго тогда и поддерживаемаго министромъ духовныхъ дѣлъ княземъ А. Н. Голицынымъ протестантскаго направленія. Въ ночь передъ кончиною, онъ позвалъ къ себѣ келейника и сказалъ ему: «Какое дивное видѣніе мнѣ представилось! Казалось мнѣ, что небеса отверзлись. Двое свѣтлыхъ юношей въ бѣлыхъ одеждахъ, слетѣвъ съ высоты, предстали предо мной и, съ любовію смотря на меня, взяли меня, немощнаго, и вознесли съ собою на небо. Сердце мое исполнилось несказанной радости, и я пробудился».

10-го октября утромъ онъ просилъ пособоровать его и, напрягая послѣднія силы, повторялъ молитвы и нѣсколько подымался при помазаніи елеемъ. Потомъ языкъ сталъ нѣмѣть, дыханіе прерываться, онъ крестообразно сложилъ руки на груди; окружающіе развели ихъ, чтобъ не затруднять дыханіе, но онъ опять сложилъ ихъ крестомъ. Предъ самымъ концомъ одинъ изъ окружающихъ сталъ читать псалмы. При словахъ: «Азъ къ Богу воззвахъ, и Господь услыша мя», капли слезъ выкатились изъ глазъ умирающаго; на словахъ же: «Азъ же, Господи, уповаю на Тя»,—преосвященный Иннокентій вздохнулъ въ послѣдній разъ и тихо предалъ духъ Богу.

Прекрасенъ былъ конецъ почившаго 20 декабря 1846 года архіепископа Воронежскаго и Задонскаго Антонія, одного изъ славныхъ подвижниковъ XIX вѣка, находившагося чрезъ пространство, никогда не видавъ его, въ замѣчательномъ духовномъ общеніи съ великимъ старцемъ Серафимомъ, чему примѣръ увидимъ ниже. Наканунѣ смерти онъ сказалъ плачущему племяннику: «Я еще не умру: мнѣ Божія Матерь сказала, что нужно дѣла кончить». Проведя ночь въ молитвѣ, архіепископъ Антоній 20-го утромъ назначилъ быть въ 6 часовъ пополудни соборованію, послалъ на почту денежныя письма бѣднымъ и роздалъ милостыню пришедшимъ къ нему. Викарію своему онъ сказалъ: «Никакого не чувствую страха, желаю разрѣшиться и быть со Христомъ». Сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія, владыка сталъ молиться. Въ 6 час. началось торжественное молебствіе, длившееся часъ. Архипастырь сидѣлъ въ креслѣ, со свѣчею, и самъ прочелъ послѣднюю молитву: «Простите

мя, отцы и братія». Благословивъ всѣхъ, онъ перешелъ съ кресла на кровать. Осѣнивъ обѣими руками, разрѣшилъ всѣхъ, находящихся подъ запрещеніемъ, и отпустилъ затѣмъ всѣхъ присутствующихъ. Чрезъ четверть часа преосвященный сильно постучалъ въ двери, призывая своихъ чадъ, и настала величественная, торжественная минута. Архіепископъ въ послѣдній разъ возложилъ крестообразно руки на головы присутствующихъ; духовникъ сталъ читать отходную; въ руки архипастыря вложили горящую свѣчу; съ окончаніемъ отходной архіепископъ Антоній тихо предалъ духъ Богу.

14-го декабря 1839 года, на 49-мъ году, послѣ 22-лѣтняго затвора, почилъ Сезеновскій затворникъ Іоаннъ, основатель женской Сезеновской обители. Онъ скончался наединѣ. Долго не получая отъ него никакихъ признаковъ жизни, выломали двери кельи, въ которой онъ находился въ затворѣ, и нашли его мертвымъ, у аналоя, предъ иконою Богоматери. Тѣло его было немного наклонено на правый бокъ. Правая рука, стоя на локтѣ, поддерживала голову, а лѣвая лежала на ладони правой. Лицо было обращено къ иконѣ.

Въ ночь на 25 мая 1836 года, на 47 году отъ рожденія, послѣ 17-лѣтняго затвора, скончался знаменитый затворникъ Задонскій Георгій, происходившій изъ дворянскаго рода Машуриныхъ и до 28-ми-лѣтняго возраста служившій офицеромъ Лубенскаго гусарскаго полка. Онъ тоже скончался безъ свидѣтелей, и послѣ ранней обѣдни былъ найденъ бездыханнымъ предъ образомъ Всѣхъ Святыхъ и Страшнаго суда, припадшимъ къ землѣ. Лицо его было, какъ живое. Пальцы правой руки, сложенные крестнымъ знаменіемъ, прикасались къ челу.

Старецъ Парѳеній Кіевскій, имѣвшій необыкновенное, умилительное, нѣжное усердіе и дѣтскую любовь къ Богоматери, умеръ въ тотъ самый праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, который онъ особенно любилъ, и о которомъ говорилъ: «Буди благословенъ и преблагословенъ и треблагословенъ день Благовѣщенія Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы». Въ 1855 году въ этотъ самый праздникъ, совпавшій тогда со страстною пятницею, о. Парѳеній былъ найденъ бездыханнымъ, сидящимъ какъ бы въ глубокой думѣ у дверей келейной своей церкви.

29-го августа 1886 года былъ найденъ въ своей кельѣ почившимъ подвижникъ Иверскаго Валдайскаго монастыря, монахъ-молчальникъ Пахомій. Послѣ ранней обѣдни его нашли стоящимъ на колѣняхъ, у изголовья койки; въ рукахъ онъ дер-

жалъ четки; лицо его было озарено радостною улыбкой, а глаза сомкнуты.

Считая тѣло христіанина храмомъ, въ которомъ жилъ Духъ Божій, хотя бы временами онъ и осквернялся грѣхами, Церковь воздаетъ тѣлу христіанина всякія почести. Одѣвъ покойника благообразно, полагаютъ его во гробъ, вокругъ зажигаютъ свѣчи, въ руку вкладываютъ распятіе, вѣчный знакъ Христовой побѣды. На грудь кладутъ образъ, а на чело возлагаютъ вѣнчикъ, знакъ того, что тутъ возлежитъ призванный къ Богу воинъ Христовъ. Многіе люди заблаговременно приготовляютъ себѣ все нужное для погребенія. Нѣкоторые подвижники держатъ у себя въ кельѣ гробъ, который напоминаетъ имъ о смертномъ часѣ и тѣмъ предохраняетъ ихъ отъ искушеній. Распространенъ обычай заблаговременно приготовлять себѣ саванъ, а люди, бывшіе въ Святой Землѣ, привозятъ эти погребальныя пелены изъ Іерусалима.

По церковному преданію, душа человѣческая въ теченіе сорока дней по смерти бываетъ водима по мытарствамъ, гдѣ даетъ отчетъ въ своихъ земныхъ дѣлахъ, и гдѣ ангелы-хранители оспариваютъ душу у демоновъ, представляющихъ всѣ грѣхи человѣческіе въ преувеличенномъ размѣрѣ. Поэтому въ это время совершается надъ душой человѣка чтеніе псалтири. Подобно тому, какъ нѣкогда юный Давидъ-псалмопѣвецъ отгонялъ отъ Саула пѣніемъ псалмовъ своихъ злого духа, такъ Церковь вѣритъ, что чтеніе надъ душой псалтири помогаетъ ей въ прохожденіи воздушныхъ мытарствъ.

Избавляются отъ мытарствъ тѣ, которые причащены въ день смерти или которые умерли въ дни свѣтлой седмицы. Какое, дѣйствительно, счастье отойти къ Богу въ эти дни. Какая радость душѣ возноситься въ отчизну, когда все въ небѣ и на землѣ полно величайшаго ликованія, и когда вся вселенная и міры міровъ оглашаются этою вѣстію, выше и слаще которой нѣтъ ничего: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ». Славна смерть воина въ битвѣ; также славна смерть христіанина въ церкви!

Какъ-то въ Москвѣ сильное впечатлѣніе произвела кончина одного благочестиваго купца, который встрѣтилъ праздникъ, отстоялъ свѣтлую заутреню, причастился за обѣдней и черезъ нѣсколько минутъ отошелъ... Какая тоже радость для священника отойти въ церкви, только что причастясь или умереть такъ, какъ умеръ извѣстный старецъ, духовникъ скита Черниговской Божіей Матери, около Троице-Сергіевской лавры, іеросхимонахъ Варнава: въ великомъ посту онъ пріѣхалъ исповѣ-

дывать въ одно благотворительное учрежденіе и, отпустивъ одну исповѣдницу, тихо склонился головой къ аналою и отошелъ.

Милостыня въ память души есть одна изъ наибольшей помощи, какую можетъ оказать любовь душѣ усопшаго человѣка. Поминаетъ всякій по своей силѣ-возможности; бѣдный человѣкъ раздаетъ нищимъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, которыя могутъ быть въ очахъ Божіихъ выше груды золота, раздаваемаго въ память богачей.

Грустно видѣть то небреженіе, въ которомъ оставляютъ душу человѣка его богатые наслѣдники. Случается такъ, что наслѣдство получено громадное, а не поставлено надъ покойникомъ ни малѣйшаго памятника, и черезъ десятки лѣтъ его могила уже сравнялась съ землей, и ее не отыщешь.

Вообще же намъ, русскимъ, нельзя не поставить въ укоръ наше пренебрежительное отношеніе къ могиламъ нашихъ близкихъ. Войдите на кладбище заграницей: правильно распланированныя дорожки, въ порядкѣ содержимые памятники. Войдите въ Россіи на городское кладбище цѣной подешевле или сельское: надъ заброшенными памятниками разрослись кусты съ колючками, такъ что къ нимъ и не проберешься, кресты покосились, или сломанныя верхушки лежатъ тутъ же и гніютъ; а у многихъ изъ этихъ покойниковъ живы дѣти, проводящіе свой вѣкъ въ достаткѣ.

Одинъ русскій архіерей, объѣзжая епархію, былъ пораженъ и возмущенъ тѣмъ, какъ въ одномъ селѣ содержалось кладбище. Оно было вовсе ничѣмъ не обгорожено, и въ намогильныхъ холмахъ копались рылами своими свиньи. Возмущенный архіерей объяснилъ крестьянамъ, какъ надо относиться къ мѣсту упокоенія отцовъ своихъ, выставилъ имъ на показъ ихъ позорное небреженіе о кладбищѣ и кончилъ рѣчь свою словами: «вслѣдствіе этого нѣтъ на васъ моего благословенія». Народъ взвылъ, бросился архіерею въ ноги, просилъ его отпустить имъ ихъ вину. Покончили на томъ, что архіерей обязалъ къ слѣдующему своему пріѣзду привести могилы въ порядокъ и устроить вокругъ кладбища изгородь — все это къ данному сроку и было сдѣлано. И сколько въ Россіи селъ нуждаются въ такихъ наставленіяхъ!

«Не скорбите, якоже и прочіи, неимущіи упованія».

Этотъ завѣтъ апостола должны помнить люди, когда они лишаются своихъ близкихъ. Человѣку трудно не скорбѣть, когда у него отнимаются тѣ люди, которые привязывали его къ жизни и ради которыхъ онъ жилъ. Но какая глубокая пропасть

отдѣляетъ просвѣтленную скорбь христіанскую отъ дикаго отчаянія невѣрующихъ!

Трудно, въ минуту такихъ страшныхъ потрясеній, заставить сердце совершенно умолкнуть. Но голосъ разсудка долженъ сдержать этотъ безпорядочный порывъ сердца. Будемъ себѣ говорить, что для человѣка умершаго смерть всегда пріобрѣтеніе: въ той близости къ Богу, къ которой онъ теперь призванъ, въ томъ, что надъ нимъ теперь не властна ни одна земная мука, не задѣнетъ его ни одна скорбь—развѣ въ этомъ нѣтъ великой выгоды противъ земной жизни!

Представьте себѣ, что къ матери, живущей въ великой бѣдности и еле прокармливающей своего сына, приходитъ богатѣйшій и могущественнѣйшій человѣкъ и говоритъ: «Дай мнѣ его на воспитаніе, онъ будетъ жить въ прекрасномъ дворцѣ, будетъ имѣть мудрыхъ наставниковъ, которые научатъ его всякой мудрости; воспитавъ, я обезпечу его, сдѣлаю его благоденственнымъ, насколько это въ силахъ человѣческихъ, и ставлю только одно условіе, чтобы ты его за эти годы не видала. Но, когда онъ вырастетъ и разовьется, ты увидишь его и еле узнаешь въ томъ блестящемъ, изящно образованномъ человѣкѣ твоего оборвыша-сына; такъ вотъ, выбирай. Настолько ли ты любишь его, чтобы принести для него эту жертву и, разставаясь съ нимъ, дать ему высшее мірское счастье».

Вотъ, этотъ уводъ сына и разставаніе съ нимъ матери для его высшей и лучшей судьбы, весьма сходно съ тѣмъ, когда мы должны отдавать Богу нашихъ близкихъ.

Можемъ ли мы роптать на то, что Господомъ они отъ страданій призваны къ блаженству, отъ уничиженія къ славѣ и вмѣсто того, чтобы терзаться такой мукой, которая безплодна уже потому, что все равно не возвратитъ намъ ихъ здѣсь, будемъ утѣшать себя великимъ упованіемъ на свиданье въ томъ краѣ, гдѣ нѣтъ уже болѣе разлуки.

Люди чуткіе, духовною жизнію возстановляющіе въ себѣ тѣ способности духа, которыя убиваетъ жизнь во плоти, жизнь страстей — эти, вотъ, люди получаютъ отъ своихъ усопшихъ таинственныя знаменія непрерывнаго общенія: то умершій отецъ явится къ сыну и съ улыбкой на него посмотритъ, скажетъ какое-нибудь предостерегающее слово, напомнитъ ему какое-нибудь не исполненное обѣщаніе. Предъ опасностью, которая угрожаетъ душѣ дѣтей, иногда почившіе родители во снѣ посѣщаютъ ихъ, съ безпокойствомъ смотря на нихъ, и дѣти понимаютъ тогда, какъ тревожится и болитъ за нихъ

душа ихъ родителей. Иногда старцы духовные являются своимъ духовнымъ дѣтямъ.

Одинъ молодой человѣкъ, сильно привязанный къ почившему Оптинскому старцу Амвросію, черезъ нѣсколько недѣль послѣ его смерти, находясь въ Москвѣ, говѣлъ и долженъ былъ причаститься въ день Введенія во храмъ Богоматери. Въ ночь на этотъ день онъ видѣлъ во снѣ алтарь, себя стоящимъ предъ священникомъ съ чашей въ рукахъ, въ открытыхъ царскихъ вратахъ, а изъ алтаря, залитаго свѣтомъ, смотрѣлъ на него, въ блестящихъ ризахъ и золотой митрѣ, почившій отецъ Амвросій. И только черезъ нѣсколько дней, этотъ сынъ великаго старца вспомнилъ, что 21 ноября какъ разъ день рожденія отца Амвросія.

Небожители понимаютъ насъ, но мы иногда не можемъ понять ихъ. Разсказываютъ, что одной вдовѣ явился во снѣ ея мужъ съ вѣстью о томъ, что онъ получилъ милость отъ Господа и счастливъ. Когда же женщина спросила его о томъ, какъ проходитъ его жизнь, онъ ей отвѣтилъ. Но понять его она не могла, слова его были въ отдѣльности понятныя ей слова, но общаго смысла она уловить не могла.

ГЛАВА IV.

Высшіе пути жизни.

Одному изъ великихъ египетскихъ отцовъ былъ гласъ Божій, чтобы онъ шелъ въ городъ, гдѣ Господь долженъ ему показать людей, выше, чѣмъ онъ, жизнью.

Этими людьми оказались двѣ сестры вдовы, которыя жили въ благочестіи, тщательно воспитывали своихъ дѣтей, помогали бѣднымъ, и не проводили ни одного часа безъ работы.

И все же надъ мірскою жизнью есть высшій родъ жизни. Подобно тому, какъ никогда не достигнетъ высшей учености человѣкъ, который будетъ перемѣшивать свои ученыя занятія съ мірской суетой,—такъ никогда не достигнетъ высочайшаго горѣнія духа человѣкъ, для котораго не Богъ есть единственная цѣль его стремленій. И высшая жизнь на землѣ—есть жизнь иноческая.

Нельзя не считать инокомъ того, кто носитъ мірское платье, исполняя всѣ обѣты монашескіе; и не тотъ инокъ, кто одѣтъ монахомъ, а живетъ хуже многихъ мірянъ.

Но инокъ тотъ, кто горитъ одною любовью къ Богу, и для кого Богъ — единственная цѣль всѣхъ его стремленій, кто

остается въ міру только потому, что несетъ на себѣ какія-нибудь мірскія обязанности.

Вотъ, человѣкъ трудомъ своимъ питаетъ слабую мать, подростающихъ братьевъ или сестеръ, и мечтаетъ о монастырѣ. Но время идетъ. Одна изъ сестеръ вышла замужъ, овдовѣла: у нея на рукахъ много дѣтей.—Дядя, вмѣсто того, чтобы начать монашескій подвигъ, долженъ оставаться въ міру. Но что имѣетъ въ немъ міръ? Служба его есть то же послушаніе. И оно такъ же мало нарушаетъ его монашеское настроеніе, какъ оно мало нарушаетъ настроеніе усерднаго инока, который имѣетъ послушаніемъ служить на гостиницѣ посѣтителямъ обители, и часто тоже лишенъ возможности посѣщать монастырскія службы, а въ то же время—лучшій молитвенникъ, чѣмъ тѣ, которые не пропускаютъ ни одного монастырскаго богослуженія.

Ходитъ не мало разсказовъ о такихъ мірскихъ монахахъ. Бывали и женщины, которымъ по обязанности ихъ званія приходилось бывать на балахъ и другихъ блестящихъ собраніяхъ, и которыя доводили свой аскетизмъ до того, что, отправляясь на какія-нибудь собранія, клали въ подошвы своихъ туфель мелко измолотую орѣховую скорлупу.

Въ одной кіевской обители я встрѣтился съ древнимъ чтимымъ народомъ старцемъ, живымъ отголоскомъ тѣхъ благодѣтельныхъ временъ Кіева, когда на престолѣ кіевской митрополіи сіялъ кроткій митрополитъ Филаретъ, великій праведникъ, а рядомъ съ нимъ стоялъ великій тайновидецъ и молитвенникъ, старецъ Кіево-Печерской лавры, Парѳеній.

Со мною былъ мой хорошій знакомый, одинъ князь, человѣкъ молодой еще и благочестиваго настроенія. Услыхавъ его фамилію, старецъ спросилъ:

— А не было ли у васъ бабушки?—И онъ назвалъ ея имя.

— Да, это моя родная бабушка; вы знавали ее?

— Какъ мнѣ ее не знать: сколько разъ я сопровождалъ къ ней митрополита Филарета. Она близка была духомъ съ покойнымъ владыкой. Ее онъ тайно въ монашество постригъ съ именемъ Маріи.

Я слыхалъ отъ князя объ этой старушкѣ, которая, много натерпѣвшись отъ самодура мужа, проводила уединенно и тихо свою старость, зная выѣзды только въ церковь. Но ни одинъ человѣкъ не зналъ, что она была тайная монахиня.

И все же еще выше этого мірского монашества—то совершенное отверженіе міра, ничѣмъ не нарушимое пребываніе во

Христѣ, какимъ является истинное монастырское монашество и отшельничество.

Если условія плоти такъ угнетаютъ обычныхъ людей, такъ отводятъ ихъ отъ жизни духа, то какая радость, какой восторгъ видѣть людей почти освободившихся отъ этой тяжкой власти.

Вотъ, великій Антоній въ пустынѣ проводитъ, время отъ времени, по пяти дней безъ пищи, и послѣ столь долгаго поста довольствуется маленькимъ хлѣбомъ, который размачиваетъ въ соленой водѣ.

Когда онъ одряхлѣлъ, иноки еле добились отъ него позволенія приносить ему оливы, зелень и масло.

Часто ему случается проводить въ молитвѣ всю ночь. Бывало, отдохнувъ до полночи, онъ поднимается, и молится съ воздѣтыми руками до восхода солнца или до трехъ часовъ вечера.

Онъ находитъ, что солнце мѣшаетъ ему, и восклицаетъ: «Солнце, солнце, зачѣмъ встаешь ты развлекать меня своими лучами, какъ будто ты выплываешь только для того, чтобы закрыть отъ меня блескъ истиннаго Свѣта».

Сладость, которую великій Антоній испытывалъ при молитвѣ, внушаетъ ему какое-то равнодушіе къ плоти. Онъ смотритъ на питаніе себя, какъ на грустную необходимость, къ которой онъ приступалъ съ сожалѣніемъ. Ему даже было стыдно чувствовать, что онъ не можетъ убить ее въ себѣ. Иногда, готовясь сѣсть за столъ съ братіей, онъ или оставлялъ ихъ, чтобы вовсе ничего не ѣсть, или, чтобъ принять пищу одному, смущаясь дѣлать это предъ другими. Въ ту самую ночь, когда, быть можетъ, вѣрующіе, но привязанные къ міру люди древней Руси провели за шумными пиршествами, въ эту самую ночь къ великому отшельнику Сергію сходила для бесѣды съ нимъ Царица Небесная, и въ воздухѣ тихой обители прозвучала вѣсть, застывшая въ этомъ воздухѣ и вливающаяся въ сердца вѣрующихъ богомольцевъ: «се, Пречистая грядетъ»... И въ тотъ самый день Благовѣщенія, когда такъ шумно въ городахъ и селахъ, разряженные люди предаются праздничному катанью, а въ тѣсной кельѣ затеряннаго среди лѣсовъ Сарова,— посѣщала великаго Серафима Царица Небесная.

Задумался старецъ кіевскій Парѳеній надъ прочитанными гдѣ-то словами о томъ, что Богоматерь была первой инокиней, и видитъ онъ: идетъ полкъ преподобныхъ отцовъ Кіево-Печерскихъ, а впереди ихъ съ жезломъ въ рукахъ въ монашескомъ одѣяніи Она, Которой были посвящены всѣ мысли благоговѣй-

наго старца, и раздался къ нему чудный голосъ изъ молчаливыхъ устъ Ея: «Парѳеній, я монахиня».

Такой уже складъ души, такое призваніе—служить Богу и никого кромѣ Бога въ мірѣ не знать, а людей любить только для Бога и въ Богѣ.

Цѣль монашествующихъ есть единственно—спасеніе души.

Другой цѣли у монаховъ быть не можетъ, и быть не должно. Монахъ, начинающій свой путь, не долженъ думать о томъ или иномъ значеніи своего дѣла, о томъ, что черезъ него будутъ спасаться другіе люди.

Въ этомъ заключалось бы отсутствіе смиренія со стороны человѣка, который считалъ себя настолько слабымъ и недостойнымъ, что боялся уцѣлѣть среди мірскихъ соблазновъ.

Мытарь, ставшій у порога храма и взывающій: «Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному»,—могъ ли такой мытарь думать, что онъ поведетъ людей къ спасенію!

Если бы кто-нибудь могъ войти въ душу монаховъ по склонности и призванію, если бы кто-нибудь могъ раскрыть сердца такихъ людей, какъ Серафимъ Саровскій, въ молодые ихъ годы, при началѣ ихъ монашескаго подвига, то, конечно, тамъ не нашлось бы ни малѣйшей мечты, что они будутъ что-нибудь значить для міра.

Иныя думы, иныя чувства...

Душа всѣми силами своими почувствовала великую красоту духовной жизни, въ восторгѣ сознала, что одно для нея во всей жизни дорого, это Богъ; и останется здѣсь, у ногъ Христовыхъ, какъ Марія, слушающая словеса благодати, падающія изъ устъ Христовыхъ.

Въ томъ высокомъ порывѣ любви къ Богу, удивленія и жажды Божества, которыя увлекаютъ христіанина, созданнаго для монашескаго подвига, тамъ прямо немыслима какая-нибудь дума о людяхъ.

И вотъ, надъ человѣкомъ, съ такимъ расположеніемъ вступающимъ въ монашество, происходитъ одно изъ чудесъ монашества.

Чѣмъ больше и значительнѣй углубляется человѣкъ въ область иночества, чѣмъ больше жаждетъ полнаго единенія съ Богомъ и чѣмъ дальше уходитъ онъ поэтому отъ людей,—тѣмъ онъ становится этимъ людямъ нужнѣй.

Чѣмъ крѣпче затворъ отшельника, чѣмъ въ большую глушь онъ забрался, тѣмъ настойчивѣе и нетерпѣливѣе стучитъ въ эту запертую дверь міръ. Отворенныя кельи, смѣшавшіяся

съ «міромъ», въ немъ растворившіяся—никому не нужны и не интересны, какъ исчадія этого самаго «міра».

Стучитъ же міръ въ затворы и гоняется за скрывающимися въ лѣсахъ отшельниками, потому что такіе люди—магнитъ для ищущей обновленія души. Погруженность души въ Бога, напряженное съ Нимъ общеніе, весь тотъ въ корнѣ отличный отъ міра бытъ, въ которомъ живутъ истинные иноки, все это образуетъ въ нихъ эту собранность и силу духа, выковываетъ изъ нихъ тѣхъ особенныхъ, во всемъ отъ міра отличныхъ людей, которые такъ міру необходимы, какъ примѣры высшей и лучшей жизни, какъ цѣлители духа, молитвенники.

Значеніе монаха для жизни заключается въ его идейномъ отдаленіи отъ міра. Чѣмъ болѣе освободится монахъ отъ земного, чѣмъ дальше и глубже—говоря выпукло—уйдетъ онъ въ небеса, тѣмъ драгоцѣннѣе и необходимѣе онъ для «міра». И все это происходитъ само собою, помимо его воли и его намѣренія.

Не имѣя, такимъ образомъ, при началѣ и продолженіи своего подвига вовсе въ виду «міра», монахъ становится для него нужнымъ, когда онъ достигнетъ той единственной цѣли, съ которой къ своему дѣланію приступалъ: исправленія жизни, побѣды надъ грѣхомъ.

Поскольку монахъ святъ, постольку онъ міру и нуженъ.

Главное, что руководитъ монахомъ, бѣгущимъ отъ міра, это всепоглощающая любовь ко Христу.

Люди съ такою любовью и въ большинствѣ случаевъ съ первой сознательной юности вступающіе на иноческій путь—это, такъ сказать, монахи «чистой воды».

Какою поэзіею обвѣяна тайна этихъ душъ,—мальчиковъ Варѳоломеевъ и Прохоровъ, — будущихъ Сергіевъ Радонежскихъ и Серафимовъ Саровскихъ. Какая сила чувства наполняла эти дѣтскія сердца, когда, стоя предъ старыми иконами или наединѣ въ томъ торжественномъ, нерукотворномъ храмѣ Господнемъ, какой представляетъ изъ себя природа, эти дѣти прислушивались изумленно къ первымъ робкимъ гимнамъ, которые запѣвало Богу ихъ сердце, чтобъ пѣть ихъ не переставая на всемъ пространствѣ своей жизни, и потомъ, вознесясь съ ними въ высоту, не умолкнуть въ вѣкахъ вѣковъ у престола Славы.

Да, — любовь, громадная, всепобѣждающая, всепоглощающая любовь къ таинственному, единственному, прекрасному Жениху души, къ Которому душа стремится, по Которомъ тоскуетъ, Котораго зоветъ.

Есть люди, и тоже искренніе, которые не сразу понимаютъ, что слишкомъ глубока ихъ душа для иной какой-нибудь привязанности, кромѣ любви Божественной, что только огонь,—который «вовреще» въ сердца пришелъ Христосъ: единый только этотъ огонь согрѣетъ ихъ и дастъ имъ счастье,—раньше долго ищутъ на сторонѣ, пока не поймутъ и не придутъ къ Нему, усталые, изживъ попусту много душевныхъ сокровищъ, испытавъ въ юдоли грѣха много мучащихъ восторговъ. И ихъ принимаетъ Господь... Но гдѣ тутъ красота отдачи Христу всей свѣжести своихъ чувствъ и силъ, гдѣ та жертва, къ которой когда-то Христосъ звалъ богатаго юношу, и отъ которой тотъ отказался?

Есть путь еще болѣе дальній. Нѣкоторые бросаются въ иночество уже тогда, когда все земное имъ измѣнило, когда надвинулось неисцѣлимое одиночество. И идутъ наудачу, что, можетъ быть, углубленіе въ міръ религіи наполнитъ имъ душу.

Тутъ, конечно, любви къ Богу еще меньше.

Кромѣ этого чувства любви, какъ побужденія къ монашеству, есть еще слѣдующія идейныя его основы.

Есть двѣ глубоко интимныя, деликатнѣйшія и великодушнѣйшія причины, которыя могутъ увести отъ міра совѣстливаго, вдумчиваго и тонко-чувствующаго человѣка.

Причины эти въ личной, такъ сказать, близости, въ чуткой внимательности человѣка ко Христу и къ человѣчеству.

Многіе ли изъ вѣрующихъ, изъ считающихъ себя вѣрующими, имѣютъ ко Христу личное отношеніе? Многіе ли продумывали въ себѣ всю Его жизнь, до боли почувствовали, до слезъ, до оцѣпенѣнія, всю тяжесть того, что совершено для каждаго изъ насъ этимъ воплотившимся Богомъ?

Помнимъ что-то о страданіи при Понтійскомъ Пилатѣ, выстаиваемъ кое-какъ «двѣнадцать евангелій», весело несемъ домой горящую «четверговую свѣчу». Но кто вмѣстилъ, прочувствовалъ и застылъ въ созерцаніи? Кто испыталъ жалость къ этому странничеству по зною и пыли, къ этому короткому, но пронзающему признанію: «Сынъ Человѣческій не имѣетъ, гдѣ главы подклонить».

А страшное моленіе «до кроваваго пота» въ саду Геѳсиманскомъ, а преданіе, заушеніе «трости надломанной не преломившаго», терновый вѣнецъ, и, наконецъ, Голгоѳа и звукъ молота, пробивающаго гвозди чрезъ распростертыя за насъ руки...

— За меня, за меня!—вопитъ, терзается сердце, поражен-

ное навсегда этою міровою минутою, и клянется отъ этого креста не отойти.

И вотъ, молодые патриціи бросаютъ дворцы и должности: «съ Тобой въ нищетѣ, съ Тобой безпріютнымъ, гонимымъ».

Осудили вы человѣка, который, потерявъ существо, наполнявшее всю его жизнь, весь ушелъ въ свою скорбь... Такъ и они...

Христосъ на крестѣ: все тутъ сказано...

Жизнь зоветъ могучими призывами... Мраморныя виллы, теплыя синія волны моря, ласковый вѣтеръ въ темной густой зелени лавровъ, въ благоуханіи бѣлыхъ цвѣтовъ померанца... Но «Христосъ на крестѣ»... И—не надо, ничего не надо!..

Тихія картины семейнаго счастья... любимая, вѣрная жена, растущія дѣти, домашній уютъ; хозяйство и предпріятія для обогащенія... Но «Христосъ распятъ»... И меркнетъ все въ свѣтѣ Голгоѳы... Только одна она освѣщена страшнымъ свѣтомъ, и нельзя оторвать отъ нея глазъ...

Государство, народъ... Общественныя задачи... Вліятельныя должности... А Онъ одинъ, оставленный на крестѣ... Нѣтъ уже, съ Нимъ, не отходя, ловя послѣдніе крики «жажду» изъ запекшихся устъ, ожидая послѣдняго вздоха съ «преклоненіемъ главы».

Царство мысли, постиженіе міра, углубленіе въ природу и чудеса искусства—захватывающая широта человѣческой мысли и чувства... И Его зовъ: «Кто жаждетъ, пусть придетъ ко Мнѣ и пьетъ!». О, пусть одинъ Онъ, только одинъ поитъ изъ Своихъ рукъ водой живой... Все другое не будетъ вѣдь чище и слаще этой Его воды.

Да, охваченные жаждой, страстью (беру это слово за неимѣніемъ другого, болѣе подходящаго) къ небесному, люди просто теряютъ вкусъ къ земному.

Вѣдь вы не утѣшите комфортомъ средняго обывателя, который показался бы верхомъ благополучія для чернорабочаго, не утѣшите имъ разорившагося милліардера. Такъ блѣдно, ничтожно все земное для того, чья душа хранитъ смутныя воспоминанія и ясныя предчувствія иной, освѣщаемой незаходимымъ солнцемъ вѣчности, жизни.

Я зналъ одного рано умершаго, даровитаго, прекрасно судьбою обставленнаго человѣка, тонкаго цѣнителя пріятныхъ сторонъ земной жизни, любознательнаго, много испытавшаго и поѣздившаго, знатока искусствъ. Была выставка въ Америкѣ, куда онъ долженъ былъ ѣхать, чтобы потомъ пробраться въ Южную Америку, чудеса которой давно его манили къ себѣ. Тутъ онъ услыхалъ объ одномъ запутанномъ несчастьи большой

семьи, и деньги для поѣздки пошли на эту семью. По-человѣчески ему было тяжело и жаль. Но разъ онъ мнѣ сказалъ:

— Какъ мы глупы и нетерпѣливы... Неужели я въ будущей жизни не увижу вещей интереснѣе, чѣмъ какой-нибудь Нью-Іоркъ или чудеса Бразиліи?

Онъ ужасно увлекался музыкой,—поклонялся операмъ Вагнера, и говорилъ: «Мнѣ кажется, въ небесныхъ сферахъ музыка похожа на его музыку... Я слышалъ разъ во снѣ... Летѣли ангелы и пѣли... Звуки колыхались и были просты и величественны, полны удовлетворенія и счастья... Я разобралъ часть словъ: «Боже Спасителю ихъ, Боже Спасителю нашъ».

Я видѣлъ его умирающимъ; и онъ весь трепеталъ отъ радости ожидаемаго загробнаго счастья.

Вотъ, людей этого склада, для которыхъ небо реальнѣе земной дѣйствительности, которые прозрѣваютъ будущее бытіе съ наивностью невинныхъ дѣтей и съ мудростью змѣиной, какъ вы привяжете, чѣмъ прикуете ихъ къ землѣ? Какъ скажете имъ: «Бросьте ваши паренія и разсыпайтесь по землѣ». И имѣете ли вы право имъ это сказать!

Они идутъ, еле касаясь земли, къ завѣтной мечтѣ.

Состраданіе Христу въ благодарной и преданной душѣ вызываетъ желаніе—не только посвятить Ему себя, но и страдать съ Нимъ.

Въ этомъ объясненіе того элемента вольной муки, которою томятъ себя истинные иноки.

Понятенъ постъ для молодого инока, умерщвляющаго въ себѣ страсти.

Но какъ и чѣмъ объяснить себѣ такое томленіе голодомъ и жаждою семидесятилѣтняго, какъ старецъ Серафимъ, подвижника... Этотъ невѣроятный образъ сна, который онъ изобрѣлъ для себя въ послѣдніе годы жизни и на который безъ ужаса смотрѣть было невозможно (онъ становился на колѣни и забывался, опустивъ голову на руки, опираясь локтями въ землю) этотъ тяжелый мѣшокъ, набитый камнями, который онъ, со своими больными, въ ранахъ, ногами, носилъ постоянно на спинѣ: къ чему это терзаніе, когда страсти давно умерли, и человѣкъ уже въ равноангельскомъ состояніи?

Потому что пораженное мукою Христовою сердце требуетъ и себѣ муки и въ этой мукѣ находитъ утоленіе той боли, которую причиняетъ ему страданіе Распятаго... Всегда привязчивое, вѣрное сердце искало раздѣлить участь любимаго существа, и въ страданіи съ нимъ вмѣстѣ находило своеобразное счастье.

«На Тебѣ тернъ, и я въ мукахъ—шептали, быть можетъ, губы старца Серафима Христу...—Ты бичеванъ, и я въ ранахъ этимъ страданіемъ съ Тобою утѣшаюсь; и, съ распаленіемъ любви къ Тебѣ, распаляю и ожесточаю страданіе мое. И на вершинѣ его нахожу вершину счастья».

Вотъ, эта нѣжность въ чувствахъ къ Богу, съ сознаніемъ, чѣмъ Христу человѣкъ обязанъ, желаніе участвовать въ мукѣ Христовой и невозможность насытить свою душу элементами земного счастья и составляетъ у истинныхъ монаховъ «высокаго полета» причины отверженія ими міра...

Остается еще ихъ отношеніе къ людямъ.

Разница въ положеніи людей: несмѣтныя богатства, безъ усилій доставшіяся однимъ, и кровавая борьба другихъ за насущный кусокъ хлѣба, конечно, глубоко тревожитъ всякаго совѣстливаго человѣка и не позволяетъ ему пользоваться спокойно его достаткомъ.

Но все это поводы, а главная причина все же одна: незагасимая жажда Бога, то непреодолимое стремленіе къ вѣчному Солнцу, съ какимъ подсолнечникъ поворачиваетъ къ видимому солнцу свою головку.

Не всѣ сразу отдаются этому призванію.

Многіе раньше платятъ міру щедрую дань, и когда зло міра, ими познанное до глубины, омерзѣетъ имъ, и они примутся за подвигъ,—міръ начинаетъ кричать:

«Знаемъ его — онъ хуже насъ.—Чтоже теперь святошествуетъ?».

Нѣтъ, онъ лучше васъ. Оставьте его. Въ васъ не горѣлъ этотъ огонь духовный, испепелившій въ немъ, наконецъ, его могучія страсти.

Вы не знали его тяжелой борьбы и его молитвы и не слышали воплей его къ Богу.

Да и что знаемъ мы вообще объ этой порѣ жизни, когда начинается подвигъ, и человѣкъ затворяется со своимъ Христомъ въ тайной кельѣ?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

По мѣрѣ силъ и умѣнія авторъ въ этой книгѣ набросалъ нетвердою рукой очерки жизни христіанской.

Здѣсь часто приводились для уясненія тѣхъ или иныхъ положеній примѣры изъ жизни. И нѣкоторымъ могло казаться непонятнымъ—зачѣмъ на ряду съ примѣрами изъ житій святыхъ говорить о простыхъ людяхъ и ихъ житейскихъ дѣлахъ.

Но вѣдь всякій малѣйшій поступокъ нашъ имѣетъ и для духовной жизни несомнѣнное значеніе, усиливая или ослабляя нашъ духъ, утверждая насъ на пути христіанскомъ или совлекая съ этого пути.

И наше внутреннее состояніе всегда выражается вовнѣ поступками, которые являются прямымъ слѣдствіемъ того или другого настроенія.

Мы слишкомъ ограничиваемъ въ понятіяхъ своихъ область религіознаго.

Эта область не въ томъ только одномъ, чтобы соблюдать внѣшнія предписанія церковной религіозности, но, еще главнѣе, въ томъ, чтобъ жить по Божьи.

Предъ нами прошли длинные ряды людей, воплотившихъ въ себѣ завѣты Христовы, довершивъ въ себѣ развитіе той или иной добродѣтели до послѣдняго ея выраженія.

И они говорятъ намъ: «Смотрите на насъ: развѣ трудно служить Богу! Только начать—и первое усиліе сдѣлаетъ уже болѣе легкимъ второе. И обаяніе міра меркнетъ для того, кто вкусилъ сладости христіанской жизни, и человѣкъ этотъ уходитъ все дальше, во все уширяющееся и углубляющееся счастье духа. И какъ бы хотѣли мы, чтобъ вы пошли за нами—къ тому же Христу, къ тому же, отъ Него истекающему, счастью».

И эта книга имѣла главною цѣлью—возбудить въ людяхъ бодрость и надежды.

Христіанство не берется изъ жизни сдѣлать рай, но оно даетъ такія обѣщанія, исполнившіяся на многихъ людяхъ, что съ ними легко и въ земномъ адѣ.

Пусть благословляетъ Бога тотъ, кого Богъ взыскалъ и мірскимъ счастьемъ. Но, рядомъ съ Никитинскимъ «дѣдомъ», который

За скорби славитъ Бога,
Божіе дитя—

пусть и за горе благодарятъ Бога тѣ, кого Онъ испытываетъ.

Что горе, что мука, что лишенія, когда все должно быть залито невыразимою радостью будущаго вѣка!

Не смотрите на землю, не высчитывайте, чѣмъ она колетъ и обижаетъ васъ.

Смотрите въ небо.

Тамъ—и родина, и вѣчное жилище.

Тамъ исполненіе всего, о чемъ мечтали и что выше всякой мечты.

Тамъ—искупившій насъ и побѣждающій Христосъ!

Е. Поселянинъ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 3

КНИГА ПЕРВАЯ.

Вѣра и пути къ вѣрѣ.

Глава I. Душа — христіанка 7
Глава II. Область вѣры. Ея суженіе и расширеніе 16
Глава III. Воспитаніе вѣры 31
Глава IV. Проповѣдь вѣры 56
Глава V. Исповѣданіе вѣры 67
Глава VI. Обращеніе къ Богу 100

КНИГА ВТОРАЯ.

Міръ вѣры.

Глава I. Внѣшнія проявленія вѣры 133
Глава II. Почитаніе святыхъ 181
Глава III. Объ ангелахъ и демонахъ 217
Глава IV. О постѣ и милостынѣ 223
Глава V. Объ участіи въ жизни церкви и о церковныхъ праздникахъ . . . 257
Глава VI. О молитвѣ 277
Глава VII. Св. Таинства 304

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Жизнь по Христу.

Глава I. Картины христіанской жизни 335
Глава II. День христіанина 356
Глава III. Отношенія человѣка къ Богу 371
Глава IV. Объ отношеніи къ людямъ 377
Глава V. О тишинѣ духа и христіанскомъ веселіи 403
Глава VI. Правда, искренность, скромность и тайна жизни, чистота . . . 421

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Времена жизни. Высшія ступени христіанства.

Глава I. Времена жизни 441
Глава II. Семья 453
Глава III. Вечеръ и закатъ 469
Глава IV. Высшіе пути жизни 482
Заключеніе 492

1 AGT 1919